

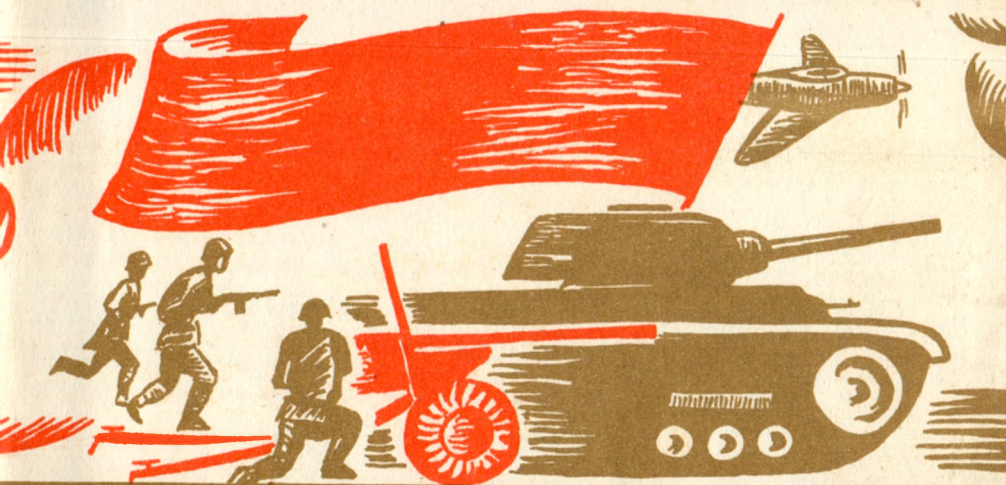

ИССА
ПЛИЕВ

ДОРОГАМИ ВОИНЫ

И. А. ПЛИЕВ

ГЕНЕРАЛ АРМИИ,
ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
И ГЕРОЙ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИР“
ОРДЖОНИКИДЗЕ • 1973

9(С)27
П 38

П 38 **Плиев И. А.**
Дорогами войны. Орджоникидзе, «Ир», 1973.
552 с. с илл.

П $\frac{1122-41}{M131(03)-73}$ 4-73.

9(С)27.

ИССА АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛИЕВ
ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Редактор А. Т. Голиева. Художник Б. П. Гассиев.
Художественный редактор У. Н. Кануков.
Технический редактор С. Х. Гутиева.
Корректоры Т. А. Кайтукова, К. М. Кодзаева.
Наборщик С. Б. Дзгоева. Печатник С. Т. Коцоев.

Сдано в набор 7-VI-1973 г. Подписано в печать 7-IX-1973 г. Формат бум. 60x84 $\frac{1}{16}$.
Печ. л. 34,5 + 1,625 (вкл.). Усл. печ. л. 32,09 + 1,51 (вкл.). Учетно-изд. л. 30,97 + 1,1 (вкл.).
Тираж 7500 экз. (2-й завод 40001-75000). Зак. № 1618. Изд. № 41. Цена 1 руб. 13 коп.
Бум. тип. №3

Книжное издательство Управления по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли Совета Министров СО АССР, г. Орджоникидзе, ул. Димитрова, 2.
Книжная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли Совета Министров СО АССР, г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.

© Издательство «Ир», Орджоникидзе, 1973 г.

**РАЗГРОМ
«АРМИИ
МСТИТЕЛЕЙ»**

**СЛАВНЫМ ВОИНАМ 1-й ГВАРДЕЙСКОЙ
КОННО-МЕХАНИЗИРОВАННОЙ ГРУППЫ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОСВЯЩАЮ,
ЧЕЙ НЕМЕРКНУЩИЙ БОЕВОЙ ПОДВИГ
БУДУТ ВЕЧНО ПОМНИТЬ БЛАГОДАРНЫЕ
ПОТОМКИ.**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Словно осенний туман, скрадывающий в степи очертания предметов, время окутывает в человеческой памяти дымкой забвения лица и события, и чем дальше уходят годы, тем труднее воссоздавать живые картины минувшего, зачастую столь дорогого и важного в истории людских поколений...

Каким же неоценимым и значительным становится тогда свидетельство современника, прямого участника великих событий, оставляющего для потомков страницы пережитого.

Об Отечественной войне нашего народа против гитлеровских захватчиков генералы и офицеры Советской Армии написали много хороших, правдивых книг. Эти книги-документы, запечатлевшие неисчислимые подвиги славных воинов советской земли, имеют огромное значение для будущих историков, для художников, для юношей, вступающих в жизнь.

К числу таких ценнейших книг-документов принадлежит и предлагаемая вниманию читателей книга дважды Героя Советского Союза генерала армии И. А. Плиева «Разгром «армии мстителей».

Как известно, после потрясающего, невиданного в истории поражения 6-й немецко-фашистской армии под Сталинградом и пленения ее командующего фельдмаршала Паулюса Гитлер заявил о том, что «бессмертная» 6-я армия будет «жить и сражаться». Ее номер фюрер присвоил оперативной группе войск генерал-полковника Холлидта. Эта вновь созданная 6-я армия была патетически названа «армией мстителей» и в начале 1943 года заняла оборону по реке Миус, близ Таганрога.

И. А. Плиев, вскоре назначенный командующим конно-механизированной группой, сражавшейся против войск генерала Холлидта, посвятил свою книгу боям на Днепре, Южном Буге и Днестре под городами Новый Буг, Раздельная и Одесса.

В этих боях «возрожденная» Гитлером 6-я «армия мстителей» была разгромлена советскими войсками, а ее остатки бежали на запад.

Автора книги, генерала Исса Александровича Плиева, мне не раз доводилось встречать на фронте в 1943—1944 годах. Безудержно храбрый, энергичный и инициативный командующий, он принадлежит к той славной плеяде советских генералов-героев, чьи имена широко известны в нашей стране и читаемы народом.

Несмотря на то, что книга И. А. Плиева написана в чисто «военном» стиле, строго и лаконично, она будет охотно прочитана не только солдатами и офицерами, но и массой читателей.

Особенно хотелось бы рекомендовать такие книги нашей молодежи,— они учат отваге, смелости, воинской стойкости и — самое главное — воспитывают преданность и неизбывную любовь к родной советской земле.

**Станица Кочетовская
на Дону**

В и т а л и й З а к р у т к и н

часть 1

В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

Густые сумерки обволакивают израненную бомбами и снарядами Таврическую степь. По дорогам бредут толпы женщин, стариков и детей с дорожными торбами и посохами. Они возвращаются в разграбленные и растерзанные фашистами родные хутора и села, чтобы возродить жизнь Северной Таврии.

— Далеко еще до Агаймана? — спрашивает офицер у встречной женщины, хотя у самого на коленях лежит топокарта.

— Сейчас будет Нижняя Торгаевка, а там рукой подать.

— Степь — не горы. Руку подашь, а зацепиться не за что, — вставляет шофер.

— Так то ж на безлюдье. А теперь вон вся Северная Таврия военным людом да беженцами забита.

Северная Таврия. Какая она хмурая, беспокойная... Это, видимо, потому, что с давних времен у нее складывалась нелегкая судьба. В народе издавна хранится легенда о том, что в далекие времена властелин Крыма хан Менгли Гирей, собравшись «погулять» за перешейками, натянул поверх стеганого кафтана свою лучшую кольчугу, надел халат на собольем меху, пристегнул к поясу кривую саблю и выехал на берег Сиваша. Он обмакнул в воде свои сафьяновые сапоги — по древнему поверью это приносило удачу в походе, — вскочил на коня и устремился со своей многочисленной ордой через перешеек на север, на плодородные поля Украины. Всадники в широченных шароварах и коротких рубашках мчались, сливаясь с шеями коней. Над их черными головами поблескивали

кривые сабли. И наполнилась степь заревом горящих сел, трупами убитых, стонами раненых, плачем обездоленных. Ислам звал к истреблению гяуров.

Тяжко стонала степь Северной Таврии под копытами диких орд. Она иссохла, посерела, обезлюдела. Возвращаясь в Крым с богатой добычей, Менгли Гирей вновь остановился на берегу Сиваша. Он вынул саблю и стал рубить ею воду, смывая людскую кровь. Раны, нанесенные Сивашу, начали гнить. С тех пор и стали называть его «Гнилым морем»...

Мысли унесли меня куда-то далеко в историю, и я не заметил, как мы чуть было не налетели на повозку. «Виллис» резко повернул влево и запрыгал по целине. Мы проехали в «голову» обоза и остановились. Подбежал офицер и хотя трудно было определить, кто мы, на всякий случай доложил:

— Командир взвода транспортной роты лейтенант (он назвал свою фамилию).

Обоз этот, оказывается, из-под самого Мелитополя ищет «хозяйство Машталлера». Такие блуждающие тыловые подразделения встречались нам и раньше.

— Почему отстали от части? — спросил я.

— Порядки у нас, товарищ генерал, извините, как в татарской орде,—запальчиво вырвалось у лейтенанта,—узнаем, куда наши наступают, смешно сказать, от местных жителей.

Настроение невольно испортилось. Действительно, корпус успел прорваться к Перекопу и уже отведен в резерв, а по степи всё еще блуждают отставшие подразделения.

Стало понятно многое из последнего разговора с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским. Он подчеркнул, что 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус преследуют неудачи. Сущность их в слабости управления.

— Мы решили,—сказал тогда Маршал,—заменить комкора. Кроме того, предполагается на базе этого в общем-то боевого корпуса вновь создать конно-механизированную группу фронта.

Причины неудач мне действительно были известны. О них можно было бы сейчас и не говорить, если бы дело касалось только генерала Кириченко. К сожалению, в начале 1943 года у нас не сложился еще достаточно твердый и правильный взгляд на использование подвижных соединений, в том числе кавалерийских дивизий и корпусов в наступательных операциях. Существовали разные мнения, основанные на личном опыте того или иного командующего или штаба.

Известен такой случай. После разгрома Таганрогской группировки противника войска 4-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника Толбухина перешли к преследованию. 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу Толбухин поставил задачу с весьма решительными целями: прорваться в оперативный тыл врага, разгромить его подходящие резервы, отрезать пути отхода и так далее. Но корпус, к сожалению, не смог выполнить этих задач.

В силу того, что от успешных действий корпуса зависело многое в развитии фронтовой операции, командующий фронтом неоднократно обращал внимание комкора на недопустимость таких несвойственных подвижному корпусу действий. Но положение дел не улучшалось. Днем 15 сентября на командный пункт генерала Кириченко в село Вишевский приехал представитель Ставки Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Василевский. Он изучил причины неудач корпуса и пришел к выводу, что они кроются в отсутствии достаточно волевого и решительного управления.¹

— Не вижу тенденции к стремительным и дерзким действиям, — сказал он, делая ударение на слове «стремительный».

Позже, точнее, 23 сентября, когда корпус был выведен в резерв фронта, мне пришлось присутствовать на разборе боевых действий 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. Оценка, которую дал комкор своей группе, была явно необъективной.

— Молодцы мои казаки-гвардейцы! — громко заключил он разбор. — Передайте, что они показали лихую казачью удалость в бою и доблестно выполнили мой приказ.

Пришлось собраться в узком кругу для нового разбора и побеседовать по душам. Я сказал, что Маршалы Советского Союза Буденный и Василевский поручили мне передать их недовольство действиями корпуса. Дело, конечно, не в казаках, они дрались действительно отважно, смело и беспощадно, но решительных боев было все же мало. У подвижной группы не наблюдалось стремления к прорыву в оперативный тыл противника.

Во время этих боев у командира корпуса находился представитель Главного штаба кавалерии полковник Терещенко. Присутствовал он и на разборе. О своих впечатлениях Тере-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 38 707, д. 2, л. 6.

щенко написал Маршалу Советского Союза Буденному и привел слова командира корпуса, которые во многом объясняют причины некоторых неудач.

«Время оперативных рейдов миновало. Такие рейды опасны и ведут к гибели кавалерийских соединений. Правильно я говорю?»— обратился он к начальнику штаба корпуса генералу Пичугину, стремясь найти у него поддержку. Николай Андреевич промолчал. Комкор понял это по-своему и снова повторил: «Знаю я, как в таких рейдах погибали корпуса».¹

Наша беседа была непродолжительной. Мне казалось, что командир корпуса понял неверность своих взглядов, но, к сожалению, у него было не ложное убеждение, а ошибочный взгляд. Он даже запальчиво заявил: «В новой операции вырвусь вперед и не буду ни о чем доносить». В своем докладе Терещенко привел эти слова комкора, прокомментировав их так: «Звучало это как обида за те указания, которые сделал Маршал Советского Союза Василевский в своей директиве».

Мнение, что время оперативных рейдов теперь миновало, бытовало в начале 1943 года среди некоторой части кавалерийских командиров. Разные взгляды на использование кавалерии существовали и в высших штабах. Предполагалось, например, преобразовать кавалерийские корпуса в легкие конно-стрелковые соединения. В защиту выдвигались такие доводы: «редкое применение атак в конном строю; хронический некомплект и низкое качество конного состава; трудности зернофуражного снабжения кавалерии; значительный расход бойцов сабельных частей для несения службы консводов и т. д.».² Разумеется, если бы восторжествовала эта точка зрения, время рейдовых операций подвижных войск действительно миновало бы.

А отдельные товарищи придерживались в то время иного мнения. Они были убежденными сторонниками кавалерии в чистом виде. «Кавалерийские дивизии и корпуса без разных комбинаций,— утверждали они.— Конечно, кавалерийские соединения необходимо усиливать танками, артиллерией и другими боевыми средствами, чтобы придать им достаточную огневую и ударную силу, но это лишь средства усиления. Точ-

¹ Архив МО СССР, ф. 6/н, оп. 67 330, д. 13, л. 40—44.

² Там же, л. 8—9.

но так же, как насыщается средствами усиления пехота, однако от этого она не перестает быть пехотой».

Стремясь убедить Ставку Верховного Главного командования в необходимости сохранить кавалерию в чистом виде, сторонники такого взгляда преувеличивали ее роль. «Кавалерийские корпуса,— говорили они,— сыграли решающую роль в разгроме немцев под Москвой, Сталинградом, на Северном Кавказе и на Левобережной Украине».¹

Создание конно-механизированных групп, куда бы входили кавалерийские, танковые и механизированные корпуса, поддерживаемые авиацией,— таково было третье направление. В действии подобных конно-механизированных групп имелся и некоторый опыт.

Один из наиболее широких экспериментов, на мой взгляд, был проведен при освобождении Северного Кавказа. 6 января 1943 года Ставка приказала командующему Северной группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанту И. И. Масленникову объединить 4-й Кубанский, 5-й Донской кавалерийские корпуса и несколько танковых полков в конно-механизированную группу. Ей была поставлена задача прорваться в оперативный тыл противника, овладеть районом Невинномыска, в последующем — Армавиром, и отрезать пути отхода войскам 1-й немецкой танковой армии на Ростов. Командованию группы не удалось организовать тесного взаимодействия между корпусами, войска группы действовали недостаточно энергично и, к сожалению, задача эта выполнена не была.

В дальнейшем, вплоть до выхода к Ростову-на-Дону, характер боевых действий данной группы не изменился.

Военный совет Северной группы войск указал, что «не смотря на ряд требований Военного совета Северной группы и Военного совета фронта о недопустимо медленных темпах движения конно-механизированной группы, положение не улучшается. Уже одно то, что пехота 44-й армии не только догнала конницу, но и перегнала ее, является ярким показателем «стремительных действий» гвардейских казачьих кавалерийских корпусов...».² Дальше в директиве говорилось о том, что вместо стремительных и решительных действий группа осуществляет тактику «топтанья на месте». «Штабы продол-

¹ Архив МО СССР, ф. 6/н, оп. 67 330, д. 13, л. 8—9.

² Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 8674, д. 1. л. 16.

жают «руководить» войсками, находясь на слишком большом удалении, 30—40 и более километров...».

Говорится об этом вовсе не для того, чтобы дать определенную характеристику командующему конно-механизированной группой. Тут дело не только в нем. Группа была сформирована, но не создан орган ее управления. Его функции принял на себя штаб 4-го гвардейского Кубанского корпуса. Однако у него не было ни достаточного количества технических средств, ни нужного органа управления войсками, ни просто опыта руководства в масштабе армейской группировки.

В этих условиях решающую роль должен был сыграть сам командующий, который, к сожалению, после первых же неудач пришел к выводу, что «время оперативных рейдов миновало».

Стараясь убедить комкора в том, что рейдовые операции не только не изжили себя, но имеют неограниченные возможности и гораздо полнее, чем другие виды боя, отражают диалектику современных наступательных операций, я сказал на совещании:

— Чем больше плотность огня, мощнее ударная сила, тем более подвижными должны быть войска, стремительнее их действия. С прорывом конно-механизированной группы в глубокий оперативный тыл врага открываются возможности к широкому и стремительному маневру, так как там нет столь плотных боевых порядков, как на заранее подготовленных оборонительных рубежах. В свою очередь, разгром резервов, штабов, узлов связи, органов тыла и так далее дезорганизует управление, увеличивает панику в рядах врага, подавляет его моральный дух и волю к сопротивлению.

— Скорее всего наоборот,— возразил командир корпуса,— конно-механизированная группа в оперативном тылу будет подвергаться ударам с фронта, с флангов и с тыла. Ее будет терзать авиация противника. Против нее будут брошены оперативные резервы, чтобы возможно быстрее покончить с нею. Все это не так просто, как вы мыслите.

Его горячо высказанные суждения ничего не опровергли. Более того, в них были явные слабости, которые расшатывали его позицию.

— Войска, которые прорвались в глубокий оперативный тыл врага,— продолжал я развивать свою мысль,— всегда находятся в более выгодном положении, чем войска, у которых

в оперативном тылу оказалась дерзкая, решительная, высокоподвижная, стремительно действующая группировка. Ведь она появляется в тылу тогда, когда фронт противника трещит, когда у него возникает масса угроз. Со всеми угрозами необходимо бороться практически одновременно, иначе каждая из них может быстро перерасти для немцев в бедствие. В этих условиях перед конно-механизированной группой открываются решающие возможности.

В одном из писем в Ставку Маршал Советского Союза Буденный выразил мысль, что «при дальнейшем развитии нашего наступления подвижные войска, в том числе конница, сыграют основную роль в окончательном разгроме врага».¹ В основе своей это была для того времени верная мысль. Но чтобы добиться не просто эффектного, а эффективного использования кавалерии, мы еще во время битвы на Волге, на совещании командиров кавалерийских корпусов и дивизий, которое проводил Маршал Советского Союза С. М. Буденный в одном из пригородных сел Воронежа, где располагался штаб Степного фронта, предлагали вывести кавалерийские корпуса из подчинения командующих армий (3-й гвардейский кавалерийский корпус, которым мне пришлось командовать, входил тогда в состав 21-й армии). Ибо фронт имеет значительно больше возможностей обеспечить ввод подвижных соединений (кавалерийских, танковых, механизированных) в прорыв. А несравненно большая полоса наступления открывает возможности к лучшему использованию основного качества гвардейских кавалерийских корпусов: широкого стремительного маневра в оперативной глубине обороны противника, нанесение внезапных, дерзких ударов по резервам и важнейшим объектам, от захвата и разгрома которых зависит судьба вражеской группировки.

Вокруг этого вопроса в то время шел спор, и лишь 1 мая 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования сообщила командующему фронтом: кавалерийские корпуса из подчинения командующих армий изъять и впредь использовать их как средства фронтового командования для развития успеха и удара по тылам противника на оперативно-важных направлениях.

¹ Архив МО СССР, ф. 6/н, оп. 67 330, д. 13, л. 8—9.

Во всех случаях использования кавалерийских корпусов усиливать их танковыми соединениями, поддерживать их действия авиацией...¹

Следует, однако, сказать, что командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Р. Я. Малиновский предвосхитил это указание. При освобождении Правобережной Украины он использовал нашу конно-механизированную группу как средство фронтового командования, бросая ее в глубокие рейды по оперативным тылам противника. Эти рейдовые операции показали, что, когда учитывается не какая-нибудь одна, пусть даже самая важная сторона или качество кавалерии, а используются все они в их взаимной связи, когда ударная и огневая силы дополняются другими подвижными войсками на моторах и между ними устанавливается тесное, устойчивое взаимодействие; тогда такие подвижные войска обретают новое, более высокое боевое качество. Они способны тогда выполнять любые, самые сложные оперативные задачи.

В те дни нельзя уже было оставлять кавалерию «в чистом виде». Решение комфронта вновь создать конно-механизированную группу, несмотря на неудачный опыт Северной группы войск во время освобождения Северного Кавказа, было смелым и по тому времени разумным решением.

...Погасли последние лучи солнца, когда мы подъехали к селу. У шлагбаума нас остановил часовой. Увидев меня, он отдал честь и добродушно сказал:

— Въезжайте, товарищ генерал.

Мы «въехали» в корпус, с которым не расставались уже до конца войны в Европе.

Командир встретил меня в подавленном настроении. Он должен был сдать корпус и уехать в распоряжение командующего кавалерией Красной Армии.

Утром следующего дня было проведено совещание командного состава всех дивизий, корпусных частей, начальников отделов и служб управления корпуса. Мы со всей откровенностью побеседовали о недостатках последних боев в районе Перекопа.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов в своей книге

¹ Архив МО СССР, ф. 6/н, оп. 67 330, д. 13, л. 18—19.

«Когда гремели пушки» рассказывает об этих боях. Мне хотелось бы дописать несколько строк в эту страницу войны.

Событиям на Перекопе предшествовала удачно проведенная Мелитопольская операция. Особенно хорошо в ней складывалась обстановка на направлении 4-го гвардейского кавкорпуса. Вскоре после прорыва обороны противника перед корпусом появилась свежая 1-я словацкая пехотная дивизия. Немецкое командование давно обратило внимание на то, что ряды ее подозрительно быстро тают при малейшем соприкосновении с советскими войсками. Дивизию занесли в списки неблагонадежных и держали в резерве. Но положение не изменилось. За ней закрепилась даже кличка: «Дивизия — быстро домой». И вот, в силу катастрофически ухудшающейся обстановки командующий 17-й армией генерал Енеке 27 октября 1943 года решил бросить эту чехословацкую дивизию в бой против 4-го гвардейского казачьего корпуса в районе Мелитополя. Если бы немецкое командование не было потрясено своей столь быстро развивающейся трагедией, оно обратило бы внимание, что словаки ринулись в «бой» с необыкновенным желанием, даже с радостью. Генерал Енеке слишком поздно понял свою оплошность. Но он мог бы утешить свое воинское самолюбие тем, что это был промах не военного, а политического характера. Как бы то ни было, 1-я словацкая дивизия в несколько тысяч человек со всем вооружением и боевой техникой добровольно перешла на нашу сторону. Тыловые части дивизии, как в дальнейшем выяснилось, немедленно были переброшены в Кривой Рог, а затем — в Одессу. Об их судьбе будет рассказано ниже. Словацкая дивизия открыла кубанцам путь в оперативный тыл противника. Развивая успех, корпус устремился к Перекопу.

В ночь на 1 ноября разведывательный отряд, возглавляемый начальником разведки 10-й кавалерийской дивизии майором Н. И. Бабаевым, проник на Турецкий вал и организовал круговую оборону. Получив это сообщение, командир дивизии генерал-майор Б. С. Миллеров приказал командиру передового отряда 36-го кавалерийского полка подполковнику С. И. Ориночке развить успех. С передовым отрядом отправился и заместитель командира дивизии полковник П. А. Самодуров.

Сплошные черные тучи заволокли небо, лил холодный осенний дождь. Воспользовавшись темнотой, эскадроны в пешем строю ворвались на Турецкий вал. Одному из взводов 4-го эс-

кадрона удалось блокировать опасно расположенный дот. Командир взвода молодой лейтенант Василий Руденко подполз к амбразуре и удачно метнул в нее противотанковую гранату. Мощный взрыв потряс своды дота. На пути к другому доту Руденко был ранен. В глубине обороны гитлеровцы атаковали и окружили казаков. Случилось так, что 36-й кавалерийский полк с ходу прорвался через вал, и, не останавливаясь, устремился через перешеек. Вслед за ним прошел 183-й артиллерийско-минометный полк. На этом слабо прикрытом участке удачно преодолели Турецкий вал и передовые части 19-го танкового корпуса генерала И. Д. Васильева. Взвод Руденко остался незамеченным и в течение шестнадцати часов вел бой в окружении. Взвод все-таки вырвался из кольца. Но на войне, к сожалению, свирепствует закон фатальной неизбежности потерь. Рассказывать о бое — это значит рассказывать не только о героизме, но и о героической смерти.

Мне вспомнился один из таких рассказов о перешейке. После прорыва во 2-м эскадроне не оказалось пулеметчика Василия Коваля. Позже его нашли убитым у пулемета, в стороне от места прорыва. Выяснилось, что он выдвинулся на эту огневую позицию, чтобы прикрыть свой эскадрон. Немцы дважды пытались контратаковать подразделение, когда оно преодолевало вал. Но каждый раз нарывались на губительный огонь пулемета. Недалеко от него стали рваться снаряды. Ковалю ранило осколком. Он уже собрался сменить огневую позицию, но в это время через Турецкий вал пошел еще какой-то эскадрон. Уходить с этого места сейчас — значило оставить казаков без огневой поддержки. И он остался на месте. Между тем снаряды рвались все ближе и чаще. Было ясно — это верная смерть...

Через вал прорвались танкисты, они захватили поселок колхоза им. Буденного и устремились к Армянску. 36-й кавалерийский полк обошел его с запада и с ходу ворвался на южную окраину. К его северной окраине прорвался один эскадрон 40-го кавалерийского полка. Командовал этим эскадроном старший лейтенант И. В. Герасименко. Сил было явно недостаточно. Взять Армянск — мощный узел сопротивления — не удалось. В дальнейшем 4-й гвардейский кавалерийский корпус не смог быстро подтянуть к перешейку свои главные силы и развить успех. Началось чрезмерно осторожное нащупывание, недостаточно энергичная перегруппировка и т. д. А ведь чистая случайность, как вспоминает Бирюзов, по-

могла позже установить, что на Турецком вале были участки, совершенно не занятые противником. Конский состав 36-го кавполка, испуганный атакой вражеской авиации, устремился вдоль дороги на север и перескочил обратно через вал. Вечером того же дня командующий 51-й армией генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер, войска которого подошли к Перекопу, организовал здесь атаку, успешно захватил этот естественный коридор и надежно закрепил его. Все складывалось, казалось, неплохо. Но медленно, слишком медленно, накапливались силы у Перекопа. Время было упущено, внезапность утрачена. Части, прорвавшиеся к Армянску, понесли серьезные потери. Остатки их с трудом пробились назад через Турецкий вал. Получилось так, что командир конного корпуса поторопился доложить о прорыве в Крым. 2 ноября корпус был выведен в резерв фронта. А на рассвете 3 ноября из-за Турецкого вала с развернутым знаменем прорвался 40-й кавалерийский полк под командованием подполковника Головащенко. Знамя нес казак Миллер. В самых воротах вала он был сражен вражеской пулей. Древко знамени подхватил старший сержант Петр Халтобильный и бросился вперед, увлекая за собой боевые порядки полка.

Через некоторое время стало известно, что передовым частям 10-го стрелкового корпуса удалось перейти через Сиваш и захватить плацдарм на Крымском побережье. Легко представить себе, как шли они по пояс в ледяной соленой воде, увязая в топком, илистом дне, шли в глубокой темноте, не зная, что ждет их у противоположного берега. Ведь это были не времена 1737 года, когда русские войска под командованием фельдмаршала П. П. Ладси, переправляясь через Сиваш вброд, знали, что ночь надежно укрывает их от взора врагов. И даже не 1920 год (кстати, форсирование Сиваша тогда также было осуществлено войсками Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе и также в первых числах ноября), когда ночь все еще не могла в мгновение повесить фонари на всем побережье и встретить хорошо организованным массированным огнем подошедшие к берегу части. В этих условиях любая рана, полученная на Сиваше, значила бы смерть. Но плацдарм был все-таки взят и надежно закреплен.

Когда наступление затухает, каждый приказ соединениям второго эшелона и резерва может означать ввод их в бой с целью развития боевых действий. Поэтому, когда генерал Пичугин доложил, что получено боевое распоряжение начальни-

ка штаба фронта генерал-лейтенанта Бирюзова (это было в середине дня 5 ноября), родилась надежда, что корпус будет введен в бой в районе Перекопа. Нам было приказано под покровом ночи к утру следующего дня сосредоточиться в районе Красная Поляна, Екатериновка, Аскания-Нова.

Рассвет застал нас уже в новом районе. Здесь мы получили телеграмму Маршала Советского Союза С. М. Буденного, в которой он тепло поздравил казаков, офицеров и генералов с 26-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, пожелал приумножить боевую славу советской конницы. Казаки были уверены, что в день великого праздника корпус будет введен в бой на Перекопском перешейке. Мы знали, что обстановка там накаляется. Немцы успели подвести резервы и предприняли бешеные атаки, чтобы заткнуть брешь в своей обороне. Была вполне возможна попытка войск противника прорваться через Перекоп на Херсон. В связи с этим командующий фронтом приказал выбросить в район совхоза «Червоный чабан» одну усиленную кавалерийскую дивизию и занять там жесткую оборону. Этот совхоз расположен при входе в Перекопский перешеек. Было принято решение поднять по тревоге дивизию генерала Головского.

Василий Сергеевич — мой старый сослуживец. Еще в начале войны, когда формировалась на Кубани 50-я кавалерийская дивизия (под Москвой ей было присвоено наименование «3-я гвардейская»), Головской прибыл ко мне на должность командира 37-го кавалерийского полка. В первых же боях в лесах Смоленщины, а точнее, 27 июля 1941 года, полковник Головской при прорыве через большак Борки-Жарковский на реке Межа был тяжело ранен. Я был рад нашей встрече. Он уже генерал, командир дивизии.

Мы договорились, что комдив заедет в штаб корпуса, и мы вместе прорекогносцируем район обороны. Через час Головской был уже у меня. Выехали в моей машине, чтобы в пути посоветоваться и решить необходимые вопросы.

— Имейте в виду, — сказал я Головскому, — войска фронта нацелены на наступление, а не на оборону. При вводе корпуса в прорыв ваша дивизия составит второй эшелон корпуса. Продумайте и разработайте вопросы, исходя из этого варианта. Надо быть все время в полной боевой готовности.

— Приказ на наступление не окажется для нас неожиданным, — заверил Головской.

Комдив говорил спокойно и немногословно, без громких

фраз. На его округленном добродушном лице не было заметно и тени беспокойства и озабоченности, но это только так казалось. Он был из тех командиров дивизий, которые очень надежны в обороне. У него всегда все до конца продумано: каждая складка местности грамотно использована в интересах обороны, каждый танк и самоходка, орудие и миномет, пулемет и автомат, все инженерные заграждения расставлены и оборудованы так, что ничего не улучшишь. Он хорошо и своевременно разгадывает тактические ходы противника и не упустит его оплошности; умело маневрируя своими силами и средствами, смело проводит контратаки. Поэтому-то мой выбор и пал на дивизию Головского.

— Интересное совпадение истории,— будто самому себе сказал Василий Сергеевич.— В 1920 году наши вышли к Крымским перешейкам в последних числах октября. И вот теперь, как по заказу, в это же время.

— Возможно, произойдет еще одно совпадение. Помните, вслед за пехотой 51-й дивизии Блюхера через Перекопский перешеек в прорыв пошла 1-я Конная армия Семена Михайловича Буденного. Мы пойдем по ее пути. Только прорывать будет не 51-я дивизия, а 51-я армия, но все же 51-я.

— Будем надеяться.

Но наши надежды не оправдались. К Перекопу подтягивались войска 51-й армии генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера. В район поселка «Червоный пахарь» прибыла 347-я стрелковая дивизия. Образовалась большая скученность войск в этом районе. Начальник штаба фронта генерал С. С. Бирюзов распорядился перевести 30-ю кавалерийскую дивизию несколько западнее и поставил задачу организовать ее силами оборону побережья от полуострова Карадай до Перекопа. Одновременно мы должны были обеспечивать стык между 51-й армией генерала Я. Г. Крейзера и 2-й гвардейской армией генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова, нацеленной в западном направлении на Херсон.

...В Асканию-Нову, где располагался наш штаб, мы возвратились вечером того же дня. Обремененный заботами, я как-то не сразу обратил внимание на то, что штаб наш расположился в центральной усадьбе знаменитого заповедника. Вспомнил об этом, когда внезапно наткнулись на убитую зебру. На белых полосах, опоясывающих ее округлое плотное тело, были видны пулевые раны, из которых тянулись следы залекшейся крови. Нас поразило, как много было здесь рас-

сеяно по полю убитых животных. В другом месте мы увидели стадо мертвых бизонов.

Вернувшись в штаб, мы пригласили старика — знатока здешних мест.

— Разграбили гитлеровцы Асканию-Нову, — говорил он со слезами на глазах. — Какие племенные самцы были — бизоны, зебры, антилопы, канны, гну голубой, нильгуа, олени-маралы, а какие красавцы пятнистые олени были... Все повывезли, а чего не смогли взять — постреляли. Мало чего осталось. Почитай, всю птицу забили. Одного страуса упустили, так гонялись, гонялись за ним, и все-таки пристрелили. А хряков, так тех били и тут же жрали. Узнал бы Михаил Федорович все это, в гробу перевернулся...

— А кто это. — Михаил Федорович? — спросил кто-то из присутствующих.

Старик удивленно взглянул на него из-под густых бровей и с видом явного превосходства начал:

— В тридцать втором году был создан здесь Всесоюзный научно-исследовательский институт...

— Это вы, папаша, издавна начали, — остановил рассказчика тот же голос. Он хотел сказать еще что-то, но, встретив жесткий взгляд старика, благоразумно смолк. Старик продолжал:

— Михаил Федорович был директор наш, ученый академик, какие не на каждом веку бывают. Его каждый умный человек знает, — недовольным тоном заявил дед и многозначительно поднял брови.

Много интересного рассказал нам старик из Аскании-Новой.

...Не расставаясь с надеждой на предстоящую рейдовую операцию в Крыму, мы торопились быстрее привести части и соединения, как говорили тогда, в полный боевой порядок. Но нашим надеждам и на этот раз не суждено было осуществиться. Дело в том, что на Никопольском плацдарме противника были обнаружены новые соединения.¹

Полагая, что немецкое командование готовит операцию для оказания помощи своим войскам в Крыму, командующий

¹. К 12 ноября немцы имели на Никопольском плацдарме 302-ю, 335-ю, 258-ю, 79-ю, 73-ю, 111-ю, 370-ю танковые дивизии, 3-ю горнострелковую и 24-ю танковую дивизии (Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 30 000, д. 310, л. 45).

фронтом, наряду с подготовкой к дальнейшему наступлению, решил укрепить оборону. 12 ноября генерал С. С. Бирюзов передал боевое распоряжение, согласно которому наш корпус, кроме дивизии генерала Головского, должен был создать «жесткую, глубоко эшелонированную противотанковую оборону на две дивизии по рубежу Новая Орлянка — Веселая Долина—Новая Ретьевика—Ильинка». Этот рубеж проходит несколько севернее, северо-западнее крупного населенного пункта Агайман. Одновременно необходимо было подготовить контрудары в различных направлениях: в сторону Никопольского плацдарма, в общем направлении — один на Новую Рубановку, другой — левее, на Марьинск. Третий контрудар был нацелен на Перекоп.

Утром 14 ноября дивизии приступили к инженерным работам. Но нам удалось закончить лишь работы первой очереди. Около полуночи заместитель начальника штаба фронта полковник Коровиков, находившийся на ВПУ фронта в Агаймане, передал боевое распоряжение генерала Толбухина: «Корпусу к рассвету 15. II. 43 г. сосредоточиться в районе...» (далее следовал перечень целого массива населенных пунктов, расположенных восточнее дороги, идущей от Перекопа к Каховке, примерно на полпути между ними). В конце распоряжения приказывалось иметь в виду в дальнейшем выдвинуться в район Старая Маячка, Большая Копани. Это уже говорило о том, что надвигаются серьезные события. Оба эти пункта расположены километрах в двадцати от Днепра, против города Херсона. Вновь ожила надежда, что мы включаемся в активные боевые действия.

Действительно, обстановка к этому времени в полосе 4-го Украинского фронта складывалась, как говорится, далеко не планово. 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко, 5-я ударная генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева и 28-я армия генерал-лейтенанта А. А. Гречкина продолжали боевые действия, стремясь сбросить войска 6-й армии немцев с Никопольского плацдарма. Но немецко-фашистское командование цепко держалось за Никополь и Кривой Рог. Оно делало все возможное, чтобы сохранить за собой марганцевые и железорудные разработки этого важного экономического района. Никопольский плацдарм играл не только роль щита от ударов с юго-востока. Его, очевидно, планировали использовать для прорыва к Перекопскому перешейку. На всем протяжении от Бельянского до Горностаевки шли напряженные

бои. А на правом крыле фронта вдоль южного берега Днепра, от Горностаевки и до Кинбурнской косы, растянулась оборона 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова и 1-го укрепрайона. Но и на этом участке противник имел два небольших плацдарма. В районе озера Вчерашнее части 4-й горно-стрелковой дивизии немцев удерживали хутора Саги. Они расположены километрах в двух-трех восточнее города Цюрупинска. А на Кинбурнской косе до батальона румын занимали Покровские хутора, вытянувшиеся вдоль Днепровско-Бугского лимана. Но если восточнее Цюрупинска плацдарм мог при определенных условиях обеспечить свое назначение, то на Кинбурнской косе батальон воинства Антонеску, на мой взгляд, просто не успел удрать. Переправиться через более чем десятикилометровый лиман на виду у пулеметов и орудий прямой наводки — дело нелегкое. Тут трудно сказать — румыны удерживают плацдарм или плацдарм удерживает их. Во всяком случае, при наличии такого водного пространства этакий «пяточок» не мог выполнить роли плацдарма.

Для полноты обстановки осталось сказать, что 51-я армия под успешным командованием генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера продолжала боевые действия на Крымских перешейках, подготавливая условия для последующего перехода в наступление. Но чтобы осуществить широкое мощное наступление на Крым, необходимо было (это понимали все) ликвидировать плацдармы на южном берегу Днепра, особенно Николапольский, нависающий над правым флангом и тылом 4-го Украинского фронта.

В условиях этой обстановки противник внезапно выбрасывает десант в районе села Кузьминка (это в десяти километрах от Херсона вниз по течению). Там развернулись напряженные бои. Дивизии корпуса были уже сосредоточены на рубеже населенных пунктов Малая Маячка, Старая Маячка, Большая Копани, а второй эшелон — южнее. Штаб корпуса расположился на небольшой железнодорожной станции Брилевка. Здесь мы получили приказ быть в готовности частью сил корпуса во взаимодействии с войсками 2-й гвардейской армии, в течение 24 августа ликвидировать десант противника.

10-я гвардейская дивизия располагалась ближе к этому району, в крупном населенном пункте Большая Копани, поэтому решено было возложить эту задачу на нее. В голове уже возник план не только столкнуть десант в Днепр, но и на его

плечах форсировать реку и самим захватить плацдарм. С этим намерением направился я к Келегейским хуторам, откуда решил осуществлять управление операцией. Ознакомившись с обстановкой, изложил командиру 10-й гвардейской кавдивизии генерал-майору Миллеру план контрдесантных действий. Сказал, что его будет поддерживать 152-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк майора Костылева.

— Слушаюсь, товарищ генерал, все будет сделано. Один вопрос: какой полк прикажете готовить к форсированию?

— Это вы решайте сами.

— Слушаюсь, товарищ генерал. Свое решение я доложу.

Каждое его слово звучало как-то подчеркнуто отдельно, но в них не чувствовалось привычной армейской твердости.

Все было готово, но наша помощь, к сожалению, не понадобилась. Генерал Я. Г. Крейзер уже успел разделаться с десантом.

Надо сказать, что в результате частых перегруппировок части и дивизии за эти дни изрядно измотались. Казалось бы, невелика Северная Таврия, но каждый километр разбитой, слякотной дороги стоил целых десяти.

Нам была предоставлена возможность доукомплектовать дивизии и хорошо подготовиться к предстоящим операциям. На охране побережья остался усиленный 133-й кавполк и эскадрон 138-го полка.

В эти дни мы серьезно изучили и проанализировали операции, проведенные корпусом со времени прорыва на «Мнус-фронте», и в докладе командующему фронтом вновь поставили вопрос о необходимости создания штатных конно-механизированных групп, управление которыми осуществлялось бы командующими со штабами, укомплектованными по штатам штаба армии.¹ Вскоре мы получили директиву, которую ошибочно восприняли как ответ на наш доклад. В ней говорилось, что в целях единообразия установить для частей и соединений корпуса наименование «4-й гвардейский казачий кавалерийский Кубанский корпус». Такие же ритуалы давались и кавалерийским дивизиям.²

— Вот вам и конно-механизированная группа, — заключил начштаба корпуса, — очевидно, будут создаваться и разви-

¹ Архив МО СССР, ф. гв. мк, оп. 3000, д. 310, л. 43.

² Там же, оп. 20 376, д. 1, л. 3.

ваться танковые и механизированные соединения и объединения, а кавалерия постепенно свертывается.

— Не время свертывать кавалерию,— возразил я,— подвижные войска должны перерасти в качественно новые, примерно по такой формуле: от кавалерии в ее чистом виде к конно-механизированным войскам, а затем к механизированным и танковым соединениям и объединениям. А бурное развитие танковых войск будет подстегивать, ускорять этот процесс.

— Тогда кавалерийские соединения будут подчинены механизированным и утратят самостоятельность, они будут поглощены ими.

— Никто никого не поглотит. Тесно взаимодействуя, они будут дополнять друг друга. Это повысит их огневую и ударную силу, способность к широкому маневру, внутреннюю прочность. Но это должна быть не «физическая смесь», а «химическое соединение». Что касается директивы, надо, чтобы ее зачитали перед строем каждой части. Полковник Карев пусть развернет беседы о боевой истории полков, дивизий, корпуса. Ведь личный состав со времени формирования корпуса значительно изменился.

Следует сказать, что политические отделы корпуса и дивизий, весь политический аппарат, партийные и комсомольские организации хорошо, по-настоящему широко и серьезно развернули пропаганду боевых традиций Кубанского корпуса. В частях было много ветеранов, они-то и были основными хранителями боевых традиций и славы казачьей, истории рождения и боевого пути Кубанского корпуса, а история его была поистине славной.

...В ту осень по-особому золотились пшеничные поля Кубани. Но над ними уже звенели суровые песни войны:

Вставай, Кубань! Народным гневом
Бурли, бушуй, мяться, вскипай.
На смертный бой с врагом скликай
Своих сынов отважных, смелых.
Вставай, Кубань! Кубань, вставай!

Поднимались сыны Дона и Кубани, Ставрополя и Терека на защиту своей Родины. Широко было известно в казачьих полках, как поднялась на бой с вражиной семья старого ка-

зака Грачева Михаила Федосеевича из станицы Родниковской. Было у него шесть сыновей: Василий, Герасим, Иван, Михаил, Петр и Тимофей. Построил он их под густой кроной шелковицы, как для присяги, и говорит:

— Вы есть надежда и защита нашего советского народа и земли нашей. Идите и бейте врага-супостата без жалости, насмерть, а обороняться придется, так и обороняйтесь насмерть. И еще помните: ждем мы вас с матерью всех домой только героями, с отличием. Не было еще в нашем роду Грачевых трусов и не должно быть!

Благословила своих сынов и Акинья Григорьевна. Старый казак несколько дней ходил задумчивый. Чужало женское сердце, к чему это. А когда Федосейч сказал жене: «Не кличу казаку, отцу шестерых сынов, сидеть на печи», Акинья подала мужу уже приготовленный ею немудреный дорожный узел...

Партийные организации станиц, хуторов и аулов развернули формирование казачьих сотен и батарей. Колхозы давали казакам отборных коней, обмундирование. Стекались казачьи сотни в полки и двигались к пунктам формирования. Здесь в марте 1942 года были сформированы 12-я и 13-я кавалерийские дивизии. 30 марта из них образовали 17-й кавалерийский корпус и передали его в подчинение Северо-Кавказского фронта.

В оборонительных боях на Кубани родилась боевая слава кубанских казаков. А после знаменитой Кушевской атаки корпусу и дивизиям Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1942 года были присвоены звания гвардейских. В дальнейшем в состав Кубанского корпуса была введена 30-я Краснознаменная кавалерийская дивизия. Она была сформирована в августе 1941 года и имела большой опыт боев на территории Запорожской и Днепропетровской областей. За эти операции дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Вскоре корпус был усилен новыми частями и соединениями.

В октябре 1942 года 4-й гвардейский кавалерийский корпус был разделен на два корпуса — 4-й гвардейский Кубанский казачий корпус (в него вошли 9-я, 10-я гвардейские и 30-я Краснознаменная кавалерийские дивизии) и 5-й гвардейский Донской казачий корпус (в составе 11-й, 12-й гвардейских и 63-й кавалерийских дивизий). Командиром Донского корпуса был назначен генерал-майор Селиванов.

НА НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В начале января 1944 года на Никопольском плацдарме начались тяжелые бои. Наш корпус был подтянут ближе к линии фронта. Сначала нас информировали об успешном развитии операции, но постепенно складывалось впечатление, что наступление затухает. 19 января командующий фронтом приказал снять 30-ю кавалерийскую дивизию с обороны побережья и сосредоточить ее в районе расположения главных сил корпуса. К этому времени бои на Никопольском плацдарме затихли. Но мы знали, что это затишье подобно паузе между артиллерийскими налетами.

Направление нового удара фронта оставалось прежним — Никопольский плацдарм. Но теперь эта операция должна была осуществляться в теснейшем взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта. Этому благоприятствовало начертание линии фронта. От села Бельное, расположенного на Днестре между Никополем и Запорожьем, она двумя лучами под острым углом направлялась на северо-запад и юго-запад. По плану Ставки войска фронтов Толбухина и Малиновского наносили ряд ударов по сходящимся направлениям. После разгрома Криворожско-Никопольской группировки наступление должно было развиваться на Раздельную, Одессу.

При столь большом пространственном размахе наступления значительное влияние на общий ход боевых действий могла оказывать рейдовая операция крупной группировки подвижных войск. Поэтому мне казалось, что 4-й гвардейский кавалерийский и 4-й гвардейский механизированный корпуса будут, видимо, объединены в конно-механизированную группу фронта.

Но вот на рассвете 31 января на Днестре загремела артиллерийская канонада, где-то севернее с тревожным гулом волнами пронеслись бомбардировщики и истребители. 3-я гвардейская и 5-я ударная армии начали прорыв вражеских укреплений. Во взаимодействии с ними, в общем направлении на Апостолово, двинулась ударная группировка 3-го Украинского фронта. «Может быть, мы нацеливаемся на Крым», — подумалось мне.

В это утро снова потянуло холодным морозящим туманом.

Надо было побывать в десятой гвардейской дивизии, и я решил поехать на своем на редкость великолепном рыжем англо-дончаке. Ему были не страшны бездорожье и распутица. К тому же такие поездки полезны и тем, что под ритмичный ход коня легче думается. Несмотря на утренний холод, грунт не промерз. Из-под копыт летели комья тугой, липкой грязи. То тут, то там виднелись завязшие на дорогах автомашины. Одна из них, тяжело груженная ящиками с боеприпасами, безнадежно застряла в стороне от дороги. Видно, шофер пытался объехать глубокую лужу, но его постигла неудача. Теперь он с остервенением разбрасывал грязь лопатой и во все горло что-то кричал. Я подъехал ближе. Оказывается, во всем были виноваты Гитлер, какие-то три господ бога и еще небесная мать. Бросив под колеса шинель и ватник, он выжал из мотора все лошадиные силы. Автомобиль дергался, дрожал, но не двигался. Шофер выскочил из кабины и взмолился:

— Слушай, родной, дай бурку! Потом отмою, даже лучше будет. Дай, а?

В его голосе звучало такое отчаяние и мольба, что я невольно смахнул бурку с плеч. Он схватил ее и ловко нырнул под кузов. Я отдал повод, и англо-дончак с места перешел в рысь. «Ну, теперь без нас наступление не обойдется», — подумалось мне.

Чтобы развивать операцию по такому бездорожью, нужно сразу же после прорыва провести для начала хотя бы один широкий маневр группой подвижных соединений, чтобы парализовать тылы, сковать и громить оперативные резервы противника. Лучше других в условиях такой невероятной распутицы и бездорожья это может сделать только конно-механизированная группа. Мысль эта казалась столь неопровержимой, что мне представилось: пока я езжу, в штабе уже получено боевое распоряжение о проведении рейдовой операции. Предчувствие не подвело меня. Когда вернулся, в штабе находился генерал армии Толбухин.

Он сидел, грузно навалившись на стол. Хотел было доложить так, как это положено, но Толбухин остановил меня.

— Садись, Исса Александрович.

Я сел. Он протянул через стол руку.

— Здравствуй. Это, чтобы мне не вставать. Чертовски устал.

Его большие выразительные глаза говорили о хорошем расположении духа и еще о крайней усталости. Из тех вопро-

сов, которые задал командующий войсками фронта, мне стало понятно, что в ближайшие дни корпус вводиться в бой не будет. Мелькнула догадка: «Очевидно, корпус будет использован для освобождения Крыма».

Федор Иванович тяжело повернулся, удобно облокотился и пристально посмотрел на меня. Я невольно раскрыл записную книжку.

— Сейчас,— сказал он,— армии генералов Лелюшенко и Цветаева прорвали первую позицию обороны, но впереди предстоят тяжелые бои в Днепровских плавнях. Все хорошо, но вот подвоз боеприпасов находится под срывом. Грязь непролазная. Выделите несколько тысяч верховых коней с выюками для переброски боеприпасов частям Никопольского направления.

Комфронта, сказав это, неожиданно быстро встал, попрощался и вышел. Я проводил его до машины. В течение трёх дней несколько тысяч всадников перебросили необходимое количество боеприпасов. Уже был ликвидирован вражеский плацдарм и освобожден город Никополь, войска 3-го Украинского фронта освободили важнейший железнодорожный узел Апостолово. До нас дошли слухи, что Криворожско-Никопольская группировка немцев почти окружена, остался лишь узкий коридор вдоль Днепра и войска генерала Шлемина вот-вот перекроют его...

Всем своим существом я чувствовал, что дальше нас держать в резерве не могут. И, наконец, настал долгожданный день — в корпус прибыл адъютант Маршала Советского Союза Василевского и вручил мне письмо, в котором он... Впрочем, приведу его полностью. Представитель Ставки писал:

«Дорогой тов. Плиев!

Нужна Ваша помощь.

У тов. Малиновского сложилась исключительно благоприятная обстановка.

Вы со своим корпусом можете сделать большое дело.

Отдал приказ о переброске Вашего корпуса через Никополь в район Апостолово.

С нетерпением ждем Вас здесь.

Примите все меры, чтобы скорее быть.

При расчете марша учтите, чтобы корпус пришел вполне боеспособным.

Переправы у Никополя будут для Вас готовы к 16.2, здесь Вас встретим.

Потребуйте от 4 Укр. фронта все, что Вам необходимо в помощь для организации марша и снабжения.

Сообщите с моим адъютантом Ваши соображения и немедленно выступайте.

Ждем Вас с большими надеждами.

Уважающий Вас

13.2.44 г.

В а с и л е в с к и й . »

На меня нахлынуло восторженно бурное настроение. Я дважды перечитал письмо и попросил офицера передать Маршалу Советского Союза, что корпус в указанный срок прибывает в район сосредоточения в полной боевой готовности.

Ход времени и событий, казалось, значительно ускорился. В эти дни приходилось круглыми сутками работать в дивизиях и корпусных частях, добиваясь их предельной собранности и боевой слаженности, четкого понимания всеми командирами своих задач, словом, всего того, что определяет боеспособность и боевую готовность войск. Но в этих напряженных и по-настоящему боевых делах мы все явственно чувствовали приближение праздника — 26-й годовщины Советской Армии. Накануне его мы получили вести из родных мест — с Дона, Кубани, Ставрополя и всего Северо-Кавказского края. Женщины Осетии прислали казакам посылки. «Нам бы хотелось, — писали они, — чтобы наши скромные подарки попали именно к вам, родные наши воины, чтобы они хоть отчасти могли дать вам представление, как много мы думаем о вас, как стремимся к тому, чтобы облегчить вам трудности суровой боевой жизни». Они писали, что матери видят наши боевые дела в своих материнских переживаниях и снах, девушки — в девичьих мечтах, а старики Осетии — в тяжелых думах.

Пожалуй, ни в одной армии мира не было такой традиции, великой традиции, рожденной в огне войны, — весь народ посылал на фронт безмерно теплые, душевные письма и скромные посылки воинам своей армии. В этом проявлялся глубокий смысл взаимной любви и единства народа и армии страны социализма.

Получили мы весточку и с Кубани, от секретаря Краснодарского краевого комитета партии товарища Селезнева и

председателя крайисполкома товарища Тюляева. Надо было видеть лица казаков, когда им читали это письмо, принятое на слете передовиков сельского хозяйства края. «...Сейчас на Кубани начинается горячая пора весеннего сева. Все — от мала до велика — дружно приступили к этой страде... Вся колхозная Кубань сегодня, в день 26-й годовщины Красной Армии, заверяет вас, боевые земляки, что выполнит свой священный долг перед Родиной и фронтом. Так же, как и вы, дорогие друзья, выполняете свой священный боевой долг. Пусть смело мчатся вперед на запад лихие кони, пусть метко разят ваши пули проклятого врага, пусть казачьи клинки сносят с фашистов их преступные головы!..»

В ночь перед началом выдвижения к Днепру мы с корпусным инженером, инженер-подполковником Прагиным, поехали на Никопольскую переправу, чтобы проверить ее готовность. Здесь уже более суток трудились наши саперные части, восстанавливая разрушенный мост. Трудились героически, под непрерывным огнем вражеской авиации. Зенитно-артиллерийский полк полковника П. С. Оверченко вместе с фронтовыми средствами ПВО, развернутыми у переправы, не успевали остужать стволы, однако немецкие бомбардировщики вносили свои коррективы в плановые сроки работ. Но в конце концов их ловко обманули. Саперы построили низководный мост. Утром прилетели новые эскадрильи вражеских штурмовиков и, по-видимому, были удовлетворены тем, что моста почти нет. Во всяком случае, над переправой в тот день они появлялись уже значительно реже. Командующий артиллерией корпуса полковник Марченко отнес это к заслуге своих зенитчиков, которые действительно в эти дни вели героические бои с вражеской авиацией.

— Отбили мы у них охоту летать здесь,— убежденно сказал он.

Марченко был человеком интересной судьбы. Он уроженец Кубанской станицы Привольная. Весной 1919 года восемнадцатилетним хлопцем подался он в партизанский отряд, а через год начал службу в одной из частей 9-й Кубанской армии. Когда Врангель высадил на Кубани крупные десантные силы под общим командованием генерала Улагая, чтобы поднять «сполох» в казачьих областях и вновь двинуться на Москву (это было в августе — сентябре 1920 года), первой на их пути стала Кавказская кавалерийская дивизия Мейера. Началась жестокая сеча. Казачья удаля Ивана Марченко была замече-

на в бою под станицей Брыньковской, под хутором Степным и под Тимошевской.

Обо всем этом рассказывал нам начальник политотдела полковник Карев. Степан Васильевич умел завладеть вниманием слушателей, а в тот вечер он был в ударе, и мы слушали его с интересом.

— Так вот,— продолжал он свой рассказ,— в те дни, когда настало время вручать партийный билет (его приняли в партию после боев с улагаевцами), Марченко вызвали в политотдел армии...

Не успел Карев закончить фразу, как вдруг послышался нарастающий вой, а в следующее мгновение стены дома вздрогнули, на тело навалилась неприятная тяжесть взрывной волны и придавила к стене. Адский гул до боли сдавил перепонки. Так продолжалось несколько минут. Потом наступила могильная тишина. К счастью, артиллерийский налет не причинил большой беды.

— Вы остановились на том, что Марченко вызвали в политотдел армии,— напомнил я Кареву, слегка оправившись.

— Да, да... в политотдел... партийный билет ему вручал Дмитрий Фурманов... писатель, комиссар... он был начальником политотдела 9-й Кубанской армии...

Беседа уже явно не клеилась. Лишь позже я узнал, что Дмитрий Фурманов командировал Ивана Марченко на учебу в Первую командную школу имени ВЦИК. Когда произошел Кронштадтский мятеж эсеров, школу бросили на его подавление. Курсанты вместе с делегатами X съезда ВКП(б) шли на штурм Кронштадта с косы «Лисий нос» по льду Финского залива. Иван Илларионович был одним из участников этого легендарного штурма.

У каждого человека бывает в жизни такое, что навсегда остается в памяти. Для полковника Марченко это — несение караульной службы в Кремле на посту № 25, самом почетном посту в стране, у квартиры Владимира Ильича Ленина.

Пока мы говорили о Марченко, принесли перехваченную немецкую радиোগрамму.¹ В ней командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал фон Эвальд Клейст передавал генерал-полковнику Холлидту «величайшую похвалу» за то, что «части 6-й армии последние четырнадцать дней в тяжелых

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 2914, д. 238, л. 239.

боях, в условиях непролазной грязи и распутицы совершили почти сверхчеловеческое дело». В обращении к своим войскам Холлидт призывает воспринять похвалу фельдмаршала «как стимул к дальнейшему неустоимому выполнению своего долга».

Этот документ окончательно вернул всем хорошее расположение духа. Оказывается, при наличии богатого воображения и поражение может заслужить «величайшую похвалу». И даже явиться стимулом для «выполнения долга».

Утром 26 февраля меня вызвал генерал армии Р. Я. Малиновский. Он находился на наблюдательном пункте 37-й армии в районе Веселого Кута. Этой армией, только что переданной из состава 2-го Украинского фронта, командовал генерал-лейтенант М. Н. Шарохин. Родион Яковлевич встретил нас приветливо, был в отличном настроении, и его воодушевленность передалась нам.

— Настало время,— сказал Малиновский,— когда мы должны сокрушать не только армии врагов. Очередные стратегические наступательные операции будут ставить на карту судьбы государств-сателлитов.

Такое настроение командующего войсками фронта легко было понять. В его подчинение вступили кроме 37-й, еще три армии (3-я гвардейская, 5-я ударная и 28-я), кроме этого — и наш гвардейский кавалерийский корпус из 3-го Украинского фронта.

Командующий войсками фронта сказал, что готовится крупная стратегическая операция, в результате которой будет завершено освобождение Правобережной Украины, а Румыния Антонеску окажется в тяжелом кризисном положении. В решении этой задачи активная роль возлагалась на подвижные войска. Он повернулся ко мне, и дальнейшие слова я воспринял как приказ:

— Мы объединим усилия четвертого кавалерийского, четвертого механизированного гвардейских корпусов и ряда танковых и других частей усиления под вашим командованием, генерал Плиев.— Командующий подошел к рабочей карте и, указав район за боевыми порядками 8-й гвардейской армии, продолжал: — В прорыв войдете в полосе армии Чуйкова. Вы прорветесь в глубокий оперативный тыл 6-й армии Холлидта, разгромите его оперативные резервы и захватите город Новый Буг. Этим будет достигнут первый этап задачи — рассеяние «армии мстителей» на две части. Затем повернете на юг,

чтобы с захватом Баштанки и Бармашово отрезать пути отхода 6-й немецкой армии на запад, а потом завершить ее окружение. Подробнее эту задачу получите в районе сосредоточения от начштабфронта генерала Корженевича.

Мы были, конечно, рады: наконец традиционно кавалерийская боевая задача — рейд в оперативный тыл врага. Кроме того — в нашу конно-механизированную группу вводилось такое славное боевое соединение, как 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус. Однако наша подвижная группировка была нештатной, а, как известно, всякие временные «крепления» всегда слабее постоянных и при больших нагрузках имеют тенденцию к ослаблению. Управление такой нештатной конно-механизированной группой должно было осуществляться штабом нашего корпуса. На него ложилась весьма дополнительная нагрузка.

Следует иметь в виду, что управлять в рейдовой операции конно-механизированной группой — дело куда более сложное, чем при обычном, планомерном наступлении общевойсковой армии. Поэтому войска, предназначенные для рейдовой операции, должны представлять собой монолит повышенной прочности. Ну, а для этого необходимо было, да и настало время, создавать штатные конно-механизированные группы во главе с хорошо организованным штабом и со своими частями усиления. Я поделился этими мыслями с командующим фронтом. Было приятно узнать, что товарищ Малиновский уже поднимал этот вопрос в Ставке Верховного Главнокомандования. Наша конно-механизированная группа и создавалась как средство фронтового командования. В ее состав вводились два гвардейских корпуса, о которых я уже упоминал, 5-я гвардейская отдельная мотострелковая бригада, несколько отдельных танковых полков и полков самоходной артиллерии, части ПВО и другие средства усиления. Танковые полки 20 февраля уже прибыли и разгрузились на станции Лошкаревка, а затем своим ходом сосредоточились в селе Мало-Воронцовка. Сюда, в район Шолохово, Каменка, Мало-Воронцовка и должен был выдвинуться 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус.

В штабе фронта я узнал некоторые подробности очередного разгрома 6-й немецкой армии. Ей явно не везло. Уничтоженная на Волге и оплаканная в Германии, она вдруг воскресла на Дону. Но у нее появилась ко многому обязывающая приставка — «армия мстителей». Один из пленных офицеров

сказал, что Гитлер лично беседовал с генералом Холлидтом при его назначении на пост командующего армией и сказал: «6-я армия — это армия героев нации, сейчас восстановленная — она есть «армия мстителей». Наименование закрепилось за ней. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы оправдать свое назначение. Возродившись, 6-я армия сразу попала под удар советских войск на Дону. Ее гнали до Днепра и били, как говорится, в хвост и в гриву. А здесь многие ее дивизии были разгромлены вновь. Командир корпуса генерал Максимилиан Фоттер-Пико с ужасом докладывал Холлидту о трагедии четырех февральских дней, в течение которых вверенный ему корпус, по-существу, вновь перестал существовать. А командир 16-й мотострелковой дивизии генерал фон Шверин, обвиненный в самовольном оставлении позиций, признал в своей объяснительной записке: «Над нами витал дух катастрофы. Там, куда они приходили, распространялись паника и ужас». Словом, «мстители» думали не о мщении, им было не до жиру, быть бы живу. Надо, однако, признать, живучесть этой армии была просто удивительной. Отрубленные части восстанавливались тут же, как хвост хамелеона. Гитлер ревностно следил, чтобы 6-я армия жила и действовала.

Нам предстояло иметь с ней дело, поэтому мне было интересно знать, что из себя представляет ее командующий генерал-полковник Холлидт. В высших военных кругах Германии его считали человеком большой силы воли, ясного ума и объективного суждения. В Россию он вошел во главе дивизии, а теперь считался надежным командармом. В штабе группы армий «А» высоко ценили и его начальника штаба генерала Борк. Во всяком случае, Холлидт и Борк блестяще доказали, что могут мужественно переносить трагедии поражения, но для победы их явно не хватало.

Я уже упоминал, что со взятием станции Апостолово 6-я армия немцев попала в тяжелое положение. В Апостолово располагалась ее база снабжения, поэтому потеря этой станции — тяжелая травма оперативного характера. И если Криворожская группировка имела еще возможность свободно совершать «маневр»... в западном направлении, то другая часть «мстителей» оказалась перед угрозой окружения в районе Никополь и Марганец. Войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Малиновского с напряженными боями пробивались к Днепровским плавням, чтобы окон-

чательно перерезать пути отхода оперативной группе «Шернер» на запад (эта группа отошла с Никопольского плацдарма). Дорога, огибающая плавни через хутора Перевизские и село Мартинское, стала рубежом кровопролитных боев. Здесь 11 февраля Холлидт нанес контрудар силами двух танковых и четырех пехотных дивизий. В сложной и ожесточенной маневренной борьбе войска генерала Чуйкова и другие соединения фронта вышли победителем и не допустили прорыва группы Шернера. Но противнику удалось удержать дорогу, и он предпринял отчаянную попытку вывести по ней то, что у него осталось. Когда мы ехали в Веселый Кут и обратно, видели разбросанные по полю следы этого сражения: орудия самых различных калибров, танки, самоходки, автомобили, пулеметы, автоматы, винтовки, — все это разбито и разворочено, и невероятно много трупов — ими усеяна вся степь.

— Кто же вышел через ту горловину, если, на мой взгляд, там полегла чуть ли не целая армия. Во всяком случае боевой техники хватило бы на армию, — сказал я ехавшему с нами начальнику оперативного управления фронта генералу Буренину.

— Немногие, очень немногие. Они выходили небольшими подразделениями и группами.

Другим узловым событием во фронте было освобождение города Кривой Рог. По приказу Верховного Главнокомандующего войска генерала армии Малиновского должны были возможно быстрее (22 февраля) освободить столь важный в экономическом отношении центр. На этот город была нацелена 37-я армия генерал-лейтенанта Шарохина, наступавшая с северо-востока, и 46-я армия генерал-лейтенанта В. В. Глаголева — с востока.

На рассвете 22 февраля они одновременно ворвались в город и по-братски разделили между собой лавры предпраздничной, потому особенно приятной победы.

Сейчас, когда мы беседовали с генералом Бурениным, армии фронта уже подходили к реке Ингулец, и по всему было видно, что прорвать этот рубеж с ходу не удастся. Часть артиллерии и танков завязла в грязи, автотранспорт по бездорожью не обеспечивал доставку боеприпасов, личный состав предельно устал.

Вернулись мы в штаб корпуса уже в Никополь, где он расположился на Привокзальной улице. Около вокзала все было изрыто под противотанковые рвы и траншеи, кругом видне-

лись наспех заложенные кирпичом окна с оставленными амбразурами и окутанные колючей проволокой перекрестки. На улицах стелился дым пожаров.

Работники политотдела то ли 333-й стрелковой дивизии генерала А. М. Головки, то ли 203-й дивизии генерала Г. С. Здановича (они обе почти одновременно ворвались в город) обнаружили немецкие документы, в которых указывалось, что из Никополя вывезено в Германию свыше семи тысяч жителей, и какая-то страшная цифра расстрелянных и заживо погребенных советских людей. Мы были поглощены подготовкой к операции и не имели возможности ни изучить, ни даже осмотреть следы фашистского варварства. Этим, мы знали, занималась специальная комиссия. Но можно было себе представить, если целый рабочий поселок, через который мы проезжали, представлял начисто выгоревшую мертвую зону.

Все соединения и корпусные части расположились в городе и в прилегающих к Никополю населенных пунктах. Вечером следующего дня начальник оперативного управления штаба фронта генерал Буренин передал мне боевое распоряжение командующего войсками фронта такого содержания: «В ночь на 28. 2. 44 года перейти в район Шолоховка, Каменка, Штакер-Каменка». Эта Каменка, в отличие от днепровской, располагается на одноименной реке в шестидесяти километрах к северо-западу от Никополя. Памятна она тем, что именно здесь, на этом рубеже, была разгромлена группировка генерал-лейтенанта фон Шверина. Можно было бы об этом не упоминать, так как тогда мы находились в Северной Таврии, нас здесь не было. Но во время рейда по оперативным тылам 6-й армии Холлидта, где-то у речки Громоклея наши разведчики захватили штабную автомашину, среди многих ценных документов мое внимание привлекло весьма любопытное письмо на восьми страницах. Оно называлось: «Ответ командующему 6-й армии генерал-полковнику Холлидту по вопросу упреков к фон Шверину за преждевременное оставление участка фронта Каменка без борьбы до последних сил».

После перечисления сил, которые обороняли рубеж Каменки, в разделе «руководство боем» фон Шверин вынужден был признать, что, несмотря на стойкость его войск, русские нанесли целый ряд сильных ударов с самых неожиданных направлений. После прорыва на северной окраине Михайловки командир 23-го пехотного полка полковнику Гуде почудилось, что он попал в окружение. Последовал приказ об отходе.

Такой же приказ отдал командир 60-го мотострелкового полка майор Гроллман. Генерал фон Шверин этот раздел заканчивает так: «Ввиду безвыходного положения я полностью одобрил эти приказы». Но боевую технику фон Шверину вывезти не удалось, а орудия 123-го артиллерийского полка пришлось взорвать. Интересно, что генерал так и не нашел солдат тех частей, которые должны были выйти на рубеж села Широкое и занять оборону. О многом еще писал генерал фон Шверин в этом ответе командующему 6-й «армии мстителей» генерал-полковнику Холлидту и, вопреки желанию автора, из письма вытекало, что его группировка была разгромлена благодаря более высокому искусству советских генералов и офицеров, более высокому боевому мастерству воинов, их храбрости и мужеству. Однако генерал не преминул оправдать свои неудачи и «численным превосходством советских войск».

На совещание в Каменку прибыл весь руководящий состав соединений, вошедших в конно-механизированную группу. Необходимо было отдать им предварительное распоряжение, а с некоторыми поближе познакомиться. Командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенант танковых войск Т. И. Танасчишин приехал со своим начальником штаба генерал-майором В. И. Ждановым и начальником политотдела полковником Козловым. Меня радовало, что командование механизированного корпуса хорошо понимало смысл объединения наших корпусов в группу и правильно восприняло организационные изменения в управлении. Генерал Танасчишин коротко доложил о боевом составе и пройденном пути корпуса, сосредоточив внимание на операциях, проведенных под Сталинградом и на Днепре. Боевой состав корпуса нуждался, конечно, в некотором пополнении. Трофим Иванович выразил опасение за колесный транспорт, который, по его мнению, может серьезно увязнуть в грязи.

— Можно считать, что уже увяз,— заметил генерал Жданов.

— Владимир Иванович прав,— согласился Танасчишин,— в мотострелковые части мы уже теперь перевозим вооружение и боеприпасы на трофейных лошадях выюками и на бричках-тавричанках. А что поделаешь?

— Зато сейчас все мотострелковые части имеют в среднем по два боекомплект.

— А танки?

— Тоже два.

— А сколько заправок?

— Около двух.

— Всего этого недостаточно. Надо иметь не меньше четырех заправок, так как в рейдовой операции количество маневров резко возрастает. К тому же сами видите — такая распутица в сто лет один раз бывает.

— Надо сохранить это количество до ввода в прорыв.

Чем больше мы говорили, тем яснее становилось положение дел в корпусе, ярче вырисовывались мероприятия, которые нужно было провести до начала операции. Вот хотя бы с подготовкой к форсированию реки Ингулец. Возможный участок форсирования — южнее села Широкое. Но он требует серьезной разведки.

— Этот вопрос нас не очень беспокоит, — сказал Танасчишин. — К тому же у нас есть в резерве трофейный понтонный парк. А на Ингульце не найдется мест шире ста метров.

— Где этот парк сейчас?

— Грузится на автомашины для переброски к селу Широкому.

— А если его в пути разбомбят?

— Тогда надо что-то придумывать.

— Давайте обсудим это сейчас. Осуществите тщательную инженерную разведку участка реки от Широкого до Ново-Курской. Надо найти броды, удовлетворяющие переброску танков, и оценить существующие переправы. Может быть их можно поправить и усилить.

— Это мы сделаем.

— Приказание на инженерную разведку уже отдано, — доложил генерал Жданов.

— Вот видите, товарищ командующий, дела уже идут, — подхватил комкор.

Что-то в Танасчишине было такое, что не позволяло сложить о нем определенного мнения. Вспомнились слова генерала Ф. К. Корженевича: командир корпуса — опытный, волевой генерал, хороший организатор боя. Но на меня большее впечатление в этой первой встрече произвел начальник штаба генерал Жданов. Высокий, ладно сложенный, он сразу же создавал впечатление человека со стройным образом мыслей, внутренней собранностью и душевной возвышенностью.

Командир 5-й отдельной мотострелковой бригады подполковник Завьялов Николай Иванович доложил, что его бригада готова к операции.

— Можете, товарищ командующий, положиться на нас — бригада не отстанет от кавалерии ни на шаг, — заверил он.

Эта уверенность вызвала у генералов и офицеров кавалерии и мехкорпуса сдержанную улыбку. Однако во всем его облике, в манере держаться было что-то такое, что придавало его словам особую весомость, заставляло верить. И вскоре он доказал, что ни одно слово не было брошено им на ветер. Подвижность этой мотострелковой бригады была просто поразительной. Достигалось это, конечно, за счет «инициативным» образом приобретенного конского состава, бричек-тавричанок и трофейных автомашин.

...Второе весеннее утро. В народе этот день называют днем весеннего равноденствия — «день с ночью равняется», — говорят старые люди. Наш едва ли не самый старший в кавалерии казак Жуков, великий знаток природы, заверял всех:

— Це ж мисяц сухий, березазол. Вид сонциу береза соком нальется, почки выпустить.

Может быть все это и так, только погода распорядилась иначе. Поливал еще далеко не весенний дождь, и повалил уже не зимний, мокрый снег. Это, пожалуй, похуже того и другого. Очень неприятно себя чувствовать, когда вот такую смесь дождя и снега метет в тебя сильный, порывистый степной ветер. Пока я прошел от крыльца до калитки, бурка покрылась слоем мокрого снега. С первого же метра пути стало ясно, что дорога и местность принесут нам много бед.

Село Каменка «нанизано» на одноименную речку (приток Днепра). Пока мы ехали вдоль берега по ее зигзагообразной улице, наш «Виллис» изрядно помотало из стороны в сторону, несколько раз крутануло и, наконец, занесло в такую глубокую слякоть, что мы едва выбрались из нее. Но все это было сущим пустяком в сравнении с тем, что испытали мы по дороге в село Широкое. Ехали мы туда на командный пункт 8-й гвардейской армии, чтобы получить от начальника штаба фронта генерала Ф. К. Корженевича уточненную боевую задачу на рейдовую операцию конно-механизированной группы в глубокий оперативный тыл врага.

ПРОРЫВ

С генералом Корженевичем мы раньше редко встречались, и я с интересом присматривался к нему. Это был человек богатырского телосложения и, как мне казалось, необычайной силы. Его атлетически скроенная фигура покоилась под солидными прослойками «излишеств», которые он не мог сбросить даже в условиях фронтовых нагрузок. Как большинство таких людей — спокоен, внешне нетороплив. Говорил он медленно, логично, убежденно. На его лице никогда не отражались напряжение и опасность боевой обстановки.

Федор Константинович начал с того, что обратил наше внимание на необыкновенную растянутость линии обороны нашего фронта (от Новой Андреевки, лежащей у истоков реки Каменка, до Днепровского лимана), а также на недостаточность сил и материальных ресурсов для прорыва обороны противника на широком фронте и на большую глубину. Решение командующего войсками фронта к этому времени было уже утверждено Ставкой Верховного Главнокомандования.

Штаб фронта располагал относительно полными данными о противостоящей нам 6-й армии немцев. К началу марта она имела семь армейских корпусов. Наиболее плотные боевые порядки были на Ново-Бугском направлении. Здесь оборонялся 57-й танковый корпус, в состав которого были переданы соединения 23-го и 30-го армейских корпусов.

Идея решения командующего войсками фронта на использование конно-механизированной группы в предстоящей наступательной операции была уже известна. Генерал Корженевич сказал, что к утру 3 марта все войска группы должны сосредоточиться в выжидательном районе для ввода в прорыв в полосе 8-й гвардейской армии (он обвел карандашом район, охватывающий населенные пункты Марьенфельд, Охримовку, Андреевку и поселок имени Ворошилова).

В первый же день наступления, после прорыва обороны противника войсками 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова на участке Рудник—Забережье (участок прорыва был относительно невелик — 13 километров) конно-механизированная группа должна была переправиться через Ингулец и войти в прорыв. Дальше устанавливались захватывающие темпы рейдовой операции — к исходу второго дня бое-

вых действий овладеть городом Новый Буг. Затем, резко изменив направление наступления, стремительно развивать успех и на шестой день захватить рубеж ст. Заселье, Бурхановка. Снегиревка, отрезать пути отхода противнику на запад и не допустить подхода его резервов. В короткий срок мы должны были описать крутую дугу длиной более двухсот километров и ударить с запада на восток по главным силам противника. Этот оперативный маневр должен был также повлечь за собой разгром армейских резервов генерал-полковника Холлидта, нарушение управления войсками и работы органов тыла, а также способствовать свертыванию обороны 44-го и 17-го особого назначения армейских корпусов в низовьях Днестра.

Генерал Корженевич высказал мысль, что командование 6-й армии немцев стремится выиграть время для сооружения глубоко эшелонированной обороны по реке Южный Буг.

— Из Германии,— сообщил он,— в полосу нашего фронта непрерывно прибывают маршевые батальоны. Обращает на себя внимание усиление Ново-Бугского направления. Сегодня в районе Шевченко начала разгружаться 3-я танковая дивизия. Юго-восточнее населенного пункта Широкое появилась 3-я горно-стрелковая дивизия. Раньше она отмечалась на Снегиревском направлении. Наконец, установлено, что на рубеже Казанка, Николаевка сосредоточилась 24-я танковая дивизия. Известно, что в Новом Буге находится оперативная группа штаба 6-й армии во главе с самим командармом Холлидтом. Рубеж по реке Ингулец усиленно готовится для долговременной обороны. Пленный из 116-го разведотряда 16-й механизированной дивизии показал, что после трагедии у села Каменка, где дивизия была разгромлена и потеряла много боевой техники и автотранспорта, ее оснастили заново. Прибыло пополнение нового личного состава. Он привел пример: в 60-м и 156-м полках численность достигла свыше тысячи человек в каждом.

Днем 2 марта резко потеплело, начался бурный весенний паводок. Дороги основательно развезло — ни проехать, ни пройти. Чтобы как-то повысить их проходимость, инженерные части углубляли кюветы, делали грязеотводы. Специально оборудованные тракторы сгребали с дороги жидкую грязь в открытые ямы и рвы. Для этой работы на наиболее трудные места направлялись подразделения саперов. Туда возили битый кирпич, шлак, песок, хворост — все, что попадало под ру-

ку. Работали днем и ночью. Но когда дивизия двинулась к реке Ингулец, стало ясно, что прежде чем прорывать линию обороны противника, надо пробиться к ней через пространство глубокой вязкой грязи. Возникла мысль: «А каково же в этих условиях будет в тылу врага? Не уменьшится ли серьезно тактическая подвижность войск? А это как раз то, что нужно для вражеской авиации». Невольно вспомнилось, как Маршал Советского Союза Василевский спросил меня, возможна ли рейдовая операция в глубокий тыл противника в условиях распутицы и бездорожья. Не «засосет» ли она подвижность группы? Что можно ожидать от такого рейда? Я ответил тогда, что бездорожье даст нам значительно больше преимуществ и выгод, чем противнику, а рейдовая операция принесет решающий оперативный успех. Распутица и полное бездорожье снизят тактическую подвижность, скуют силы немцев, не подготовленных еще к крупным передвижениям. Пока они будут, увязая в грязи, пятиться, отбиваясь от чуйковцев и других, конно-механизированная группа, имея значительно большую «силу инерции», сумеет опережать противника в маневре, упреждать в нанесении ударов. Лишь бы наши действия были надежно прикрыты с воздуха. «Об этом мы побеспокоились,— ответил тогда товарищ Василевский,— генерал-полковнику Судец приказано обеспечить боевые действия силами 1-го смешанного авиационного корпуса. Это будет надежная «крыша» от бомбового дождя».

Прочность этой «крыши» решено было усилить путем наибольшего массирования зенитных средств, прикрывающих конно-механизированную группу. С этой целью нам придавалось еще два зенитных полка МЗА¹ 3-й зенитной артиллерийской дивизии и армейский зенитный артиллерийский полк. Следует иметь в виду, что зенитчики имели уже богатый опыт борьбы с танками, поэтому эти средства усиливали и нашу противотанковую мощь.

К утру 3 марта все войска конно-механизированной группы вышли в выжидательный район для ввода в прорыв. К этому времени были отданы предварительные распоряжения, штабы вошли в связь с соединениями 8-й гвардейской армии, наши представители — руководящий командный состав — направились на командные пункты дивизий первого эшелона.

¹ МЗА — малокалиберная зенитная артиллерия.

Для управления конно-механизированной группой был создан за счет штабов корпусов и дивизий немногочисленный аппарат штабных офицеров, который мы называли оперативной группой командующего. С этой опергруппой мы рано утром прибыли в село Широкое на командный пункт генерала Чуйкова, чтобы окончательно согласовать с ним вопросы взаимодействия при вводе конно-механизированной группы в прорыв через боевые порядки 8-й гвардейской армии. К этому времени здесь уже находился генерал Корженевич с офицерами штаба фронта и своей радиостанцией. К моменту нашего приезда генерал Чуйков завершал частичную перегруппировку своих войск.

— Часов в одиннадцать введу в бой 28-й гвардейский корпус, — сказал он, — надо расширить плацдарм, чтобы обеспечить развертывание на нем всех сил и средств армии.

Мы быстро и обстоятельно договорились по вопросам взаимодействия при вводе в прорыв. Конно-механизированной группе было выделено три переправы: у Дар Радевичи, у Андреевки и у Ново-Курской. Особенно подробно мы согласовали задачи артиллерии армии по обеспечению ввода подвижной группы в прорыв. Решено было, что в период развертывания боевых порядков группы артиллерия армии начнет подавление огневых средств в тактической глубине обороны противника. Как только мы двинемся в прорыв, будут поставлены огневые заслоны перед флангами с целью подавления флангового огня и воспрепятствования контратак. Одновременно будет осуществляться борьба с артиллерией противника в полосе ввода в прорыв. Для выполнения этих задач командарм выделял две пушечные артиллерийские бригады и один отдельный полк.

До 5 марта передовые части 8-й гвардейской армии проводили атаку за атакой, преодолевая необыкновенные трудности распутицы и плотный огонь противника, медленно, но уверенно продвигаясь вперед. Наибольший успех был достигнут в районе села Широкое. Но общие результаты боев на плацдарме нас не могли удовлетворить полностью. В связи с этим командующий войсками фронта решил ввести конно-механизированную группу в бой несколько севернее. В записке, которую комфронта прислал мне утром 5 марта, говорилось: «...Вам надо переправляться у Николаевки 1-й и севернее. Можно даже у Широкого — там переправа свободнее. Рассчитывать на переправу у Андреевки и южнее не приходится...

Быстрее переправляйтесь. Думаю, Вам придется идти немного севернее. К утру сообщите, как идет переправа. Все ли подтянуто? Ваши соображения».¹

Это решение в значительной мере облегчило нам организацию переправы. Буквально на ходу через офицеров связи были отданы боевые распоряжения, в которых генерал-лейтенанту Танасчишину, командиру 4-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса, отводились две переправы: у сел Зеленое и Широкое, а 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу с бригадой подполковника Завьялова — у села Дар Радевичи. Уже к 10 часам, когда мы возвращались от генерала Чуйкова, танковые части начали вытягивать в колонны вдоль улиц, направляясь к бродам.

Как и следовало ожидать, трофейный понтонный парк был не полностью и использовать его удалось лишь частично. К этому времени с большим трудом сюда прибуксировали танками лишь автомашины с крайне необходимым имуществом связи. Генерал Танасчишин доложил, что кроме брода, обнаружили дамбу, закрытую водой не более, чем на полметра. По ней можно было переправить автотранспорт. Все три бригады (одна танковая и две механизированные) заканчивают сосредоточение в районе переправы. Остальные бригады переправляются километра четыре севернее, в селе Зеленое.

— Не ждите, пока закончится сосредоточение, начинайте переправу.

— Сигнал уже дан.— отвечает мне комкор и, повернувшись к командиру танкового полка, заканчивает: — начинайте действовать!

Мы обгоняем колонну и направляемся к переправе. Обрыв к воде здесь очень крут и высок. Саперы сделали въезд вдоль речки, затем поворот к броду. Первый танк, высоко подняв ствол, спускается к берегу и, круто развернувшись на месте, сползает в воду. За его гусеницами тянется темная полоса. «Не так уж каменисто дно, как говорили».

Когда танк достиг середины реки, кто-то из саперных офицеров облегченно произнес:

— Ну, теперь можно считать — прошел.

— Не говори «гоп!», пока не перепрыгнешь,— заметил ему

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 15 742, д. 1, л. 7—8.

генерал Танасчишин. И это чертовое «гоп!» будто сработало. Танк остановился. Он зло ревел, дергался, но сдвинуться с места не смог. На выручку ему был направлен второй танк с буксиром. Он разделил участь первого. У третьего от перегрузки вышла из строя коробка перемены передач — не включались первая и вторая скорости. У танков начала скапливаться шуга. Это грозило серьезными осложнениями. Из верхнего люка вылез танкист, взял один конец троса и прыгнул в ледяную воду. Льдины сбивали его с ног, но он боролся, пока не надел металлический трос на крюк застрявшего танка. Потом вернулся, залез на башню и крикнул: «Поехали!»

— Чьи это танки? — спросил я.

— 35-го отдельного танкового полка, — доложил Танасчишин, — им командует молодой энергичный офицер майор Ельников. Обратите внимание, товарищ командующий, ликвидирует эту загвоздку и только тогда доложит о случившемся. Раньше вызывай, не вызывай — бесполезно.

Майор стоял на берегу и спокойно отдавал четкие команды. Они были разумны, энергичны. Потом он подошел и доложил командиру корпуса о причине задержки и ее устранении.

— Кто этот герой, что работал в ледяной воде? — поинтересовался Танасчишин.

— Механик-водитель, сержант Захаров, он просит разрешения произвести ремонт танка в исходном районе, а туда хочет добраться задним ходом. Я разрешил ему, товарищ генерал.

— Какими силами будете осуществлять ремонт машин в полку во время рейда? — Мне хотелось узнать, надолго ли выйдут из строя танки из-за коробок скоростей.

— Каждой танковой роте придано по две ремонтные бригады. Они обеспечены запчастями и инструментом.

— А сколько времени нужно для того, чтобы этими силами заменить шестерни передач?

— Десять-двенадцать часов, товарищ командующий.

— У нас достаточный запас шестерен?

— Только то, что дано по плановому снабжению. В условиях такой непролазной грязи этого, конечно, мало. Просили, не дают, ссылаются на лимит.

В это время к нам подъехал офицер связи и передал от Корженевича записку: «Тов. Плиев, — писал он, — команду-

ший фронтом сообщил мне: Вы должны скорее переправляться. Если южнее нельзя, то надо переправляться севернее. Спрашивали меня, переправили ли Вы 5-ю мотобригаду. Он намерен пустить всю вашу бригаду 6.3.44 г. во второй половине дня, часов в 17. Поэтому комфронта просит Вас скорее переправляться — в течение ночи и завтрашнего утра.

Все подготовить и нацелить для ввода в прорыв к 16.00 6.3.44 г. Сигнал ввода в прорыв будет дан комфронтом через меня. Обратите внимание на своевременность выхода танков Танасчишина».¹

На начальника штаба фронта генерала Корженевича командующий войсками фронта возложил ответственность за обеспечение выхода конно-механизированной группы в исходный район. Именно поэтому он уделял нам столь много внимания. Я тут же написал короткое донесение и попросил его, чтобы фронт дополнительно выделил необходимое количество шестерен и других запчастей.

Танковый полк майора Ельникова Ю. Н. закончил переправу. К берегу двинулись части 36-й танковой бригады полковника П. С. Жукова. Дело пошло на лад. Корпус начал сосредоточение в прибрежных пунктах Зеленое и Рудник.

У Дар Радевичи к моменту подхода кавалерийского корпуса мост не был еще навешен. Около него стояли начальник инженерных войск фронта, наш корпусной инженер и командир 9-й гвардейской дивизии. Несколько выше по течению какой-то полк переправлялся вброд, в конном строю на повозках и тачанках. Поздоровались.

— Почему приостановили работы по навешиванию моста? — спросил я у корпусного инженера.

Вместо него ответил начальник инженерных войск фронта:

— Этого делать нельзя, Исса Александрович, расчеты показывают, что скопления льда, которые образуются у моста на середине реки, сорвут его.

— Это с учетом запаса прочности?

— У нас есть утвержденные нормативы, и мы должны их выполнять, — уклончиво ответил начиник.

Этот опытный инженер, построивший не один десяток мостов, да и куда более сложных, был, конечно, прав. Но мост был нужен, иначе корпус не успел бы полностью прибыть в

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 15 742, д. 1, л. 5.

район сосредоточения. Я настоял, чтобы закончили строительство моста, и к вечеру он был готов. Но надо сказать, собрали его ценой невероятных усилий и героизма. Казалось, мост вот-вот сорвет, так сильно прогнулся он под напором шуги. Саяеры рвали минами наиболее крупные льдины, проталкивали их баграми под мост... боролись за него из последних сил, и все это под почти непрерывными ударами вражеской авиации. Переправляться по такому мосту было опасно, но к утру главные силы корпуса и бригада подполковника Завьялова прошли через него и сосредоточились в Николаевке.

Истребительно-противотанковый, зенитный полки и полк гвардейских минометов все еще «месили» грязь где-то на подходе к переправам.

Ночь с 5 на 6 марта мы провели на передовом командном пункте 8-й гвардейской армии. Начальник штаба генерал-майор В. Я. Владимиров прислал мне очередную разведсводку, из которой было видно, что борьба за прорыв обороны противника продолжается. На левом фланге армии немцы предприняли серию контратак из района Зеленый Гай на Каменную Горку и захватили ее (это всего в двух-трех километрах от места сосредоточения нашего гвардейского кавалерийского корпуса). Значительно усилились массированные артиллерийские налеты по боевым порядкам войск и переправам. Авиация в этот день бомбила прибрежные населенные пункты — Андреевку, Николаевку и другие. Весь день немецкие транспортные самолеты подвозили и сбрасывали на парашютах какие-то грузы. На различных железнодорожных станциях во второй половине дня был отмечен большой поток составов, на платформах которых находились танки, самоходки, автомашины. Из Одессы в Николаев прибыл эшелон немецких новобранцев. Ночью двадцать вагонов были направлены на Ново-Полтавку, а двадцать — на Снигиревку. Отовсюду поступали сведения о резко увеличившемся движении войск противника на дорогах в сторону фронта. Подтвердилось, что первый эшелон штаба 6-й армии генерал-полковника Холлидта находится в Новом Буге.

Что означает эта активность? Быть может в Ставке фельдмаршала Клейста уже известно о сосредоточении конно-механизированной группы и готовящейся рейдовой операции. Ведь достаточно знать о появлении крупной группировки танков и кавалерии на плацдарме, как все остальное станет понятно. Или это проявление обычной заботы фюрера о восстановле-

нии сил «армии мстителей», доводка ее до «боевой кондиции»?

Генерал Владимиров и начальник разведотдела штаба армии подполковник Гладких делали вывод, что «6 марта следует ожидать и дальше упорной обороны противника с переходом в частые контратаки». Вполне возможно. Но это означало, что конно-механизированной группе придется не входить в прорыв, а допрорывать оборону противника. Время, однако, еще было, и могло многое измениться. Ранним утром генерал Чуйков намерчал предпринять дальнейшие усилия для прорыва вражеских позиций.

Мы решили понаблюдать за ходом боя на участке ввода конно-механизированной группы в прорыв. За час до начала артиллерийской подготовки заняли свои места на передовых наблюдательных пунктах и сразу поняли, что штурм в это утро не будет. Вся местность, даже самые высокие холмы, покрыл густой сизый туман. Прицельный артиллерийский огонь в этих условиях вести было невозможно. Артподготовка началась лишь в двенадцатом часу. Армия продолжала атаки позиций противника. На НП приехал генерал Корженевич, связался с командующим фронтом и доложил обстановку. После разговора с генералом армии Малиновским он сказал мне:

— Командующий войсками фронта считает, что необходимо, не ожидая полного прорыва немецкой обороны на всю глубину, частями 8-й гвардейской армии уничтожить противостоящего противника и начать выполнение поставленной задачи.¹

Корженевич неторопливо подошел к рабочей карте и показал карандашом рубеж села Андреевки.

— Здесь, видимо, придется вам осуществлять допрорыв. Думаю, что лучше впереди пустить механизированный, а за ним конный корпус. Как вы считаете, Исса Александрович?

— Считаю, что в первом эшелоне следует пустить и механизированный и конный корпуса, имея в соединениях первого эшелона достаточное количество танков. Глубину боевых порядков создать за счет их ромбообразного построения. Ведь нам надо в рейд провести тыловые части, госпитали и многое другое. Это можно осуществить только так.

— Вам виднее, но имейте в виду, комфронта обратил вни-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 20 376, д. 1, л. 7.

мание на то, что допрорыв надо произвести на узком участке.

— Это будет организовано и выполнено. Кавалерийские соединения первого эшелона и 5-ю отдельную мотострелковую бригаду мы поднимем к северу до «локтевой связи» с механизированным корпусом.

— Ну, вот и хорошо. Сигнал атаки: «Стрела!»—«900»— продублируем по радио и по проводной связи.

— Еще одна просьба, товарищ генерал.

— Пожалуйста. Все, что необходимо — мы сделаем. Маршал Василевский и командующий фронтом возлагают на эту рейдовую операцию большие надежды.

— Раз уж затянули до ночи, операцию лучше начать без артиллерийской подготовки. Весь день шли напряженные бои, немцы уверены, что ночью мы будем производить перегруппировку. Наш удар будет внезапным и по времени, и по силе, и по стремительности; словом, во всех отношениях. Если возникнет необходимость, мы вызовем артиллерийский огонь по тем объектам, которые будут нам особенно мешать.

— Ну что ж, в добрый путь, Исса Александрович, ждем победных вестей.

В 20 часов 30 минут наши корпуса двинулись вперед. Мы душевно попрощались с генералами Корженевичем, Чуйковым и выехали в 4-й гвардейский кавалерийский корпус. Наша небольшая оперативная группа двигалась за 9-й гвардейской кавдивизией генерала Тутаринова, которая развернулась в предбоевые порядки в первом эшелоне. Ночь была непроглядно черной, вновь начал валить мокрый снег с дождем. Полезную службу сослужили нам в ту ночь подразделения регулировщиков и заранее подготовленные проводники из местных жителей. У села Цветково дорога сделала поворот вправо, через полкилометра опять новый поворот, и мы наткнулись на противотанкистов батареи майора Костылева, пробивавшихся через непролазную грязь. Командир полка доложил, что заблаговременно изготовленные фашины помогают бороться с бездорожьем. Этот опыт быстро был передан во все соединения группы. А к утру, буквально в ходе боевых действий, было разобрано все, что возможно: разбитые дома, сарай, плетни и т. д.

Справа, со стороны Цветково, доносился всенарастающий гул боя. «Что бы это могло быть? Ведь до позиций 88-й стрелковой дивизии, через боевые порядки которой должна пройти наша «девятка», не менее двух километров?» Еще одна нео-

жиданность: генерал Танасчишин доложил, что его корпус встретил сильное огневое сопротивление на подходе к Андреевке. 15-я гвардейская механизированная бригада подполковника Андрианова с приданным ей 212-м танковым полком майора Мешкова и 62-м отдельным мотобатальоном попала под сильный артиллерийский огонь со стороны села Загородный.

Обстановка становилась все напряженнее и сложнее. На левом фланге группы передовой отряд дивизии генерала Головского также наткнулся на хорошо организованную оборону противника в селе Вольная Карповка и завязал бой. Генерал Головской начал обходить село справа, но сделал слишком большой крюк и прижался к предбоевым порядкам дивизии генерала Тутаринова, полки которого в это время начали разворачиваться для атаки Цветково. Боевые порядки 88-й дивизии оказались перед селом.

Теперь мы видели, где противник и знали, что нам делать. Представителю штаба артиллерии 8-й гвардейской армии, который до ввода в прорыв находился со мной, была дана заявка: подавить огонь противника в районе Андреевка, Загородного и перед Цветково. Ровно в 23 часа был произведен короткий, но мощный артиллерийский налет по огненным позициям в Андреевке. Бригада Андрианова вместе с танковым полком ворвалась в село, а частью сил обошла его. Сбив противника, повела наступление на Малиновку 2-ю (сейчас она называется Ново-Малиновка) — довольно прочный опорный пункт немцев. Генерал Танасчишин доложил, что взяли несколько пленных 60-го механизированного полка. По их словам, немцы, воспользовавшись тем, что Малиновка 2-я разделена озером на две части — северную и южную — организовали противотанковый «огневой мешок».

Стало ясно, рубеж Малиновка 2-я, Цветково — это «гордиев узел», разрубив который, можно считать, что допрорыв тактической обороны противника будет осуществлен до конца. Для свежих дивизий в условиях ночи и ненастья эта задача вполне выполнима, Малиновка 2-я представлялась мне более опасным опорным пунктом, так как он занимал фланговое положение. При наличии достаточных сил противник мог бы с этого рубежа контратаковать правый фланг мехкорпуса и на какое-то время сковать его.

В бою под Малиновкой подполковник Андрианов показал высокое тактическое мастерство. Его 3-й мотострелковый ба-

табьон умело демонстрировал стремление овладеть селом атакoй с фронта. Тем временем 2-й батальон обошел Малиновку 2-ю с севера и атаковал ее. Но и этот удар носил отвлекающий характер. Главные силы комбриг повел в обход опорного пункта с юга, чтобы с выходом в тыл отрезать его гарнизону пути отхода и одновременным ударом с трех сторон как можно быстрее разгромить его.

Ввиду совершенно дикой распутицы и непроглядной тьмы танки шли медленно, на второй скорости. Мыслилось, что мотопехота будет выброшена на автомашинах, а затем спешится и атакует противника вслед за танками. Но машины часто застрева­ли в грязи. Пришлось на ходу пересаживаться на танки. Нежданно из села Цветково, расположенного всего в одном километре на юго-восток, начали бить пулеметы и самоходная артиллерия. Оказалось, что 36-я танковая и 13-я механизированная гвардейские бригады еще не подошли к Цветково. Андрианов развернул часть сил фронтом на юг и завязал огневой бой, продолжая главными силами обходный маневр. В это время предбoевые порядки 9-й гвардейской кавалерийской дивизии продвигались южнее Цветково. 34-й кавполк во взаимодействии с танками атаковал село и ворвался на его улицы. Немецкий гарнизон не выдержал натиска казаков и танкистов и, бросив всю боевую технику, начал отходить на запад по дороге к селу Авдотьевка.

Все эти неожиданности не помешали, однако, достигнуть внезапности и застать немцев, засевших в Малиновке 2-й, врасплох. Почувствовав, что опорный пункт окружают, немцы попытались избежать этой неприятности. Штаб 16-го немецкого пехотного полка был мгновенно погружен на три броневездехода и четыре автомашины. Но при выезде из села эта колонна застряла в грязи и была окружена танками и десантом Андрианова. Тут же были взяты две радиостанции, штабные документы и знамя полка. Гарнизон был разгромлен. Лишь мелким группам удалось бежать на Авдотьевку.

Мне был представлен материал допроса одного из офицеров этого штаба. В нем содержалась любопытная оценка действий наших частей и соединений при вводе в прорыв.

Вопрос: Какова была задача вашего полка?

Ответ: Мы стали получать значительно больше приказов, чем раньше. И все они требуют жесткой обороной удерживать занимаемые рубежи. В них говорится о подходе к нам на помощь крупных резервов.

Вопрос: Чем объясняется столь быстрый разгром вашего полка?

Ответ: Я был согласен со штабом дивизии, что в условиях абсолютного бездорожья русские будут наступать более прямолинейно. Сложные маневры требуют много времени, да и вряд ли возможны по такой грязи, особенно ночью. Исходя из этого, строилась наша оборона. То, что произошло, явилось для нас большой и печальной неожиданностью.

Вопрос: Значит, в условиях столь трудной и сложной обстановки бездорожья и ограниченной видимости маневренная оборона для вас непосильна?

Ответ: Это случайность.

С прорывом рубежа Малиновка 2-я, Цветково конно-механизированная группа под покровом ночи устремилась на Авдотьевку. Несмотря на всю трудность и сложность обстановки, операция развивалась успешно, все шло так, как мы предвидели и спланировали. Даже медико-санитарные части и госпитали группы были проведены в прорыв компактно и организованно.

В штаб фронта было послано первое донесение: «Конно-механизированная группа, преодолевая отчаянное сопротивление частей 24-й танковой, 16-й механизированной и 3-й горно-стрелковой дивизий, вошла в прорыв и развивает наступление в направлении Авдотьевка, Троицко-Сафоново, Новый Буг. Плиев.»

ГЕНЕРАЛ ФОН ЭДЕЛЬХАЙМ - ТРЕБУЕТ ОТВЕТА

Н

адо было обладать высоким искусством вождения автомобиля, чтобы вот уже несколько часов двигаться от одного НП к другому по таким разбитым, разжиженным дорогам и не застрять. Юркий «Виллис» метался из стороны в сторону, проваливался в рытвины, его заносило в кювет, засасывало в колею, но он выбирался и опять ехал...

В полночь мы остановились в Цветково. Пока операторы связывались с соединениями, мы вошли в домик, прикутившийся у дороги. Керосиновая лампа тускло освещала единственную комнату, у порога которой стояла печь. В углу под образами крестилась старая женщина, кланяясь ликам печальных

Богородицы и Николая-угодника. Она умоляла их уберечь мужика Матвея и сынку Ивана от пули быстрой, сабли острой и навеять погибель на иноземную погань.

— Вернутся твои мужики, мать, не горюй,— успокоил старуху полковник Компаниец.

— Так вже вертальсь. Вон той, що з вами прискакав, то ж мой Иван. Неужто не знаете? — всхлипывая и вытирая подолом фартука слезы, ответила она.

— А как фамилия?

— Той же Иван Шпычка.

— Иван Шпычка? Его, мать, всяк знает. Добрый казак.

С нами в это время был корреспондент газеты, «Казак-гвардеец», он тут же бросился на поиски Ивана Шпычки. Но среди казаков 34-го кавполка такого не нашлось.

Позже выяснилось, что этот казак из 10-й гвардейской кавалерийской дивизии. Просто он отпросился принять участие в освобождении родного села.

Старушка заметалась по хате, готовясь угостить нас «чем бог послал». Она схватила лопату, ведро и заспешила во двор.

— Сейчас, сынки, погодьте. Отрою яму с картошкой, огурчиками... — но вдруг, вспомнив что-то, она открыла крышку подпола. — Эй, хвриц, вылазь, вже наши прийшли.

К нашему удивлению, из подпола вылез совсем еще молодой немецкий солдат. Он смотрел на нас широко открытыми, светлыми глазами, казалось, они побледнели от страха.

Нам было подумалось, что старушка в героическом единоборстве пленила грозного врага. Но здесь произошло иначе. Хозяйка была во дворе и вдруг увидела, как более десятка немецких солдат и офицеров заскочили в соседний дом, вытащили оттуда солдата и тут же расстреляли. В это время через дорогу перебежали два немца и спрятались в сарай. Их тоже расстреляли. Потрясенная случившимся, хозяйка вернулась в хату и с ужасом заметила стоявшего посреди комнаты немца. Он что-то горячо говорил, показывал на свой мундир, но видя, что она не понимает, бросил автомат в печь и полез под кровать. Старушка, видя недоброе, спрятала его в подпол. Немецкая мать должна быть благодарна старой русской женщине за жизнь ее сына.

Сдав нам спасенного, женщина заторопилась попотчевать нас на радостях нехитрым угощением. Чувствовалось, что для нее это была главная забота последних лет. У нас же были иные заботы.

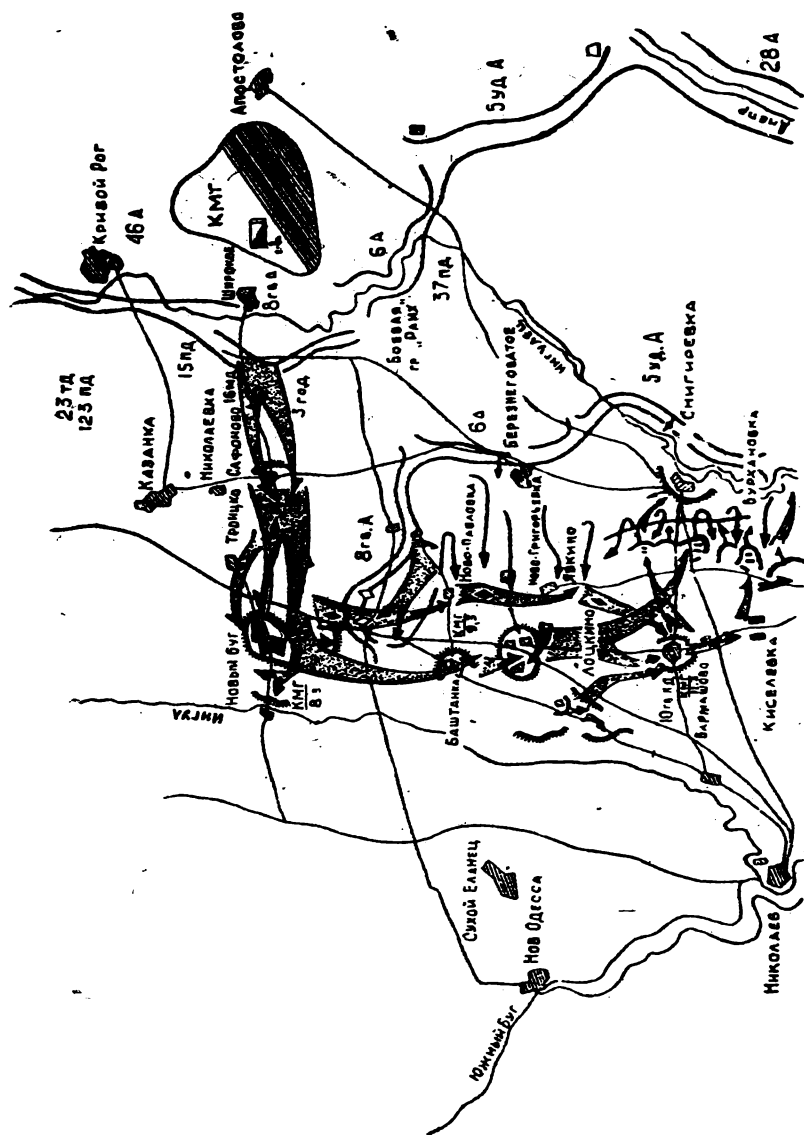
Теперь, когда конно-механизированная группа вошла в прорыв, необходимо было развить предельные в условиях сильной распутицы темпы наступления, и во что бы то ни стало утром захватить крупный населенный пункт и узел дорог Троицко-Сафоново. Этим завершался выход в оперативный тыл армии генерал-полковника Холлидта, и она по существу оказывалась рассеченной на две части. Стоявшие перед ней проблемы удержания или восстановления положения сменялись проблемой спасения армии от очередного разгрома.

Говорят, чтобы правильно понять положение противника, надо поставить себя на его место и постараться объективно осмыслить за него конкретно сложившуюся обстановку, продумать наиболее целесообразные решения и действия. Скорее всего, думалось мне, генерал Холлидт, поняв, что подвижная группа рвется в глубокий тыл его армии, предпримет попытку нанести фланговые удары, чтобы, если не разгромить, то хотя бы остановить нас. Он может использовать 24-ю танковую дивизию для удара с севера и 3-ю горно-стрелковую дивизию — с юга. Можно ожидать также, что первой нанесет удар 3-я горно-стрелковая дивизия, так как она, по сведениям разведки, начала двигаться от Владимировки к устью речки Висунь, с намерением использовать ее как рубеж разбурывания. С 24 танковой дивизией мы могли «скрестить шпаги» несколько позже, у Троицко-Сафоново. Были также сведения, что где-то в районе Баштанки обнаружены немецкие колонны, медленно ползущие на север. Но эти резервы явно опаздывали, и по времени могли быть использованы лишь для удержания Нового Буга.

Лучше, конечно, если бы конно-механизированная группа перехватила эти резервы после Нового Буга. К тому времени мы успели бы пробиться через вторые эшелоны и районы артиллерийских позиций 6-й армии немцев, дезорганизовать работу ее тыла, а затем смогли бы уделить этой группировке больше внимания. Ведь разгром оперативных резервов — наша важнейшая задача.

При всем этом перед фронтом конно-механизированной группы оказывали ожесточенное сопротивление местные гарнизоны и ближайшие тактические резервы. Они цеплялись за каждую высоту, балку, за каждый населенный пункт. Бои шли непрерывно, напряженно, днем и ночью.

Чтобы предотвратить удар с рубежа Висунь, пришлось 10-ю гвардейскую дивизию направить южнее. Наступая за

РЕЙД КОННО-МЕХАНИЗИРОВАННОЙ ГРУППЫ В БЕРЕЗНЕГОВАТО-СНИГИРЕВСКОЙ ОПЕРАЦИИ
3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА. МАРТ 1944 ГОДА

30-й кавалерийской дивизией уступом влево, она нацеливалась на нанесение удара во фланг группировке противника, выдвигающейся с юга. Но все эти осложнения могли возникнуть где-то перед рассветом. А теперь главным было не допустить, чтобы отходящие части закрепились на речке Вербовая. Этот рубеж выглядел довольно грозно. Вербовая имеет высокие и крутые берега. На них (в полосе наступления группы) приютился целый ряд населенных пунктов: Котовское, Авдотьевка, Червона Винница, Михайловка. Сочетание столь удобного для обороны рубежа с большим количеством опорных пунктов на узком фронте заставляло принимать самые решительные меры, чтобы на плечах отходящих частей прорваться через него. Направлением главного удара была выбрана Авдотьевка. На пути к ней нам предстояло разгромить огневые позиции артиллерии 6-й армии немцев. Поэтому, чтобы облегчить наступление 9-й гвардейской дивизии (она вырвалась несколько вперед и, проходя между опорными пунктами Казанковка, Александрия, могла попасть под массированный огонь артиллерии), к Казанковке были форсированно выброшены 35-й и 37-й танковые полки и 36-я танковая бригада с десантами. Они с ходу атаковали вражеские позиции. Но удача не всегда приходит сразу. Танки натолкнулись на плотный артиллерийский огонь. Пока 35-й танковый полк вел огневой бой вдоль дороги, 36-я бригада с 37-м танковым полком двинулись двумя колоннами в обход села с юга и, развернув башни, сосредоточили огонь по позициям противника. Десантники спешились и атаковали вслед за танками. Боевой дух немецких артиллеристов быстро погас, и они бросились бежать, оставив застрявшие в грязи несколько танков и самоходок, батареи г: убиц и пушек.

Тем временем генерал Головской, дивизия которого получила задачу своим передовым отрядом захватить Александрию и удерживать ее до прохода главных сил 9-й гвардейской кавдивизии, доложил, что село взято ударом с ходу. Никаких подробностей не сообщалось. Не любил Василий Сергеевич расписывать боевые успехи своей дивизии. «Если дела хороши, их все видят», — часто говорил он.

Пока шла борьба за опорные пункты, передовой отряд дивизии генерала Тутаринова проскочил между ними на Авдотьево, с небольшим разрывом прошли и предбоевые порядки его главных сил. Бежавшие из Казанковки подразделения немцев попали под удар наших казаков.

Мы подъехали к селу часа в два ночи. Оно лежало внизу, в неширокой долине речки Вербовая. На склоне высоты слышались храп лошадей, негромкие команды: «Быстрее уводи «коренных»... Разводи станины... Поставь передки поближе...» Адъютант привел ко мне заместителя командира отдельного истребительно-противотанкового дивизиона капитана Н. И. Глобенко.

— Где Тутаринов?

— У запыры, товарищ командующий. Это тут недалеко.— Он отвечал устало, будто с неохотой.

— Какая задача вам поставлена?

— Прямой наводкой уничтожить огневые точки на южной окраине села, чтобы подразделения, выдвинувшиеся за дорогу, могли одним броском ворваться на немецкие позиции.

Этот молодой уже офицер хорошо знал, что нужно делать, но в нем чувствовалась какая-то надорванность. Мне показалось, что он чрезмерно устал. Ведь рейдовая операция — это непрерывный боевой процесс, где один бой сменяется другим, вернее, перерастает в другой без заметной паузы в сложной и быстро меняющейся обстановке. Бои идут ожесточенные днем и ночью. В этих условиях, если не сумеешь вовремя расслабиться, где-то на ходу передохнуть, то можно очень быстро выдохнуться, обессилеть. Мне думалось, что у капитана называется физическая переутомленность. Но оказалось, его надорвала сильная душевная травма. Он получил известие, что на днях под селом Белозерка погиб его старший сын. Роту, которой он командовал, принял младший сын.

С товарищем Глобенко мне больше не привелось встретиться. Лишь недавно получил от него из села Советское, Ставропольского края, письмо, из которого узнал, что позже, в Белорусской операции, погиб и второй его сын.

Мы подъехали к запыре. Тутаринов стоял у повозки, на которой находилась рация, и что-то втолковывал командирам полков. До меня донеслась последняя фраза:

— Через тридцать минут даю сигнал атаки и имейте в виду, если опоздаете...— дальше следовали слова, употребляемые иногда для большей убедительности.

— Кому это Вы так вразумительно повелеваете?

— Подтягиваю, товарищ командующий, 32-й полк. Он идет последним, поэтому будет использован во втором эшелоне для развития успеха.

— Зачем же его ждать. Каждая минута ночного времени

дорога! Атакуйте теми силами, какие подошли. Ведь характерной особенностью ночных действий является то, что сила внезапных ударов значительно увеличивается. Ночью атака одного полка сойдет за целую дивизию.

Неожиданно с северной окраины села слышались артиллерийские выстрелы. Сначала одиночные, затем частые. Село заискрилось вспышками огня. Орудия истребительно-противотанкового дивизиона, развернувшиеся к этому времени на склоне высоты, начали прямой наводкой расстреливать огневые точки противника.

— Дать сигнал атаки! — скомандовал комдив.

В тот же миг сзади нас в воздух взвилась серия красных ракет. Но, казалось, ничего не изменилось. По-прежнему впереди было тихо. Расчетливо били орудия, зато огонь противника заметно слабел. Казаки под покровом темноты шли в атаку молча, безудержно. Можно было легко представить, как тяжело им идти по колено в вязкой грязи. Днем такая атака стоила бы больших потерь. Мне казалось, что полки уже должны были ворваться в село. Кто-то начал сомневаться: «Может быть, они не поняли?» И тем неожиданнее показалось знакомое «Ура-а!», уханье карманной артиллерии — гранат, скороговорка автоматов и пулеметов.

Оборонявшие Авдотьевку подразделения 60-го пехотного, 156-го механизированного полков и штрафной батальон немцев бежали на Троицко-Сафоново. Мы направились в село. На окраине наткнулись на брошенные танки, самоходки, автомашины и многочисленное военное и невоенное имущество. Объехать их было делом нелегким, но еще труднее было проехать по улицам села. Все они были забиты боевой техникой и транспортом. Мне доложили, что немцы оставили здесь более сотни автомобилей, танков и самоходных орудий — многие из них исправны, на ходу. Здесь были захвачены огромные склады вооружения, боеприпасов, продовольствия и около трехсот тонн горючего.

Перед утром в Авдотьевку вошли колонны 13-й механизированной и 36-й танковой гвардейских бригад. Они заправились трофейным горючим и двинулись на Троицко-Сафоново.

Труднее было дивизии генерала Головского. После Александрии на нее стали давить подходящие с юга части второго эшелона немцев, резервы боевой группы «Райх» и 3-й горнострелковой дивизии. Она встретила организованную оборону на рубеже речки Вербовая, у села Червона Винница. Пере-

правы держались под сильным артогнем. Пришлось, чтобы не втягиваться в затяжной бой, повернуть дивизию на юг и, захватив Михайловку, форсировать здесь Вербовую. Этот маневр по замыслу должен был достичь еще и другой цели. Выводя дивизию на дорогу Михайловка — Скобелево, идущую вдоль северного берега Висунь, мы могли использовать эту реку как выгодный рубеж для прикрытия левого фланга группы, для отражения возможного удара группировки противника, которая, как уже говорилось, выдвигалась сюда с юга. Все шло хорошо. Михайловка была взята с ходу решительным ударом с севера. Специально созданные отряды захватили переправы. Но неожиданно 10-я гвардейская кавалерийская дивизия, действовавшая на левом фланге группы и прикрывавшая конно-механизированную группу с юга и юго-востока, подверглась атаке из Александрии.

— Что-то там путают,— возмутился начальник штаба генерал Пичугин,— недавно это село захватили части Головского и развивают наступление дальше. Свяжитесь с командиром дивизии по радию.

Уточнить обстановку взялся начальник оперативного отдела со своим помощником.

— Командующий интересуется, что у вас произошло?

Я взял вторые наушники. Слышен возбужденный голос командира 10-й гвардейской кавдивизии.

— Какая-то колонна немцев наткнулась на наши предбоевые порядки перед Александрией. Возник встречный бой. Его ведет 113-й гвардейский полк подполковника Иванова. Остальные части продолжают наступление на заданном направлении.

Теперь бои шли всюду: перед фронтом наступления, на флангах и в нашем тылу. Конно-механизированная группа, охваченная со всех сторон противником, пытающимся частыми контратаками задержать или хотя бы на время сковать наше движение, рвалась все дальше в оперативную глубину «армии мстителей».

На рассвете командующий армейской группой генерал фон Эдельхайм предпринял еще одну отчаянную попытку остановить конницу и танки, прорвавшиеся в его оперативный тыл. Полковник Компаниец доложил, что разведчики обнаружили за речкой Висунь, западнее села Лагодовки, значительные силы пехоты и танков противника. Это сообщение не вызвало особого беспокойства. В лесу на скатах правобережной высо-

ты уже занял позиции выброшенный вперед усиленный передовой отряд от 10-й гвардейской кавдивизии. Но все-таки, в случае успеха, противник мог наделать нам много неприятностей. Как всякий фланговый удар, он был опасен. Начальник оперативного отдела выразил мнение развернуть здесь дивизию Головского и под ее прикрытием главными силами группы продолжать наступление на город Новый Буг.

— Зачем это делать? — возразил начальник штаба. — Пока передовой отряд втянет здесь противника в затяжной бой, наши соединения уже пройдут этот рубеж и с ходу возьмут Троицко-Сафоново. Затем передовой отряд выйдет из боя, оторвется от вражеской пехоты и составит резерв дивизии. Они не смогут упредить нас. Ведь мы имеем более высокую тактическую подвижность.

Это был хороший тактический ход. Но начопер почему-то упорствовал.

— Комдив десятой генерал Миллеров докладывает, — сказал он, — что противник начал контратаки крупными силами, стремясь прорваться на Петро-Висунька.

— Если он говорит, то это не значит, что все именно так, — запальчиво ответил обычно спокойный и сдержанный в оценках Пичугин. Он взглянул на меня и, стремясь сгладить впечатление, сказал: — Комдив десятой склонен к преувеличениям. В его глазах противник всегда в несколько раз сильнее, чем в действительности.

— Передайте ему, — сказал я, — общая картина событий такова, что фронт 6-й немецкой армии быстро и катастрофически рушится. В этих условиях его стремление убедить, что противник навязывает свою волю и боевую инициативу, выглядит необоснованно и неубедительно. Боевая задача дивизии остается прежней, и ее надо смело выполнять.

К утру дождь несколько стих. Надо было ожидать, что скоро может появиться авиация противника. К сожалению, приданная группе зенитная артиллерия несколько отстала, а авиация, которая должна была с утра в какой-то мере прикрыть наши войска, как нам сообщили, не может подняться в воздух, так как аэродромы основательно развезло. Может возникнуть вопрос: почему немецкие самолеты могли взлетать, а наши нет? Дело в том, что советские войска вот уже много месяцев наступают, и авиации приходится базироваться на nasкоро подготовленных полевых аэродромах, стационарные противник при отходе выводит из строя. В то же время немец-

кая авиация в ходе отступления перебазировалась на заранее и хорошо оборудованные аэродромы и взлетные площадки.

Дул порывистый холодный ветер. Он рвал тучи на клочья и уносил их к горизонту. Небо быстро светлело. Показались темные холмы и балки, ровные ленты лесопосадки. Впереди, на склонах, скатывающихся к балке Лозоватка, вытянулось в два ряда село Лозовый. Танки, стреляя на ходу, двигались огородами, а кавалерийские части, совершая маневр, спускались к дороге, чтобы по ней обойти позиции противника и выдвинуться к Троицко-Сафонову с юга. От этого села до Нового Буга шла шоссейная дорога. Южнее, от Скобелево через Ново-Юрьевку также была хорошая дорога. Ближе к городу сеть дорог становилась плотнее. Это открывало возможности осуществить стремительный бросок к Новому Бугу. До него оставалось около двадцати километров.

Легко было предположить, что немцы при обороне Троицко-Сафоново создадут сильный рубеж по берегу пруда на восточной окраине и попытаются закрепиться на скатах высот за селом. Поэтому напрашивалось решение: силами двух казачьих дивизий осуществить обходной маневр этого узла сопротивления с юга, а механизированным корпусом произвести охват его с севера. Было очень важно захватить Троицко-Сафоново до того времени, когда вражеская авиация появится над боевыми порядками конно-механизированной группы. К счастью, нам удалось этого добиться. Уже в шесть часов генерал Жданов доложил, что части корпуса завязали бой у Троицко-Сафоново. Тем временем 9-я гвардейская кавдивизия перерезала дорогу, идущую на юго-восток, и продолжала преследовать противника, отходящего на Дренделево,¹ а 30-я Краснознаменная кавалерийская дивизия устремилась на Скобелево. Как и ожидалось, в Троицко-Сафоново части 30-го армейского корпуса генерала фон Эдельхайма оказали упорное сопротивление.

Казалось, вот-вот наступит перелом. Уже второй час шли напряженные бои у запруды и на окраинах, а перелом все не наступал. Положение могло сильно измениться с выходом кавалерийских дивизий в район Дренделево, на пути отхода противника к Южному Бугу. Но непролазная грязь, превра-

★
¹ Дренделево в настоящее время переименовано в Суходолье.

тившаяся в нашего злейшего врага, сковывала темпы наступления.

Вскоре Троицко-Сафоново было полностью захвачено. Части противника, как и предполагалось, закрепились на высотах западнее его. Но кавалерийские дивизии генералов Тутаринова и Головского уже овладели рубежом Дренделево, Скобелево и отрезали им пути отхода к городу Новый Буг. Полный разгром, казалось, неминуем. Вот в это время и появились «косяки» штурмовиков «Хейнкель-129».

Мы находились уже в Дренделево и связались со штабом 4-го Сталинградского гвардейского мехкорпуса, когда радисты неожиданно услышали одну из немецких радиостанций, которая передавала что-то открытым текстом. Я взял запасные наушники и уловил последнюю фразу. «Противник у Троицко-Сафоново. Штаб армии приказывает: ремонтно-восстановительному отряду отправиться на запад.»

Это значило, что узел сопротивления взят нами внезапно, и штаб генерала Холлидта не получил еще информацию о положении своих войск в этом районе. Если это так, то вражеская авиация будет бомбить не Троицко-Сафоново, а Лозовый и пространство между этими пунктами,— подумал я и приказал связаться с Танасишиным, а сам вышел во двор, сориентировал топокарту и определил направление на район предполагаемого налета «Хейнкелей». Так оно и есть, они пролетели за Лозовый и, развернувшись, пошли в пике. Через некоторое время донесся отдаленный гул взрывов. Я вернулся на наблюдательный пункт, но позывные радиостанции Танасишина еще не отвечали.

Наконец радостный голос радиста возвестил:

— Слышу, товарищ командующий, «Волгу» слышу! — и, спохватившись, стал вызывать: — «Волга», «Волга», как слышишь меня? Прием.

«Волга» слышала. Пользуясь кодом и фронтовым лексиконем, мы переговаривали. Выяснилось, что немецкие штурмовики бомбят танки и самоходные орудия, с трудом продвигающиеся в грязи по дороге на Троицко-Сафоново. Потери были невелики. Радиостанция и танк, буксировавший ее, попали, в который уже раз, под удар авиации. Рация загорелась. У танка вспыхнули дополнительные бачки, но взрывная волна другой бомбы погасила пожар. Позже в Новом Буге генерал Танасишин рассказал мне, что недалеко от радиостанции находились две установки М-13 (реактивные минометы — «Катюши»),

которые также сгорели. Погибли и члены экипажа. Вот как это было:

Восьмерка «Хейнкель-129» прошла левее, дороги, казалось, на Лозовый, но неожиданно развернулась, перестроилась и один за другим спикировала на дорогу. Бомбы упали рядом с установками М-13, они загорелись. К счастью, мины, уже направленные для залпа, не сдетонировали. Но взрыв мог произойти в любой момент. Командир батареи бросился к установкам, начал извлекать мины из направляющих станин. К нему подбежали бойцы. И теперь уже никто не обращал внимания на рвущиеся вокруг бомбы и пулеметно-пушечный огонь штурмовиков. Осколки и пули впились в солдатские тела, бойцы падали, но вновь поднимались, чтобы потушить разбушевавшееся пламя. «Хейнкели» продолжали остервенело вдалбливать в маленький участок земли бомбы, снаряды, пули. Все меньше солдат продолжало борьбу, а когда последняя мина была уложена в яму и пожар потушен, их осталось всего трое, израненных, потерявших силы. К сожалению, мне не запомнились имена этих героев, но рассказать об их подвиге — значит, дать возможность восстановить славные имена отважных воинов.

Вернувшиеся из «глубины» разведчики капитана В. Ф. Козлова привезли, как они сами оценили, «шикарного» языка, взятого на станции Новый Буг. Захват его был прост и дерзок. Присочившись за боевые порядки 16-й механизированной дивизии немцев, разведчики раздобыли на дороге два немецких мотоцикла, надели шинели и головные уборы гитлеровцев, не пожелавших, по словам разведчиков, оставаться на ими же оскверненной земле, взяли их автоматы и поехали на железнодорожную станцию Новый Буг. Было уже далеко за полночь, когда мотоциклисты въехали в поселок. Благополучно миновав переезд через железнодорожное полотно, они повернули направо и подъехали к вокзалу. На улице не было никого. Втроем вошли в зал ожидания. Десяток нижних чинов спали, не подозревая о нависшей над ними опасности. Но разведчикам важно было не количество, а качество языков. Они направились в кабинет начальника станции, где по их предположению мог быть лучший выбор. Спина к двери стоял офицер и кричал в селектор какие-то жесткие фразы. Тон разговора явно начальствующий. Второй пребывал в почтительной позе. Начальник станции, а может быть, это был его помощ-

ник, недоуменно посмотрел на «немецких» солдат, осмелившихся войти в кабинет. Один из разведчиков подошел к чину пониже и, выхватив финку, описал ею крутую дугу. В это время два других схватили под руки офицера, разговаривающего по селектору. Встретившись с холодным «взглядом» пи-стоletных стволов, офицер потерял дар речи.

«Ну, а дальше все было в обратном порядке,— закончил свой рассказ капитан Козлов.— Мы посадили его в мотоцикл и привезли».

Захваченный офицер оказался работником штаба 6-й немецкой армии. Это был прожженный фашист. В его белесых глазах металась пугливая ненависть. С глубоких залысин стекали крупные капли пота. Отвечал он нервозно, голос сры-вался...

Допрос выглядел так:

— Нам известно, что генерал фон Шверин снят с поста командира дивизии за то, что допустил прорыв советских войск.

— Да, военно-полевому суду преданы командиры 24-й танковой и 16-й моторизованной дивизий. Это должно повысить стойкость войск. Уверяю, что оборонительная линия Николаевка, Троицко-Сафоново, Владимировка будет достаточно прочной, чтобы выполнить приказ фюрера! — окончание фразы пленный выкрикнул неестественно громко, стремясь заглушить свой страх.

— Вот видите, ваша армия взяла на вооружение оборонительную терминологию. Это говорит о многом. Что касается прочности упомянутого вами рубежа обороны, то он будет прорван так же, как и более мощный — Днепровский.— Мне стало ясно, что немец не представляет, в какой населенный пункт его привезли, и решил пока не говорить об этом.

— Я знаю случай времен гражданской войны в России,— резко ироническим тоном ответил гитлеровец,— когда стадо напуганной скотины прорвало фронт немецких войск в Приазовье. Но это не значит, что...

— Нет, значит! — оборвал его я.— Это значит, что оперативное искусство вашей армии было неспособно противостоять даже стаду коров.

Мне хотелось сказать, что армия кайзера проиграла войну на нашей земле потому, что ее руководители не понимали природы революционной войны, что русская революция отняла у них солдат, что любая армия капиталистического мира не

способна вести войну против революционного народа длительного время, в широких масштабах. Она сама революционизируется... Хотелось сказать еще многое, но не было времени, да и желания.

— Вы находитесь в Троицко-Сафонове; а ваши части расположены вон на тех высотах. Могу представить вам удовольствие посмотреть на стойкость ваших войск. Сейчас будет нанесен удар во фланг и тыл этим частям со стороны села Дренделово. Это, как вам известно, западнее названной вами оборонительной линии.

Гитлеровец с тревогой посмотрел вокруг и уставился на сопки.

— Не может быть! В штабе недавно получили донесение генерала фон Эдельхайм...— он что-то хотел сказать, но поняв, очевидно, бессмысленность этого, замолчал.

Мне стало ясно, что после того, как двух командиров дивизий отдали под суд за сдачу позиций, их преемники, а быть может, и сам фон Эдельхайм, не решаются доложить о том, что положение продолжает катастрофически ухудшаться, что фронт окончательно прорван и разваливается. Поэтому-то и авиация противника навалилась не на передовые части и соединения первого эшелона, а на второй эшелон и застрявшую в бездорожье боевую технику и тылы. Заодно здорово досталось и резервам немцев, брошенным на тылы наших соединений.

Мы принимали энергичные меры, чтобы быстрее подтянуть все, что возможно, и пока командование «армии мстителей» не опомнилось и конкретно не разобралось в обстановке, нанести решающий удар на Новый Буг. Кстати сказать, от этого пленного мы узнали, что когда арестованных генерала графа фон Шверина и его начальника штаба майора Гудерна отправляли в Берлин, в дивизии не оказалось ни одного автомобиля. Вещи графа везли на аэродром в повозке.

Вечером мне доложили короткую радиограмму: «Развивать успех и к исходу 8.3.44 г. овладеть районом Новый Буг... Малиновский». В ней указывались еще четыре пункта, расположенные восточнее и южнее города Новый Буг. Мне было известно, что 46-я армия генерала В. В. Глаголева продолжала напряженные бои с противником на Ингульце. Поэтому танковые части противника, вытягивающиеся из Николаевки, сохраняли свободу действий и угрожали нам ударом с севера. Подход их по нашим расчетам ожидался, с учетом бездо-

рожья, где-то в середине следующего дня. Но на войне всякое бывает, и мы были готовы встретить их по-боевому.

Юго-восточнее 6-я армия генерала И. Т. Шлемина вела тяжёлые бои с боевой группой «Райх». Несколько лучше было положение в полосе 8-й гвардейской армии. По сведениям, которые мы получали, левифланговые дивизии в напряжённых боях взламывали отчаянное сопротивление противника, медленно, но неодолимо продвигались вперед. 79-я и 82-я стрелковые дивизии, наступавшие вслед за конно-механизированной группой, продвигались вперед с боями. Это говорило о том, что прорыв завершен на достаточную глубину. Конно-механизированная группа вышла в оперативный тыл 6-й армии немцев. Мы оторвались далеко от пехоты, а пространство между нами оказалось заполненным частями и соединениями противника.

Нам было известно, что в городе Новый Буг все еще находится первый эшелон штаба генерала Холлидта и что туда из Баштанки прибыли эшелоны с пехотой и артиллерией.

В этих условиях сложилось решение предпринять предельно стремительный рывок и в течение ночи прорваться через густую сеть опорных пунктов, а на рассвете атаковать город Новый Буг одновременно со всех четырех сторон.

Исходя из этого решения, генералу Танасишину было приказано главными силами корпуса развивать наступление вдоль шоссе и дороги и, захватив пригородный поселок Октябрьский и железнодорожную станцию Новый Буг, с ходу атаковать северную часть города. Одновременно частью сил совершить стремительный маневр в обход города для нанесения удара с северо-запада. Трудность этого маневра заключалась в том, что дуга, которую должна была описать созданная для этой цели обходная группа,¹ проходила через целый ряд населенных пунктов, и их надо было брать, так как ночью по бездорожью пройти было крайне трудно.

Комбриг подполковник М. А. Андрианов был опытным, боевым офицером. Под стать ему был и командир танкового полка майор Г. Г. Мешков. Им были даны указания брать населенные пункты внезапно, дерзкой атакой всеми силами.

¹ В обходную группу вошли 15-я гвардейская механизированная бригада, 212-й танковый полк и 62-й отдельный мотобатальон.

Если возникнет угроза затяжного боя, смело обходить их и решительно продолжать стремительное наступление.

Генерал Танасчишин, когда ему ставилась задача, без вдохновения отнесся к идее обходных маневров.

— В условиях темной ночи и бездорожья, которое, кстати, нам дорого обходится, мы сложными маневрами запутаем скорее себя, чем противника, — сказал он.

— Это зависит во многом от того, кто будет управлять боем. У меня была возможность выделить для маневра 10-ю гвардейскую или 30-ю дивизии. Но выбор пал на дивизию Головского. Такой комдив и в сложных условиях обстановки не запутается и не упустит промаха противника. Мне кажется, комбриг Андрианов тоже подходит для этой цели. Как вы считаете?

— Вообще-то он опытный и боевой командир.

— Ну, так не будем ставить под сомнение выполнение им боевой задачи. Главное, своевременно оказать ему необходимую помощь.

На кавалерийские дивизии возлагались не менее ответственные задачи. 9-я гвардейская кавдивизия нацеливалась через Ново-Юрьевку на восточную окраину Нового Буга, а 30-я кавдивизия со средствами усиления должна была совершить обходный маневр с юга и нанести удар частью сил по южной окраине, а главными силами перерезать дороги, идущие из города на запад, воспретив отход частей Новобугского гарнизона за реку Ингул, и не допустить подхода свежих резервов с запада.

10-я гвардейская кавалерийская дивизия, наступая на левом фланге по полному бездорожью, после овладения Симоновкой поворачивала к северо-западу и, перерезав железную дорогу в районе Загальна Корысть, расчленяла свои действия на два направления: 36-й полк устремлялся на юго-запад, чтобы захватить Петровку, а 42-й полк — на юг, с целью овладения группой населенных пунктов у Ново-Васильевки. Оба полка должны были закрепиться на этом рубеже, чтобы прикрыть действия конно-механизированной группы с юга и создать благоприятные условия для перегруппировки войск после освобождения Нового Буга с целью последующего развития наступления в новом южном направлении.

Таким образом, мы взяли на себя инициативу овладеть Новым Бугом не к вечеру, а уже утром 7 марта. Но если утром город будет взят, и конно-механизированная группа ри-

нется на юг по тылам 4-го и 17-го армейских корпусов, все еще удерживающих свои позиции, то нетрудно понять, что 6-я армия Холлидта окажется перед катастрофой.

В 17 часов генерал Танасчишин доложил, что корпус возобновил наступление. Двинулись вперед и левофланговые кавалерийские дивизии.

Эта ночь, холодная, дождливая, была полна испытаний. Десятки опорных пунктов врага и беспощадно выматывающая силы людские, выводящая из строя боевую технику непролазная, топкая грязь, ставшая для нас бедствием. А утром — штурм города Нового Буга.

«Виллис», круто накренившись, обгонял предбоевые порядки казаков. Я сидел, как это иногда бывало, на капоте, держась за приделанную для этой цели ручку. На повороте машину развернуло, и она опрокинулась набок. Мы едва успели спрыгнуть на дорогу. Мне подали юнью. Растворившись в колонне, я острее почувствовал неимоверную усталость казаков и их завидную бодрость духа. Здесь мне посчастливилось познакомиться со старым казаком Жуковым Матвеем Федоровичем. Пробираюсь по обочине дороги мимо подразделения в голову колонны и вдруг слышу из темноты чей-то молодой певучий голос:

— Хватит ли у нас силенок, чтобы без передыху еще верст пятнадцать по этой грязюке биться?

Хотел было подъехать, побеседовать, но меня остановило хриповатое восклицание:

— Гей, Василь, да никак в тебе жила тонка? Не успел за место батько в седло взобраться, как пуп надорвал и холку натер. Ой, напишу в станицу, какой ты есть казак.

Василь зло оправдывался, дескать, сказано не к тому. Василь еще покажет себя, и пусть дед Матвей потягается с ним. А старый казак Матвей удовлетворенно сказал:

— Ну-ну, покаж, гляну на тебя, а можа, доброе слово черкну в том письме. Дескать, герой, Мария, у тебя сынку. Отдаю за него свою внучку Настю.

Казаки устало засмеялись, а дед Матвей суюкнул на коня и как бы про себя тихо запел:

Ой шумят, шумят колосья на ветру,
Только их никто не косит поутру.
Там другая косовица подошла.
То не жито, не пшеница у села...

Понимал я, что доброму казаку, которого уважительно звали дед Матвей, не до песни сейчас. Он сам еле держался в седле, а погляди — какая бодрость духа, сколько призывной силы в его голосе: «Чуешь, молодой-казак, как надо в бой идти? Душа казака и в трудном деле петь должна. Береги, хлопец, смолоду честь казачью», — такой смысл был у песни.

Казаки приободрились и подхватили:

То не косы заблестали, не серпы, —

Вражью силу здесь мы клали, как снопы...

Конница пошла резвее. Бодрящий хрипоток старого казака заглушили молодые звонкие голоса.

Было уже около полуночи, и все, казалось, идет как задумано. Генерал Танасчишин докладывал об успешной атаке под Афанасьевкой, о том, что так называемая обходная группа двинулась на северо-запад, а главные силы корпуса продолжают развивать наступление вдоль шоссеиной дороги, сбивая и уничтожая заслоны противника, обходя некоторые узлы его обороны.

Радовало и развитие боевых действий кавалерийских дивизий. Медленно, устало разворачивались полки в боевые порядки, то и дело спешиваясь, чтобы вытянуть из грязи орудие или пулеметные тачанки, автомобили или повозки с боеприпасами, сберечь силы конскому составу для решающего рывка навстречу вражескому огню, а быть может — бессмертию.

В атаку шли зло и неудержимо, дрались отчаянно, насмерть. Так врывались они в Ново-Константиновку и Ново-Юрьевку, в Ново-Березовку и Симоновку и в другие населенные пункты. Еще не все полки вытянулись из этих сел, когда наш передовой пункт управления прибыл в Ново-Юрьевку. Быстро развернув радиостанции, мы начали связываться с командирами соединений. Рация комкора молчала. Это настораживало. Поймали станцию генерала Пичугина. Штаб 4-го гвардейского кавалерийского корпуса находился в это время в селе Дренделово.

— Николай Александрович, имеете ли вы связь со Ждановым?

— Да, но он не успел сообщить положение своих соединений ввиду того, что радиостанция РСБ выведена из строя. Принимаем меры к восстановлению связи.

— Какие именно?

— Вслед за частями выслан офицер оперативного отдела штакора с радиостанцией РБМ, она будет установлена в Афанасьевке и до утра, как промежуточное звено, будет связывать штаб корпуса с частями. Утром Танасишин сменит командный пункт.

— Значит, утром, когда наступит самый ответственный период — штурм города, успех которого во многом зависит от действенности управления, он будет менять командный пункт?! Передайте генералу Танасишину, что требую от него с передовым пунктом управления двигаться за боевыми порядками главных сил, прижимаясь к ним вплотную. Нельзя забывать, что это не обычная, а рейдовая операция. Через два часа пусть доложит свои координаты.

Мне казалось, что генерал Танасишин, хорошо подготовленный и волевой командир, излишне привязан к штабу. Понятно, что необходимо в полной мере использовать штаб для управления боем. Но разве это возможно лишь в том случае, когда командир находится вместе со штабом? Вовсе нет. Командир, который находится ближе к войскам в условиях стремительно развивающейся операции, лично получает значительно больше свежей, объективной, конкретной информации, чем тот, который тяготеет к штабу. К тому же непосредственно воспринимаемое «горячее дыхание» хода боевых действий на главном направлении сразу преломляется в его решение без потери времени и темпа. Короче, в рейдовой операции наряду с формулой: дивизия — штаб корпуса — комкор — штаб корпуса — дивизия действует и такая: дивизия — комкор — дивизия. Это создает наилучшие условия для упреждения противника в действиях, обеспечивает штабам более оперативное выполнение приказов командира. Верность этого положения проверена опытом войны, и мне хотелось, чтобы командир 4-го гвардейского механизированного корпуса стал сторонником этой формулы, так как только единство системы и методов управления в конно-механизированной группе в целом могли принести наибольший успех операции.

В указанное мной время генерал Танасишин доложил, что находится в Афанасьевке, связь с частями упорядочена, наступление развивается успешно.

Всегда приятно, когда предвидение в оценке сложившейся обстановки и намерений противника подтверждаются в ходе операций, а действия наших войск достигают предусмотренных целей. Теперь уже 24-я танковая и 3-я горнострелковая

дивизии противника не могли нанести нам флангового удара. Обе они безнадежно отстали от нас и плелись где-то уступом справа и слева нас, сзади.

Конно-механизированная группа оказалась один на один с гарнизоном города Новый Буг. Но мы имели двух союзников — ночь и внезапность, противник одного — очертеневшую нам топь, да и то лишь до той поры, пока он будет удерживать оборону.

Непрерывный поток сведений глубинной разведки подтверждал, что на станции Новый Буг большое скопление эшелонов с боевой техникой, боеприпасами, военным имуществом, продовольствием. К тому же там находился элеватор с богатыми запасами зерна. Эта станция располагается в трех километрах к востоку от города. К ней примыкают два больших поселка: Октябрьский — восточнее железной дороги — и Чкаловский — западнее. Мы знали, что здесь создана заблаговременно подготовленная оборона и сделано все, чтобы этот опорный пункт был способен удерживать длительную оборону. Если не удастся взять его с ходу, под покровом ночи, то элемент внезапности будет утрачен, гарнизон города получит возможность организовать свои действия с учетом складывающейся обстановки. Нельзя было не учитывать того, что части противника, обороняющиеся в городе Новый Буг, имеют возможность маневрировать по улицам скрытно и быстро, сосредоточивая усилия на опасных участках. Судя по признакам и принадлежности пленных, там находились части и отдельные подразделения 16-й и 24-й механизированных, 3-й и 4-й горнострелковых и 5-й авиадесантной дивизий. И если бой затянулся бы до утра, то войскам группы пришлось бы проводить атаки по открытой, тяжелой местности. В голове всплывало еще много затруднений, которые могли возникнуть, если жилой массив станционного поселка Новый Буг не удастся взять с ходу и обязательно ночью.

События разворачивались так. Генерал Тутаринов имел приказ во всех случаях боя не допустить отхода гарнизона поселков Октябрьский и Чкаловский в город. Незадолго до рассвета наш передовой командно-наблюдательный пункт развернулся в лесопосадке перед самым поселком Октябрьский. Впереди, правее дороги, слышалась автоматная и пулеметная стрельба, жесткие орудийные выстрелы, надрывный гул танков и самоходок. Гвардейцы 32-го кавалерийского полка майора Шакшаева завязали бой. На станции вдруг вспыхнул

сильный пожар; горели, видимо, железнодорожные составы.

Недалеко от нас остановилась группа всадников. До меня донеслись команды:

— Разворачивайте рацию.

Командир принял нас, видимо, за штаб полка и приказал казаку:

— Передайте начальнику штаба, чтобы немедленно передвинулся вперед, — и в шутку добавил: — Если командующий наткнется на него — неделю заикаться будет.

Узнал голос начальника штаба 9-й гвардейской кавдивизии, сам подошел к нему. Полковник Турчанинов доложил, что 32-й полк втянул противника в огневой бой, а приданная ему дивизионная артиллерия прямой наводкой уничтожает огневые точки. Тем временем 30-й полк обходит станцию для удара с юго-запада. Докладывал Турчанинов умело и обстоятельно, хорошо ориентируясь в обстановке. Его спокойное лицо выражало внутреннюю собранность, волю. Мне он нравился еще и тем, что в его стройной, подтянутой фигуре одновременно была и юношеская легкость и мужественная строгость.

— Почему, Михаил Васильевич, образовался столь значительный разрыв между 30-м и 32-м полками?

— Полк майора Шакшаева рано развернулся в боевой порядок, товарищ командующий, и в этой непроглядной тьме сдвинулся вправо.

У меня возникла мысль: в образовавшийся разрыв ввести в бой 34-й полк подполковника Гераськина, а для наращивания усилий из глубины в случае необходимости использовать 5-ю отдельную мотострелковую бригаду. Офицер связи еще час тому назад вручил донесение подполковника Завьялова, что части бригады сосредоточились между лесопосадками, в трех километрах восточнее станции. Снова добрым словом помянул высокую подвижность полков Завьяловской бригады. Ввод ее в бой давал возможность усилить натиск более мощными силами. Для выигрыша ночного времени это было особенно важно. Правда, конно-механизированная группа временно лишилась бы одного из резервов, но в условиях гарантированного успеха это не страшно.

Генерал Тутаринов броском вывел 34-й полк на исходный рубеж и после артиллерийского налета атаковал южную часть поселка Октябрьский. По времени атака обоих полков совпала, и они ворвались в населенный пункт. Судя по шуму боя, немцы отчаянно сопротивлялись. Короткие боевые донесения

рисовали нам отдельные эпизоды боя: 3-й эскадрон 32-го полка ворвался в здание элеватора... 4-й эскадрон прорвался к железной дороге... Из города движутся две колонны немецких автомашин с пехотой... Ведется бой за станцию... Захвачена улица Чкаловского поселка... Немцы бьют по нашим боевым порядкам с чердаков, контратакуют...

И хотя, как мне казалось, бой развивался несколько в замедленном темпе, было ясно, что гарнизону станции этой ночи не пережить.

Чтобы пока не задействовать бригаду подполковника Завьялова (это привело бы к чрезмерному уплотнению боевых порядков в южной части поселка), пришлось несколько уточнить задачу генералу Танасчишину: 35-й танковый полк майора Ю. Н. Мельникова, наступавший на левом фланге механизированного корпуса, был введен в бой непосредственно за станцию для наращивания усилий кавалерийских частей. 36-й танковой и 13-й механизированной бригадам была отдана северная часть поселка Октябрьский. Это не требовало сложных маневров и было, как потом оказалось, полезным для дальнейшего развития боя за город.

Меня мало беспокоило то, что немцы подтягивали к станции пехоту. Чем больше выведут они сил из города, тем легче возьмем его. Назад они не вернуться. Надо сразу сказать, что эти вражеские колонны, как выяснилось позже, имели другую задачу и двигались дальше к Троицко-Сафоново.

Командир дивизии решил: как только боевые порядки втянутся в поселок, 30-му кавполку атаковать с запада, атаковать хотя бы частью сил и ворваться на их плечах в населенный пункт. По мере подхода развивать усилия из глубины. На дороге поставить сильный заслон. Правильно говорят: побеждает тот, кто последним наносит удар, а у нас их в запасе достаточно, сильных и неожиданных.

Лишь позже, когда к этим сведениям об обстановке приложились рассказанные подробности боя за станцию, мы узнали, какие удивительно яркие подвиги родились в это пасмурное мартовское утро.

Особенно внимательно следили мы за ходом боя полка майора Шакшаева, который ночью прорывался непосредственно к станции. Здесь гитлеровцы оборонялись ожесточенно и изобретательно. Учитывая, что немцы будут наиболее упорно оборонять станцию и другие важные объекты, командир полка в ходе боя создал штурмовые группы для их блокировки

и уничтожения. Они действовали дерзко, эффективно. Крепким орешком оказался элеватор. Установленные там пулеметы сковывали действия подразделений, рвущихся к станции. 4-й эскадрон капитана Стефанова в пешем строю прорвался к элеватору. Помощник командира 2-го взвода старший сержант К. Н. Сидоров с двумя казаками, уловив момент, проскочили через дорогу к стене элеватора. Из-за дома артиллеристы выкатили орудия и несколькими выстрелами пробили брешь в окне, заложенном кирпичом. Сидоров выскочил из-за угла, метнул туда гранату и пролез в здание. Вслед за Сидоровым в здание элеватора ворвался весь 2-й взвод, а за ним и взвод лейтенанта Дебошина из 3-го эскадрона. Схватки вспыхивали всюду: в пакгаузах, коридорах, на лестничных площадках. Наконец казаку Л. И. Крусиновскому удалось пробраться на верхний этаж. У окна три немецких солдата перезаряжали пулемет. Это были три последних солдата из того подразделения, которое после боя на элеваторе вошло в список безвозвратных потерь.

С падением такого сильного опорного пункта, как элеватор, значительно облегчился захват вокзала. Подразделения полка охватили его с трех сторон и штурмовыми действиями совместно с танками и артиллерией выбивали противника из домов, зданий, станционных построек. А подполковник Гераскин вел бой в поселке Чкаловский, пробиваясь на его западную окраину. Вскоре генерал Тутаринов доложил, что его полки очистили район станции. Все железнодорожные составы были целы и лишь один поезд, стоявший за станцией, продолжал ярко пылать.

— А какова судьба тех колонн автомобилей с пехотой, о которых докладывали разведчики?

— Видите ли, товарищ командующий, — Тутаринов мгновенно помолчал, а затем многозначительно закончил: — Эта колонна на станцию не пошла и в город не вернулась.

— Ну, что ж, нас устраивает любой вариант, ускоряющий выполнение задачи, — ответил я уклончиво, чувствуя, что тут может быть два варианта: или они разгромлены, или «организованно» сдались в плен.

— Их, товарищ командующий, разогнал казак Завьялов. Всю «обедню» испортил. Даже не знаю, наказать или наградить.

— Потом расскажешь, как это случилось, тогда и решим.

Позже, когда были учтены результаты боя в районе станции, оказалось, что гитлеровцы потеряли сотни человек толь-

ко убитыми, а еще больше — ранеными. На вокзале выстроили большую колонну пленных. Кто-то из офицеров сокрушался:

— Что же с ними делать?

Интересно, что ответит наш корпусной прокурор подполковник Фарбун, к которому был обращен вопрос. Фарбун покручивал свои длинные усы, выигрывая время, чтобы подумать. Сообразив, наконец, он подошел к офицеру и, сощурив свои без того узкие глаза, решительно сказал:

— Як що? Повернуть направо и скомандовать: «По шляху, на восток, в плен шаго-ом, марш!»

Да, именно так мы и поступали с пленными. Расчет был простой. Служба безопасности — СД и гестапо жестоко карали за попытку сдаться в плен. Не получали пощады и те, кому удавалось бежать из плена и вернуться в часть. В последнее время, когда армия их терпела поражение за поражением, карательные меры усилились и распространились на родственников в Германии. В этих условиях пленным лучше уж было числиться без вести пропавшими, чем вернуться в часть. Поэтому мы смело направляли колонны пленных навстречу войскам фронта в сопровождении отделения казаков. Те вели их по глухим местам. И мне не припоминается случая, чтобы пленные «образца 44 года» предпринимали попытку бежать. Фраза: «По шляху, на восток, в плен шаго-ом, марш!» стала популярной в войсках конно-механизированной группы.

На станции Новый Буг в наше распоряжение поступили эшелоны горюче-смазочных веществ, эшелоны продовольствия, шесть складов с боеприпасами и пятьсот исправных автомашин (всего около 2000 автомашин). Всеми этими трофеями мы распорядились по-хозяйски. Даже боеприпасы сослужили нам добрую службу, особенно мины и гранаты. Но кому, как не кубанским казакам, истосковавшимся по земле хлебобродной, понимать, какую великую ценность представляет захваченный элеватор с зерном.

Пока соединения, наступавшие с востока, дрались в районе станции, подполковник Андрианов овладел Ново-Дмитриевкой, пересек железную дорогу и по полевой дороге через Пады подошел к городу с севера. Успех сопутствовал и дивизии генерала Головского. К 7 часам его части уже оседлали все дороги, идущие из города Новый Буг на запад и юго-запад. Командир 10-й гвардейской кавдивизии доложил, что овладел населенными пунктами Петровка, Ново-Федотовка и

закрепился фронтом на юг. Город оказался окруженным со всех сторон. Разведчики отовсюду доносили хорошие вести: «траншей и инженерных заграждений на окраинах немного, в самом городе спокойно».

Мы выехали из поселка Чкаловский в тот момент, когда танкисты майора Ельникова, прикрываясь густым «частоколом» брошенных на дороге немецких автомашин, устремились к Новому Бугу. Слева от дороги, широко развернувшись в боевые порядки за танками своей дивизии, двигались в атаку гвардейцы генерала Тутаринова. Справа, низко по земле стлалась темная полоса дыма. Где-то за ней слышалась частая артиллерийская стрельба. Похоже, что там шел артиллерийский поединок между 15-й гвардейской мехбригадой полковника Н. Е. Щербакова и немецкой артиллерией. Можно легко представить наше настроение, когда мы увидели, что танки и кавалерия достигли окраинных улиц и исчезли за домами. И тут же посыпались донесения. Все части и соединения докладывали о том, что первыми ворвались в город Новый Буг. Все были первыми. Ну что ж, такова природа советских воинов — быть всегда первыми.

Генерал Головской, используя благоприятно сложившуюся обстановку, также ворвался двумя полками в южную часть города.

Комбриг подполковник Завьялов взмолился:

— Товарищ командующий, дайте моим орлам показать удаль молодецкую.

Но и без того было решено, что кавалеристы будут очищать южную часть города, а 5-я отдельная мотострелковая бригада — освобождать центральную и захватит все важнейшие административные пункты и мосты через балку. Получив задание, Завьялов просил и совсем не по-военному доложил:

— Все будет сделано, товарищ командующий, все будет в порядке.

Было трудно оставаться на месте, когда все дивизии, бригады и полки конно-механизированной группы уже дрались на улицах города. Мы выехали на площадь к церкви и здесь устроили себе передовой командный пункт. На улицах города стоял сплошной гул от треска автоматов и пулеметов, взрывов гранат и снарядов, лязга танков и самоходок. Время от времени слышались крики «Ура!» В городе происходило избиение охваченных паникой вражеских частей и подразделений. Внезапность была полнейшая. И все-таки некоторая

часть вражеской пехоты с техникой вырвалась из города и пыталась пробиться на запад по дороге на Софиевку. Генерал Головской успел перехватить эту дорогу силами 133-го кавалерийского полка подполковника Т. А. Иванова. Полк, успешно выполнив задачу, вышел сюда налегке, часть артиллерии застряла в глубокой грязи.

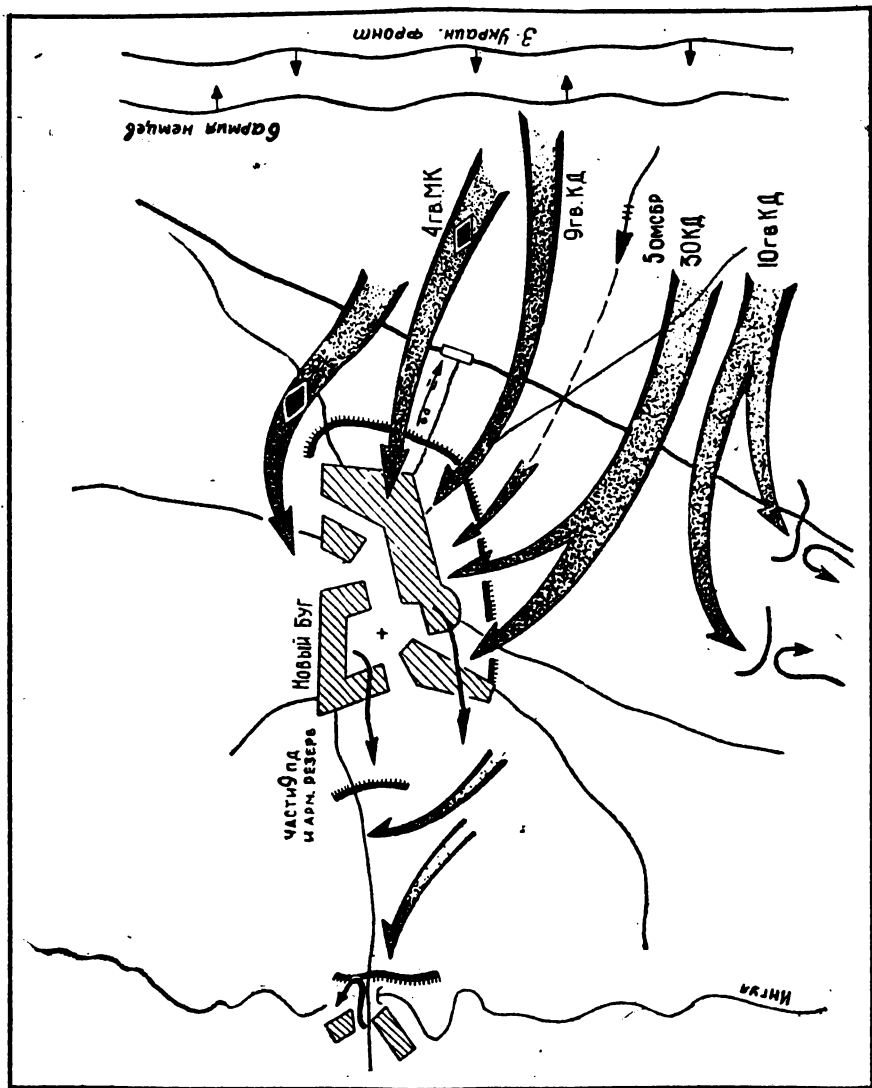
Прорвавшаяся из города вражеская пехота попала под сильный пулеметный огонь и залегла. Гитлеровцы пустили вперед танки и двинулись в атаку. Положение, как рассказывал подполковник Иванов, было, что называется, и смех и горе. Вообще-то настроение у казаков было радостное: город решительной атакой взят, фрицы разбиты и бегут. Но вот беда, бегут-то атакуя, да еще с танками.

Наши эскадроны, торжествуя победу, пережили все же неприятные минуты. Танки противника шли медленно, чтобы не отрываться от утопающей в грязи пехоты. Казаки, используя каждую складку местности, залегли на плащпалатках и ждали. Командир сосредоточил огонь всех соседних эскадронов по атакующей пехоте противника. Но гитлеровцы лезли напролом, видя в этом единственное спасение. И вдруг кто-то из казаков вскочил и бросился навстречу танкам противника. За ним еще несколько. Они бежали, падали, ползли, снова вскакивали и бежали. Подразделения усилили фланговый огонь по пехоте, стараясь прижать ее к земле. Ряды атакующих немцев таяли, но оставшиеся в живых все шли и шли вперед, ведя огонь на ходу. Три взрыва раздались почти одновременно, потом снова взрывы и снова. Танки загорелись густым черным огнем. И будто от этих взрывов сдетонировало мощное «Ура-а!» контратакующих казаков...

С чувством большого удовлетворения я подписал наградные листы на младшего лейтенанта Михайлова и тех двух казаков, которые бросились вслед за ним (к сожалению, фамилии их не смог восстановить). Был награжден также командир эскадрона капитан Филиппов и другие.

К 10 часам бой в городе начал затихать. Улицы заполнились толпами освобожденных жителей. Их радостное возбуждение передавалось бойцам, снимало тяжелую усталость, зажигало на их лицах счастливую улыбку.

Я связался с начальником штаба, находившемся со своим штабом в поселке Октябрьский, и передал, чтобы были подготовлены боевые распоряжения: закрепиться на достигнутых рубежах, подтянуть оставшуюся боевую технику, привести в

БОЙ ЗА НОВЫЙ БУГ.

порядок материальную часть, вооружение и конский состав, накоротке, но хорошо организовать питание и отдых людей. Боевая задача оставалась прежней — наступлением на юг отрезать пути отхода главным силам 6-й немецкой армии. Наша оперативная группа развернула пункт управления в одном из домов при выходе из южной окраины города. Сюда к середине дня должны были прибыть штабы генерала Пичугина и генерала Жданова.

В ходе прорыва и развития наступления на Новый Буг мы с величайшим трудом проводили, а вернее, протаскивали через вязкую топь боевую технику. Шли на самые различные ухищрения. Впереди, например, двигались четыре автомашины высокой проходимости, соединенные между собой жесткой сцепкой. Помогая друг другу, они пробивали в грязи колею. За первым автопоездом двигался второй, третий, а дальше шли автомобили без сцепок.

— Кто придумал? — спросил я у заместителя командира автобата капитана П. Ф. Давыдова.

— Не знаю, товарищ командующий, все придумали, — ответил мне капитан Давыдов.

Лишь потом узнал, что это была его выдумка. Способ капитана Давыдова был внедрен во всей конно-механизированной группе. Мы быстро подтянули все «хвосты».

Направив командующему войсками донесение о том, что его приказ — взять Новый Буг к вечеру 8 марта — выполнен на сутки раньше, очень сожалел, что не смог донести при этом о захвате в плен оперативной группы генерал-полковника Холлидта. Во второй половине ночи группа выехала в город Николаев. Пленные рассказали, что поздно вечером из Нового Буга были отправлены три эшелона с ранеными и наиболее важными материалами штаба армии. Части, обслуживающие штаб, грузились уже под пулеметным и минометным огнем, и лишь в последний момент этому эшелону удалось выскользнуть из города. Но большая часть оборудования и материалов 549-го армейского полка связи и почти весь автотранспорт, который должен был идти своим ходом, были захвачены нами. А тот самый поезд, который так ярко пылал на станции, был, оказывается, гружен имуществом штаба армии. Его не успели отправить, дорога была уже перерезана. Генерал Холлидт приказал весь поезд сжечь. Но кое-какие документы оказа-

лись в руках наших разведчиков. Мое внимание привлек приказ командира 30-го армейского корпуса, возглавляющего одновременно группу войск генерала фон Эдельхайма. Генерал требовал от командиров дивизий ответить на такие вопросы:

Почему местный прорыв противника у с. Зеленая распространился так быстро и перерос в общий прорыв?

Что привело к такому быстрому падению и к беспорядочному отходу?

«Кроме того,— говорилось в этом документе,— согласно приказу господина-командующего, командиру 16-й мд провести следствия по всему ходу прошедших боев. Виновные командиры должны быть осуждены военным судом соответственно их положению».¹

Генерал фон Эдельхайм не успел получить ответа на свои вопросы. Да и вряд ли кто-нибудь из командиров разгромленных дивизий мог правильно ответить на них. Они, я убежден в этом, сами не успели осознать, как могло это произойти, если сам фюрер уверял, что «весенняя распутица позволит стабилизировать фронт и создать условия для достижения новых побед на полях России».

ПОВОРОТ НА ЮГ

Весь день в Новый Буг прилетали самолеты У-2. Они доставляли нам боеприпасы и запчасти. На обратном пути увозили раненых. Весь день волна за волной набрасывалась вражеская авиация на боевые порядки наших полков и дивизий. К вечеру, когда уже начали сгущаться сумерки и все было готово для возобновления рейда в новом направлении, начальник штаба доложил мне новый приказ командующего войсками фронта. Он был очень коротким: «Конно-механизированной группе наступать на юг, к утру 9 марта овладеть районом Привольное, Баштанка, Явкино. К утру 10 марта — городом Николаев, отрезав таким образом пути отхода противнику, действующему в полосе нижнего течения Днестра»². Было приказано также удерживать Новый Буг до подхода пехоты 8-й гвардейской армии силами полков 5-й отдельной мотострелковой бригады. Таким образом, нам пред-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 2914, д. 238, л. 217.

² Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 20 376, д. I, л. 16.

стояло немедленно изменить направление наступления на деляносто градусов и стремительно двинуться на юг, перерезая дорожные пути, идущие от Днепра на запад, к южному Бугу.

— Сроки сдвинулись, а сил поубавилось,— прокомментировал приказ генерал Пичугин.

— Передайте, Николай Александрович, генералу Головскому: немедленно активизировать действия по захвату переправ через реку Ингулец, в районе Софиевки и Оленовки. Это следует сделать силами усиленного передового отряда дивизии.

Начальник оперативного отдела, записывавший мое распоряжение, сдержанно напомнил:

— Эти переправы, товарищ командующий, находятся не южнее, а западнее Нового Буга.

— Конечно,— согласился я,— пусть вражеское командование думает, что мы будем продолжать наступление на запад с целью захвата переправ и плацдармов на Ингульце, а затем на реке Южный Буг.

— Завтра будет летная погода,— доложил начштаба, подавая на подпись телеграмму командующему 17-й воздушной армией генералу Судец с просьбой надежно прикрыть с воздуха боевые порядки конно-механизированной группы, особенно при бое за город Баштанка и Явкино.— Если и завтра вражеская авиация будет так же бесчинствовать, то могут быть новые серьезные потери и осложнения.

Действительно, можно было полагать, что какое-то время штаб Холлидта будет исходить из сведений, что действующая в его оперативном тылу конно-механизированная группа ведет борьбу за переправы на реке Ингул. Но уже при бое за Баштанку станет ясно, что она развивает наступление не на запад, а в новом южном направлении и угрожает отрезать пути отхода на запад главным силам 6-й немецкой армии и всей нижнеднепровской группировке. Такая мрачная перспектива, возникшая на фоне общего наступления советских войск на Правобережье Днепра, наверняка должна была породить у командования 6-й немецкой армии решение отвести эту группировку за реку Южный Буг. Но это, в свою очередь, означало, что 28-й, 4-й, 17-й и 44-й армейские корпуса немцев, стремясь прорваться на запад, «навалятся» на боевые порядки конно-механизированной группы. Где и когда это случится?..

Скорее всего во второй половине 9 или 10 марта. Значит, к этому времени надо создать условия для нанесения целого

ряда ударов по отходящим войскам противника. Эти предположения продиктовали решение двинуть 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус на юг левее железной дороги, в общем направлении на Явкино, а 4-й гвардейский Кубанский казачий корпус — параллельно, правее на Баштанку. Оба корпуса должны были иметь вторые эшелоны уступом влево. С тыла их прикрывали резервы конно-механизированной группы. Такое построение давало возможность в нужный момент развернуть группу фронтом на восток, имея в первом эшелоне механизированный, а за ним — кавалерийский корпуса, и позволяло наносить удары, наращивая их мощь вводом в бой кавалерийских дивизий в любом варианте, в зависимости от конкретно складывавшейся обстановки.

К тому же на внешнем правом фланге оказывались части соединения второго эшелона каждого корпуса, что обеспечивало нас от всяких неожиданностей с запада.

Едва стемнело, корпуса конно-механизированной группы двинулись вдоль железной дороги на юг.

Всю ночь по дороге и по бездорожью безостановочно наступали в предбоевых порядках бригады и дивизии. Перед хуторами и селами их передовые отряды бесшумно разворачивались и, казалось, неторопливо врывались в них, сбивая и уничтожая заслоны, тыловые и маршевые части, захватывая штабы и уничтожая средства связи, громя колонны автомашин, идущих к фронту с грузами боевого имущества, боеприпасами, продовольствием. Особенно частые и яростные схватки вспыхивали у сел, прилегающих к железной дороге, в которых, как правило, располагались склады боеприпасов и горюче-смазочных веществ. Охрана этих пунктов у гитлеровцев была организована хорошо, они оборонялись усиленными гарнизонами.

Как бы то ни было, рейд развивался успешно и можно было надеяться, что Баштанка разделит участь Нового Буга. Но случилось так, что это большое село, лежащее на скатах огромной балки, заполненной водой, оказалось крепким орешком. Оно имело для противника важное значение как крупный узел дорог, проходящий возле железнодорожной магистрали. К тому же Баштанка — это мощный опорный пункт, прикрывающий с севера и с востока ряд коммуникационных дорог, которые питали нижнеднепровскую группировку противника всем необходимым для жизни и боя. В общем, Баштанка имела важное оперативное значение.

Было уже около семи часов, когда полки 10-й гвардейской кавалерийской дивизии начали атаку северо-западной окраины Баштанки. Мы находились в это время в лесопосадке у высоты 87,1 и хорошо видели, как вслед за танками казаки шли в атаку в спешенных боевых порядках. А в это время слева между железной и шоссейной дорогами подтягивал свои полки генерал Головской. До рубежа атаки северо-восточной части села им оставалось километра три. И вот в это время в небе послышался знакомый уже тяжелый стон, каким всегда казался гул немецких самолетов. Они появились с юго-запада и без боевого захода сразу спикировали на боевые порядки 10-й гвардейской дивизии. Другая группа штурмовиков прошла дальше, намереваясь, видимо, нанести бомбоштурмовой удар по 4-му гвардейскому механизированному корпусу, который натолкнулся на организованную оборону у разъезда Горожаны. 15-я гвардейская мехбригада с 212-м танковым полком попыталась сбить противника с позиций, оборудованных вдоль железнодорожной насыпи, но сразу это у них не получилось. Противник вел плотный огонь из самоходных и противотанковых орудий. Вот сюда, как мне казалось, и направилась вторая группа штурмовиков. Но она неожиданно развернулась и обрушила свой удар по дивизии генерала Головского. Вой пикирующих штурмовиков, оружейная канонада, взрывы бомб и снарядов — все слилось в сплошной гул и рев.

Если бы командир 10-й гвардейской дивизии продолжал решительную атаку, выведя полки из-под бомбового удара броском, зацепился бы за окраину села, то авиация противника во избежание поражения своих частей была бы вынуждена прекратить налеты. Но вместо этого он рассредоточил боевые порядки, которые укрылись в складках местности и лесопосадках.

Позже командир 10-й дивизии сказал, что под Баштанкой его полки славно выскользнули из-под двойного удара с воздуха и из опорного пункта. Но генерал Головской расценил это «выскальзывание» как серьезную тактическую ошибку командира дивизии. Между ними произошел, как мне потом рассказали, примерно такой разговор:

— Надо понимать, что вы говорите, — резко возразил командир 10-й. — Рассредоточение боевых порядков спасло полки от гибели.

— Значит, они находились на краю гибели, а не на пороге

победы, о которой вы тогда докладывали? — спокойно и без иронии подметил Николай Александрович.

— Во всяком случае продолжение атаки принесло бы большие потери.

— Сомневаюсь. А вот то, что вы сделали, привело к тяжкому бою, а значит, к излишним потерям.

Бой за город Баштанку был крайне напряженным. Когда стало ясно, что с ходу город не взять, а его нельзя было оставлять в тылу конно-механизированной группы, так как через него нужно было тянуть наши госпитали и тылы, генералу Танасишину была поставлена задача: правофланговыми бригадами обойти Горожаны и продолжать действия на село Красный Пахарь и дальше на Ново-Григорьевку, а главными силами развивать наступление на Явкино, стремясь захватить опорные пункты в Ново-Сергеевке, Ново-Павловке и Ново-Ивановке с ходу. Если это не удастся сделать — немедленно обходить их. 15-я мехбригада и 212-й танковый полк, наступавшие между главными силами мехкорпуса и кавкорпусом, получили благоприятные условия, чтобы обойти Баштанку и создать угрозу удара с юго-востока.

Дальше события развивались так. Дивизия генерала Головского, несмотря на непрерывную бомбежку и обстрел вражеской авиации, часто расчленилась и маневрируя, подошла к Баштанке, развернулась за лесопосадками у балки и атаковала северную и северо-восточную окраины города. Гитлеровцы предприняли сильную контратаку пехоты с танками. Эта попытка отбросить казаков не удалась, немцы отхлынули назад. Для многих из них эта атака была последней.

Чтобы не посылать казаков по непролазной грязи на хорошо организованный огонь узла сопротивления противника, было решено под прикрытием лесопосадок выдвинуть на прямую наводку всю артиллерию дивизий, танки, самоходные орудия и расстрелять огневые позиции противника. Эта задача оказалась не из легких. «Фокке-Вульф-190» и «Хейнкель-129» совершенно обнаглели. Оказывается, полевой аэродром находился за Баштанкой, и они, отбомбившись, быстро заправлялись и снова набрасывались на нас. Но, несмотря на неистовство противника в воздухе, наступление на левом фланге продолжало развиваться. Механизированная бригада подполковника Андрианова обошла разъезд Горожаны и прошла мимо Баштанки на село Красный Пахарь. Главные силы корпуса, по боевым порядкам которых с самого утра наносила бомбо-

штурмовые удары вражеская авиация, захватили Ново-Сергеевку и Ново-Ивановку.

Судя по донесению генерала Жданова, немецкие штурмовики наделали много хлопот. Он доложил, что в результате бомбежки и обстрела штурмовой авиацией имеются потери. Экипажи танков находились в машинах и непрерывно маневрировали, уходили из-под ударов, срывая прицельность огня...

В это время я получил сообщение начальника штаба фронта генерала Корженевича о том, что командование 6-й немецкой армии, очевидно, ночью начнет отводить главные силы на западный берег реки Ингулец. Он высказал предположение, что противник в случае организованного отхода предпримет попытку удержать плацдармы на ее восточном берегу. Мне приказывалось, продолжая выполнять задачу, взять Баштанку, Явкино и развивать наступление на город Николаев.

В середине дня на огневые позиции противника, расположенные по окраинам Баштанки, обрушился прицельный огонь артиллерии прямой наводки. Полки 10-й гвардейской кавалерийской дивизии вслед за танками пошли в атаку. Немецкие штурмовики, вынырнувшие из-за облаков, ринулись вниз и на бреющем полете начали рассыпать ручные гранаты, обстреливать из пулеметов. Теперь нельзя было допустить, чтобы наша атака была отбита. Это стоило бы еще многих часов боя, потерь, а быть может, и провала главной цели операции — не допустить отхода противника за Южный Буг.

Наступали сумерки, когда мы поехали в село через боевые порядки 42-го кавалерийского полка. Мне встретился заместитель командира полка майор Евстрафов со взводом казаков. Это был храбрый офицер, умеющий видеть поле боя и правильно разбираться в обстановке. Хорошо проявил себя и командир этого полка подполковник Таранин — волевой, грамотный офицер. Он называл майора Евстрафова «мой боевой заместитель».

Нам удалось проскочить зону огня и зацепиться за северную окраину Баштанки. Все полки дивизии ворвались в село. Дом, где расположился наш передовой командный пункт, находился на высоте, и с его крыши все вокруг хорошо просматривалось: справа — небольшое озеро с плотиной, прямо — пруд, тянувшийся через все село (на нем было три дамбы), и вся противоположная сторона села. Видимо, строжайшие приказы и репрессии оказали свое воздействие, немцы дрались с предельным ожесточением. Каждый дом и улица брались с

бою. Лишь к вечеру удалось пробиться к пруду, на противоположном берегу которого закрепились подошедшие со станции Явкино свежие силы. Во всех прибрежных домах были установлены огневые точки. Особенно укреплены районы дамб.

Генерал Головской после неудачной атаки северной части Баштанки начал обходный маневр 133-м кавполком для удара с юга. Я одобрил его решение и сообщил, что такой же обходный маневр совершит 36-й кавполк 10-й гвардейской дивизии. Он нанесет удар по юго-западной окраине села, а чтобы сковать силы противника, будут предприняты атаки в районе дамб. После этого связался с командиром 10-й гвардейской и, уточнив задачу на дальнейшие действия, сообщил ему о героизме майора Евстрафова и передал, чтобы на него немедленно представили наградной материал.

— Это мы оформим, товарищ командующий, — с печальной ноткой в голосе ответил комдив и добавил: — Я временно назначил заместителем командира полка капитана Резникова.

— Почему Вы это сделали?

— Разве Вам не доложили, что майор Евстрафов погиб?

— Когда это случилось и как?

— Его убил снайпер. Пуля угодила прямо в лоб.

В этот день 42-му полку не везло. Уже к концу боя за Баштанку мне доложили, что погиб начальник штаба майор Прокопенко, ранен командир полка подполковник Таранин. Все командование полка выбыло из строя. Был ранен также смелый и опытный командир 36-го полка подполковник Оринчико и многие другие.

Но гитлеровцы потеряли значительно больше. Осуществив обходные маневры, казачьи дивизии полностью разгромили 79-ю пехотную дивизию, находившуюся в оперативном резерве 6-й армии на Снигиревском направлении. Разгром этот несколько затянулся. Но опять-таки, если учесть, что он завершился под непрерывным воздействием вражеской авиации и в условиях непролазной грязи, то времени ушло не так уж много.

Этот успех был подготовлен тем, что 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус, захватив несколько важных населенных пунктов, через которые шли дороги от Днепра в Западном направлении на Баштанку, не допустил подхода новых сил. К вечеру передовая 14-я гвардейская мехбригада полковника Н. А. Никитина овладела большим селом

Ново-Ивановка. Этого рубежа достигли также 36-я гвардейская танковая бригада полковника П. С. Жукова и 13-я гвардейская механизированная бригада подполковника Н. Е. Щербакова.

Если взглянуть на ход военных событий в перспективе сверху, то конно-механизированная группа достигла несомненно большого оперативного успеха: разрешила 6-ю немецкую армию на две части, были нарушены связь и управление войсками; отрезаны пути отхода главных сил 6-й «армии мстителей» и подхода оперативных резервов; ликвидированы все виды подвоза и эвакуации наземными путями; созданы реальные условия окружения главных сил и всей нижнеднепровской группировки противника. Перед «армией мстителей» вновь воскресла альтернатива: спасение или гибель. Генерал-полковник Холлидт предпринял отчаянную попытку остановить танковые и казачьи войска (так немцы называли нашу подвижную группу). Этому, казалось, решающим образом способствовали, с точки зрения командования противника, по меньшей мере три компонента: возможность безнаказанно терзать конно-механизированную группу с воздуха; непролазная грязь, которая сковывала движение дивизий и корпусов; и, наконец, то, что оперативные резервы на правом крыле еще не были введены в бой, они могли быть перенацелены против конно-механизированной группы. Это бы создавало для противника более благоприятные условия борьбы против нее в зоне оперативных резервов Снигиревского направления.¹

«Город Баштанка взят. Развиваем наступление на Явкино и г. Николаев». Это донесение было направлено в штаб фронта под вечер 9 марта. Примерно в это же время были получены боевое распоряжение и краткая информация об оперативной обстановке. Оказалось, что дела наши в общем-то идут хорошо, а по мнению штаба фронта, даже еще лучше. На фоне общего хода событий так оно и было. Если взглянуть на положение сторон к югу от линии Широкоз — Новый Буг, то к исходу 9 марта войска 6-й, 5-й ударной и 28-й армий продолжали упорно взламывать оборону противника. Поэтому необходимо было стремительным наступлением на юг, юго-восток перехватить дороги, особенно идущие через Снигиревку и

¹ На Снигиревском направлении в оперативном резерве находились 125-я, 111-я и 79-я пехотные дивизии противника.

Бармашово на Николаев. Это была последняя отдушина, через которую еще могла просочиться нижнеднепровская группировка противника на запад. Все наши действия были подчинены стремлению возможно быстрее закрыть эту отдушину. Мыслилось, что кавалерийский корпус наступлением вдоль шоссе и железной дорог, а механизированный корпус через Бармашово выйдут к городу Николаев и совместным штурмом возьмут его. Были определены направления и время ударов, порядок взаимодействия и так далее.

Одним из распоряжений генерал Миллеров отстранялся от должности командира 10-й гвардейской кавалерийской дивизии и отзывался в распоряжение Главного инспектора кавалерии Советской Армии. Вместо него самолетом связи прибыл новый комдив полковник Гадалин. Это был офицер средних лет, невысокого роста. Держался он скромно и внешне спокойно. Я коротко ввел его в боевую обстановку и поставил задачу дивизии. Однако произошли события, которые внесли в наш план некоторые изменения.

10-я гвардейская кавалерийская дивизия уже возобновила наступление, а 30-я кавдивизия вытягивала свои полки в предбоевые порядки для удара на Ново-Григорьевку, когда со стороны Ново-Павловки в Баштанку неожиданно ворвались крупные силы пехоты противника, отходящие с востока. Вновь вспыхнул ожесточенный бой.

Он затянулся далеко за полночь. Резко усилилось давление противника и на левый фланг механизированного корпуса, а тем временем 10-я гвардейская продвигалась вперед и к утру захватила Марьяновку, в четырнадцати километрах по дороге на Николаев.

Обстановка с каждым часом становилась все сложнее и напряженнее. Пленные в один голос говорили, что начался отход главных сил за реку Южный Буг. Это было видно и по тому, с каким ожесточением противник дрался на рубеже Добра, Ново-Григорьевка, Явкино, стремясь прикрыть с севера дорогу, идущую через Снигиревку на Николаев. Обстановка диктовала необходимость не допустить закрепления на этом рубеже оперативных резервов противника и, разгромив их здесь, захватить Явкино и Бармашово. Какое-то время можно решать эту задачу, не нарушая плана командующего фронтом, так как при благоприятном развитии боевых действий можно будет от Бармашова всеми силами двинуться на город Николаев. А 10-я гвардейская кавдивизия должна про-

должать наступление и к моменту подхода главных сил создать благоприятные условия штурма города.

Перед вечером радиосвязь с генералом Танасчишиным снова прервалась. Николай Александрович хотел было уже послать офицера связи, когда мне доложили, что связь восстановлена, и командир 4-го гвардейского мехкорпуса хочет доложить вновь сложившуюся обстановку.

— Что у вас произошло с рацией? — поинтересовался я.

— Не везет мне с командным пунктом, товарищ командующий. Только устроился в поле (он назвал координаты места КП в четырех километрах южнее разъезда Пружаны), почему-то именно над ними закружил «Хейнкель-129». Он сбросил несколько бомб, а затем обстрелял из пулемета. Танк с рацией был замаскирован в стогу, сено загорелось, а рация оказалась поврежденной. Сейчас мы ее исправили.

— Доложите обстановку.

— Только что противник провел сильную контратаку со стороны Ново-Ивановки, 36-я танковая и 13-я мотострелковая бригады ведут бой. Ново-Васильевка удерживается нами. Главные силы корпуса встретили под Ново-Григорьевкой организованное сопротивление. На разъезде Горожаны 35-й танковый полк, закончив заправку машин, приводит себя в порядок.

— У вас карта под руками?

— Да.

— Слушайте внимательно. Бригады перенацелить для стремительного наступления по сходящимся направлениям: Ново-Григорьевка — Явкино, Ново-Васильевка — Явкино. К полуночи овладеть населенным пунктом Явкино. В дальнейшем развивать наступление на Бармашово. Танковый полк к 24 часам направьте на участок 30-й кавалерийской дивизии для содействия в разгроме прорывающейся на Баштанку колонны противника.

Утром из штаба фронта прилетел самолет связи. Командование считало, что в эту невероятно тяжелую ночь конно-механизированная группа решила оперативную задачу большой важности.

Офицер связи рассказал, что ночью 4-й и 17-й армейские корпуса немцев начали отводить свои дивизии на участок между Баштанкой и Явкино. Здесь-то и столкнулись передовые части и оперативные резервы с конно-механизированной группой. В то же время противник сосредоточил северо-вос-

точнее Баштанки три пехотные дивизии и нанес контрудар по левому флангу 8-й гвардейской армии, развернувшейся фронтом на юг для наступления вслед за конно-механизированной группой.

Оказывается, армия генерала Чуйкова имела теперь новую задачу. После того, как наступление конно-механизированной группы открыло перспективу окружения главных сил 6-й немецкой армии, командующий войсками фронта повернул армию Чуйкова вслед за нами на юг, чтобы завершить окружение главных сил 6-й «армии мстителей» в низовьях Днепра и разгромить их во взаимодействии с конно-механизированной группой и войсками 6-й и 5-й армий фронта. Контрудар, который нанес противник северо-восточнее Баштанки, несколько отбросил 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Мы узнали также, что оперативная группа штаба 6-й армии немцев выехала из Николаева в Ново-Одессу и что в Николаев сутками раньше прибыло четыре железнодорожных состава с войсками, один с артиллерией и пять с автомашинами. Теперь стало понятно, почему на рубеже Добра, Ново-Григорьевка, Явкино наша разведка в ночь на 10 марта обнаружила особенно большое оживление противника. У меня складывалось впечатление, что успешный рейд конно-механизированной группы по коммуникациям 6-й армии немцев серьезно дезорганизовал ее оперативный тыл, вызвал в ее штабе растерянность, а в войсках панику.

...Офицер связи вручил мне боевое распоряжение командующего войсками фронта. Вот его содержание: «9. 3. 44 г. 22. 50. В течение дня 10. 3. 44 г. овладеть районом Марьевка, Бармашово, Явкино. Иметь сильную разведку на Николаев, Чернополье, Снигиревка, Березнеговатое. Отрядом захватить переправу у Снигиревки».¹

— Это означает, товарищ командующий, что мы должны вести наступление на фронте свыше двадцати километров, а два крайних пункта (Марьевка и переправа) находятся в пятидесяти километрах друг от друга,— прикинул по топокарте полковник Компаниец.

— А ведь половина этой задачи почти выполнена,— заметил Николай Александрович,— дивизия полковника Гадалина только что овладела селом Добрая Криница. До Марьевки ей

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 10 376, д. 1, л. 18.

осталось шесть километров. На этом пространстве разведка обнаружила лишь мелкие подразделения и части.

Получено боевое донесение от генерала Жданова. Он сообщает, что на рубеже Добра, Ново-Григорьевка, Ново-Братское продолжаются напряженные бои. 14-я гвардейская мехбригада ворвалась на станцию Явкино. Но на этом рубеже появились новые отходящие на запад части. Бригада была контратакована. Противник охватил ее с флангов. Она ведет тяжелые бои. Особенно ожесточенные бои развернулись в районе Ново-Григорьевки.

— В общем-то правильно, — пришлось согласиться с ними, — но надо несколько иначе выразить эту мысль. Не конномеханизированная группа в тяжелых условиях отражает натиск противника на этих рубежах, а противник предпринимает отчаянные попытки спасти свои войска ввиду безвыходного положения, в которое он попал в связи с действиями конномеханизированной группы в его оперативных тылах. — И уже, обращаясь к офицеру связи, сказал: — Доложите командующему войсками фронта, что гвардейские кавалерийские дивизии возобновляют наступление и будут введены в бой для развития усилий 4-го гвардейского механизированного корпуса на участке Добра, Ново-Григорьевка.

Разговаривая, мы не заметили, как в дом вошел подполковник Завьялов и скромно остановился у дверей, в ожидании момента, когда можно будет доложить о прибытии 5-й отдельной мотострелковой бригады. Увидев комбрига, мы так обрадовались, что забыли об официальных.

— Как это ты, Николай Иванович, сумел провести свою бригаду, если между нами и чуйковцами «толстый слой» противника? — поинтересовались мы.

— Прорвались по-над насыпью. Бригада сейчас сосредоточена возле железной дороги, тут против Баштанки. Я направился на северную окраину, да вот мальчонка сказал, что возле МТС какой-то генерал остановился. Решил узнать.

— Благодарю вас, Николай Иванович, — мне почему-то не хотелось называть его официальными словами, — понимаю, что личный состав бригады устал, но передышки вам не будет. Немедленно наступайте вдоль железной дороги на Ново-Григорьевку. Левее бригады будут действовать кавалерийские дивизии.

Мы договорились об организации взаимодействия, и комбриг ушел.

День 10 марта был, пожалуй, наиболее напряженным за весь период рейда. На наши предельно уставшие в непрерывных боях полки и дивизии продолжали наваливаться и давить все та же вконец обнаглевшая авиация противника и непрерывно увеличивающийся поток отходящих на запад от Днепра немецких войск. Авиация 4-го воздушного флота немцев и румынского авиационного корпуса с утра вновь обрушила свои удары по соединениям конно-механизированной группы.

Захват Доброй Криницы создал реальную угрозу городу Николаев, так как севернее его у 6-й немецкой армии в это время не было необходимых сил, способных остановить нас. В отчаянии командование «армии мстителей» бросило против 10-й гвардейской кавалерийской дивизии крупные силы штурмовой авиации. Части наши несли потери.

Полковник Гадалин доложил, что приостановил наступление до темноты.

— Продолжать наступление по открытой местности,— обосновал он свое решение,— значит, поставить дивизию под расстрел штурмовой авиации противника.

Это прозвучало, конечно, неубедительно. Надо было просто изменить тактику наступления. Ну хотя бы пульсировать броски вперед в зависимости от действий вражеской авиации. Но я не стал отменять решение комдива, так как по всему было видно, что направление рейда изменится. Конно-механизированной группе придется наступать на восток и громить отходящие от Днепра главные силы нижнеднепровской группировки.

Утром кавалерийские дивизии встретились с частями 17-го армейского корпуса. Зная о подходе этих колонн, полковник Марченко успел сосредоточить на огневых позициях артиллерию и нанес по ним мощный огневой удар. Боевые порядки казаков, идущие за танками, атаковали растрепанную артотделом колонну, и началась борьба в ожесточенном ближнем бою. Это был бой насмерть, на полное уничтожение противника, так как из-за топкой грязи он просто не мог оторваться и отойти. Поражало, с каким отчаянием дрались эти отходящие части. 147-й полк противника успел закрепиться на рубеже железнодорожной будки и отметок 81,6 и 81,0.

Измотанные непрерывными круглосуточными боями, казаки и части 5-й отдельной мотострелковой бригады просто чудом находили в себе силы смелыми и дерзкими атаками наносить тяжелые потери непрерывно подходящим к этому рубежу

частям и подразделениям противника. Получилась очень сложная обстановка. Доложить в штаб фронта — не поверят. Впереди в районе Ново-Григорьевки 4-й гвардейский Сталинградский мехкорпус атакует заранее подготовленные позиции противника. Он рвется на юг. А его 14-я механизированная бригада, ворвавшаяся на станцию Явкино (это совсем рядом, к западу), попала в окружение. Но дерется так, что окружившие части не знают, как к ней подступиться. Севернее, буквально за боевыми порядками мехкорпуса, «спиной» к нему, а значит, фронтом на север, обороняется 9-я пехотная дивизия противника, стремясь преградить путь казачьему корпусу. В свою очередь в его тылу, где-то севернее Баштанки, 29-й армейский корпус и другие соединения противника сдерживают натиск 8-й гвардейской армии. И лишь 10-я гвардейская дивизия не ведет боя с наземным врагом. Ее атакуют только с воздуха. Бессильная что-либо предпринять, она притаилась в Доброй Кринице в ожидании темноты.

В этих условиях важно было не дать противнику закрепиться на рубеже Добра, Ново-Григорьевка и не допустить отхода его войск на Николаев по дорогам, проходящим южнее. Для более быстрого решения этой задачи предлагались разные варианты: удар частью сил 4-го гвардейского мехкорпуса с тылу по группировке, пытающейся сдержать кавалерийские дивизии; и удар 10-й гвардейской кавдивизией во фланг противнику, закрепившемуся в районе Добра, Ново-Григорьевки и другие. Но каждый из них в условиях непролазной грязи и непроглядной тьмы требовал времени для проведения перегруппировки, организации взаимодействия и т. д.

Надо было разгромить 9-ю пехотную дивизию немцев ударом как с фронта, так и с флангов, сосредоточив на участке прорыва массированный огонь всей артиллерии группы. Маневр огнем — вот главный козырь в конкретно сложившейся обстановке.

Дело клонилось к вечеру, поэтому был отдан приказ всем дивизиям и бригадам группы быть готовым к решающему ночному штурму позиций противника. И тут мне передали боевое распоряжение командующего войсками фронта, в котором генерал армии Р. Я. Малиновский приказывал к исходу 11 марта овладеть районом станций Заселье, Бурхановка, Снигиревка. Обращалось внимание, что с выполнением этой задачи все пути отхода противника на Николаев будут отрезаны.

Понимая, что по дорогам через Снигиревку на Николаев

хлынет основная масса вражеских войск и конно-механизированной группе придется дробить и громить их, командующий войсками фронта передавал в мое распоряжение 23-й танковый корпус. В боевом распоряжении это формулировалось так: «...23 тк к утру 11.3 перейти в район Баштанки и поступить в распоряжение гвардии генерал-лейтенанта Плиева, в состав его группы».¹

ХОЛЛИДТ: ВСЕ ПОДЧИНИТЬ ПРОРЫВУ ЗА ЮЖНЫЙ БУГ

Пленный офицер держался спокойно, говорил неторопливо, обстоятельно.

— Важный, на мой взгляд, разговор произошел между командиром нашего корпуса и генерал-полковником Холлидтом. Он объективно доложил бедственное положение, в котором оказался корпус в связи с появлением подвижной группировки русских в нашем тылу. Генерал Холлидт приказал все подчинить прорыву за Южный Буг. Я понял так, что сегодня ночью будет предпринята попытка пробить коридор через Ново-Григорьевку и закрепить его.

Эти действительно важные показания можно было не проверять. Генерал Танасчишич уже докладывал, что его разведка обнаружила сосредоточение крупных сил пехоты восточнее Ново-Григорьевки.

— Почему вы столь откровенно раскрываете действия своих войск?

Офицер потер пальцами помятый годами и переживаниями лоб, покачал головой.

— Конечно, не для того, чтобы в эту ночь погибли те, кто готовится прорваться... Чем быстрее закончится война, тем больше останется живых.— Он рассказал, что призван в армию всего несколько месяцев назад. Раньше работал на военном заводе и руководил подпольной антифашистской группой.— Нашу помощь вы не замечаете,— грустно улыбнулся офицер,— обращают обычно внимание на тот снаряд, который взорвался, а наша работа — те, которые не взрываются...

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 20 376, д. 1, л. 20.

Ночью 11 марта действительно две пехотные дивизии немцев, 9-я и 147-я, атаковали Ново-Григорьевку, где на путях отхода развернула свои боевые порядки 14-я гвардейская механизированная бригада полковника Н. А. Никитина. Охваченные безумным стремлением во что бы то ни стало вырваться из смертельного опасного «мешка», дивизии немцев рвались вдоль дороги прямолинейно, напролом. Комбриг вывел артиллерию на прямую наводку и смассировал огонь всей бригады по боевым порядкам главной группировки противника, провел серию фланговых контратак. Сила наступательной энергии гитлеровцев была приглушена, но выбить их из села не удалось. В ходе боя выявились силы противника. И хотя различные источники давали противоречивые сведения, по более умеренным данным, на прорыв было брошено более тысячи человек пехоты, несколько десятков танков, дивизион артиллерии и минометная батарея. Следовало учитывать, что вот-вот начнут подходить все новые и новые силы. Мне казалось, что именно здесь через Явкино и Ново-Григорьевку хлынут на запад 4-й и 17-й армейские корпуса немцев. Севернее для них было опаснее, хотя бы потому, что это означало двигаться по «коридору» между 8-й гвардейской армией и конномеханизированной группой.

Штаб фронта информировал меня, что крупные силы 29-го немецкого армейского корпуса также предприняли попытку нанести контрудар из района Лоцкино, Макеевка в общем направлении на город Новый Буг.

В сложившейся обстановке важно было решить две основные задачи: разгромить главную группировку на нашем направлении и захватить Явкино и Бармашово.

В темноте мы с трудом нашли железнодорожную будку, где меня ждали Марченко, Тутаринов, Завьялов и другие командиры.

— Охватывайте Ново-Григорьевку с запада, — приказываю генералу Тутаринову, — и передайте полковнику Никитину, пусть, не задерживаясь, наступает вслед за 13-й и 15-й мехбригадами на Явкино. А вы со своей бригадой, — эти слова относились к подполковнику Завьялову, — атакуйте группировку немцев с севера во фланг. Имейте в виду, левее вас уже совершает обход дивизия генерала Головского. Она будет наступать на Явкино, взаимодействуя с бригадами Танасчишина. Частью сил прикроет действия группы с востока, чтобы не до-

пустить подхода новых сил, пока мы не расправимся с этой группировкой.

Мне было совершенно ясно, что вражеские колонны в любой момент могут, не приняв боя, двинуться на юг. Поэтому мы предусмотрели параллельное преследование с опережением противника в узких местах.

Другая важнейшая задача этой ночи — захват Явкино и Бармашово — была возложена на корпус генерала Танасчишина.

Всю ночь напролет вокруг Ново-Григорьевки с воем и свистом раскраивали тьму светящиеся трассы снарядов и пуль, пылали зарницы пожаров, воздух наполнился терпким запахом пороховой гари и горящих машин. Всю ночь кубанцы решительно перемалывали немецкие части, стремящиеся под прикрытием бронепоездов прорваться на запад. Направления их усилий часто менялись.

9-я гвардейская кавалерийская дивизия вывела всю свою артиллерию, танки и самоходки на прямую наводку и надежно сдерживала натиск танков и пехоты гитлеровцев, начиная расстреливать их с наиболее выгодной дистанции. Во второй половине ночи завьяловская бригада атаковала части 9-й пехотной дивизии противника во фланг и ворвалась в Ново-Григорьевку с севера. Кубанцы развили этот успех. Но новая волна отходящих частей противника чуть было не захлестнула казаков. Начались ближние бои, доходящие до рукопашных схваток. Наступил момент, когда подразделения немцев с танками прорвались к командному пункту 32-го кавалерийского полка. Рядом с КП на огневых позициях находились три батареи 181-го гвардейского артиллерийско-минометного полка. Они-то и приняли на себя атаку танков. И когда командир 32-го полка майор Шакшаев, закаленный в боях храбрый офицер, рассказывал мне о боевом задоре и беспримерной отваге командира батареи старшего лейтенанта Калоева, о боевой выдержке и стойкости комбата старшего лейтенанта Пилюшенко, о снайперском мастерстве командира артиллерийского взвода лейтенанта Гутиева, уничтожившем в этом бою танк, орудие, автомашину и два крупнокалиберных пулемета, я знал: героизм этих офицеров достоин самой высокой награды.

Особенно запомнился мне рассказ Шакшаева о подвиге командира орудия сержанта Незнайко и наводчика Шаримова. «Их орудие стояло в лесопосадке возле командного пункта. Рядом вел бой еще один орудийный расчет. С пологого ко-

согора спускался «тигр», за ним двигалось самоходное орудие «фердинанд». Они быстро приближались, стреляя на ходу. Неожиданно из-за стога сена появился еще один танк, он устремился прямо на орудие Незнайко. «Мне казалось,— рассказывает майор,— что особой опасности нет: два против трех — нормально. Но немецкая самоходка попала прямо в наше орудие, и сержант остался один против трех. А расстояние сократилось, значит, и времени в обрез. Смотрю, ствол орудия разворачивается влево, где «тигр» и «фердинанд» уже были вплотную у лесополосы. Мы приготовили противотанковые гранаты. Выстрел. Танк закрутился на месте и стал. К нему бросился казак с бутылкой «КС» и поджег моторную часть. Второй выстрел. Самоходное орудие продолжает двигаться вперед, но из него выскакивают солдаты и бегут назад. С ужасом вижу, что у Незнайко и Шаримова времени для выстрела не осталось. Немецкий танк совсем рядом, сейчас он раздавит храбрецов гусеницами. Но они все же успели развернуть орудие, и когда ствол чуть было не уткнулся в броню, словно гром, прозвучал последний выстрел этого орудия. Смертельно раненный танк по инерции поднял еще орудие на дыбы, опрокинул его и, волоча перед собою, исковеркал. Орудие погибло, но герои наши в последний момент успели отскокить в сторону».

Напряжение боя на этом участке резко возросло. К тому же мне доложили, что со стороны села Киевское подходит большая колонна вражеской пехоты. События начали разворачиваться сложнее, чем мы предполагали. Теперь уже многое зависело от того, насколько быстро мы разгромим противника в районе Ново-Григорьевки. Решение, которое у меня возникло, несколько изменяло лишь задачу дивизии генерала Головского.

Укрывшись буркой от влажного упругого ветра, быстро диктую боевое распоряжение Василию Сергеевичу: «...Главными силами дивизии разгромить противника, выдвигающегося из Киевского. Одним полком с танковым батальоном немедленно атаковать противника в южной части Ново-Григорьевки и во взаимодействии с 5-й отдельной мотострелковой бригадой разбить его. Атаку вести с предельной решительностью, смело и стремительно». Офицер связи и сопровождающие его казаки вскакивают в седла и растворяются в темноте.

Этот маневр оказал решающее влияние на ход боя. Но кроме этого, необыкновенно быстрому и совершенно полному

разгрому противника в немалой мере способствовала одна военная хитрость. Глазами пленных это выглядело так.

Немцы ждали подхода новых сил со стороны села Киевское, чтобы предпринять еще одну попытку прорваться к реке Ингул. Ранним утром подразделения, захватившие восточную окраину, заметили колонну своих танков, на которых сидели солдаты. Въехав в село, солдаты сбросили шинели. Это оказались советские автоматчики на трофейных танках.

Внезапность, достигнутая такой тактической маскировкой, дала возможность захватить узловые позиции немцев. Сопротивление их было сломлено. У противника началась паника. Потери 10-й гвардейской кавалерийской дивизии не сказались на результатах ее действий. Колонна немецкой пехоты, которую она атаковала, была разбита и рассеяна по степи.

Острота боевых действий в районе Ново-Григорьевки не притупляла мое внимание к развитию наступления на Бармашово. Крутая бармашовская балка, протянувшаяся до самого моря, могла явиться для противника выгодным промежуточным рубежом обороны, тем более, что на нее «нанизан» целый ряд населенных пунктов. Восточнее, через Явкино на юг, тянулась такая же балка, берега ее были также усеяны хуторами, селами. Эту балку мы называли Ново-Петровской.

Через Бармашово и южнее, к реке Ингул, тянется много параллельных дорог. Местность эта удобна для отхода войск противника благодаря сочетанию характера дорог и наличия выгодных рубежей для прикрытия движения колонн.

Для нас выход на рубеж бармашовской балки тоже давал много преимуществ такого же порядка, — только в целях увеличения темпов наступления.

Еще в три часа ночи (об этом мне напоминает сохранившееся боевое донесение) 13-я и 15-я гвардейские механизированные бригады достигли Явкино. Оно было занято противником, имевшим, судя по всему, намерение упорно удерживать его. Мне совершенно не хотелось терять время на этот, хотя и большой, но в данной обстановке не столь уж важный населенный пункт. «Явкино обойти и развивать стремительное наступление на Бармашово» — такое боевое распоряжение было отдано генералу Танасишину. Понимая, что оставлять его немцам также нельзя, приказал эту задачу возложить на 14-ю гвардейскую механизированную бригаду, которая, как известно, была мной использована для удержания Ново-Григо-

рьевки, и теперь вновь передавалась механизированному корпусу.

Главные силы Сталинградского мехкорпуса начали стремительное движение на юг, громя на своем пути колонны противника. Всю ночь танковые и механизированные бригады сталинградцев рвались вперед. На рассвете у хутора Ровное передовой отряд корпуса (36-я гвардейская танковая бригада с приданными ей 35-м и 212-м танковыми полками) разгромил крупную немецкую колонну, двигавшуюся по полевой дороге на Ново-Александровку. Наша разведка уже давно следила за движением этой колонны. Комбриг полковник Жуков заранее отдал приказ командирам частей быть в готовности к бою на рубеже села Ровное. Двигались сначала в предбоевых порядках. Когда в предрассветной долине заметили длинную медленно ползущую колонну, танковые полки резко увеличили скорость и, развернувшись в боевой порядок, атаковали ее. Передние автомашины колонны были сразу же подбиты. Образовалась пробка. Колесный транспорт стал. Орудия в этой мешанине не успели развернуться. Особенно большое скопление образовалось в селе. Было видно, как там метались машины, кони, люди. Паника поднялась невероятная. Так бывает, когда врага охватывает чувство обреченности. Разгром противника был полный.

Утром, сопоставляя разведывательные сведения, мы пришли к выводу, что этой ночью конно-механизированная группа разгромила передовые части 4-го, 17-го и 44-го армейских корпусов 6-й армии, которые должны были создать условия для планомерного отвода главных сил 6-й армии за реку Ингул. Значит, первая карта, на которую ставил генерал-полковник Холлидт, стремясь пробить коридор и закрепив его «стены», отвести армию за реку Ингул и за реку Южный Буг, бита.

Теперь, пока главные силы Холлидта не хлынули еще на запад, пока они продолжают действовать против наших войск, наступающих с фронта, конно-механизированная группа должна успеть захватить Снигиревку и выйти на рубеж реки Ингулец. На худой случай, думалось мне, необходимо закрепиться на рубеже Спасское, Ново-Петровка, Гуляй-Городок. Ведь теперь, когда мы перехватили все пути отхода войскам генерал-полковника Холлидта на запад и создали условия для их полного оперативного окружения, нельзя не учитывать, что попытку прорваться из котла предпримут 12—13 дивизий и еще

целый ряд спецчастей 6-й армии¹ — сила немалая. Но мы рассчитывали, что с подходом 23-го танкового корпуса многие трудности оперативного характера будут уверенно преодолены.

На улицах Ново-Григорьевки еще шли бои, а мы в одном из домов, у пруда, разложили оперативную карту. Надо было немедленно принять решение, каким образом быстрее и эффективнее овладеть Снигиревкой. Боевые распоряжения диктовались, как обычно, прямо с карты. Ждать, пока штаб соберет и обобщит сведения об обстановке и выработает предложения для принятия решения на дальнейшие действия, нет времени. Конкретно сложившаяся обстановка вновь выдвигала жесткую формулу: войска — командующий — войска. А штаб, выполняя решение командующего, быстро и деятельно осуществляет оперативное обеспечение боевых действий. Коротко дальнейшие боевые действия мыслилось развивать следующим образом.

4-й гвардейский механизированный корпус главными силами нацеливался на Снигиревку, а частью сил на Бармашово, 23-й танковый корпус генерала Пушкина должен был обойти Бармашово с востока и, продолжая наступление на юго-восток, овладеть районом Бурхановка, Заря. 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу намечалась более обширная программа действий. 9-я гвардейская кавдивизия выходила на железную дорогу Снигиревка — Николаев, седлала ее и прилегающее к ней шоссе в районе Ново-Петровки, Дарьево-Александровки. 30-я Краснознаменная дивизия должна была овладеть населенным пунктом Киселевка, расположенным в восьми километрах южнее Бармашово. Наконец, 10-я гвардейская кавдивизия наносила удар с северо-запада на Бармашово и во взаимодействии с 4-м гвардейским мехкорпусом овладевала этим пунктом. В резерве оставались 5-я отдельная мотострелковая бригада, 152-й гвардейский истребительно-противотанковый и другие отдельные полки. Все эти задачи планировалось выполнить к исходу 11 марта.

Было уже четыре часа утра, когда закончил диктовать боевые распоряжения и вышел на улицу подышать свежим воздухом. На небе тревожно мерцали звезды. Было холодно. Я плотнее запахнул полы бурки, прислушался. Далеко из-за села доносился шум боя. Там короткими автоматными строч-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 2900, д. 724, л. 18.

ками перечеркивались чьи-то жизни. По улице пронеслись две тачанки. В соседнем дворе слышался знакомый гомон эскадрона охраны, собирающегося выступить. Через час мне доложили, что штаб корпуса в конном строю подходит к Ново-Григорьевке. Наша оперативная группа передового командного пункта выехала из села через северо-восточную окраину и у лесопосады встретилась со штабом.

Мы пробирались среди массы трупов немецких солдат, объезжая сгоревшие танки, самоходные орудия и автомобили. Перед селом картина этого побоища выглядела еще более суровой. Насколько видел глаз, раскинулось огромное кладбище брошенной и уничтоженной боевой техники. Широкая полоса вдоль дороги из села Киевское до Ново-Григорьевки была «запорошена» трупами в серозеленых шинелях.

Из села выдвигались предбоевые порядки дивизии генерала Тутаринова. Мы подождали, пока она вытянется, и двинулись с ней в обход Явкино с запада. 14-я гвардейская мехбригада, как мне доложили, уже добивала противника в последних кварталах на восточной окраине.

— Оставляйтесь здесь, — сказал я генералу Пичугину, — моя опергруппа будет с передовыми частями. Ускорьте наступление 10-й гвардейской кавалерийской дивизии на Бармашово.

Мы двинули коней, и, отклонившись влево, начали обгонять полки, которые под прикрытием лесопосадок медленно развертывались по степи в боевые порядки. Сквозь звон конского снаряжения, скрип повозок и тачанок, надсадный шум танковых моторов стал прослушиваться уже изрядно надоевший стонущий гул немецких штурмовиков. Мы свернули в сторону от дороги и поехали через поле. Звуки самолетов быстро настигали нас. Передние всадники ускорили ход. Эту инициативу взял на себя наш прославленный начальник разведки казачьего корпуса полковник Компаниец. Привычные к строю кони сразу двинулись переменным аллюром. По звуку я определил, что самолеты делают боевой разворот. Вся степь наполнилась треском огня: по самолетам били из крупнокалиберных зенитных пулеметов, станкачей, приспособленных для ведения огня по воздушным целям; из противотанковых ружей, ДШК и просто из стрелкового оружия.

— А вот и «наши», — совсем обыденно сказал кто-то сзади.

Взглянул в небо. Два «Фокке-Вульфы», круто снижаясь, шли в нашу сторону. Душераздирающий вой, казалось, разорвет перепонки. И вдруг новый звук — свист падающих бомб.

Мы делаем рывок в сторону. Бомбы падают метрах в ста слева от нас. Началась игра со смертью. Мы внимательны и собраны. Новый заход, свист бомб, взрывы... Так продолжается минут двадцать, пока противник не израсходовал весь свой боезапас.

Было уже около пяти часов утра, когда у села Червона Долина (это недалеко от Снигиревки) мы догнали передовой отряд 9-й гвардейской кавдивизии — 32-й казачий полк.

...Надвигались сумерки. Значит, скоро ночь, та пора, когда конно-механизированная группа избавлялась от назойливой авиации противника и получала подавляющее превосходство на поле боя.

Перед самым селом мы наткнулись на командный пункт 32-го кавполка. Майор Шакшаев доложил, что село занято противником. На западном склоне балки ведутся оборонительные работы.

— Подведите полк по боковой балке к селу и с ходу атакуйте его, — было приказано командиру полка.

Подойти к Червонной Долине удалось незаметно. Оставив коней в балке, казаки выдвинулись на высоту и молча бросились вниз по ее склону к селу. Гитлеровцы были захвачены врасплох. Семьдесят восемь солдат и офицеров во главе с капитаном пополнили колонны пленных.

Узловым вопросом для нас в этот день было, конечно, Бармашово. Взятие его развязывало руки и мехкорпусу, и 10-й гвардейской кавдивизии для наступления на Снигиревку. О том, как было взято Бармашово, стоит коротко рассказать.

Мотострелковые бригады полковника Н. Е. Щербакова и подполковника М. А. Андрианова в середине дня вышли к Бармашово и завязали бой. Генерал Танасишин доложил, что на корпус обрушилась большая группа «Юнкерсов-87», «Фокке-Вульфов-190» и «Хейнкелей-129». Я и сам видел адскую карусель мечущихся стервятников. Сбросив весь бомбовый груз, они улетели.

Командир 36-й гвардейской танковой бригады выдвинулся вперед к селу, чтобы провести командирскую рекогносцировку. Вдруг он услышал, что там идет бой, и решил немедленно атаковать всей бригадой. На танки была посажена мотопехота. Полки на большой скорости ринулись вдоль шоссейной дороги и с ходу ворвались в северную часть Бармашово. К первым танкам навстречу выскочило несколько вооруженных жителей села. Танки остановились, автоматчики заняли подходы

к кварталу. К командиру бригады подошел лейтенант чехословацкой части и доложил, что население Бармашово восстало и на их сторону перешли некоторые чехословацкие военнослужащие. Северная половина села захвачена повстанцами. Подоспевшая мотопехота корпуса сломала сопротивление гитлеровцев. К этому времени 10-я гвардейская кавалерийская дивизия, прорвавшись через железную дорогу Новый Буг — Николаев, подходила к Бармашово.

К вечеру положение войск конно-механизированной группы выглядело несколько своеобразно. Дело в том, что кавалерийской дивизии и отдельная мотострелковая бригада прорвались к Новопетровке и завязали напряженный бой. Через этот населенный пункт, находящийся всего в десяти километрах к западу от Снигиревки, проходят главные шоссейная и железнодорожная магистрали на город Николаев. Поэтому командование 6-й армии бросило сюда крупные силы, чтобы удержать этот пункт. Сталинградский корпус оказался значительно западнее кубанцев, а танковый корпус генерал-лейтенанта Пушкина по имеющимся сведениям выдвигался к Баштанке, чтобы начать наступление в общем направлении на Бурхановку. Таким образом, к моменту решающих боев конно-механизированная группа, ведущая непрерывные многосуточные бои в условиях непролазной грязи и бездорожья, под непрекращающимися массированными ударами с воздуха продолжала операцию, сохраняя надежду на скорый подход ее танкового корпуса.

Когда генерал Танасчишин докладывал мне о ходе и результатах боя за Бармашово, я приказал захваченные позиции передать 10-й гвардейской дивизии полковника Гадалина, а корпусу развернуться фронтом на восток и развивать стремительное наступление на Снигиревку через село Спасское.

— Товарищ командующий,— обратился ко мне Танасчишин.— Направление на Спасское — это сплошное море непроходимой грязи, а от него на Снигиревку еще хуже. Боюсь, запорим моторы. Лучше наступать вдоль шоссе через Ново-Петровку. К тому же это наикратчайший путь.

Казалось бы, действительно, коли дивизия Тутаринова с ходу не взяла Ново-Петровку ударом с севера, то наступлением корпуса Танасчишина с востока вдоль шоссе эта задача может быть решена быстро, что ускорит возможность наступления на Снигиревку всеми силами. Эту идею поддерживал и начальник штаба группы. Они, конечно, были правы. При-

казом фронта перед конно-механизированной группой была поставлена задача: «Снигиревку взять». Необходимо было во что бы то ни стало прочно закрепиться на рубеже балки, на которой много населенных пунктов. Этим достигалась главная цель рейдовой операции — завершалось окружение 6-й армии немцев. В связи с тем, что 23-й танковый корпус до сих пор не приступил к выполнению поставленной перед ним задачи, — эта задача была возложена на 30-ю кавалерийскую дивизию. Она должна была пройти между Бармашово и Ново-Петровкой, захватить Киселевку и, развернувшись здесь фронтом на восток, наступать на Бурхановку.

Надвигалась ночь с 11 на 12 марта 1944 года — ночь, на которую мы возлагали большие надежды. Нам предстояло овладеть всеми пунктами на фронте от села Спасское до Светлой Дачи и закрепиться здесь. Частью сил овладеть Сنيгиревкой.

Участок фронта, разорванный конно-механизированной группой, представлял собой широкий коридор. Северную стену его образovala 37-я армия, а южную — 8-я гвардейская армия. Через него к Южному Бугу, в общем направлении на Новую Одессу хлынули войска 46-й армии. Наступление этой армии уже к вечеру 11 марта вынудило генерала Холлидта обратить внимание на усиление обороны по рубежу реки Южный Буг. Он спешно перебрасывает в район Новой Одессы свои последние резервы. Но главное, к чему стремилось командование «армии мстителей», — любой ценой спасти попавшие в окружение 4-й, 17-й и 29-й армейские корпуса и другие части.

Мне было известно, что первая попытка немцев пробить коридор через Ново-Григорьевку провалилась, а группа войск «Кирхнера»¹ была начисто изолирована от главных сил, то есть от южной группировки 6-й армии Холлидта. Было ясно, что приказ Холлидта «все подчинить прорыву за Южный Буг» теперь был на грани провала. 29-й армейский корпус 11 марта не смог прорвать фронт войск генерала Чуйкова. Бои там развернулись кровопролитные. Некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Обстановка сложилась крайне напряженная. Зато 28-й стрелковый корпус,

¹Группа «Кирхнера» объединяла 52-й армейский и 57-й танковый корпуса.

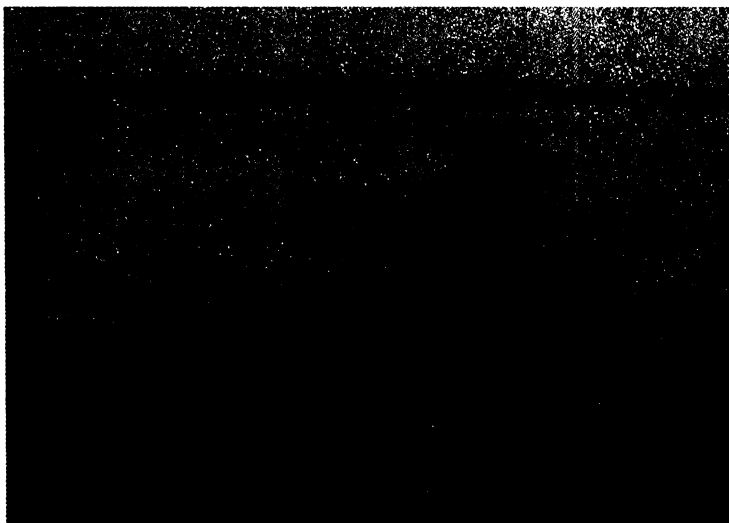
Командир 30-й Краснозна-
менной кавалерийской диви-
зии генерал В. С. Голов-
ской.

Командующий артиллерией
конно-механизированной груп-
пы полковник И. И. Марченко.

Генерал-полковник М. Н. Ша-
рохин.

Переправа частей конно-механизированной группы через
реку Южный Буг.

Распутица перед Раздельной. Апрель 1944 г.

Генерал Тутаринов с группой танкистов — участников освобождения Одессы. 1944 год.

Генерал-лейтенант танковых войск Е. Г. Пушкин.

Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Р. Я. Малиновский и командование конно-механизированной группы у переправы через Южный Буг. Март 1944 года.

Казак Матвей Жуков среди однополчан.

Казачи в атаке.

Немецкие танки, захваченные под Раздельной.

Начальник политотдела 10-й
гвардейской кавалерийской
дивизии полковник Костин.
Погиб под Овидиополем 9
апреля 1944 года.

Начальник штаба 4-го гвар-
дейского Кубанского корпу-
са Хлебтовский.

Командир 152-го ИПТАПа
полковник С. Чекурда.

После Одесской операции. Подполковник Н. А. Шутковский вручает бойцам комсомольские билеты.

Командир 152-го истребительно-противотанкового полка подполковник Костылев.

Командование конно-механизированной группы поздравляет разведчиков с успешным выполнением боевого задания.

— Дяденька, фашистов навсегда прогнали? — спрашивает девочка командующего генерала Плиева.

наступавший вслед за конно-механизированной группой на юг, вышел уже на рубеж Константиновка, Ново-Григорьевка. Разрыв между нами был все же большой — до сорока километров. Из всего этого я сделал для себя вывод, что 29-й армейский корпус не может угрожать конно-механизированной группе с тыла. Ему, как говорится, не до этого. На него возложены такие задачи, от которых он наверняка лопнет. Все-таки 8-я гвардейская — это закаленная в боях армия, да и командует ею опытный и боевой командарм — генерал-полковник В. И. Чуйков — герой Сталинграда.

Более всего меня волновали события, развивающиеся в полосе 6-й, 5-й ударной и 28-й армий. В случае, если бы армия генерала И. Т. Шлемина сломила сопротивление противостоящего ей противника раньше других, то он, отступая на юго-запад (на западе пути были уже перерезаны войсками генерала Чуйкова), навалится на наш левый фланг. Для их разгрома надо будет перестроить боевые порядки фронтом на север и северо-восток. Ну, а если успех обеспечит сначала армия генерала А. А. Гречкина, наступающая, как известно, на левом крыле фронта, то в этом случае нам придется перестраивать боевые порядки для разгрома противника в юго-восточном и в южном направлениях. Нас устраивало более всего успешное наступление войск генерала-полковника В. Д. Цветаева. Даже еще не закрепившись на захваченном рубеже, мы могли достойно и организованно встретить отходящего с востока прямо на нас противника.

Исходя из этих возможностей, возникло решение дальше захваченного рубежа по Ново-Петровской балке не наступать, а Снигиревку захватить частью сил 4-го гвардейского мехкорпуса. Казалось, что если конно-механизированная группа будет продолжать наступление на восток и смассирует свои усилия на Снигиревку, то за нашей спиной противник может начать отход на запад. Какое-то основание для такого решения давало и то, что приказ об овладении городом Снигиревкой подкреплялся передачей в мое подчинение 23-го танкового корпуса, подход которого мы ждали с часа на час.

Вечером 11 марта мы начали осуществлять широкий маневр, изменяя фронт наступления своих войск с южного направления на восточное, перебрасывая одновременно одну кавдивизию на правый фланг, другую — от реки Ингул в Бармашово для образования второго эшелона. Мехкорпус выдвигался на левый фланг группы.

На первых порах наибольшую трудность представлял разгром противника, удерживающего Ново-Петровку и Дарьево-Александровку. Эти два населенных пункта расположены рядом — один на западных, другой на восточных скатах балки Веревчина, которая тянется на юг до самого Херсона. По их северным окраинам проходят железная и шоссейная дороги, за которыми лежит село Люблино.

На Ново-Петровку наступал 30-й, а на Дарьево-Александровку — 32-й полки 9-й гвардейской кавалерийской дивизии. Их поддерживал 128-й танковый полк. У лесопосады, за селом Орлово, полки развернулись в боевой порядок и начали движение на юг, обтекая Люблино с двух сторон. Немцы попытались задерживать казаков, но густые сумерки укрыли их от прицельного огня. Последовала контратака. Напряжение боя быстро нарастало. Первые пленные показали, что этот важный узел сопротивления обороняют части 304-й пехотной дивизии немцев.

К полуночи казаки генерала Тутаринова прорвались к железнодорожной насыпи и залегли под сильным огнем противника. «Быть может, часть сил дивизии генерала Головского завернуть для удара во фланг с востока? — подумал я и представил, как его полки движутся по бездорожью, по поясу в грязи. Они идут с непрерывными боями, уничтожая на своем пути подразделения противника, отходящие по полевым дорогам. — Нет, если его дивизию ослабить, она не сможет выполнить поставленную перед ней задачу». По дороге из Снигиревки подходили все новые и новые подразделения, авангардные части, обозы. Командир 574-го пехотного полка немцев собирал их вместе и бросал в бой. Полковник Компаниец доложил, что разведчики обнаружили в восточной части Снигиревки скопление пехоты и танков. По всем признакам идет подготовка к решительным действиям на Ново-Петровку. В этих условиях надо было идти на риск, чтобы успеть разбить гарнизон узла сопротивления в Ново-Петровке до подхода новых сил.

Не прошло и пяти минут, как подполковник Завьялов был уже у меня. Он обладал удивительным чутьем быть вовремя там, где больше всего нужен. Ведь целый день находился в полках, а стоило мне принять решение ввести бригаду в бой, он тут как тут. Видимо, по обстановке понял, что дальше дело без него не обойдется. Когда он вошел в хату, мы слушали доклад генерала Тутаринова.

— В связи с тем, что через насыпь прорваться до сих пор не удалось, я решил, товарищ командующий,— комдив сделал паузу, давая возможность Завьялову доложить о прибытии, и продолжал: — ввести в бой свой резерв — 34-й полк из-за правого фланга первого эшелона дивизии.

Кивнул Завьялову, приглашая его тоже послушать.

— Решение, Иван Васильевич, правильное. Но этот полк придется забрать в мой резерв,— Тутаринов хотел что-то сказать, но сдержался.— Наносить удар из-за правого фланга твоей дивизии будет мотострелковая бригада Завьялова.— Лицо его просветлело, и он произнес облегченное «а-а-а». Я назвал исходный рубеж и время атаки. Завьялов тут же набросал предварительные распоряжения своим полкам и отправил офицеров связи. Мы сели за стол, чтобы по рабочей карте подробно наметить маршруты выдвижения и другие вопросы организации боя. Офицер оперативного отдела делал у себя заметки для последующего оформления боевого приказа. Получив указания, комбриг произнес свое совсем будничное: «Все будет в порядке, товарищ командующий, разрешите идти?» и тут же исчез за дверью.

Едва начало светать, мы были уже на командном пункте Тутаринова. Дом на южной окраине села Люблино хорошо подготовлен для этой цели. Отсюда просматривалась вся мина поля боя: перед железнодорожным полотном закрепились кубанцы; по правому склону полк подполковника Иванова, по левому — полк майора Шакшаева. Некоторые подразделения залегли у самого грейдера в глубоком кювете, в ямах и в воронках.

— Там невозможно поднять головы,— сказал командир дивизии, увидев, что мы внимательно рассматриваем непосредственные подступы к населенным пунктам,— немцы ведут сильнейший огонь.

— Разрешите дать сигнал танковой атаки? — спросил кто-то сзади. Тутаринов вопросительно взглянул на меня.

— Разрешите, товарищ командующий?

Я кивнул головой. В небе вспыхнула серия красных ракет. Из-за домов, копен сена и лесопосадки появились танки 128-го полка.

Они неторопливо продвигались вперед и с коротких остановок стреляли по огненным точкам на насыпи. Отсюда открыли огонь противотанковые орудия. И в то же мгновение где-то рядом раздались резкие хлопки выстрелов. Это артиллерия

прямой наводки была по засеченным орудиям противника. Танки увеличили скорость. У насыпи казаки соскочили на землю и побежали вдоль нее к железнодорожному мосту.

— Это четвертый эскадрон капитана Стефанова,— объяснил Иван Васильевич.— Он уже прорывался ночью к селу, но там фрицев, как в бочке сельдей.

Танки прорвались через насыпь, и когда они появились в поле зрения, уже перед самой Дарьево-Александровкой, на их броне вновь сидели казаки Стефанова. Танковый десант ворвался в село.

Боевые порядки бригады Завьялова были видны лишь в первый момент атаки. А затем, судя по бешеному треску пулеметов и автоматов, частым взрывам гранат и орудий, доносившимся из Ново-Петровки, там завязались яростные уличные схватки. Не выдержав одновременной атаки с севера и с востока, немцы бросились на юго-запад к Куйбышевке. Кавалерийский и танковый полки преследовали их, уничтожая огнем, гусеницами и в конном строю.

Наступление в общем развивалось успешно. Но когда рассвело, стало ясно, что именно сегодня нам предстоят новые решающие бои. В степи творилось такое, что в первый момент кое-кто даже схватился за голову. Сначала мы увидели выходящие из серой предутренней дымки прямо на нас большие толпы гитлеровцев. Напоровшись на наш кинжальный огонь, они залегли. Завязался огневой бой. Пока казаки кончали с ними, стало совсем светло.

По всей степи длинной цепью тянулись колонны немецкой пехоты, тяжело груженных автомашин, бронетранспортеров, танков. Сила шла на нас, прямо скажем, немалая. И главное — она все увеличивалась за счет новых сил, отходящих под ударами войск нашего фронта, наступающего с востока.

Мы тогда еще не знали, что ночью по целине в обход Ново-Петровки прошла колонна жителей, которых под конвоем гнали в фашистское рабство. Но как мне потом рассказали, к счастью, эта колонна (более пятисот человек) была перехвачена и освобождена казаками 40-го гвардейского кавалерийского полка. Другая такая же колонна двигалась на село Чернополье. Командир полка подполковник Головащенко послал наперерез ей 2-й эскадрон. Командовал этим подразделением храбрый и смекалый офицер, старший лейтенант Митьковец. Прикрываясь лесопосадками и балками, он вывел свое подразделение к селу Бесчастное и когда колонна подошла,

внезапно напал на конвой. Советские люди были освобождены.

В это утро 12 марта войска конно-механизированной группы выполнили, на мой взгляд, главную задачу — всеми силами первого эшелона захватили рубеж Червона Долина, Ново-Петровка, Бурхановка и закрепились по западным скатам балки. Теперь можно было с уверенностью сказать, что нижнеднепровская группировка в основном окружена и пытается пробиться на запад. Но если с востока на нее давили 6-я, 5-я ударная и 28-я армии, а с севера — 8-я гвардейская армия, то нашей конно-механизированной группе, наносящей удар с запада и перехватившей пути отхода 6-й немецкой армии, желательнее было иметь сил куда больше. Как не хватало нам 23-го танкового корпуса! Не теряя еще надежд, я стал диктовать боевое распоряжение генералу Пушкину. Отправить его не пришлось. К рации меня вызвал начальник штаба фронта, находившийся в это время в городе Новый Буг. Из намеков и недомолвок я понял, что этот корпус для нас пока «корел в небесах».

Позже выяснилось, что 29-й армейский корпус немцев нанес контрудар в северо-западном направлении на Ново-Полтавку. Положение армии Чуйкова несколько осложнилось. Командующий войсками фронта ввел 23-й танковый корпус в бой. Фланговым ударом вдоль железной дороги корпус смял боевые порядки 32-й пехотной и 97-й егерской дивизий немцев. Положение, однако, продолжало оставаться напряженным, поэтому танковый корпус пока был передан в оперативное подчинение командарма Чуйкова. Все это произошло уже без комкора генерал-лейтенанта Пушкина. Он погиб. Мне было известно, что утром 12 марта он выехал ко мне из-под Баштанки для получения боевой задачи. При подъезде к селу Ново-Ивановка осколок бомбы оборвал его жизнь. Тело комкора едва успели вывезти в тыл, так как в это время и начались очередные удары противника с целью прорыва.

О напряженном положении 8-й гвардейской армии говорится лишь в том смысле, что ей приходилось громить большое количество вражеских войск и в более сложных условиях, чем, скажем, 46-й армии генерала Глаголева, корпуса которого, прорвавшись через реку Ингул, ударили в тыл боевой группе генерала Тина, отбросив 57-й танковый корпус немцев к северо-западу. Перед ней теперь был только «фронт охраны коменданта 593-го тылового района» (560-й охранный

батальон особого назначения) и другие тыловые части. Однако на правый фланг давила группа Кирхнера, но сама она едва сдерживала натиск 37-й армии генерала Шарохина. Словом, севернее нас фронт противника трещал по всем швам, но в полосе 8-й гвардейской его пока что успевали временно заделывать. А вот на южном крыле волна наступления главных сил нашего фронта продолжала теснить немцев и румын.

С выходом конно-механизированной группы на пути отхода нижнеднепровской группировки немцев все должно было, на мой взгляд, измениться. Мы, конечно, не могли, закрепившись на достигнутом рубеже, ждать, когда перед нами появятся ее главные силы, отходящие из-за Ингульца, чтобы громить их по мере подхода. Но теперь мы вели наступление лишь частью сил. Мысль была такая: если усиленным передовым отрядом удастся захватить более или менее выгодные для нас пункты на Ингульце, то можно будет всеми силами сделать бросок вперед и закрепиться на ее западном берегу. Если нет, то это будет отличная разведка боем. Вернее, даже по тем задачам, которые были поставлены (разгром штабов, узлов, отходящих частей, резервов, органов тыла и так далее), это были частные рейдовые операции с решительными целями. Они могли перерасти, в случае неудачи, в разведку боем, а в случае успеха — в продолжение наступления всей конно-механизированной группы на рубеж реки Ингулец. Так думалось мне, когда ставил задачи: генералу Танасчишину захватить Снигиревку, а генералу Головскому — переправу у села Гагановки.

Весь день на всем фронте группы, буквально на каждой клочке земли, пылали жаркие бои. Немцы по всем дорогам и по бездорожью двигались отдельными плохо управляемыми частями и подразделениями, стремясь прорваться на запад. Казачьи дивизии уничтожали их картечью из орудий прямой наводки и огнем мелкокалиберной зенитной артиллерии (вся артиллерия дивизии была поставлена в боевых порядках спешенных полков), расстреливали из пулеметов, автоматов, карабинов, секли в конных атаках, давили гусеницами танков. Оставшиеся в живых беспорядочно распылялись по степи мелкими группами, в одиночку и всюду, где только возможно, просачивались на запад. Пришлось один полк генерала Головского перебросить из Бармашово в Киселевку, чтобы второй эшелон мог на более широком фронте перехватить этих «беглецов».

О том, что творилось под Снигиревкой, стоит рассказать подробнее.

Где-то около 10 часов мы вернулись в штаб группы. Он располагался в селе Широкое (иначе оно называлось 3-е отделение Снигиревского зерносовхоза). К этому времени сюда прибыл и штаб генерала Жданова.

— Чем порадуешь, Владимир Иванович?— спросил я у генерала.

И он действительно порадовал.

— Тринадцатая и четырнадцатая механизированные бригады ведут бой у Снигиревки.

— Ворвались?

— Нет еще, товарищ командующий,— там создано нечто вроде предмостного плацдарма, фронтом на запад. Это целый укрепрайон. Командиры бригад докладывают, что у них на виду из Снигиревки на юго-запад, в обход Ново-Петровки, движутся колонны пехоты с большими обозами и стадами крупного рогатого скота.

— Это известно. На пути их движения выброшен 127-й кавалерийский полк, усиленный артиллерией и танками. Направьте одну танковую бригаду для атаки Снигиревки с севера. Надо во что бы то ни стало связать боем находящиеся там войска противника. И имейте в виду, если мы до ночи не возьмем этот, как вы назвали, укрепрайон, то ночью через него хлынут боевые части 44-го и правого крыла 72-го армейских корпусов противника. В этом случае, сами понимаете, их лучше бить на заранее подготовленных оборонительных позициях в сочетании с фланговыми ударами.

— Я понял Вас,— ответил Владимир Иванович,— а теперь разрешите доложить печальную весть. В бою за станцию Явкино погиб заместитель командира 15-й мехбригады гвардии майор Андреев. У хутора Зеленый Гай пал смертью героя командир 212-го танкового полка майор Мешков. Тяжело ранен командир 292-го самоходно-артиллерийского полка гвардии майор Похитонов...— Он назвал еще многих офицеров, раненных в последних боях.

Нет ничего тяжелее, чем смерть дорогих товарищей, боевых друзей. Эти муки невосполнимых утрат вызывали в душе целую бурю гнева и беспощадной ненависти к врагу.

Генерал Танасишин принял решение направить для развита успеха на Снигиревку свою выдающуюся 36-ю танковую бригаду. С утра до поздней ночи шли бои за каждый метр

земли. А силы противника, отходящие с линии фронта, все увеличивались и увеличивались. И ничего нельзя было снять с других участков, боевая нагрузка всюду была предельно напряженной и высокой. Невольно вспомнились слова пленного офицера: «Генерал Холлидт приказал все подчинить прорыву за Южный Буг, чтобы спасти свои части от полного окружения».

В полночь решил поехать в бригады, готовящиеся к решающему штурму Снигиревки. Великолепный рослый жеребец, рыжий англо-дончак, широкой рысью шел по полевой дороге, тянувшейся вдоль лесопосадки. Нарядные белые «носки» на его длинных сильных ногах давно исчезли под слоем липкой грязи. Ехавшие со мной офицеры заметно отставали. Возле узкого перелеска мы обогнали самоходное орудие и вскоре пересекли лесополосу. Вдруг послышался шум моторов. Мы остановились. Кто-то из сопровождавших проскочил вперед — разведать, что там происходит. Отъехав немного, он резко повернул коня и поскакал назад.

— Немцы, товарищ командующий! Головные машины застряли в грязи. Кажется, готовятся буксировать танками.

— Выдвигайте сюда самоходку. Встретим их на этом рубеже.— Вспомнил, что еще вечером видел в поле несколько орудий, рядом лежали убитые лошади.— Направьте офицеров разыскать в поле орудия и поставьте им огневую задачу: вести огонь по направлению перекрестка дорог.— Я указал на топокарте место, где находилась голова колонны немцев.

Замысел был таков: немедленно и скрытно выдвинуться вперед и ждать. Как только немцы возобновят движение, завязать бой. Это заставит противника развернуться именно на рубеже перекрестка дорог.

Едва успели мы выдвинуться к перекрестку, шум моторов стал быстро нарастать. Почти одновременно с появлением головного танка раздался выстрел нашей самоходки — вплотную в лоб танку. Мгновенно воздух наполнился раскатистым треском орудийных выстрелов. Слева совсем рядом послышались выстрелы нашего застрявшего орудия. К нему присоединился голос другого орудия. Заработало еще два-три ствола. Немцы по всей глубине колонны разразились ответным яростным огнем. Ночную тьму прорезали тысячи огненных трасс. Теперь наши орудия били по вспышкам вражеских выстрелов. Создалась видимость грозного боя. Немцы начали откаты-

ваться к югу. Вся тяжелая боевая техника и колесный транспорт (ценные для нас трофеи) остались на дороге.

Возле меня лежал, кажется, офицер связи от Тутаринова. Сообразив, что немецкая часть, отходя на юг, должна проходить перед фронтом 9-й гвардейской кавалерийской дивизии, он предложил:

— Разрешите, товарищ командующий, проскакать к комдиву, пусть ударит по ним с фланга, а то ведь могут уйти.

— Молодец, скачи. Передай, чтобы усилили оборону нашего штаба.

Офицер вскочил и быстро растворился в темноте, а мне подумалось: «Здорово научились воевать наши молодые офицеры: вовремя замечают слабости у противника и самым решительным образом стремятся бить по этим местам, бить насмерть».

Случайная встреча с немецкой частью заставила меня вернуться к мысли, что необходимо более надежно прикрыть все возможные пути отхода немцев в занимаемой нами полосе. Можно, конечно, продолжать наращивать усилия для взятия Снигиревки и захватить ее. Но, сосредоточив здесь силы и средства, мы ослабим другие участки, и противник без особых усилий может прорваться на запад и уйти за Ингул. Нет, надо прочно зацепиться, перекрыв все дороги, и хорошо организованным огнем в сочетании с активными боевыми действиями уничтожать на этих рубежах отходящего противника. А когда подойдут войска генерала Чуйкова, будет наверняка создаваться внутренний и внешний фронт окружения.

Пока мы подтягивали подразделения, вели разведку, закреплялись на захваченных рубежах, совсем рассвело. Мы увидели большое количество брошенных на дороге орудий и автомашин, были здесь и самоходки, и танки. Справа от дороги виднелись глубокие, почти в полметра «гусеничные» проматины ушедших к югу танков, а вдоль них широкая полоса следов солдатских сапог.

— Далеко не уйдут, — заметил кто-то из офицеров, — грязь помесят — и руки вверх.

— Да-а, здесь на обветрии грязюка такая, что хоть саманные кирпичи нарежай, — по-хозяйски рассудил другой.

В селе Спасское, куда мы приехали часов в десять, находился генерал-лейтенант Танасчишин. За эти несколько дней он осунулся, пожелтел, под глазами появились мешки. Я вошел в хату в тот момент, когда он кому-то внушал, что если

бригада не удержится перед Снигиревкой, то...— дальше следовала вполне убедительная крепкая фраза.

— А вы, Трофим Иванович, докладывали, что Снигиревка чуть ли не взята,— начал я еще с порога, протянув руку, чтобы поздороваться.

— На рассвете ворвались, а вот удержаться не смогли. Положение, товарищ командующий, мы восстановим.

— А может быть, это не обязательно делать?

— Что не обязательно? — не понял комкор.

— Братъ Снигиревку. Давай подумаем.

— Дело, Исса Александрович, не только в Вашем приказе — взять. Немцы могут использовать реку Ингулец как промежуточный рубеж обороны. Снигиревка в этом случае будет узловым пунктом в системе этой обороны.

— В общем-то это правильно. Но с того момента, когда конно-механизированная группа овладела рубежом, на котором мы находимся, Ингулец утратил для немцев свое оборонительное значение. Среди командиров отступающей на запад армии вряд ли найдется такой сумасшедший, который решится на ходу развернуть, ну, скажем, корпус фронтом на восток, заранее зная, что свой тыл ему придется базировать на боевые порядки крупной советской подвижной группировки. Нет, это было бы скорее всего похоже на самоубийство. Попытавшись закрепиться на Ингульце, их корпуса, а тем более части прикрытия, окажутся между молотом и наковальней.

Комкор что-то прикинул на своей рабочей карте, повел плечом и не очень решительно произнес:

— Да, пожалуй, в этой мысли есть, так сказать, раццерно. Я на минуточку представил себя на месте того немецкого комкора, которому предстоит, защищаясь от наседающих с фронта войск, отходить прямо на боевые порядки другой группировки.

— Добавьте, что при этом он не имеет хорошо организованного ни оборонительного, ни наступательного построения боевых порядков. Для этого у него просто нет времени и возможности.

— Да, да, это весьма существенный момент.

— В таком случае, продолжая активными действиями связывать немецкие части в районе Снигиревки, вы должны своей главной задачей считать решительный разгром отходящих войск противника на рубеже Ново-Троицкое, Червона Доли-

на. Можно быть уверенным, что скоро мы установим тактическую связь с передовыми частями 8-й гвардейской армии.

Мне показалось, что у генерала улучшилось настроение.

— Разрешите доложить обстановку? — спросил он.

— Продолжайте работать, а я просмотрю боевые донесения командиров бригад.

Офицер молча подал мне полевую книжку, открытую на странице, исписанной убористым почерком.

«13. 3. 44 г. 5.00 13 гвмбр¹ ворвалась на Сев. окраину Снигиревки, 14 гвмбр овладела несколькими домами сев.-зап. окраины Снигиревки, 138 омсб² вышел к Снигиревке.

5. 30. Противник предпринял контратаку с сев.-зап. окраины. Отбит с тяжелыми потерями.

6. 30. Новая контратака. Отбита.

8. 00. Введя в бой танки и крупные силы пехоты, противник контратаковал с северо-западной и западной окраины.

9. 00. 13 и 14 гвмбр, 36 гвтбр под давлением численно превосходящих сил противника отошли и заняли оборону в 2 км северо-западн. и зап. Снигиревки...»³

— Наша разведка установила, — начал докладывать Танасишин, заметив, что я закончил читать, — в Снигиревке быстро сосредоточиваются крупные силы пехоты, артиллерии, танков.

— Тем более примите самые решительные меры прочно закрепиться на указанном корпусе рубеже. По всему видно, сегодня будет решающий горячий денек...

Вдруг я почувствовал запах жаркого, и у меня невольно вырвался возглас, который был понят правильно.

— Минут через пять будет готов, — заговорщически улыбнулся Трофим Иванович и продолжал: — В Снигиревке остался наш танк № 17. Несколько раз его видели на окраине. Налетит на немецкие боевые порядки с тылу, посвирепствует и снова исчезает в селе. Командир танка младший лейтенант Сивков, совсем еще безусый юноша. Вряд ли он долго продержится. Село захвачено немцами.

— Ему бы надо вырваться через южную окраину.

— Да, видимо, он не думает отходить. Был момент, когда

¹ Гвардейская механизированная бригада.

² Отдельный мотострелковый батальон.

³ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 2900, д. 733, л. 24.

танк № 17 вновь атаковал немцев на окраине, наше танковое подразделение предприняло попытку прорваться к нему. В общем получилось неудачно, хотя экипаж лейтенанта Мурмахамедова, протаранив орудие и подбив один «фердинанд», достиг окраинных домов. Но Сивков опять ушел в село. Мурмахамедов, чудом уцелев, едва вернулся. Дров он наломал у фрицев изрядно. Выложил весь боекомплект.

Нашу беседу прервал вошедший с донесением переводчик немецкого языка при штабе корпуса. Он доложил, что по сети радиостанций 6-й немецкой армии передан боевой приказ от 12 марта 1944 года. В связи с кризисной обстановкой начало его передано открытым текстом. В нем говорилось:

«Общее положение требует немедленного наступления корпуса *по направлению к западу* (подчеркнуто мной—И. П.) с оставлением арьергардов, с определением центральных мест и дорог.

1. Цель наступления «Волк».
2. Цель наступления «Выдра».
3. Цель наступления «Медведь».

Затем через Ингул на запад».

Было совершенно ясно, что «Волк», «Выдра» и др.— это шифр промежуточных рубежей. И если Ингулец — это «Волк», то «Выдру» мы уже прибрали к рукам, а «Медведя» — то есть балку Белозерскую — последний выгодный рубеж обороны перед рекой Ингул — «оседлала» на этом направлении 10-я гвардейская кавалерийская дивизия.

— Теперь понятно, почему немецкое командование так массированно и яростно стремится отодвинуть наши бригады подальше от Снигиревки. Главный удар будет наноситься вдоль дорожной магистрали Снигиревка — Николаев, — произнес Танасчишин так, будто объяснял свои действия под Снигиревкой.

— Возможно, что в первом варианте так и будет, — согласился я. — Поэтому будьте в готовности частью сил нанести фланговые контрудары: первый — в направлении железнодорожной станции Снигиревка; второй — на Дарьево-Александровку.

Соединившись со штабом генерала Пичугина, отдал указание прочно удерживать рубеж Дарьево-Александровка, Любино и подготовить контратаку с юга силой одного кавалерийского полка, усиленного танками в направлении железнодорожного моста восточнее Дарьево-Александровки.

Бывалые фронтовики, подобно опытным поморам, по многим, только им знакомым признакам, безошибочно определяют порывы боевой бури. А в бурю капитан судна должен быть на капитанском мостике, чтобы видеть каждую буйную волну. Забыв о завтраке, прощаюсь с генералом Танасишиным и направляюсь в 13-е отделение совхоза Снигиревки. Подъезжая — это было часов в девять — заметил, что хутор почти ничем не прикрыт. А там на шоссе взхлеб строчат пулеметы и автоматы, с тяжелой отдышкой, не переставая, ухают минометы, наперебой бьют орудия, танки и самоходки. За этим сплошным гулом не слышно натужного рокота моторов и боевого клича казаков, а казаки редко дерутся молча. В свой двенадцатикратный бинокль я отчетливо вижу, что творится перед лесопосадкой. Гитлеровцы под прикрытием танков и самоходной артиллерии откатываются назад. По железной дороге медленно движется немецкий бронепоезд. Он бьет из всех орудий и пулеметов, бьет неторопливо, расчетливо. Над темной полосой леса выются шлейфы черного дыма. Их много для одной атаки. И трупов в поле слишком много. Я знаю, что танковое кладбище немцам «организовал» майор Костылев. Его 152-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк поставлен мной на пути движения главной группировки противника. За таким противотанковым щитом генерал Тутаринов может скрестить мечи со свежей, сильной группировкой врага.

На улице, возле сарая, стояли генерал Пичугин и полковник Марченко.

— Очень вовремя мы закрепились на этом рубеже, товарищ командующий,— начал докладывать генерал Пичугин.— Кажется, начали отход главные силы нижнеднепровской группировки противника. Только что отразили вторую атаку 304-й пехотной дивизии.

— Вам офицер связи передал, чтобы были приняты меры для надежного прикрытия штаба? — спросил я.

— Да. Вперед выдвинут комендантский эскадрон.

— Товарищ Марченко, немедленно организуйте на этом участке противотанковый заслон. Перебросьте сюда не менее двух батарей из полка Костылева.

Командующий артиллерией группы повторил приказ. Делал он это не из стремления подчеркнуть готовность к ревностному выполнению любого приказа, нет. Просто ритуалы армейской службы были у него, как говорится, в крови. Вско-

чив на своего рослого гнедого жеребца, он ускакал в сторону Дарьево-Александровки.

Через час вдали показалась огромная колышущаяся масса. Она медленно и угрожающе надвигалась на нас. Вот уже можно различить приземистые танки и самоходные установки, видны боевые порядки пехоты. А перед нами нет ни одного орудия. Коноводы на всякий случай подводят наших тонконогих красавцев. Радисты впрягают в повозку свою цуговую семерку. И в это время из-за лесополосы вылетают три всадника и, подскакав к нам, резко осаживают коней. Это полковник Марченко и командиры батарей капитан Духовный и капитан Фирсов. Не дав им доложить, я показал на приближающегося противника.

— Надо сделать так, чтобы штаб работал в более или менее нормальных условиях. Надеюсь на вас и ваших гвардейцев.

Комбаты дружно выкрикнули бодрые заверения и прищиприли своих коней. Батареи пронеслись мимо, не замедляя хода. Любо было смотреть, как лихо, на большой скорости, сделав вольт влево, они развернулись и мгновенно изготовились к бою. Командир 4-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона капитан Марченко (однофамилец полковника) занимал позиции на флангах батарей.

Следует сказать, что этот дивизион был необычного состава. На его вооружении находились орудия, противотанковые ружья и гранаты, пулеметы станковые и «ДШК». В боевые порядки артиллерии выдвинулись и взводы управления батарей.

Мне не пришлось наблюдать этот героический бой. Было много других неотложных задач по обеспечению разгрома отходящей группировки врага. Но мой слух верно улавливает интонацию боя. Возбужденный «речитатив» противотанковых и мелкокалиберных зенитных орудий становится более раскатистым и мощным. Короткий стрекот пулеметов «ДШК» слился в сплошной треск, напоминающий горящую тайгу. Но вот в говоре батарей послышались глухие, надрывные звуки. «Начали бить шрапнелью,— определяю я,— значит, пехота подошла близко к батареям». Мне очень хочется самому увидеть, что там делается. Заканчиваю диктовать боевое распоряжение и выхожу из хаты на улицу. Мимо на бричках везут тяжело-раненых. Останавливаю.

— Передайте комбатам Духовному, Фирсову и другим,—

всем, кого встретите, что все мы восхищаемся их героизмом и совершенно уверены, что враг живым не пройдет.

— А як же, мы ездовые, каждый раз так и передаем: смотрит, дескать, на вас командующий. Орлы, говорит, батареи, герои. А як же, так и говорим. А они — передай командующему, пусть не сомневается, выдюжим.

И они выстояли, эти храбрые артиллеристы подполковника Костылева. Немецкая атака была отбита с большими для них потерями. «Мы хорошо знали, что они пройдут только тогда, когда остановится дыхание последнего из нас». — Это слова из письма командира 3-й батареи капитана Духовного.

Размах и напряжение боя все увеличивались. К середине дня позиции конно-механизированной группы атаковали 370-я, 304-я, 335-я и 9-я пехотные дивизии. Это значило, что 5-я ударная армия прижала противника к реке Ингулец, и начался отход его главных сил, безудержно рвавшихся на запад. Но на это они могли уже не надеяться. Вся артиллерия, танки, самоходки и зенитки группы стояли на прямой наводке. Массированный огонь вырывал из боевых порядков врага огромные куски пехоты, горели черными факелами танки и «фердинанды». Части противника на глазах таяли, рассыпавшись по степи, метались они в поисках спасения. А вдали появлялись все новые волны атакующих гренадеров. Ввиду колоссального расхода боеприпасов и необходимости их экономии в ход пошло трофейное оружие, а накал боев продолжал нарастать.

В это напряженное время я получил телеграмму Маршалов Советского Союза Василевского и Малиновского. Они выражали свое восхищение действиями конно-механизированной группы, желали дальнейших боевых успехов и передавали привет личному составу войск. Нам ставилась задача прочно удерживать район Киселевка, Бурхановка, Октябрьский, Бармашово. Не допускать прорыва противника на запад. Войти в связь с 5-й ударной и 28-й армиями.¹

— Благодарю за поздравления. Передам их личному составу группы. Прошу подбросить по воздуху боеприпасы. Приказ будет выполнен.

Ночью прилетели «Дугласы» и прямо на наши боевые порядки сбросили на парашютах боеприпасы. Казаки, артилле-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 20376, д. 1, л. 25.

ристы и танкисты ликовали. Весь день 14 марта войска конно-механизированной группы продолжали громить главные силы нижнеднепровской группировки, а вечером вошли в связь с 5-й ударной армией. Ее 37-й стрелковый корпус утром следующего дня форсировал Ингулец в районе Евгеньевка, Снигиревка, Ивановка и вышел в район действия конно-механизированной группы.

...Много лет спустя ко мне попал журнал боевых действий 6-й армии генерала Холлидта. По поводу попытки прорваться к Южному Бугу на Николаев, который был объявлен Гитлером «укрепленным городом Николаев», писалось: «Неудача этого наступления (имеется в виду прорыв из окружения — *И. П.*), означала бы конец для 6-й армии. Между рекой и морем она была бы уничтожена. Шел бой на жизнь или смерть с немилосердным врагом и против произвола сил природы...» Частица «бы» тут явно не к месту. Уже 14 марта войска 6-й и 5-й ударной армий вышли к району конно-механизированной группы. Все части, находившиеся между нами, были разгромлены и рассыпались, словно кирпич под прессом. Мне было приказано повернуть группу на запад и форсировать Ингул в районе Пересадовки и развивать наступление на Николаев.

Генерал-полковник Холлидт, потеряв надежду спасти нижнеднепровскую группировку, предпринял попытку «организовать защиту Буга... и обеспечить охрану предместных плацдармов: Николаев, Трихаты и Вознесенская». Выполнение этих задач было затруднено активными действиями местных партизан. Об этом мы узнали из попавшего к нам приказа командующего «армией мстителей», в котором он, ввиду «возникших в районе Николаева беспорядков», приказывал «сформировать в черте города свободные части из находящихся в городе войск и разместить их в рабочих районах города и на верфях». Но эти меры, видимо, показались Холлидту недостаточными. По его приказу 9 марта началась эвакуация из города всех мужчин, способных носить оружие.

Вплоть до 17 марта велись действия по ликвидации остатков «армии мстителей», развивая наступление на Николаев. Вечером этого дня я получил радиогамму генерала Корженевича. Конно-механизированной группе ставилась задача переправиться на западный берег реки Ингул на участке колхоза Ново-Данциг и к утру 18 марта сосредоточиться в районе Леополь, Ново-Шмидтовка, Красно-Владимировка, Сухой

Еланец. Привести в этом районе конно-механизированную группу в полный порядок и подтянуть сюда же свои тылы.

Ночью к местам переправы двинулись колонны казачьих, артиллерийских, танковых полков. На лицах воинов была печать бесконечной усталости, но глаза их блестели от сознания гордости за свои славные боевые дела.

Весь личный состав конно-механизированной группы уже знал, что в сводке Информбюро от 16 марта говорилось:

«Главное поражение нанесено противнику 13—16 марта 1944 года, когда немецкое командование, в связи с выходом гвардейской группы генерал-лейтенанта Плиева на немецкие тылы, потеряло всякое управление войсками и отходило на запад группами и даже одиночным порядком».¹

¹ Сводки Информбюро от 16 марта 1944 г.

ЧАСТЬ 2

ОПЕРАТИВНАЯ ПАУЗА

Село Сухой Еланец, где расположился наш штаб, лежит в широкой балке. Если пойти по ней на юг — выйдешь к морю. А стоит подняться на крутобокий западный берег и посмотреть вокруг, как увидишь целый массив сел и хуторов: Леополь, Ново-Шмидтовка, Красно-Владимировка, Суворовка, Буденновка, Ново-Зиновьевка. Это — район сосредоточения конно-механизированной группы. Здесь идет напряженная работа: спешно ремонтируются танки, самоходки, автотранспорт, вооружение; чинятся обувь, обмундирование, амуниция, снаряжение конского состава; в полевых банях сплошным потоком моется личный состав, тут же дезинфицируют и моют белье. Сюда по большакам и по полевым дорогам подтягиваются тылы полков, дивизий, корпусов и приступают к приведению себя в порядок; подходят маршевые роты с новым пополнением, ремонтеры подводят свежий консостав для кавалерийских соединений. Артвооруженцы подвозят оружие и боеприпасы — все это по мере прибытия направляется на доукомплектование кавалерийских, стрелковых, артиллерийских, танковых и специальных частей.

Наряду с этой работой идет напряженная боевая и политическая подготовка к предстоящим боям. Во всех частях прошли партийные и комсомольские собрания. И хотя повестка дня нацеливала партийные организации на обеспечение выполнения предстоящих боевых задач, разговор начинался с фактов массового героизма только что закончившейся рейдовой операции. На митингах зачитывали поздравления Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного, Маршала Советского Союза Василевского, генерала армии Мали-

новского и Военного Совета фронта. Вот выдержка из телеграммы, присланной на мое имя товарищем Буденным: «Поздравляю весь личный состав с блестящей победой, одержанной вами в районе Новый Буг... Блестящие действия казаков-кубанцев по разгрому немецко-фашистских войск будут вписаны золотыми буквами в истории Красной кавалерии...»¹ Семен Михайлович выражал уверенность, что казачья гвардия будет и в дальнейших боях показывать образцы боевой удачи и массового героизма. Новая волна митингов была вызвана присвоением 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии наименования Новобугской и награждением 9-й и 10-й гвардейских дивизий орденом Суворова.

Словом, велась большая и напряженная работа, которая в донесении определялась одним коротким выражением: «Войска группы приводят себя в порядок в интересах предстоящей наступательной операции».

В эти дни мне пришлось побывать почти во всех полках кубанцев и сталинградцев. И что бы казаки и танкисты ни делали, главная тема их разговоров — прошедшие бои. Это неиссякаемый источник рассказов о самых удивительных подвигах личного состава.

При выезде в Леонополь (там стояло два полка дивизии полковника Гадалина) мы проезжали мимо казаков, ремонтировавших конское снаряжение. Они удобно устроились возле уцелевшей стены разбитой хаты и, ловко орудуя шилом и дравкой, вели о чем-то оживленный разговор. «...Принят в партию посмертно», — услышал я обрывок фразы и невольно натянул повод своего рыжего дончака. Казаки, увидев меня, встали. Я слез с коня, подсел к ним и спросил:

— Кого приняли в партию посмертно?

— Да це-ж нашего гвардии лейтенанта Винокурова, что погиб в Бармашово. Добрый був хлопец. Грудь... — он широко развел руки, — во! И не меньше, а крутая, ну... як у вашего коня. Говорят, с одного удара вбивал сваю заподлицо с водой. А голосина — два Шалыпина разом. Душа була, як солнце — одинаково добрая для всех. Ну, конечно, всякие там микробы на солнце гибнут, это само собой. Ворвались в тот день фрицы в Бармашово, а пробиться на запад не могут. Стало на их пути подразделение лейтенанта Винокурова. Дело доходи-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 20 376, д. 1, л. 23.

ло до рукопашной. Ох и нарубал он их, як пшеницу в косовицу. Пробились гитлеровцы на флангах и окружили подразделение. И видно, уже сами не рады стали, да раскружиться не могут. Так и бились весь день. Все погибли, один лейтенант остался — с оторванной рукой, с вырванным боком, с разорванной щекой и одним уцелевшим глазом, а жив. Поднялся он с саперным топором в руке навстречу фрицам да как запоет: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Фрицы от одного вида его в ужасе кинулись, кто куда. Так и помер, не допев песни, на ногах помер, стоя. Потом уже упал. — Казак смолк. Молчали все, потрясенные его рассказом. — Вот, разбирали его заявление в партию... Погиб он, как коммунист. Приняли в партию посмертно.

В штабе дивизии я встретил начальника политотдела полковника Костина и спросил о лейтенанте Винокурове. Его светлые глаза затеплились. Он мягким движением руки откинул полу шинели и, опуская руку в карман брюк, сказал:

— Парткомиссия утвердила решение партийной организации саперной роты считать лейтенанта Винокурова членом партии с момента подачи заявления. — Он вытащил из кармана блокнот. — Имею привычку записывать... Подробности его гибели вы знаете?

— Да. Говорят, он был богатырем.

— Настоящий богатырь, не знающий страха воин. До последних минут жизни он вел дневник. Вот посмотрите.

Я взял блокнот и прочел: «Немцы пьяны, лезут напролом... Казаки — народ, не знающий страха в борьбе. Игнатенко уничтожил 11 немцев, Иващенко — 9 немцев. Бенацкий ранен, но дерется с прежней яростью...

Немцы лезут с диким остервенением. Мы окружены. Отбито 10 атак. Нас осталось семь человек. Будем биться до последнего. Пусть знают, как дерутся казаки-гвардейцы».

Блокнот начальника политотдела был заполнен примерами подвигов. Вспомнилось единоборство пулеметчика зенитной установки сержанта Петухова с тремя стервятниками «МЕ-110». Раненый, он сбил одного мессера и помог казакам отбить атаку.

— Вы знаете, товарищ командующий, — заметил Костин, кладя блокнот на место, — нам не приходится особенно-то организовывать пропаганду подвигов и массового героизма. Если казак увидел удаль молодецкую своего товарища, не

успокоится, пока все об этом знать не будут. Да еще и в станицу напишет, «какой есть его друг, а в бою — названный брат».

И действительно, в дни подготовки к новой наступательной операции мы узнали много удивительных, героических историй. Тут был и любимец казаков парторг эскадрона отважный лейтенант Джигирей. В бою под Михайловкой он с противотанкистами отражал сильные контратаки немцев. Пуля сразила его, но возле него нашли смерть несколько десятков гитлеровцев. Из уст в уста передавали о новом подвиге Героя Советского Союза младшего лейтенанта А. К. Каштанова. Под Снигиревкой его батарея отразила неоднократные атаки танков. Просматривая газету «Сталинград», я обратил внимание на очерк Миколы Рудь «Двое из танка № 17». Очерк большой, на всю страницу. Быстро пробежал его. Так и есть, — танк врывается в населенный пункт и, стремительно маневрируя, расстреливает скопления пехоты, подминает орудия, ударом брони разрушает автомашины, сеет панику, ужас и смерть в рядах противника. Схватываю строки: «Сивков спокойно написал на клочке бумаги потрясающие по силе убеждения и великой правды слова: «В крайнем случае погибнем, но в плен не сдадимся... Оставляем для себя по 2—3 патрона».

Я тут же позвонил генералу Танасчишину и спросил:

— Значит, не вырвался из Снигиревки младший лейтенант Сивков?

— Вырвался, товарищ командующий.

— Как? Ваша газета пишет, что погиб.

— Это случилось уже в селе Явкино. Он повторил свой беспримерный подвиг. Поздно вечером 14 марта ворвался в село и, маневрируя по улицам, создал видимость действия целого подразделения. Поднялась паника. На улицах возникли пробки, пустозвонная стрельба, крики... А танк врвался в места таких скоплений и вершил правосудие над фашистами. Но случилось несчастье. На окраине села танк попал в противотанковый ров. Оставшиеся в живых Сивков и его радист Крестьянинов отбивались, как истинные сталинградцы. Но сами понимаете... Только не самоубийством все кончилось, как говорили. Связали они все имеющиеся у них противотанковые гранаты и взорвали себя. Это, видимо, потому, что гитлеровцы в конце концов облепили танк и стали агитировать их сдаться. В тот момент, когда на танк забрался какой-то чин, знавший русский язык, танк взорвался... Еще один момент,

товарищ командующий. Одну минуту...— пауза.— Вот, Исса Александрович, последние строки дневника читаю: «Просим сообщить родным и товарищам, что мы выполнили свой долг перед любимой Родиной...»

— Трофим Иванович, прошу вас представить мне материалы на посмертное присвоение товарищам Сивкову и Крестьянину звания Героя Советского Союза.

— Уже готово, товарищ командующий, сегодня представим. Забыл доложить: наши разведчики, первыми ворвавшиеся в село, увидели, как досталось фашистам от советского танка: одних убитых — более сотни, десятки развороченных автомашин, повозок и многое другое.

И всюду, где бы мне не приходилось бывать в эти дни, рассказывали о лихих атаках и хитроплетенных маневрах; об ударах из засад и о дерзких налетах на вражеские колонны; о кровавой косовице под Березнеговатое и Снигиревкой.

...20 марта в помещении местной школы былолюдно и шумно. На стенах широкого коридора, который, видимо, служил школьникам местом для проведения торжественных мероприятий, висели схемы прорыва и боев за узловые пункты рейдовой операции. До начала совещания командиры корпусов, дивизий и полков, их заместители и начальники политотделов, штабов и другие руководящие генералы и офицеры стояли на улице группами, покуривали и шумно беседовали о том, как неотвратимо рушится «конгломерат племен и народов» — империя Гитлера. Слышен голос начальника политотдела кубанского корпуса полковника Карева:

— Читали заявление английского министра авиации Синклера? Он утверждает, что за первые три месяца этого года на Германию сброшено сорок восемь тысяч тонн бомб. Гитлеровцы ответили только двумя с лишним тысячами тонн.

— Это потому, что бомбы, запланированные для них, переадресованы на наши головы,— резко заметил кто-то.

— Вот-вот, а то ведь Синклер намекает, что это заслуга противовоздушной обороны Англии.

У собеседников, оседлавших длинную скамейку, другая тема, их беспокоит открытие второго фронта.

— Пока союзники соберутся его открывать, это будет уже третий фронт,— убежденно говорит генерал Головской.

— Кому ты отводишь роль второго фронта? Он, собственно, уже возник в Югославии. Скоро произойдет взрыв народ-

ной войны против фашистов в Чехословакии и Румынии, Болгарии, Польше, Венгрии и в других странах Европы.

— В Румынии руководство «Отечественного фронта» уже опубликовало свою программу. Вот слушай.— Полковник Хоруженко разворачивает маленькую, в один лист, корпусную газету и читает: — «Первое — немедленный выход из германской войны и присоединение к демократическим странам. Второе — изгнание немцев из Румынии. Третье — свержение правительства Антонеску...» Остальные пункты в таком же духе.

Собеседники обсуждают судьбы Европы, тонко понимая «бумеранговую» политику наших союзников и ясно представляя перспективы и трудности нашего пути к победе.

Мне было приятно начать разбор с поздравлений по поводу убедительной победы в рейдовой операции и награждений присутствующих боевыми орденами. Для пользы предстоящей наступательной операции основное внимание обращалось на недостатки, имевшиеся в управлении войсками и боевыми действиями в ходе проведенной рейдовой операции. Но надо сказать, что частично они порождались причинами, не зависящими от командования соединений и конно-механизированной группы. Значительные коррективы в управление и в ход боевых действий вносило отсутствие надежного воздушного прикрытия. Был такой случай. Ставлю по радио боевую задачу генералу Танасчишину. Связь внезапно прерывается. Оказывается, бронетранспортер с радиостанцией разбомбили. Комкор чудом остался жив. Посылаю к нему самолет связи «У-2», последний из оставшихся в группе. Но и его сбили «Мессершмидты». Время потеряно.

Авиация немцев изматывала наши части непрерывными бомбоштурмовыми ударами, а мы не могли противопоставить ей нашу истребительную авиацию. Только ночью мы развивали боевые действия в полную мощь и наверстывали упущенное. Если бы конно-механизированная группа имела надежное прикрытие с воздуха, то все свои задачи мы выполнили бы во много раз успешнее и по времени, и по оперативным результатам.

Многих неприятностей можно было бы избежать, если бы некоторые приданные мне командующим войсками фронта истребительно-противотанковые артиллерийские полки не отставали в ходе рейда из-за сильной распутицы. А какие оперативные возможности открылись бы перед нами, если бы

успел подойти приданной группе танковый корпус и другие части усиления!

Впрочем, обо всем этом на разборе я не говорил. У нас было что обсудить из категорий субъективного характера.

Но, откровенно говоря, несмотря на серьезный, острый и принципиальный разбор недостатков, они воспринимались всеми под впечатлением высокой оценки, которую дали нам за рейдовую операцию командующий войсками фронта генерал армии Р. Я. Малиновский и представитель Ставки Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза А. И. Василевский. Об этом говорили наполненные сдержанной гордостью глаза сидящих в зале генералов и офицеров — людей, хорошо знающих цену жизни и смерти, цену борьбы и победы. Да и моя настроенность была, видимо, на одной со всеми волне. Совершенно другая атмосфера возникла, когда последовали указания, нацеливающие на подготовку к предстоящей наступательной операции.

21 марта 1944 года на командный пункт конно-механизированной группы прибыли представитель Ставки Верховного Главнокомандующего, командующий войсками 3-го Украинского фронта, командующий военно-воздушными силами фронта и другие руководящие работники. Все произошло внезапно. Короткая радиограмма... И вот на обычную поляну за селом через ровные промежутки времени приземляются один за другим несколько самолетов «У-2». Из первого выходит командующий военно-воздушными силами фронта генерал-лейтенант В. А. Судец. Стройный, худощавый и энергичный, он выглядит молодо. Владимир Александрович оживленно приветствует меня и, не дав опомниться, начинает говорить о наблевшем.

— Знаю, Исса Александрович, что ты мысленно наносишь страшнейшие «бомбовые удары» на мою голову, но пойми: совершенно дикая грязь, аэродромы развезло до предела.

Я перехватываю его мысль.

— Все понимаю, Владимир Александрович, но когда строится дом, обязательно возводится крыша...

Мы с удовольствием прервали неприятный для обоих разговор. На посадку шел самолет командующего войсками фронта. Генерал армии легко спрыгнул с крыла, показывая завидную молодцеватую упругость мышц. Он с теплой улыбкой принял мой рапорт, сказал весьма приятные слова поздравления по поводу только что проведенной рейдовой опе-

рации и, дотронувшись до плеча, как бы раздумывая, про-
изнес:

— Чтобы успешно осуществить идею мощного удара с фронта, необходим был взрыв изнутри, но его-то нам и не хватало. Конно-механизированная группа в этой операции произвела такой взрыв. Готовься, Исса Александрович, мы запустим такую же «мину» на Одесском направлении.

Тем временем на наш импровизированный аэродром-поляну сел самолет товарища Василевского. Маршал Советского Союза не стал выслушивать рапорт. Взял меня под руку и, направляясь к машинам, сказал:

— С особым удовольствием поздравляю тебя с высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Хата, в которой находилась моя «резиденция», стояла почти на выходе из села — невзрачная, в одну просторную комнату. В ней было подготовлено все необходимое для работы. В соседней хате наш штабной повар сержант Сергей Лазарев готовил тематические блюда, которые, по его замыслу, должны были потрясти воображение столь высоких гостей. Потомственный повар, он был художником своего дела.

Маршал Советского Союза прямо с порога начал развивать свои мысли о предстоящей наступательной операции.

— Слушай внимательно, — предупредил он. — Войска 4-го Украинского фронта на всем протяжении вышли к Южному Бугу. Этот рубеж обороняют войска, заранее подтянутые сюда из оперативной глубины. Они и составили третье, ухудшенное издание 6-й армии. Общая картина ее боевых порядков такова: 44-й армейский корпус занимает предусмотренный плацдарм — «укрепленный район Николаев» и южнее. Западный берег лимана обороняет 72-й армейский корпус особого назначения. По нашим сведениям, ему подчинены 15-я немецкая, 4-я и 24-я румынские пехотные дивизии и 5-я авиаполевая дивизия. На участке от Петровское до Терноватый «благоустраивается» 17-й армейский корпус. В его состав включены боевые группы 30-й и 9-й пехотных дивизий. Наконец, к югу от Вознесенска — 29-й и 59-й армейские корпуса, а также соединения армий «А». Правое крыло группы армий «А» составляет 3-я румынская армия. Генерал-полковник Холлидт сосредоточивает усилия на создании трех предмостных плацдармов: Вознесенск, Трихаты, Николаев. В глубине воздвигается несколько оборонительных полос. Особенно торопливо оборудуются рубежи рек Тилигул и Днестр.

В то же время войска 3-го Украинского фронта ведут напряженные бои с целью захвата и закрепления плацдармов в районах Константиновки, Александровки, Новой Одессы и ликвидации предмостного плацдарма противника в районе Николаевки. 2-й Украинский фронт генерала армии Конева мощной танковой группировкой продолжает развивать наступление к Днестру, охватывая с севера группу армий «А» генерал-фельдмаршала Эвальда Клейста, а заодно и часть войск генерал-фельдмаршала Эрих фон Манштейна.

Наша танковая группировка — магнит, который притягивает к себе силы противника. Так вот, чтобы не дать возможности перебросить к северу часть сил из группы «А», принято решение возобновить наступление войск 3-го Украинского фронта в общем направлении на Одессу.

Маршал Советского Союза откинул со лба прядь волос и кивнул командующему фронтом:

— Ставь задачу, Родион Яковлевич.

Малиновский вполне серьезно, как будто от этого зависело, какую задачу он поставит, спросил:

— Обедом кормить будешь?

— Лучшие казачьи блюда и добротные донские и кубанские вина. Сервировка современно-полевая.

— Тогда звони своему соседу генералу Чуйкову, вместе пообедаем.

Наш разговор с командармом 8-й гвардейской был коротким.

— Здравствуй, Василий Иванович, у меня большое начальство. Советую с собой иметь... отменный аппетит. Как, понял меня? Прием.

— Понял правильно. Через мгновенье буду,— ответил он и положил трубку.

Малиновский довольно улыбнулся.

— Ну, а теперь продолжим. 46-я и 8-я гвардейская армии сегодня ночью должны захватить плацдарм в районе Троицкое, Новая Одесса. Конно-механизированная группа в случае успеха вводится в прорыв в полосе 8-й гвардейской армии. Задачу мы в дальнейшем уточним, а пока отрекогносцируйте маршруты и переправы, установите связь с соединениями первого эшелона и приведите свои войска в полную боевую готовность. Следует иметь в виду, что за рубеж Южного Буга немцы будут драться с предельной решительностью. Потеря его означала бы для них, во-первых, полную изоляцию, а зна-

чит, неизбежный разгром крымской группировки; во-вторых, мрачную перспективу потери так называемой «Транснистрии», а это в свою очередь оголяет морские коммуникации между Крымом и Турцией, Румынией и Болгарией.

Пока мы обсуждали возможные варианты ввода в бой конно-механизированной группы, цели и задачи рейдовой операции, прибыл генерал-полковник В. И. Чуйков. Мы быстро согласовали с ним вопросы взаимодействия, договорились с генералом Судец об авиационном прикрытии конно-механизированной группы при вводе ее в прорыв и в период рейда на Одессу. Закончив работу, мы продолжали разговор за обеденным столом. Он определялся, конечно, интересами надвигающихся событий.

— Представьте себе,— с жесткой иронией говорит Маршал Василевский,— мы «вторгаемся» в пространство, названное его превосходительством Маршалом Ионом Антонеску трескучим словом «Транснистрия». Одесская область и вдруг — «губернаторство Транснистрия».

— Кто там у них сидит на этом «троне»? — спросил Василий Иванович.

— Есть такой профессор Георгий Алексяну. Он назначен губернатором еще в августе тысяча девятьсот сорок первого года. Этот прохвост, я должен сказать, классического типа обосновал необходимость производства работ по пуску оборудования Одесского порта для вывоза в Румынию промышленного оборудования и сырья с оккупированной территории. Вскоре Антонеску через своего вице-секретаря по делам морского флота контр-адмирала Н. Пейш распорядился выделить для этой цели десятки миллионов лей. И если бы не партизанское движение в районе Одессы и действия партизанских отрядов одесских катакомб, уверяю вас, вся промышленность города была бы вывезена в Румынию. Неудовлетворенный «мягкотелостью» профессора, Антонеску заменил губернаторство Алексяну военной диктатурой Потопяну. Сейчас бешенство румынской охранки, так называемой «сегуранца» и военно-полевого суда — «куртя марциала», руководимых абвером и гестапо, достигло кульминации.

— Партизаны одесских катакомб сообщают,— дополнил комфронта,— что особенно свирепствует командующий войсками города Одессы генерал Н. Гинерару. Среди присланных документов попало интересное донесение, в котором полковник Ника, префект жандармерии, с застенчивой сдержанно-

стью пишет командиру 12-й пехотной дивизии, что жандармские отряды не в состоянии стать хозяевами положения в городе.

— Да, они в Одессе находятся действительно на положении того премудрого пескаря, который «жил дрожал и помирал дрожал». Вспомните, как в прошлый ноябрьский праздник на колокольне Успенского собора взметнулось Красное знамя.

Так за беседой мы уверенно справились с немудреным, но, прямо скажем, мастерски приготовленным обедом. После обеда высокое начальство улетело на КП фронта. Впереди надвигались исключительно важные события.

ВПЕРЕД НА ОДЕССУ

В эти дни танкисты и казаки били челом двум «богам»: солнцу и генералу Судец. И даже байку такую сложили: «Если солнце подсушит землю, а Судец «закроет» небо, ох и разгуляются казаки-кубанцы на тылах фашист-германцев». Нашлись и такие, что уже начали складывать песню:

По радио мчатся победные вести.

Казачья волнуется кровь.

Вперед на Одессу — наш город чудесный.

Кто его знает, правда это или нет, но старики рассказывают, что когда казак бьет да еще песню слагает — душа его в великой решимости пребывает, к славе своей готовится.

Умеют хорошие слова найти старые казаки, когда возле них удалая молодежь собирается. Готовят тогда они их к тяжелым испытаниям. Очень одобрительно слушают на собраниях и митингах, но сами гуторят только у костра, попыхивая трубкой, или когда соберутся у походной кухни. Перед боями старые казаки становятся говорливыми. А дела предстояли действительно трудные.

Дело в том, что пространство между Южным Бугом и Днестром буквально заштриховано с севера на юг ветвисты-

ми оврагами, балками, лощинами, реками, речками и ручьями. Крутое, холмистое правобережье и заболоченные долины создавали для нас большие трудности в форсировании реки. В то же время облегчали противнику оборону. Населенные пункты в здешних местах ютятся, главным образом, на западных скатах балок, лощин и рек, поэтому могут служить опорными пунктами, прикрывающими дорожные направления. Следовало также учесть, что в рейдовой операции мы базируемся в основном на грунтовые, проселочные и полевые дороги и колонные пути, а они во время дождей раскисают не меньше черной земли целины.

Радиостанции смонтировали в бричках-тавричанках: все, что возможно: вьюки, брички, тачанки... загрузили боеприпасами без всяких норм. Усилили медико-санитарные эскадроны бричками (раненых в рейде приходится возить с собой). На первый случай эти брички тоже загружали боеприпасами. В танковых частях каждый танк, кроме основной заправки ГСМ и боекомплекта, дополнительно пристраивал по бортам по две бочки горючего и масла, а на моторном люке (так, чтобы не закрывать жалюзи) до двадцати ящиков со снарядами. Все автомашины были подготовлены для повышенной проходимости.

Словом, все делалось с учетом опыта только что проведенной операции.

27 марта 1944 года. Конно-механизированная группа все еще в прежнем районе и в полной боевой готовности. А в районе Троицкого и Новой Одессы продолжаются жестокие бои, но время, когда можно будет бросить подвижную группу войск вперед, в прорыв, еще не настало. Только в конце дня почувствовалось приближение кризисного момента. В 17.00 мне подчинили 42-ю истребительную артиллерийскую бригаду, находившуюся в Новом Буге, 3-ю зенитную дивизию МЗА и два полка РС, находившиеся в Новой Одессе, и другие части. А буквально через 40 минут было получено боевое распоряжение — выдвинуться в район населенных пунктов Васильевка, Ново-Украинка, Отрадовка.

Под покровом ночи войска конно-механизированной группы сосредоточились в новом районе. Обстановка изменилась. На правом крыле фронта 57-я армия генерал-лейтенанта Н. А. Гагена и 37-я армия генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина еще ночью прорвали оборону противника между Константиновкой и Вознесенском. Там обозначился успех, но напря-

жение боев не спадало. Во второй половине дня командующий войсками фронта поставил нам новую боевую задачу: «К утру 29 марта сосредоточиться в районе Александровки и Вознесенска, переправиться по мостам 37-й армии и наступать в общем направлении на Березовку, Раздельную...»

К утру следующего дня мы должны были захватить район Березовки. Это боевое распоряжение выдвигало целый ряд совершенно новых неотложных задач, что требовало от войск значительной дополнительной нагрузки.

Когда густые сумерки погасили багровый закат и в небе тревожно замерцали первые звезды, началось движение к переправам 37-й армии. И снова дорога превращается в какое-то чудовище, издающее скрежет и скрип, рокот и хrap. От всего этого в голове стоит сплошной гул, временами он куда-то проваливается, и тогда наступает тишина, мысль переносится к переправам и дальше к Березовке, Раздельной и к Одессе.

В полночь мы прибыли в село Болгарюц. Тут выяснилось, что в отведенном для форсирования районе готовых переправ на Южном Буге нет. Высланные заранее группы инженерной рекогносцировки обшарили каждый метр реки и в полной растерянности доложили эту тревожную весть. Нужно было немедленно уточнить обстановку. Пришлось срочно послать генералу Корженевичу лаконичный запрос: «Прошу уточнить, где и какие переправы возведены или возводятся на участке Александровка, Вознесенск». Когда был получен ответ, то оказалось, что имеется лишь одна переправа в совершенно другом районе, около села Акмечеть. Здесь был наведен односторонний тяжелый понтонный мост. Через него переправлялся 23-й танковый корпус. Вслед за танковым корпусом мы ускоренным темпом двинули на переправу 4-й гвардейский Кубанский и 4-й гвардейский Сталинградский корпуса. Переправа шла быстро и организованно.

К утру в районе Александровки скопилось три корпуса, много отдельных дивизий, бригад и частей, артиллерия и обозы 37-й армии, которые переправлялись также у Акмечети. Мне стоило большого труда пробиться к переправе. Командир корпуса генерал Ахматов был в отчаянии.

— Понимаешь, первый же танковый полк расшатал мост, у некоторых понтонov вырвано дно, одна самоходка затонула. Пришлось приостановить переправу, чтобы отремонтировать и усилить его,— выпалил он на одном вздохе и с досады хлоп-

нул по кожанке. Его серые глаза метнули искры, а острые скулы побледнели от напряжения.

Я взглянул на свои пылевлагозащитные. Стрелки показывали 10.40. «Значит, только вечером возобновится переправа танкового корпуса, а где-то в полночь мост освободится для остальных корпусов и дивизий.

На подходах к переправе начали создаваться пробки. Хорошо еще, что погода резко ухудшилась, густая низкая облачность затруднила действия вражеской авиации. Однако на случай налета вражеской авиации все соединения и части пришлось несколько отвести от реки, рассредоточить и замаскировать. Зенитные части развернулись для прикрытия района переправы. Были приняты все меры для ускорения ремонта моста, но фронт работ был слишком узок.

Перед вечером, часов в пять, на переправу прибыл генерал армии Малиновский. Я доложил реальные возможности ремонтных работ и намечаемые сроки переправы войск. В связи с этим командующий войсками фронта уточнил задачу генералу Ахматову. Он должен был с утра начать наступление в стыке между 37-й и 46-й армиями, которые успешно продвигались вперед.

— С вами, Исса Александрович, условимся так, — сказал командующий фронтом. — Задача остается прежней — расчлени 6-ю армию немцев по линии Березовка — Раздельная. Исходный рубеж остается также прежним — Авангард, Новый Хутор, Цветков. Но начало действий с исходного рубежа не по времени, а по радиосигналу, например, «999-марш», повторенному трижды. Как только группа закончит переправу и сосредоточение, давайте этот сигнал и — вперед. Войска первого эшелона будут знать, что конно-механизированная группа своими главными силами перешла в решительное наступление. Об оперативной обстановке на фронте соседей вы будете своевременно ориентированы.

— Для изучения обстановки в полосе ввода в бой от каждого корпуса и кавалерийских дивизий в войска первого эшелона направлены оперативные группы офицеров.

— Правильно сделали. Поторопитесь с переправой. Завтра не позднее середины дня надо начать движение для ввода в бой.

Командующий войсками фронта уехал.

Танки конно-механизированной группы нам удалось переправить засветло. Затем пустили кавалерийские дивизии и мо-

топехоту бригады Завьялова и механизированных бригад. Нагрузку на мост дали предельную. Все шло в хорошем темпе, организованно. Правда, нашелся один чересчур ретивый казак, который со своей одноконной бедаркой старался пробраться на мост раньше всех. Среди огромного потока войск он делал умопомрачительные зигзаги, протискивался, проби-вался, умолял... Сначала это даже забавляло. Но когда из-за него стали возникать пробки и беспорядок, начальник переправы приказал ему двигаться в темпе колонны. Тогда он тут же обратился прямо ко мне.

— Не могу, товарищ командующий,— взмолился казак,— старшина приказал быть у него на той стороне с горячей пищей в семь ноль-ноль. Вы уж разрешите мне пробиться.

Только что доведенных до бешенства казаков взорвало раскатистым хохотом. Не сдержался от улыбки и я. Ездовой воспринял это по-своему и рванул с повозкой вперед...

Уже совсем рассвело, когда мой передовой командный пункт двинулся на правый берег. Ехали мы верхом между автомашинами. Настил прогибался, упругие потоки воды перекатывались через него, было далеко не безопасно. На правом берегу слышались крики. Остановился. Оказывается, на середине реки с моста сбило бричку. Она быстро погрузилась в воду и потянула за собой коней и ездового, который тщетно пытался выпрячь их. Сильным течением их отнесило вниз. Какой-то казак скинул шинель и с ножом во рту бросился в воду. Он быстро догнал лошадей, обрезал нагрудники и постромки. Лошади, почуввав облегчение, поплыли к берегу. С ними, ухватившись за гривы и хвосты, выплыли и казаки. Ездовым, не покинувшим в беде своих коней, был казак Зубенко. Поразительнее всего было то, что он почти не умел плавать. Выручил его казак Гнедов. Героев переправы быстро переодели в сухое белье и дали по чарке — согреться.

К середине дня переправа в основном была закончена. В 14.00 в эфире появился радиосигнал «999-марш». Из Александровской излучины Южного Буга начали движение предбоевые порядки конно-механизированной группы. 14-я, 15-я гвардейские механизированные и 36-я танковая бригады, составившие первый эшелон мехкорпуса, развивали наступление на правом фланге через Доманевку, Мостовое для удара по Березовке с севера. Его открытый правый фланг обеспечивала 13-я гвардейская мехбригада. Остальные силы корпуса эшелонировались в глубине, чтобы иметь свободу маневриро-

вания и возможность наращивания удара из глубины. Дивизии кавалерийского корпуса со своими средствами усиления наступали левее на более широком фронте. 10-я гвардейская кавалерийская дивизия через хутора Барышовка, Долгие могилы, Кудрявцев, Трохмана наносила удар по юго-восточной части Березовки, а затем должна была захватить рощу в изгибе железной дороги и станцию. 9-я гвардейская кавдивизия нацеливалась в обход Березовки с юга, с таким расчетом, чтобы к исходу 30 марта овладеть населенными пунктами Владиславка и Викторовка. 30-я кавдивизия наступала во втором эшелоне корпуса уступом влево за дивизией генерала Тутаринова, обеспечивая совместно с ней левый фланг группы. Дивизиям первого эшелона были приданы довольно мощные истребительно-противотанковые и зенитные артиллерийские группы. Был создан также сильный резерв. В последний момент перед выездом вручили телеграмму комфронта Малиновского: «Командующему КМГ генералу Плиеву. Желаю успехов в окончательном разгроме ненавистного врага. Надеюсь обнять лично вас в городе Одессе».

Новая рейдовая операция началась. Конно-механизированная группа набирала энергию для прорыва в оперативный тыл третьего издания 6-й армии немцев. Уже к середине дня передовые отряды корпусов и дивизий захватили рубеж речки Чичиклей. Мы сразу направились туда с передовым командным пунктом. Эта небольшая речка сейчас ввиду распутицы и половодья для форсирования представляла немалую трудность. С пологого косогора была хорошо видна широкая балка с крутыми берегами. На дне ее и течет Чичиклей. Мне ее не видно, но я знаю, что полая вода залила всю балку и разжижила илистое дно, сделала ее почти непроходимой.

Перед нами крупное село Мостовое. От него в разные стороны тянется несколько дорог. Правее, насколько видит глаз, цепь домов, садов и огородов, прижавшихся к невысоким, но довольно крутым скатам правобережья. Это почти слившиеся друг с другом несколько сел. Ближайшее к нам село называется Крутая гора. Каждое село — опорный пункт. Такой рубеж обороны труднодоступен сам по себе. А если иметь в виду, что с прорывом его создавалась непосредственная угроза тылу группировки противника, противостоящей 46-й армии, то можно было ожидать, что командование 29-го армейского корпуса сделает все, чтобы выстоять здесь. Наш замысел прост. Смассировать огневой удар на уз-

ком участке севернее села Мостовое и прорвать танковым танком. А южнее его осуществить прорыв между опорными пунктами, обойдя Мостовое с запада.

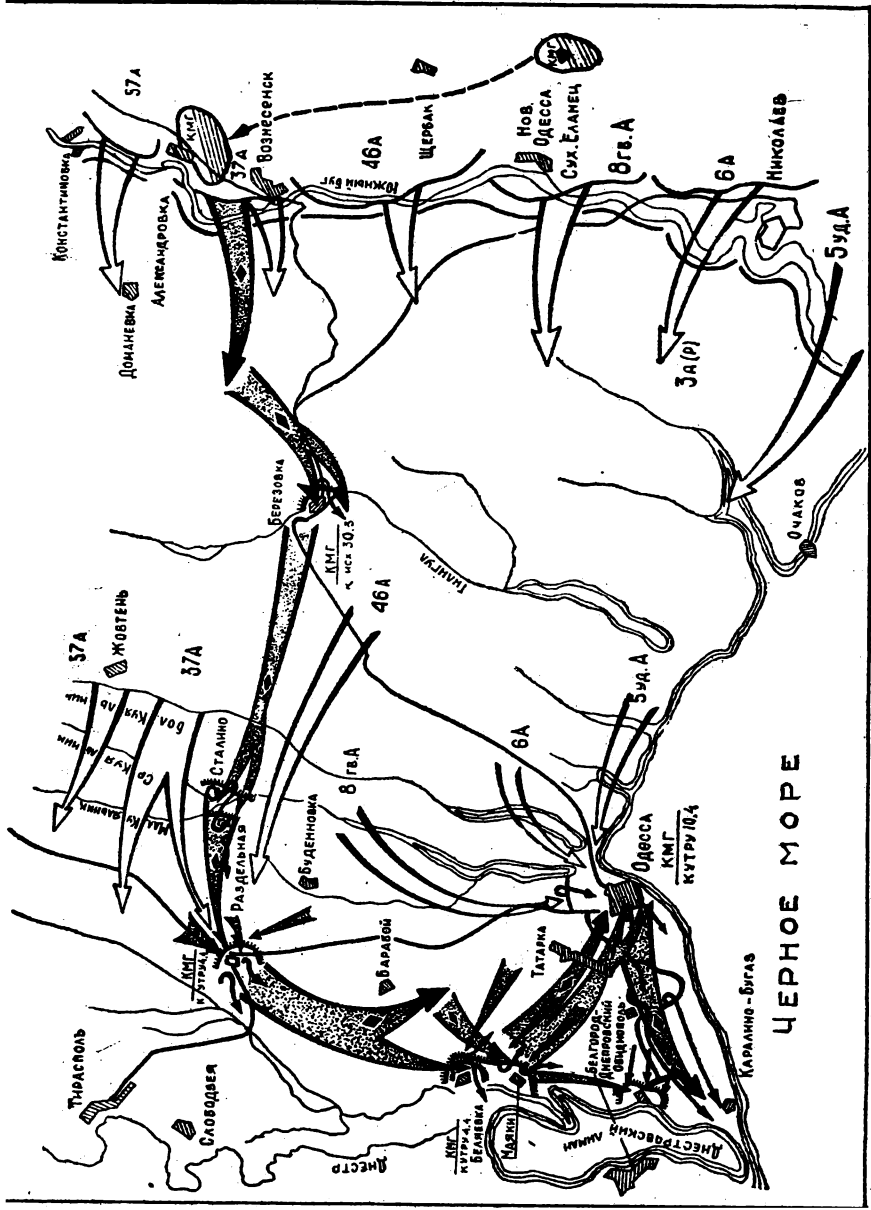
У Крутой горы слышен гул боя. Орудия прямой наводки и самоходки бьют по огненным точкам противника, расположенным на окраине села. К берегу на большой скорости приближаются наши танки с десантами. Они быстро перестраиваются в колонны и с ходу устремляются в воду, нащупали брод. Выйдя из речки, танки вновь разворачиваются в боевой порядок и, поддерживая друг друга огнем, врываются в село. Из села Мостовое артиллерия начала бить по подступам к Крутой горе. До нас доносится неприятное урчание пролетающих снарядов. Часть нашей артиллерии переносит огонь туда. Немецкие батареи смолкают. Прекрасное взаимодействие. Слышен голос офицера-оператора:

— Товарищ командующий, 9-я гвардейская кавалерийская дивизия танко-кавалерийской атакой прорвалась южнее села Мостовое.

Мне подумалось: «На рубеже речки Чичиклея обороняются сильные заслоны. Они пытаются выиграть время, чтобы главные силы успели отойти на реку Тилигул и закрепиться на ее рубеже». Немедленно было передано генералу Тутаринову новое распоряжение: «Дивизии стремительно развивать наступление на Лидневку и, охватывая Березовку с юга, овладеть рубежом Зброжковка, Завадовка». Данный маневр создавал благоприятные условия для быстрого разгрома вражеских заслонов.

Эти два пункта располагались на реке Тилигул в двенадцати километрах западнее Березовки. Захват их отрезал пути отхода березовской группировке. «Конечно же, генерал Холдидт решил дать бой на реке Тилигул,—думал я, направляясь в 10-ю гвардейскую кавдивизию, наступающую на Ново-Черниговку.—Южнее Березовки река постепенно разливается в лиман Тилигульский, местность там вся изрезана оврагами и балками, а на его западном берегу, как по заказу, раскинулись холмы, с которых простреливаются все подступы к восточному берегу». Вспомнилось: разведчики докладывали, что на нашем направлении дерутся 384-я, 333-я и 258-я пехотные дивизии немцев. Видимо, они успели отойти на Тилигул.

Сумерки разлились по низинам, с моря потянуло прохладой. Пришлось накинуть на плечи бурку. Впереди слышна разноголосица боя: глухой рокот моторов, непрерывно, вза-

РЕЙД КОННО-МЕХАНИЗИРОВАННОЙ ГРУППЫ В ОДЕССКОЙ ОПЕРАЦИИ
3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА. МАРТ-АПРЕЛЬ 1944 ГОДА.

хлеб бьют пулеметы, короткими и длинными «строками» их дополняют другие огневые средства, изредка ухают гранаты — это танковые подразделения и казахи эскадроны с пулеметными тачанками налетели на вражескую колонну, неведь откуда появившуюся впереди нас, в самом центре боевых порядков группы. Их уже не видно, и мы на слух выдерживаем расстояние, готовые в любой момент вступить в бой.

Постепенно на горизонте появляется множество оранжево-багровых закатов. Их отблески отражаются на лицах всадников. Горят села родной Украины, гневными зарницами отражаются пожарища на лицах танкистов и казаков. Неожиданно из лощины выскакивают всадники. Они осаживают охваченных клубами пара коней. Пожилой сержант спрашивает кого-то:

— Кто тут командует колонной?

— Докладывайте,— приказывает ему полковник Компанец.

— Вон за тем холмом,— он указал влево,— движется колонна румын, около полка пехоты, до дивизиона артиллерии и большой обоз.

Генерал Головской доложил, что его части ведут бои по уничтожению небольших колонн противника.

Все подобные мелкие и крупные «метеориты», проникая в плотные слои боевых порядков конно-механизированной группы, разумеется, быстро сгорали. Но для этого требовалось немало времени и усилий. Это была в общем-то необходимая, но не предусмотренная приказом фронта дополнительная нагрузка.

Наши кони, натываясь на убитых, то и дело шарахаются из стороны в сторону. По земле стелется пороховая гарь и терпкий запах горелого волоса и кожи, едкий дым бензина и солёнки.

В полночь передовые отряды механизированного корпуса и 10-я гвардейская кавдивизия ворвались в Березовку. Этот успех обрадовал меня. Все-таки Березовка какой ни есть, а город, к тому же — мощный узел сопротивления. Через него от Южного Буга на запад проходят железная и шоссе-ная дороги — важнейшие для 6-й немецкой армии и единственные для 3-й румынской армии пути отхода на запад. К четырем часам ночи стрельба стихла. И как заключительный аккорд уличных боев — раздался взрыв на реке. В воздух взлетел мост березовской переправы.

Нетрудно понять, почему противник оборонял Березовку без особого боевого энтузиазма. Этот городок лежит в большой котловине, образованной сходящимися здесь крупными балками. С высот, расположенных вокруг него, просматривается и простреливается каждая улица, каждый дом. Южнее Березовки высоты заняты противником. Прежде чем выйти к Тилигулу, надо сбить врага с освоенных позиций.

Мне было понятно, что принцип «взять с ходу» в данном случае не пройдет, ночью тоже будет трудно. Река Тилигул — коварное дитя природы. Набухшая от половодья, она покоится в долине, которая достигает одного километра ширины. Берега заболочены, дно илистое, топкое. Основной оборонительный рубеж противника оборудован на командных высотах, протянувшихся грядой по правому берегу Тилигула. Вся местность перед ними как на ладони. За рекой перед высотами проходит двадцатиметровая насыпь. Разведка боем, которую провели по моему приказу все соединения группы, установила, что первая позиция оборудована траншеями полного профиля с ходами сообщения. В ходе разведки боем кавалерийским дивизиям удалось создать и удержать незначительные плацдармы. Они в какой-то мере обеспечивали работы по наведению переправ.

На рассвете мне удалось провести рекогносцировку на участке 4-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса и 10-й гвардейской кавдивизии.

Генерал Танасишин, командный пункт которого располагался в каменном доме на юго-западной окраине города, встретил меня на улице.

— Подождем еще немного, до рассвета,— предложил я, здороваясь.

— Хорошо, тут с чердака все видно.

Улица была грязная и до такой степени разъезженная, что невозможно определить, где колейная дорога, где пешеходная часть улицы. Всюду валялись трупы гитлеровцев, разбитая боевая техника, какие-то бумаги, тряпки, доски, оконные рамы. Жители не успели еще подобрать тела убитых стариков, женщин, детей.

— Ночью не видно было. Сейчас местные жители наведут порядок: распоряжение дано,— сказал генерал.

— Гитлеровцы не люди, а настоящие вурдалаки!

— Кто, кто? — не расслышал Трофим Иванович.

— Вурдалаки,— повторил я,— по старинному поверью сла-

вян, вурдалаки — это воскресшие мертвецы, сосущие кровь живых людей.

— Румынские фашисты успешно подражают своим хозяевам,— гневно произнес Танасчишин.— Вот прочтите, это я сорвал со стены.

Он подал мне объявление, подписанное румынским префектом — начальником районной управы.

«...Господин генерал, командующий просит поставить в известность жителей:

1. Село, в котором будут обнаружены партизаны, будет совершенно уничтожено». Далее перечислялись еще более грозные кары.

Мне вспомнилось, как в помещении школы, куда мы заехали, чтобы развернуть рацию и передать донесение об освобождении Березовки, вошла старая женщина и с глубоким возмущением рассказывала о том, что по приказу префекта Березовского уезда полковника Леонида Пот жгли учебники и географические карты Советского Союза.

— Взрослые люди, а того не поймут,— сказала она,— что Советский Союз не на картах, а в душе народный вписанный.— Женщина приложила конец платка к глазам, громко шмыгнула и, улыбаясь сквозь слезы, закончила: — Ну, да теперь все устроится.

К нам подъехал «виллис». Оттуда выскочил офицер в кожаной куртке. Спросив разрешение обратиться, он доложил комкору:

— Пехота просит усилить огонь. Подразделение Соколова держится на той стороне, но им головы поднять не дают.

В этот момент послышался какой-то совершенно дикий свист с завыванием. Мы мгновенно юркнули за угол. Воздух рвануло с такой силой, что нас бросило на землю. Стена дома треснула и развалилась, предательски открыв нас мириадам мечущихся осколков. Вокруг остервенело рвались снаряды. Били специально по командному пункту. Затем фонтаны взрывов перескочили к переправе, где саперы самоотверженно восстанавливали взорванный мост. Перед домом зияла воронка, невероятно большая для тех снарядов, которые только что рвались около нас. «Виллиса», на котором приехал офицер связи, на месте не оказалось.

— Надо создать саперам условия для успешной работы. Подавите противника хотя бы там, откуда ведет он огонь по району переправы.

Снова, теперь уже где-то в центре, раздались сильнее взрывы.

— Похоже, что бьют из орудий большой мощности,— предположил Трофим Иванович.

— Так оно и есть. Большая мощность предназначена для объектов особой важности. Это делает нам честь,— ответил я.

Рекогносцировка показала, что прорыв здесь, против Березовки, потребует огромного напряжения времени и жертв. Почти полуторакилометровое совершенно открытое заболоченное пространство в любой момент может быть изрешечено шквальным пулеметно-автоматным и артиллерийско-минометным огнем.

У меня родилось решение, которое тут же было изложено в виде боевого распоряжения. «Одновременно с подготовкой прорыва здесь у Березовки предпринять действия по форсированию реки в районе Завадовки. Дальнейшее наступление развивать в общем направлении Рауховка, поселок Котовского, Андреевка». Эти населенные пункты лежали вдоль грейдера, идущего на Сталино, в то время как кавалерийские дивизии должны были наступать южнее, через отроги многочисленных балок. Такое своеобразие местности также наложило отпечаток на мое решение.

— Главный удар будет наноситься южнее, в направлении Викторовка, Нейково, то есть в обход противника, противостоящего мехкорпусу.— Танасчишин делал пометки на рабочей карте.— После прорыва центр тяжести главных усилий перемещаем на направление вашего корпуса. Создайте из отборных частей сильный передовой отряд, который должен во что бы то ни стало захватить Сталино. Мой передовой командный пункт будет двигаться в передовых порядках 9-й гвардейской кавалерийской дивизии. Желаю вам больших боевых удач.

Коноводы подали коней. Мой буйный «Терек», как часто бывает в бою, вел себя беспокойно, нетерпеливо переступал стройными сильными ногами. Стоило мне сесть в седло, как он тут же начал рвать повод вперед.

— Командный пункт советую перенести на северную окраину города,— крикнул я на ходу Танасчишину.

Трофим Иванович кивнул головой и приложил ладонь к козырьку. На его крупном мужественном лице лежала печать усталости и озабоченности. Он сдержанно улыбнулся.

У меня появилось какое-то смутное предчувствие. Я пол-

ностью отдал повод, и конь перешел на широкую рысь. Мы миновали рошу, находившуюся между южной окраиной города и железной дорогой. Там вела бой 10-я гвардейская. Шальные снаряды и пули искали где-то рядом своих случайных жертв. Стоило нам переехать через насыпь, как снаряды стали вести себя уже не как шальные. Недолет... перелет... Мы делаем резкий бросок вперед. Снаряды рвутся сзади. И вдруг мой «Терек», будто споткнувшись, на широком аллюре падает наземь с перебитой передней ногой. Я вылетаю из седла, успевая в последний момент сделать рывок влево и оттолкнуться от стремени. Мгновенно вскакиваю. «Терек» через спину валится на бок и бьет ногами по воздуху. Пришлось расстаться с великолепным, на редкость красивым скакуном и пересесть на запасного коня.

На левом фланге, где ведут бой дивизии Тутаринова и Головского, стоит невообразимый вой и гул. Несколько десятков «Юнкерсов», «Мессершмидтов» и «Фокке-Вульфов» кружат свою адскую карусель, вдалбливая бомбы в тяжело израненную степь Одессчины, расстреливая ее из орудий и пулеметов.

Неотложные дела операции торопят нас: «Надо успеть... Как только прекратится налет вражеской авиации — немедленно атаковать». Мы ускоряем ход коней. Рядом со мной скачет коновод, кубанский казак Горбынь. Лицо его, серое, как эта степь, уже изношено временем и переживаниями. Он прижимается поближе и, наклонившись, говорит:

— Быть непогоде!

— Не видно, чтобы портилось.

— Так-ить «Чалая» храпит. Опять же трясет мордой, закидывает ейную — к ненастью это. Да и солнце надесь зашло в морок, дым стелется; к тому же сорока лезет под стреху.

Я улыбнулся и добавил ему в тон: «Да к тому же наши асы не появляются в небе».

Массированный налет вражеской авиации вынудил предбоевые порядки наших соединений еще больше расчленились по фронту и в глубине. Кавалерийские дивизии укрылись по балкам и оврагам. Сильный воздушный налет немцы произвели и на Березовку. Зная, что в 9-й гвардейской кавдивизии находится мой заместитель, генерал Горшков, я направился прямо к генералу Головскому. Ему отводилась главная роль в той тактической комбинации, которую мне захотелось провести, чтобы ускорить форсирование Тилигула.

Едва успели мы с ним поздороваться, он сразу доложил трагическую весть.

— Минут сорок тому назад разговаривал с генералом Ждановым. Он искал вас. Доложил, что тяжело ранен командир корпуса генерал-лейтенант Танасчишин.

— Свяжитесь со Ждановым.

— Доложите, как это случилось.

Мне хотелось говорить как можно спокойнее, но, кажется, не получилось.

— Трофим Иванович только что скончался. В 11.40 он был тяжело контужен разорвавшейся бомбой на юго-западной окраине Березовки, а через пятьдесят минут скончался на своем КП,—доложил мне Жданов.

— ...Примите, Владимир Иванович, командование корпусом. Буду у вас через час.

С пологого холма, возвышающегося перед Степановкой, на котором расположился КП генерала Головского, хорошо видны справа боевые порядки завьяловцев. Они готовятся к атаке в направлении хутора Падурец. Еще дальше, перед Викторовкой, окапываются казаки генерала Тутаринова. Видна и роща перед Березовкой.

— Какая здесь глубина реки? — спрашиваю у командира дивизии.

— Около метра, а ширина — метров двадцать-двадцать пять. Вон там от Гуляевки начинается лиман. Он показывает влево, и мне хорошо видно в бинокль и это синее село и такая же синяя гладь лимана.

Все села и хутора в этих местах синие. Каждую весну хозяйки белят избы, добавляя в известку много синьки. Поэтому их хаты и имеют синий оттенок.

— Ваша дивизия, Василий Сергеевич, должна прорваться через Степановку, с ходу форсировать реку в пешем строю и развивать наступление на Нейково, отрезая пути отхода противнику, обороняющемуся на высотах за рекой западнее Березовки. Наступление возобновляет вся группа. Атаку начнем через полчаса. Правее вас наступает мехкорпус.

Закончив разговор, я поднялся, чтобы взглянуть, выдвигается ли 9-я гвардейская дивизия на исходный рубеж, что делается на участке 5-й отдельной мотострелковой бригады Завьялова. В первый момент даже не разобрался. «Неужели полки бригады уже подошли к самой окраине Степановки. Но почему они начинают отходить?» Взглянул в бинокль и по-

нял — это контратака немецкой пехоты и танков. Радости моей, казалось, не было конца. Еще бы, у нас две дивизии выдвигаются для удара — одна на Викторовку, другая южнее Степановки. А вместо того, чтобы упорно обороняться на заранее оборудованных позициях, противник покинул их и открыл нам свои фланги для удара.

— Видите? — бросил я комдиву.

— Вижу, товарищ командующий, и понял вас, — ответил возбужденно Головской.

— Как только они втянутся в бой с завьяловцами, удар нанесите по флангу, атакуйте Степановку и развивайте наступление на северо-запад, в направлении четырех курганов. Тутаринов скует противника ударом на Викторовку. Ему надо только уточнить время атаки.

Не отрывая взгляда с поля боя, мне удалось по рации тут же уточнить боевую задачу комдиву Тутаринову. Были хорошо видны стоящие на скатах нашей высоты (она тянулась на север километров десять) орудия истребительно-противотанкового дивизиона. По мере приближения танков они все чаще вздрагивали, разговаривая с врагом на грозном языке металла и огня. Танк, опрометчиво вырвавшийся далеко вперед, вдруг закружился на месте и стал. Из подбитой машины выскочили немцы и бросились бежать назад. Когда они пробежали мимо встречного танка, раздался сильный взрыв. Машину охватило черным дымом, а фашистские танкисты мгновенно куда-то исчезли. Воздух потряс еще один страшный взрыв.

— У них там поставлено внаброс минное поле, — объяснил комдив.

— Давай сигнал «вперед!»

Где-то сзади нас загудели моторы. Танки и самоходные орудия как бы нехотя выползли из-за оврага и начали медленно разворачиваться в боевой порядок, поджидая, когда подойдут остальные. Потом моторы дружно взревели и устремились вперед через боевые порядки кубанских полков. Казаки с боевым кличем устремились вслед за ними. Немцы поздно поняли свою оплошность с контрударом. Дивизии Головского и бригада Завьялова смяли боевые порядки противника и ворвались в Степановку. 9-я гвардейская дивизия подхватила атаку соседей и блестящей, в казацьем стиле, атакой разгромила гарнизон Викторовки.

— Ну, теперь, Василий Сергеевич, считай, прорвали мы

коварный Тилигул. Поеду к Жданову... Надо проводить Трофима Ивановича в последний путь.

Самому не пришлось видеть, как казаки генерала Головского с боем форсировали Тилигул, но мне докладывали, что это была поистине грандиозная картина массового героизма. Здесь мне хочется привести выдержку из политдонесения начальника политического отдела 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса полковника Карева. Он приводит этот боевой подвиг как пример высокого политикоморального состояния личного состава корпуса. Подвиг описали здесь по-фронтовому лаконично и сухо, но каждое слово в нем тем и дорого, что написано оно под свист пуль, под грохот бомб и снарядов, написано в тот памятный день — 31 марта 1944 года.

«Для того, чтобы овладеть населенным пунктом Степановка,— говорится в политдонесении,— личному составу 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии надо было под огнем противника перейти по пояс в ледяной воде через реку Тилигул. И эта задача была с честью выполнена. Река была форсирована, село взято с бою и преследование противника продолжалось дальше. Бойцы и офицеры дивизии, промокшие в студеной холодной воде, в морозную снежную погоду продолжали преследование, не имея возможности обогреться и обсушиться. Но никто ни слова не сказал об этом. Все рвались вперед».¹

Полковник Карев чем-то походил на командира 30-й кавалерийской дивизии: то ли своей сдержанной смелостью, то ли внешним обаянием, а быть может, просто своей глубокой и трогательной любовью к казакам. Никто никогда не слышал, чтобы он говорил что-то о себе, зато он часами мог рассказывать о своих воинах, их боевых делах. Пока мы с ним ехали в Березовку, он говорил о партийном организаторе 127-го кавалерийского полка, старшем лейтенанте Хакиеве, который, оказывается, с момента прорыва сумел провести уже три заседания партийного бюро. На них были приняты в партию те, кто подал заявление перед боем и отличился в бою.

— Вы представляете, товарищ командующий, воин в бою узнает, что он принят в партию, стал коммунистом. Ведь это же наивысшая награда за подвиг.

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 114 562, д. 1, л. 5.

Хакиев, разумеется, не вызывал членов бюро к себе из боевых порядков, он сам шел туда, где пылал бой.

— Я могу вам уже сейчас доложить, кто первым форсирует следующий водный рубеж.

— Любопытно.

— Коммунист, лейтенант Алешков. На летучем партийном собрании он так и заявил: «Я со своим взводом первым форсирую Тилигул и ворвусь в село». Говорили, конечно, об этом и другие, но у него в душе сам бес сидит.

...Тело генерала Танасчишина лежит в гробу. То же спокойное, сосредоточенное выражение лица, так же сдвинуты брови. Не верится, что не сон, а смерть сомкнула ему глаза. Начальник политотдела 4-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса полковник Козлов говорит о том, что герои, уходя из жизни, остаются в боевом строю, что героический образ их командира, словно гвардейское знамя, будет развеиваться над боевыми порядками воинов, напоминая о чувстве великой ответственности перед Родиной, призывая к мести и победе.

Мы выносим гроб с телом боевого друга. Его подхватывают офицеры-танкисты и устанавливают на автомобиль... Трехкратный салют... Машина в сопровождении взвода автоматчиков и эскорта мотоциклистов удаляется в сторону Вознесенска. Там будет предано земле тело генерала Танасчишина.

— Дальше 4-й гвардейский корпус уже до конца войны поведет генерал В. И. Жданов.

— Я получил ваше боевое распоряжение,— сразу начал он о делах, как только эскорт скрылся за поворотом.— Вы приказываете по окончании переправы немедленно возобновить наступление и к исходу 1 апреля во взаимодействии с конницей овладеть северной частью Сталино. В то же время передовым отрядом — танками с десантом пехоты овладеть городом и станцией Раздельная. Мы выполним этот приказ в указанное время.

— С выходом дивизии генералов Головского и Тутаринова на правобережье Тилигула обстановка резко изменится к лучшему. Думаю, что к вечеру под покровом ночи противник попытается оторваться от нас, чтобы занять очередной рубеж.

— Что-то непохоже,— усомнился Владимир Иванович,— бомбят район Березовки с таким остервенением, будто здесь решается судьба всей войны. Весь день ведет обстрел дальнебойная тяжелая артиллерия.

— Броды нашли?

— Да, жители показали. До темноты я решил не раскрывать своих карт. Пусть немцы думают, что все надежды мы возлагаем на мостовые переправы.

— Пленные? — Мне было интересно узнать, на что нацеливают немецких солдат.

— Есть какой-то офицер, взятый в глубине обороны. Результат допроса еще не докладывали.

— Давай его сюда. Зайдем к тебе.

В сопровождении автоматчика в комнату вошел среднего роста, сутулый, обрюзгший старик. Он стянул фуражку с седой головы и угодливо поклонился, изобразив на лице дежурную улыбку.

— К вашим услугам, господин генерал, сотрудник организации Тодт, — довольно бойко представился офицер.

Мы были поражены не столько тем, что он прекрасно говорил по-русски, сколько его хорошим расположением духа. Он понял нас и не стал ждать вопроса.

— О, я прелестно себя чувствую, потому что хорошо знаю Россию. У меня хорошая перспектива: я увижу конец войны и возвращение домой.

В этот момент дом содрогнулся от взрыва. Улыбка у немца мгновенно спорхнула с лица, глаза шмыгнули глубже под лохматые брови и замерли. Их едва было видно.

— Откуда вы знаете Россию? — спросил Владимир Иванович.

Офицер ответил не сразу, а лишь тогда, когда убедился, что бомбы рвутся где-то в стороне. Он вновь обрел «прелестное настроение» и заговорил как человек, привыкший уговаривать.

— Я имел счастье, господин генерал, еще до первой мировой войны несколько лет работать представителем немецкой фирмы в Петрограде и на периферии. О, уверяю вас, Россию с ее колоссальными богатствами и неисчерпаемыми людскими резервами победить невозможно. Я старый гамбургский купец и знаю, что говорю.

Мы невольно улыбнулись.

— Что это за «организация Тодт»?

— Это организация, изучающая экономические возможности новых районов империи, — уклончиво ответил купец и сразу же изменил направление мысли: — Но ее деятельность свертывается. Я уверяю вас, господа генералы, что отступление наших войск (я имею в виду принадлежность к нации, а

не к нацистам, это, поверьте мне, большая разница) будет прекращающимся. Вы спросите меня: почему я так утверждаю? О, у меня есть чутье. Так вот, чтобы вы знали, руководство организацией Тодт, приданной командованию группой армий «Юг», выехало в Венгрию. Да, да, оно покинуло Россию, а это, поверьте мне, говорит о начале конца империи Гитлера. Я был в командировке на юге... и вот...

— Отправьте его, Владимир Иванович, пусть живет надеждами на возвращение домой.

Капитан настороженно выслушал мои слова и торопливо закончил:

— Можете мне поверить, Гитлер окончательно запутался. Но не это главное, его разногласия с генеральным штабом обрели такую энергию, при которой, уверяю вас, остановиться можно только в пропасти...

Мы вышли на улицу. Небо хмурилось, обволакиваясь тяжелыми свинцовыми тучами. Подул холодный ветер. «Быть непогоде» — вспомнился мне прогноз казака Горбыня. На фоне мрачного, будто прогнувшегося неба с диким ревом металась черная тень «Мессершмидтов» и «Фокке-Вульфов». Вокруг них искрились взрывы зениток, прочерчивались пунктиры трассирующих траекторий.

— Восемь стервятников уже сбили, — сказал Владимир Иванович и тут же добавил: — а вот и девятый.

Самолет вспыхнул необыкновенно ярким пламенем и, описав крутую дугу, стал удаляться на запад, снижаясь и оставляя за собой шлейф густого дыма. Под его черным следом появились два белых купола.

— Кто у тебя исполняет обязанности начальника штаба? — спросил я Жданова.

— Мой заместитель подполковник Тобулко — грамотный, деятельный оператор.

Я подозревал полковника Компанийца.

— Доложите положение 30-й и 9-й дивизий.

— Обе дивизии и бригада Завьялова, товарищ командующий, продолжают развивать наступление из района населенных пунктов Викторовка и Степановка в направлении хуторов Падурец, Пьяногорка. Дивизия полковника Гадалина медленно развивает успех. Он почему-то засиделся, хотя для прорыва рубежа у него наиболее выгодные условия: закрытая местность, узкий участок реки, наличие брода, наконец, успех соседей.

— Ну что ж, передайте командиру дивизии, теперь ему остается перейти к преследованию. Пусть не упустит момента отхода противника. Так и передайте. Позже буду у него. Владимир Иванович,— обратился я к генералу Жданову,— вы мне доложили, что решили возобновить наступление, как только стемнеет. Значит, у вас все готово?

— Да, все в полной боевой готовности. 13-я мехбригада уже начала обходной маневр через Завадовку.

— Хорошо. Сейчас 17.30. Ровно через тридцать минут произведите двадцатиминутный, но мощный артналет по переднему краю обороны противника и форсируйте реку через броды и на подручных средствах. В 18.30 вся наша пехота должна атаковать выскы за Тилигулом. К строительству моста, кроме наших саперов, привлечь местное население.

Ровно через тридцать минут вся корпусная и приданная артиллерия обрушили на скаты высот, обращенных к востоку, мощный огневой налет. И сразу же на берегу появилась наша пехота. Солдаты несли с собой доски, жерди, бочки, связанные пучки прутьев, фашины... словом, все, что попало под руку. Они ускоренным шагом преодолели заболоченную долину и бросились впасть через реку. Мы выдвинулись вперед. Вскоре поступило первое донесение об успешном развитии наступления. «Овладел железной дорогой,— доложил Жданову командир 14-й мехбригады полковник Н. А. Никитин,— атакую высоту 119,9. Второй мотострелковый батальон продвигается в обход станции Рауховка с юго-запада...»

Обходный фланговый удар казачьих дивизий и пехоты Заваьялова захлестнул оборонительные позиции противника. Оказывая ожесточенное сопротивление, гитлеровцы медленно отходили вдоль дороги, загигая свой левый фланг к Рауховке.

...То особое упорство, с которым командование группы армий «А» стремилось как можно дольше удерживать район города Березовки, объясняется серьезными причинами не только оперативного, но и политического характера. Важным являлось то, что одновременно с действиями главных сил фронта уже сам выход конно-механизированной группы в район Березовки перекрывал все дороги, по которым могли отойти на запад войска противника, противостоящие центру и южному крылу 3-го Украинского фронта. По существу, 6-я немецкая и 3-я румынская армии оказались «в мешке», главный выход из которого «перевязала» конно-механизированная группа. Дальнейшее развитие нашего наступления грозило поразить

основные жизненные центры боевого организма группы армий «А» генерал-фельдмаршала Клейста. Впрочем, уже не Клейста, а генерал-полковника Шернера.

Мне в то время не было известно, что в одну из мартовских ночей личный самолет Гитлера «Кондор» приземлился на аэродроме города Николаева. В него сел единственный пассажир. Это был Эвальд фон Клейст. «Кондор» тут же поднялся в воздух и взял курс на Лемберг (так гитлеровцы именовали Львов). Здесь он встретился со своим коллегой — командующим группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалом Эрих фон Манштейном. Интересная деталь. Клейст вел 1-ю танковую армию на Кавказ, а Манштейн выводил ее через Ростов, спасая от разгрома. Впрочем, у Клейста в это время были не менее ответственные задачи — спасение всей группы армий «Юг», понесшей невосполнимые физические и моральные потери на Волге и Дону. Вскоре оба они были доставлены в Оберзальцберг. Фюрер наградил их «рыцарскими крестами» и... снял с занимаемых постов. Причина? Она, разумеется, кроется в поражениях, которые понесли войска неудачливых полководцев, так считал Гитлер. По его мнению, Клейст и Манштейн в новых условиях не способны быть полноценными исполнителями его «военного гения».

Кто же виноват? Бывшие фельдмаршалы, перешедшие в клан ученых-историков, считают, что виноват Гитлер.

Читая их творения, видишь: в оперативных планах немцев была заложена прочная основа победы. И они достигли многого. Но вот в руководство войной начал вмешиваться фюрер, и по его недомыслию в делах военных срывались или сводились к поражению блестяще начатые операции. Утверждения: «Гитлер не давал на это согласия», «Гитлер болезненно воспринимал...» и так далее стали уже притчей во языцех. Но они зря разжевываются. Если говорить только о военной стороне дела, то надвигающаяся катастрофа еще больше объединила творческую мысль всей военной школы гитлеровской Германии. Однако в борьбе старого с новым — таков извечный двигатель истории — победила передовая советская стратегия, оперативное искусство и тактика, победили Советские Вооруженные Силы, победил наш передовой общественный строй, на котором они базируются.

Впрочем, я несколько отвлекся. Кроме военной, оперативной причины столь ожесточенного упорства немцев под Березовкой была причина и политическая. Отойти — значит бро-

силь на произвол судьбы 3-ю румынскую армию. Это может вызвать нежелательные осложнения с правительством Иона Антонеску. По газетам мы знали, что он выразил Гитлеру недовольство тем, что Румыния потеряла более четверти миллиона солдат и заявил, что не может больше посылать на Восточный фронт новые соединения.

РАЗДЕЛЬНАЯ

На железнодорожной станции Раздельная стоит последний на советской земле семафор, который может еще преградить путь на запад эшелонам гитлеровцев с награбленным богатством советского народа. Но на пути к этой станции перед нами лежит крутобегий Большой Куяльник. На него, словно бусы на суровую нитку, нанизаны синие села и хутора. Через десяток километров течет очень похожий на своего старшего брата Малый Куяльник. Он примечателен тем, что его хотя и не очень обильные воды образуют Хаджибейский лиман, отделяющий своим устьем знаменитую одесскую Пересыпь от города. До Раздельной около сотни километров. Впрочем, на войне расстояние нельзя считать по карте, а тем более заранее. Иногда, чтобы продвинуться вперед на пять километров, надо несколько раз атаковать и откатываться, маневрировать, делая обходы, охваты и снова атаковать уже с флангов и с тылу в обратном направлении и только потом идти вперед.

Новый командующий войсками группы армий «А» генерал-полковник Фердинанд Шернер не принес новых веяний на южное крыло советско-германского фронта. События развивались примерно в той же последовательности, что и в междуречье Днестра и Южного Буга. Снова над левым флангом групп армий «А» нависла мощная группировка советских войск. Снова войска 3-го Украинского фронта прорвали оборону, теперь уже на Южном Буге. Снова конно-механизированная группа вышла на оперативные тылы третий раз наспех восстановленной 6-й армии генерал-полковника Холлидта. И как прежде, в жарком пламени боев снова быстро сгорают его оперативные резервы, рушится связь и управление

войсками, парализуются тылы: прекращается продовольственное снабжение и боевое питание войск, эвакуация раненых, выдыхается боевой дух и его место заполняет гнетущее чувство обреченности, деморализованные войска вновь охватываются паникой.

С утра 1 апреля начал моросить мелкий холодный дождь и мокрый снег. Дороги превратились в труднопроходимую трясину. Кони, вытянув шеи и подавшись вперед, надрываясь, тянут брички-тавричанки и пулеметные тачанки. Около автомобилей, артиллерийских тягачей, орудий и другой боевой техники натужно дышат бойцы, помогая моторам проворачивать завязшие в грязи колеса. Танки идут по правой обочине. На них, как говорят солдаты, пальцем ткнуть некуда, десантники сидят впритирку друг к другу. Какой-то шутник кричит: «Эй, казак, давай к нам с кобылой, потеснимся!»

Части движутся туда, откуда доносится грозный гул боя. По левой обочине навстречу медленно ползет плотная колонна пленных. Они направляются в Березовку, куда уже подошли части 46-й армии. Во главе этой колонны вижу моего старого знакомого, пожилого казака Жукова. Он заметно преобразился. На нем почти новая смушковая кубанка, домашний бешмет и чекмени. Только та же сеть лукавых морщин под копной седых волос да та же набитая махрой трубка во рту, запах от которой может за версту коня с ног сбить.

Показания пленных и дерзкие действия наших разведчиков помогают раскрыть намерения генерала Холлидта. Перед конно-механизированной группой появились две новые — 97-я горнострелковая и 17-я дивизии немцев. Усиленные заслоны их спешно закрепляются на высотах южнее села Котовское. Главные силы возводят рубеж обороны по западному берегу реки Большой Куяльник. Вторая полоса обороны готовится по линии реки Малый Куяльник. На эти позиции должен отойти противник. Теперь перед нами уже шесть дивизий. Две из них полнокровные.

Кавалерийские дивизии, танковые и механизированные бригады ведут яростные атаки, стремясь на плечах отходящей пехоты ворваться на промежуточные позиции. Мы обгоняем части второго эшелона, чтобы более оперативно управлять боем на рубеже населенных пунктов Даниловка, Котовское, Нейково, Чигирик. «Если с ходу прорвать не удастся,— вспомнилось мне предложение генерала Пичугина,— целесообразно главными силами мехкорпуса нанести удар в обход

балок и высот с северо-запада». Мой заместитель генерал-майор Горшков, докладывая обстановку на открытом левом фланге, где наступала дивизия Головского, выразил другое мнение: «Чернозем развезло так, что у коней подковы отрывает; если продолжать обход Екатериновки, потеряем много времени и еще больше вымотаем личный состав. Лучше прорывать промежуточные рубежи на узких участках, создавая решающее превосходство в силах и средствах». А мне подумалось, хорошо в данный момент сочетать смелый обходный маневр с прорывом слабо занятых участков на узком фронте. Но чтобы внести уточнения в боевые задачи и перенацелить соединения на новые направления, потребуются новые затраты сил и времени.

Наступление в оперативном тылу противника развивается далеко не всегда равномерно: кто-то вырывается вперед, кто-то засиживается на захваченных рубежах. Ведь у противника здесь нет заранее организованной обороны в том виде, как на главной полосе обороны. Поэтому условия конкретно слагающейся обстановки для каждого соединения и части внутри конно-механизированной группы складываются, как правило, по-разному. Очень важно поэтому уметь использовать успех даже одного полка, одной дивизии в интересах развития операции группы в целом. Вот тут-то и нужно стремительно и дерзко маневрировать в любое время суток: вырвался вперед на фланги и на тылы — помоги соседу.

Решив понаблюдать, как будет протекать бой на указанном рубеже, приказал подполковнику Завьялову быть в готовности развить успех там, где он обозначится. Генералу Жданову: решительнее развивать действия вдоль дороги Березовка — Раздельная, частью сил обходным маневром овладеть селом Котовское. Главное, самое главное сейчас не длинномаршрутные обходы, а предельно дерзкий натиск в развитии успеха, особенно ночью; короткие, мощные удары по флангам, стремительный темп движения вперед.

Уже остались позади предбоевые порядки. Мы выехали к отдельному скотному двору с пристройками, одиноко стоящему на холме. От него открылась типичная для этих мест панорама уходящей на юг широкой балки с приютившимися здесь селами и хуторами. Где-то там севернее — село Котовское. Всего в полутора километрах от него ведут жестокий бой с противником части механизированного корпуса. Встретив сильную противотанковую оборону, генерал Жданов пред-

принял обходный маневр с севера силами 36-й гвардейской танковой бригады с десантом пехоты. «Если сталинградцы прорвутся, румынские войска не заставят себя ждать», — подумалось мне.

В воздухе слышался гул «Юнкерсов-87». Одна девятка, вторая... пятая. Я невольно взглянул на часы: 14.45. По тому, где они начали кружить и пикировать, определяю рубеж бригад мехкорпуса. «Там по дороге движется и 152-й иптап¹ кубанцев. Видимо, и он попал под удар авиации».

Правее того места, где мы стоим, видны боевые порядки гвардейской конницы. Они наступают вслед за танками к балке между хуторами Соколово и Красино. Перед ними, цепляясь за каждый выгодный пункт местности и отчаянно сопротивляясь, отходят части немцев. Наши танки наступают на их боевые порядки, из-за балки с высоты бьют орудия, короткими очередями строчат пулеметы. Недалеко от нас танки быстро разворачиваются и открывают огонь по противоположной высоте. Снаряды рвутся то ближе, то дальше огневых позиций орудий противника и, наконец, накрывают их. Я снова перевожу взгляд на наши танки, догоняющие гитлеровцев. Маленькие, темные фигурки останавливаются на склоне...

Ворвавшись на плечах противника в Соколово и Красино, главные гвардейцы-тутаринцы с ходу прорвали оборону и обошли с юга село Джугастово. Мне не были видны боевые порядки 10-й гвардейской дивизии, поэтому приказал уточнить обстановку на его направлении. Офицер оперативного отдела доложил:

— 10-я гвардейская дивизия, используя успех соседа слева, — он сделал ударение на эти слова, — ведет бой за село Джугастово.

Как всегда, мужественно вел бой генерал Головской. Он не стал рваться напролом через высоту 112,8, а отборным отрядом, усиленным танками, артиллерией, пулеметными тачанками, сделал бросок в обход ее и ударом с фланга и тыла овладел селом Гудевичево. С высоты противник бежал. Мне казалось, что Василий Сергеевич, командир смелый, предприимчивый, в данном случае ослабляет внимание к прикрытию действий конно-механизированной группы в целом со стороны Благоево. Но, оказывается, нет, он прежде всего убе-

¹ Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

дился, что там нет достаточно опасной группировки противника.

Вот уже второй час 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус подвергается неистовым атакам «Юнкерсов». Генерал Жданов докладывает о потерях. К счастью, погода резко ухудшилась, начался густой снегопад, переходящий в дождь. 36-я танковая бригада ворвалась в Котовское с севера и в скоротечном бою разгромила его гарнизон.

Все соединения конно-механизированной группы перешли к решительному преследованию противника, начавшего поспешный отход к реке Большой Куяльник. Это были изнурительные версты боевого пути, наполненные непрекращающимися ночными боями. Темная, непроглядная ночь. Порывистый ветер хлещет в лицо ледящий дождь и мокрый снег. Каждый шаг требует неимоверных усилий. Наши транспорты с боеприпасами, пулеметные тачанки, минометы, орудия, автомашины — буквально все приходится руками вырывать из грязи.

Отходящие части противника, связанные тяжелыми транспортами и вообще хуже приспособленные к преодолению таких нечеловеческих трудностей, не могут оторваться от наших передовых частей. Поэтому по параллельным дорогам, ведущим к Ново-Николаевке и к Евгеньевке, движутся не просто войска, движется жестокий бой. Немецкие солдаты ввиду безвыходности положения большими партиями сдаются в плен. Грязные, изможденные, пугливо озирающиеся, они напоминают зверя в клетке. По словам пленного из штабной роты 144-го полка горнострелковой дивизии, «в частях царит страшная неразбериха и паника. Все перемешалось. Многие командиры, охваченные страхом, отдали приказ об уничтожении запасов бензина, продовольствия и боеприпасов. Командир 36-й роты снабжения лейтенант Лакс, например, все уничтожил, сжег. Его солдаты разбежались».

Всю ночь мы тщетно пытаемся связаться со штабом фронта по радиостанции «РСБ», смонтированной на повозке. Приданная нам фронтовая радиостанция «Американка» несколько отстала, но радисты, как всегда, находят выход из положения. Теперь они связываются через станцию «РАФ». Хорошо, что мы захватили две запасные «РСБ» на повозке и «РБ» на вьюках. Рано утром настраиваемся на нужную волну и получаем боевое распоряжение командующего войсками фронта. «Противник продолжает отход большей частью сил на Тирасполь

и частью сил в направлении Одессы», — говорилось в нем. От конно-механизированной группы генерал армии Р. Я. Малиновский требовал «решительного броска вперед с задачей — к исходу 2.4 овладеть районом Раздельная».¹ Ставились также решительные задачи 23-му отдельному танковому корпусу, 37-й и 46-й армиям. Указывалось, что «боевые действия ночью не прекращать...»

Это боевое распоряжение было подписано в 16.40, 1 апреля 1944 года. Взглянул на часы: 5.00 2 апреля. Значит, в течение ночи мы действовали верно — и по направлению, и по времени, и по духу. Но было ясно, что разгулявшаяся непогода замедлит развитие боевых действий в Приднестровье.

Рассвет наступал медленно, будто нехотя. Сквозь мутную пелену дождя и снега едва просматриваются высокие берега Большого Куяльника, с которых сползают к реке улицы Ново-Николаевки. Вплотную к ней справа примыкает Силовка, а слева Евгеньевка. Впечатление такое, будто это одно село вдоль всего берега. За ними почти двухкилометровая пойма реки и гребень высот, которые надо взять во что бы то ни стало на одном вздохе. Сделать это невероятно трудно. Ведь уже несколько суток шли непрерывные бои без отдыха и сна, без нормального питания в оперативном тылу немцев.

Мимо нас вдоль лесопосадки движется батарея 32-го гвардейского кавполка. Кони с трудом переставляют ноги, казаки идут, ухватившись за лафет или опершись на ствол. Какой-то казак неверными шагами сходит с дороги. К нему устало подходят два товарища.

— Павло, а Павло! Ды ты што, до атаки це ж не скоро, проснись.

— И скажи ж ты, — шутливо добавляет другой, — як в бой, так Павло спать под куст.

Шутка батарейцев вносит оживление, но бодрость не приходит. Ильченко встряхивается, что-то бормочет и пристраивается к подразделению. Мне вспоминается чей-то рассказ об этом храбром казаке, о его бесстрашии в бою под Ново-Петровкой.

Чувствуется чрезмерная усталость казаков. Но отдыха давать нельзя, сейчас дорога каждая минута. Втягиваться в тяжелые фронтальные бои и лобовые атаки тоже нельзя, в

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 381 709, д. 3, л. 4.

рейде они «смерти подобны». Только при наличии предельно высокого темпа и широкоманевренного характера боевых действий, опережающих действия противника, может быть достигнута внезапность, упреждение в нанесении удара, возможны победа в бою и успех в операции.

Учитывая, что рубеж Силовки, Ново-Николаевки и Евгеньевки успела занять 335-я пехотная дивизия немцев, а подходы к ее позициям представляют собой непроходимую грязь, преодолеть которую уже само по себе стоит предельного напряжения, целесообразнее было не делать никаких рокировок. Не теряя времени, решительно атаковать, а для наращивания усилий из глубины использовать 30-ю кавалерийскую дивизию. Она подтягивалась к участку между дивизиями первого эшелона, находясь в боевой готовности, развить успех там, где он быстрее обозначится — или на участке Ново-Николаевки, или под Евгеньевкой. Организацию ввода ее в бой пришлось поручить генералу Горшкову.

— Передай Гадалину, чтобы немедленно, не ожидая успеха соседей, атаковал Ново-Николаевку.

Горшков кивнул, дескать, все будет в полном порядке.

Ровно в 8 часов 10-я гвардейская кавалерийская дивизия атаковала Ново-Николаевку. Мне было видно, как полки ворвались в село. Частью сил наступление предполагалось развивать на Козловку. Но этих сил было недостаточно, чтобы овладеть ею, а тем более с ходу форсировать реку и взять высоты западнее. Болотистая пойма Большого Куяльника тянется здесь около двух километров. Надо вовремя подхватить темп атаки и развить ее. Приказ: «Ввести в бой 30-ю кавалерийскую дивизию из-за левого фланга 10-й гвардейской...» Кстати, этот ввод оказывал содействие и успешно действующей дивизии генерала Тутаринова, которая к этому времени развернула свои главные силы и повела наступление на Евгеньевку.

В 9 часов полки генерала Головского в конном строю вслед за танками прошли боевые порядки 10-й гвардейской кавдивизии и двинулись через Большой Куяльник. Вся артиллерия, которая успела выйти сюда, открыла огонь по прибрежным высотам. Полки Головского, используя разведенные броды, бросились в ледяную воду. В этом безмолвном, решительном движении был такой внутренний порыв, что все, кто видел его, поднялись, бросились вперед. И ничто уже не могло остановить казаков. Козловка была взята с ходу.

Как только боевые порядки достигли противоположного берега, артиллерийский наблюдатель подал сигнал переноса артогня. Черные кроны взрывов перенеслись в глубь обороны, казаки бросились в атаку...

— Свяжитесь с генералом Тутариновым,— сказал я радисту.

Дивизия Тутаринова наступала на соседнее слева село Евгеньевку и по времени должна была уже взять его.

Радист монотонно вызывал «Звезду», потом смолк, подправил настройку и передал мне микротелефонную трубку.

— Товарищ командующий, комдив ведет переговоры с командиром полка подполковником Гераськиным.

Говорили они на языке кода, вперемежку с немудреным фронтовым лексиконом. Подполковник Гераськин доложил, что полк ворвался в Евгеньевку. «Решил уничтожить группу пулеметов, установленных в церкви, а затем форсировать реку. Иначе перестреляют в пойме реки». Генерала Тутаринова такое решение явно не удовлетворило. Он дал оценку этому решению короткой, но убедительной фразой... Затем комдив приказал сосредоточить полк на западной окраине и атаковать высоту на противоположном берегу, а для подавления огневых точек в церкви выделить орудие прямой наводки и подразделение противотанковых ружей. «Через двадцать минут, вслед за огневым налетом артиллерии,— атака»,— закончил Тутаринов.

Перехватив разговор комдива, я одобрил его решение и приказал сразу переходить к преследованию противника, так как остальные дивизии корпуса уже ведут бой за высоты, расположенные к западу от Козловки.

— Сейчас будет нанесен удар во фланг противостоящему вам противнику,— сообщил я генералу Тутаринову. Затем приказал генералу Головскому развернуть левофланговый полк и ударить вдоль берега. После выполнения этой задачи полк вывести в резерв командира корпуса.

В этом в общем-то сильном маневре таилась и слабость. Вместо наращивания усилий на направлении, где определился успех, они ослаблялись. Перед этим у меня состоялся разговор с генералом Ждановым. Выяснилось, что 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус не смог с ходу прорвать оборону в районе Силовки.

— Вдоль дороги,— доложил командир корпуса,— мы встретили мощный противотанковый заслон, танки вязнут в балках

в непролазной грязи.— Было перечислено с десяток объективных причин, создающих серьезные трудности в развитии боя. Комкор выразил мысль о необходимости рокировки главных сил корпуса к флангу конного корпуса, где местность была более доступна для успешного развития наступления танковой группировки. К тому же здесь намечался успех.

Это было правильно для его корпуса, но неверно для группы в целом. Приказ Жданову был таким: — «Оставить часть сил на месте и имитировать подготовку к прорыву. Главные силы корпуса вывести на направление 10-й гвардейской и 30-й Краснознаменной кавдивизий в готовности к вводу в бой в направлении Ново-Николаевка, Сталино». Форсирование танков здесь обеспечивали хорошо разведанные броды.

В середине дня мехкорпус был введен в бой для развития успеха кавалерийских дивизий. Сопротивление противника было сломлено. Войска конно-механизированной группы снова перешли к преследованию. Разгромленные части уже упоминавшихся дивизий противника бросали на дорогах танки, самоходки, орудия, автомашины и другую боевую технику и бежали, полагаясь лишь на собственные ноги. Мы, разумеется, не могли облегчиться подобным образом, чтобы ускорить преследование. Все, буквально все, приходилось тащить с собой. Но преследование продолжалось успешно.

Чтобы не дать противнику оторваться, передовым частям было приказано выбрасывать вперед на пути отхода тачанки с противотанковыми ружьями и из засад расстреливать отходящие колонны, задерживая их движение, рассеивая и разгоняя их.

Этот тактический прием коммунисты быстро распространили во всех полках. Стоило пионеру его, казаку 1-го эскадрона 32-го гвардейского кавалерийского полка Кужарову удачно выскочить с ПТР¹ вперед, устроить засаду и поджечь несколько автомашин, как из-под пера парторга эскадрона старшины Мельникова вышло несколько боевых листков, в которых был описан подвиг коммуниста Кужарова и даны советы, как лучше делать засады.

Вперед устремились целые подразделения, а затем и части. Весь день под проливным дождем и снегопадом, мокрые и предельно усталые, мы неотступно, с короткими кровопро-

¹ ПТР — противотанковое ружье.

литными схватками преследовали врага. Даже прославленная солдатская шинель казалась невыносимо тяжелым грузом на отекавших плечах солдат и казаков. И спросил я у казака Остапа Кушнаренко, не сдадут ли силенки, если еще сильнее поднажать? Что никак нельзя дать противнику закрепиться на Малом Куяльнике.

— Пошто нет, товарищ командующий, можно. Ще в два три раза быстрее можно,— уверенно ответил он.

— Ха,— выдохнул его сосед,— в тебе, Остап, и так вот вот жила лопнет.

— Так то ж одна. А мы кубанцы — двужилые, но есть и трехжилые,— отмахнулся от соседа Кушнаренко.— Не сомневайтесь, товарищ командующий, выдюжим.

Генерал-полковник Шернер предпринял еще одну попытку остановить конно-механизированную группу, прорвавшуюся в глубокий тыл его армий. Он объединил 3-ю и 97-ю горно-стрелковые, 256-ю и 335-ю пехотные дивизии и только что подошедшую свежую 127-ю пехотную дивизию в ударную группу. Командующий этой группировкой был назначен, по показаниям пленного офицера, генерал Расп. Штаб группы разместился в хуторе Лазовый. Мне было известно, что Расп командовал 335-й пехотной дивизией, той самой, которой был посвящен приказ генерал-полковника Холлидта с благодарностью за то, что она «с примерной храбростью в атаке и в обороне... пробилась к немецким позициям, захватив с собой всех раненых...» Далее Холлидт выражал «храброй 335-й пехотной дивизии сердечную благодарность». Снова Холлидт благодарит и награждает своих генералов за проигранные бои.

Как бы то ни было, группировка генерала Распа, по показаниям пленных, заняла оборону на высотах западнее и юго-западнее Сталино, то есть по высотам, прилегающим к реке Малый Куяльник. Город лежал в котловине, образованной окрестными высотами. Река делила город на две равные части, западные скаты круто обрывались, образуя многочисленные промоины. Наличие каменных зданий и церкви позволяло создать здесь крепкие опорные пункты и узел сопротивления, подходы к которому могли прикрываться огнем с прилегающих высот.

Было уже темно, когда передовые части конно-механизированной группы, сбив усиленное боевое охранение противника с восточных высот, вышли к реке Средний Куяльник. Здесь в слиянии Среднего и Малого Куяльников и находился горо-

док Сталино. Захват контрольных пленных подтвердил, что в районе Сталино закрепились до пяти дивизий противника. Необходимо было найти «ахиллесову пятую» обороны. Пока что было ясно одно — атаковать ночью и непременно захватить Сталино. «Обходный маневр справа? — прикинул я. — Но для этого надо форсировать две реки и несколько балок. Слева тоже не легче». Невольно представляю, как полки поднимаются и снова, надрываясь, идут сквозь дождь и непроглядную тьму по глубокой и вязкой грязи. «Может быть, дать час-другой отдохнуть? Тем временем лучше изготовить артиллерию, организовать работу органов тыла, закончить сосредоточение мотопехоты и танковой бригады, а в полночь начать прорыв на узком фронте? Пожалуй, так лучше».

Штаб конно-механизированной группы расположился в Марциановке. Это было несколько северо-западнее Сталино.

Офицеры штаба сразу же разъехались по соединениям, чтобы быстрее и точнее довести до руководящих командиров боевые распоряжения, помочь подтянуть все, что отстало, организовать взаимодействие, собрать сведения о расходе боеприпасов и горючего, о потерях и так далее. Эти сведения требовал фронт. Мы, конечно, добросовестно докладывали наши издержки и потребности, заведомо зная, что восполнить их сможем только после операции. А нужда была большая. Дело в том, что с отрывом от войск фронта, а значит, и фронтовых баз снабжения подача горюче-смазочных веществ, боеприпасов и продовольствия по существу прекратилась. Расход же сразу превзошел все нормы. Бездорожье съедало ГСМ в три-четыре раза больше, а почти непрерывные, и как правило, самые «прожорливые» ближние бои с потрясающей быстротой поглощали боеприпасы. Ведь если столкнулись с врагом грудь в грудь, тут не прикажешь экономно расходовать боеприпасы, не превышать лимита. Часто у казаков стали появляться немецкие автоматы и боеприпасы к ним, гранаты с длинными деревянными ручками, 81-мм мины с дополнительными кольцевыми зарядами (они использовались для стрельбы из наших 82-мм минометов) и многое другое. Большие надежды в этом отношении мы возлагали на станцию и город Раздельная, где находилась крупная база снабжения противника.

С вечера поднялась сильная пурга, температура воздуха резко понизилась, землю сковал гололед. Воспользовавшись этим, хорошо подобранные передовые отряды на широком

фронте спустились к реке и под покровом непроницаемой тьмы начали переправляться вброд. Несколько усиленных эскадронов и дивизионов были направлены в обход для перехвата путей отхода противника.

Полки 10-й гвардейской кавалерийской дивизии и бригады 4-го гвардейского мехкорпуса бесшумно подтягиваются на скаты высот перед городом. Мы стоим по колено в грязи и нетерпеливо ждем. Атака в 2.00 по времени, без сигнала, без артподготовки, в полной тишине. Ветер сильный, порывистый. Мокрый снег бьет в глаза, слепит. Впереди вспыхивает «фонарь». Но свет его застревает в снегопаде, не пробивается к земле. Ко мне подходит генерал Головской.

— Дивизия сосредоточилась на исходном рубеже, — докладывает он, — автотранспорт подтягивается, пробиваясь через грязь.

— Двинулись вперед, — говорю я и смотрю на часы — 2.00.

Он понимает, что это — о начавшейся атаке города.

Невольно вслушиваюсь, стараясь уловить движение полков. Тишина. Кажется, слышу, как падает снег. Время тянется мучительно медленно. Я почему-то вспоминаю разговор с полковником Каревым перед форсированием Тилигула и спрашиваю Василия Сергеевича:

— Кто у вас первым форсировал Тилигул?

— А-а, мне Карев рассказал о вашем разговоре. — По голосу чувствую, что генерал тепло улыбается. — Взвод Алешкова действительно первым бросился в реку, но вырвался он на противоположный берег без своего командира. Сразила его немецкая пуля в тилигульской воде.

Он хотел сказать еще что-то, но вдруг послышался далекий треск пулеметов, автоматов, глухие взрывы гранат. Где-то в центре города...

— Доложите обстановку! — приказываю начальнику оперативного отдела.

— 10-я гвардейская ворвалась в город. В районе моста противник оказал сильное огневое сопротивление. Мост взорван. Мотопехота и танки генерала Жданова добивают и очищают восточную часть города от мелких групп противника.

— Передайте полковнику Гадалину: надо во что бы то ни стало захватить переправы и к рассвету во взаимодействии с 30-й кавдивизией овладеть высотами за городом.

Начопер начал передавать боевое распоряжение.

— Задачу, товарищ командующий, я понял,— догадался генерал Головской.— Один вопрос: через южную окраину?

— Да. Прорывать на узком участке, иметь второй эшелон для наращивания усилий и сильный резерв. Возможны контратаки противника.

Малый Куяльник пришлось форсировать снова по разведенным бродам. Обе дивизии к утру очистили от противника правобережную часть города и сосредоточились для атаки высот. Решено было атаку начать после переправы мехкорпуса. К 10 часам мост был исправлен, а через три часа части генерала Жданова закончили сосредоточение на исходном рубеже для штурма высот. Артиллерия противника вела обстрел моста, но ввиду плохой видимости потери у нас были небольшие.

Дружной атакой с фронта и с флангов войска конно-механизированной группы сбили противника с западных высот, прилегающих к дороге Сталино — Раздельная:

Ко мне привезли группу пленных офицеров 335-й пехотной дивизии.

— Добыча капитана Романюка,— доложил полковник Компаниец.

Подразделение Романюка было одним из заброшенных в тыл группировки генерала Расп, поэтому важно знать, при каких обстоятельствах взяты пленные. Иногда эти обстоятельства дают ключ к важным выводам.

Ночью эскадрон капитана Романюка незаметно форсировал реку и по ложине обошел опорный пункт немцев, расположенный на высоте. Перед селом казаки спешили и незаметно подкрались к окраине. Разгулявшаяся непогода надежно скрывала отделение старшего сержанта Никитенко, которое ворвалось в один из штабных домов. Дежурный офицер спокойно передавал по радиации очередную оперативную сводку в штаб Холлидта. Эту сводку доставили мне. В ней сообщалось, что части дивизии прочно удерживают занимаемый рубеж и ведут работы по его инженерному оборудованию позиций. О наших действиях говорилось: «Казачьи войска, прорвавшиеся в тыл, движутся на Раздельную. Их подход к Большому Куяльнику ожидается...» Время, которое сообщалось в оперсводке, вызывало недоумение. Нас ожидали здесь не ранее как через сутки.

В ходе допроса стала понятна причина столь грубой недооценки наших действий. В штабе 6-й армии и в штабах диви-

зий никто толком не знал, где конно-механизированная группа, что она предпримет в дальнейшем. Холлидт даже о своих дивизиях не имел достоверных сведений. Связь и управление тыла дезорганизованы. Только этим и можно объяснить противоречие, часто необоснованные приказы вражеского командования, попадавшие к нам в руки.

Эскадрон Романюка, разгромив штаб дивизии, успел выскочить на дорогу, по которой уже начал отходить один из полков 335-й пехотной дивизии. Казаки были полны решимости задержать противника до подхода главных сил. Но случилось неожиданное. Немцы при первых же выстрелах в беспорядке бросились в степь. Автомашины, танки, орудия, минометы и даже тяжелые пулеметы — все было брошено на дороге.

Конно-механизированная группа перешла к преследованию противника.

Сбросить нас со своих плеч и размежеваться с нами на местности враг был не в силах. Лишь одна румынская часть с примкнувшими к ней подразделениями немцев оторвалась было и подалась по полевой дороге к озеру. Но этот единственный на данном участке путь был предусмотрительно перехвачен. Там у озера находился в засаде кавалерийский дивизион с самоходной артиллерией. Колонна противника была пропущена к озеру, затем ее прижали к воде и разгромили. Живыми остались только те, кто вовремя поднял руки, но сделать это успели немногие, настолько внезапным и эффективным был удар из засады.

Когда казалось, что группировка противника окончательно разгромлена, возникло, как это часто бывает в рейдовых операциях, новое осложнение. Командующий 6-й «армией мстителей» бросил навстречу нам свежую, только что подошедшую 127-ю кавалерийскую дивизию, усиленную двумя полками пехоты. Дивизия эта первоначально выдвигалась куда-то к северу, но в связи с изменившейся обстановкой она была перенацелена против нашей конно-механизированной группы.

С вечера 3 апреля резко похолодало. Сильный ветер давил густой снежной массой, бил в лицо, слепил глаза. Стараясь согреться, казаки спешили. Они шли боком, подавшись вперед, с трудом сдерживая напор снега и ветра. Шли, сберегая силы коней для атаки Раздельной. Шли на последних запасах физических сил и неистощимой воле. Танки, самоходки, автомашины двигались там, где, казалось, невозможно ни

проехать, ни пройти. Их тянули, толкали, подкладывая под колеса и гусеницы бревна, доски, хворост — все, что можно, вплоть до телогреек и шинелей. Люди устали до той крайности, когда угрожающе теряется контроль над собой, притупляется чувство восприятия. Человек становится безразличным даже к опасности.

В этих условиях и произошло неожиданное. В полночь колонна кавдивизии противника (несколько сот всадников и 50—60 автомашин с пехотой и артиллерией), сама того не ведая, пристроилась за нашим 127-м кавалерийским полком, наступавшим в передовом отряде 30-й кавдивизии. Боевое охранение 138-го кавалерийского полка, двигавшегося в голове главных сил дивизии, обнаружило их. Командир полка подполковник Заборин тут же развернул головные подразделения танков и кавалерии и смело атаковал их с тыла. 127-й полк, усиленный танками, пришлось остановить и нанести встречный удар. Остальные силы немецкой кавалерийской дивизии были отданы на съедение мехкорпусу и отдельной моторострелковой бригаде. Хорошо, что это произошло после села Лозовый, где противник предпринял новую попытку остановить наше наступление на Раздельную. У меня сохранилась запись, что противник из села был выбит атакой передовых отрядов в 23.15. Значит, разгром вражеской кавдивизии завершился во второй половине этой ночи.

Перед утром вновь пришлось вести бой. Это было в районе Понятовки, последнего населенного пункта перед Раздельной. Мы внимательно следили за ходом боя, находясь в боевых порядках передовых частей.

В каждом движении, в каждом маневре чувствовалась такая усталость, что, казалось, люди вот-вот упадут и уснут. Но они устало, упорно шли вперед, в атаку.

На восточной окраине села казаки и танкисты захватили семь 210-мм пушек, десятки автомашин с разным военным имуществом, большой гурт скота и другие трофеи. Вот, оказывается, откуда били этими тяжелыми системами по району Березовки. Следовательно, конно-механизированная группа значится на оперативных картах в штабе генерал-полковника Шернера «объектом № 1».

В эти дни все наши разведчики были особенно внимательны и дерзки. Начальник штаба бронетанковых и механизированных войск 3-го Украинского фронта полковник Сергеев предупредил: «Имеются сведения, что на Восточном фронте

скоро будет применен новый тип сверхтяжелого танка «Кенигстигр», то есть «Королевский тигр». Штаб фронта требовал вести разведку в этом направлении и о захвате нового типа танка срочно донести. Наши вездесущие разведчики день и ночь обшаривали все «закоулки» и «центральную магистраль» армии Холлидта, но пока на следы «Кенигстигров» не напали. Однако установили, что город и станцию Раздельная обороняют 258-я и остатки 335-й пехотных дивизий и охраняемые части немцев. Станция забита железнодорожными эшелонами.

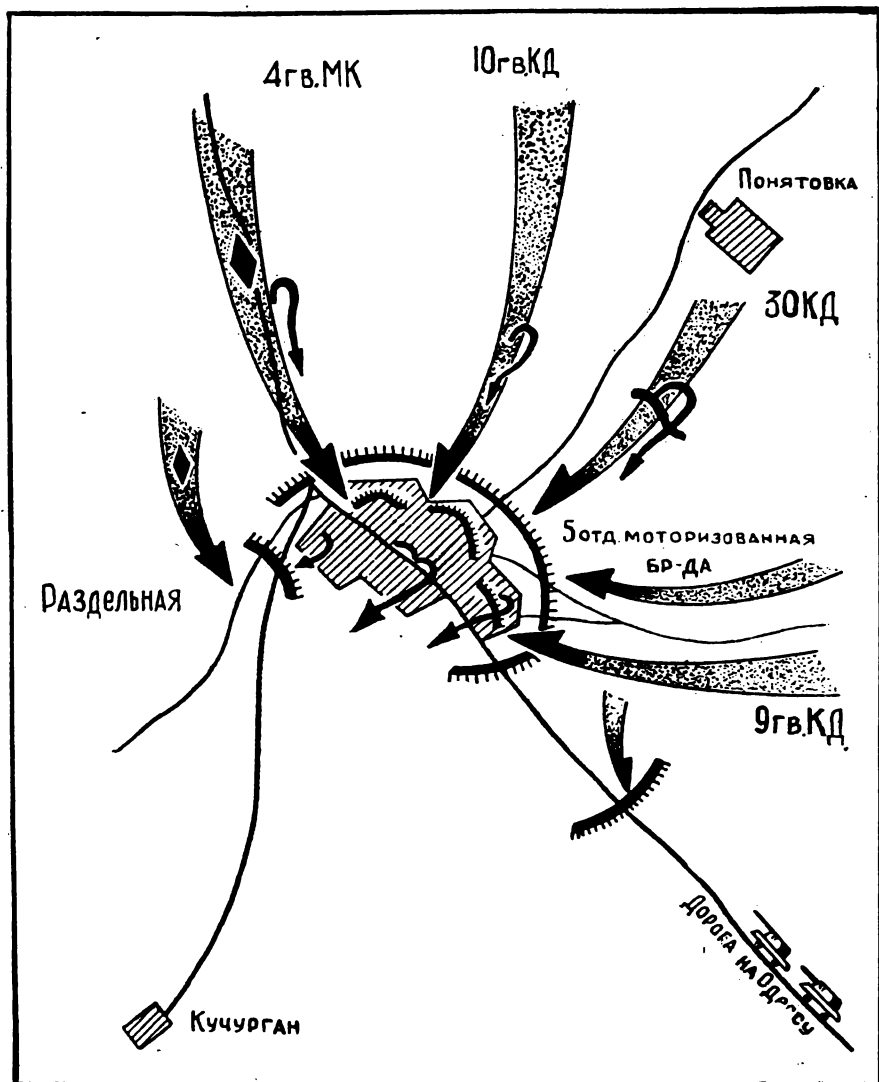
Идут и идут казаки, навалившись грудью на упругие порывы дождя и снега. Идут, подавшись вперед, словно в атаку. Шаги короткие, усталые. В них вкладывается вся сила, вся воля. Идут километр, второй, третий... идут вслед за передовыми частями, неотступно преследующими противника.

Еще десяток километров будет длиться эта своеобразная «атака». И в каждой атаке мы несем потери. Вот автомашина юзом скатилась в овраг, и уже ничто не вызовет ее оттуда. Орудие успели отцепить. Его из последних сил волокут на руках вперед метр за метром. У обочины дороги с непокрытой седой головой стоит казак, прощаясь со своим конем. Он снимает с себя бурку и кладет ее на бездыханную грудь боевого друга. И никто не осмеливается сказать ему слова осуждения или упреска. Казаки понимают: в этом жесте, подсказанном душевной болью, человеческая дань нестерпимым тяготам и смерти, принятым боевым другом казака.

Я вглядываюсь в лица бойцов. На всех лежит печать той крайней физической усталости, когда кажется, что нет такой силы, которая могла бы сейчас поднять их в атаку.

...Большак подходит к Раздельной с северо-востока. С севера, прижимаясь к железной дороге, на исходный рубеж атаки выдвигаются соединения 4-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса. Вдоль шоссе — гвардейские кавалерийские дивизии кубанцев. Мы стоим у балки и ждем, когда полковник Гадалин выведет свои полки на исходный рубеж, правее большака. Ему ближе остальных. Вдоль лесопосадки должна развернуться дивизия Головского, а напротив южной окраины — гвардейцы Тутаринова. Но для выхода на исходный рубеж ему потребуется больше времени, чем Гадалину.

Из пологой балки показались спешенные всадники. Они почти карабкаются наверх, зло дергая за повод коней. Один из командиров подходит к нам и представляется:

БОЙ ЗА ГОРОД РАЗДЕЛЬНАЯ.

— Командир кавалерийского дивизиона капитан Левченко.— За ним другой: — Командир эскадрона старший лейтенант Куев.

Полки 9-й гвардейской кавдивизии тоже вышли на исходный рубеж атаки. Прибывший офицер связи от генерала Головского доложил, что и его дивизия ждет сигнала атаки. Подошел командир головного 36-го кавполка подполковник Ориночко.

— Почему остановились? — спросил я, хотя сам видел почему.

Усталые казаки, воспользовавшись паузой, начали устраиваться кто как мог, чтобы несколько минут вздремнуть.

В установленное время атаки части продолжали оставаться на своих рубежах. Они не в силах были сбросить с себя тяжкие оковы предельной физической усталости. «Если их двинуть в атаку в таком состоянии, — подумалось мне, — внезапности не получится, и много появится вдов и сирот в кубанских куренях». Но чем встряхнуть души казаков, чем снять с них смертельную усталость? В таких случаях мог быть лишь один, но проверенный и верный выход.

Я повернулся к подполковнику Ориночко и отдал приказ на атаку. И через мгновение по боевым порядкам прокатился один — конечный пункт приказа: «Передать всем: в атаку ведет лично командующий! Атака в конном строю. Сигнал — серия красных ракет». Мне подали хорошего коня.

Никогда еще мне не приходилось столь широко и подчеркнуто оповещать войска, что веду их в атаку сам. В тех случаях, когда это вызывалось крайней необходимостью боя, все получалось по ходу событий как-то само собой. Но теперь во весь свой рост встала зловещая альтернатива: или немедленная мощная ночная атака и большая победа, или затяжной бой на рассвете и огромные потери. Насквозь промокшие и предельно уставшие люди, если их сейчас остановить хоть на один-два часа, будут валиться на землю и засыпать, а значит, и замерзнуть. Свирепо бушующая леденящая пурга «посечет» казаков.

В рейдовых операциях есть много своих особенностей. Командир всегда на глазах у своих воинов, его знают, ему верят. И если командир сам ведет своих бойцов в атаку (таковы старые казачьи традиции), они знают — назад возврата нет. И не было еще такого, чтобы казаки оставляли в беде своего командира.

— Дать сигнал атаки!

В воздухе вспыхнула серия красных ракет. В тот же миг воздух взорвало артиллерийско-минометными залпами, которые не могли заглушить грозное урчание эрэсовских установок. Отдав коню повод, посылаю его вперед. Какое-то время мне казалось, что скачу один, а вокруг свирепствует только пурга. Но вот сбоку поравнялся, а затем обогнал танк. С другой стороны — еще один. В уши бьют порывы ветра, снег слепит глаза. Стрельба все больше и больше нарастает. Сквозь нее прорывается мощный и зловещий рокот и гул атакующих танков и конницы. Ворвавшись на окраину Раздельной, сворачиваю влево и оказываюсь на улице. Соскакиваю с коня, иду к дому. За мной бегут офицеры оперативной группы и радисты. Казаки штабного эскадрона рассыпаются по двору, бегут на огороды, в соседние дома. Мимо нас проносятся эскадрон старшего лейтенанта Куева и гвардейцы 36-го полка. Вся окраина наполняется нервным треском ближнего боя. Обгоняя меня, кто-то из казаков заскакивает в сенцы хаты. Я натыкаюсь на падающие тела. Мимолетного взгляда достаточно — кто падает навсегда, а кто — чтобы мгновенно вскочить. Тут все в порядке. В комнате с печкой у дверей нас «гостеприимно» с высоко поднятыми руками встречают два растерявшихся молодых немецких солдата в форме танкистов. Пока связисты разворачивают рацию и налаживают связь, выхожу на улицу. Быстро светает. Прислушиваюсь к шуму боя. Он доносится со всех окраин этого небольшого, но очень важного в оперативном отношении города. Это большая победа! Победа сначала каждого над собой, а затем над противником!

Наша массированная ночная атака оказалась для гарнизона Раздельной совершенно внезапной. Командиры соединений докладывали об ожесточенных боях, особенно в районе железнодорожной станции. Вот как об этом бое вспоминает в своем письме бывший командир 3-го эскадрона старший лейтенант Николай Никитович Василевич. Кстати сказать, из письма я узнал, что на его коне мне пришлось атаковать Раздельную. Он в свою очередь одолжил коня у самого юного из своих казаков.

«...Когда вы, товарищ генерал армии, начали разворачивать у крайней хаты командный пункт, немцы кинулись кто по огородам, кто по дворам. Наши танки пошли по-над заводами, а мой эскадрон вырвался на улицу. Совсем неожиданно мы оказались около железнодорожной станции. Оттуда нача-

ли бить пулеметы. Нас как ветром сдуло с коней. Укрылись за домами и стали продвигаться от дома к дому. Один пулемет подорвали гранатой, другой расстреляли, подкравшись сбоку. Слышим, на той стороне станции идет горячий бой. Это дрались другие наши части. Получилось, что станцию атаковали сразу со всех сторон. Перебили мы здесь фашистов бог знает сколько. Все улицы были усеяны убитыми».

Сейчас Николай Никитович работает заведующим складом ГСМ Краснодарводстроя. Вот уже несколько лет товарищи по работе избирают его секретарем партийного бюро.

Прислал мне письмо и капитан запаса товарищ Куев.

«Вы помните, товарищ генерал,— пишет он,— мы с вами первыми ворвались на станцию Раздельная. Левее нас атаковали другие эскадроны. Наш эскадрон врубился в немцев, выскакивающих из эшелона. Магомет Вороков, вскочив в офицерский вагон, столкнулся с офицером, застрелил его и исчез в дверях. Когда я вбежал вслед за ним, он поднимался с пола, а около него лежал гитлеровец. Магомет вытер лезвие ножа с наборной ручкой и простодушно сказал:

— Я ему совсем понятно кричал «Хэндэ хох!» Почему он не понимал?..

Мне осталось только произвести «залп» победы по портрету Гитлера, висевшему на стене большого купе...».

Из письма я узнал, что после войны товарищ Куев демобилизовался. Закончил Краснодарский педагогический институт. Работает директором школы хутора Вольный на Кубани.

Итак, в 13.30 Раздельная была полностью захвачена нами. Мы решили оперативную задачу, поставленную командующим войсками фронта перед конно-механизированной группой: «Захватить Раздельную — последнюю узловую железнодорожную станцию на юге нашей страны — и этим отрезать пути отхода 6-й немецкой армии по железной дороге на запад».

На станции мы захватили богатейшие трофеи: под парами стояли десятки паровозов и около тысячи вагонов. Большую ценность представляли эшелон с новенькими 75-мм орудиями — 30 стволов и эшелон с танками, покрытыми желтой краской (эти танки с экипажами спешно перебросили из Африки). Здесь были вагоны с боеприпасами, военным имуществом и что особенно веселило всех — эшелон с подарками. Ну, а крупнейшие склады с горюче-смазочными веществами, продовольствием, вооружением и боеприпасами особенно нам пригодились.

Сосредоточившись в отдельных районах города, соединения конно-механизированной группы в относительно благоприятных условиях наскоро приводили себя в порядок, чтобы через несколько часов снова возобновить наступление. Еще 2 апреля было получено боевое распоряжение, требующее овладеть Раздельной и выбросить разведку на Тирасполь, на Яски и вдоль железной дороги на Одессу, то есть на запад, на юг и на юго-восток — целый веер. Утром следующего дня эта задача была подтверждена телеграммой.¹ Однако мы не получали своевременно сведений об оперативной обстановке в полосе нашего фронта, не знали, где в данное время находятся наши общевойсковые армии. С точки зрения скрытого управления войсками это возможно и правильно. Но нам от этого было не легче.

Мы донесли командованию фронта об овладении Раздельной, о захваченных нами богатых трофеях. И тут же получили боевое распоряжение: главными силами продолжать наступление в юго-западном направлении вдоль железной дороги на Страссбург. К исходу дня овладеть районом Павловка, Страссбург, Баден и не допустить отхода противника через эти пункты на запад к Днестру. Город и станцию Раздельная удерживать до подхода передовых соединений фронта силами полков 5-й отдельной мотострелковой бригады.

Значение выхода конно-механизированной группы в район Раздельной было столь велико, что об этом было специально сообщено Совинформбюро от 5 апреля 1944 года. «...Конно-механизированные соединения, — говорилось в нем, — вышли на подступы к городу Раздельная. Немцы упорно защищали этот важный узел коммуникаций и опорный пункт обороны на подступах к Одессе. Стремительными ударами наши бойцы сломили сопротивление противника и овладели крупным узлом железных дорог и городом Раздельная. Таким образом, железная дорога Одесса — Тирасполь перерезана нашими войсками. Тем самым отрезаны основные пути отхода в Румынию Одесской группировке противника».

Командиры соединений, прибывающие для получения боевого распоряжения, докладывают о результатах боя. Вот с шумом, по-казацки лихо подлетают к плетеному забору тутаринцы. Их бравый генерал еще на ходу прыгивает со своего

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 32063, д. 1, л. 21.

темно-гнедого жеребца, бросает повод на спину коня и быстрым шагом направляется ко мне. Твердым, уверенным голосом докладывает:

— Товарищ командующий, части 9-й гвардейской дивизии первыми ворвались в город Раздельная и...— дальше следует перечисление боевых заслуг и трофеев.

Новый комдив полковник Гадалин подъехал на широком аллюре и упруго оттолкнувшись от стремян, на ходу соскочил. Это у него получается довольно естественно и непринужденно. Ладно скроенный, энергичный, он с первого взгляда создает впечатление человека, внутренне собранного и организованного. Свои командирские дарования ему еще предстояло раскрыть. Но сомнений не было, что это будет хороший комдив.

— Товарищ командующий,— начинает он докладывать спокойным и твердым голосом,— части гвардейской дивизии первыми ворвались в город Раздельная.

Удивительно дословное совпадение формулировки доклада, в первой ее части, заставляет меня невольно взглянуть на Тутаринова. Он тоже удивлен, но быстро спохватывается, и с видом явного превосходства заговорщически улыбается мне.

Подъезжает генерал Головской. Он где-то недалеко за сараем оставляет свою кавалькаду и подходит пешком. Просто и по-деловому докладывает, что части дивизии, первыми ворвавшись в Раздельную, сосредоточились в указанных ей западной и юго-западной частях города и приводят себя в порядок.

Генерал-майор Жданов пунктуален. Он прибыл ровно в 15.00.

— Товарищ командующий, 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус первым ворвался в Раздельную...

Тут уж Тутаринов не выдерживает и когда доклад заканчивается, спрашивает:

— Интересно, где и как это произошло?

Чувствуется, Владимир Иванович догадался о скрытом значении вопроса, но он делает вид, что принял его как восхищение действиями его орлов-танкистов и рассказывает некоторые эпизоды боя за город. «Хочет сразу задавить фактами»,— догадываюсь я. Говорит он уверенно, сжато.

— Это сделали танковые экипажи лейтенантов Маслова, Ветлина и Васильева— тридцать седьмого танкового полка.

Они, умело маневрируя, преодолели огневой заслон немецких самоходок и ворвались на окраину. На огромной скорости экипаж Маслова выскочил к станции и буквально расстрелял паровоз, который первым пытался увезти к границе эшелон с артиллерией. Эти три танка наделали на станции такую панику, что...

— Владимир Иванович,— перебил его генерал Тутаринов,— а вот когда ваши танкисты расстреливали паровоз, они обратили внимание, что состав в это время медленно сдавал назад за стрелку? — Поставив вопрос, он, не дожидаясь ответа, продолжал: — Так это мои казаки перехватили поезд и загоняли его обратно на станцию, а в пристанционном ресторане мой повар уже готовил шашлыки, чтобы угостить командный состав группы.

Все восприняли это как хорошую фронтовую шутку и от души смеялись. А когда я рассказал о злополучной формулировке доклада, последовал новый взрыв смеха.

— Теперь мы имеем все основания доложить Военному Совету фронта, что первой в Раздельную ворвалась...— я сделал паузу, все насторожились.— Ворвались войска конно-механизированной группы.

Поставив боевые задачи на дальнейшее развитие наступления, я обратил внимание на необходимость постоянной бдительности и готовности к встречным боям, переходу к действиям фронтом на юг и юго-восток с целью недопущения прорыва отходящих соединений противника на запад через Днестр.

Пока мы решали вопросы организации дальнейшего наступления, на железнодорожной станции произошел забавный случай. Разведчики донесли, что к Раздельной из Одессы движется поезд. Его, конечно, впустили на станцию. Из вагонов выскочили немецкие солдаты и к ужасу своему увидели направленные на них стволы орудий, танков, самоходок и пулеметов. Они правильно решили, что сопротивление бесполезно. Все сдались в плен.

Командиры соединений разъехались на свои КП. Мы с генералом Пичугиным продолжали беседовать, невольно прислушиваясь к шуму вновь разгорающегося боя.

— Думается, товарищ командующий, что эта волна вражеских войск доставит нам немало хлопот,— выразил опасение начштаба.

— Хлопоты бывают разные,— ответил я.— Под Москвой

мы сдерживали врага, рвущегося на восток — это были неприятные хлопоты. Сейчас мы принимаем их, чтобы не допустить прорыва на запад — очень приятные хлопоты.

Во двор въехала бричка-одноконка. Лошадь неожиданно рванулась и упала. Ездовой бросился выпрыгать, понося отборной бранью фрицев, которые «не смотрят куда стреляют». С брички неторопливо слез наш штабной повар Сергей Лазарев. Он взвалил на себя термосы и пошел в дом, чтобы организовать завтрак. Мы не стали дожидаться его приглашения и направились вслед за ним. Позавтракать нам, однако, не удалось. Совсем рядом, за домом, разразилась стрельба, рванули гранатные взрывы. Лазарев бросил свои термосы и миски, схватил автомат и выскочил из хаты. «Прорвались!» — мелькнуло в сознании. В дверях неожиданно сталкиваюсь с гитлеровцами. Машинально нажимаю на спусковой крючок. Сдавленный, как рычание зверя, крик, немец, круто согнувшись, по инерции идет на нас... Через двор, тревожно озираясь, устало бегут двое с автоматами у живота.

Из сарая раздается короткая очередь и длинная брань. Узнаю голос сержанта Сергеева. Сегодня его подразделение несет охрану штаба группы. Около меня оказались Лазарев, Король, Сергеев, связисты и еще несколько казаков. Мы перемахнули через плетень и вскочили в заранее открытые окопы. Сзади нас на улице слышится нервная стрельба.

— Этих человек десять осталось, там их перехватят, — кричит кому-то сержант Сергеев.

Огневые позиции мы заняли вовремя. Прямо на нас движется заштрихованное предрассветными сумерками подразделение немцев, мигая светлячками автоматных очередей. Они идут медленно, в полный рост. По телефону, подведенному в ячейку окопа, выясняю обстановку в дивизиях.

А тем временем мои боевые друзья отражают атаку. Кроме сержанта Сергеева, старшины Король и Сергея Лазарева (кстати, он оказался не только лучшим поваром среди храбрецов, но и храбрейшим среди поваров), были старший сержант Барибан, казаки Литвиненко, Таилов, Тарасов и Серенко. Все они дерутся дерзко и хладнокровно. Дело чуть было не дошло до рукопашной, но из-за домов неожиданно появился эскадрон капитана Яцкого. Казаки через наши головы обрушили огонь по боевым порядкам немцев и контратаковали их. Оставшиеся в живых сдались в плен.

Подходит генерал Пичугин и докладывает:

— Товарищ командующий, до полка пехоты с танками при поддержке двух бронепоездов наступают с юга от хутора Широкий. С востока, со стороны агрокомбината движутся колонны пехоты, артиллерии и танков противника. К северной окраине прорвался их передовой отряд.

— Десятая гвардейская развернулась?

— Да, ведет бой.

Обстановка быстро усложнялась. Дивизия полковника Гадалина, приняв на себя первую атаку, создала огневое прикрытие левого фланга. Но его начали захлестывать многочисленные подразделения и части противника, отходящие с востока. Наибольшая опасность возникла в районе переезда, севернее Раздельной. Пришлось втягивать в бой дивизию Головского. И очень хорошо, что это было сделано сразу. Последовала затяжная массированная атака. Линия боевого соприкосновения выгнулась вокруг Раздельной в сторону востока и мгновенно запылала жаркими боями. Такого яростного натиска трудно было ожидать. Третья атака была проведена немцами на более узком фронте, но сила ее была такова, что пришлось нанести фланговый контрудар полками мотострелковой бригады при поддержке танков. До позднего вечера пылали ожесточенные схватки. Силы противника быстро таяли и дробились. Теперь уже отдельные подразделения и мелкие группы пытались самостоятельно просачиваться за Днестр. С наступлением темноты бои начали затухать. Полки мотострелковой бригады заняли оборону вокруг города Раздельной, чтобы удерживать ее до подхода передовых соединений общевойсковых армий фронта, а затем передать им город и догнать главные силы конно-механизированной группы, решительное наступление которой продолжалось.

Сильный ветер разметал грозовые тучи. Время от времени сквозь их разрывы на нас тревожно поглядывала луна, будто предупреждая об опасности, которая надвигалась где-то из-за лиманов.

ВОДОКАЧКА НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ВЗОРВАНА

Завхват Раздельной привел к резкому ухудшению положения группы армий «А». Она потеряла последнюю железнодорожную коммуникацию, соединявшую ее

северную и южную группировки. Если иметь в виду 6-ю немецкую и 3-ю румынскую армии, которые оказались, так сказать, в сфере боевой деятельности конно-механизированной группы, то одна группировка в составе 30-го и 32-го армейских корпусов под ударами наших войск с востока продолжала отходить на Тирасполь, и мы могли бы ударом с тыла быстро привести ее к краю пропасти. Другая группировка (4-й, 29-й, 17-й и 44-й армейские корпуса) — мы называли ее Одесской группировкой — откатывалась к Днестру, южнее линии населенных пунктов Новая Одесса, Раздельная.

Теперь на плечи генерал-полковника Шернера легла исключительно сложная и, прямо скажем, непосильная задача — спасение своей Одесской группировки. И он на первых порах, надо полагать, таил надежду, что пути господни к спасению действительно неисповедимы. Два из них он видел даже своим земным оком. Первый путь — предпринять попытку прорваться на Тирасполь через Раздельную и Кучурган, организовать планомерную переправу войск через Днестр. Можно было избрать в качестве основного и другой путь — двинуть Одесскую группировку к юго-западу на Овидиополь, а затем по узкой косе через Каролино-Бугаз и на плавсредствах перебросить войска через Днестровский лиман. Во втором случае они оказались бы расчлененными от основных сил группы армий «А» пространством около двухсот километров. Но судя по тому, что наступавшие вслед за конно-механизированной группой армии генералов Шарохина и Чуйкова нацеливались на Раздельную (именно ее передовым частям и должна была передать город бригада полковника Завьялова), первый путь отхода генерал-полковник Шернер мог смело вычеркнуть из своего плана.

От Раздельной конно-механизированная группа стремительно двинулась на юг вдоль Кучурганского залива, перерезая дороги, идущие с востока на переправы через Днестр. Уже первые километры пути со всей суровой определенностью подтвердили, что впереди нас ждут неимоверно тяжелые испытания.

Благодаря широкой и энергичной разведке мы знали, что в районе Кучургана и Страссбурга находятся части 12-й и 14-й пехотных дивизий румын и 258-й пехотной дивизии немцев, была выявлена организованная ими система обороны. Это и определило скоротечный характер кучурганского боя. Но сколько искрометных тактических маневров и ударов,

сколько подвигов родилось в эти предутренние часы в наших частях и соединениях!

Героем кучурганского боя был 40-й Майкопский полк подполковника Головащенко — офицера опытного и самоотверженного. Он направил в обход станции пулеметное подразделение на тачанках под командованием старшего сержанта Кравченко. Под покровом темноты тачанки ворвались на станцию и начали уничтожать гитлеровцев в вагонах. Услышав, что пулеметчики завязали бой, Головащенко дал сигнал общей атаки полка. Мне довелось быть невольным свидетелем рассказа старых казаков об этом бое.

— Порубили в Кучургане фашистов, чтоб не соврать, сотен... — лейтенант Гришко прищурил глаз, крутнул седеющий ус и решив, что «сотен» — это не то слово, добавил: — Эдак сотни три. Это только клинками. Многие германцы вскочили на машины и кинулись на Тирасполь. Куда там! Застряли в грязи. Всех посекали пулеметами с тачанок.

— А вот сих, — прервал его одностаничник и друг казак Кривошапка и кивнул на пленных, — мы из камышов выкурили.

Для него, чувствовалось, никаких военных субординаций не существовало. Он не утерпел отметить, что в двадцатом году на Кубани вот так же «выкуривали» из плавней улагаевцев, которых Врангель послал захватить казачьи земли. «Много времечка минуло, — закончил Кривошапка, — а вот сноровка згодилась».

Я понял, что старику хочется сказать нечто более важное, но не в пример некоторым молодым людям — любителям прихвастнуть он хранит скромность и достоинство. Было понятно, куда он клонит, пришлось помочь.

— Кому принадлежит план ликвидации гитлеровцев в камышах? — спросил я.

— Данилычу, товарищ командующий. Да и руководил он, — доложил лейтенант. — Все мне подсказывал: засылай туда, выманивай оттуда — здорово получилось.

А получилось действительно хорошо. Среди пленных было одиннадцать офицеров.

Шла слава о героизме агитатора-комсомольца 32-го кавалерийского полка сержанта Черкашина. Пожалуй, никто не удивился, когда он вернулся из разведки в Кучурган на немецком тягаче, притащил на прицепе вражеское орудие и привез трех пленных. Как выяснилось, тягач, орудие и плен-

ные из разных подразделений. Но весьма характерно, что когда он проводил беседы о героях кучурганского боя, то рассказывал о мужестве командира орудия сержанта Милованова, который подбил в этом бою автомашину, подавил два пулемета и разбил одно орудие; рассказывал, как бойцы подразделения 34-го кавалерийского полка, попав в сложную и опасную обстановку, уничтожили 60 гитлеровцев. Прорвавшись они захватили двадцать повозок с военным имуществом, пушку и несколько пулеметов. Сержант Черкашин агитировал примером своего личного героизма и пропагандой подвигов своих боевых друзей.

Утром, когда еще не закончился бой за Кучурган, появилась немецкая авиация. Она обрушила удар на боевые порядки 4-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса, ведущего бой к северу от Кучургана. Его 13-я механизированная бригада ворвалась в поселок станции вместе с казаками.

Захват Кучургана был важным успехом для нас, поэтому не мог не вызвать бурной реакции не только у генерал-полковника Холлидта, но у самого Иона Антонеску. Дело в том, что через эту станцию проходили шоссейная и железная дороги из Одессы на Тирасполь. За Кучурганом простирались владения маршала Антонеску, того самого, который, напомним, 19 августа 1941 года с благословения Гитлера объявил территорию между Днестром и Бугом своей вотчиной и поименовал ее Транснистрией, а городу Одессе присвоил свое имя — «Антонеску».

Утром 5 апреля наши радисты поймали в эфире радостную весть. Оказывается, еще 2 апреля Советское правительство сделало заявление о том, что «...наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли в нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандующим Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции». Дальше говорилось, что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью. Эта весть вызвала у нас чувство бурной радости.

Начальники политических отделов гвардейских кавалерийского и механизированного корпусов полковники Карев и Козлов сразу же организовали целый ряд мероприятий по доведению этого документа до всего личного состава корпусов и

дивизий. В политотделах дивизий и бригад сумели провести короткие совещания с агитаторами, а в частях — короткие инструктивные совещания низовых аппаратов. Проводили их прямо в боевых порядках. Возвращаясь, они выпускали боевые листки, распространяли листовки и газеты, проводили летучие беседы. Радостная весть молниеносно распространилась во всех частях и подразделениях. И можно было понять чувства воинов. Наступая от Раздельной до Кучургана, они видели непрерывный караван железнодорожных составов, на вагонах которых наспех было намалевано: «Антонеску — Бухарест», станция отправления и станция назначения. Тысячи вагонов были плотно утрамбованы награбленным добром. Тут вагоны с хлебом и платформы с тракторами, заводскими станками, медицинским оборудованием; вагоны с коровами, овцами и свиньями; вагоны с канцелярской мебелью и домашней утварью... Чего только там не было! И вдруг из вагонов для скота казаки слышали вопли людей, наших, советских людей. Они звали на помощь, боялись, что казаки и танкисты не заметят их эшелон и так же быстро исчезнут, как и появились. Воедино слились в сердцах воинов радость и гнев. Освобожденные от фашистской неволи женщины, старики и подростки выскакивали из вагонов и со слезами радости бросались к казакам, чтобы выразить им благодарность за несказанное счастье вновь обретенной свободы.

Боевой порыв был огромен. Не задерживаясь в районе Кучургана, передовые части продолжали стремительно развивать наступление на Страссбург. Там оборонялась передовая часть 14-й пехотной дивизии румын. Но ее главные силы были на подходе. Простой расчет показывал, что румынские части могут опередить захват переправы. Кстати, удивило, что в пространстве между Малым Куяльником и Днестром очень много населенных пунктов имело наименование немецкого происхождения. Страссбург, Фрейденталь, Нейбург, Фрейдорф, Мангейм и многие другие. Мы узнали, что все это деревни немецких колонистов.

— Надо бы броском передовых отрядов упредить противника в захвате переправы, — предложил кто-то из операторов штаба.

Мне представился этот бросок. Части движутся и дерутся с вражескими заслонами с предельным напряжением. «Но существует ли этот предел у советского солдата? — невольно подумалось мне. — Мы выигрываем бой за боем во многом

и потому, что противник не выдерживает этого нечеловеческого напряжения».

— Хорошо, передайте генералу Тутаринову: стремительным броском передового отряда выйти в район Страссбурга и с ходу атаковать разрозненные подразделения и части противника восточнее села. Главными силами дивизии к восьми часам взять Страссбург.— Сзади полковник Компаниец удивленно произнес: «Разрозненные остатки?» Он-то знал — это подходят боевые части «вышесредней упитанности».— Полку эресовских установок нанести огневой удар по колоннам противника восточнее Страссбурга.

Полк «Катюш» развернулся недалеко от нас в лесопосадке. В то время это оружие было секретным, и мы держали полк в центре боевых порядков группы. Он был всегда под рукой, а цель (две параллельно идущие колонны) представляла собой значительную площадь. Последствия удара реактивных установок нетрудно представить. Были произведены залпы двумя дивизионами. Этого было достаточно, чтобы дивизия противника, охваченная паникой, начала отходить на Мангейм.

С ходу захватив Страссбург, передовые части конно-механизированной группы на плечах 258-й немецкой пехотной, 12-й и 14-й румынских дивизий ворвались в Баден. К этому времени бригада генерала Жданова овладела Павловкой. Конно-механизированная группа вышла в район, из которого можно было развивать наступление или на запад, через государственную границу на территорию Румынии, или на юг, вдоль Днестровского лимана, чтобы отрезать все пути отхода Одесской группировке на запад за Днестр, или же устремиться на Одессу, то есть на юго-восток, чтобы ударом с тыла ускорить разгром этой группировки и захватить город. Мне казалось, что вероятнее всего нам предоставят честь пробить еще одну брешь в границе владений Антонеску, а так как приказ еще не поступил, конно-механизированная группа временно закрепилась фронтом на восток от Павловки до Страссбурга.

Боевое распоряжение штаба 3-го Украинского фронта от 4 апреля 1900 поступило ко мне в 12.10. 5 апреля.¹ Не могу утверждать, но, кажется, доставил его на самолете связи

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 32 063, д. 1, л. 27.

офицер оперативного отдела подполковник Богатенко. Конномеханизированной группе ставилась задача к исходу 5 апреля овладеть районом Кагарлык, Мангейм, Эльзас; передовыми отрядами захватить Маяки, Беляевку и Выгоду, провести силовую разведку на Одессу. Полученная информация раскрывала нам, какие задачи должны выполнить к этому времени армии фронта. Главное прояснилось — на Одессу! Именно с этого момента раздался боевой клич «На Одессу!» В этот день, быть может, родились новые слова боевой песни кубанских казаков:

Кубанцы несутся над полем, над лесом,
В стремительных, дерзких и славных боях.
Вперед на Одессу! Вперед на Одессу!
На лицах фашистов — панический страх.

Подполковник Богатенко в общих чертах доложил мне обстановку в полосе фронта. Получалось, что наше наступление на Одессу вызвано «в связи с отставанием левого крыла фронта»,¹ наступавшего на Одессу с востока.² Мое внимание более всего привлекали действия войск 37-й и 8-й гвардейских армий. От их успеха непосредственно зависело, в каких условиях нам придется вести дальнейшее наступление. Если армия генерала М. Н. Шарохина вовремя выйдет в район Раздельной, то в группу сразу вернется прекрасная боевая мотострелковая бригада полковника Завьялова, а наши тылы будут надежно прикрыты с севера. Успешное наступление гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова в обход лиманов (с последующим поворотом на юг и действиями вдоль дороги Сталино — Одесса) прикроет тылы группы с севера при подходе к городу со стороны Днестровского лимана.

А пока продолжалось решительное наступление конномеханизированной группы в общем направлении на юг. К полуночью мы должны были захватить целый архипелаг населенных пунктов. Сделать это оказалось делом нелегким. Генерал-полковника Шернера наши действия привели в бешенство и что-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 32 063, д. 1, л. 27.

² Трудность наступления левого крыла фронта (6-я, 5-я ударные и 28-я армии) определялась системой лиманов и глубоких балок.

бы хоть временно задержать подвижную группировку, рвущуюся на Одессу, против нас была брошена штурмовая авиация. В течение трех часов небо над нами клочкотало и сотрясалось от душераздирающего воя, бешеного рокота авиапушек и пулеметов, взрывов бомб. Земля глухо стонала. До сих пор мне редко приходилось видеть такое неистовство вражеской авиации. Подполковник Богатенко послал в штаб фронта донесение: «Товарищу Корженевичу. 16.00 5. 4. 44 года. Страссбург. Сообщаю, что авиация противника вторично сильно бомбит войска Плиева... Авиация буквально «ползает» по земле, бомбит, расстреливает из пушек и пулеметов. Нашей авиации нет. Противник работает почти при любой погоде, а нашей почему-то нет. Прошу доложить командующему ВС об отсутствии нашей авиации над нами. Богатенко».¹

Как только наступили сумерки, бригады рванулись вперед, стремясь наверстать упущенное за день. То здесь, то там возникали встречные бои с румынскими и немецкими частями, отходящими из Мангейма на Страссбургские переправы. Это были части 14-й пехотной дивизии румын, которые под Кучурганом залпами «Катюш» мы отбросили к Мангейму, а также 3-я горно-стрелковая дивизия немцев. Они быстро подняли артиллерию, отставшие подразделения, тылы и теперь предприняли попытку прорваться за Днестр через Страссбург. После неистового воздушного налета войска конно-механизированной группы всю свою ярость обрушили на эти дивизии. Противник в поисках спасения метался под ударами наших дивизий и бригад, но так и не мог противопоставить ни своего темпа, ни маневра, ни натиска.

Дивизия генерала Головского, наступавшая вдоль большака на Мангейм, столкнулась с колонной румын. Генерал Головской нанес по колонне артиллерийский удар и бросил в атаку усиленный боковой отряд, заранее высланный вперед. Тем самым он выиграл время и пространство для главных сил и сохранил темп наступления. Румынские подразделения начали отходить вправо и нарвались на боевые порядки 14-й гвардейской мехбригады. Встречный поток вражеских войск все увеличивался. Бой вели уже и 9-я гвардейская дивизия, наступающая правее на Кагарлык, и главные силы 4-го гвар-

1 Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 32 063, д. 1, л. 28.

дейского механизированного корпуса,¹ наступавшие на левом фланге группы на Эльзас, Иоганештооль. Был такой случай: 13-я гвардейская мехбригада в 22.00 встретила сильное огневое сопротивление с высоты 115,5, юго-восточнее Кучургана. Комбриг подполковник П. М. Аршинов, чтобы не снижать темпа наступления, обошел этот опорный пункт и продолжал наступление. Через некоторое время ему доложили, что вслед за бригадой движется колонна противника. Опытный комбриг сразу сообразил, в чем дело: «Заблудились». Он остановил арьергардный полк. Одним батальоном занял выгодный рубеж, чтобы встретить врага огнем с места, а два батальона приказал вывести для атаки с флангов.

Мне не известны подробности этого боя, а результатом его был полный разгром вражеского полка. Полк действительно потерял ориентировку. Он приближался с севера к высоте 115,8 в тот момент, когда бригада, наткнувшись на огневое сопротивление, начала обходить ее. Немцы приняли бригаду за свою и двинулись вслед за ней. Все остальное было для них совершенно неожиданно и непонятно.

Однако и подполковник Аршинов, сделав доброе дело, сориентировался не лучшим образом. Во время обхода опорного пункта бригада отклонилась вправо и прижалась к боевым порядкам 30-й кавалерийской дивизии. К этому времени было уже известно, что перед Мангеймом оборудована разветвленная система обороны противника: траншеи, пулеметные ячейки, местами проволочные заграждения и даже противотанковый ров полного профиля. Поэтому целесообразно было бригаду Аршинова нацелить на Мангейм. Что и было сделано. На рассвете после залпа «Катюш» и мощного артогня 30-я Краснознаменная кавдивизия и 13-я мехбригада атаковали Мангейм, а в 6.00, когда мы подъехали к селу, оно уже было полностью захвачено нами. Через час на его северо-западной окраине расположился штаб группы: Генерал Тутаринов доложил, что его дивизия успешно атаковала Кагарлык, а соединения генерала Жданова несколько позже овладели селом Эльзас.

В это очень пасмурное утро, 6 апреля, было получено рас-

¹ Главные силы составили 14-я и 15-я гвардейские механизированные и 36-я гвардейская танковая бригады.

поражение штаба фронта. В нем говорилось, что командующий войсками фронта приказал прежде всего захватить Беляевку, Маяки и Карлсталь, расположенные на берегу Днестра и его лимана, а затем «отрезать и атаковать Одессу с юга и запада».¹ Уже не силовая разведка, а атака с целью освобождения Одессы. Сообщалось также, что армия генерала В. В. Глаголева должна к исходу 7 апреля выйти на Днестр, а гвардейские войска генерала В. И. Чуйкова к этому же времени должны захватить рубеж Троицкое, Ясски, Васильевка.

Освобождение Беляевки и Маяки Военный Совет 3-го Украинского фронта считал одной из важнейших задач данного этапа операции. Дело не только в том, что через них пролегла последняя из нижнеднестровских переправ на запад — в Беляевке находилась водонапорная станция, снабжающая водой город Одессу. Она находилась под контролем румынских оккупационных властей. Штаб фронта информировал нас, что по сведениям одесских партизан в городе ощущается сильный водный голод. Возникли эпидемии болезней, связанные с отсутствием элементарных условий гигиены и санитарии.

Среди захваченных нами документов оказался и официальный доклад инспектора румынской полиции, в котором он докладывал своему начальству: «В Одессе отсутствует в достаточном количестве питьевая вода. Над городом нависла угроза эпидемий». В этих словах звучит вынужденное признание бедственного положения населения.

Случилось так, что именно в это, как я сказал, пасмурное утро наши разведчики, прощупывавшие «глубину» на дороге Беляевка — Одесса, остановились у небольшого оврага в развалившемся сарае, чтобы сориентироваться и перекусить. Не успели они расположиться, как вдруг послышался треск мотоцикла. Разведчики притаились. Как только мотоциклист въехал в овраг, они выбежали на дорогу и направили на него автоматы. Внешне все выглядело спокойно. Румынский офицер, выскочив из оврага, подъехал к казакам, стоявшим на пути, и заглушил мотор. Какое-то мгновение он соображал, в чем дело, а затем протянул капитану Козлову оружие и полевую сумку с документами.

— В моем воображении казаки всегда представлялись

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 381 709, л. 6, д. 3.

призраками,— поникшим голосом произнес он и упал на колени.

— Сразу видно, что молодой человек воспитывался в княжеском салоне, так он изыскан и вежлив,— оценил капитан и приказал дать ему кружку водки.

Офицера сразу же доставили в наш штаб.

— В каком состоянии водонапорная станция в Беляевке? — спросил переводчик, узнав, что офицер ехал именно туда.

— Она подготовлена к взрыву. Все насосные агрегаты, система управления и трубопроводы заминированы, под них заложены взрывчатые вещества.

— Когда должен произойти взрыв?

— Время взрыва должна продиктовать обстановка, но это произойдет не позднее первой половины дня — 7 апреля.

Было ясно, что спасти водонапорную станцию, представлявшую собой большой завод, можно лишь достигнув совершенно ошеломляющей внезапности удара достаточно сильным высокоподвижным отрядом.

В связи с тем, что «траектория» наступления на Одессу через Беляевку, Маяки более крутая, чем та, по которой мы наступали, а захваченные пункты необходимо удержать в интересах дальнейших действий, надо было как можно скорее подтянуть на этот рубеж отдельную бригаду Завьялова из Раздельной.

Генерал Пичугин разговаривал с комбригом по рации. Оказалось, что в Раздельную вечером 5 апреля подошла 10-я воздушно-десантная дивизия, но комдив генерал-майор М. Г. Микеладзе отказался принять город, так как имел задачу развивать наступление, кажется, на Слабодзею. Бригаде пришлось в течение двух суток одной отбивать атаки частей противника, отходящих под натиском войск правого крыла фронта. Теперь в Раздельную прибыли передовые части 37-й армии, поэтому Завьялову было приказано немедленно выступить форсированным движением в район села Мангейм.

Под Раздельной в это утро 6 апреля вновь развернулись крупные и напряженные бои. Генерал-полковник Шернер предпринял отчаянную попытку пробить «коридор» в этом районе и по нему вывести войска, попавшие в окружение. Именно в окружение, так как все дороги и переправы через Днестр на запад находились в наших руках: с северо-востока наступали войска командармов Гагена, Шарохина и Чуйкова,

а с востока надвигались армии генералов Шлемина, Цветаева и Гречкина.

В ночь на 6 апреля в районе Ново-Украинки сосредоточились 29-й и 52-й армейские корпуса противника. На рассвете они внезапно выдвинулись к Фрейдорфу и атаковали Раздельную. Передовые части нашей 37-й армии и 5-я отдельная мотострелковая бригада отбили первый натиск. После этого бригада вышла из боя и двинулась на Мангейм.

Днем последовала новая, более мощная атака. В это время к Раздельной начали подходить главные силы армии генерала Шарохина. Но противник продолжал наращивать усилия на узком участке, и ему удалось вклиниться в ее боевые порядки. Генерал-полковник Шернер тут же передал сообщение для радио «о прорыве сдавливающей Одессу русской подковы». Явно поспешное сообщение. Прорыв, конечно, намечался, но генерал-лейтенант Шарохин, своевременно маневрируя своими силами, сначала приглушил натиск противника, а затем нанес контрудар двумя стрелковыми дивизиями. Время было выиграно. В течение последующих трех дней 37-я и соединения 46-й и 8-й гвардейских армий, подошедших к реке Кучурган, вели напряженные бои с отчаянно рвущейся на запад группировкой немцев.

Просматривая теперь официальные и вполне достоверные цифры потерь противника (7000 убитых, 3200 пленных, трофеи — вся боевая техника и тяжелое вооружение), можно сказать, что пробиться за Днестр удалось немногим, разбиваясь на мелкие группы.

Давление противника на рассвете 6 апреля усилилось и на боевые порядки конно-механизированной группы, возобновились массированные авиационные удары. Атаки следовали за атаками. Они не отличались пространственным размахом, но были целеустремленными, сильными. Очевидно, Одесская группировка также имела задачу пробиваться через Раздельную, на пути к которой находилась конно-механизированная группа. Напряжение боев не затихало весь день и даже ночью.

Вечером конно-механизированная группа возобновила наступление. Развивалось оно комбинированно. Вперед заранее ушел отборный, прекрасно вооруженный передовой отряд казаков с танками. Он получил приказ обойти Беляевку с севера, по береговому плесу выйти к водонапорной станции и внезапным налетом захватить ее. С наступлением сумерек двинулась 9-я гвардейская кавдивизия, она имела задачу атако-

вать ее с севера, и 30-я кавалерийская дивизия — с востока. 10-я гвардейская составила второй эшелон. Механизированный корпус должен был продолжать наступление вдоль дороги на Одессу, так как после освобождения Беляевки и Маяков кавалерийские дивизии снова брали курс на Одессу. Таков был коротко замысел операции в ночь с 6 на 7 апреля.

Нам было известно, что Беляевку обороняют различные части румын и немцев, принадлежащих, главным образом, 15-й и 21-й пехотным дивизиям. Кубанский гвардейский корпус в предбоевых порядках устремился к Днестру, уничтожая и разгоняя попадавшие на пути колонны частей, подразделений и боевые заслоны.

Ровно в полночь гвардейцы Тутаринова с севера, а казаки Головского с востока бесшумно ворвались в город Беляевку. Там уже шел бой в районе водонапорной станции. Передовому отряду удалось незаметно пересечь дорогу Яски — Беляевка и по болоту, разлившемуся вдоль западной окраины города, выйти к водокачке. Территория ее была обнесена высоким деревянным забором, по верху которого тянулась колючая проволока. Казаки проникли во двор впласть по Днестру, быстро сняли охрану и захватили все важнейшие пункты.

Такие дерзкие налеты, как бы внезапны и успешны они ни были, не обходятся без коротких огневых схваток. Поднялась тревога. Командование гарнизона, очевидно, подумало, что на водокачку напало восставшее население, и бросило на их подавление подразделение охраны с собаками. Разгорелся ожесточенный бой. В это время в город ворвались наши дивизии. Моя оперативная группа офицеров штаба осталась на восточной окраине, в самых крайних домах. Бой в городе развивался успешно. Когда подошла дивизия полковника Гадалина, наращивать усилия уже не было необходимости, поэтому я приказал ему, не задерживаясь, развивать наступление и захватить крупное село Маяки, расположенное в нескольких километрах южнее вниз по Днестру.

Во второй половине ночи командиры дивизий доложили, что противник разгромлен, захвачено несколько сотен пленных и богатые трофеи. Этой ночью немцы готовились переправить за Днестр и угнать в Германию около тысячи советских граждан, согнанных сюда со всех деревень. Они рассказали нам, что другая группа направлялась на Маяки. В донесении сказано, что село взято с ходу. Это правильно. Но совсем не-

давно мне стали известны некоторые интересные подробности освобождения села.

На крутом берегу Днестра в это утро было многолюдно. Тысячи старух, стариков и детей тревожно суетились, кричали, плакали и, подгоняемые ударами прикладов, спускались с крутого берега к реке, где стояли лодки, рыбацьи катера и наскоро сбитые плоты. То тут, то там раздавались короткие автоматные очереди, обрывающие жизнь тех, кто пытался бежать или упрямился. На берегу становилось все больше и больше бездыханных, распластанных тел.

На пригорке, у дороги, сворачивающей на окольную улицу, стояли мальчик и девочка и смотрели на берег. У Кольки рыжего ресницы и брови белесые, как днестровский туман, нос облупился. Он стоит прямо, широко расставив ноги. Глаза насуплены, крепко сжатые кулаки уперлись в бедра. Стоит, как на расстреле. Его подружка Люся прижала свои худенькие ладошки к груди. Из порванных рукавов вылинявшего платянца торчат острые локотки. Обветренные губы что-то беззвучно шепчут. При каждом выстреле она вздрагивает. Коля и Люся так потрясены, что не заметили, как к ним подъехали на трех мотоциклах с колясками «гитлеровцы». Они не побежали потому, что знали, — их убьют. Только лица стали будто восковые. Один «немец» во всю глотку ругается, остальные молчат, смотрят по сторонам. И вдруг молодой «фриц» обнимает за плечи Кольку-рыжего (у Люськи сердце оборвалось) и спрашивает его совсем по-русски:

— Смотри, хлопчик, во все глаза и запоминай... Батько-то твой где?

Колька подумал: «Полицаи это, хотят выведать о партизанах». Ему бы промолчать, а он, охваченный бессильной злобой, бросил вызывающий взгляд на предателей:

— Мой батько в Красной Армии! — выкрикнул он.

«Немец» улыбнулся, погладил рыжие кудряшки, подмигнул и неожиданно сказал:

— Это хорошо, мальчуган, скоро твой батько вернется домой.

Потом странные солдаты сели в мотоциклы, проехали вдоль берега и исчезли за поворотом дороги.

Не успели дети прийти в себя от изумления, как с шумом подъехали новые мотоциклисты. Они начали кричать на солдат, переправляющих колонистов. Те показали в ту сторону, куда уехали необычные солдаты. И вскоре, когда от берега

отчалили последние лодки, а первые еще не вернулись за очередной партией колонистов, недалеко от берега во дворе разорвалось два снаряда. Всего два снаряда, а с немцами произошло что-то невероятное. Они начали метаться из стороны в сторону, стреляли по отошедшим лодкам, бросали оружие и пытались вплавь добраться до противоположного берега. И тут, откуда ни возьмись, появились местные жители с оружием и начали отбивать у немцев гурты скота и другое награбленное добро. В этот момент ворвались в село наши гвардейцы — танкисты и казаки.

Про случай в селе Маяки рассказала Людмила Михайловна Парахомовская — жительница города Одессы, та самая девочка с острыми локотками, которая стояла тогда на берегу с рыжим Колькой.

Приказ генерала армии Р. Я. Малиновского был получен поздно вечером 7 апреля. Перед нашей группой ставилась задача — прочно удерживать захваченные районы, чтобы через них не допустить отхода войск противника за Днестр. В боевом распоряжении указывалось на необходимость активными действиями громить отходящие колонны немцев и выражалось пожелание: «Хорошо было бы захватить сильным отрядом Овидиополь. Вести разведку на Одессу. Сохранить водопровод».¹

Содержание его можно было объяснить тем, что конно-механизированная группа свои задачи выполнила. А тем временем в районе Раздельной вновь развернулись напряженные бои, в которые оказались втянутыми значительные силы общевойсковых соединений фронта. В этих условиях и возникла необходимость временно закрепиться на захваченных рубежах и активными действиями не допускать отхода немецких и румынских войск за Днестр.

В дальнейшем нам предстояло развивать наступление от Днестра на восток, на Одессу, что обязывало вести в данном направлении усиленную разведку. Сразу же был отдан приказ генералу Жданову: продолжая наступление, во взаимодействии с отдельной бригадой Завьялова выйти на рубеж северовосточнее Беляевки и отрезать здесь пути отхода из Одессы на Днестровские переправы.

Ночь выдалась на редкость темная. Черные свинцовые ту-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 381 709, д. 3, л. 6.

чи стелились низко над самыми крышами. В такую бы ночь двинуться на Одессу, но приходилось временно закреплять захваченные рубежи. По этому поводу казаки бурчали себе под нос: «Не казачье это дело в обороне сидеть. Оборона что заводь, рейд — быстрина».

Мы, конечно, не думали действовать пассивно. В ходе ее организации предусматривались маневры огнем артиллерийских групп, внезапные контратаки, стремительные обходы, охваты...

152-й истребительно-противотанковый полк был развернут на огневых позициях по восточной окраине Беляевки. Здесь же под его прикрытием заняли ОП три полка гвардейских минометов. Прочно удерживая захваченные районы, наши войска отбрасывали натывавшиеся на них подразделения и части противника, отходящие на запад через Днестр. Всюду завязывались короткие, яростные схватки. Особой заботой для нас была организация активных действий на Овидиополь. Имея относительно полное представление о силах и характере действий противника, я понимал, что «захватить сильным передовым отрядом Овидиополь» будет нелегко. Поэтому у меня созрело решение—такую задачу возложить на усиленную 10-ю гвардейскую дивизию, а руководство рейдом на Овидиополь возложить на моего заместителя генерала С. П. Горшкова. Это было вызвано тем, что полковник Гадалин был ранен, а назначенный командиром дивизии полковник С. А. Шевчук не успел еще вжиться в новую должность. Дивизия все-таки должна была действовать самостоятельно, на изолированном направлении.

При свете коптилки, сделанной из гильзы снаряда, собравшиеся у меня генералы Пичугин, Горшков и другие обсудили вопросы, связанные с задачей, поставленной 10-й гвардейской дивизии.

В общем, пока все шло хорошо. Конно-механизированная группа держала за горло 6-ю немецкую и 3-ю румынскую армии. Они были деморализованы. Органы их тыла подверглись разгрому. Войска задыхались, отсутствовало снабжение боеприпасами, вооружением, не было людских оперативных резервов. Их трепало в предсмертной агонии из-за непоправимого нарушения связи и управления; они не могли устоять под ударами войск нашего фронта, наступающих с востока. С тылу же их громила конно-механизированная группа, и они не имели возможности организованно отойти за Днестр.

Еще одна приятная весть: генерал Тутаринов доложил, что водокачка разминирована, из машинного отделения насосной станции и других мест извлечено несколько тонн взрывчатки. Днестровская вода продолжала поступать к жителям Одессы.

Начало уже светать, когда я накинул бурку и вышел во двор. Где-то за южной окраиной села раздавался сильный автоматнo-пулеметный огонь. Гул боя вокруг Беляевки чем-то напоминал шум разбушевавшегося ночного шторма. Многочисленные трассирующие траектории обрывались на окраине села. Противотанковые батареи выжидающе молчали. Ночью немецкие танки из-за обилия оврагов и балок боялись идти вперед. Подошел старшина Король, мой шофер.

— Вы бы вошли в дом, товарищ командующий,— попросил он,— а то вон сколько шальных летает.

Мне казалось, что настало время, когда можно часок-другой вздремнуть. Раскинул на лежанке бурку и только принял горизонтальное положение — сознание заволокло сизой дымкой сна. Но уже в следующий миг от какого-то тревожного предчувствия я проснулся. В комнате стояла тишина. И вдруг мне почудилось, что где-то совсем рядом говорят по-немецки. Я напряг слух. Говорили в соседней комнате.

— An den Rang des Verderbens geraten... Es ist Zini hasendwerden¹ — с душевной надорванностью произнес, видно, пожилой человек.

— Halt den Rachen!² — оборвал его резкий, как паровозный гудок, голос.

Стараясь не шуметь, я схватил автомат. При моем появлении в дверях высокий, сутулый блондин выронил оружие и не двинулся с места. Другой, забыв об автомате, юркнул к окну, но... бездыханно повис на подоконнике. В комнату заскочил командир взвода охраны старший лейтенант Ласкин, с ним несколько казаков. Смотрю в окно: немцы! Они бегут через огород к дому. Казаки выскакивают из хаты. Слышу голос Ласкина: «Не стрелять, слушать команду». Иду к рации. В это время за спиной раздается резкий треск, словно рушится горящая стена. Это автоматчики бьют длинными очередями по набегавшим гитлеровцам. Возле радиостанции один человек, остальные там, где идет бой.

¹ Оказаться на краю гибели... С ума можно сойти.

² Заткни глотку!

Пока шел бой, я успел уточнить обстановку у всех командиров соединений. Их доклады говорили о том, что обстановка быстро осложняется. Головской: «Внезапно атакован головным полком 304-й пехотной дивизии. Ее главные силы при поддержке 259-й бригады штурмовых орудий выдвигаются на исходный рубеж для атаки». Тутаринов: «Мои позиции атакованы 153-й учебной пехотной дивизией. Первая атака отражена». Полковник Шевчук также доложил, что ведет бой с пехотой противника.

Из опроса пленных узнал, что на Беляевку и Маяки отступает из Одессы армейский корпус немцев и входящие в его оперативное подчинение румынские соединения. Но якобы генерал-полковник Холлидт отдал приказ и остальным соединениям своей армии отходить на Беляевку, Маяки и Овидиополь. Многие пленные утверждали, что на переправы этих населенных пунктов должна направляться вся пехота, а боевая техника на автотяге и автотранспорте должны отходить на переправу у Каролины-Бугаз, где имеется железнодорожный мост, приспособленный для движения автотранспорта и танков.

С рассветом в атаку двинулись танки, самоходные штурмовые орудия и густые цепи немецкой пехоты. Взяв трубку аппарата и вызвав командный пункт командующего артиллерией полковника Марченко, приказал накрыть боевые порядки противника, наступающие на восточную и южную окраины Березовки, огнем артиллерии и несколькими залпами полков реактивных минометов.

— Есть «Лев-5» огонь, — ответил он.

Как только немцы втянулись в квадраты под этим условным наименованием, сзади послышалось резкое урчание ракет. Через мгновение они с шелестом пронеслись над нами, и мы с каким-то внутренним восторгом смотрели на их огненные следы. Залпы «Катюш» подхватили и продолжили огневые удары артиллерии. Это был короткий, но мощный артналет. Расстреливаемый огнем прямой наводки, противник несет тяжелые потери. Но гонимый какой-то таинственной силой, преодолевая страх, он упорно рвался вперед на запад, к Днестру.

Учитывая, что основные события разворачиваются здесь под Беляевкой, Маяками и Овидиополем, что сюда командование 6-й немецкой армии бросает свои главные силы, возложив на них задачу пробиться за Днестр и закрепиться на его

западных берегах, я приказал генералу Жданову во взаимодействии с полками 5-й отдельной мотострелковой бригады нанести удар во фланг этой группировке и выйти на рубеж восточнее Беляевки, перехватив дорогу на Одессу.

К середине дня бой принял крайне ожесточенный характер. С наблюдательного пункта нам хорошо видны боевые порядки противника. Танки и самоходки движутся медленно, не отрываясь от своей пехоты. Общая картина этой своеобразной психической атаки выглядит внушительно и даже грозно.

Первый удар на себя принимают усиленные подразделения и части первого боевого эшелона. Прямо перед нами в боевом охранении 3-й эскадрон 34-го кавполка старшего лейтенанта Зиновьева. В случае отхода его должны прикрыть пулеметные подразделения полка и 4-й истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион майора Устинова. Его орудия бьют по танкам, бьют спокойно и точно. Появляются новые мертвые точки, новые черные факелы. А чуть левее наиболее танкоопасное направление прикрывает полк майора Костылева. Там, у дороги, идущей от высоты с отметкой 104,0, ведут бой его батареи. Они работают, как говорят артиллеристы, на расплав стволов. Экипажи подбитых танков и штурмовых орудий немцев не отходят назад. Они вливаются в боевые порядки пехоты и продолжают атаку. Даже раненые немцы идут вперед все к тому же заветному рубежу — к берегу Днестра. Идут не останавливаясь и не обращая внимания на то, что артиллерийско-минометный огонь вырывает из их боевых порядков целые части.

Подразделение нашего 34-го кавполка, выдвинутое вперед, встретило противника дружным огнем. Обычно под таким огнем немецкие солдаты прижимаются к земле, но эти открыли ответный и ускорили шаг. Подразделение дралось стойко, мужественно, но немцы просто захлестнули его позиции своей массой, как захлестывает огромная волна выступ скалы.

Прорвавшиеся через позицию гитлеровцы считали, видимо, что путь на переправу открыт и бросились бегом к селу. 3-й эскадрон контратаковал их с тыла. И словно эхо этой дерзкой контратаки, навстречу противнику двинулись подразделения, оборонявшиеся на окраине. Зажатые с двух сторон, гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Начался беспощадный, неистовый ближний бой.

Рассказывали потом, что душой контратаки этого подразделения был комсорг эскадрона сержант Папушин. Левее у

дороги наша артиллерия была по вражеской пехоте шрапнелью. Напряжение боя быстро росло. Возникали все новые и новые очаги ближнего боя, доходящие даже до рукопашных схваток на всем протяжении линии фронта — от Беляевки до Маяков. И здесь под Беляевкой на фоне пламени всеобщего героизма ярко искрились новые подвиги танкистов-сталинградцев и казаков Кубанского корпуса. О них писали в боевых листках и газетах наших соединений. В 30-й кавдивизии комсомолец-связист Брагин и его товарищ Сазонов в течение всего боя под огнем противника, раненые, восстанавливали телефонную связь. Лейтенант Бибик, командир взвода 127-го кавалерийского полка, истекая кровью, продолжал управлять боем и вдохновлял своих бойцов личным героизмом. Когда «фердинанд» прорвался на позицию, лейтенант расстрелял его из противотанкового ружья. Из офицеров в эскадроне он остался один и оказался не только мужественным человеком, но и волевым командиром. Особенно запомнился мне подвиг командира расчета станкового пулемета сержанта Копайгора, почти слово в слово рассказанный мне его боевыми товарищами. Он был ранен в правое плечо, но по густой «косовице» его пулемета трудно было предположить, что бой ведет истекающий кровью воин. Рядом с ним расположился расчет противотанкового ружья. Увлеченный боем, Копайгора не слышал его стрельбы. Когда на него двинулось штурмовое орудие, он продолжал вести огонь по пехоте. И вдруг оглянулся: «Что-то долго пэтээровцы молчат», — мелькнула у него тревожная мысль. Так и есть, они уже не смогут помочь ему.

— Из пэтээр стрелял? — спросил сержант своего помощника.

— Не приходилось.

— Ложись за пулемет.

Копайгора, преодолевая боль, перебежал к противотанковому ружью, с трудом отодвинул мертвое тело солдата и приложил приклад к раненому плечу. «Фердинанд» подскочил на бугре, подставив днище. Выстрел. Резкая боль в плече. В глазах появилась темная пелена, она все больше и больше сгущалась, но отважный воин все еще видит колышущееся черное пятно. Огромным усилием воли Копайгора сорвал пелену с глаз. «Только бы попасть в гусеницу...» Выстрел... Сержант Копайгора не видел уже результатов своего второго выстрела. Очнулся в бричке медико-санитарного эскадрона.

— Куда мы едем? — спросил он у ездового.

— На Одессу. Говорят, в Одессе всех раненых в госпитали передадим.

Копайгора тихо улыбнулся: «Значит, не прошел».

Да, противник не прошел. Когда новая волна пехоты хлынула на Беляевку, во фланг ей нанес удар 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус. Одновременно в контратаку были брошены вторые эшелоны кавалерийских дивизий. Все пространство перед Беляевкой, Овидиополем и Маяками превратилось в поле ожесточенной, кровопролитной борьбы. Гитлеровцев уничтожали танками, самоходками, огнем артиллерии и всех видов стрелкового оружия, громили в конном строю.

Но немцы не отхлынули назад, не остановились, чтобы поднять руки,—они бросились к селу. Тысячи солдат, гонимые инстинктом спасения, увертывались от ударов, отстреливались и бежали к спасительному Днестру.

«Вы, вероятно, помните,— пишет мне бывший командир комендантского эскадрона капитан А. И. Яцкий,— как через Ваш окоп переходили немецкие солдаты, а мы их били. Как мы их били! Может быть, Вы не забыли, рядом с Вами были я и капитан Голиков». Конечно, мне запомнился этот случай, но он был мимолетен. Да, здесь было где развернуться удали казачьей. Были и такие места, где, как рассказывает в своем письме бывший командир огневого взвода 183-го артиллерийского полка лейтенант И. М. Дементьев, «казаки-кубанцы рубали шашками, потому что при такой свалке огонь из оружия вести опасно — своих можно было побить». Товарищ Дементьев вспоминает о сержанте Москятулине, уничтожившем в этом бою семь гитлеровцев; о рядовом Демченко, который достиг у сарая трех фашистов и в углу между стеной и плетнем изрубил их. Его ранило, а тут выскочил из-за сарая еще один немец и ударил его сзади автоматом. Они схватились. Демченко, падая, успел выхватить нож и одним ударом покончил с гитлеровцем.

Схватка на улицах Беляевки была лишь отзвуком затухающего боя. Наши части быстро оттеснили прорвавшиеся подразделения противника к болоту и разгромили их. Под угрозой уничтожения многие сдались в плен. Так крупная группировка противника была наголову разгромлена.

У одного убитого немецкого офицера в планшете был найден приказ генерал-полковника Холлидта командиру 72-го армейского корпуса особого назначения генералу инфантерии

фон Форстеру об обороне города Одессы. Ему было придано до двадцати пяти отдельных частей войск СС. Мое внимание привлекло то, что в плане обороны конно-механизированная группа значилась развивающей наступление на запад, на Тирасполь и дальше, а не в обход Одессы с запада. К приказу была приложена топографическая карта с нанесенной обстановкой этого корпуса и группировки войск 3-го Украинского фронта. Теперь мы знали, с кем будем иметь дело. Кстати сказать, это тот самый фон Форстер, который был назначен комендантом так называемого «укрепленного города Николаев».

«Генерал-полковник Холлидт слишком часто поощряет своих генералов за их поражения и удивительно последовательно опирается на сомнительный боевой опыт таких, как фон Форстер: не сумел организовать оборону Николаева, оборонял Одессу», — заметили по этому поводу генералы и офицеры штаба.

Когда командиры соединений доложили мне свой боевой и численный состав, невольно подумалось: каких невероятных духовных и физических сил потребуются от каждого воина, чтобы продолжать наступление. Ведь боевые задачи не учитывают потери, которые мы несем в непрерывных боях вот уже много суток подряд, не учитывают крайнего изнурения личного состава. И как бы услышав мой внутренний голос, командующий войсками фронта распорядился вывести четыре фронтовых самоходно-артиллерийских полка (1200, 1201, 1202 сап., номер четвертого не помню) в Карлсаль и передать их в мое подчинение. Это была, конечно, своевременная и реальная помощь. Нам предстояло решать целый ряд серьезных задач.

ОТЧАЯНИЕ ОБРЕЧЕННЫХ

«Генералу Плиеву. По-прежнему обязан благодарить Вас и ваши войска за победу. Ваша дальнейшая задача: внезапной атакой с тыла овладеть Одессой, после чего группа будет выведена в резерв для пополнения и заслуженного отдыха. Возбуждаю ходатайство перед Правительством

о присвоении Вам лично звания Героя Советского Союза. Уверен, что Вы это и в дальнейшем безусловно оправдаете. Желаю вашим войскам и Вам лично дальнейших успехов на благо нашей социалистической Родины.

8. 4. 44 г. Василевский».¹

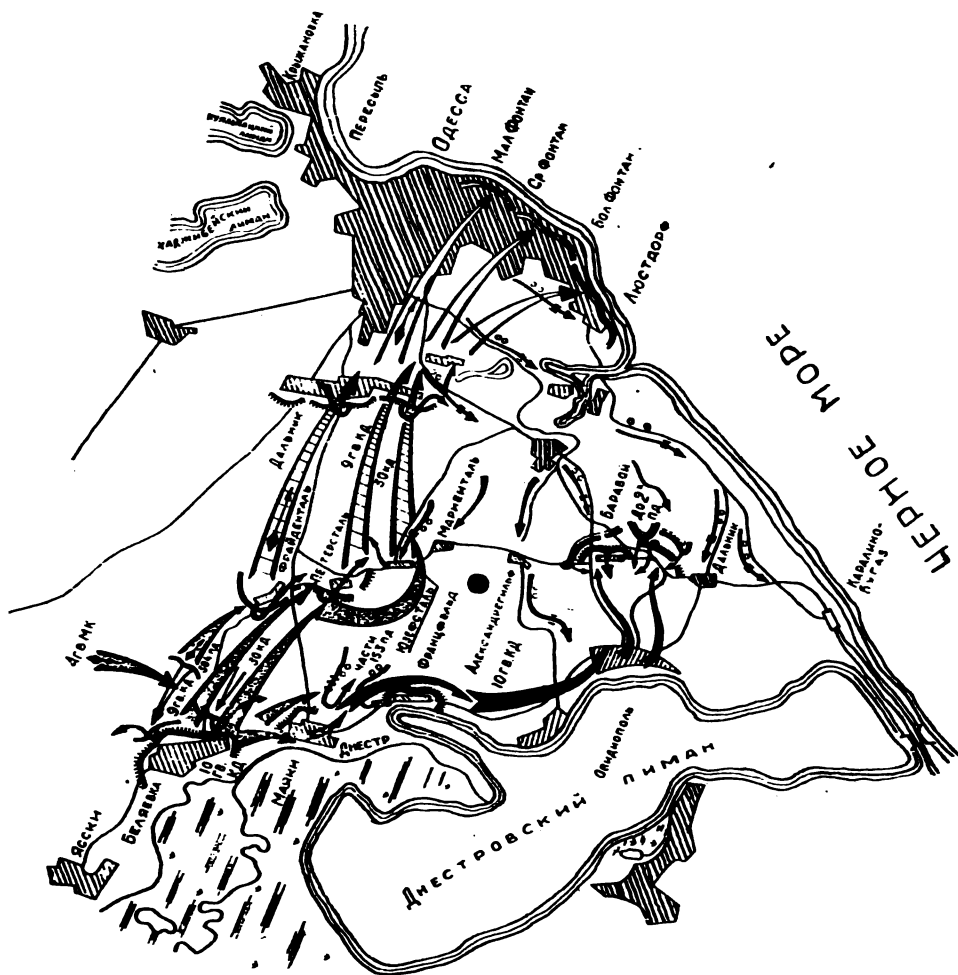
Эту телеграмму представитель Ставки Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский направил мне, когда ему было доложено о захвате Беляевки, Маяков и о спасении водокачки, этого крупного сооружения, снабжающего пресной водой город Одессу.

«...Внезапной атакой с тыла овладеть Одессой». Теперь эта задача превращалась как бы в сигнал начала штурма Одессы с запада, с глубокого тыла. До города оставалось не так уж далеко. Там ждали нас партизаны одесских катакомб, ждали героически перенесшие двадцативосьмимесячную оккупацию наши советские люди — жители города. И чем ближе подходили мы к Одессе — «красавице и героине», как назвал ее Демьян Бедный, тем больше говорили о ней. И всюду находились знатоки истории этого удивительного города. Им и доверялось читать в минуты затишья и привалов листовки об Одессе. Беседы получались живыми, интересными. Нашелся одессит и в эскадроне связи. Он читал казакам о том, что в 1789 году русские войска с помощью украинских казаков овладели крепостью Ени Дунья и поселением Хаджибей, навечно освободив живущих здесь славян от турецко-татарского ига, в которое они попали еще в XV веке. Потом одессит молча пробежал глазами текст, отметил ногтем, где остановился, и недовольно сказал:

— Это, конечно, так. Но назвать дату, когда основан город... Для других этого, может быть, и достаточно, а для Одессы — это значит не сказать ничего. Поселение Хаджибей только место, где «мама» Одессы — императрица Екатерина II родила свое чадо указом 1794 года. А поставил его на ноги... Кто бы вы подумали? Не знаете? Сам генерал граф Суворов-Рымникский. Он был первым строителем города и порта. Такое вам может рассказать только одессит.— Он взглянул на

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 32 063, д. 1, л. 37.

**ДЕЙСТВИЯ КОННО-МЕХАНИЗИРОВАННОЙ ГРУППЫ ПРИ
ОСВОБОЖДЕНИИ ОДЕССЫ.**

собеседников с видом явного превосходства и взяв из чьих-то рук закрутку, глубоко затынулся.— Я покажу вам шикарный дом с самыми белыми акациями и самым проклятым номером 13, где жил Саша Пушкин; покажу, где работал портовым грузчиком Максим Горький; в каких бойких местах горланил Володя Маяковский. Я проведу вас по знаменитой потемкинской лестнице, которая и сейчас пахнет кровью революционных матросов. Одесса столь знаменита, что любого великого мира сего называет по имени. Но был один человек, к которому Одесса обращалась по имени и отчеству — это был Григорий Иванович Котовский. Его конница на плечах белогвардейцев ворвалась в город 7 февраля 1920 года вдоль Николаевской дороги...

Казаки слушали сержанта-одессита с большим вниманием, затаив дыхание. Он и сам так ушел в свои переживания, что, не замечая нас, вдруг с душой завинтил крепкую одесскую фразу и закончил:

— И такой город опаскудили, сволочи! Имейте в виду, на то, как мы будем входить в Одессу, будут смотреть и наши знаменитые предки, и наши счастливые потомки. Так что имейте это в виду. Нам надо торопиться на Одессу.

Да, нам надо было наступать как можно быстрее. В городе все еще свирепствовали сигуранц и гестапо. Предпринимались последние попытки отправить через Каралино-Бугаз, расположенный в горловине Днестровского лимана, награбленные ценности. В те дни радио Антонеску, движимое чувством рабской преданности свастике, вещало: «Благодаря своим организаторским способностям (речь шла об Алексяну — И. П.) он сделал все возможное, чтобы оказать наиболее эффективную помощь Германии и принимал все меры к эвакуации всех богатств из этих районов в связи с развитием событий на восточном фронте.¹ Это крайне наглое признание первым услышал у нас по радио офицер — инструктор политотдела.

— Какой прекрасный материал для судебных органов. Ведь это не просто самодетельный грабеж; все организовано на высшем «научном» и государственном уровне. Такие признания не могут уже являться «смягчающим вину обстоятельством», — говорил он.

Мне хочется, забегаая вперед, сообщить читателю, что ре-

¹ Газета «Известия» от 9.4.44 г.

номэ профессора Александру привело его в конечном счете в румынский народный суд. Как известно, в 1946 году этот законченный фашист был казнен.

Но пока в Одессе шел дикий грабёж, насилия и убийства. Город был объявлен крепостью, которую по приказу фюрера надо было удерживать любой ценой. Командование противника создало довольно мощные укрепления на подступах к городу. Судя по документам, изъятым у убитого немецкого офицера, о которых уже упоминалось, с востока и с севера, по мнению генерал-полковника Холлидта, Одесса надежно прикрывалась заливом и лиманами, на перешейках которых были оборудованы глубокоэшелонированные рубежи обороны с противотанковыми рвами, минными полями, проволочными заграждениями, дотами, дзотами и прочими сооружениями. Подобные сооружения, но в несколько незаконченном виде, были на подходах города с северо-запада и запада.

Часа в два ночи 9 апреля штаб 3-го Украинского фронта уточнил задачу конно-механизированной группы. Нам предстояло частью сил овладеть и закрепиться в районе Овидиополя и Каралино-Бугаза, а главными силами к исходу 9 апреля «нанести удар на южную и западную части города Одессы и овладеть берегом от Люстдорфа до Мал. Фонтана».¹

Не теряя времени, все командиры соединений — начальники штабов и начальники политотделов немедленно выехали ко мне. По рабочей карте им были поставлены боевые задачи. 4-й гвардейский механизированный корпус свою задачу должен был выполнять во взаимодействии с 5-й отдельной мотострелковой бригадой полковника Завьялова. Мне показалось, что генерал Жданов тепло взглянул на комбрига, и они улыбнулись друг другу. «Значит, своевались», — подумалось мне.

Задача им ставилась такая: наступая через Петерсталь, Дальник, в тесном взаимодействии овладеть северной окраиной Татарки. С этого исходного рубежа решительно атаковать юго-западную часть города и в последующем выйти на побережье моря от Чубаевки до Малого Фонтана. Дивизия генерала Тутаринова пробивалась к исходному рубежу — центральной части Татарки — правее через Петерсталь, Ленинсталь, Дальник. Она должна была стремительно атаковать город в направлении Дерибасовка, Средний Фонтан.

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 32 063, д. 1, л. 38.

На правом фланге, в направлении южной части Татарки и Болгарских хуторов, наступала дивизия генерала Головского. С этого рубежа ее красная стрела пронзала позиции противника в районе совхоза Ульяновка и упиралась в побережье моря на участке Люстдорф, мыс Большой Фонтан. Весь ход событий вынуждал нас наступать на Одессу с запада и даже несколько с юго-запада на восток.

На Овидиополь и Каралино-Бугаз, как уже говорилось, была направлена усиленная 10-я гвардейская дивизия полковника Шевчука. С этой дивизией находился заместитель командира Кубанского корпуса генерал С. И. Горшков.

После серьезной неудачи под Беляевкой и Маяками противник значительную часть своих войск двинул северо-западнее и юго-западнее. На всем протяжении побережья Днестровского лимана и севернее, вплоть до Раздельной, с новой силой разгорелись жаркие бои.

Конно-механизированная группа, повернув от Беляевки и Маяков на восток к Одессе, а частью сил на Овидиополь, сразу начала воздействовать на всю одесскую группировку, на те войска, которые отходили через город на днестровские переправы, и на те, которым суждено было стоять там до последнего.

В городе и на западных окрестных дорогах возникло беспорядочное движение, в котором сначала трудно было разобраться. Данные нашей разведки поставили все на свои места и внесли необходимую ясность.

Некоторым нашим заранее высланным разведывательным группам удалось проникнуть в Одессу и даже связаться с партизанами. Из поступающих сведений стало известно, что немецкие и румынские войска, отходящие под ударами 6-й, 5-й ударной и 28-й армий нашего фронта, отступая, круглосуточно и безостановочно проходят через город, главным образом к дорогам на Овидиополь, Маяки, Беляевку и севернее. Проходящие через город гитлеровцы врывались в дома, грабили и насиловали жителей. Надо было торопиться на помощь дорогим нашим одесситам.

...Словно какое-то наваждение, утром над плато Причерноморья разразилась весенняя гроза. Она щедро окропила землю, развезла дороги, до нитки промочила людей и исчезла, открыв небо действиям вражеской авиации. И снова над боевыми порядками конно-механизированной группы бешено металась крылья со свастикой. Надеясь на относительную

безнаказанность, стервятники действовали довольно нагло. Эта наглость была, очевидно, расценена Гитлером как образец воинской храбрости. Мне хорошо помнится, что в нашем распоряжении побывал захваченный разведчиками (кажется, при разгроме штаба в Беляевке) документ, в котором до сведения командиров соединений доводился приказ фюрера о награждении командующего 4-м воздушным флотом Германии (в него входили 1-й и 8-й авиакорпуса) генерала авиации Дехлоса за успешные действия над воздушным пространством «Транснистрии». Штаб этого флота дислоцировался в Перемышле. В полосе 3-го Украинского фронта действовал и румынский авиационный корпус.

Наши действия прикрывал, вернее, должен был прикрывать 9-й смешанный авиакорпус под командованием генерала Толстикова. В его распоряжении находились две дивизии штурмовой и одна дивизия истребительной авиации. Наряду с другими боевыми задачами на этот корпус возлагалось «прикрывать с воздуха патрулированием истребителей боевые порядки войск фронта, сосредоточивая главные усилия на прикрытии подвижной группы войск генерала Плиева». Не знаю, в какой мере были выполнены другие задачи, что касается прикрытия с воздуха войск нашей группы, то... впрочем, пройдет много лет, и в Одессе на военно-исторической конференции, посвященной 20-летию освобождения города-героя от немецко-фашистской оккупации, генерал Толстиков скажет: «Наши истребители ввиду непригодности аэродромов и чрезвычайно плохих метеоусловий не могли надежно прикрыть подвижную группу Плиева. Между тем противник, взлетая в основном с хорошо оборудованных аэродромов, имеющих взлетно-посадочные полосы, безнаказанно действовал по войскам подвижной группы, находившейся в его оперативном тылу».¹

В моей памяти 9 апреля 1944 года остался как день, который принес и огорчения и бурную радость решающей победы. Оба эти чувства жили во мне одновременно, так как в одно и то же время происходили события, их порождавшие. Все началось утром, когда конно-механизированная группа вышла к рубежу Фрейденталь, Петерсталь, Юзефсталь.

Эти пункты расположены в долине некогда полноводной

¹ Сокращенная стенограмма военно-исторической конференции, стр. 21.

реки Барабой. Теперь рекой ее не назовешь, но долина вполне солидная, и на ее скатах до самого моря тянутся хутора и села. Отчаянное упорство и огневое бешенство, с которыми противник встретил нас здесь, были понятны. Вражеское командование, боясь полного и, так сказать, плотного окружения одесской группировки (а захват нами Овидиополя и выход к Одессе с запада в его глазах именно это и означал), начало отвод всех своих войск из города. Об этом говорили сведения и показания пленных. Об этом говорил и ход боевых действий 9 апреля. Когда мне вспоминаются слова Маршала Советского Союза Малиновского, сказанные им несколько дней позже о том, что «у конно-механизированной группы генерала Плиева особая военная судьба, с нее особый спрос», то перед моим мысленным взором всплывает именно этот день — 9 апреля, а вернее, последние сутки, когда наша военная судьба приготовила нам самые тяжелые испытания, самые знаменательные победы.

...Бой в долине Барабой вспыхнул словно молния, мгновенно и ярко. Из лесопосадки, где расположился наш пункт управления, мы наблюдаем за его развитием и перебрасываемся мнениями.

— Если Жданов не ворвется в Петерсталь, то может возникнуть угроза...— произносит генерал Пичугин и умолкает, что-то обдумывая.

— Угроза?..— иронизирую я.— Грозить — право сильнейшего. А в этом упорстве противника есть что-то от зайца, который в схватке с орлом ложится на спину и с отчаянием обреченного бьет «супостата» задними лапами быстро и сильно. Но говорить в этом случае о затажном бое...

Мне было, однако, ясно, что Петерсталь с ходу взять будет трудно. Дивизия генерала Тутаринова тоже имеет мало шансов на быстрый успех. «А что, если обойти этот рубеж с юга, хотя бы для этого потребовалось спуститься к самому морю?». Эта мысль, возникнув, сразу же оформилась в решение.

— Владимир Иванович,— обратился я к комкору,— перегруппировку следует провести по ходу наступления на Одессу. Продолжайте решительно выполнять свою задачу в прежнем направлении. Поддерживайте тесное взаимодействие с генералом Тутариновым. Ему будет отдано необходимое распоряжение. 30-я кавалерийская дивизия совершает широкий маневр для удара на Татарку через Маринталь.

Командир 30-й Краснознаменной кавдивизии, когда я к нему прибыл, готовил очередную атаку вражеских позиций.

— Прорвемся? — спросил я у него.

— Сделаем все, что от нас зависит, — уклончиво ответил Головской, и мне почему-то показалось, что ответил он слишком неуверенно.

— Так обычно отвечает хозяин состарившегося жеребца, к которому привели на случку молодую кобылицу, — мгновенно выпалил я и, взглянув краем глаза на комдива, понял, что следует точнее выразить свою мысль. — Если ты уверен в успехе — атакуй, а коли сомневаешься, будем совершать обходный маневр через Мариенталь и юго-восточнее.

— Маневр через Мариенталь, — коротко ответил Василий Сергеевич.

— Хорошо, с твоей дивизией пойдет моя оперативная группа и резерв группы.

— Понял, товарищ командующий.

Может возникнуть вопрос: оправдан ли этот маневр? Ведь одна дивизия группы действует в районе Овидиополя, теперь еще одна дивизия и резерв группы начинают действия на относительно самостоятельном направлении. Правильно. Но дело в том, что противник в данном случае не ставит перед собой задачу разгромить конно-механизированную группу. У него на вооружении иные категории войны: эвакуация, прикрытие, отход... Короче — он весь поглощен стремлением спасти одесскую группировку. К тому же, когда меня осенила мысль осуществить более глубокий обходный маневр, мне вдруг представилось, что командование противника выделяет достаточное количество войск для прикрытия только тех направлений, где возникает наибольшая опасность. Эти направления уже определились, и я был уверен, что в промежутках между ними находятся менее сильные боевые заслоны и прикрытия войск. Конечно, если бы противник почувствовал, что направление действий наших войск меняется, он сразу бы среагировал на это. Вот почему главным силам была оставлена прежняя задача. Более того, мы имитировали переброску 30-й кавдивизии в район Петерсталь. Конно-механизированная группа, действуя на более широком фронте, перехватывала все дорожные направления, даже полевые дороги на путях отхода противника за Днестр. Наконец, рассредоточение нашей группировки на большом пространстве уменьшало эффективность действия вражеской авиации.

...Полки устремились к югу, на Мариенталь. Впереди боевых порядков двигались танки и самоходки, а усиливая их огневую мощь, в передовых линиях шли истребительно-противотанковые дивизионы, батареи МЗА, подразделения ДШК, части реактивных минометов «Катюш». Внушительная картина боевых порядков отражалась на лицах бойцов. Рядом с нами двигались орудийные упряжки артбатарей старшего лейтенанта Мюсина и лейтенанта Калоева. Уже миновали отдельные хаты на дальнем склоне, а противник все молчал. Я ждал, что вот-вот злобно залятся пулеметы, ударят орудия. Передние эскадроны вслед за танками достигли крутого спуска, а Мариенталь безмолвствовал. Стало ясно, что теперь даже огненный ураган не остановит нас. Не задерживаясь в Мариентале, дивизия устремилась на Болгарские хутора, которые являлись как бы продолжением на юг большого пригородного села Дальник.

Столь стремительное и совершенно неожиданное для противника развитие событий подстегнуло генерал-полковника Холлидта с отводом войск из Одессы. Действительно, судя по захваченным нами приказам, он почти одновременно получил донесения и о захвате казачьими частями Овидиополя, и о появлении их в районе западных пригородов Одессы. А если иметь в виду, что ему, очевидно, было известно об ожесточенном бое, развернувшемся в районе Петерсталь, то можно предположить, что большой пространственный охват района боевых действий, предельное ожесточение, огромные потери, которые несли его войска в этих боях, убедили командующего неудачливой «армии мстителей», что надо немедленно покидать Одессу, ночью будет уже поздно. Ведь он и его соратники имели достаточно большой и достаточно печальный опыт «ночных свиданий» с конно-механизированной группой. То, что подобный ход предположений был правильным, показали дальнейшие события.

В этих условиях очень важно было организовать прочную оборону в районе Овидиополя и Александрегильф. К сожалению, после первого сеанса радиосвязи, когда генерал Горшков доложил мне, что оба эти пункта захвачены и дивизия переходит к их обороне, начались перебои в радиосвязи с 10-й гвардейской дивизией. В душе моей родилось чувство неясной тревоги и беспокойства. Дело в том, что по прибрежной дороге туда отходило большое количество частей и подразделений

противника, а главные силы конно-механизированной группы все время удалялись от Овидиополя на восток к Одессе.

Еще на подходе к Болгарским хуторам на нас навалилась штурмовая авиация генерала Дехлоса. Двадцать два «Юнкерса-87» вбивали в наши боевые порядки свой смертоносный груз и улетали. Через 20—30 минут появлялась новая партия штурмовиков. А в промежутках между бомбо-штурмовыми ударами — атаки пьяных, лезущих напролом через наши боевые порядки гитлеровцев. Такие столкновения очень яростны и кровопролитны. Дерутся все, вплоть до раненых. Каждый шаг вперед добывается огнем и кровью. Несколько раз налеты «Юнкерсов» захватывали нас в тот момент, когда, сломив встречную атаку, мы на плечах немцев рвались вперед. Тогда вражеская авиация бомбила и расстреливала с таким же остервенением и своих, и чужих. Но не это было главным источником наших горьких дум. Перед нами открылась панорама горящей Одессы. Мы не видели той светлой улыбки Одессы, которая всегда пленяла поэтов и писателей. Над истерзанным городом клубился черный дым пожарищ, слышались, как тяжкий стон, взрывы на заводах, складах, портовых пакгаузах. Мы не видели стройных рядов пирамидальных кленов и каштанов вдоль ее пригородных дорог. По ним густым, мутным потоком двигалось воинство Гитлера и Антонеску.

Мне казалось, что угрозы и осложнения в связи с выходом 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии и резервов группы в тыл противника, противодействующего наступлению главных сил конно-механизированной группы, вызовут характерную для таких положений реакцию — отход. Но увы, это последовало не сразу.

Командиру корпуса генералу Жданову и комдиву генералу Тутариннову направлялись энергичные боевые распоряжения с требованием: смелой и дерзкой атакой сломить сопротивление противника и выйти в район села Дальник. В ответ поступали короткие донесения о кровопролитных боях, о том, что противник несет тяжелые потери, но быстро восполняет их за счет отходящих из Одессы новых сил. И как пример отчаянного упорства был, помнится, приведен такой случай. Наши танки и мотопехота ворвались в населенный пункт. Бой пришлось вести за каждый дом, боеприпасы быстро таяли. Три танка, командирами которых были офицеры Клушин, Федотов и Пахомкин, вели бой в центре села. Они смело манев-

рировали, уничтожая гитлеровцев огнем орудий и пулеметов, давая их гусеницами. Неожиданно для них горючее кончилось. Танкисты, а их было двенадцать человек, объединились и заняли около своих танков круговую оборону. Я не помню подробностей этого неравного боя, но знаю, что героические экипажи предпочли смерть позорному плену. Они дрались до последнего патрона и погибли в последней атаке.

Отчаянное упорство, с каким дрались части противника в районе Петерсталь, то, что даже выход в их тыл усиленной кавалерийской дивизии и возникшие в связи с этим опасные угрозы не принудили их к отходу, объяснялось просто: отходить им было некуда. С севера, от верховья Хаджибейского лимана, угрожающе надвигался гул ожесточенного боя. Оттуда под ударами 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова медленно откатываются на Петерсталь немецкие дивизии, которые не смогли прорваться на северо-запад. Они наваливаются на наши фланги и тылы. Южнее, по всем дорогам, идущим вдоль побережья на Каролино-Бугаз, отходит одесская группировка немцев. Значит, там с востока надвигаются 6-я и 5-я ударная армии нашего фронта. Отступать некуда, обреченность...

Петерстальские части имели приказ стоять насмерть, чтобы обеспечить спасение главных сил 6-й немецкой армии. Командование «армии мстителей» поняло, что наиболее непосредственная опасная угроза надвигается со стороны конномеханизированной группы, прорвавшейся к Одессе с запада, — с их оперативного тыла и с самого уязвимого направления.

Около 16.00 часов генерал Жданов доложил, что противник непрерывно атакует его бригады со стороны Ленинсталь. Я взглянул на рабочую карту. «Все-таки обходный маневр дивизии Головского заставил попятиться части противника, оборонявшиеся перед 9-й гвардейской, а это в свою очередь вывело ее в выгодное, фланговое положение по отношению к группировке, удерживающей район Петерсталь, Ленинсталь». Фланговый удар оправдывался всем ходом операции и должен был решить судьбу оборонительного рубежа Фрейден-таль, Петерсталь, Юзефсталь.

— Передайте мое боевое распоряжение генералу Тутаринову: частью сил атаковать во фланг противостоящего вам противника. Эту атаку поддержать артиллерией мехкорпуса. В дальнейшем стремительным наступлением сталинградцев

во взаимодействии с 9-й гвардейской кавалерийской дивизией овладеть населенным пунктом Дальник и с его рубежа ворваться в Одессу в указанном корпусе направлении.

Между тем положение 30-й кавалерийской дивизии все больше и больше осложнялось. На нас навалились крупные силы пехоты, поддержанные артиллерией, танками и авиацией. Все наши огневые средства работают, что называется, на расплав стволов. То тут, то там вспыхивают яростные ближние бои, доходящие до рукопашных схваток. Во второй половине дня на всем протяжении западной и юго-западной окраин Одессы повалил сплошной поток войск противника. По дорогам, балкам и долинам и просто напрямую через поля движутся густые колонны пехоты, артиллерии, танков, автомашин... Вести наблюдение в ходе управления боем было трудно: то отвлекали прорывающиеся немецкие автоматчики, то налеты вражеской авиации, то длинные пулеметные очереди, то и дело срезавшие ветви над головой. Всюду шли ожесточенные бои. И в тот момент, когда наши полки в страшном порыве, наседая на боевые порядки отходящего противника, ворвались на улицы Татарки, с тыла показались быстро приближающиеся колонны румын и немцев.

Время уже клонилось к вечеру, люди едва стояли на ногах, и эта новая контратака с тыла была явно некстати. Майор Костылев вновь быстро развернул свои батареи, оказавшиеся у дороги. Он не успел еще сделать огневого налета, как колонны словно по какому-то сигналу свернули с дороги на юг. Огонь прямой наводки разбросал их по полю. И тут же далеко сзади, на гребне высоты, показались боевые порядки кубанцев: впереди танки, а за ними кавалерийские эскадроны. «Прорвали! — быстро текут мысли. — Значит, у нас в тылу оказались части противника, сбитые соединениями генералов Жданова и Тутаринова. Прекрасная возможность использовать дивизию Тутаринова для развития успеха, чтобы быстрее ворваться в Одессу. Пожалуй, сейчас эта возможность созрела. Немцы не обороняются, они идут на юго-запад, прут, как огромное стадо, гонимое разбушевавшейся стихией лесного пожара. Но ворваться в город значило бы пропустить значительную часть этих войск за Днестр. Будет ли захват юго-западной части города наилучшим образом способствовать разгрому одесской группировки противника в условиях, когда ее главные силы имеют перед собой цель не оборону города, а покидают его и отходят на рубеж западного берега Днестра?

Может быть, в первую очередь надо вести бой на разгром отходящих войск».

Такой ход мысли диктовался конкретно сложившейся обстановкой. Генералу Тутаринову было приказано с ходу овладеть селом Татарка, развить удар на юго-восток и во взаимодействии с 30-й кавалерийской дивизией разгромить скопления войск противника в пространстве между Сухим лиманом и Одессой.

Командиры полков 9-й гвардейской кавдивизии видели, что казаки 30-й дивизии ведут напряженный бой с численно превосходящими силами противника. Они доложили об этом командиру дивизии. Быть может, со стороны действительно казалось, что дивизию Головского вот-вот сомнут. Но это только казалось. Дивизия чувствовала себя прочно и уверенно. Массированным огнем всех видов оружия, особенно шрапнельным огнем артиллерии прямой наводки громила она нахлынувшую на нее лаву вражеских частей. Это была страшная картина. Один немецкий солдат, чудом оставшийся живым, выронил автомат, схватился за голову и остановился. Он стоял среди неистового артиллерийского и оружейно-пулеметного огня, словно решал, куда пойти. Потом вдруг качнулся и, странно петляя, побрел в нашу сторону. Немецкий солдат шел и тихо смеялся, облизывая обветренные губы: он сошел с ума.

Мы принимали необходимые меры, чтобы получить сведения об оперативной обстановке нашего фронта, сложившейся к вечеру 9 апреля, но пока мы не могли с уверенностью сказать, где находится центр тяжести боев в районе Одессы. Однако, судя по тому, с каким отчаянием сплошные массы войск рвутся через наши боевые порядки на запад, у нас сложилось впечатление, что в наиболее тяжелых условиях ведут бои войска конно-механизированной группы.

С большим интересом я листаю сейчас боевые донесения штаба фронта, которые скупными и точными словами указывают место и роль каждой армии в боях за Одессу. Вот передо мной боевое донесение, в котором дается положение войск фронта на 17.00 и 22.00 9 апреля.¹ Армии правого крыла фронта вышли к реке Кучурган. Дальнейшее их продвижение на запад, как указывалось, противник «сдерживал огнем всех ви-

¹ Архив МО СССР, ф. 3 УФ, оп. 2900, д. 758, л. 94, 95.

дов оружия, предпринимая на отдельных направлениях контратаки».

Армии, нацеленные непосредственно на Одессу, имели различное положение. Вслед за конно-механизированной группой в пространстве между Днестром и Хаджибейским лиманом наступали справа 8-я гвардейская и слева 6-я армии. К вечеру они установили между собой тесное взаимодействие и, судя по донесению, вели бой: армия генерала В. И. Чуйкова — на рубеже в 4 километрах севернее Беляевки, южной окраины Красный Маяк, перед населенными пунктами Доброжабово, Березень, Октябрь; войска генерала И. Т. Шлемина овладели станцией Дачное и селом Холодная Балка у берега лимана. Ширина полосы наступления у армии генерала Чуйкова была раза в два больше, чем у его соседа. Мы, конечно, предположительно знали, что эти армии уже близко, так как на наш левый фланг и тыл начали наваливаться отходящие перед ними части противника. В общем, конно-механизированная группа оказалась в положении, когда, продвигаясь вперед, надо было вести полные крайнего напряжения кровопролитные бои на все триста шестьдесят градусов на земле и принимать на себя массированные удары штурмовой авиации 4-го воздушного флота немцев с воздуха. 5-я ударная и 28-я армии, наступающие с востока, находились, пожалуй, в более благоприятных условиях: слева — море, справа — Куяльницкий лиман, впереди противник и очень узкий фронт наступления. Их войска уже вечером вели бои на улицах пригорода Пересыпь.

Всю ночь ни на минуту не утихали бои. Всю ночь соединения группы громили, раскалывали, расчленили и распыляли отходившие из Одессы потоки войск противника. Перед утром 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус завязал напряженные бои за Дальник. К этому времени гвардейцы Кубанского корпуса громили колонны немцев вдоль западной и юго-западной окраин Одессы. Воспользовавшись тем, что мы продвинулись от дороги, огибающей Сухой лиман, по ней за нашей спиной двинулась колонна противника, насчитывающая около четырехсот автомашин с самоходной артиллерией и танками. Они двигались неторопливо и молча, хотя могли на ходу обстреливать наши боевые порядки и тем самым помочь своим издыхающим румынским частям. По их поведению было видно, что им наплевать на гибнущих собратьев по оружию.

Связавшись с генералом Ждановым, я коротко ориентиро-

вал его в обстановке и приказал частью сил корпуса атаковать эту колонну. Чтобы выиграть время, Владимир Иванович бросил вперед подразделение танков и самоходных установок с десантом пехоты. Этот сводный отряд выскочил к голове колонны и с ходу атаковал ее. Гитлеровцы бросились врассыпную, но, попадая под пулеметный огонь танков, самоходок и десантников, были почти полностью истреблены. Однако середина и хвост колонны, поняв, что «по-мирному» уйти не удастся, повернули влево и предприняли попытку атакой с тыла прорваться к морю через боевые порядки кавалерийского корпуса и уйти за Днестр по приморской дороге. Обстановка осложнилась настолько, что атаке подвергся даже штаб группы. Здесь же оказались санитарные эскадроны с ранеными. Драться пришлось буквально всем с автоматами в руках. А когда с тыла ударили бригады генерала Жданова, части немецкой дивизии стали сдаваться в плен.

Теперь надо было во что бы то ни стало захватить всю юго-западную часть города, где уже дрались наши усиленные передовые отряды. «Что сделать, чтобы эти предельно уставшие, но поистине легендарные герои нашли в себе силы на очередной, быть может, самый трудный бросок вперед, в атаку на Одессу?» — думал я. Единственное и верное решение — развернуть священные гвардейские боевые знамена полков, бригад и дивизий, в боевых порядках войск.

...Эта атака представляла собой грандиозное зрелище. Кавалерийские дивизии, перестроившись в ходе боя в один эшелон и выдвинув в боевые порядки все танки, самоходные установки, артиллерию, пулеметные тачанки, все штабы и даже санитарные эскадроны — словом, все, буквально все — рванулись в конном строю вперед.

Такое построение боевого порядка диктовалось тем, что непосредственно на западной окраине Одессы серьезных оборонительных рубежей у противника не было. Нам предстояло сбить, рассеять и разгромить отдельные части и подразделения, движущиеся по дорогам вдоль окраины города и по побережью моря.

Огромная лавина гвардейцев-кубанцев перевалила через железную дорогу и устремилась к лесопосадке. Стоя в своем «виллисе», я вижу, как призывно полощется на ветру боевое знамя 34-го гвардейского полка. Мой взгляд выхватывает из общей массы танк «Шермен», на правом крыле которого сидит командир танкового полка в черной кожанке с погонами

и в кубанке, надвинутой на глаза. Он только перед Беляевой принял полк. Почему-то стараюсь вспомнить его фамилию и не могу. Совсем рядом замечаю подполковника Костылева, за нами по пятам идет одна из батарей его полка. Немного поодаль, повернувшись к офицерам своего штаба, скачет полковник Турчанинов. Мне кажется, что Михаил Васильевич, как всегда, вежливо и совершенно спокойно говорит им: «Напоминаю, что с выходом на море вы должны разъехаться по полкам и помочь организовать закрепление рубежа на побережье в специфических условиях крупнейшего населенного пункта», или что-либо в этом духе. Работать он умел, как, впрочем, большинство «рейдовых» офицеров, в любых сложных условиях и даже во время атаки. Где-то устремились в атаку генерал Тутаринов и генерал Головской — они ведут свои дивизии в последнюю на украинской земле казачью атаку — страшную своим смелым и дерзким порывом и прекрасную своей одухотворенностью.

Когда атакуешь, то несмотря на рев моторов, всеохватывающий гул тысяч копыт, громовое «ура-а» воинов, стрельбу, хорошо слышны каждая пулеметная очередь, каждый оружейный выстрел противника. В первый момент огонь немцев оказался довольно плотным. Прямым попаданием противотанкового снаряда сорвало башню танка «Шермен», на котором только что сидел новый командир полка. Тело его чудом несколько секунд держалось на крыле. Но над кожанкой с погонами не было удалой головы с кубанкой, надвинутой на глаза. Эти английские танки у нас называли «братская могила четырех», до того они были ненадежны. Вот, вскинув руки, свалился с коня чубатый казачина. Я на мгновенье оглядываюсь. Казак вскакивает, его тут же на ходу подхватывает кто-то из товарищей и, сбавив ход, усаживает впереди себя. Падает, словно споткнувшись, конь ординарца подполковника Гераськина. Он умудрился остаться на ногах и побежал вперед, сильно припадая на раненую ногу. Может быть, он видит, как, цепляясь за гриву коня, медленно сползает с седла подполковник Гераськин. К нему успевает подскочить старший лейтенант Куев — командир 4-го эскадрона. В своем письме он так рассказывает об этом случае: «...я бросился к нему. Гимнастерка была в крови. Пуля пробила ему грудь, другая прошла сквозь мякоть подбородка. Командира полка отнесли в первый дом на окраине Одессы».

Пули зло высвистывают свою короткую песню смерти. Им

аккомпанируют взрывы снарядов. На мгновение конно-танковая лава смешивается с массами растерявшихся солдат противника, и поле сразу же покрывается трупами гитлеровцев. (Это был арьергардный полк немецкой дивизии). Затем она врывается на улицы Одессы. Особенно удачной была атака конницы генерала Головского. Ее удар пришелся по главным силам отходящей дивизии немцев, и они сдались в плен.

Удар вовремя подошедшего 4-го гвардейского мехкорпуса с полками 5-й отдельной мотострелковой бригады наносился как бы уступом влево. В основном атака осуществлялась танками с десантами автоматчиков и была проведена стремительно и неотразимо. Но по улицам города пробиться к морю оказалось не так-то просто. Все они были забиты автомашинами, повозками и самым разнообразным военным, а более всего гражданским имуществом. Много горящих машин, боевой техники, военного имущества.

После полудня я доложил командующему войсками 3-го Украинского фронта, что свою боевую задачу войска конно-механизированной группы выполнили. В это время армии генералов В. И. Чуйкова, И. П. Шлемина, В. Д. Цветаева и партизанские отряды уже ворвались в северную часть города.

Конно-механизированная группа заняла всю юго-западную часть города от Малого Фонтана и Чубаевки до Люстдорфа. Один полк продолжал удерживать южную часть села Татарки. Казаки быстро освоились в утопающих среди роскошных каштанов, кленов и лип многочисленных зданиях санаториев и домов отдыха, тянувшихся вдоль побережья моря от Большого Фонтана до Люстдорфа. Попад «с корабля на бал», части начали приводить себя в порядок. Условия были поистине сказочные — мы занимали зону одесских курортов. Некогда эта живописная территория города была застроена роскошными дачами-особняками одесской буржуазии, обнесена каменными заборами с черными чугунными воротами. И только Советская власть превратила эти места в здравницу трудящихся. Говорят, что маршал Антонеску объявил всю курортную зону чуть ли не своей собственностью, но воспользоваться ее благами он не успел. Все санатории и дома отдыха были до последнего времени забиты ранеными немцами и румынами. Может быть, поэтому грабители не сумели растаскать здесь все до последней дверной ручки, как это они обычно делали. Но наиболее ценное оборудование и мебель были вывезены.

Казаки удивились, когда узнали, что не оправдались их надежды — увидеть на побережье моря ансамбли красивых фонтанов. Ведь в приказах, знали они, говорилось о Малом, Среднем и Большом фонтанах, разбросанных в южной части города. Кубанцы — народ любознательный, и они быстро развели, что давным-давно, когда еще не было водопровода, жители пользовались источниками подпочвенных вод, они-то и были названы фонтанами. А теперь на месте, например, Малого фонтана оказалась площадь Аркадиевского курорта.

Было еще не поздно, и мне не терпелось воспользоваться короткой паузой, пока части приводят себя по тревоге в порядок, — а из штаба фронта ожидался новый приказ, — проехать по главным улицам Одессы до морского порта.

Стояла пасмурная погода, с моря дул сырой порывистый ветер. Улицы заволкло дымом пожарищ. Всюду следы разбоя. На дорогах вереницы разбитых автомашин и орудий, кое-где догорающие танки и самоходки и очень много бензобочек. Московская улица. Здесь тянутся дымящиеся руины заводских зданий. Через провалы заборов и взорванных стен корпусов видны пустые цеха. Много станков и оборудования валяется во дворе. Видимо, противник не успел их вывезти. Мне хотелось взглянуть на знаменитое здание оперного театра. Мы еще поколесили по каким-то улицам и, наконец, оказались на площади перед театром. Рядом горят два дома. У здания театра стоят желтые треугольные таблички «Опасно — мины!» Около него и внутри работают саперы. Командир саперного подразделения рассказывает, что немцы подложили под здание мины и взрывчатку, но взорвать театр не успели. Быстрое продвижение 248-й стрелковой дивизии под командованием полковника Галая спасло для потомков это уникальное произведение зодчества. Кстати, если вы спросите любого одессита о театре, он обязательно начнет с того, что построили его русские и украинские мастера. Наш случайный гид, старик одного из соседних домов, с этого и начал. Слушая его, мне казалось, одесситы чем-то очень похожи друг на друга. Узнав, что театр строили русские и украинские мастера, я спросил словоохотливого старика, кто архитектор проекта здания.

— Вы мне дайте сто тысяч проектов и ни одного выдающегося мастера — здание не будет построено, — мягкой скороговоркой ответил он, но видя, что я не удовлетворен ответом, пожал плечами и как бы между прочим добавил: — Почему

я должен знать, кто архитектор? Какие-то два одессита из Вены Фельнер и Гельмер. И пусть меня кто-нибудь убедит, что это чистокровные австрийцы, ха-ха!

Мы с интересом смотрели на это красивое своеобразное здание, главный фасад которого украшен четырехугольным двухъярусным портиком и живописными скульптурными группами наверху. Преобладание стиля венского барокко опровергало утверждение нашего собеседника и подсказывало подданство авторов.

— Вы знаете,— говорит между тем старик,— когда в этом театре пел Федя Шаляпин, знаменитая на всю планету бронзовая люстра качалась. И как бы вы думали, сколько она весит? — Я много слышал об этом театре — центре украинской культуры, но мне не хотелось перебивать добродушного старичка.— На взгляд, дунешь — полетит, на вес — тонна с одесским гаком.

Мы возвращались в поселок пригородного совхоза Ульяновка, где расположился штаб конно-механизированной группы. На одной из улиц его мы встретили подразделение партизан. Среди них я увидел несколько солдат в форме чехословацкой армии и вспомнил Мелитополь, конец октября 1943 года и переход 1-й словацкой пехотной дивизии, которую гитлеровцы называли «дивизия — быстро домой». Тогда на нашу сторону перешли только боевые части, находившиеся главным образом в первом эшелоне боевых порядков. Мы остановились. Это оказалось подразделение объединенного отряда, базировавшегося в одесских катакомбах. Кстати, мне довелось заглянуть в один из партизанских входов в катакомбы. Это небольшое, тщательно замаскированное отверстие среди развалин на пустыре. А вообще катакомбы представляют собой длинные, широко разветвленные подземные ходы под городом и его окрестностями. Катакомбы образовались в результате бессистемного добывания строительного камня, так называемого ракушечника-известняка, из которого построено большинство старых зданий города. Встретившиеся нам словаки оказались из той самой 1-й словацкой пехотной дивизии. Мне рассказали, что подразделения второго эшелона и тылы этой дивизии были сразу же отведены из прифронтовой полосы в Кривой Рог, а затем переброшены в Одессу. Осенью 1943 года сержант Кончетти установил связь с командованием партизанской республики. Словацким друзьям было поручено доставлять оружие, боеприпасы, вести разведку, выполнять роль

связных между отрядами. Комендант города, подозревавший словаков в связях с партизанами, решил отправить их часть в Тирасполь. В тот же день сержант Кончетти предложил полку в полном составе перейти на сторону партизан. Связавшись со штабом партизанского движения города, словаки ночью спустились в катакомбы. Кончетти был назначен командиром этой первой партизанской части.

— Передайте товарищу Кончетти мой дружеский привет,— сказал я, прощаясь со своими новыми товарищами.

Словацкий солдат печально пожал плечами и с приятным мягким акцентом печально произнес:

— Наш командир, как это сказать, фчэра помьер.

— Кончетти, товарищ генерал, вчера в бою был ранен в грудь навылет. Говорят, что уже скончался,— объяснил командир подразделения.

Сказано это было с чувством глубокой скорби, которая невольно передалась и мне. Мы потеряли близкого друга, брата по крови и убеждениям.

Поздно вечером мы сидели у нашей боевой рации и слушали сообщение Совинформбюро. Отовсюду сообщались успехи Советской Армии. А вот и о наших боевых делах: «Войска 3-го Украинского фронта сегодня 10 апреля в результате умелого обходного маневра пехоты и конно-механизированных соединений в сочетании с фронтальной атакой овладели важным хозяйственно-политическим центром страны, областным городом Украины и первоклассным портом на Черном море — Одесса, мощным опорным пунктом немцев, прикрывающим пути к центральным районам Румынии...» Мы отсчитали двадцать четыре залпа из триста двадцати четырех орудий, которыми столица нашей Родины чествовала освободителей Одессы.

В полночь 10 апреля было, наконец, получено боевое распоряжение штаба фронта. «Группе Плиева,— говорилось в нем,— во взаимодействии с 8-й гвардейской армией уничтожить отходящие на Овидиополь колонны противника и к утру 12.4.44 г. выйти на побережье Каролино-Бугаз, Ильичевка».¹ ...Генералу Чуйкову ставилась идентичная задача, но с выходом на берег Днестровского лимана на участке Беляевка, Овидиополь, Каролино-Бугаз. Таким образом, конно-механи-

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 32063, д. 1, л. 45.

зированной группа направлялась на юго-запад вдоль побережья Черного моря, а 8-я гвардейская армия по тем местам, где мы шли на Одессу, только в обратном направлении от Одессы на запад.

Наступление к Днестровскому лиману, как мне казалось, будет в значительной мере облегчено тем, что Овидиополь удерживает наша 10-я гвардейская кавалерийская дивизия. Штаб группы так и не смог связаться с генералом Горшковым, поэтому мы, естественно, толком не знали обстановку на этом участке. Предполагая, что радиостанции 10-й гвардейской дивизии по различным причинам выбыли из строя, немедленно приказал направить в дивизию офицера, чтобы уточнить обстановку и передать боевое распоряжение. Генерал Пичугин поручил это помощнику начальника оперативного отдела майору Морозову. Этот храбрый и предприимчивый офицер часто с успехом выполнял сложные и опасные задания, но на этот раз боевая удача не сопутствовала ему.

Сопровождавшие его казаки привезли тяжело раненного в голову майора и доложили, что пробиться или просочиться не удалось, так как отошедшие с севера колонны немцев заняли оборону по высотам за речкой Барабой. В районе села Барабой слышна напряженная стрельба из всех видов оружия. Не смог выполнить эту задачу и 3-й эскадрон капитана Н. Н. Василевича. Боевой комэск тяжело переживал неудачу. Теперь мы ждали, когда вернется кавалерийский дивизион капитана А. А. Марченко. Ему была поставлена более решительная задача — во что бы то ни стало пробиться и найти штаб полковника Шевчук, по захваченной с собой рации связаться со штабом группы.

В ночь на 11 апреля войска конно-механизированной группы возобновили наступление в новом направлении. Сразу же за Сухим лиманом передовые части наткнулись на позиции немцев. Кавалерийские дивизии атаковали Клейн-Либенталь (ныне Малодолинское) и к 9 часам захватили его, а затем «по инерции» и Александровку.

4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус Жданова и отдельная мотострелковая бригада подполковника Завьялова повели наступление на Гросс-Либенталь (Великодолинское). Штаб группы перешел в Клейн-Либенталь. Село это северной окраиной примыкает к железной дороге, а южной к лиману. Оно было до основания разбито и выжжено. Здесь нас нашел вернувшийся с задания капитан Марченко.

Он выглядел очень усталым. По всему было видно, что путь их был трудным и опасным.

— Товарищ командующий, до Овидиополя мы не дошли,— начал докладывать Марченко,— на рассвете прорвались к Барабою... Там встретили несколько эскадронов 42-го кавалерийского полка... Они дрались в окружении...— Капитан старался говорить четко, но никак не мог справиться с собой.

— Одну минуту,— остановил я его и начал диктовать боевые распоряжения соединению, давая одновременно ему возможность отдышаться.

Капитан рассказал, что в одном из хуторов они нашли легкораненого генерала Горшкова. С ним было полсотни казаков. Выяснить обстановку ему не удалось. Когда капитан закончил доклад, я стал спрашивать его, в надежде обнаружить хоть косвенную деталь, по которой можно было бы понять, что все-таки там произошло.

— Вы пытались узнать, почему дивизия отошла из района Овидиополя на север?

— Генерал Горшков приказал мне немедленно возвращаться и доложить, что дивизия заняла более удобный рубеж на линии населенных пунктов Барабой первый, второй и третий,— повторил он то, что уже докладывал, и добавил:

— Но у меня сложилось впечатление, будто рубеж этот нами не закреплен. Казаки рассказывали, что полк окружен, остальные полки дерутся где-то у Александрегильф и у Нейбурга. Похоже на то, что под давлением отходящей крупной группировки противника дивизия была расчленена на изолированные друг от друга части.

Во всем этом слишком много белых пятен, поэтому, прежде чем делать выводы, следовало хорошо разобраться. Ясно было одно — во всех случаях надо стремительным наступлением главных сил группы возможно быстрее разгромить войска противника, навалившиеся на 10-ю гвардейскую дивизию. 11 марта наша радиостанция вновь восстановила связь с этой дивизией. Она извещала о том, что ее части к 10.00. 11. 4. 1944 г. в районе Беляевки продолжают действия. В ответ была послана радиотелеграмма: «Немедленно донесите состояние дивизии. Почему дивизия отошла в Беляевку, почему дивизия не выполняет приказ».¹

¹ Архив МО СССР, ф. 4 гв. кк, оп. 32 063, д. 1, л. 27.

— Что будем делать, товарищ командующий? — спросил начальник политотдела корпуса полковник Карев. — Ведь потери — это не главное, их несут все, кто дерется. Дивизия оставила рубеж, который ей приказано было держать, чтобы не допустить отхода противника за Днестр, вот что главное. Она в данный момент, по существу, не способна...

— Давайте, прежде всего, хорошо разберемся в этой довольно сложной обстановке, — остановил я полковника Карева, — а потом уже будем делать выводы. Возьмите с собой группу руксзодящих офицеров и поработайте в дивизии. Важно как можно быстрее определить состояние и принять меры, чтобы в предельно короткий срок восстановить ее жизненные силы. Сосредоточьте свое внимание на этом. Важнее всего в ближайшие дни сделать ее высокобоеспособной и боеготовой. А то, что произошло... в этом мы в дальнейшем, не торопясь, хладнокровно разберемся.

Полковник Карев уехал. Его донесения рисовали противоречивую картину событий, которые произошли в районе Овидиополя. Полковник докладывал, что дивизия в ночь на 10 апреля оставила захваченный накануне Овидиополь и двинулась к речке Барабой, чтобы, используя ее как наиболее выгодный рубеж, не допустить прорыва отходящих из Одессы войск противника к днестровским переправам. Однако перед рассветом на подходе к одноименному селу Барабой произошло столкновение с крупной группировкой немцев и румын, двигавшейся на Овидиополь. Кубанцы во взаимодействии с танковыми частями предприняли попытку решительной атакой с ходу разгромить вражеские колонны и захватить село. Бой сразу принял самый ожесточеннейший характер. Не обращая внимания на тяжелые потери, враг рвался вперед, к Днестру, который был для него рубежом жизни и смерти. Уже наступил рассвет, а напряжение боя продолжало нарастать. На боевые порядки дивизии обрушивались все новые и новые «обвалы» раздробленных и слабоуправляемых, но мощных своей массой и своим стихийным движением к спасению войск. Они с отчаянием обреченных шли напролом, врываются на позиции казаков, пробивались в стыках боевых порядков, обтекали фланги, оттесняли полки в разные стороны, изолируя их друг от друга.

Кубанцы дрались, не щадя своей жизни, показывая лихую казачью доблесть и удаль. Храбрость и отвага воинов не знали границ, принимая характер массового героизма. Но бли-

зость Днестра, подавляющее численное превосходство придавало противнику силы для нового натиска. Во второй половине дня через Барабой хлынул сплошной поток вражеских войск. Он окончательно прорвал «плотину» 10-й гвардейской кавалерийской дивизии. Но это уже не спасло отходящую группировку противника. К этому моменту возобновилось решительное наступление конно-механизированной группы и 8-й гвардейской армии к Днестровскому лиману. Времени для переправы столь большого количества войск через широководный лиман у противника не оставалось.

Бой, каким бы героическим он ни был, приносит не только радость побед, но и горечь потерь. Небольшая группа казаков во главе с начальником политотдела дивизии полковником Костиным и заместителем комдива по тылу подполковником Лапиным в ходе боя оказалась прижатой к глубокой балке. В жестокой схватке кубанцы стремились пробиться на Мариенталь. Полковник Костин погиб на поле боя. Генерал Горшков, командир дивизии полковник Шевчук и его заместитель полковник Самодуров оказались с 42-м гвардейским кавалерийским полком в селе Александрегильф. Затем генерал Горшков был потерян из виду, а позже, как уже говорилось, посланный для связи капитан Марченко обнаружил его на одном из хуторов раненым. Полк оказался отрезанным от главных сил дивизии в районе высоты 71.0.

Весь день не утихали кровопролитные бои с огромной массой войск противника, рвущихся к переправам через Днестр. В своем отчаянном стремлении уйти на запад они смяли полк. Казаки продолжали борьбу с этим полком обезумевших гитлеровцев, откатываясь вместе с ними к Днестру. Только у самого берега полку удалось прорваться на село Маяки. Командир дивизии полковник Шевчук пропал без вести. Наиболее удачно вели бой и организованно прорвались к Беляевке главные силы дивизии, которые возглавил начальник штаба полковник Губанов. В течение ночи с 10 на 11 апреля расчлененные части 10-й гвардейской дивизии сосредоточились в районе Беляевки. Здесь, в Беляевке, были похоронены полковники Костин, Самодуров, командующий артиллерией дивизии подполковник Бобров, командир 181-го артиллерийско-минометного полка майор Коба и другие офицеры.

Полковнику Кареву были даны указания выяснить главным образом состояние дивизии и определить мероприятия для ее быстреего восстановления. А причины неудач? —

спросит читатель. Они были ясны и без специального изучения. Думается, нет необходимости останавливать на этом внимание. Как бы то ни было, захват 10-й гвардейской дивизией Овидиополя и последующие бои с отходящими из Одессы войсками противника оказали положительное влияние на дальнейшее развитие операции и своими активными действиями способствовали быстрейшему разгрому вражеской группировки.

В течение 12 и 13 апреля 1944 года войска конно-механизированной группы и 8-й гвардейской армии прижали к Днестровскому лиману разрозненные части и соединения противника, которые успели отойти из Одессы, но были скованы огнем 10-й гвардейской дивизии.

Наш командный пункт находился на кургане у северо-восточной окраины небольшого села Грибовки. Слеза тревожно волнуется море, а впереди, за Барабоем, беснуется ливень металла и огня — это в ожесточенных боях завершается разгром остатков одесской группировки врага, остатков 6-й немецкой «армии мстителей».

Из-за Днестра противник производил сильные артиллерийско-минометные налеты по боевым порядкам конно-механизированной группы. Один из таких налетов пришелся по нашему КП. В это время подъехал полковник Компаниец, чтобы доложить результаты действий группы разведчиков на западном берегу Днестра. Начальник разведки кубанцев передал повод коноводу и направился на НП, но не дошел до него. Осколок снаряда попал в живот. Врачи до позднего вечера боролись за его жизнь. С последними лучами солнца погасли и последние признаки жизни полковника Компанийца. Так погиб храбрый, энергичный офицер, блестящий разведчик, коммунист.

В этот вечер 13 апреля на командный пункт прибыл офицер штаба 3-го Украинского фронта и вручил мне боевое распоряжение генерала армии Р. Я. Малиновского. Комфронта приказывал с двадцати четырех часов выводить конно-механизированную группу из боя и сосредоточить северо-западнее Одессы — в районе Эльзас, Мангейм, Выгода, Дачное, ст. Карпово. На следующий день мы находились уже в новом районе, а через несколько дней 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус погрузился в железнодорожные эшелоны на станции Раздельная, чтобы через несколько дней начать новый этап боевого пути, приняв активное участие в разгроме

немецко-фашистской группы армий «Центр» и освобождении Белоруссии.

В эти дни мы узнали, что наш Кубанский корпус указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля награжден орденом Красного Знамени.

Итак, впереди Белоруссия. Эшелоны быстро мчатся на север, а казаки под перестук колес поют песню об освобождении Одессы:

Одесские залпы в Москве отгремели,
Как радостный гром по весне.
Поднимем бокалы в честь воинов смелых,
Вернувших Одессу стране.

**В БОЯХ ЗА
ОСВОБОЖДЕНИЕ
РУМЫНИИ,
ВЕНГРИИ,
ЧЕХОСЛОВАКИИ**

НАПРАВЛЕНИЕ МЕНЯЕТСЯ

Стояла обманчивая, хрупкая прифронтовая тишина. Последние отблески дня уже погасли, но в небе еще не зажглись звезды. Накинув на плечи кожанку, я шагнул из хаты в сгущавшиеся сумерки. Воздух, настоенный на росных травах, на ароматах лесов, раскинувшихся вдоль Вислы, приятно бодрил. Со стороны реки доносился глухой гул артиллерийско-минометной канонады. Горизонт вспарывали сполохи далеких пожаров.

Где-то правее нас гудели бомбардировщики, идущие на Варшаву, за которую еще цеплялись гитлеровцы.

Варшава... Более тысячи километров прошла за месяц конно-механизированная группа 1-го Белорусского фронта, которой мне довелось командовать. И весь месяц шли упорные бои. Прорвавшись в глубокий оперативный тыл противника, мы громили его резервы, взаимодействуя с главными силами фронта, наступающими с востока, окружали и уничтожали крупные немецкие группировки, дезорганизовывали тылы и управление войсками. Так, с боями, мы вышли к реке Висле.

Выходом войск 1-го Белорусского фронта на Вислу и захватом плацдармов на ее западном берегу завершилась Люблинско-Брестская операция, приведшая к полному освобождению Советской Белоруссии. Войска фронта перешли советско-польскую границу, очистив от врага значительную часть польской территории. Плечом к плечу с нами доблестно сражались воины 1-й Польской армии, польские партизаны. В результате сокрушительного по своей мощи наступления Красной Армии в июне-августе 1944 года линия фронта переместилась на запад на 500—600 километров. Из гитлеровского

рабства было освобождено более 5 миллионов поляков. Наши части взяли острова, лежащие между городом Карачев и устьем реки Вельче. Впереди была Варшава. Мы уже строили планы о том, как после форсирования Вислы двинем на Берлин. Но, к сожалению, нашим планам не суждено было сбыться. нас ожидали новые дела, на совершенно другом направлении.

Неожиданно я получил приказ командующего фронтом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского: сдать участок обороны I-й Польской пехотной дивизии и к утру 24 августа сосредоточить 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус в районе Люблин — Любартовск и быть в готовности к погрузке в железнодорожные эшелоны. Другие корпуса группы вывелись во второй эшелон фронта и остались в его составе.

Я вызвал начальника штаба генерала Пичугина Николая Александровича, отдал необходимые распоряжения войскам. Затем, накинув кожанку на плечи, вышел из хаты, чтобы подышать свежим воздухом. «Да, Варшаву будут освобождать другие,— думал я, вслушиваясь в гул самолетов, идущих на Варшаву,— а наш путь на Берлин удлинится...»

— Идут на Варшаву, пан генерал,— прервал мои мысли чей-то голос, раздавшийся у ближайших хат.

— Так ест, так ест, землоты. Надшелл час, да-да, час расплаты настал,— согласился тот, кого назвали паном генералом.

Они прошли мимо меня и остановились у входа в домик. Адъютант встретил их и показал в мою сторону. Ко мне подошел офицер связи капитан Васильев и доложил, что прибыл командир I-й Польской пехотной дивизии.

— Генерал Войцек Бевзнюк,— представился комдив.

В отлично сшитой шинели, подтянутый, в щегольски одетой конфедератке, генерал произвел на меня приятное впечатление. Мы зашли в хату и склонились над картой. Нам предстояло кое-что уточнить, выслушать мнение друг друга. В ходе нашей работы он проявил себя командиром мыслящим и решительным, хорошо ориентировался в боевой обстановке, правильно понимал все вопросы, которые нам надлежало решить. Возникшие было у него сомнения в целесообразности занятия островов посередине Вислы удалось быстро рассеять, так как, на наш взгляд, эти острова в последующем должны были оказать нам немалую помощь при форсировании реки.

Было уже далеко за полночь, когда мы закончили работу, и все почувствовали потребность сменить рабочий стол на обеденный. Генерал Бевзнюк предложил за ужином бутылку английского виски «блэк энд уайт».

— Мы называем это виски «аковец». Дрянь, но приходится пить. Война...

Мы знали, что «аковцами» называют солдат армии Крайовой — подпольной военной организации, которая подчиняется польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. В ней было немало контрреволюционных элементов.

— В таком случае, вернее ориентироваться на нашу «Московскую», — не то в шутку, не то серьезно сказал полковник Карев.

— Так ест, товажишко, «Московская» — дело верное, — отозвался генерал. Он обычно начинал фразу по-польски, а затем переходил на русский язык, лишь изредка вставляя польские слова.

— Москва — наша надежда, — сказал он уже совершенно серьезно. — А за армию Крайову нам надо бороться, хотя она сильно скомпрометировала себя во время Варшавской авантюры. В ней немало и честных патриотов, которые нас подержат.

1 августа 1944 года армия Крайова начала восстание в Варшаве. Не подготовленное материально и не согласованное с советским командованием, оно было обречено на провал. Многие тысячи польских патриотов, слепо идущих за армией Крайовой, стали жертвой этой авантюры, спровоцированной польской реакцией по указке из Лондона.

— За победу! За свободную социалистическую Польшу! Дзенкуем бардзо! — торжественно произнес тост генерал Бевзнюк. — Так будет, потому что есть Крайова Рада народа, есть Звенек Вальки молодых! Як то по-российски: союз борьбы молодых. Есть армия Людова, батальоны хлопских коситерны — знаменитые повстанческие отряды крестьян, первые созданные Тадеушом Костюшко в 1794 году. Есть все, что нужно для объединения демократических сил страны.

Бевзнюк поднял свой бокал.

— Ваше здоровье, генерал Бевзнюк! — добавили мы к тосту генерала.

Теплой, поистине братской была наша встреча с польскими друзьями.

В течение ночи и следующих суток продолжалась переда-

ча участка нашей обороны на реке Висла польским войскам. Высвободившиеся свои дивизии мы направляли в районы сосредоточения.

На железнодорожных станциях Любартув, Быстрицы, Мотыч, Люблин было подано несколько тысяч вагонов. У всех на устах был один вопрос: «Куда?», «На какой фронт нас перебрасывают?»

И только когда наши эшелоны стали поворачивать на юг — все безошибочно определили, что нас, видимо, перебрасывают в распоряжение 2-го Украинского фронта, проводившего наступательную операцию на территории Румынии. По тому, с какой поспешностью шла переброска наших частей по железной дороге, мы догадывались, что на юге нас ждут интересные дела.

Вскоре выяснилось, что нам придется разгружаться где-то в районе Яссы (Румыния). Отсюда мы предполагали до передовой линии 2-го Украинского фронта продвигаться походным порядком. Поэтому наше внимание было приковано к событиям, разворачивающимся в этой стране. В сводках Совинформбюро и в газетах того времени широко сообщалось о крупном стратегическом наступлении советских войск в пространстве между Днестром и восточными Карпатами, в глубь Румынии. Здесь с 20 августа 1944 года проводилась Ясско-Кишиневская наступательная операция. Наши войска прорвали глубоко эшелонированную оборону группы армий «Южная Украина». В результате стремительных действий войск 2-го и 3-го Украинских фронтов 24 августа в кольцо окружения оказались пять немецких армейских корпусов группы армий Велера. Днем раньше в Румынии произошло важное политическое событие — было свергнуто правительство Антонеску.

Уже в пути следования на юг на одной из станций мы получили кипу центральных газет за несколько дней. Помнится, с какой жадностью мы читали о событиях, происходящих на юге, как горячо их обсуждали. Мое внимание привлекло заявление Наркоминдела СССР в связи с событиями в Румынии. Советское правительство подтвердило свое заявление, сделанное еще в апреле 1944 года, что Советский Союз не имеет намерения приобрести какую-либо часть румынской территории, что правительство СССР считает необходимым восстановить совместно с румынами независимость их страны путем ее освобождения от немецко-фашистской оккупации. В этом заявлении содержался призыв к румынским войскам прекратить

военные действия против Красной Армии и повернуть оружие против гитлеровцев.

Это заявление было подкреплено, как мы убедились из развития дальнейших событий, окружением двенадцати вражеских дивизий. А затем газеты сообщили, что вечером 23 августа румынские, английские и американские радиостанции передали о падении режима Антонеску. Было сформировано новое правительство во главе с генералом Константином Сатанеску. Ион Антонеску бежал в Германию. Ночью бухарестское радио передало декларацию короля Михая о прекращении всех военных действий против Советской Армии и окончания войны с Великобританией и США. Сообщался состав нового правительства.

Поздно вечером наш поезд остановился на узловой станции, и мы вышли размяться, подышать свежим воздухом. Подошли начальник политотдела полковник Карев, начштаба генерал Пичугин и другие.

— Как вам нравится, товарищ командующий, новое правительство Румынии? — с ходу спросил Карев и тут же обратил внимание всех на то, что министр обороны — генерал Михаил Раковица, министр иностранных дел — Григор Никулеску-Бузешти, министр военно-морского флота — вице-адмирал Георгеску, министр хозяйства — генерал Георг Патопьяну... даже министр здравоохранения и тот генерал — Николай Маринеску и так далее.

— Это правительство, пожалуй, лучше, чем было, но хуже, чем хотелось бы, — ответил я. — Мне кажется, что состав правительства еще может измениться. А вот народное восстание — это уже значит многое.

Беседа наша коснулась подробностей ареста Антонеску, который, оказывается, не успел удрать в Берлин. Мы, конечно, не знали тогда всех деталей. А позже стало известно, что 23 августа И. Антонеску созвал экстренное заседание правительства, чтобы объявить о своем решении мобилизовать «все силы нации» для продолжения борьбы до последнего солдата. Так, во всяком случае, он обещал Гитлеру во время своего недавнего пребывания в его ставке. Молодой король и его окружение арестовали Антонеску, а затем его наиболее реакционных сторонников. Сделали они это, разумеется, под серьезным давлением сложившейся военной и политической обстановки. Военный комитет, созданный по инициативе и при участии Коммунистической партии Румынии, отдал приказ гарнизону

Бухареста о захвате всех важнейших пунктов города. В бой двинулись рабочие отряды. Развернулись захватывающие события. Ведь на нашу сторону перешло не подразделение, не полк и не дивизия, а вооруженные силы целого государства.

Здесь следует подчеркнуть, что огромное влияние на усиление антивоенных и антифашистских настроений в Румынии оказало заявление Советского правительства от 2 апреля 1944 года, проникнутое мыслью о том, что румынский народ должен сам решить судьбу своей страны, обеспечить демократический путь ее развития. Комментируя этот важный документ, нелегальный орган румынских патриотов «Румыния либер» писал: «Наступил решающий момент... Нельзя больше ждать. Румынский народ должен взять свою судьбу в собственные руки и бороться за выход из войны». Коммунистическая партия Румынии была единственной в стране политической партией, которая с самого начала войны верно оценила обстановку, предсказала неизбежность поражения гитлеровской Германии, заняла интернационалистическую позицию, развернула борьбу за объединение народа против фашизма и войны, стала организатором антифашистского движения. Объединяя силы нации под флагом антифашистской борьбы, Компартия Румынии не строила себе иллюзий в отношении истинных целей, которые преследовали буржуазно-помещичьи партии и королевское окружение — сохранить власть эксплуататорских классов и сделать все, чтобы осуществился «балканский вариант» Черчилля, то есть оккупация Румынии англо-американскими войсками. Но дальнейшие события опрокинули планы реакции. Румынский народ пошел за Коммунистической партией...

Газеты писали о напряженных боях в Бухаресте, о столкновении немецких частей с румынскими по всей стране. В эти дни советские войска продолжали решительное наступление, обтекая Восточные Карпаты с юга, одновременно стремительно приближаясь к столице Румынии. Все эти события радовали и вдохновляли нас, вызвали желание возможно скорее принять участие в столь удачно начатой и развивающейся крупной наступательной операции...

Прогуливаясь по перрону, я неожиданно увидел, как из-под вагона метнулась человеческая тень. За ней вторая, третья. И когда, казалось, тени вот-вот растворятся в темноте, они вдруг резко остановились. В следующее мгновение к нам

подбежало несколько подростков: грязные, всклокоченные, почерневшие от гари и ветра. На худых, иссохших лицах поблескивали лишь глаза и зубы.

— Что это с вами?

— На железнодорожников наварались. А вы начальник?

— Я солдат.

— Врешь! — с подкупающей непосредственностью возразил один из них, видимо, вожак. — У тебя вон сапоги хромо-вые, да еще сверкают.

Смелая фамильярность и завидная наблюдательность ребят, особенно вожака, позабавили нас. Видимо, темнота затушевала лампасы на брюках, но острый глаз мальчугана верно схватил другую деталь и дал определение.

— Что вы здесь делаете?

— Едем в Бухарест людей посмотреть и себя показать.

— Как то есть едете, где? — удивился стоявший рядом со мной генерал Пичугин.

— А вот так! — паренек кивнул в сторону вагона. — В ящиках под вагонами.

— Но ведь Бухарест еще не взяли.

— Ничего, мы поможем взять. А пошамать у вас не найдется? А то вас так быстро везут, что мы проезжаем все малые станции и нигде не можем подзаправиться, так можно концы отдать.

— Накормить мы вас накормим, но вам надо возвращаться домой.

— Нет, начальник, мы за фронтом давно уже идем. Весело и сытно. Нам надо и в Югославии, и в Венгрии побывать. Там тоже хорошо фашистам дают по мозгам! Скоро им вообще «капут».

Вожак говорил убежденно, с азартом. Видно, парнишка был смекалист, к тому же отчаянно смелый. Да и друзья его, судя по озорным взглядам и остроумным репликам, были под стать своему вожаку. Наш разговор заглушил паровозный гудок. Ребята рванулись было под вагон, но в следующее мгновение их глаза с мольбой и надеждой посмотрели на меня. Я едва кивнул адъютанту, и он, обняв хлопцев за плечи, повел их в вагон комендантского взвода. Мне было жаль их, детей войны, оставшихся без крова, без родителей. Детей, которые, сами того не ведая, могли затеряться на дорогах войны, попасть в иностранные государства, затем потерять Родину. Ребят хорошо накормили, снабдили всем необходимым и на

очередной большой станции сдали коменданту, чтобы их направили домой, на Родину.

Наши эшелоны шли дальше к фронту. Фалешчи, Бельцы, Яссы. Первые два — это города Молдавии, третий — город Румынии. Здесь прокатилась мощная волна фронта войны, стерев линию государственной границы. Для нас эти города означали просто районы разгрузки.

Оперативная группа нашего штаба прибыла в Бельцы с одним из первых эшелонов. С поезда мы сразу пересели в автомобили и выехали в штаб фронта. То было время, когда войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, завершив разгром окруженной группировки Велера, прорвались через «Фокшанские ворота»¹ и овладев Бухарестом и Плоешти, продолжали развивать наступление на запад в пространстве между Дунаем и Южными Карпатами.

Дорога от города Яссы на юг, тяжело израненная только что прокатившимся здесь крупным сражением, дымилась пепелищами сел и хуторов, сгоревшими танками, самоходками и автомашинами. Всюду валялся домашний скерб, далеко по полю ветер разносил клочья белья, бумаги, пуха. По обочинам, беспомощно опустив стволы, накренившись, стояли орудия, кое-где смердили еще не убранные трупы вражеских солдат. А небо здесь было уже мирным. Навсегда.

Утреннее солнце светит ярко и празднично. Приветливые города и села Румынии встречают нас красными черепичными крышами и зеленью садов. Маленькие коттеджи с вывесками, на которых яркими буквами на черном фоне написано «Примари», гостеприимно приглашают освежиться добротным вином. Дорога плавно стекает с последней возвышенности, и мы видим высокие решетчатые мачты радиостанции города Яссы. Не останавливаясь, проезжаем по торцовому шоссе мимо городского сада и памятника войны 1916—1919 гг. В центре города магазины, здание университета, госпиталь Святого Спиридона, городской театр — все это хорошо уцелело. Сожжены лишь здания, в которых располагался штаб немецкого армейского корпуса и др. Легко можно представить себе, насколько

¹ Фокшанские ворота — равнинное пространство между Карпатами и низовьем Дуная, удобный проход с севера на Дунайскую низменность.

внезапным и мощным был удар советских войск, чтобы захватить город почти уцелевшим.

Миновав Яссы, мы углубились в зону лесистых холмов в предгорье Карпат. На одном из них возле разбитого танка, в стороне от дороги, мы увидели румынскую листовку «Парунка времий». В ней пропагандисты Антонеску писали: «Верность братству по оружию обеспечит победу немцев во Франции, а затем новое, более мощное наступление на Востоке... Солдат! Твой долг...» Убитый солдат повис, вывалившись из башни танка. Кожа его лица была черно-желтой. Этот солдат был обманут своими хозяевами и гитлеровцами, обманут так же, как и вся румынская армия, весь румынский народ. Теперь они воочию убедились в этом.

Было уже около полудня, когда мы подъехали к большому, утопающему в зелени селу недалеко от города Фокшаны. Перед шлагбаумом тщательно проверили наши документы. Мы поехали по улицам села. Аккуратные, мощные дороги, обложенные серым кафелем дома, тяжелые сочные кроны фруктовых деревьев в каждом дворе и приветливые улыбки жителей — все это не очень вязалось с горами железа, развалинами сел и массой трупов вдоль дорог, которые мы видели раньше. Видимо, здесь немцы или не успели зацепиться, или в селе находилась восставшая против гитлеровцев румынская часть.

Возле большого добротного дома с фруктовым садом, около которого мы остановились, стоял порученец начальника штаба фронта. Он представился и доложил:

— Начальник штаба и член Военного совета фронта ждут вас.

Генерал-полковник, ныне Маршал Советского Союза, М. В. Захаров встретил нас тепло и сердечно. Он сказал об исторически сложившейся потребности донских и кубанских казаков протягивать руку помощи народам Балканских стран, затем спросил:

— Вы довольны, что вернулись во 2-й Украинский фронт?

— Да, благодарю Вас,— ответил я,— но казаки и танкисты наши настроились штурмовать Берлин и даже понть свои коней в Шпрее.

— Отлично! — подхватил член Военного совета генерал-лейтенант танковых войск И. С. Сусайков.— Это совпадает и с настроением войск нашего фронта. Мы тоже рвемся на

Берлин.— И, видимо, чтобы у меня не возникали сомнения, он конкретизировал свою мысль: — Что вы скажете о таком боевом пути в логово Гитлера: Бухарест — Будапешт — Вена — Прага — Дрезден — Берлин?

— Да, это хорошее направление, — сказал я. — Правда, несколько далековато. Ведь наикратчайшим является направление Варшава — Берлин. Впрочем, на войне не всякая прямая короче кривой.

— Вот-вот! А что касается благодарности, то благодарить будешь комфронта. Он уже интересовался, прибыл ли генерал Плиев.

Дом, в котором работал командующий войсками фронта, был напротив, через улицу. Часовой, стоящий у калитки, четко и молодежато поприветствовал нас. Во дворе, в тени фруктовых деревьев лежал огромный пес, который утомленно, без вдохновения залаял на нас. Мы поднялись на высокое крыльцо и миновав сенцы, вошли в просторный, светлый зал. Ковер, стол, много стульев, несколько телефонов, портреты Ленина, Сталина. Адъютант приглашает пройти в кабинет Маршала.

Родион Яковлевич встает из-за рабочего стола, шутливо и тепло приветствует «командующего фронтовой рейдовой группировкой». Я обратил внимание на то, что движения у Р. Я. Малиновского несколько скованы, осторожны. Ворот кителя расстегнут, и на шее виден бинт. Он сразу понял мой недоуменный взгляд и слегка пожал плечами:

— Чудом остался жив. Ну, ничего — все заживет.

— Как это случилось?

— Летел на своем «кукурузнике» из-под Питешти. Надо было там повернуть шестую танковую армию на северо-запад, чтобы она совместно с двадцать седьмой армией прорвалась через Южные Карпаты и свернула оборону противника в Трансильвании и в Восточных Карпатах... — Поняв, видимо, что вместо ответа на мой вопрос он незаметно для себя начал говорить об оперативной обстановке, Малиновский улыбнулся:

— А что касается ранения, напали на наш «кукурузник» два «Мессершмидта»... Летчик мой такие кружева рисовал в воздухе — просто уму непостижимо. Во время стрельбы из автомата приходилось выполнять сложнейшие акробатические этюды. Над одним хутором пришлось даже два круга дать вокруг дома. В общем, ушли мы от них на бреющем, а само-

лет наш изрешетили основательно. Заодно и нам досталось. Но один «Мессер» был все-таки сбит нашими.

— Это хорошо звучит: «Командующий войсками фронта в воздушном бою с борта самолета «У-2» сбил вражеский истребитель».

— У меня нет полной уверенности, что это сделали мы. Скорее всего, кто-либо с земли. Хотя и не исключено... Очень рад, что вы вернулись в состав нашего фронта. Признаюсь, добиться этого было нелегко у Верховного Главнокомандующего.

Я поблагодарил Маршала Советского Союза.

— Вы назначаетесь, — сказал Малиновский, — командующим войсками конно-механизированной группы. В нее, кроме прибывшего с вами 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса, на первый случай, войдут 6-й гвардейский кавалерийский и 7-й гвардейский механизированный корпуса плюс части усиления. Это прекрасные соединения, имеющие боевой опыт, в том числе и в горно-лесистой местности...

Родион Яковлевич говорил о многих боевых достоинствах корпусов, с которыми мне предстояло пройти последний этап боевого пути в этой священной освободительной войне. Комфронта акцентировал внимание на их способности вести боевые действия на отдельных операционных направлениях — в отрыве от главных сил фронта, на их боеспособности и высокой тактической подвижности — проходимости в условиях резко пересеченной местности и бездорожья. И мне стало ясно, что в ближайшие дни нам предстоит провести одну из самых сложных рейдовых операций на оперативных тылах немцев.

— Боевое распоряжение, — продолжал между тем Маршал — вы получите у тов. Захарова М. В. Надо в кратчайший срок привести 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус в полную боевую готовность и собрать конно-механизированную группу фронта в район сосредоточения — для дальнейшей подготовки к наступательной операции. Не исключается, и даже возможно, что в ближайшее время ваша группа будет введена в бой — в оперативный тыл Трансильванской группировки немцев, чтобы решительными действиями с фронта и тыла убрать с Восточных Карпат немцев.

Затем тов. Малиновский начал интересоваться укомплектованностью наших дивизий, которые после месяца напряженных боев в ходе крупной наступательной операции 1-го Белорус-

ского фронта нуждались в немедленном доукомплектовании. Он возмущенно заявил, что у нас это, к сожалению, становится правилом — передавать дивизии из одного фронта в другой, не укомплектовав их предварительно.

— При такой спешной, внезапной передислокации нас трудно было и доукомплектовать,— сказал я.

По взгляду Малиновского я понял, что он думает, будто генерал Плиев выгораживает свое прежнее начальство, то есть командование 1-го Белорусского фронта.

Родион Яковлевич дал указание, чтобы я немедленно подал начальнику штаба фронта все заявки, касающиеся личного состава и в первую очередь офицерских кадров, а также боевой техники, вооружения, боеприпасов, конского состава и т. д.

Уточнив еще, когда мы заканчиваем перевозку по железной дороге, комфронта приказал начать выдвижение наших дивизий 10 сентября. Надо было переправиться через южную часть Восточных Карпат и сосредоточиться в районе города Сфынтул-Георге.

— Там идут напряженные бои с армейской группировкой генерала Виклера и другими войсками 6-й немецкой армии, которые стремятся удержать так называемый Секлерский выступ,— сказал Родион Яковлевич.

— Снова, в который раз, эта 6-я армия! — Неожиданно вывалось у меня.

— Да-да, та самая, по случаю гибели которой вся Германия трое суток пребывала в трауре; та самая, что была на Правобережной Украине разгромлена нами при активнейшем участии конно-механизированной группы под вашим командованием. Да и теперь она еле унесла ноги и укрылась за Восточными Карпатами.

— Кто же теперь командует войсками этой армии? — спросил я.

— Генерал артиллерии Фреттер-Пико, тот самый Максимилиан Фреттер-Пико, который тогда на Украине командовал армейским корпусом 6-й армии и так бездарно и бесславно похоронил своих солдат на полях Правобережной Украины.

«Какой удивительно удачливый генерал,— подумал я.— Каждое новое поражение приносит ему очередное, более высокое служебное положение. В ходе боев на Украине, когда в его оперативном тылу появились наша конница и танки, он заваливал подчиненные ему дивизии потоком противоречивых

приказов, распоряжений, и дело кончалось паникой. Всех, бывало, запутает, в том числе и себя. И вот теперь, оказывается, придется еще раз встретиться на полях Венгрии с этим Фреттер-Пико».

Ну что же, мне думается, что и на этот раз его войскам повезет не более, чем в Правобережной Украине.

Командующий группой армий генерал-полковник Фриснер предпринимал в то время отчаянные усилия, чтобы привести в порядок свои потрепанные войска, заткнуть бреши в боевых порядках, заменить перешедшие на нашу сторону румынские армии венгерскими и немецкими дивизиями и стабилизировать фронт на водных преградах и других выгодных рубежах.

Сложилась своеобразная, сложная оперативная обстановка. 6 сентября 1944 года в оперативное подчинение 2-го Украинского фронта поступили перешедшие на нашу сторону 1-я и 4-я румынские армии, 4-й армейский, 1-й авиационный корпус и другие части. Казалось бы, проход в Трансильванию через рубеж Тыргу — Муреш — Аюд, занимаемый 4-й румынской армией, является делом времени. Так как одновременно с удержанием этой важнейшей позиции можно использовать 1-ю румынскую армию, дислоцирующуюся в северо-западном районе страны, для мощного удара с тыла по скоплениям немецких войск в южных Карпатах. Но на первых порах еще не совсем чувствовалось, чтобы эти армии твердо вошли в роль наших союзников и со всей серьезностью дали бы понять и почувствовать немцам свое отношение к ним. Наше дальнейшее мощное и стремительно развивающееся наступление должно было помочь новому правительству Сатанеску быстро и правильно определить свою позицию.

Командующий войсками фронта сказал в заключение, что Верховный Главнокомандующий поставил задачу перед нашим фронтом в ближайший срок завершить освобождение Румынии. И что эту задачу мы должны выполнить в ближайшие дни. В связи с этим встал вопрос о создании штатного органа управления войсками конно-механизированной группы. Товарищи Малиновский Р. Я. и Захаров М. В. поддерживали такое мнение, и появилась надежда на то, что этот вопрос будет поставлен перед Сталиным, ибо временные штабы далеко не оправдывали своей роли, тем более в условиях, когда группа войск действовала на оперативных тылах немцев. В последующем, в ходе наступательной операции, этот вопрос, к нашей

большой радости, был положительно решен Верховным Главнокомандующим.

По мере выхода корпусов и дивизий в районы сосредоточения все мы, от солдата до командующего, стали готовиться к предстоящим наступательным операциям. В первую очередь мы конкретно намечали перенесение военных операций из Румынии в Венгрию с тем, чтобы по Венгерской равнине выйти на оперативные тылы немецких и венгерских армий, действовавших против наших войск в Карпатах. Последующий ход событий показал, что операция была задумана командованием фронта исключительно смело и проведена нашей группой войск на редкость дерзко и самоотверженно, при массовом героизме всего личного состава.

ДЕБРЕЦЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Мы ждали этой минуты с волнением и радостью. Так всегда бывает на войне перед крупным наступлением. Накануне я побывал почти во всех подчиненных мне частях и соединениях. Конно-механизированная группа напоминала сжатую до отказа пружину, готовую в нужный момент распрямиться с огромной силой. 3 октября 1944 года я получил приказ командующего фронтом Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского — нанести удар, который должен был сыграть решающее значение в Дебреценской наступательной операции.

К тому времени советские войска уже повсеместно вышли к границам Чехословакии, Венгрии и Югославии. Линия фронта проходила по хребту Лесистых Карпат на юго-восток, затем повернула по западным скатам Семиградских Карпат и, огибая Северную Трансильванию по линии Регин — Тыргу — Муреш — Дьюла, с трех сторон охватила группу армий «Юг». Далее она выгнулась далеко на запад, вдоль границ Венгрии и Югославии, создав мощный клин, разъединяющий группу армий «Юг» с группой армий «Ф» и оперативной группой «Сербия», оккупировавших Югославию. Своей южной конечностью фронт упирался в стык границы Югославии с Грецией.

Войска 2-го Украинского фронта, в составе которого дей-

ствовала наша конно-механизированная группа, временно перешли к обороне на рубеже Прислоп — Регин — Турда — Орадеа-Маре, в северо-западной части Румынии. На левом крыле фронт имел глубокий выступ на запад, в сторону Средне-Дунайской низменности, образуя за Трансильванскими Альпами плацдарм для удара на Будапешт и далее на Вену.

Войскам 2-го Украинского фронта предстояло ударом на Дебрецен, Ньиредьхазу разгромить Трансильванскую группировку противника, и, взаимодействуя с 4-м Украинским фронтом, преодолеть Карпаты и освободить Закарпатскую Украину. Левое же крыло фронта должно было наступать на Сегед, чтобы выйти на реку Тисса от Сольнок до устья. Основной задачей наших войск было форсировать реку Тисса и развить наступление в направлении на Будапешт. Эта операция должна была вывести из строя последнего союзника гитлеровской Германии в Европе — хортистскую Венгрию.

Гитлеровское командование всячески стремилось сохранить Венгрию как союзника, так как она еще располагала значительной военной силой: двадцатью двумя дивизиями и пятью бригадами. Кроме того, вторжение советских войск в Венгрию открывало путь в Австрию. В Венгрии и восточной Австрии размещалось большое количество немецких военных заводов, а также два из трех еще оставшихся в распоряжении Германии источников нефти: в районах Надька-нижа и Вены. Гитлеровское командование на примере бывших своих союзников знало, что все эти военные силы и экономика не просто терялись фашистской Германией, а оборачивались против нее.

Вот почему нацистские главы делали все для предотвращения вторжения советских войск в Венгрию. Сюда в течение сентября из Германии, Франции, Италии и Греции было переброшено до двадцати пяти дивизий. Строились мощные оборонительные рубежи по рекам Тисса и Дунай и по линии Будапешт — озеро Балатон — Барча, на реке Драва.

В связи с обострением военно-политической обстановки и выходом Красной Армии к границам Венгрии венгерские коммунисты, работавшие в крайне тяжелых условиях подполья, активизировали свою деятельность. В воззвании компартии к народу, принятом в конце сентября 1944 года, выдвигались две неотделимые друг от друга задачи: «борьба за независимую Венгрию путем изгнания империалистических оккупантов» и «борьба за создание демократической Венгрии

путем свержения венгерской реакции». Партия подчеркивала необходимость установления правильных отношений трудящихся с Красной Армией, вступавшей на венгерскую землю. В те исторические дни коммунисты Венгрии сыграли решающую роль в сплочении рабочего класса страны: 10 октября коммунистическая и социал-демократическая партии заключили соглашение о едином фронте...

Такова была в нескольких словах общая обстановка перед началом операции советских войск по освобождению Венгрии.

Территория Венгрии была освобождена войсками 2-го Украинского фронта в результате двух самостоятельных, но взаимосвязанных между собой операций: Дебреценской и Будапештской.

Что касается Дебреценской операции, в которой активнейшее участие приняла наша конно-механизированная группа, то она выполнила две важнейшие задачи: во-первых, войска фронта нанесли решительное поражение войскам группы армий «Юг», вышли на широком фронте к реке Тисса и, форсировав ее, захватили оперативный плацдарм для нанесения удара на Будапешт; во-вторых, этот успех создал прямую угрозу тылу вражеских войск, оборонявшихся в Карпатах, и вынудил их к отходу. Это способствовало и успеху войск 4-го Украинского фронта в преодолении Карпат.

Кстати, с Дебреценом связаны два важных события в истории Венгрии. Здесь в апреле 1849 года Национальное собрание провозгласило независимость Венгрии и объявило о низложении власти Габсбургов. А в конце 1944 года в Дебрецене было образовано Временное национальное правительство, которое объявило войну гитлеровской Германии и подписало соглашение о перемирии с Советским Союзом.

Следует отметить, что противник до начала операции недооценивал важности дебреценского направления. В районе Орадеа-Маре он держал всего две пехотные венгерские дивизии. Главное внимание командование 3-й венгерской армии обращало на прикрытие будапештского направления. Между тем на этом направлении города Орадеа-Маре, Дебрецен, Ньиредьхаза являлись крупными узлами железных и шоссейных дорог. Через них проходили все коммуникации войск противника, действовавших в Трансильвании, и большинство коммуникаций войск, оборонявших Карпаты.

3 октября 1944 года я получил приказ командующего фронтом Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского — конно-

механизированной группой (4-й и 6-й гвардейские кавалерийские и 7-й механизированный корпуса) нанести удар из-за правого фланга 53-й армии с рубежа Варшанд, Домбиратош в общем направлении на Бекеш, Сегхалом, Пюшпекладань. К исходу 8 октября войска конно-механизированной группы должны были овладеть рубежом Хайдусобосло, Карцаг и выдвинуть сильные передовые отряды на реку Тисса к Тиссафюред и Абадсалоку.

Для прикрытия и поддержки нашего наступления выделялась истребительная и штурмовая авиация 5-й воздушной армии генерал-полковника С. К. Горюнова.

Главный удар в Дебреценской наступательной операции нанесли правее нашей группы на Орадеа-Маре, Дебрецен, Ньередьхаза, под основание выступа, образованного линией фронта в горах.

Конно-механизированная же группа, наступая параллельно и левее этого направления, совершала охватывающий маневр с юго-запада в оперативный тыл 6-й танковой армии противника. В полосе нашего наступления оборона противника была значительно сильнее, чем на главном направлении, поскольку это направление прикрывало Будапешт. А ему противник, как указывалось выше, придавал важнейшее значение.

Оборона на участке наступления группы представляла собой хорошо развитую систему инженерных сооружений, состоявшую из трех оборонительных линий, оборудованных траншеями, проволочными заграждениями, минными полями; мосты, дороги и другие объекты также были заминированы.

Вторая оборонительная линия опиралась на канал Беретью, проходила на удалении шести-десяти километров от первой линии и представляла крепкий орешек. Населенные пункты Шаркад, Дьюла, Бекешчаба, Кереш-Тарча, Сегхалом и другие были превращены в мощные узлы сопротивления.

Предстоящее наступление мыслилось мне таким образом: одновременным ударом всех трех корпусов прорвать оборону противника, и, обходя уцелевшие опорные пункты, к исходу 6 октября овладеть районом Бекеш, Кереш-Тарча; в ночь на 7 октября захватить плацдарм на северном берегу реки Кереш и канала Хошсуфоки в районах Кереш-Тарча, Дьома. К исходу этого же дня овладеть районом Баконьсег, Фюзешдьярмат, Деваванья.

Задача стояла перед нами трудная, но вполне выполнимая. Группа имела мощный танковый кулак — более четырех-

сот машин — гораздо больше, чем у 6-й гвардейской танковой армии, действовавшей на главном направлении. Части и соединения группы были хорошо укомплектованы, закалены в боях и обладали высокой боеспособностью и боеготовностью. Да и времени на подготовку операции (до утра 6 октября) было достаточно. Готовились мы к наступлению основательно. Вместе с командирами корпусов, дивизий и полков провели на картах различные варианты действий войск в ходе сражения. Во второй половине дня 5 октября мы согласовали непосредственно на местности вопросы взаимодействия между корпусами группы и соседями: 6-й гвардейской танковой и 53-й армиями и авиацией 5-й воздушной армии генерал-полковника С. К. Горюнова.

Особое внимание мы уделяли скрытности сосредоточения войск и вообще всей подготовки операции. К ее разработке было допущено всего четыре человека: зам. по политчасти, начальник штаба, начальники оперативного и разведывательного отделов. Для того, чтобы притупить бдительность противника и обеспечить скрытность перегруппировки, все штабы соединений и частей в своих боевых донесениях повторяли формулировку: «Части конно-механизированной группы продолжают оставаться в прежних районах и ведут боевую подготовку».

3-я гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко и 27-я танковая армия начали наступление 2 октября, на четыре дня раньше конно-механизированной группы.

В районе Орадея-Маре противник успел подбросить свежие войска и создать сильную группировку. Поэтому 6-я гвардейская танковая армия встретила упорное сопротивление. В первый день боя она смогла вклиниться в оборону противника на несколько километров только на направлении Солон-та. Перед Орадея-Маре армия остановилась и в последующие дни отбивала яростно наседавшего на ее фланги противника...

Раннее утро 6 октября 1944 года. Туманная дымка висит над полями, которым через считанные минуты суждено превратиться в огненный ад, в арену ожесточенного сражения. Это утро само было подобно туго натянутой тетиве огромного лука, которая вот-вот зазвенит, посылая грозные, смертоносные стрелы. И вот свинцовое небо озарила гигантская вспышка. Казалось, раскалывается небо. Заговорила наша артиллерия на всем фронте наступления. Воздух загудел от шума

многочисленных моторов. Это стремительно неслись на вражеские позиции советские штурмовики.

С командного пункта я хорошо видел грозные силуэты наших танков, развернувшихся, казалось, во всю необъятную ширь полей. Они бешено неслись вперед, обрушивая смерч огня на вражеские позиции. Вслед за этой бронированной стеной фронтом в восемнадцать километров шли кавалерийские и механизированный корпуса. Шли на запад советские солдаты, грудью заслонившие родную столицу в грозном 1941 году, громившие фашистские орды под Сталинградом, солдаты, вынесшие горечь отступления и познавшие великую радость победы.

Оборона противника в полосе конно-механизированной группы была прорвана первым решительным ударом. Корпуса начали быстро развивать успех в северном направлении на Венгерскую равнину.

В 8 часов дивизия 6-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Соколова с трех сторон атаковали город Дьюла, ворвались в него и завязали уличные бои. К 12 часам значительная часть гарнизона города сдалась в плен. Тем временем 4-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Головского овладел населенным пунктом Бекешчаба, расположенным в одиннадцати километрах западнее Дьюла. Противник, опасаясь быть отрезанным с запада, начал отходить на север. Конница и танки перешли в преследование противника.

Только к вечеру у населенных пунктов Шаркад и Добоз 6-й корпус встретил новое организованное сопротивление 20-й венгерской пехотной дивизии и других частей, которые, умело используя систему каналов, стремились остановить наше продвижение на этом рубеже. Обойти населенные пункты было невозможно. Корпус перешел в решительное наступление. Венгры не смогли долго сдерживать мощный натиск ровенских гвардейских дивизий и с большими потерями 7 октября отошли на северный берег канала Хосшуфок.

Успешно протекали действия 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса, наступавшего в центре оперативного построения. Корпус быстро сломил сопротивление противника, с ходу перешел к преследованию, отбивая контратаки, которые приходились в основном по боевым порядкам 30-й Краснознаменной кавалерийской Новобугской дивизии генерала Головского.

Энергично развивала наступление 9-я гвардейская дивизия полковника И. Н. Машталлера. Она уже к 13 часам ворвалась в город Бекешчаба и после короткого, но напряженного уличного боя овладела им. Затем на плечах противника ворвалась и захватила крупный населенный пункт Бекеш, а к исходу дня вышла к северной окраине Кереш-Тарча.

30-ю кавдивизию полковника Близнюка задержали бои за станцию Уйкидьош. Только с подходом 10-й гвардейской кавдивизии, следовавшей во втором эшелоне, она совершила обходной маневр и во взаимодействии с 10-й дивизией овладела станцией. После этого 10-я дивизия вновь вышла во второй эшелон, а 30-я начала стремительное наступление вперед, и к 23 часам овладела городом Мезе-Берень.

В более сложной обстановке протекало наступление 7-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта Ф. Г. Каткова, наступавшего на левом фланге группы, с рубежа Орсагут, Домбиратош. Собственно, осложнения возникли только вечером. Весь день бригады корпуса успешно развивали наступление. Противник отходил на Дьома. Однако в 20 часов, когда корпус овладел Камут и Кондорош, 1-я танковая и 20-я пехотная дивизии противника внезапно контратаковали 7-й гвардейский мехкорпус генерала Каткова. Разгорелся встречный бой, который с нарастающим упорством продолжался всю ночь. Чтобы создать перелом в ходе боя на левом фланге группы, пришлось бросить на помощь 7-му гвардейскому корпусу два танковых полка 4-го гвардейского кавкорпуса. Внезапный удар по флангу этих полков решил исход боя. Соппротивление противника было сломлено, и он к 10 часам 7 октября был отброшен с большими потерями на северный берег реки Кереш. Соединения корпуса с ходу овладели городом Дьома и завязали бои на переправах через Кереш.

В первый день операции войска конно-механизированной группы выполнили свою задачу. С боями прошли сорок пять-пятьдесят километров и полностью разгромили 20-ю пехотную дивизию венгров и другие части. Противник потерял только убитыми более трех тысяч и пленными свыше четырех тысяч человек. Успехи первого дня операции во многом предопределили ее последующее развитие.

Несмотря на отчаянные усилия венгров и немцев удержаться на северном берегу реки Кереш и канала Хошсуфоки, конные корпуса группы в ходе ночного боя прорвались через водный рубеж и утром 7 октября овладели городом Сегхалом.

С этого рубежа войска группы начали вбивать клин в группировку противника, раскалывая ее на две части. К вечеру 7 октября 13-я, 9-я и 30-я кавдивизии захватили Надь-Байом, Сереп, а к 22 часам овладели Кешей. Здесь противник сделал очередную серьезную попытку сорвать наше наступление.

Хуже для нас складывалась обстановка в полосе 7-го гвардейского корпуса. Весь день 7 октября он вел ожесточенные бои с частями 1-й танковой и 2-й пехотной дивизий, оборонявшими северный берег реки Кереш на рубеже Жофия, Киш Лапош. Лишь ценой огромного напряжения удалось сломить сопротивление врага и форсировать реку в районе Дьома. К вечеру корпус с ходу захватил Деваванья и устремился к городу Кишуйсаллаш, обтекая правофланговые части 53-й армии генерал-лейтенанта И. М. Манагарова, которые к этому времени вели бои на рубеже Туркево, Ечед, фронтом на северо-запад.

Вечером темп наступления начал заметно спадать. Противник усилил сопротивление, опираясь на сеть многочисленных танконедоступных каналов. Было приказано усилить нажим и уточнить боевые задачи корпусам и дивизиям. 6-й гвардейский кавалерийский корпус должен был к утру овладеть городом Хайдусобосло, расположенным в семнадцати километрах от Дебрецена. С этого рубежа корпус должен был развернуться для удара на Дебрецен. В связи с этим его левый фланг до выдвижения на новое направление 4-го гвардейского кавалерийского корпуса временно оказывался открытым. Для прикрытия фланга необходимо было захватить Бальмазуйварош.

4-й гвардейский корпус должен был к утру овладеть городом Надудвар, а передовые отряды его захватить Медьеш и Генчи, чтобы создать заслон от возможных ударов противника с севера.

7-му гвардейскому механизированному корпусу ставилась задача — к утру захватить Кишуйсаллаш, а одной бригадой — Кендереш.

Таким образом, действия войск конно-механизированной группы в ночь на 8 октября должны были развиваться по самостоятельным направлениям, что расширяло полосу наступления группы с 40 до 75 километров.

Выполнение этих задач в ночных условиях требовало четкого взаимодействия, высокого темпа наступления и твердого управления. Но я полагался на опыт командиров и их штабы.

С такими помощниками мне было не так трудно направлять действия соединений.

Корпусам не удалось полностью выполнить поставленные задачи в указанные сроки, так как большое количество каналов и речушек увеличивали силу сопротивления противника, снижали темп наступления подвижных войск. Однако наши ночные действия не дали противнику возможности закрепиться на этих естественных преградах, что и предопределило наш успех в дневном наступлении 8 октября. К исходу дня войска конно-механизированной группы вышли на дорогу Дебрецен—Кишуйсаллаш, захватив расположенные вдоль нее населенные пункты Хайди-Собосло, Надудвар, Пюшпек-Ладань, Карцаг, Кишуйсаллаш, Кендереш.

Выйдя на этот рубеж, конно-механизированная группа перерезала пути отхода орадеа-маренской группировки на запад и разгромила 1-ю танковую и 20-ю пехотную дивизии, которые уже до самого Дебрецена не смогли оказать нашим войскам организованного сопротивления.

Наше стремительное продвижение вперед оказало существенную помощь войскам центра и левого крыла фронта в развитии наступления в северном и северо-западном направлениях.

Ночью 9 октября я неожиданно получил приказ командующего фронтом, который резко менял направление и задачи конно-механизированной группы. Нам надлежало главными силами (кавалерийскими и механизированными корпусами) развернуться обратно на восток и нанести удар в направлении Деречке, Коньяр. Затем повернуть на юго-восток и во взаимодействии с войсками 6-й гвардейской танковой армии, наступавшей с фронта, захватить город Орадеа-Маре.

Наступление главных сил группы из оперативного тыла противника обратно к линии фронта с севера частично прикрывалось 6-м гвардейским кавкорпусом, действовавшим в направлении Дебрецена, а с запада — одной мотострелковой бригадой.

Этот самый сложный оперативный маневр был вызван следующими обстоятельствами. С выдвижением конно-механизированной группы к Дебрецену и 6-й гвардейской танковой армии к Орадеа-Маре дебреценская группировка противника оказывалась охваченной с юго-востока и запада. Это создало условия для окружения войск противника, действовавших в Карпатах и в Трансильвании. Там находились 1-я венгерская,

8-я и 6-я немецкие и 2-я венгерская армии. В связи с выходом нашей группы войск на Венгерскую равнину, в оперативные тылы немцев, инициатива твердо находилась в наших руках.

8 октября немецкое командование вынуждено было начать отвод войск этих армий на запад. Для обеспечения отхода противник стремился во что бы то ни стало удержать в своих руках район Орадеа-Маре и отбросить на юг наши части, выдвинувшиеся к Дебрецену.

Мы столкнулись с огромными трудностями. Два корпуса нужно было повернуть для боевых действий в обратном направлении в течение трех-четырёх часов. Все корпуса вели напряжённые бои. Противнику в районе Надь-Байом и Бихар-Удвари удалось просочиться в наш тыл. Фашистские танки перерезали единственную коммуникацию группы — дорогу из Сегхалом на Пюшпек-Ладань.

С изменениями направления обнажался ещё больше тыл и открывались фланги, для прикрытия которых надо было выделять войска.

Таким образом, с утра 9 октября наступление группы начало осуществляться по существу в двух, обратных друг другу направлениях — на Дебрецен и Орадеа-Маре. Управление войсками группы резко затруднилось. Усложнились и условия наступления: предстояло форсировать такие большие водные преграды, как канал Береттьо и Кришул-Рейеде.

При совершении широкого обходного маневра, с выходом в тыл группировки противника, пришлось дать указание командирам соединений не ввязываться в затяжные бои за овладение опорными пунктами, а обтекать их и стремительно выходить на подступы к городу Орадеа-Маре, чтобы вновь соединиться с войсками нашего фронта. Важность этого оперативного маневра заключалась не только и не столько в помощи нашим войскам, наступавшим на Орадеа-Маре с юга, но главным образом в том, что с выходом в район этого города все пути отхода главных сил противника из Восточной Трансильвании на север и северо-запад оказывались отрезанными.

Вот почему я стремился любыми усилиями добиться предельно высоких темпов наступления, подчас идя на оставление в своем тылу и флангах вражеских опорных пунктов.

Развертывая два корпуса на новое направление, мы вынуждены были расходовать некоторую часть сил и средств для прикрытия флангов и тыла. Так, для прикрытия действий 7-го механизированного и 4-го гвардейского кавалерийского

корпусов на Орадеа-Маре на южном берегу канала Береттьо были оставлены мотострелковая бригада и кавалерийская дивизия. На рубеже Надь-Работ — канал Береттьо действовала 8-я кавалерийская Дальневосточная дивизия генерала Хрусталева, имевшая задачу не допустить выхода противника на запад и северо-запад, в тыл 6-го гвардейского кавкорпуса, наступавшего на Дебрецен. А еще одна бригада была оставлена нами на восточном берегу канала Хортобадь Чатора с целью прикрытия левого фланга конно-механизированной группы.

Разумеется, такой расход сил и средств на большом пространстве временами снижал оперативные возможности и ударную силу группы. Но этого настоятельно требовала реально сложившаяся оперативная обстановка.

Общее наступление группы началось с утра 9 октября. Уже первый удар 6-го гвардейского кавкорпуса завершился разгромом пехотной дивизии и танков противника и выходом к 16 часам на юго-западную окраину Дебрецена. Однако на этом успех корпуса пока закончился. Собственно, мы и не надеялись на то, что кавалерийский корпус без одной дивизии сможет овладеть таким крупным экономическим и административным центром страны, как Дебрецен, превращенный к тому же в мощный узел обороны. В течение всего следующего дня, после безуспешной попытки овладеть городом с ходу, соединения корпуса отражали сильные контратаки наседавшего со всех сторон противника.

Корпуса, наступавшие на Орадеа-Маре, сразу же встретились с большими трудностями. Перед ними стал преградой канал Береттьо, на котором противник встретил наши части яростным шквалом огня. Пришлось залечь. Наша артиллерия и «катюши» обрушились на вражеские позиции. Казалось, весь противоположный берег канала перепахан огнем и металлом, все очаги сопротивления подавлены. Но стоило только нашим воинам попытаться форсировать канал, как вражеский берег вновь ошетинился огнем. Наибольшее упорство проявили войска 64-й бригады 7-го механизированного корпуса. Трижды пытались они преодолеть водную преграду и к исходу дня 10 октября все же перебрались на другой берег в районе Сентпетерсег, расположенном в пяти километрах восточнее Береттьоуфалу. За ними форсировали канал и главные силы корпуса, но контратакованные танковыми частями

2-й пехотной дивизии противника, вынуждены были остановиться.

Действия наших войск отличались высоким наступательным порывом и массовым героизмом. Первым на вражеский берег ступил взвод лейтенанта Котова. Несмотря на яростные контратаки гитлеровцев, взвод сумел закрепиться на крошечном пятачке. Казаки держались мужественно, они несколько раз переходили в контратаку. Пример им подавал командир. Вражеская пуля догнала его в тот момент, когда он поднимал взвод навстречу гитлеровцам, шедшим в психическую атаку. Но Котов поднялся. За ним устремились солдаты. Фашисты не выдержали и побежали. Осколок мины тяжело ранил лейтенанта. Но он, преодолевая боль, теряя сознание, продолжал руководить боем. От взвода осталась горстка солдат, но они удержали плацдарм до подхода других частей и подразделений.

Неподалеку от этого плацдарма несколько часов вел неравный бой экипаж «тридцатьчетверки» под командованием коммуниста старшего лейтенанта Белкина.

Как только танк выбрался на берег, вокруг него выросли черные фонтаны взрывов. Танк дернулся, замер. К нему сразу же поползли гитлеровцы с фауст-патронами. Танк молчал. Тогда, осмелев, они поднялись во весь рост и, что-то выкрикивая, подошли к нему почти вплотную. Вдруг танк дрогнул и, как разъяренный тигр, бросился на фашистов. Он раздавил пулеметный расчет, двинулся на дзот, но в этот момент вражеский снаряд разорвал его гусеницу. Думая, что боевая машина будет легкой добычей, гитлеровцы решили отбуксировать ее в свой тыл. Но не тут-то было. Метким выстрелом из пушки «тридцатьчетверка» подбила вражеский танк. Так и сражался героический экипаж, пока на подмогу ему не пришел наш танковый батальон. Память через годы донесла эти детали. А сколько было героев, совершивших прекрасные подвиги во имя Отчизны, имена которых должны знать современники!

Используя успех соседа справа, 4-й гвардейский кавалерийский корпус также форсировал канал, захватив плацдарм шириной восемь и глубиной два-три километра. При форсировании канала 4-й гвардейский кавкорпус был на северном берегу внезапно контратакован во фланг частями 6-й пехотной дивизии противника со стороны Йожеф. Но, как говорится, нет худа без добра. 10-я гвардейская дивизия не успела

еще, к счастью, переправиться на южный берег канала, и это оказалось как нельзя кстати. Мы поставили перед ней задачу: отразить противника, развернув ее фронтом на восток. Напряженный бой продолжался всю ночь, а к утру враг был разгромлен.

Тем временем наступление на Орадеа-Маре успешно продолжалось. Только на рубеже Бихаря, Борш, в шести-семи километрах от Орадеа-Маре, противник сделал еще одну отчаянную попытку остановить движение наших войск, наступавших с северо-запада к нему в тыл. Оказывая упорное сопротивление с фронта, он нанес удар в тыл группы со стороны Береттьоуфалу, где находилась 8-я кавалерийская Дальневосточная дивизия, прикрывавшая действия 6-го гвардейского кавкорпуса. Я вынужден был укрепить это направление частью сил 7-го механизированного корпуса.

8-я гвардейская дивизия генерала Павлова активными наступательными действиями сковывала крупные силы противника, которые в другой обстановке могли бы ударить в тыл главных сил нашей группы. Надо сказать, что эта группировка врага, опиравшаяся на опорные пункты Надьрабе и Баконсег, была для нас большой помехой.

К 19 часам в район действий дивизии подошли части 1-й румынской пехотной дивизии и 1815-й самоходно-артиллерийский полк 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. Они личным распоряжением Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, находившемся в районе боевых действий, были переданы в подчинение командира 8-й кавалерийской Дальневосточной дивизии. Однако и этих сил оказалось недостаточно для того, чтобы выполнить задачу, поставленную перед ними Маршалом Тимошенко,—ударом в направлении Бихар-Торба, Береттьоуфалу разгромить противника, к исходу 11 октября занять оборону по северному берегу канала Береттьо и установить тактическую связь с правофланговыми частями 7-го гвардейского механизированного корпуса. По идее этот удар должен был перерезать последний путь отхода противнику через Орадеа-Маре, Береттьоуфалу на северо-запад. Поэтому командование 6-й немецкой танковой армии принимало все меры для того, чтобы предотвратить катастрофу. Бои в этом районе приняли ожесточенный характер и продолжались всю ночь. Вражеские контратаки следовали одна за другой. Немцам удалось удержаться на занимаемых позициях.

Как бы то ни было, а попытки противника выйти в тыл конно-механизированной группы и сорвать удар на восток обратно к линии 2-го Украинского фронта были пресечены, и это обеспечило успех наступления на Орадея-Маре. С севера действия главных сил в основном обеспечивал 6-й гвардейский кавалерийский корпус. По существу, всем корпусам и дивизиям приходилось, как правило, действовать с открытыми флангами и тылом, да иначе и не могло быть — ведь мы действовали во вражеском оперативном тылу.

Корпуса, наступавшие на Орадея-Маре, должны были в ночь на 11 октября приступить к решительным действиям и к 12 часам 11 октября овладеть городом. Однако быстро изменившаяся обстановка внесла свои коррективы. Неприятности начались в полосе 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. Имея перед собой части 23-й танковой дивизии и части пехотной дивизии противника, корпус прорвал его оборону и начал успешно продвигаться вперед. В 6 часов со стороны Уй-Марья 24 танка противника вместе с САУ неожиданно контратаковали 30-ю кавалерийскую дивизию. Правофланговые подразделения дивизии начали отходить на северо-запад. Командир дивизии полковник Г. И. Рева одновременно развернул танковый полк, наступавший в направлении юго-западной окраины Киш-Марья и атаковал танки противника с тыла. Одновременно на их боевые порядки обрушился артиллерийско-минометный огонь. Лишь незначительная часть вражеских танков уползла в свое логово — Надь-Жереки. Вторично противник контратаковал корпус в 16 часов в полосе 9-й гвардейской кавалерийской дивизии частями 76-й пехотной дивизии, подошедшими из Орадея-Маре. Противник был снова отбит с большими потерями. Продвигаясь вперед, корпус вскоре встретил крупный населенный пункт Бихаря, превращенный в сильный узел сопротивления с мощной системой огня и инженерных сооружений.

7-й гвардейский механизированный корпус к этому времени овладел Киш-Зомдешь и Сынтеон и всеми соединениями вышел на линию 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. Дальнейшее наступление его было остановлено на этом рубеже сильным огневым сопротивлением противника.

Мне стало ясно, что отдельные фронтальные атаки этого прочного оборонительного рубежа решительного успеха в короткое время не дадут и связаны с излишними потерями. Нужен был мощный одновременный удар всеми силами и сред-

ствами. Именно всеми, так как противник, как мы считали, не имел значительных резервов.

В 18 часов 11 октября после короткого, но мощного артиллерийского налета по району Бихаря, Сынтеон и бомбового удара по району Епископя-Бихорулуй — последнему сильному узлу сопротивления противника на пути к Орадеа-Маре 7-й и 4-й гвардейские корпуса возобновили дальнейшее наступление.

В ходе наступления в тыл механизированного корпуса со стороны деревни Надь прорвалась значительная танковая группировка. Против нее командир корпуса повернул танковую бригаду, которая с ходу разгромила противника. К 24 часам корпуса вышли непосредственно к окраинам Орадеа-Маре.

Всю ночь на 12 октября наша артиллерия вела методичский огонь по расположению частей 7-й, 12-й и 76-й пехотных и 23-й танковой дивизий противника, оборонявших северную и северо-западную окраины Орадеа-Маре. Тем временем части и соединения вели усиленную подготовку к штурму. Одновременно наша авиация наносила мощные удары по противнику.

Штурм начали на рассвете 12 октября. Это были тяжелые ожесточенные бои за каждый квартал и дом. Только к 11 часам 4-й гвардейский кавалерийский корпус, преодолев отчаянное сопротивление частей 75-й пехотной и 23-й танковой дивизий, ворвался в город и овладел его северной окраиной, отделенной от остальной части города рекой Крышул-Репеде.

К вечеру крупный узел сопротивления город Орадеа-Маре пал. Пути отхода противника из восточной Трансильвании через этот город оказались отрезанными.

С овладением Орадеа-Маре главные силы конно-механизированной группы вновь перенацеливались на север к городу Дебрецен. Теперь перед фронтом стояла следующая задача: прикрывшись по реке Тисса соединениями 46-й и 53-й армий, ударом конно-механизированной группы в направлении Дебрецен, Ньиредьхазе, Чоп разгромить противостоящего противника, а затем, взаимодействуя с войсками 4-го Украинского фронта, быстро выйти через горы в Венгерскую долину, пересечь пути отхода к лужско-сигетской группировке противника и содействовать окружению и уничтожению ее.

В ходе выполнения этой задачи группе пришлось отражать многочисленные удары противника, пытавшегося во что

бы то ни стало пробить себе путь на запад или отойти на соединение со своей дебrecенской группировкой. Поэтому наше очередное наступление к Дебрецену протекало в условиях крайне сложной боевой обстановки.

Наиболее напряженные бои развернулись в районах Бихаркерестох и Береттьоуифалу, где противник предпринял попытку задержать движение войск группы на северном и северо-западном направлениях, чтобы выиграть время для отвода своих главных сил из горных районов на Дебрецен. Мне было известно, что эти населенные пункты занимают отдельные части 1-й, 13-й и 23-й танковых дивизий противника.

Разведчики докладывали о движении многочисленных колонн по различным дорогам. Было ясно, что войска противника на широком фронте хлынули с гор на запад и северо-запад. Это движение прикрывалось сильными заслонами указанных дивизий. Следует иметь в виду, что на большом пространстве между Орадея-Маре и Дебреценом наших войск почти не было, так как конно-механизированная группа, как я уже говорил, наступала на эти два города от Деречке в противоположных направлениях. Создался вакуум, в который и хлынули разбитые под Орадея-Маре войска противника.

Нам приходилось действовать очень стремительно, чтобы ни на одном направлении не дать противнику уйти из-под наших ударов. Высокая подвижность войск конно-механизированной группы при твердом управлении и хороших действиях наших соединений делала такую задачу вполне выполнимой.

Сразу же после того, как главные силы конно-механизированной группы развернулись для наступления по пройденному ранее пути, чтобы вновь выйти на оперативные тылы немцев, стало ясно: их придется снова отвоевывать. И опять нам пришлось в тяжелых боях захватывать Бихаркерестен, Береттьоуифалу и несколько населенных пунктов. Бихаркерестен был взят утром 14 октября 9-й гвардейской кавдивизией во взаимодействии с 64-й мотострелковой бригадой и частями танкового соединения, действовавшими южнее. Здесь были захвачены в плен сотни солдат и офицеров. К исходу следующего дня главные силы группы, форсировав реку Береттьо, полностью окружили и в результате ожесточенных уличных боев овладели городом Береттьоуифалу. Несколько позже мне доложили, что в городе было взято в плен до 5000 солдат и офицеров противника, а также большие трофеи.

По всему было видно, что противник намеревался надолго

сковать наши действия в этом районе и обеспечить планомерный отход своих войск с Карпат на запад. Но этого не произошло. Войска конно-механизированной группы, действуя отдельными частями и соединениями, настигали противника всюду и наносили ему тяжелые потери. Отход противника, вначале организованный, теперь превращался временами в паническое бегство. Управление войсками нарушалось, колонны под ударами наших частей рассыпались на мелкие группы, уходя далее на запад, или сдавались в плен.

В те дни мы узнали, что регент Хорти сделал заявление о своем намерении порвать с гитлеровской Германией и заключить перемирие с союзниками. Можно предполагать, что в числе других причин, толкнувших его на такой серьезный политический шаг, наш «дебrecенский удар» занимал не последнее место.

Несколько позже стало известно, что военное командование немцев в Венгрии арестовало Хорти и наспех сформировало правительство, во главе которого поставило руководителя венгерских фашистов Салаши. В Венгрии прокатилась новая, повальная мобилизация в армию. Венгерские войска получили приказ драться за каждый рубеж до последней возможности...

Утром 16 октября войска нашей группы на рубеже Коньяр, Деречко, Селеше-Имре встретили яростное сопротивление 76-й пехотной и 23-й танковой дивизий. По приказу Маршала Малиновского мы должны были нанести удар на Деречке и к утру 16 октября соединиться с 6-м гвардейским кавалерийским корпусом, ранее оставленным мною на оперативных тылах немцев в районе юго-западнее Дебрецена. Но к утру эту задачу нам выполнить не удалось. Город Деречке был сильно укреплен, его гарнизон оказывал упорное сопротивление.

Только к 12 часам 30-я и 10-я гвардейская кавалерийские дивизии ворвались на окраины города и завязали уличные бои. Но взять его с ходу не удалось. Вражеский гарнизон непрерывно пополнялся новыми силами за счет войск, отходящих с гор. Наши дивизии еле выдерживали натиск превосходящих сил противника. Помочь дивизиям, дерущимся в городе, командир корпуса не мог, так как в это время со стороны Сент-Петерсег прорвался полк пехоты противника с 50 танками и ударил в тыл корпусу. Положение его осложнилось. А 7-й гвардейский механизированный корпус все еще продолжал вести бои в районе Коньяр.

С выходом противника в тыл 4-го гвардейского кавкорпуса командир корпуса гвардии генерал-лейтенант Комков, прикрывшись со стороны Деречке одним полком, главные силы развернул фронтом на юг. В течение трех часов соединения корпуса отражали яростные контратаки противника, стремящегося прорваться к Деречке. Бой принимал затяжной характер. Чтобы быстрее изменить обстановку в нашу пользу, пришлось приказать командиру корпуса нанести фланговый удар по противнику 9-й гвардейской кавдивизией с двумя противотанковыми полками в юго-западном направлении. Одновременно 64-ю мотострелковую бригаду с танковым батальоном 41-й танковой бригады я направил для удара из-за левого фланга 9-й гвардейской кавдивизии в западном направлении. Противник не выдержал этого мощного удара и, потеряв убитыми и ранеными до 800 солдат и офицеров и 23 подбитых танка, начал отходить на запад и северо-запад. Командир 4-го гвардейского кавкорпуса вновь развернул главные силы на Деречке и вечером совместно с 7-м гвардейским мехкорпусом атаковал город с трех сторон. Сопrotивление гарнизона было сломлено, и город в этот день был взят нашими войсками.

Поздно вечером командующий фронтом уточнил по срoкам задачу конно-механизированной группы. Она должна была «ударом на север соединиться с нашим 6-м гвардейским кавалерийским корпусом и к исходу 17 октября овладеть Дебреценом».

Город Дебрецен обороняли части 6-й пехотной дивизии венгров, 23-я танковая дивизия немцев, 1-й кавполк СС, около ста двадцати танков и самоходных орудий, три тяжелых полка артиллерии и многие другие части. Все здания промышленных предприятий, расположенные за городом, были приспособлены для длительного сопротивления. Противник успел создать две линии траншей и хорошо оборудовать их в инженерном отношении. Активизировала свои действия и авиация. В целом Дебрецен был превращен в мощный оборонительный узел, перехватывавший все дороги на север, северо-запад и запад и сковывавший маневр наших войск на восточном берегу реки Тисса.

В полночь 18 октября я отдал приказ на штурм Дебрецена. Правовофланговый 7-й гвардейский мехкорпус нацеливался на юго-восточную часть города, 4-й гвардейский кавкорпус наносил удар по юго-западной части, в направлении стыка железных дорог на окраине города, а 6-й гвардейский корпус,

находившийся на левом фланге, должен был наступать на западную и северо-западную часть Дебрецена. Для оказания решительного влияния на ход сражения в моем распоряжении оставались два полка гвардейских минометов, две истребительно-противотанковые бригады, штурмовая инженерно-саперная и две авиационные дивизии.

Утром 19 октября началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка, длившаяся 40 минут. За ней последовал штурм Дебрецена. На подступах к городу завязались на редкость упорные бои. Около 11 часов корпусам удалось зацепиться за окраины города. Бои за Дебрецен принимали все более затяжной и ожесточенный характер. Противник стремился захлестнуть наше наступление волнами контратак, которые он проводил с фанатическим упорством. Потери с обеих сторон быстро росли. Надо было создавать решительный перелом в ходе боя.

Командирам корпусов и дивизий был отдан приказ ввести в действие все танки и САУ, всю артиллерию и минометы и произвести артиллерийский налет, продолжительностью еще двадцать минут. Одновременно сильные удары наносили наши славные авиационные дивизии, которые всегда так хорошо взаимодействовали с нами.

В 14 часов 30 минут по всему расположению обороны противника вновь прокатился шквал ураганного огня. Этот огневой удар оказался той дополнительной мерой, которая надорвала силы сопротивления противника, и оно сразу начало ослабевать. В 17 часов дивизии ворвались в город. Бой в этом крупном городе носил исключительно жестокий, напряженный характер. Одновременно с нами в город с северо-востока ворвалась танковая бригада 23-го танкового корпуса генерал-лейтенанта Ахманова.

К утру 20 октября вражеский гарнизон Дебрецена был полностью разгромлен. Остатки 6-й пехотной, 23-й танковой дивизий и других частей местами прорвались в северном и северо-западном направлениях.

Основную тяжесть боев за Дебрецен вынесли корпуса и дивизии конно-механизированной группы, которые проявили яркий пример мужества и отваги.

Отличилась в этом сражении также конно-механизированная группа генерала С. И. Горшкова, которая наносила удар из района восточнее Орадеа-Маре на Карей-Сату-Маре.

Впереди всех были коммунисты. Бесстрашным воином,

умелым партийным работником проявил себя парторг 36-го полка 10-й гвардейской кавалерийской дивизии лейтенант Тютюнников. Перед очередной вражеской контратакой он вместе с членами партбюро пошел в эскадроны, побывал во всех пулеметных взводах. Для каждого у него находилось теплое, ободряющее слово. Командиру одного из эскадронов Тютюнников посоветовал создать пулеметную группу на самом опасном участке, и это сыграло немалую роль в успешном исходе боя. В итоге полк не только успешно отбил вражескую контратаку, но и прорвался дальше — к центру Дебрецена.

После взятия Дебрецена в числе других был принят кандидатом в члены ВКП(б) рядовой взвода связи 31-го гвардейского полка 8-й гвардейской кавалерийской дивизии комсомолец Яковлев. Лучшей рекомендацией ему были добрые слова товарищей, на глазах которых он совершил подвиг. В тяжелые минуты, когда немецкие танки и пехота вклинились в наши боевые порядки, была нарушена связь с одним из эскадронов. Яковлев добровольно вызвался восстановить связь и ежесекундно рискуя жизнью, наладил ее.

Вместе с Яковлевым был принят кандидатом в члены партии гвардии старший сержант Майликараев, сын казахского народа. В бою за Дебрецен он заменил раненого командира эскадрона и повел бойцов в контратаку. Враг был отброшен и смят. Весь день, несмотря на ранение, Майликараев командовал эскадроном, очищая от гитлеровцев улицу за улицей.

Тысячи таких отважных людей, как Тютюнников, Яковлев, Майликараев, презирая смерть, шли на врага. Это они разгромили фашистский гарнизон и очистили Дебрецен от коричневой нечисти. И это им салютовала столица нашей Родины — Москва.

Наши дивизии получили почетное право называться Дебреценскими. Так гласил приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Соединения и части группы, а также многие бойцы и командиры были награждены орденами и медалями.

С потерей Дебрецена — важного политического и экономического центра страны, мощного узла обороны, противник не мог уже удержаться в северо-западной Трансильвании. Он начал отходить на запад. Взятие конно-механизированной группой города Дебрецена имело важное значение и для дальнейшего развертывания наступления войск 2-го Украинского фронта.

19 октября по приказу командующего фронтом в состав нашей конно-механизированной группы была включена конно-танковая группа генерал-лейтенанта С. И. Горшкова, состоявшая из двух корпусов. 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус был сосредоточен северо-восточнее города Дебрецена и в районе города Валялуй-Михай, а 23-й танковый корпус, выдвинувшись вперед, закрепился в Хайдумашшон.

Этим же приказом перед конно-механизированной группой была поставлена новая задача. Нам предстояло развивать наступление на город Ньиредьхаза, чтобы к исходу 20 октября овладеть им и выйти в район Бернес, Ньиредьхаза, Гава.

Город Ньиредьхаза, расположенный в сорока километрах к северу от Дебрецена, являлся крупным узлом железных и шоссейных дорог и был последней лазейкой, через которую могли еще проскочить на запад войска немецкой группировки, действовавшей к югу и востоку от реки Тисса. Это и обусловило напряженный характер дальнейших боев.

Выступление группы возобновилось с утра 20 октября. Сопротивление противника нарастало с каждым днем. Откуда только брались у него силы! Он бросал в бой все новые и новые полки и дивизии, стремясь любой ценой не дать нашим войскам овладеть Ньиредьхаза и выйти к реке Тисса. Для создания оборонительных рубежей противник использовал широкую сеть каналов, оплетающую всю местность между Дебреценом и Ньиредьхаза, а также густо разбросанные на этой территории населенные пункты с их каменными зданиями. Корпусам пришлось преодолеть сорок километров в непрерывных кровопролитных боях. Лишь к середине 21 октября наш 23-й танковый корпус прорвался к городу и с ходу атаковал его. Штурм длился несколько часов. В 14 часов танкисты овладели городом Ньиредьхаза. Одновременно сильные передовые отряды группы (56-я мотострелковая и 3-я танковая бригады) вышли на Тиссу в районах Бенчелло и Рокамаз.

Немецкое командование не хотело мириться с потерей Дебрецена и Ньиредьхаза, связывавших будапештскую и трансильванскую группировки. Закрепившись на рубеже Тура, Котай, Белеград, немцы начали подтягивать танковые дивизии.

К этому времени все дивизии 4-го гвардейского кавкорпуса вышли в район Ньиредьхаза и закрепились на его западной и северо-западной окраинах. 7-й гвардейский мехкорпус в те-

чение всего дня 21 октября вел бои в районе Теглаш, Хайду-Хадхаз, отражая попытки крупных сил противника прорваться вдоль шоссе на Дебрецен. 6-й гвардейский кавкорпус по-прежнему оставался в районе Дебрецена в ожидании подхода нашей пехоты, которой мы должны были передать город для обороны. 5-й гвардейский кавкорпус частью сил вел бои за Напкор, а главными силами действовал в районе Надь-Колло. Рубеж этих двух населенных пунктов проходит в десяти километрах к юго-востоку от Ньиредьхаза.

Утром 22 октября конно-механизированная группа возобновила наступление, но во второй половине дня обстановка резко изменилась. Противник, отходивший под натиском наших войск на запад, внезапным ударом захватил Колло-Шемьен и Надь-Колло. В связи с этим конно-механизированная группа оказалась разрезанной на две части. Видимо, противник стремился создать коридор в направлении Хайду-Напаш, чтобы вывести свои главные силы, неудержимо катящиеся на запад под ударами армий 2-го Украинского фронта.

Эта обстановка сложилась вследствие того, что конно-механизированная группа далеко оторвалась вперед от своих соседей — 7-й и 53-й армий и главных сил фронта в северном и северо-западном направлениях.

Я отдал приказ командиру 6-го гвардейского кавкорпуса генерал-лейтенанту С. В. Соколову немедленно перейти в наступление и вернуть Надь-Колло. 7-й гвардейский механизированный корпус в этой операции участвовать не мог, так как он, продвинувшись на двадцать километров к северу от Дебрецена, втянулся в тяжелые бои за Теглаш и другие населенные пункты.

23 октября стало ясно, что одного 6-го гвардейского корпуса для выполнения этой задачи недостаточно. Хотя он и задержал противника, но значительных результатов добиться не смог.

К вечеру пришлось принять решительные меры для ликвидации образовавшегося коридора. В первую очередь для перехвата путей отхода противника было решено закрыть западный выход коридора. Эта задача возлагалась на 23-й танковый корпус, который должен был одной усиленной бригадой с западной окраины Ньиредьхаза нанести удар в юго-западном направлении и овладеть Хайду-Дорог, а затем во взаимодействии с 30-й кавалерийской дивизией 4-го гвардейского

кавалерийского корпуса захватить и соседний населенный пункт Хайдунанаш.

Для выполнения этой задачи командир танкового корпуса выделил 3-ю танковую бригаду. К 11 часам она стремительным ударом овладела Хайду-Дорог и начала наступление на Хайдунанаш. Но противник, чувствуя опасность потери этих пунктов, подтянул из резерва до двух полков пехоты и семьдесят пять танков. В середине дня 3-я танковая бригада была контратакована с двух сторон: с юга — силами полка пехоты с пятьюдесятью танками и с запада — от Хайдунанаш — двумя батальонами и двадцатью пятью танками. Неравный бой длился в течение нескольких часов. Только к 15 часам, когда враг начал обходить наши фланги, командир бригады вывел части из-под удара и закрепился в трех километрах от Хайду-Дорог, фронтом на юго-запад. 30-я кавдивизия, наступавшая на Хайдунанаш, была контратакована. Гитлеровцы ввели в бой новые силы — две пехотные дивизии, восемьдесят танков — и ударом в стык между кавдивизией и танковой бригадой прорвались им в тыл. Командир дивизии, подчинив себе танковую бригаду, совместным ударом по тылу прорвавшейся группировки противника разгромил два полка его пехоты и закрепился на рубеже Казар-Пойян, Озеро, Лоци (5 км к юго-западу от Ньиредьхаза). Здесь же закрепились и другие части фронтом на юго-запад.

На улучшение положения кавдивизии и танковой бригады должно было повлиять наступление 7-го гвардейского механизированного корпуса и 8-й гвардейской кавалерийской дивизии с рубежа Уй-Фехерто, Теглаш на Хайду-Дорог. Однако мехкорпус встретил упорное сопротивление противника и не имел необходимого успеха. К исходу дня они продолжали бой на достигнутых рубежах.

Основные усилия конно-механизированной группы были по-прежнему сосредоточены на ликвидации коридора. Было решено на Надь-Колло нанести два встречных удара с севера и с юга: с севера — силами 4-го гвардейского кавалерийского корпуса и 63-й кавдивизии 5-го гвардейского кавалерийского корпуса, а с юга — силами 6-го гвардейского кавалерийского корпуса во взаимодействии с другими частями.

Наступление начали на рассвете 24 октября. Сильное огневое сопротивление и массированные контратаки танков и пехоты противника привели к напряженным боям, в результате которых к исходу дня мы не смогли добиться решительно-

го успеха. Положение осложнялось тем, что мы не могли снять дивизии с других участков для наращивания удара, так как противник, используя отходящие с востока части, начал давить на 5-й гвардейский кавкорпус и ему удалось занять Денечер, Секель, Тура, Напкор. Гитлеровское командование напрямую все силы для того, чтобы вернуть Ньиредьхаза и обеспечить отход своих главных сил на запад. Войска 2-й венгерской армии достигли рубежа Кишварда, Вашарашнамень, Матесалка. Одновременно продолжали наступать крупные силы противника с северо-запада, вдоль дороги Рокамаз — Ньиредьхаза. О сложившейся боевой обстановке я доложил командующему фронтом. Подумав, он дал указание вывести корпуса группы, действовавшие фактически в окружении, обратно в южном направлении на соединение с войсками 2-го Украинского фронта. Итак, вместо того, чтобы подтянуть вперед к нам главные силы фронта, мне опять было приказано оставить районы, захваченные нами, и отходить назад, на соединение с главными силами фронта.

Для выхода из окружения я решил бросить все силы северной группировки (4-й и 5-й гвардейские кавалерийские и 23-й танковый корпуса) на прорыв обороны противника в направлении Надь-Колло. Развивая стремительное наступление, корпуса должны были в первой половине 26 октября соединиться с войсками 27-й и другими армиями фронта. Южная часть нашей группы (6-й гвардейский кавалерийский и 7-й гвардейский механизированный корпуса) должна была выйти в район Перкед, Герень.

Временно для удержания города Ньиредьхаза и прикрытия наших войск с северо-запада я оставил недавно подчиненную мне 3-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию и 3-ю танковую бригаду. С прорывом обороны противника главными силами фронта они должны были присоединиться к конно-механизированной группе на линии войск нашего фронта.

Выполнение этой задачи проводилось в крайне сложной и трудной обстановке. Дивизии, которые вели напряженные кровопролитные бои, не смогли своевременно оторваться от противника для сосредоточения на исходном рубеже. А когда корпуса начали выход из боя, 3-я гвардейская воздушно-десантная дивизия и 3-я танковая бригада, не проявив необходимой выдержки, преждевременно оказались выбитыми из Ньиредьхаза и, ведя арьергардные бои, отошли на рубеж

Орош, Сазкут. Наше положение резко ухудшилось. Со всех сторон нас атаковывали немецкие армейские корпуса и дивизии, прорывавшиеся через наши боевые порядки на запад. Они во что бы то ни стало должны были прорваться или погибнуть. Они лезли на будапештское направление с яростью обреченных. Теперь только стремительный удар всеми силами мог избавить нас от тяжелых затяжных боев и обеспечить прорыв с малыми потерями. Такой удар был нанесен в обход Надь-Колло с запада. Подвижные войска группы наступали на высоких скоростях. Очаги сопротивления ликвидировались с ходу. Счет времени велся на минуты.

Конно-механизированная группа, вихрем сметавшая вражеские заслоны, утром 27 октября соединилась с войсками 27-й армии и другими войсками фронта южнее Надь-Колло. В ходе этой операции соединениями группы было захвачено в плен 4655 и убито 15 876 офицеров и солдат противника, в том числе один генерал. Список уничтоженной и захваченной техники и прочих трофеев был невероятно длинным.

Вечером 28 октября войска 2-го Украинского фронта заняли исходное положение для развития дальнейшего наступления, которое переросло в Будапештскую операцию. Впереди были новые бои.

СРАЖЕНИЕ ЗА БУДАПЕШТ

Огненная лавина фронта неудержимо двигалась на запад. Фронтовые дороги были забиты войсками. Грозно шли танковые колонны. Обгоняя их, проносились грузовики с автоматчиками. На рысях, четко держа строй, проходили казачьи эскадроны. Далеко, до самого горизонта, растянулись пехотные полки. И над всем этим мощным грохочущим океаном наступления гудели бесчисленные эскадрильи краснорезных самолетов.

В эти дни в каждом подразделении конно-механизированной группы казаки и танкисты читали обращение Военного Совета фронта к казакам-гвардейцам. В нем говорилось, что приближается решительный час окончательного разгрома гитлеровской Германии... А это значило — приближается мир. Теперь все чувствовали, что мир уже недалеко, где-то за Тат-

рами и Бескидами, за Восточными Альпами, Богемским лесом и Рудными горами.

Здесь необходимо подчеркнуть огромное значение постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 27 октября 1944 года. Оно обязывало Военный Совет 2-го Украинского фронта разъяснить венгерскому народу, что Красная Армия вступает в эту страну «не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского гнета». В соответствии с этим постановлением Военный Совет фронта обратился к венгерскому народу со специальным воззванием. Одновременно усилилась политическая работа среди наших воинов. В беседах политработников подчеркивалось, что нельзя смешивать поработенное немецким и венгерским фашизмом трудящееся население Венгрии с преступной венгерской правящей верхушкой и салашистами, которые продолжали верно служить гитлеровцам. Кстати, во время Будапештской операции часть венгерской армии, послушная салашистам, яростно сражалась против наших войск...

Настойчивая и целеустремленная партийно-политическая работа, проводимая командирами и политработниками, способствовала приподнятому настроению, высокому морально-боевому духу воинов нашей группы войск. Это и понятно: советские войска успешно шли вперед, и уже никакие силы не могли остановить их. Начиналась Будапештская операция.

Надо сказать, что гитлеровцы придавали Будапешту особое значение. И помимо политических расчетов не последнюю роль тут играли расчеты экономические. В городе и его окрестностях было расположено около половины всей промышленности страны, почти 80 процентов всех машиностроительных заводов. Недалеко от венгерской столицы находились крупные месторождения бокситов и нефти, важного стратегического сырья, вывозившегося в Германию. Вот почему фашистское командование всеми силами старалось удержать Будапешт.

Учитывая напряженную и неустойчивую политическую обстановку в Венгрии и важность быстреего выхода ее из войны, командование 2-го Украинского фронта еще в ходе Дебреценской операции готовило решающий удар на Будапешт. С этой целью к концу октября на левом крыле фронта были сосредоточены значительные силы. Сюда была переведена 7-я гвардейская армия генерал-полковника М. С. Шу-

милова. В районе Карцага сосредоточились выведенные в резерв фронта 6-я гвардейская танковая армия и 18-й танковый корпус. С юга на Будапешт нацеливалась 57-я армия соседнего 3-го Украинского фронта Маршала Т. П. Толбухина. Одновременно войска правого крыла фронта, куда входила и наша конно-механизированная группа, продолжали наступление на Ньиредьхаза, Мишкольц, имея целью сковать силы противника, сорвать переброску их в район Будапешта и нанести им серьезное поражение.

Будапештская операция началась успешным наступлением 46-й армии генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина и действовавшего совместно с ней 2-го механизированного корпуса, а также 4-го механизированного корпуса, введенного в сражение в полосе армии. Мощный удар этих сил при активной поддержке 5-й воздушной армии генерала Горюнова вывел войска левого крыла фронта к южным подступам Будапешта. До столицы оставалось не более двадцати пяти километров. Из района Мишкольц к Будапешту были срочно переброшены три танковые и одна моторизованная дивизии противника. Это не могло не сказаться на темпах наступления. Противник значительно усилил сопротивление. 46-я армия и приданные ей корпуса в течение 3 и 4 ноября предпринимали попытки прорвать оборону внешнего оборонительного обвала города. Обстановка требовала ускорить наступление других армий фронта и особенно 7-й гвардейской армии генерал-полковника Шумилова, наносившей удар севернее Будапешта.

Для взаимодействия с 7-й гвардейской армией в преодолении реки Тисса конно-механизированная группа 5 октября перегруппировывалась в район Уйзас. По решению командующего фронтом группа должна была ударом от города Сольнок на север снять оборону противника по западному берегу реки Тисса и тем самым оказать помощь 7-й и 53-й армиям.

Сосредоточение корпусов и подготовка к наступлению были закончены 10 ноября. Войска 7-й гвардейской армии и наступавшей севернее ее 53-й армии к этому времени успешно закончили форсирование Тиссы и отбросили противника от реки.

После этого мы получили новую задачу: войти в прорыв на участке Соболек, Уйзас и развить наступление в общем направлении на Ясопати, Ясарокосаллаш.

Перед началом Будапештской операции в составе конно-механизированной группы произошли некоторые организаци-

онные изменения. Начало этим изменениям было положено приказом Ставки Верховного Главнокомандующего от 31 октября 1944 года. Ставка предложила командующему фронтом иметь в составе фронта две конно-механизированные группы.¹ В состав моей группы вошли 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские и 7-й гвардейский механизированный корпуса со всеми средствами усиления. Основные силы таким образом остались без изменений. Но в приказе Ставки говорилось: «Для управления группой сформировать штаб группы и выделить необходимые средства связи». Это значило, что вместо нештатной конно-механизированной группы, со всеми ее недостатками и трудностями в управлении, создается штатная 1-я гвардейская конно-механизированная группа со своим органом управления армейского типа. До этого командующий группой в управлении войсками опирался на штаб корпуса. Ясно, что штаб корпуса не мог полностью справиться с задачами, так как в состав группы входило от трех до пяти корпусов.

Штатная конно-механизированная группа являлась более эффективным оперативным объединением во всех отношениях.

Организационное оформление конно-механизированной группы было логическим завершением тех качественных и количественных изменений, которые произошли в подвижных войсках к концу 1944 года. Быстро и широко развивающаяся танковая промышленность позволила еще в 1942 году развернуть формирование значительного количества танковых и механизированных соединений и объединений. Это с закономерной неизбежностью повлекло за собой все большее снижение удельного веса чисто кавалерийских соединений в операциях, проводимых советскими войсками. Снижение удельного веса конницы шло не за счет сокращения ее численности, а за счет значительного увеличения танковых и механизированных соединений и объединений. Кавалерия в «чистом» виде, как самостоятельный род войск, стала утрачивать свое бывшее значение, заменяться смешанными конно-механизированными группами. А кавалерийские соединения, входящие в состав конно-механизированных групп, были значительно усилены включением в их состав танковых, артиллерийских частей и других средств усиления. Я и сейчас с большим удовлетворе-

¹ ЦАМО, ф. 6/н, д. 9, л. 77.

нием вспоминаю тех офицеров и генералов, которые пришли на укомплектование штаба и политотдела группы войск. Это были заслуженные, храбрые, имеющие уже богатый боевой опыт командиры, штабные и политические работники: начальник штаба генерал Пичугин, начальник оперативного отдела полковник Пустынов, начальник разведотдела полковник Компаниец и многие другие, показавшие себя в ходе дальнейших наступательных операций с самой хорошей стороны.

Основу политотдела группы вначале составили: полковник Грищенко, подполковники Целуйко и Иванов, майор Колядич, капитан Давыдов, майор Симок, майор Глезин, майор Егоров и др. Все как на подбор — отличные кадры. Естественно, политорганы корпусов и дивизий стали работать еще лучше.

К 10 ноября одновременно с завершением сосредоточения дивизий группы в районе Сольнок, Абонь, Тертель было в основном закончено комплектование штаба и политического отдела конно-механизированной группы. Заместитель начальника политотдела группы подполковник Целуйко доложил мне, что в частях и соединениях группы находится 10 226 коммунистов и еще больше комсомольцев. Такое мощное ядро способно было создать огромную наступательную энергию в корпусах и дивизиях.

Конно-механизированная группа была введена в полосу наступления 7-й гвардейской армии, куда переносился главный удар фронта. Командующий армией имел приказ Маршала Малиновского: сконцентрировать на своем левом фланге не менее 1600 орудий, прорвать фронт обороны противника и обеспечить ввод в сражение нашей конно-механизированной группы, а также 2-го и 4-го гвардейских механизированных корпусов, переброшенных с южного участка фронта.

По этому же приказу мы должны были с утра 10 ноября войти в прорыв, имея в первом эшелоне наш 23-й танковый корпус и к исходу следующего дня перерезать железнодорожную и автомобильную магистрали Будапешт — Мишкольц, попутно захватив крупные населенные пункты Карачонд, Ватомшдьерк, а также важные узлы дорог Кал и город Дьендьеш, расположенный у подножья гор Матра. Нам предстояло пройти пятьдесят километров в условиях бездорожья, по местности, изрезанной густой сетью оросительных каналов, с разбросанными населенными пунктами, которые противник использовал для усиления обороны. Однако наступление нача-

лось днем позже, при более благоприятных для нас погодных условиях.

Хмурое утро 11 ноября 1944 года. Холодный пронизывающий туман плотным слоем накрыл Венгерскую равнину. Это нас радовало, туман был нашим союзником, надежно скрывавшим действия корпусов от наземного и воздушного противника.

С раннего утра в полосе 7-й гвардейской армии возобновилось решительное наступление в общем направлении на Хатван. Одновременно с нашей конно-механизированной группой вступили в сражение и прибывшие на это направление 2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса. Значительное увеличение подвижных войск в полосе наступления 7-й гвардейской армии внесло на этом участке фронта высокую боевую активность, а отсюда и успешные результаты. Начавшееся наступление должно было, по замыслу командования фронтом, привести к охвату Будапешта с северо-востока и севера, чтобы совместно с войсками левого крыла фронта, которые наносили удар по противнику обороняющемуся на юго-восточных подступах к столице, окружить и ликвидировать будапештскую группировку.

Боевые действия первого дня показали, что противник умело использует каждый объект для жесткой обороны, всеми силами стараясь остановить наше наступление в междуречье Тиссы и Дуная, чтобы затем перехватить инициативу и восстановить свою оборону по Тиссе. Во всяком случае, характер действий противника говорил о том, что он не намерен для сохранения своих сил отводить войска на правый берег Дуная.

Донесения, поступившие от частей и соединений, свидетельствовали о высоком накале боев. Противник упорно сопротивлялся, неся большие потери. Боевая инициатива была твердо в наших руках.

Меня всегда особенно беспокоили первые результаты сражения, поскольку в них закладывается и моральный и оперативный фундамент успеха в целом.

Мы придавали большое значение захвату крупного населенного пункта Ясладань — узла шоссейных дорог, расположенного на железнодорожной линии Сольнок — Дьендьеш. Ясладань был первым мощным узлом обороны на пути нашего наступления. Взять его без больших потерь можно было только ворвавшись на плечах отходящего противника.

Я наблюдал со своего КП картину боя. Широко развернув-

шись, вал за валом шли на город танки генерала Ахманова. Под тяжелой броней их содрогалась земля.

Ветер доносил едкий запах гари: горели дома, превращенные немцами в опорные пункты, чадно дымили подбитые танки. Туман уже рассеялся и было хорошо видно, как на окраину Ясладаня ворвался танк. Он мчался на предельной скорости. Впереди сверкнул оружейный выстрел. Расстояние от пушки до танка было небольшое, но вражеского артиллериста подвели нервы: он промахнулся. Второго выстрела он не успел сделать — стальная махина накрыла пушку. Потом танк круто повернул вправо — на пулеметное гнездо. Это было потрясающее зрелище: опоясанный огнем, сам извергающий огонь, танк носился по улице, бросаясь из стороны в сторону, сметая на своем пути все.

— Откуда этот герой? — вырвалось у меня.

— Из третьего батальона капитана Куприянова, товарищ командующий, — ответил генерал Пичугин, — а кто — узнаем после боя.

Потом мы получили точные сведения. Это был танк командира взвода, коммуниста лейтенанта Журавлева, который увлек за собой весь батальон. Он уничтожил в бою за Ясладань шесть орудий, три пулемета, четыре автомашины и тридцать вражеских солдат и офицеров.

Как бы соревнуясь в отваге с Журавлевым, бесстрашно действовал комсорг 2-го танкового батальона Александр Михайлович Юсов. Он стремительно ворвался в расположение противника. Впереди у орудий суетились вражеские расчеты. Они не успели выстрелить. На них обрушился танк. Он подмял под себя еще одну пушку и рванулся было на обезумевших от ужаса немецких солдат, тащивших пулемет, но вдруг дернулся и замер. В его борт ударил снаряд немецкой самоходки. Черный дым окутал грозную машину, но она продолжала косить врагов.

После боя мы похоронили героев. И над их могилой прозвучал залп воинского салюта... Так славно дрались наши отважные танкисты из корпуса генерала Ахманова.

Захват города Ясладань был большим успехом. Но темп наших действий в общем был замедленным. Топкая, размытая дождями местность снижала подвижность войск, стесняла свободу маневра. Это было на руку оборонявшемуся противнику.

12 ноября конно-механизированная группа подошла к Яс-

кишер и завязала за него бой. Танки и конница буквально увязали в грязи, но казаки и танкисты с поразительным упорством преодолевали вражескую оборону, ломая отчаянное сопротивление гитлеровцев и салашистов. Храбрость и выносливость наших солдат и офицеров, казалось, не имели предела. Каждый бой рождал все новых и новых героев. И через четверть века скупые строки боевых донесений воскрешают в памяти их подвиги.

Вот одна строка из боевого донесения 6-го гвардейского кавалерийского корпуса от 14 ноября 1944 года. В ней было сказано, что под Алаттьян бессмертный подвиг совершил танкист Коврижко. Я хорошо помню этот населенный пункт: Он затерялся между городами Сольнок и Хатван, на берегу речушки Задьева, впадающей в Тиссу. Вдоль этой речки на Алаттьян наступал 6-й гвардейский кавалерийский корпус. Как и все другие населенные пункты, Алаттьян был подготовлен противником к продолжительной обороне. Танковая рота капитана Коврижко входила в состав, кажется, 154-го танкового полка 8-й гвардейской кавалерийской дивизии, которым командовал подполковник И. А. Солсохом. Во время атаки капитан Коврижко повел роту за собой. Противник открыл сильный огонь. Танк Коврижко ринулся на вражеский танк и, ведя огонь на ходу, подбил его. Стремительно маневрируя, командир роты ворвался на огневую позицию противотанковой батареи гитлеровцев и успел раздавить два орудия. Но от прямого попадания его танк загорелся. То, что произошло вслед за этим, трудно передать словами.

Танкисты роты получили по радио приказ своего бесстрашного командира: «За мной, вперед!» Все видели, как охваченный пламенем танк рванулся вперед и с ходу раздавил пулеметы. Немцы в ужасе бросились в стороны. Затем танк горящим факелом метнулся вправо на огневые позиции минометов, стоявших за сараем и, раздавив два миномета, устремился дальше... Когда населенный пункт был взят, казаки-морозовцы обнаружили догорающий танк капитана Коврижко.

Герои, подобные Журавлеву, Юсову, Коврижко, были ярким примером мужества и отваги в бою, беспредельной верности советской Родине. Они поднимали на выдающиеся подвиги тысячи других героев. Так бывало во всех боях.

14 ноября сопротивление противника усилилось, а раскисшая земля и топи высасывали у людей и конского состава последние силы. Затруднялся подвоз материально-технических

средств. Соединения группы продвигались вперед с непрерывными боями. Наступавший левее нас 4-й гвардейский механизированный корпус вел бой весь день под Ясберень, а 2-й гвардейский механизированный корпус продвинулся вперед всего на несколько километров.

7-я гвардейская армия вела бои совместно с подвижными войсками. Ее соединения, с боями продвигаясь на север, вышли на рубеж Эрк, Ясберень, Сентмартонката. Правофланговые части 46-й армии, оставаясь в основном на прежних рубежах, продолжали бои.

Противник перебросил в эти дни на будапештское направление значительные силы, средства и усилил сопротивление. Все это в исключительно неблагоприятных условиях местности и погоды: густая сеть каналов и населенных пунктов, топь, половодье, дожди и непролазная грязь. Враг прилагал невероятные усилия, стремясь остановить наше продвижение. И все же ему это не удавалось благодаря массовому героизму наших войск. Мы упорно продолжали продвигаться все дальше на север, захватывая один населенный пункт за другим. Казаки выполняли клятву, данную своим землякам: «Бить смело и беспощадно врагов нашей Родины». Эта клятва была ответом на многочисленные письма трудящихся Кубани, Дона, Ставрополя, Осетии и других районов нашей Родины, присланные к 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Эти письма вдохновляли и окрыляли весь личный состав наших соединений.

Неослабевающие, ожесточенные бои продолжались все дни. И каждый из них приносил все новые примеры героизма, которые быстро становились известными в соединениях группы через специальные выпуски боевого листка-летучки. Я часто думаю, вот если бы все эти боевые листки собрать и издать отдельным сборником, какая это была бы безыскусственная, непревзойденная по искренности и правдивости летопись героизма Великой Отечественной войны.

В одном из таких листов рассказывалось о парторге 2-го эскадрона 36-го кавполка гвардии старшем сержанте Лабонине. Полк в составе 4-го гвардейского кавкорпуса наступал на город Ясароксаллаш. На его пути протекал канал Тарна, переправа через который была заминирована и простреливалась пулеметным огнем. 2-й эскадрон первым вышел к берегу и остановился перед минным полем. Ждать подхода главных сил полка и саперов — значило дать противнику время закре-

питься на этом выгодном рубеже. Коммунист Лабонин понимал серьезность обстановки и знал, что только он один из числа вышедших к переправе знаком с устройством немецких мин. Он обратился к комэску:

— Разрешите мне, я хорошо знаком с немецкими минами.— И, видя нерешительность командира, спокойно добавил: — Я пойду к переправе, поработаю. Все будет хорошо. Только вы прикройте огоньком.

Под бешеным огнем врага смельчак пополз к переправе. Вокруг него рвались мины, вспыхивали трассирующие очереди пулеметов. Наши обрушили на гитлеровцев удар артиллерийских батарей. Обе стороны, поливая друг друга огнем, следили за Лабониным. Немцы со злобой и отчаянием, наши — с восхищением и надеждой. Несколько раз командир эскадрона посылал к переправе вестовых. Те, кто добрался обратно благополучно, докладывали: «Все идет нормально». Наконец, Лабонин дал знать, что путь открыт.

Атака эскадрона была стремительной. Он форсировал канал и сбил вражеское прикрытие. За ним переправился и весь полк. Потом выяснилось, что Лабонин извлек и обезвредил 50 противопехотных и противотанковых мин. И это под яростным огнем врага, ежесекундно рискуя жизнью!

С рубежа канала Тарна соединения 4-го гвардейского кавалерийского корпуса во взаимодействии с 23-м танковым корпусом неотступно преследовали врага до самого города Ясароксаллаш.

Я не могу сейчас точно сказать, чья часть первой ворвалась в город — конников или танкистов (да теперь это и не столь важно), но судя по полученным тогда донесениям, и те и другие ворвались первыми. 23-й танковый корпус доносил, что 56-я мотострелковая Ясская бригада под командованием Героя Советского Союза полковника Штанько вышла к окраинам города, и рота, которую возглавил вместо выбывшего из строя командира сержант Кузнецов, первой ворвалась в город. Сам комсомолец Кузнецов шел в атаку впереди роты и в рукопашной схватке уничтожил восемь солдат противника.

В донесении 4-го гвардейского кавалерийского корпуса говорилось, что 138-й кавполк 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии в конном строю первым ворвался в город и завязал уличные бои. А когда я прибыл к месту боя, то танкисты и кавалеристы дрались как на окраинах, так и в самом

городе. Наибольший успех удалось развить кубанцам и танкистам.

Продолжая наступление, соединения конно-механизированной группы захватили населенные пункты Лудаш, Адач, Вамошдьерк, расположенные на железнодорожной линии Будапешт — Мишкольц, а затем и город Дьендьеш — крупный узел шоссейных дорог, лежащий у южного подножья гор Матра.

Взять этот город оказалось легче, чем удержать его. Противник в течение всего дня 19 ноября пытался крупными силами прорваться в город и вернуть его. Местность вокруг города закрытая. Этим пользовался противник, которому без особого труда удавалось скрытно подходить к нашим позициям и атаковать их. Часто разгорались кровопролитные схватки. Наиболее напряженная обстановка сложилась на восточной окраине Дьендьеш. Здесь сразу за городом поднимается гора, с которой просматриваются все улицы. Используя численное и тактическое превосходство, враг шесть раз пытался прорваться в город. Однако все его попытки были тщетны. Убедившись в бесплодности своих атак, гитлеровцы и салашисты к вечеру перенесли свой удар на части 4-го гвардейского кавкорпуса, которые к этому времени обошли Дьендьеш с запада и перерезали дорогу, ведущую из города на северо-запад. Разгорелись тяжелые бои за населенные пункты Дьендештарьян и Дьендешпата.

Натолкунувшись на горы, покрытые лесным массивом, мы в известной мере потеряли свою подвижность и маневренность, то есть важнейшие качества подвижных войск, и вынужденные действовать на захваченных рубежах, не могли создать решительного перелома в боевой обстановке. Противник нес большие потери, но сопротивление его не ослабевало. Наоборот, в район боевых действий он все время подбрасывал новые силы и средства.

Наши потери также стали сказываться на темпе наступления. Бои носили на редкость кровопролитный характер. В 4-м гвардейском корпусе в некоторых частях вышло из строя много офицеров. В эти дни в корпусе были ранены полковник Машталлер, начальник штаба 10-й гвардейской кавдивизии Губанов, командир 9-й гвардейской кавдивизии полковник Демчук, заместитель начальника политотдела корпуса подполковник Шутковский, четыре заместителя командиров полков, три первых помощника начальников штабов полков, два-

дцать командиров эскадронов и двести шестьдесят семь командиров взводов и другие. Многими взводами командовали сержанты, а в 9-й гвардейской кавдивизии старые опытные сержанты стояли во главе двух эскадронов. Подобная картина была и в 6-м гвардейском кавкорпусе. В 23-м танковом корпусе к 23 ноября в строю осталось, к сожалению, незначительное количество танков.

Несмотря на потери, которые были восполнены за счет прибывающих резервных подразделений и частей, высокий боевой дух наших воинов давал возможность продолжать успешно сражение. Помню, когда войска группы вышли в район северо-западнее Дьендьеш, командир 4-го гвардейского кавкорпуса гвардии генерал-майор Головской доложил мне, что противник проводит сильные контратаки пехотой и танками, поэтому он просил ускорить выдвижение наших танков вперед. Пришлось с небольшой оперативной группой и радиостанцией выехать в 23-й танковый корпус. Оказалось, что он уткнулся в большой канал и не может его преодолеть из-за крутых скатов и отсутствия переправы. Подходы к каналу находились под сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Командир корпуса доложил, что ведется инженерная разведка с целью установления места для переправы. Меня очень возмутила такая бездеятельность и, помнится, пришлось серьезно указать ему на то, что разведку необходимо было вести раньше, а при подходе к рубежу должны были уже вестись работы по обеспечению форсирования канала. Я тут же приказал немедленно направить 176-й отдельный саперный батальон корпуса на постройку переправы.

Саперные подразделения быстро выдвинулись к реке и энергично взялись за работу. Вокруг вставали фонтаны воды от взрывов снарядов и мин, повсюду раздавалась ружейно-пулеметная трескотня. А саперы, горячо увлеченные своей работой, как будто не замечали ничего вокруг. Было приказано перенести артиллерийский огонь для прикрытия работы соседних участков. Наша артиллерия открыла сильный огонь, но враг не оставлял переправу. На моих глазах в шквале огня растаял один взвод, которым командовал старший сержант коммунист Богданов. Его место занял другой взвод. Погиб командир роты старший лейтенант коммунист Стольников. А темпы работы все нарастали. Два часа сорок минут продолжался подвиг этих беззаветно храбрых людей, пока не был построен мост и по нему двинулись танки, артиллерия и бое-

вая техника. Танки подоспели вовремя и помогли генералу Головскому отразить успешно все контратаки немцев и удержать захваченный нами город.

В день 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции нам не удалось провести традиционные торжественные собрания. Их проводили в частях, когда выпадала редкая минута затишья. Командиры, политработники, коммунисты всюду, где позволяла обстановка, проводили беседы, короткие митинги, выпускали боевые листки. В эти дни многие, идя в бой, подавали заявления с просьбой принять их в партию. В заявлениях часто писали: «Если погибну, прошу считать меня коммунистом!»

Во многих частях группы разнеслась весть о подвиге разведчика рядового Аникина. Выполняя боевое задание, Аникин был ранен. Когда друзья отправили его в медсанбат, он обратился к секретарю партийного бюро и сказал: «Это был экзамен перед вступлением в партию. Теперь я знаю, что смогу быть коммунистом». Он вытащил из левого кармана гимнастерки заявление и взволнованно спросил: «Примете?»

А дело было так: 19 ноября во всех частях отмечали День артиллерии. В этот день артснабженцы жаловались, что артиллеристы израсходовали все лимиты боеприпасов и наступают на горло. Я принимал эти жалобы к сведению, но артиллеристов не обижал. Пусть выкручиваются, на то и снабженцы. Отмечали этот праздник и артиллеристы 140-го гвардейского арtpолка. Разведчикам доставалось больше всех. От них требовали указать цели, и не какие-нибудь, а самые важные. Не размениваться же в такой день по мелочам! Получил боевую задачу и разведчик Аникин. Проникнув в расположение противника, Аникин заметил на скате высоты крупнокалиберный пулемет. Возле него виднелись свежие воронки и труп одного фрица. Солдат смекнул, что остальные укрылись где-то поблизости и в любой момент могут вернуться к пулемету. Недалеко от пулемета Аникин увидел вражеское орудие, которое вело огонь по нашим боевым порядкам. Аникин решил захватить пулемет, чтобы из него обстрелять орудие. И смелый разведчик, плотно прижимаясь к земле, пополз вперед.

«Каким долгим показался мне этот путь! — рассказывал потом Аникин. — До пулемета рукой подать, силы выжимаю из себя до предела, а скорость ниже черепашьей. Только подполз, вижу, идут субчики. Вскинул я автомат, а он

весь в грязи. А вдруг откажет! Но у наших ППШ русская душа. Не подвел. Сложил я этих фрицев одной очередью рядышком. Вот вам, думаю, «жизненное пространство». Довольствуйтесь.

Пулемет оказался исправным. Рядом коробки с лентами. Быстро развернул его, навел на расчет орудия и выпустил добрую половину ленты. Уцелевший фрик бросился бежать. Тут у меня мелькнула мысль — вооружиться более крупным калибром. Я схватил пулемет, прикрепил к нему две коробки с лентами и рванулся к орудью. Не тут-то было! Пулемет оказался тяжелым, колеса вязли в грязи, ноги скользили. Было трудно дышать. В горле — как постного масла выпил. Когда добрался до орудия и изготовил пулемет, совсем иссяк. Сел, отдышался, осмотрелся. И здесь была видна работа наших именинников. Одно орудие разворотило прямым попаданием, другое стояло с открытым замком, а вокруг трупы. Оробел я малость: вокруг враги, а я один. Думаю: от безделья это. Поискал цель, заметил пулемет. Дал по нему прямой наводкой, веселее на душе стало. Огляделся кругом, вижу — немецкая самоходка идет в моем направлении. Довернул орудие, жду, когда подойдет поближе. Стрелять боюсь, далеко. Промажу, не успею перезарядить. А ей стрелять, видно, неудобно, движется по скату, накренившись набок, и пробует снарядами твердость грунта за моей ОП (огневой позицией). Тут меня осколком и царапнуло... Шарахнул я ее почти в упор. Немцы выскочили — на меня! Огрел я их из автомата и присел отдохнуть. Чувствую себя, как в крепости: на вооружении орудие, крупнокалиберный пулемет, два автомата (один прихватил у убитого немца) и куча гранат. А тут и наши подошли, сделали перевязку».

Когда сабельные эскадроны ворвались на позиции противника, казаки увидели у орудия раненого Аникина, подбитую самоходку, а вокруг трупы вражеских солдат. Кто-то из конников дружески заметил:

— Ну и натворил же ты тут, друг!

— Выхода другого не было, — просто ответил Аникин.

Очень хороший ответ. Именно так. У советского воина единственным выходом из трудного положения является только настоящий подвиг.

...К 26 ноября корпуса вышли на рубеж Чонкаш, Леринци. Двадцатидневные непрерывные жестокие бои переутомили и измотали войска группы.

В этот день мы получили директиву Маршала Малиновского, в которой он приказал сдать занимаемый группой рубеж 7-й гвардейской армии, а вновь организуемой 2-й гвардейской конно-механизированной группе выйти от нас в резерв фронта и начать подготовку к дальнейшим действиям в новом направлении. Мы тепло, по-братски простились с уходящими от нас соединениями, пожелав им ратных подвигов.

К концу ноября 1944 года 2-й Украинский фронт глубоко вклинился во вражескую территорию к северу и северо-востоку от Будапешта. Здесь войска остановились и начали подготовку решающего удара по будапештской группировке противника. Командование фронтом создало две ударные группировки. Главная группировка должна была нанести удар из района Хатван, расположенного в 40 километрах восточнее Будапешта, и выйти левым флангом к Дунаю, севернее Будапешта, отрезав тем самым пути отхода будапештской группировке противника на север.

Другой группировке (46-я армия с приданным ей 2-м гвардейским механизированным корпусом во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта) предстояло форсировать Дунай южнее Будапешта, на участке Эрд, Ардонь и, охватывая город с юго-запада и запада, отрезать пути отхода противника на запад.

1-я гвардейская конно-механизированная группа (4-й и 6-й гвардейские корпуса, 7-й гвардейский мехкорпус) и все части усиления, готовясь к новому наступлению, были выведены в район Чань, Пустамоноштор. Здесь дивизии были доукомплектованы личным составом, танками, САУ, артиллерийским вооружением, боеприпасами. К началу боевых действий группа получила большую партию конского состава с амуницией и снаряжением. К моему большому огорчению, состав нашей 1-й гвардейской конно-механизированной группы был ослаблен выводом в резерв фронта 23-го танкового корпуса на доукомплектование.

Вечером 27 ноября я получил приказ Маршала Р. Я. Малиновского, в соответствии с которым группе предстояло развивать успех в оперативной глубине, а не самостоятельно прорывать оборону противника, как это было в Дебреценской операции. По замыслу операции, главный удар наносила 7-я гвардейская армия генерал-полковника М.С. Шумилова. Она наносила удар на фронте в девять километров в направлении Вершеч, Чевар, Нетенч. Вслед за ней в прорыв вводилась 6-я

гвардейская танковая армия генерал-полковника А. Г. Кравченко в направлении Вершеч, Боршом, Беренке. А затем, уже с выходом частей 7-й гвардейской армии на линию Леринци—Кёкениеш мы должны были вслед за армией Кравченко войти в прорыв из-за ее правого фланга. На участке главного удара было сосредоточено 2012 орудий и минометов и 492 танка (включая и 99 наших). Правее наступала 53-я армия генерал-лейтенанта И. М. Манагарова в направлении Сарвашгебе, Сечень, которая должна была прикрыть правый фланг главной ударной группировки фронта.

Перед фронтом 7-й гвардейской армии к этому времени были отмечены действия одной пехотной, двух танковых дивизий немцев и трех пехотных дивизий венгров, входивших в состав 6-й армии, которой командовал генерал артиллерии Фреттер-Пико.

4 декабря в 17 часов дивизии двинулись к исходным районам для ввода в прорыв, а я вместе с оперативной группой выехал в Тура, на наблюдательный пункт командующего 7-й гвардейской армией. На НП помимо генерала Шумилова находился и генерал Кравченко. Совместно с командармами и представителем 5-й воздушной армии мы согласовали вопросы взаимодействия при вводе группы в прорыв. Был уточнен порядок прохода соединений группы через боевые порядки 7-й гвардейской армии; договорились о времени освобождения дорог и прокладки колонных путей для группы, о наведении переправ через каналы и по ряду других вопросов. Мы согласовали также вопросы огневой поддержки конно-механизированной группы при вводе ее в прорыв и способы поддержания связи между нашими штабами во время действий в оперативной глубине.

До начала наступления осталось несколько часов, когда офицеры связи доложили, что корпуса группы заняли свои исходные районы в полной готовности для наступления.

В 9 часов 30 минут 5 декабря артиллерия открыла огонь. Бомбовый удар обрушила авиация. Огненный смерч завихрился над обороной противника. После короткого, но мощного артиллерийского удара войска 7-й гвардейской армии двинулись вперед. В первый момент казалось, что артиллерия смела в стане противника все живое, и войска свободно пройдут по пробитому коридору, настолько плотным и сильным был артиллерийско-авиационный удар. Один из жителей рассказывал потом о нашем огневом налете так: «Когда нача-

лась артиллерийская стрельба русских, было что-то ужасное. Я участвовал во многих войнах, но ничего подобного не видел, даже представлять не мог... Каждую секунду в районе нашего села рвалось несколько сот снарядов и мин. Немецкие офицеры и солдаты, побросав все, разбежались, а мы молили бога, чтобы он внушил русским, что немцы уже убежали и чтобы русские кончили артиллерийскую стрельбу».

Первую позицию прошли без особого сопротивления со стороны противника. Но гитлеровцы быстро опомнились и в дальнейшем оказывали исключительно упорное сопротивление. К 15.30 армия продвинулась только на шесть-восемь километров, расширив фронт прорыва до восемнадцати километров. Вражескую оборону прорвать на всю глубину не удалось, и наступление начало ослабевать. Тогда командующий фронтом ввел в сражение 6-ю гвардейскую танковую армию, которой пришлось завершать прорыв обороны противника. Примерно так же обстояло дело и у соседа справа. 53-я армия за весь день смогла продвинуться лишь на несколько километров.

Ввод в сражение танковой армии внес перелом. Темп наступления увеличился. Этому способствовали и мощные удары нашей авиации, волна за волной пролетавшей через наши головы в сторону противника. Гул сражения удалялся на север...

Теперь основной нашей заботой было поддержание высоких темпов наступления. Именно высокие темпы решали вопрос окружения будапештской группировки. Но горно-лесистая местность и распутица снижали их и затрудняли маневр.

Первые столкновения с врагом показали, что противостоящие 357-я пехотная и 18-я танковая дивизии «СС» и другие части, несмотря на выгодные для обороны условия, не могут сдержать нашего наступления. К исходу дня группа войск прошла с боями до 20 километров. Всю ночь на 7 декабря соединения 1-й гвардейской конно-механизированной группы продолжали преследовать гитлеровцев, отступающих с боями на север.

В районе Легенд враг оказал упорное сопротивление. Кроме 18-й танковой дивизии, против нас действовала новая механизированная дивизия «полицай». К утру 7 декабря врагу удалось зацепиться за оборонительный рубеж на линии Санда, Легенд. Весь день на этом рубеже соединения группы вели напряженные бои. Я решил ввести в сражение 4-й гвар-

дейский кавкорпус из-за левого фланга группы, обойти противника с запада и, не задерживаясь, продолжать развивать наступление на Балашадьярмат, расположенный на берегу пограничной реки Ипель.

В полночь мы получили информационную радиограмму фронта, в которой сообщалось, что 53-я армия своим левым флангом вышла на рубеж Палоташ, Сирак и что по имеющимся данным противник оттягивает и сосредоточивает в районе Пасто 24-ю танковую дивизию. Сообщалось также о положении 7-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий, но с ними мы имели связь и взаимную информацию. Беспокоило то, что у нас на фланге идет сосредоточение хорошо укомплектованной 24-й танковой дивизии противника в районе Пасто — в тридцати километрах восточнее полосы наступления группы. Начальник штаба фронта генерал-полковник М. В. Захаров, ныне Маршал Советского Союза, предупредил меня о возможности серьезной контратаки танков с этой стороны. Однако я считал, что пока нет непосредственной угрозы контратаки в ближайшие часы.

Готовясь к встрече с противником, мы продолжали выполнять свою задачу. Больше того, мы увеличили темп наступления, чтобы упредить противника и раньше него выйти на рубеж возможного развертывания танковой контратаки на наш фланг.

После небольшой паузы утром 8 декабря наше наступление возобновилось. Наиболее упорное сопротивление противник оказал частям 4-го гвардейского механизированного корпуса и 13-й гвардейской кавдивизии в районе Бечке. Удачный выход 8-й гвардейской кавалерийской дивизии на фланг группировки противника с обходом его со стороны Санда создал реальные условия для окружения 18-й танковой дивизии «СС» и 4-й моторизованной дивизии «полицай» в районе Мохора, Бечке.

С этой целью пришлось поставить задачу перед командиром 6-го гвардейского кавкорпуса генерал-лейтенантом Соколовым: к исходу 8 декабря выйти передовыми частями в район Мохора, перерезать шоссе и железную дорогу Надь — Берцель — Балашадьярмат и закрыть пути отхода противнику.

Успешное наступление 6-го гвардейского кавалерийского корпуса решило исход борьбы. Избегая полного окружения, гитлеровцы поспешно, с боями начали отходить на север.

К вечеру 8-я гвардейская кавдивизия генерала Павлова,

преследуя врага, вышла в район Мохора. Здесь дивизия оставила заслон для уничтожения отходящих на север групп противника, а главными силами продолжала развивать наступление на город Балашадьярмат.

Поздно вечером соединения 4-го механизированного и 6-го гвардейского кавалерийского корпусов подошли к рощам, раскинувшимся в двух километрах южнее Балашадьярмат. Это был последний населенный пункт на территории Венгрии, севернее которого начиналась Чехословакия. Противник оборонял этот город остатками разбитых 357-й пехотной, 18-й танковой и 14-й механизированной дивизий и других частей, пополненных подошедшими резервными частями.

Город был подготовлен к длительной обороне. По его юго-восточным, южным и юго-западным окраинам, а также по северному берегу реки Ипель проходил сильный оборонительный рубеж, перед передним краем которого были установлены минные поля. Не удивительно, что взять город с ходу нам не удалось. Пришлось приказать приостановить атаки, перегруппировать силы для ударов в узких полосах с трех направлений: 13-й гвардейской кавдивизией с востока, 8-й гвардейской кавдивизией с юго-востока и 4-м гвардейским корпусом с юга вдоль шоссе. Атаку планировалось начать до рассвета 9 декабря, после мощного огневого налета. Для этого необходимо было вытянуть на огневые позиции артиллерию, которая отстала из-за бездорожья. Преодолеть это препятствие было не легче, чем сопротивление врага — такая была непролазная грязь. Но техника противника тоже отстала по той же причине, и при отходе он бросил ее. Недостаток артиллерии мы должны были компенсировать хорошо организованным ночным штурмом. Перед началом артналета командир 6-го гвардейского кавкорпуса генерал Соколов доложил мне, что эскадрон 29-го кавполка под командованием капитана Артамонова ведет бой в черте города. Это было неожиданно. Путь в город оказался открытым. Необходимо было немедленно развивать успех полка.

Но как эскадрон Артамонова оказался в городе? Ведь хорошо известно, что он не прорывался. Артамонов чутьем настоящего, смелого и опытного командира уловил ритм боя, и в момент едва заметной паузы проскочил на окраину города вдоль реки Ипель. Этот успех был тем более важным, что он осуществился на фланге обороны противника. Командиру 8-й гвардейской кавдивизии генералу Павлову было приказано

немедленно атаковать противника. Артиллерия со всех огневых позиций поддержала боевые действия дивизии. Одновременно я приказал начать атаку по всему фронту и сковать силы противника. Вскоре стали поступать донесения о том, что 29-й кавполк ворвался в город, а вслед за ним за окраину зацепились 46-й, 48-й и 50-й кавполки 13-й гвардейской дивизии генерала Белоусова. Одновременно с ними ворвался и 49-й полк 8-й Дальневосточной кавдивизии генерала П. А. Хрустаева, а также части 4-го гвардейского мехкорпуса.

В городе завязались уличные бои. К утру Балашадьярмат был взят и очищен от врага. Остатки разбитых немцев группами сдавались в плен. Венгры переодевались и под видом гражданских лиц стремились пробраться домой. Многие из них оказывали помощь нашим войнам.

Мне рассказали, что в городе был обнаружен склад с аммуницией. Перед складом спокойно ходил венгерский солдат с винтовкой, не обращая никакого внимания на перестрелку и разрывы снарядов и мин. Когда казаки подбегали к складу, венгр приветливо замахал им рукой.

— Здесь находится немецкий военный склад, я охраняю его, чтобы не растащили цивильные, он нужен русским войскам, — ответил солдат на удивленный вопрос нашего офицера. Так венгерские солдаты самоотверженно помогали нам.

В Балашадьярмате было захвачено в плен более 2000 солдат и офицеров противника. Остатки противника закрепились на северном берегу реки Ипель, а часть отошла на северо-восток — в направлении Сечень.

Весь день 8 декабря мы не имели своевременных донесений о действиях 4-го гвардейского кавкорпуса: радиосвязь в горах работала с перебоями. Только с овладением Балашадьярматом мы уточнили, что к исходу 8 декабря корпус вел бой южнее Ипольсег, наступая на противника, вводившего свои части за реку Ипель. Вскоре к исходу дня корпус появился на юго-западных окраинах Балашадьярмат.

Итак, мы первыми вышли к границе Чехословакии, от которой нас отделяла река Ипель, широкий (местами до сотни метров) водный рубеж с глубиной в среднем три-четыре метра.

...С группой автоматчиков я подъехал к реке. Ее спокойная гладь холодно поблескивала. Казалось, нет войны: таким сонным покоем все дышало вокруг. И если бы не разбитая немецкая самоходка, опустившая свой загнутый ствол в свинцо-

вую воду, не сожженные автофургоны, от которых остались лишь почерневшие каркасы,— так действительно можно было подумать.

Я навел свой старый полевой бинокль на противоположный берег. Бинокль скользнул по крутому склону, потом рядом — по отлогой песчаной отмели, близлежащему лесочку. Где же враг? Или успел отойти, или ловко замаскировался? Скорее всего, замаскировался. Разве оставит он такой выгодный рубеж? И как бы в подтверждение этого за лесом сверкнули огненные сполохи. В следующее мгновение мы уже лежали, плотно прижавшись к земле, содрогавшейся от близких взрывов. Видно, враг, заметив нас, не выдержал и раскрыл свою отневную позицию.

В ответ заговорили наши орудия. Противоположный берег потонул в огне и дыму.

Артиллерийская дуэль продолжалась, а мы направились в 4-й гвардейский кавалерийский корпус. Меня интересовало настроение бойцов перед серьезной операцией, политическая работа в подразделениях. Нас встретил начальник политотдела полковник Юрченко. Это был образованный офицер, человек большой эрудиции, опытный политработник, умеющий вдохновить людей пламенным большевистским словом, поднять их на подвиг. Уже тогда полковник Юрченко имел ученую степень кандидата экономических наук, а ныне он — доктор наук, профессор. Под стать ему были другие политработники корпуса.

— Настроение солдат и офицеров отличное, товарищ командующий,— доложил полковник Юрченко,— политическая работа в частях и подразделениях приобретает от сражения к сражению все больший накал.

Мы побывали в трех полках и убедились, что слова полковника не расходятся с истинным положением.

Очередная задача нашей группы состояла в том, чтобы с ходу форсировать реку, зацепиться за ее северный берег, иначе бы пришлось брать большой кровью. Еще до подхода к городу было приказано готовить части для форсирования. Это обеспечило успех. 1-й мотострелковый батальон 14-й гвардейской мехбригады под командованием капитана Сермита Алзабоева первым прорвался к реке и, используя доски, бревна, двери и все подручные средства, переправился на северный берег. Закрепившись на плацдарме, батальон установил проводную связь с нашим берегом. А затем, когда переправились

остальные части, батальон Алзабоева атаковал вражеские позиции. В этом бою пал смертью храбрых капитан Алзабоев.

Вспомнился еще один бесстрашный подвиг, совершенный в этих боях. Захватить плацдарм и протянуть линию связи оказалось легче, чем удержать его и поддерживать бесперебойную связь. Потеряв выгодный плацдарм, противник спохватился и с высоты, прилегающей к берегу, обрушил на смельчаков плотный ружейно-пулеметный огонь. По береговой кромке ожесточенно били вражеские снаряды. Связь постоянно рвалась. Связисты прилагали нечеловеческие усилия, восстанавливая ее под сильным огнем неприятеля. Связиста Острового ранило, когда он первый раз пошел исправлять поврежденную линию. Истекая кровью, преодолевая боль, этот герой несколько раз налаживал связь, потому что он знал: без связи не может быть успеха в бою. «Будучи раненым, он не покинул своего поста», — было написано о нем в донесении. Кажется, сказано слишком сухо, но мне нравится: «не покинул поста». Солдат занимает боевой пост и как трудно, какие предельные усилия подчас нужны, чтобы его не покинуть, чтобы выполнить свой воинский долг, часто даже ценой собственной жизни. Трудно сказать, как бы сложился бой, если бы наши артиллеристы не получали с того берега по этой едва заметной «ниточке» огневые команды.

Для того, чтобы удержаться на плацдарме, надо было во что бы то ни стало сбить противника с высоты. Наши артиллеристы заставили его на время замолчать. Воспользовавшись этим, взвод под командованием комсорга сержанта Житного стал быстро обходить высоту справа, а прямо к траншее двинулись остальные подразделения. И тут артиллеристы приняли команду: «Перенести огонь вглубь». Гул артиллерийских взрывов переместился на противоположные скаты. Раздалось дружное «ура-а-а-а!», и высота пала.

Развивать успех дальше за рекой Ипель нам не пришлось. Во второй половине дня мы получили от командующего фронтом новую задачу — до подхода пехоты частью сил прочно закрепить за собой город Балашадьярмат, а главными силами нанести удар на северо-восток и овладеть Шальготарьян и Лученец.

За эти дни напряженных боев мы достигли серьезных результатов. 1-я гвардейская конно-механизированная группа с овладением Балашадьярмат вышла во фланг и тыл группировке противника, действовавшей против правого крыла 2-го

Украинского фронта. Это оказало благоприятное влияние на быстрый исход операции по овладению крупным узлом обороны и важным железнодорожным узлом — городом Мишкольц. Кроме того, благодаря разгрому Хатванской группировки противника, в котором группа приняла активное участие, было достигнуто разобщение будапештской и мишкольцской вражеских группировок. Войска 7-й гвардейской армии вышли на Дунай. Пути отхода будапештской группировки на север были отрезаны.

Перед группой стояла новая задача: фланговым ударом вдоль границы смять противостоящие 53-й армии войска противника и ликвидировать с этой стороны угрозу нашей ударной группировке фронта. Мы должны были своими действиями к северу и северо-западу от Будапешта помочь другим армиям завершить окружение столицы Венгрии и разгром противника.

10 декабря 1-я гвардейская конно-механизированная группа повернула на Сечень. Перед нами тогда находились 4-я механизированная дивизия «полицай», 18-я танковая дивизия «СС» и 357-я пехотная дивизия, изрядно потрепанные. Они закрепились на подготовленном оборонительном рубеже по северному берегу реки Ипель.

Нам предстояло взломать эту оборону и к концу дня 10 декабря овладеть обширным районом Шалго-Тарьян, Лученец. Эту задачу мы начали выполнять двумя (6-м и 4-м) гвардейскими корпусами. По овладению городом Сечень кавкорпус нацеливался на Шалго-Тарьян, а мехкорпус на город Лученец, находящийся на территории Чехословакии. 4-й гвардейский кавкорпус частью сил оставался для удержания Балашадьярмат до подхода пехоты. После сдачи обороны города он должен был действовать в направлении Лученец. В моем резерве находилась 10-я гвардейская кавдивизия. Начало выступления всех соединений было назначено на 00 часов 10 декабря. Времени было в обрез, приходилось действовать решительно и быстро. Этой ночью мы приняли по радио приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. В нем объявлялась благодарность нашим соединениям за участие в прорыве обороны противника юго-восточнее Будапешта.

Утром поступило новое донесение о том, что 8-я Дальневосточная кавдивизия на рассвете подошла к городу Сечень своим 49-м полком с танками и ворвалась на его западную окраину. Начало было хорошее, пришлось посоветовать ко-

мандиру дивизии ввести в бой все силы дивизии, чтобы быстрее развить успех. Однако противник обошел фланги полка, создав угрозу окружения. Главные силы дивизии успели развернуться, сбили врага и завязали бой в городе.

8-я гвардейская кавдивизия в 17 часов атаковала населенный пункт Варшань в 5 километрах к югу от Сечень.

Противник оказал здесь стойкое сопротивление. Сразу развернулся упорный бой. 31-й и 33-й кавполки с большим трудом пробились сквозь плотный огонь и достигли окраины. Пехота противника контратаковала 2-й и 3-й эскадроны на правом фланге 31-го полка, но попала под кинжальный огонь фланговых пулеметов и залегла. Рассвирепев, немцы открыли из минометов ураганный огонь. Позиции пулеметчиков покрылись фонтанами разрывов. Один за другим замолкали наши расчеты. А когда гитлеровцы поднялись в новую атаку, их встретил огонь только одного пулемета. Но он был так меток и беспощаден, что вражеская пехота, оставив десятки трупов, откатилась.

И снова противно завывали мины, обрушиваясь на уцелевший расчет сержанта Томилина. Но он очень удачно выбрал позицию и долго оставался неуязвимым. В бессильной ярости обрушивал враг сотни мин на склоны высоты. Снова и снова поднималась в атаку немецкая пехота и залегала, устилая землю трупами. Беспощадно бил пулемет Томилина. Докрасна накалился его ствол, до боли сжимали рукоятку руки бесстрашного пулеметчика. И, заслышав, как строчит томилинский пулемет, плотнее прижимались к земле вражеские солдаты, и никакая сила не могла их заставить броситься вперед.

Оглушенный бесконечными разрывами мин, Томилин посылал очередь за очередью в серо-зеленые волны атакующих. И вдруг перед глазами его вспыхнуло ослепительное пламя. Очнувшись, он увидел развороченный пулемет, убитого товарища, кровь на своем разорванном рукаве. А совсем близко пьяные физиономии эсэсовцев. Томилин схватил автомат погибшего товарища и стал поливать эсэсовцев свинцовым дождем. Он стрелял, истекая кровью, пока к нему на помощь не подоспели бойцы соседнего эскадрона.

Исход боя за Варшань решил смелый глубокий обход эскадрона 33-го гвардейского кавполка под командованием старшего лейтенанта Шевчука. С тыла эскадрон Шевчука ворвался в населенный пункт. Одновременно атаковали осталь-

ные части дивизии. Остатки гарнизона Варшаньского опорного пункта частично прорвались и ушли в горы.

Захватив Варшань, дивизия быстро двинулась к Сечени и завязала бой на его юго-западной окраине, с тем, чтобы с ходу взять его. Противник успел подтянуть и ввести в бой свежие силы и после мощного артиллерийско-минометного удара контратакой сковал наши части. Это во многом объяснялось тем, что наши дивизии не смогли из-за бездорожья быстро подтянуть за собой всю артиллерию. Орудия застревали в грязи и трясине так, что никакими силами их нельзя было вытащить. А люди и конский состав, еще в предыдущих боях изрядно измотанные, медленно выдвигались к Сечени. Части 4-го гвардейского корпуса шли вдоль реки Ипель, на северном берегу которой находился противник, обстреливавший наши колонны артиллерийским огнем. Части мехкорпуса, подошедшие к городу, атаковали его совместно с 6-м гвардейским кавкорпусом, но встретили хорошо организованное сопротивление немцев. Атака не приносила решающего успеха.

Корпус закрепился на захваченном рубеже в одном километре западнее Сечени, и завязался жаркий огневой бой.

Решено было овладеть городом ночной атакой, действуя с юга и запада силами обоих корпусов. Разведчики наши установили, что в полосе 6-го гвардейского кавкорпуса действует вновь подошедшая 76-я пехотная дивизия. Было приказано после короткого мощного артналета атаковать противника, взять Сечень и в последующем решительно развивать наступление, чтобы выполнить задачу, поставленную группе.

4-й гвардейский кавкорпус этой же ночью сдал свой участок частям 81-й стрелковой дивизии и двинулся на восток вдоль реки Ипель. А 30-ю кавдивизию, выведенную в мой резерв, пришлось ввести в бой для обеспечения группы с юга.

Весь день с 11 на 12 декабря шли напряженные бои. Мы переносили свои усилия с одного участка на другой. Но противник, не считаясь с потерями, вводил в бой все новые части и подразделения. Кроме 76-й пехотной дивизии, появились свежая 24-я танковая дивизия, 94-й саперный батальон и другие части. Дело было в том, что наше продвижение на Сечень, Шальготарьян перерезало пути отхода вражеской группировке, действовавшей против 53-й армии и других наших частей. Сечень и Лоц были ключевыми пунктами, потеря которых должна была отразиться крайне тяжело на положении 3-й армии генерала Велера.

Решено было взять Сечень ночной атакой. Командиру 10-й гвардейской кавдивизии генералу Шмуйло было приказано форсировать Ипель в районе Худьяч и, наступая по ее правому берегу, выйти в тыл сеченьской группировки. Особенно отличился при форсировании 3-й эскадрон 40-го гвардейского капполка. В ночь на 13 декабря шестьдесят шесть казаков 3-го эскадрона на наскоро сбитых плотках, на бочках и других подручных средствах двинулись к противоположному берегу. Это был передовой отряд. В его задачу входило захватить плацдарм и обеспечить высадку главных сил полка, а затем и дивизии.

Однако скрыть начало форсирования дивизии не удалось. Да на это и нельзя было твердо надеяться. Как только эскадрон отвалил от береговой кромки, в воздухе повисли «фонари», темноту прорезали сверкающие дуги трассирующих пуль, вода забурилась от разрывов снарядов и мин. Только тридцати смельчакам удалось переплыть реку. Они захватили плацдарм и удержали его до подхода основных сил дивизии. Вот имена этих воинов-гвардейцев: старший лейтенант Казбеков, старший сержант Фардзинов, сержант Невишен, рядовой Садорский, комсорг эскадрона Рошин, старшина Щукин, старшина Гунчин, рядовой Пигусов и другие.

Тем временем был получен новый приказ командующего войсками фронта. В течение ночи под огнем противника наши дивизии перенацеливались для наступления на новых направлениях: на Киш-Терение — 6-й гвардейский корпус, вдоль линии фронта на Альше-Толд, Пасто — 4-й гвардейский корпус.

На рассвете 16 декабря войска группы начали продвигаться вперед с непрерывными боями. Обозначился успех и в 53-й армии, она своим центром продвинулась до рубежа Пасто — Надьлизе — Альше-Толд.

В 10 часов 45 минут совершенно неожиданно для меня начальник штаба группы генерал-майор Пичугин получил указание начальника оперативного управления штаба фронта генерал-майора Н. О. Павловского опять об изменении направления наступления корпусов. 6-й гвардейский кавкорпус перенацеливался на Медьер, Киш, Кишхартан, а 4-й гвардейский — на Тар, то есть стрелы обоих корпусов поднимались севернее. Это было вызвано тем, что войска 53-й армии, продвигаясь на северо-восток, в свою очередь оттесняли в этом же направлении полосу наступления нашей группы. Решение было совершенно правильным. А неожиданным этот шаг явил-

ся потому, что, на мой взгляд, он был несколько преждевременным. Наступление только началось, и переломный момент еще не наступил.

К исходу 18 декабря дивизии 4-го и 6-го гвардейских корпусов продвинулись далеко в глубь обороны противника. 4-й корпус навис над вражескими тылами войск, противостоящих 53-й армии, а 6-й корпус — над тылами 18-й танковой дивизии «СС» и 4-й механизированной дивизии «Полицай». Противник под угрозой окружения начал свертывать свою оборону. Войска 53-й армии, используя успех конно-механизированной группы, решительно двинулись в северном направлении. Таким образом, был создан надежный внешний фронт обороны к северо-востоку от Будапешта.

Поздно вечером 18 декабря поступил опять новый приказ командующего фронтом. Конно-механизированная группа должна была сдать свои боевые участки соединениям 53-й армии и к 8 часам 21 декабря сосредоточиться в районе Дрегель, Паланк, Патак, Дейтар.

Весь день 19 декабря соединения сдавали свои участки. Вместо них в бой входили 100-я, 203-я стрелковые и 72-я гвардейские дивизии и другие части. Ночью конница и мехчасти двинулись по своим маршрутам, чтобы к утру следующего дня достичь указанных районов сосредоточения.

21 декабря в 11.30 я собрал совещание руководящего состава, вплоть до командиров полков, замполитов и начальников полковых штабов. Мы так горячо и самокритично обсуждали недостатки проведенной операции, что нас не мог отвлечь серьезный артиллерийский обстрел нашего командного пункта, продолжавшийся до самого вечера. К счастью, все обошлось благополучно, а утром пришлось приказать перенести штаб группы в Вадкерт, в более безопасное место.

К началу последнего решительного удара Советской Армии, приведшего к окружению будапештской группировки противника, наши войска охватили полукольцом главные силы 6-й немецкой и 3-й венгерской армий, оборонявших район Будапешта. 2-й Украинский фронт (по директиве Ставки от 12 декабря 1944 года) выполнял задачу — 7-й армией совместно с 6-й танковой армией и нашей 1-й гвардейской конно-механизированной группой нанести удар из района Шахы в общем направлении на Солдин. Цель этого удара — выйти на северный берег Дуная на участке Несмей, Эстергом, чтобы не допустить отхода противника на северо-запад. В то же время

3-му Украинскому фронту Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина предстояло прорвать так называемую «Линию Маргариты» — очень сильный глубокоэшелонированный рубеж обороны, прикрывавший Будапешт с юго-запада. Прорыв этой линии намечалось произвести восточнее и западнее озера Веленце (оно разделяло вражескую оборону на два участка).

Результатом этого наступления должно было быть полное окружение и уничтожение будапештской группировки противника. Общее наступление было назначено на 20 декабря.

Наступление началось в 10 часов утра. В первый же день 6-я гвардейская танковая армия ударом из района Шахы прорвала оборону противника, и к вечеру своим 9-м корпусом овладела городом Моравце, а 5-м корпусом выбила гитлеровцев из Мадьяровце, и, выйдя на реку Грон, атаковала населенный пункт Калница. 7-я гвардейская армия действовала главными силами в горно-лесистой местности южнее Шахы. К вечеру этого же дня части 7-й армии вышли к долине реки Ипель. Значительно медленнее развивалось наступление левофланговых соединений, наносящих удар на Будапешт.

21 декабря начались контрудары противника из районов Дол-Жемберовце в южном направлении, Сакалошна Шахы и из района Некия на юг. Особенно ожесточенное сражение разгорелось на северо-западном участке фронта. Здесь противник непрерывно наращивал удары. Вечером 22 декабря ему удалось прорвать фронт 7-й гвардейской армии и выйти в район Томпа, Слатина. Обстановка серьезно осложнилась, так как прорыв произошел в основании длинного клина, вбитого ударной группировкой фронта в оборону противника. Командующий фронтом приказал мне поднять ночью по тревоге 4-й гвардейский корпус и немедленно перебросить его в район Кринца, Грковце, занять здесь круговую оборону. Корпус совершил стремительный бросок, а вскоре от командира корпуса была получена радиограмма следующего содержания:

«Веду бой в 3 км сев. Грковце, противник оказывает упорное сопротивление на рубеже: Плащтовце — Слатина и южнее Штакор-Гонт».

Ввиду того, что 4-й гвардейский мехкорпус втянулся в бой на участке 6-й гвардейской танковой армии и сменить его в ближайшее время не представлялось возможным, командующий войсками фронта 23 декабря вывел этот корпус из нашей группы и ввел его в состав танковой армии, которая имела задачу главными силами уничтожить танковую группировку

противника в районе Лонтов, Сакалош, Вишковце. С этой целью ее главная группировка снова развернулась на северо-восток для удара в тыл противнику. 23 декабря в 17 часов командующий фронтом приказал мне сменить остальные части 6-й гвардейской танковой и 7-й гвардейской армий на фронте Федимеш — Жемберовце — Левице и заняв прочную оборону, обеспечить с севера и северо-запада боевые действия этих армий.

Нам предстояло двумя кавкорпусами занять фронт обороны протяженностью более сорока километров и не допустить прорыва крупной группировки противника в направлении Шахы. Если бы этот прорыв осуществился, противник получил бы возможность нанести мощный контрудар во фланг и тыл ударной группировки 2-го Украинского фронта, занятого в это время уничтожением будапештской группировки противника.

Вплоть до 26 декабря части конно-механизированной группы вели напряженные бои на новом рубеже, отражая многочисленные попытки противника срезать вбитый в его оборону клин. Перелом в ходе боевых действий наступил 26 декабря. В этот день войска 6-й гвардейской танковой армии овладели Шалов, Дармотки, Палд. Войска 7-й гвардейской армии частью сил вышли на рубеж Вишковцы — Сакалош, а соединения, действовавшие на юге, овладели Лелед, Хелемба и продвигались вдоль северного берега Дуная на Гарам Кевешд.

В это время войска 3-го Украинского фронта, наносившие удар с юга из района озера Веленце, также вышли на южный берег Дуная и соединились с войсками 2-го Украинского фронта. Кольцо окружения вокруг будапештской группировки противника сомкнулось.

Вечером 26-го декабря мною был отдан приказ корпусам группы о переходе с утра 27 декабря в наступление. В течение пятидневных наступательных действий войскам пришлось отражать частые ожесточенные контратаки противника с самых разных направлений, преодолевать его упорное сопротивление в горно-лесистой и болотистой местности. К полудню 31 декабря корпуса продвинулись на десятки километров, расширив и углубив клин, вбитый в оборону противника. Задача группы — обеспечить с севера действия главной группировки войск фронта, взаимодействовавшей с войсками 3-го Украинского фронта, по завершению окружения противника в районе Будапешта — была успешно выполнена.

Боевые действия 1-й гвардейской конно-механизированной группы 2-го Украинского фронта по окружению будапештской группировки были закончены в последний день 1944 года. В этот день казаки дрались с особым подъемом. 163-й кавалерийский полк 6-го гвардейского кавкорпуса отбивал сильную контратаку у одного небольшого села. Танкам и пехоте врага удалось ворваться в село. Командир полка подполковник Косогов, оставшись с небольшой группой казаков, начал отходить лишь после того, как немцы захватили восточную и западную окраины села. Уже под ураганным огнем противника Косогов вместе со знаменосцем и ординарцем спустились в канал и пошли по пояс в ледяной воде. Но и здесь настигали их вражеские пули. Убит знаменосец. Тяжело ранен ординарец. Задела пуля и самого командира полка. Косогов взял знамя и, помогая своему боевому другу, двинулся вперед. Пятьсот метров по каналу в ледяной воде, истекая кровью, выбиваясь из последних сил, под огнем противника нес полковое знамя и солдата командир полка Косогов. И вынес. После оказанной ему помощи он вновь принял управление боем и повел казаков в атаку. Противник был выбит из села и отступил, оставив десятки трупов, побросав орудия, минометы и другую военную технику.

К вечеру бой на всех участках нашего фронта стихли, и мы передали войскам конно-механизированной группы только что полученное новогоднее поздравление Военного Совета фронта, подписанное товарищами Малиновским, Захаровым, Стахурским и Тевченковым. В нем говорилось: «Поздравляю Вас и вверенные Вам войска с Новым годом и желаю дальнейших боевых успехов в деле окончательного разгрома немецких захватчиков».

Настроение личного состава наших корпусов и дивизий, их боевой дух были очень высоки. Не жалея крови и даже самой жизни, они были готовы ринуться в новое большое наступление с тем, чтобы возможно скорее добить фашистские полчища, принести мир и свободу народам нашей страны, а также и народам Европы.

ОТ ГРОНА К МАЛЫМ КАРПАТАМ

Далекими раскатами грома доноси-
лась артиллерийская канонада. Наши войска добивали гитле-
ровцев, окруженных в Будапеште. Будапештская операция
подходила к концу, 1-я гвардейская конно-механизированная
группа, прикрывавшая действия 7-й гвардейской и 6-й гвар-
дейской танковой армий с севера и северо-запада, занимала
подковообразное положение, в центре которой находился круп-
ный населенный пункт Левице, а концы ее упирались в При-
бельце и Свети-Юр на Гроне. Таким образом, группа во вто-
рой половине декабря 1944 года вышла на территорию Чехо-
словакии, с народами которой мы исстари связаны узами
братской дружбы.

К тому времени по всей Чехословакии нарастала волна ан-
тифашистского движения. В авангарде борьбы трудящихся
против гитлеровских оккупантов, за освобождение страны и
развитие ее по пути подлинной демократии были чехословац-
кие коммунисты во главе с пламенным интернационалистом
К. Готвальдом. Решительно разоблачая происки буржуазного
правительства, окопавшегося в Лондоне, отмежевываясь от
правых оппортунистов, пытавшихся расколоть партию, ком-
мунисты Чехословакии спланивали единый антифашистский
фронт демократических сил, призывая трудящихся усиливать
борьбу с оккупантами и их приспешниками, всячески помо-
гать наступающей Красной Армии. Все шире развертывалось
партизанское движение. Историческую роль сыграло Словац-
кое национальное восстание, оттянувшее значительные силы
врага.

Достаточно сказать, что в боях против восставших гитле-
ровцы потеряли 56 тысяч солдат и офицеров. Мы никогда не
забудем, что плечом к плечу с нашими бойцами доблестно
сражались наши боевые побратимы — воины Чехословацкого
корпуса под командованием генерала Л. Свободы...

Я получил приказ командующего 2-м Украинским фронтом
Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского от 23 января
1945 года: группу вывести в резерв фронта. Сдав участок обо-
роны 49-му стрелковому корпусу, войска группы 29 января со-

средоточились в центре треугольника Хатван, Будапешт, Балашадьярмат, штаб группы расположился в Алшо-Бодонь.

Понеся определенные потери в предыдущих боях, группа нуждалась в доукомплектовании людьми, конским составом, боевой техникой, материальной частью и другим. Нужно было за короткий срок добиться высокой боевой подготовки всех частей и подразделений.

Не теряя времени, мы с 1 февраля приступили к учебе на основе разработанного штабом группы месячного плана боевой подготовки. Одновременно принимали пополнение и приводили в порядок технику.

За месячный период обучения нам хотелось добиться тщательной одиночной подготовки бойца и подразделений в наступательном бою, улучшить оперативную подготовку и слаботанность командиров и штабов. Особое внимание было уделено действиям кавалерийских, танковых и механизированных частей и соединений в прорыве с форсированием рек; действиям в оперативной глубине, в сложной обстановке, в дерзком маневре; организации взаимодействия в бою частей и соединений конницы с механизированными (танковыми) частями и соединениями и с авиацией.

Учебные бои разыгрывались на штабных тренировках, на картах, непосредственно на местности. Всем офицерам удалось подробно изучить характер местности и режим рек Грон, Нитра, Ваг, Морава и других в полосе вероятных действий на Брно и Прагу. В дальнейшем это облегчило нам выполнение боевых задач, улучшило организацию боевых действий и управление войсками.

В те январские дни мы получили приказ Народного Комиссара Оборона Союза СССР от 26 января 1945 года о преобразовании конно-механизированной группы в гвардейскую.

В приказе говорилось:

«В боях за нашу социалистическую Родину против немецких захватчиков конно-механизированная группа в составе 2-го Украинского фронта наносила сокрушительные удары фашистским войскам, уничтожала живую силу и технику противника.

За проявленный героизм и отвагу, за стойкость, мужество, дисциплину, организованность и умелое выполнение боевых задач преобразовать конно-механизированную группу в гвардейскую и впредь ее именовать «Первая гвардейская конно-механизированная группа».

Направление нашего удара меняется...
Над картой генералы Пичугин, Плиев, Юрченко.

О героических подвигах наших воинов писали армейские газеты
и боевые листки, печатавшиеся тут же.

Командир 4-го гвардейского кавалерийского корпу-
та генерал-лейтенант Комков беседует с командую-
щим генералом Плиевым.

Начальники политорганов 1-ой гвардейской
конно-механизированной группы: полковники
Грищенко, Плантов, Юрченко.

Руководящий состав 4-го гвардейского Кубанского
казачьего кавалерийского корпуса с
командующим Плиевым.

Командиры 6-го гвардейского кавалерийского корпуса с командующим генералом Плиевым.

Ветераны Отечественной войны — участники слета в честь 30-летнего юбилея 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса.
7 мая 1972 года.

Советская военно-правительственная делегация во главе с генералом Плиевым почтила память советских воинов, отдавших жизнь за свободу чехословацкого народа.

Памятник, воздвигнутый в гор. Ньиредьхаза воинам 1-й гвардейской конно-механизированной группы, погибшим при освобождении города.

Тепло провожали советскую делегацию трудящиеся
Чехословакии

Командующий группой генерал-лейтенант Плиев Исса Александрович.

Преобразованной КМГ вручить гвардейское знамя...

*Нарком обороны Союза ССР
Маршал Советского Союза СТАЛИН¹*

Надо сказать, что группа до этого приказа уже официально именовалась «1-й гвардейской». Основанием для этого была директива командующего 2-м Украинским фронтом №00738/ОП 1944 года, в которой он приказывал командующему 7-й гвардейской армией в ночь на 27 ноября сменить части конно-механизированной группы на рубеже Чонкаш, отм. 241 (иск) Леринци, «командующему конно-механизированной группой, после сдачи боевых участков, вновь реорганизуемую 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу сосредоточить в район...» и т. д. Приказ Наркома Обороны лишь юридически закрепил директиву командующего 2-м Украинским фронтом в той части, которая выходила за пределы его прав.

2 марта в штабе получили приказ командующего 2-м Украинским фронтом изменить район дислокации войск группы. В соответствии с этим приказом мы совершили пятидесятикилометровый марш на север, полностью вышли на территорию Чехословакии и заняли пограничный район между Лучинец и Шахи. Штаб группы расположился в Сакал.

Приказ И. В. Сталина вызвал новый подъем боевого духа и моральной стойкости среди всего личного состава КМГ. Продолжая боевую учебу и сколачивание войск, полностью укомплектованные части и соединения группы готовились к новым решающим боям на полях Австрии и Чехословакии.

13 марта мы решили проверить готовность войск к выполнению боевых задач. С этой целью провели строевой смотр ряда частей. Я с большим удовлетворением убедился, что воинский дух и выучка солдат и офицеров высоки, материальная часть, вся техника и вооружение приведены в порядок, штабы укомплектованы и хорошо сработались. Обо всем этом я с удовольствием доложил Р. Я. Малиновскому.

К началу операции на реке Грон в состав конно-механизированной группы входили: 4-й гвардейский кавкорпус (9-я гв., 10-я гв., 30-я краснознаменная кавдивизии, два истребитель-

♦
¹ Фонд б/н, оп. 350 441, д. 9, лл. 84—85.

ных противотанковых артполка, гвардейский минометный полк, зенитные полки и др.); 6-й гвардейский кавкорпус (8-я гв., 13-я гв. и 8-я Дальневосточная кавдивизии, два истребительных противотанковых артполка, гвардейский минометный полк, зенитный полк и др.). В состав группы входило также пять танковых полков, два самоходно-артиллерийских полка и 5-я горно-инженерная саперная бригада и др. Кроме того, в оперативное подчинение группы были переданы: отдельная противотанковая бригада, два гвардейских минометных и два зенитных полка. Для обеспечения и прикрытия действий группы были выделены из состава 5-й воздушной армии для работы с нами 264-я штурмовая и 13-я гвардейская истребительная авиационные дивизии генералов Степичева, Каманина, полковников Юдакова, Чижикова и др. Остальным соединениям необходимо было продолжать доукомплектование и обучение.

20 марта штаб группы получил боевое распоряжение командующего фронтом о сосредоточении войск в исходный район Гурша, Слатина, Ладзани и о вводе группы в прорыв в стык 53-й и 7-й гвардейской армий.

С наступлением темноты части 23-го корпуса вышли в исходные районы, строго соблюдая маскировку передвижения. К 18 часам следующего дня войска, совершив пятидесятикилометровый марш, заняли указанные им районы. Штаб группы разместился в Демандице.

В соответствии с боевой задачей фронта 53-я армия генерал-лейтенанта И. М. Манагарова с рассветом 25 марта должна была начать прорыв обороны противника на реке Грон и наносить удар в общем направлении Левице, Врable, Нитра, Глоговец, 7-я гвардейская армия генерал-полковника М. С. Шумилова наступала с рубежа Горна-Сечи (1 км восточнее Кальна), Жемльяри в общем направлении Комьятица, Шаля, Сенец.

Первой гвардейской конно-механизированной группе предстояло по особому сигналу войти в прорыв на участке Теков, Жемльяри и, стремительно развивая наступление на Серед, на третий день операции овладеть районом Трнава, Сенец и т. д.

25 марта после получения боевого приказа офицеры политотдела группы разъехались в соединения и части. Они помогали политработникам и партийным организациям довести содержание приказа до каждого бойца, вдохновить людей пла-

менным словом. В подразделениях были проведены партийные и комсомольские собрания, показавшие политическую зрелость личного состава, готовность воинов пойти на подвиг во имя Родины.

Казак 138-го кавполка Насыров заявил на партийном собрании: «Мы доукомплектовались и снова представляем грозную силу для врага. Мы будем бить немецких фашистов в предстоящих боях еще сильнее, чем били их на Украине, в Белоруссии и в недавних боях на венгерской и чехословацкой территориях. Наши подразделения сейчас хорошо вооружены, сколочены и личный состав только и ожидает того часа, чтобы обрушиться на немецких фашистов».¹

По деловому и горячо обсудили свои задачи на партийных собраниях коммунисты 32-го кавполка. Они заверили партийное собрание о готовности своих подразделений к боям против злейшего и ненавистного врага. «Мы ждем сигнала к наступлению», — говорили коммунисты. На партсобрании 2-го эскадрона этого же полка закаленный в боях бронебойщик Иван Кудинов заявил: «Я прошел большой боевой путь от Кавказа до Чехословакии и накопил неплохой опыт борьбы с немецкой броней. Своим опытом я недавно делился с воинами молодого пополнения. Броня фашистских танков нам не страшна, и они нас не остановят на пути к окончательной победе».²

26 марта — в день ввода конно-механизированной группы в сражение — в частях были проведены митинги, на которых зачитывалось обращение Военного совета 2-го Украинского фронта к «Казакам-гвардейцам генерал-лейтенанта Плиева».

Привожу это обращение-листовку полностью, как один из документов того времени:

Смерть немецким оккупантам!

КАЗАКАМ-ГВАРДЕЙЦАМ

генерал-лейтенанта ПЛИЕВА И. А.

Боевые товарищи!

Приближается решительный час окончательного разгрома гитлеровской Германии, час торжества нашей полной победы

¹ Фонд КМГ, д. 16, лл. 91—92.

² Там же.

над ненавистным врагом. Советские орудия гремят уже за Одером, наши войска вплотную подошли к логову врага — Берлину. Успешно громят немцев на Западе и наши союзники. Не спастись немцу и на Юге!

Мечется в страхе смертельно раненный фашистский зверь, но положение его безнадежно. Не уйти ему от расплаты и возмездия!

Славные конники-гвардейцы! Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин приказал нам перейти в решительное наступление, разгромить и уничтожить противостоящие силы врага. Великое доверие и честь оказаны нам!

Наш народ знает немало беспримерных подвигов советского казачества. Сколько раз деды и отцы наши — славные сыны Урала, Дона, Кубани и Терека беспощадно рубили врагов, очищая от них родную землю. Покажите и сейчас героизм и доблесть, могучей лавиной обрушьте на врага, разите его насмерть!

Военный совет фронта обращается к вам, прославленные конники, советские чудо-богатыри! Покажите, что крепка и несокрушима казачья сила! Смело входите в прорыв, развивайте успех наступления! Полностью используйте преимущества конницы — стремительность, лихость и умелый маневр в бою. Дерзко нападайте на противника, обходите узлы сопротивления, смелым и энергичным маневром громите врага — его коммуникации, тылы и штабы, обрушивайте всю мощь огня и сабельных ударов на головы фашистских разбойников. Больше дерзости и инициативы, больше сметки и военной храбрости в бою! Свято выполняйте уставное требование: в бою равняться только по передовым!

Всегда твердо помните, что вы воюете на чужой территории, — поэтому будьте бдительны, будьте начеку. Высокая советская воинская дисциплина и организованность, строжайшее повиновение командирам — залог нашей победы. Пусть в сердцах наших неугасимым пламенем горит священная ненависть к гитлеровским извергам, принесшим неисчислимые страдания народам нашей Родины, народам Европы.

Помните указания великого Сталина: «Обреченный враг бросает в бой последние силы, отчаянно сопротивляется, чтобы избежать сурового возмездия. Он хватается и будет хвататься за самые крайние и подлые средства борьбы. Поэтому надо помнить, что чем ближе наша победа, тем выше должна

быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу».

Славные казаки-гвардейцы! Военный совет фронта выражает полную уверенность, что вы с честью и достоинством выполните боевой приказ и новыми героическими подвигами приумножите славу советского оружия.

Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед на полный разгром врага!

Смерть немецким захватчикам!

Командующий войсками
2-го Украинского фронта
Маршал Советского Союза
Р. МАЛИНОВСКИЙ

Член Военного совета
2-го Украинского фронта
генерал-лейтенант
А. ТЕВЧЕНКОВ

Начальник штаба 2-го Украинского фронта
генерал-полковник
М. ЗАХАРОВ

Митинги вылились в яркую демонстрацию духа интернационализма, беспредельной преданности казаков, сержантов и офицеров Родине и партии, готовности нанести по врагу уничтожающие удары.

Старшина Бодин на митинге в 6-м истребительном противотанковом дивизионе 6-го гвардейского кавкорпуса говорил: «Мы прошли с боями путь от Москвы до Чехословакии, уничтожая немецких оккупантов. В предстоящих боях мы не посрамим наших гвардейских знамен, приумножим их славу. Будем ежедневно, ежечасно наращивать свои удары по врагу и добьем фашистского зверя в его собственной берлоге».¹

В течение 25 и 26 марта командиры, партийно-политические работники и офицеры штабов довели до всего личного состава стоящие перед ним боевые задачи. Это отлично сказалось на ходе боевых действий, где казаки проявили массовую отвагу и героизм. В новых сражениях ярко проявились лучшие качества советского воина, стяжавшие ему неувядаемую славу.

С рассветом 25 марта после короткой, но мощной артиллерийской подготовки войска 7-й гвардейской армии генерал-полковника М. С. Шумилова внезапно для противника пере-

♦
¹ Фонд КМГ, д. 16, лл. 91—92.

шли в наступление, форсировали Грон и к исходу дня захватили плацдарм на западном берегу реки, глубиной пять-шесть километров. В ночь на 26 марта инженерные части армии навели шесть наплавных мостов. Кроме того, было разведано несколько бродов для конницы.

Продолжая наступление с утра следующего дня, армия еще дальше продвинулась и к 18 часам вышла на рубеж Лок Теков-Шарлуги.

Конно-механизированная группа оставалась в исходном районе в полной готовности к выполнению поставленной задачи. Томительно тянулись часы. Ждали специального сигнала. Над нами с воем проносились немецкие бомбардировщики группами в шесть-двенадцать самолетов. Они пытались бомбить наши войска, переправы и особенно город Левице.

И вот, наконец, долгожданный сигнал: «333 — Москва». Я посмотрел на часы: ровно 18.00. Конница, танки, артиллерия двинулись к переправам. К 21 часу главные силы корпусов уже находились на плацдарме. Штаб группы переместился в Левице.

В связи с тем, что тактическая глубина вражеской обороны не была полностью прорвана стрелковыми войсками, коннице и танкам пришлось делать это своими силами при отчаянном сопротивлении противника. Положение осложнилось тем, что на пути нашего наступления был ряд труднопреодолимых водных преград. Завязались упорные бои, которые продолжались до 29 марта. Особенно ожесточенное сопротивление оказывал противник на линии высот Горни-Дюрад, Возокани, расположенных к западу от Грона. 134-й танковый полк подполковника В. А. Подлесного, действуя с 10-й гвардейской кавдивизией, при атаке села Позба наткнулся на сильную противотанковую оборону и сразу же потерял шесть танков. Повторная атака с ходу также не дала решающего успеха. Пришлось сокрушить оборону противника ударами артиллерии и авиации. Остальное довершили танки и конница.

По всему фронту разгорелись жаркие, ожесточенные бои.

Особенно упорно оборонял противник рубеж Беша, Позба, Возокани, Чака.

4-й гвардейский кавкорпус, продолжая отбивать сильные контратаки, решительно продвигался вперед. Частям 6-го гвардейского кавкорпуса не повезло: выйдя к высотам на рубеже Возокани, Чака, они попали под сильный артиллерийско-минометный огонь и наткнулись на минные поля, установ-

ленные по виноградникам севернее и южнее Возокани. 154-й танковый полк подполковника И. А. Солсохома, наступая в составе передового отряда корпуса, в ночном бою за село Чака потерял несколько танков — их подбили из засад гитлеровцы, стрелявшие фауст-патронами.

Получив эти донесения, я выехал в Дольни-Пяль (2 км южнее Горни-Пяль) и, уточнив конкретно сложившуюся обстановку на месте, приказал создать в корпусах и дивизиях сильные артиллерийские группировки для подавления опорных пунктов врага. Подобные же указания были даны приданной нам штурмовой и истребительной авиации.

На врага обрушился огромной силы огневой вал. В воздух взлетели осколки бетона, изуродованные рельсы, бронеколлапы. Сопротивление неприятеля было подавлено. За считанные часы группа прошла 15—20 километров, и к исходу дня 27 марта вышла на реку Житева, в нескольких местах форсировала ее и захватила плацдарм той же ночью.

36-й и 40-й полки 10-й гвардейской кавдивизии вышли на подступы к селам Издег и Федимеш, расположенным на восточном берегу реки Цетинка (приток реки Нитра), где вновь встретили упорное сопротивление врага.

В целях повышения темпов наступления необходимо было принять целый ряд мер. Пришлось срочно выехать в расположение дивизии. Комдив полковник Г. И. Рева был явно смущен.

— Почему медлите? — резко спросил я.

— Противник ведет сильный огонь из Дольни-Огай, товарищ командующий, — ответил полковник, — наши потери возросли.

Я видел, что комдив в нерешительности. В этих случаях распекают подчиненного, как это делают некоторые — просто терять дорогое время. Нужно было действовать, вдохнуть в людей уверенность. Я взял непосредственно под свое командование подвернувшиеся подразделения 9-й гвардейской кавдивизии, находившейся в резерве группы, и мы вместе с автоматчиками моей охраны с ходу атаковали и заняли Дольни-Огай. Мы решили использовать взятие Дольни-Огай для немедленного удара силами 9-й гвардейской и 30-й кавдивизий в направлении Бановска-Кеса, форсировав с ходу реки Житава и Нитра.

Вечером ко мне привели пленных. Помощник начальника разведки 8-й Дальневосточной кавдивизии капитан Каширин,

действуя с группой разведчиков, внезапно наскочил на второй эшелон штаба 211-й пехотной дивизии немцев, не отмечавшейся здесь ранее, и захватил его полностью в плен. Среди пленных оказался один подполковник — заместитель командира дивизии по тылу, четыре майора, несколько младших офицеров и пятнадцать солдат. Всего тридцать с лишним гитлеровцев, десять повозок с имуществом и штабными документами.

В это же время в полосе 6-го гвардейского кавкорпуса был взят в плен с группой солдат 711-й пехотной дивизии немцев командир роты обер-лейтенант. Этой дивизии здесь тоже ранее не отмечалось. Немец показал: «Мы не ожидали здесь такого стремительного наступления русских. Мы считали, что на этих оборонительных рубежах сможем держаться надежно и долго. Наши солдаты и офицеры отлично понимают, что война проиграна для Германии... Сейчас мы лишний раз убедились, что сопротивление бесполезно. Будучи раненым в руку, я приказал сдаться в плен...»¹

Между тем боевое напряжение к исходу 27 марта не ослабевало. 10-я гвардейская кавдивизия силами 36-го и 40-го полков настойчиво продолжала наступать вперед, но повсюду встречала сильное сопротивление. 3-му эскадрону 40-го кавполка удалось зацепиться за окраину села Рендва. В это время командир эскадрона капитан Антропов был ранен. Он не мог вести бойцов дальше. Собрав последние силы, он на клочке бумаги написал: «Враг отступает. Вперед, товарищи! Помогайте своим друзьям, которые находятся уже на окраине». Этот листок облетел цепи эскадрона. Воодушевленные словами командира, казаки, поддержанные танками, ринулись вперед и захватили Рендва. За ними последовали другие эскадроны. Всем полком в конном строю за танками гвардейцы ворвались в село Гуль и освободили его. Враг вновь усилил огонь из-за реки Житава, но атака успешно завершилась.

Командир полка подполковник В. Н. Макаров настойчиво искал слабое место в обороне противника. Он предполагал, что направление на село Федимеш, расположенное на восточном берегу реки Цетинка, обороняется меньшими силами. Это нужно было срочно разведать. Первым из добровольцев пойти на разведку и установить силы противника вызвался гвардин

¹ Фонд КМГ, д. 16, л. 99.

рядовой 2-го эскадрона Пономарев, недавно прибывший в полк на пополнение из глубокого тыла. Это было его по-настоящему боевое крещение. Товарищи проводили его на разведку. Они видели, как солдат под покровом сумерек, где ползком, где перебежкой, от куста к разбитой самоходке, оттуда к воронке, плотно прижимаясь к земле при вспышках ракет, упорно продвигался вперед. Вот воздух прошила очередь трассирующих пуль. Солдат упал. За первой трассой последовала вторая, третья... Однополчане открыли ответный огонь. Противник замолчал. Воспользовавшись этим, разведчик сделал стремительный бросок вперед и скрылся в темноте. Гитлеровцы снова открыли огонь по тому месту, где недавно упал разведчик. Сопровождавшие Пономарева солдаты поняли, что враг потерял цель, «отцепился» и вернулись в подразделение. А Пономарев тем временем быстро уходил в тыл врага. Вскоре он подобрался к окраинам Федимеш и приступил к выполнению задания.

В течение всей ночи на 28 марта противник подтягивал новые части, поспешно закрепляясь по реке Цетинка, на рубеже Черник-Бешенев. В ночном бою были захвачены пленные отошедших 357-й, 46-й и вновь появившихся 153-й и 27-й пехотных дивизий. Враг всеми силами пытался остановить продвижение конно-механизированной группы с тем, чтобы успеть подтянуть новые резервы и прочно закрепиться на реках Нитра и Ваг.

С самого утра 28 марта в полосе наступления 4-го гвардейского кавкорпуса упорные бои разгорелись на западном берегу реки Житава, особенно за населенные пункты Издег и Федимеш.

В этом бою бессмертный подвиг совершил гвардии казак комсомолец Василий Савченко. Накануне я был в той части и хорошо запомнил его. Это был молодой, невысокий, крепко сложенный парень с открытым, улыбчивым лицом. Потом я узнал и некоторые подробности его биографии. Детство в трудовой семье. Семилетка, школа ФЗО, работа. В августе 1940 года Василий был призван в армию. Война застала его на одной из пограничных застав. Здесь, в суровых условиях пограничной службы закалялся его характер, здесь он стал комсомольцем. Беззаветная преданность своему народу, верность присяге побудили рядового Савченко в грозный час на самопожертвование во имя жизни своих боевых товарищей...

Эскадрон приближался к северной окраине Федимеш. Уже

виднелись дома, каменный забор между ними. И тут бешено застрочил немецкий пулемет. Попадали казаки, сраженные беспощадными очередями. Эскадрон залег, попробовал подняться в атаку — и снова губительный огонь. И тогда, сливаясь с землей, вперед пополз рядовой Василий Савченко. Пули ложились рядом с ним, вздымая фонтанчики пыли. Но он упрямо полз, стиснув зубы. Вот она, вражья нора. Он с силой бросил гранату, вторую. Пулемет кашлянул и умолк. Василий с надеждой приподнялся, но пулемет снова затарахтел.

Бесстрашный казак до боли сжал ствол автомата, посылая короткие очереди. Но враг не утихал. Василий нажал на спусковой крючок, но автомат не дрогнул, как обычно. Опустел диск. И тогда все увидели, как вперед метнулась фигура советского воина. И словно захлебнувшись, замолк пулемет. Эскадрон, вдохновленный подвигом Савченко, ринулся в атаку.

Тяжело пережили казаки-гвардейцы смерть своего боевого друга, повторившего подвиг Матросова. Отдав последние воинские почести, они похоронили его в селе Федимеш. А 8 апреля его матери Ефросинье Ивановне, жившей на хуторе Братское Гулькевичского района Краснодарского края, почтальон вручил письмо с адресом полевой почты. Почерк на конверте был незнакомый. Тревожно сжалось материнское сердце в предчувствии непоправимого горя. Писали младший лейтенант Котов, старший сержант Володин, рядовые Олейник, Турбан, Гриськов, Самотюк, Був, Сиволобов, Каглик, Успенков.

«Мама,— обращались они к Ефросинье Ивановне,— в ожесточенном бою под селом Федимеш, в Чехословакии, мы потеряли лучшего своего товарища и друга, Вашего сына. Он умер смертью героя, расчищая путь товарищам... Мы никогда не забудем нашего друга Василия Савченко, его имя и его подвиг живут в наших сердцах. И когда мы идем в бой, то каждый повторяет: «Иду расплачиваться за Василька». И ни один фашист не уходит от нашей пули и клинка... На этом писать заканчиваем: идем в бой. Жмем Вашу руку».

Заняв Федимеш, казаки 40-го полка 10-й гвардейской дивизии узнали и о судьбе невернувшегося из разведки рядового Алексея Пономарева. Оказалось, что Пономарев был схвачен фашистами. Его повели на допрос. На допросе гвардеец на все попытки врага «развязать ему язык» отвечал презрительным молчанием. Фашисты стали избивать его. Он мол-

чал. Его зверски пытали. Отважный воин молчал. Тогда гитлеровцы повели его на расстрел. Черные дула автоматов в упор глядели на него. Но сердце разведчика не дрогнуло. Фашисты в последний раз предложили ему жизнь за измену. И услышали гордый отказ. Тогда разъяренные гитлеровцы пошли на страшное преступление: связали ему руки, облили бензином и сожгли.

Героический поступок комсомольца Алексея Пономарева и зверская расправа, совершенная над ним гитлеровцами, мгновенно облетела весь корпус. В полках были проведены митинги, на которых войны давали клятву отомстить фашистским извергам. И они свято выполняли ее, с новой силой громя ненавистного врага.

Так в бою за безвестную, ничем не примечательную чехословацкую деревню, вдали от Родины, сгорели два героических сердца, неся факел свободы дружественному народу, попавшему в большую беду. Таков был советский воин-освободитель — бесстрашный и прекрасный.

А волна наступления шла дальше. К исходу 28 марта 4-й гвардейский кавкорпус форсировал Нитру и завязал бои за крупный населенный пункт Шураны. 6-й гвардейский кавкорпус захватил Новы-Замки и успешно продвигался на запад.

Форсирование Нитры на участке 4-го корпуса и бои за плацдармы на западном берегу развивались с трудом: противник оказывал упорнейшее сопротивление, кроме того, подступы к переправам были сильно заболочены.

На участке 9-й гвардейской кавдивизии полковника А. П. Смирнова сильный артиллерийско-минометный огонь противника не давал навести переправы. Однако части дивизии успешно форсировали Нитру и с ходу захватили Бановска-Кеса. При этом особенно отличился 34-й гвардейский кавполк и его командир подполковник И. И. Болдырев.

В боях за Нитру исключительно отважно дрались танкисты 128-го танкового полка подполковника Н. П. Гапоненко. Член партийного бюро части лейтенант Зайцев за день боя уничтожил два вражеских танка и более двадцати гитлеровцев. Однако и его танк был подбит и загорелся. Уводя танк из-под обстрела, Зайцев не прекращал огня. В укрытии экипажу удалось сбить пламя и сохранить машину. Командир танкового взвода этого же полка старший лейтенант Колотушкин поджег два танка и уничтожил до пятидесяти гитлеровцев. Продвигаясь вперед, танк Колотушкина наскочил на не-

мецкую танковую засаду и был подбит. Метким выстрелом в ответ Колотушкин поразил немецкий «тигр», рассчитавшись с врагом.

Танкистам не уступали в отваге и кавалеристы. Наводчик станкового пулемета рядовой 48-го полка 13-й гвардейской кавдивизии М. Г. Потовой выдвинулся далеко вперед и уничтожил более десятка фрицев. Ответным огнем немцы разбили его пулемет. Тогда коммунист, поднявшись во весь рост, крикнул: «За нашу Родину, вперед, товарищи!» и своим примером увлек весь эскадрон в атаку на противника. В рукопашной схватке, завязавшейся в траншеях, Потовой уничтожил еще четырех гитлеровцев и сам погиб смертью храбрых.

Командир эскадрона 49-го полка 8-й Дальневосточной кавдивизии капитан Седов в уличном бою в селе Двори противотанковой гранатой подбил немецкий танк. В единоборстве с танком Седов был смертельно ранен. Бойцы похоронили своего командира с воинскими почестями и поклялись отомстить за его гибель. Каждый день, каждый час боев давал все новые примеры героизма и отваги советских воинов.

Не хуже закаленных в боях ветеранов дрались и бойцы нового пополнения. 4-й эскадрон капитана Фролова 49-го кавполка был сформирован из бойцов, недавно призванных из областей Западной Украины и Западной Белоруссии. Глубоко ненавидя немецко-фашистских захватчиков за все их злодеяния, эти воины так же, как их товарищи-ветераны, рвались в бой, показывая примеры мужества и самоотверженности.

Вечером 28 марта пришлось потребовать от командиров корпусов решительного повышения темпов наступления, сосредоточив основные силы на участке Шураны, Новы-Замки, чтобы с ходу форсировать реку Ваг, нанести удар на Такшонь и в дальнейшем, развивая наступление 4-м гвардейским кавкорпусом на Сенец, перерезать пути отхода противника на Братиславу.

Враг продолжал оказывать упорное сопротивление, подбрасывая в бой все новые силы и средства.

С утра 29 марта немцы предприняли сильные контратаки, пытаясь сбросить наши войска с западного берега Нитры. Соединения группы, отражая вражеские контратаки, продолжали расширять плацдарм. К исходу дня части 4-го гвардейского кавкорпуса, ведя бои на южной окраине Шураны, продвинулись в северо-западном направлении — на Тардошкед. 6-й гвардейский кавкорпус в течение ночи и первой половины

дня основными своими силами вел бои в районе города Новы-Замки.

Бой был в разгаре, когда представитель штаба фронта полковник Максимов передал начальнику штаба группы генерал-майору Пичугину распоряжение Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского: «За Новы-Замки и Шураны не драться. Обходить их и выполнять дальнейшую ранее поставленную задачу».

К этому времени основная часть города Новы-Замки была уже очищена от противника, лишь на окраинах оставались небольшие группы автоматчиков. Командиру 6-го корпуса генерал-лейтенанту С. В. Соколову было отдано распоряжение — двумя дивизиями развивать наступление на северо-запад, одной дивизией закончить освобождение города, после чего вывести ее во второй эшелон корпуса.

Командир корпуса немедленно повернул 8-ю гвардейскую и 8-ю Дальневосточную дивизии в указанном направлении, оставив 13-ю гвардейскую дивизию для ликвидации небольших очагов противника в Новы-Замки. К 20 часам 8-я Дальневосточная дивизия завязала бой за Вельки-Чижи, а 8-я гвардейская дивизия вела бой в двух километрах западнее железнодорожной станции. 13-я гвардейская кавдивизия была выведена во второй эшелон. Части 4-го гвардейского кавкорпуса, освободив полностью Шураны, также вырвались на оперативный простор, успешно развивая наступление на запад. В боевых действиях наступил решающий перелом.

Мы подходили к очередному серьезному водному рубежу — реке Ваг, шириной 250 метров, многоводной, глубокой, с быстрым течением. Все мосты немцы при отходе уничтожили. Форсировать же такую реку с ходу не представлялось никакой возможности, тем более с нашей многочисленной техникой. Надо было создать хотя бы один тяжелый мост под огнем противника. Для этого мы кроме корпусных и дивизионных переправочных средств располагали одной тяжелой понтоно-мостовой бригадой.

Здесь оказалась забота о нас нашего замечательного начальника инженерных частей фронта Александра Даниловича Цирлина. Такой мост на нашем фронте был первый и единственный.

Нам удалось ввести в заблуждение противника и построить тяжелую переправу не там, где мы несколькими дивизиями демонстрировали в ходе боя подготовку к переправе, а на на-

шем левом фланге, где перелески вплотную подходили к реке. Личный состав понтонно-мостовой бригады проявил исключительное мужество и стойкость. К полуночи была переброшена одна дивизия, а к утру на западном берегу Ваги мы имели уже более одного корпуса. Неожиданное появление наших войск вызвало среди гитлеровцев панику. Наши части устремились вперед, взламывая вражескую оборону.

Успешно поддерживала действия конно-механизированной группы штурмовая и истребительная авиация, прикрывая войска от ударов воздушного противника.

Разбитые конно-механизированной группой вражеские части в течение 31 марта с боями отходили в северо-западном направлении, оказывая серьезное сопротивление.

Проанализировав конкретно сложившуюся обстановку, мы вновь уточнили задачи войскам. Необходимо было наращивать темпы, быстрее и стремительнее развивать наступление к Малым Карпатам и далее в общем направлении на Брно.

Командиру 4-го корпуса генерал-майору Головскому было приказано форсировать Ваг, к утру 1 апреля захватить город Трнава, с ходу овладеть Малыми Карпатами и к исходу следующего дня одной дивизией захватить Яблоницу, а главными силами из района Надаш повернуть в юго-западном направлении и овладеть Рарбок.

Командир 6-го корпуса генерал-лейтенант С. В. Соколов получил задачу стремительно развивать наступление в направлении Дьесек, Немецки-Граб, Шенквица, Малацки и к исходу 2 апреля овладеть Малацки.

В резерве группы была оставлена одна дивизия из гвардейского 6-го кавалерийского корпуса.

В течение 31 марта 4-й корпус форсировал Ваг и, расширяя плацдарм, охватил город Галанта с востока, юга и запада, который был полностью освобожден в 17 часов. К этому же времени 9-я дивизия освободила крупный населенный пункт Такшонь. Корпус перешел к преследованию противника в западном и северо-западном направлениях и уничтожая отдельные очаги сопротивления частей и подразделений 211-й, 711-й, 46-й пехотных дивизий, поддерживаемых штурмовыми орудиями 10-й танковой дивизии, быстро продвигался на Трнава. В 9 часов 1 апреля части корпуса вели бои на рубеже Фаркашин, Майцихов.

Находясь в районе боевых действий, мы стали свидетелями интересного боевого эпизода. 152-й корпусной истребитель-

ный противотанковый полк Героя Советского Союза подполковника Е. А. Костылева, следуя по маршруту, перед рассветом выдвинулся тремя батареями за передний край конников, занял огневые позиции для стрельбы прямой наводкой в двух километрах севернее Малы-Гай и хорошо замаскировался. Противник, не видя в тумане цели, вел беспорядочный огонь, который не причинял нам существенного ущерба, несмотря на большое скопление обозов и техники в Малы-Гай.

Солнце уже взошло высоко, когда на шоссе Серед-Фаркашин появились темные силуэты немецких танков. Они шли, стреляя на ходу, все более приближаясь к нашим позициям. И вдруг словно блеснула молния. Передний танк от мощного удара накренился к обочине шоссе и густо закадил. За ним вспыхнул, как спичечная коробка, другой. Следующий снаряд попал в машину с горючим. Яркий пламень охватил ее. Два танка успели все-таки прорваться вперед, но через несколько минут у одного из них, пораженного метким выстрелом, отлетела башня, у другого перебило гусеницу.

Я смотрел в бинокль, не отрываясь, громко восхищаясь блестящим искусством наших артиллеристов. И как бы приветствуя их, в воздух над позициями корпуса взлетели ракеты. После боя я поздравил артиллеристов 152-го противотанкового истребительного полка Героя Советского Союза подполковника Е. Костылева.

Узнал я и другие подробности боя. Первой открыла огонь 5-я батарея, за ней — другие. За панораму встал командир взвода гвардии лейтенант Ильгов и с первого же снаряда поджег танк противника. Он же подбил второй танк и машину. Остальные два танка, которым удалось было прорваться, попали под огонь 3-й батареи. Оказалось, что экипажи других четырех танков пытались бежать, бросив свои машины. Вдогонку за ними бросился взвод управления 5-й батареи под командой лейтенанта Петрова. Они захватили четыре исправных танка, уничтожили четырех танкистов, а трех взяли в плен.

Этот эпизод еще раз ярко показал, как высоки были выучка, мастерство наших воинов, приближавших день великой победы.

Побеседовав с артиллеристами, я направился на КП командира 4-го гвардейского корпуса. Он сообщил, что решил захватить Трнава ударом с юго-востока, то есть в лоб про-

тивнику, у которого здесь были наиболее сильная система огня и инженерные заграждения.

Такое решение могло привести к затяжному бою, к излишним потерям живой силы. Пришлось отменить его и приказать главный удар нанести с юга и юго-запада. Это требовало некоторой перегруппировки войск, но как показали дальнейшие события, полностью оправдало себя. Кроме того, я приказал командиру 6-го корпуса держать одну дивизию в готовности для нанесения вспомогательного удара по западной окраине Трнава. В 17 часов корпус завязал бой за Трнава, а в 19 часов все уже было успешно кончено, и штаб корпуса перебрался в город. В этот день войска группы нанесли серьезный урон противнику, захватили 3837 пленных и большое количество трофеев.

После освобождения Трнава 4-й гвардейский корпус стремительно прорвался на северо-запад и вышел к восточным склонам Малых Карпат. Противник, используя выгодные командные высоты по рубежу Замок — Остри-Врх — Лошонец, силами 357-й, 211-й, 711-й пехотных дивизий и частями венгров при поддержке танков, самоходок и тяжелых артиллерийских и минометных батарей авиации, оказывал упорное сопротивление. Особенно сильную оборону встретила конница в районе Надаш, прикрывавшем горный переход на Яблонце. Здесь были две-три линии траншей с дзотами, противотанковыми рвами в несколько линий и проволочными заграждениями.

Вечером 2 апреля при прорыве обороны противника на рубеже Кльчовани — Горне-Орешани танки 10-й гвардейской кавалерийской дивизии вынуждены были остановиться перед противотанковым рвом, тянувшимся от Горне-Орешани на восток. Лишенные маневра и укрытий, танки подверглись артиллерийскому обстрелу противника. Неизбежны были серьезные потери. Жители Горне-Орешани, поняв наши затруднения, по собственной инициативе, несмотря на сильный артиллерийско-минометный огонь, вышли к противотанковому рву и быстро лопатами проделали проходы. Это позволило нашим танкам прорваться на передний край противника, подавить и расстроить его систему огня.

6-й гвардейский кавалерийский корпус 31 марта, перейдя к преследованию отходящего с боями врага, стремительно продвигался вперед и овладел рядом крупных населенных пунктов. Действия корпуса энергично поддерживала 264-я

штурмовая авиационная дивизия, непрерывно наносившая бомбоштурмовые удары по отходящим немцам. За день боя штурмовики сделали сто с лишним боевых вылетов.

31 марта на долю 6-го корпуса достались значительные трофеи, в том числе: много боевой техники, вооружения, 208 вагонов с продфуражом и боеприпасами, элеваторы с зерном, которые немцы не успели взорвать. В плен попало около трех тысяч гитлеровцев и штаб тыла дивизии во главе с полковником и двумя подполковниками.

Помимо наступательных операций крупными силами, мы тревожили противника дерзкими, неожиданными рейдами небольших групп, сея среди немцев панику, дезорганизуя их тыл.

Так, в ночь на 1 апреля на северо-западную окраину Вел-Диосек скрытно встали на огневую позицию 4-я и 5-я батареи 142-го корпусного истребительного и противотанкового артиллерийского полка подполковника И. Т. Климанова. В ста пятидесяти метрах от них стояла на огневой позиции 75-миллиметровая противотанковая батарея противника, готовившаяся к смене позиции. Командир 4-й батареи капитан Турдаков с группой автоматчиков из орудийного расчета подкрался к вражеской батарее и внезапно атаковал ее. В результате налета восемнадцать гитлеровцев сложили головы, девять попало в плен, остальные разбежались, оставив отважным артиллеристам три пушки и пять тягачей.

Подобными действиями мелких подразделений могли похвалиться многие полки и дивизии.

6-й гвардейский кавалерийский корпус, преодолевая упорное сопротивление немцев, продвигался вперед. К середине дня 1 апреля корпус захватил ряд крупных населенных пунктов и вышел на рубеж Модра, Цайла, Пезинок (15 км северо-восточнее Братиславы), расположенных на восточном склоне Малых Карпат. В район Модра вышла 8-я Дальневосточная, а в район Пезинок — 8-я гвардейская дивизии.

Группы вражеских бомбардировщиков «ФВ-190» подвергали частым ударам боевые порядки корпуса, трижды бомбардировали Вел-Диосек, в котором располагался штаб конномеханизированной группы. Враг, очевидно, был информирован о перемещении нашего штаба.

К 22 часам штаб группы разместился в Цифер. Но авиация противника не оставляла нас в покое и на новом месте.

По первым боям на склонах Малых Карпат было ясно, что

враг легко не расстанется с горными перевалами и проходами. Следовательно, нам предстояли упорные бои. Действия 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, которому за день боя удалось вклиниться в район Пезинок всего на четыре километра, подтвердили мое предположение.

2 апреля вместе с оперативной группой штаба я выехал в Пезинок. Мы облюбовали уютный чистенький домик с садом, в котором жила хорошая словацкая семья. Из окна открывался чудесный вид на зеленые горы. Хозяин и его супруга были музыканты. В семье кроме них было трое детей и бабушка... Хорошо и по-домашнему уютно почувствовали мы себя в этой милой семье. Казалось, ничто здесь не напоминало о войне. Но вот в воздухе появились немецкие самолеты. Они кружили над селом, что-то высматривали, проявляя подозрительное любопытство к той части населенного пункта, в которой мы расположились. Создавалось неприятное ощущение, будто противник брал нас на прицел.

Я попросил хозяев, чтобы они увели своих детей из дома и сами ушли, так как было небезопасно. Они ушли, а ночью незаметно вернулись. На следующий день около 5 часов вечера мой адъютант капитан Леонид Емельянович Семенидо вышел по своим адъютантским делам. И тут в воздухе послышался гул вражеских самолетов. Раздался леденящий душу свист и вдруг страшный удар обрушился на меня, швырнув во мрак.

— Товарищ командующий,— услышал я, как сквозь сон, чьи-то голоса. Я очнулся, открыл глаза. Надо мной склонилось знакомое лицо адъютанта.

Врачи сообщили: тяжелая контузия, с кровоизлиянием в мозг.

Погибла вся гостеприимная семья вместе с несколькими офицерами и солдатами, были тяжело ранены помощник начальника оперативного отдела штаба группы майор Абрамов, лейтенант медицинской службы Архипов, легко ранен офицер связи 6-го корпуса младший лейтенант Жуков, без вести пропал офицер связи лейтенант Джанкотов. Невредим остался один адъютант, которого, как я уже говорил, не оказалось в тот момент в доме.

От госпитализации я отказался: надо было оставаться в строю. Правда, контузия давала знать о себе сильной головной болью, головокружением, общим серьезным недомоганием. Однако лечиться было некогда, да и не время. Война под-

ходила к концу, и у меня не было никакого желания встречать нашу славную Победу на больничной койке. Надо было кончать с противником в Малых Карпатах и развивать удары на города Брно и Прагу.

3 апреля я отдал приказ решительно форсировать наступление, но избегать лобовых атак крупных населенных пунктов. 4-й гвардейский кавалерийский корпус получил задачу с овладением Яблонице развивать наступление в направлении Сеница, Годонин, Чейч. 6-й гвардейский кавалерийский корпус с овладением Малацки должен был наступать в направлении на Ланжгот, Вельки-Павловице. В ходе наступления предстояло опять форсировать несколько рек, из них наиболее крупной была Морава.

Уступом назад справа от нас в том же направлении действовала 53-я армия, а слева наступала 7-я гвардейская армия на Братиславу.

Выполняя поставленную задачу, 4-й гвардейский кавалерийский корпус утром 4 апреля сдал боевой участок в районе Надаш подошедшим передовым частям 53-й армии. Наступая в горно-лесистой местности, сбивая и уничтожая гарнизоны противника, корпус к исходу дня успешно преодолел Малые Карпаты и занял Плавецки-Свати-Микулаш. 6-й гвардейский кавалерийский корпус также успешно преодолел горный хребет и продолжал вести бой в лесном массиве юго-восточнее Малацки. В 20 часов 4 апреля части корпуса ворвались в Малацки и завязали жаркие уличные бои.

Таким образом, были перерезаны пути отхода братиславской группировки противника в направлении города Брно.

В ходе борьбы в Малых Карпатах решающую роль сыграли обходящие отряды. Действуя ночью, в лесистой местности, они выходили на фланги и тылы немецких частей, оборонявших горные перевалы, дороги, дефиле и своими дерзкими, неотразимыми действиями вносили в ряды противника панику, нарушали управление, связь, вынуждая противника бежать с Малых Карпат.

С радостью узнали мы об освобождении Братиславы. Выход конно-механизированной группы к Малым Карпатам надежно обеспечил правый фланг 7-й гвардейской армии, облегчив ей выполнение этой важной задачи.

Кстати, советскому читателю небезынтересно узнать, что в этих исторических местах в 1423 году дрался с венгерскими рыцарями слепой чешский полководец, славный Ян Жижка.

При форсировании Нитры чешские воины устанавливали поперек реки возы, груженные для устойчивости камнем. Они способны были пропустить колонну в четыре ряда. На камни ставили пушки и щиты для стрелков. Пушки Жижки — его тарасницы и гоуфницы не только успешно прикрыли войска, но и принудили атакующих их рыцарей отступить с большими потерями.

Жижка останавливал войска у Трнавы на отдых и для приведения в порядок боевого обоза. Далее он двинулся через Малые Карпаты, называвшиеся тогда Белыми горами, на восточных склонах дал бой венгерским рыцарям и, прорубив в лесу проходы, вывел войско на равнину, к западу от гор. Вскоре Кралов Градец встретил у себя непобедимого отца гуситов — Жижку. Седая старина славных времен гуситских войск перекликалась с событиями великой освободительной войны против фашизма.

Наши войска стремительно рвались вперед через леса и горные кряжи, по бездорожью, сметая на своем пути врага. Их ждала страдавшая под фашистским игом чехословацкая земля. Их ждали Брно и Прага.

НА БРНО И ПРАГУ

Снова перед нами река. На ее широкой спокойной глади играют неяркие блики утреннего солнца. Противник на той стороне. Его надежно скрыл густой лес. Нужно с ходу форсировать эту реку — Мораву. Но, как это уже повелось — ни одной переправы. Враг взорвал все мосты. Прямо перед нами торчат в мутной воде искореженные конструкции железнодорожного моста. Может быть, их удастся как-то использовать? Двое саперов, разведав окрестности, доложили: впопыхах немцы не успели полностью уничтожить мост, на нем можно проложить настил. Но прежде нужно было овладеть мостом. Когда наши саперы стали подтаскивать доски, бревна, по ним ударили из пулеметов с того берега. Наша артиллерия ударила в ответ, и под прикрытием ее огня группа смельчаков из 33-го кавполка 8-й гвардейской дивизии 6-го корпуса перебралась по искореженному железу на ту сторо-

ну и захватила небольшой плацдарм. Наши героические саперы под огнем противника навели настил и по нему хлынул 33-й полк под командованием майора Д. Ф. Михайлова. Гвардейцы подоспели вовремя — поредевшая горстка их товарищей была прижата к воде, ее вот-вот могли сбросить в реку.

Полк расширил плацдарм, а вскоре здесь уже сосредоточились основные силы дивизии. Одновременно своим левым флангом дивизия вела бой в Бродске, расположенном на восточном берегу реки Моравы.

Преодолевая яростное сопротивление противника, 6-й корпус успешно вышел в район Ланжгот, создав тем самым угрозу флангу и тылу противника, действовавшего перед 4-м гвардейским корпусом. Наиболее энергично в 4-м гвардейском корпусе действовала 30-я Краснознаменная кавдивизия, успешно отражавшая неоднократные контратаки противника, силою до полка, с танками и артиллерией в районе Унин. Не хуже сражались и остальные. Начиная от Трнава, 4-й гвардейский корпус несколько отставал от 6-го гвардейского корпуса и действовал недостаточно стремительно. После отмены мною неправильного решения на взятие Трнава и исправления ряда других ошибок командир корпуса генерал-майор Головской начал проявлять все больше недисциплинированности. В связи с этим вечером 7 апреля приказом Маршала Советского Союза Малиновского он был отстранен от должности. Командование корпусом временно принял заместитель командира корпуса. Не повезло и с командиром 6-го корпуса генерал-лейтенантом С. В. Соколовым, у которого внезапно осложнилась болезнь, и его вынуждены были срочно положить в госпиталь. Соколова заменил генерал-майор И. Ф. Куц.

Тем временем обстановка перед фронтом конно-механизированной группы сложилась такая. Противник получил подкрепление, в том числе до десяти артиллерийско-минометных батарей. Населенные пункты Тинец, Тврдонице, Костице, Ланжгот, расположенные по гребням высот к северо-западу от Моравы, были сильно укреплены. Все восемь мостов на участке Ланжгот — Кути взорваны. Конечно, задача перед корпусом стояла нелегкая. Но ведь смогла же 8-я гвардейская дивизия форсировать Мораву, закрепиться на том берегу и вести наступательные бои.

Однако исполняющий обязанности командира 6-го гвардейского корпуса генерал-майор Куц, опираясь на непроверенные и преувеличенные данные разведки о силах противни-

ка и характере оборонительных сооружений в Ланжгот, пришел к выводу о непосильности поставленной корпусу задачи, о чем донес непосредственно командующему кавалерией Красной Армии Маршалу С. М. Буденному, не поставив об этом в известность ни меня, ни командующего фронтом. Трудности, конечно, были, но не такие, чтобы теряться и подавать сигнал бедствия, взывая о помощи. Решали мы и куда более сложные задачи. А эту тактическую задачу корпус, безусловно, мог решить своими силами, что потом и было доказано на месте. Временно исполняющий обязанности командира корпуса, внушив себе нереальность поставленной задачи, обрек корпус на пассивные действия. Лобовые, недостаточно обеспеченные атаки на Ланжгот не имели успеха. По своей инициативе Маршал Малиновский после звонка к нему И. В. Сталина, спросившего, почему перед 6-м гвардейским кавалерийским корпусом поставлена невыполнимая задача, генерал-майора Куца снял с работы и отправил из 2-го Украинского фронта в резерв.

Разобравшись в обстановке на месте, я приказал начальнику инженерной службы использовать все инженерно-саперные части и подразделения группы и корпусов для восстановления моста не только через Мораву на шоссе Кути — Ланжгот, но и семи других мостов, взорванных противником при отходе. В течение всей ночи под сильным артиллерийско-минометным огнем саперы восстанавливали мосты. К утру 9 апреля мосты были готовы. Форсирование пошло быстрыми темпами. В ту же ночь кавалерийские полки, действовавшие на плацдарме, были усилены танками, дивизионной и корпусной артиллерией. Штурмовой и истребительной авиационным дивизиям было приказано нанести бомбо-штурмовые удары по опорным пунктам противника и поддержать конницу на поле боя. Утром 9 апреля мы продолжали бои против бешено сопротивлявшегося противника. Проверая боевые порядки корпусов и их действия, я установил, что решение бывшего командира 4-го гвардейского кавалерийского корпуса на глубокий прорыв в тыл противника 9-й гвардейской кавдивизией уже не соответствовало сложившейся обстановке. Готовность переправ через Мораву и выход частей 53-й армии в район действий 4-го гвардейского корпуса позволили сдать боевой участок стрелковым частям и, не распыляя сил, одним мощным ударом разбить противостоящую группировку противника в Моравской долине, а затем раз-

вивать наступление в общем направлении на Брно как можно быстрее и решительнее, совершенно не оглядываясь на свои открытые фланги и тыл.

На основании сделанных мною выводов командир 4-го гвардейского корпуса получил распоряжение перенацелить 9-ю и 10-ю гвардейские кавдивизии, перейти водную преграду и во взаимодействии с соседом слева овладеть узлом обороны Ланжгот. 30-я кавдивизия была выведена в мой резерв и сосредоточена в Бродске, чтобы быть готовой развить удар главных сил на Ланжгот и далее на Брно.

С Бродске связан один интересный боевой эпизод, о котором нельзя не рассказать. Сразу же после освобождения Бродске туда переместился штаб 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, хотя обстановка в этом районе еще была напряженной. Берег не был полностью очищен от противника.

И вот в ночь на 8 апреля до ста пятидесяти гитлеровцев на автомашинах и четырех бронетранспортерах, с артиллерией, одним тяжелым и тремя средними танками выдвинулись в направлении на Бродске. Позже стало известно, что они имели задачу внезапным налетом разгромить штаб корпуса и перерезать дороги, ведущие к переправам, сорвать подход наших резервов на западный берег Моравы.

Враг не подозревал, что на пути к Бродске стояли батареи капитана Хорунжего и старшего лейтенанта Минина 1732-го зенитного артиллерийского полка подполковника Шиповалова, которые прикрыли штаб корпуса и переправу на Мораве. Эти-то батареи МЗА наших славных зенитчиков преградили и намертво закрыли путь врагу.

Около часу ночи высланные в разведку сержант Черкашин и рядовой Кирнос доложили командирам батарей о силах и направлении движения гитлеровцев. Батареи быстро изготовились к отражению на этот раз не воздушного, а наземного врага. «Стоять насмерть» — эти слова капитана Хорунжего понесли по батареям от старшины Арустомяна к командиру отделения управления батареи старшему сержанту Багрову, от него к командиру орудия сержанту Попову, к наводчикам ефрейтору Чубареву, рядовому Харламову и другим.

Зенитчики не хотели обнаруживать себя раньше времени, решив встретить противника огнем с двухсот метров. Навстречу колонне гитлеровцев выслали ракетчиков, которые долж-

ны были осветить врага, когда он подойдет на это расстояние.

Шум моторов и скрежет гусениц быстро нарастали. Враг все ближе подходил к батареям. Замерли у орудий зенитчики. Кажется, пора бы начинать. Но команды нет. Стволы наводятся по шуму моторов, чтобы при освещении целей немедленно взять их на прицел.

И вот в воздух взвились ракеты, вырвав из тьмы моторизованную колонну. Впереди шел тяжелый танк, получивший от своих создателей—гитлеровских разбойников,—хищное название — «королевский тигр». Зенитчики открыли беглый огонь траассирующими пулями и снарядами. Темноту разорвали огненные языки пламени. Уже первые снаряды выбили из танков брызги искр. Еще не успела догореть первая серия ракет, как головному «тигру» перебили гусеницы. Он завертелся на месте, несколько раз чихнул и остановился. Ракеты погасли, но в это время загорелись бронетранспортер и грузовая машина с солдатами. Взвившиеся языки желтого пламени опалили солдат, и они бросились бежать, описывая огненные зигзаги. Теперь хорошо освещалась вся колонна немцев. А нашим зенитчикам только этого и надо было.

Гитлеровцы засуетились, пытаясь организовать сопротивление. Вскоре они открыли беспорядочный огонь из пушек, пулеметов и автоматов. Но их стрельба по невидимым целям в темноту была бесполезной. А тем временем наши скорострельные зенитки не умолкая били по освещенным горящим машинам. Снаряды точно ложились в цель. Вскоре вспыхнул средний танк. Гитлеровцы стали бросать орудия, экипажи начали выскакивать из машин и разбегаться в разные стороны. Крики и стоны раненых доносились до батарей. Врага охватила паника.

В этом коротком бою первые восемь наших зениток успели выпустить по врагу до тысячи бронебойных и осколочных снарядов. В руках небольшой группы отважных воинов эти орудия оказались грозной силой против явно превосходящих сил противника. Враг так и не прошел к Бродске. На поле боя осталось пятьдесят семь убитых и сгоревших солдат и офицеров, а также все подбитые и исправные танки, бронетранспортеры, орудия и автомашины. Захваченные в плен гитлеровцы рассказывали, что большинство их товарищей, избежавших смерти и плена, были тяжело ранены. Невредимыми

остались лишь те, которые в первые минуты боя догадались незаметно раствориться в темноте.

У зенитчиков в этом бою были ранены командир взвода лейтенант Шанин, один сержант и два солдата.

О подвиге зенитчиков рассказывали во всех соединениях группы. Все они были представлены к боевым наградам.

Упорные кровопролитные бои за Ланжгот продолжались. Противник ввел здесь новые резервы: 13-ю танковую дивизию, 21-й полицейский полк «СС», 10-й учебно-запасной батальон «СС» из Брно и другие. Он предпринимал отчаянные попытки ликвидировать наш плацдарм юго-восточнее Ланжгот. Наши атаки, поддерживаемые ударами артиллерии и авиации, сменялись сильными контратаками врага, несшего при этом серьезные потери.

Для увеличения ударной силы атак мы решили ввести в боевые порядки спешенной конницы побольше танков и САУ, полковую и дивизионную артиллерию, кроме этого, я решил бросить в бой свой резерв — 30-ю кавдивизию. Все это дало свои результаты. 30-я дивизия стремительно прорвалась сквозь мощный огонь противника в Ланжгот.

Надо ли говорить, какой напряженной жизнью жил в те часы мой КП. И вдруг — это было 10 апреля — адъютант вручает мне пакет со штампом 2-го Украинского. Думая, что это срочное предписание, я тут же вскрыл его и прочитал:

«Генерал-полковнику Плиеву И. А.

Ввиду того, что мне не удалось видеть Вас вторично, обращаюсь к Вам письменно.

После перенесенной Вами контузии мозга у Вас остались патологические изменения, как то: головные боли, головокружения, общая слабость, повышенная нервная возбудимость и т. д. При несоблюдении Вами строгого предписываемого режима эти опасные симптомы будут усиливаться, сделают Вас совершенно неспособным и потребуют очень длительного срока для их устранения. Таким образом, Вы в скором времени совершенно выйдете из строя. Очень прошу Вас учесть все это и сделать для себя соответствующий вывод. Предлагаю, не теряя ни одного дня, начать лечение во фронтовом тылу и далее в Москве.

Желаю Вам скорейшего выздоровления.

*Главный хирург 2 УФ генерал-лейтенант мед. сл.
профессор Е л а н с к и й Н. Н. 10. IV. 45 г.»*

Итак, доктор хотел упрятать меня в госпиталь под надзор вежливых сестер на целых две-три недели. В другой раз можно было бы и поболеть, но не теперь. Обстановка требовала самого решительного и непрерывного вмешательства в управление войсками группы, ведущей тяжелые бои с противником. Поэтому о койке можно было лишь помечтать минутку и извиниться перед добрым доктором за невозможность выполнения его разумных предписаний по крайней мере до конца войны, что должно было быть в недалеком будущем.

А сообщения с переднего края шли все более радостные. 6-й гвардейский кавалерийский корпус совместно с 30-й Краснознаменной дивизией и другими частями блокировали и уничтожили очаги сопротивления врага, выбивая его из погребов, с чердаков, ведя бой за каждый дом и каждый этаж. К 20 часам Ланжгот был взят полностью. Противник понес очередное тяжелое поражение от дерзких ударов наших войск.

Боевые действия группы за переправы на реке Морава и за крупный узел обороны Ланжгот отвлекли на себя значительные силы врага из районов Годонин, Бржецлав и других пунктов. Это способствовало успешному продвижению остальных объединений фронта и форсированию ими реки Моравы.

После окончания боев за Ланжгот мы собрали совещание командиров и начальников штабов всех соединений группы. Наряду с сильной обороной врага на темпы нашего наступления влияла иногда и собственная наша медлительность, отдельные просчеты. Кроме того, сказалась, несомненно, и значительная изнуренность частей непрерывными боями с форсированием целого ряда водных преград, действиями в горах и заболоченной местности и т. д.

11 апреля приказом Ставки Верховного Главнокомандующего командиром 4-го гвардейского кавкорпуса был назначен генерал-лейтенант Ф. В. Камков.

В течение 12—15 апреля войска группы продолжали развивать наступление. Боевые действия на рубеже Грушки, Бржецлав приняли исключительно тяжелый характер. Враг не уступал без ожесточенного боя ни одного метра земли. Для усиления действенности огня артиллерии мною было приказано вплотную приблизить все калибры к переднему краю и вести огонь прямой наводкой; к участию в артналетах привлекать зенитную артиллерию, противотанковые ружья, крупнокалиберные зенитные пулеметы, после артналета в течение

нескольких минут вести огонь из всех видов стрелкового оружия, затем переходить в решительную атаку.

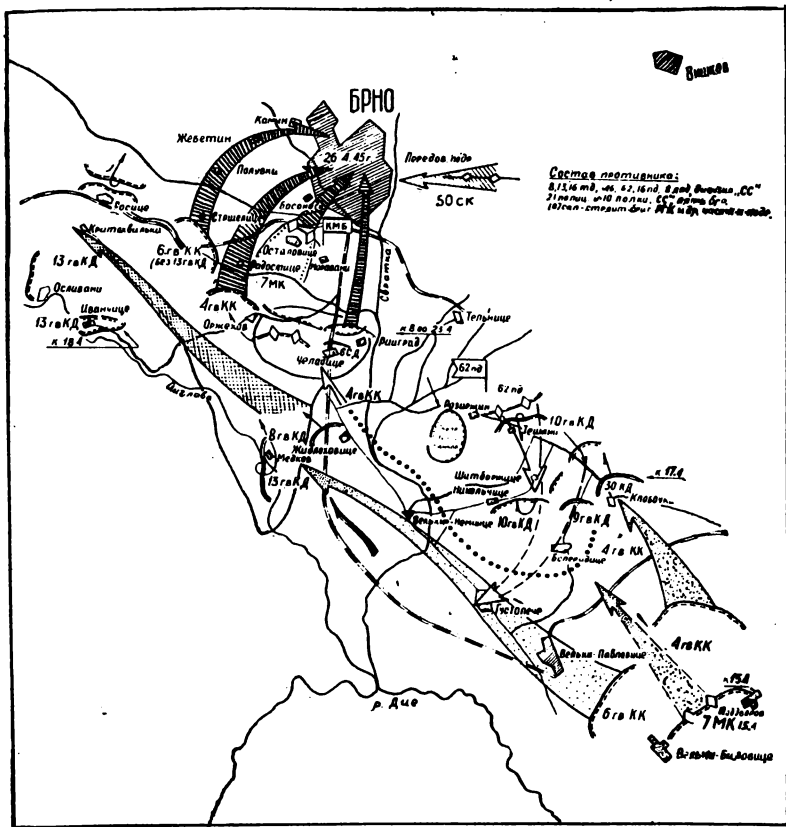
К 20 часам 14 апреля соединения группы вели бои в пяти-шести километрах к северу от Бржецлав. В это время мы получили выписку из приказа командующего фронтом, в соответствии с которым в полосе наступления группы в 10 часов 15 апреля вновь вводился наш 7-й гвардейский механизированный корпус на фронте Поддворов, Вельки-Биловице, в общем направлении на Брно. Конно-механизированной группе теперь приказывалось развивать наступление и, разгромив противостоящую группировку немцев, взять город Брно.

Этот день и следует считать началом непосредственных боевых действий за освобождение Брно, поскольку конно-механизированная группа была вновь усилена фронтом именно с этой целью.

Город Брно, являясь важнейшим промышленным центром Чехословакии, имел для немцев огромное стратегическое значение. Здесь были такие военные заводы, как «Шкода», «Зброевка» и другие, большие запасы боеприпасов и других материально-технических средств. Это был крупнейший узел дорог, большой административно-политический центр страны. Здесь враг создал мощный узел сопротивления. Все это и другие соображения приводили к выводу, что мы должны быть готовы к самым жестоким сражениям. И наши опасения подтвердились.

В 10 часов 15 апреля войска 1-й гвардейской конно-механизированной группы в четком взаимодействии всех корпусов и авиации перешли в наступление в северо-западном направлении. Противник до самого Брно оказывал исключительно упорное сопротивление. Шли непрерывные кровопролитные бои за каждую высоту, каждый дом, каждый тактический рубеж. Атаки сменялись контратаками. Войска группы, имея примерно равное соотношение в силах, дерзко и умело взламывали вражескую оборону и, преодолевая сопротивление противника на резко пересеченной местности, уверенно приближались к Брно. Действия войск связывались сложным рельефом, более выгодным для обороны, чем для наступления, труднопроходимыми участками местности, вынуждавшими порой на руках подтягивать артиллерию, тяжелые минометы, автомашины и т. д.

Нашей группе к этому времени противостояла следующая группировка врага: сводный отряд разбитой 711-й пехотной

БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ г. БРНО.

дивизии, части 46-й пехотной дивизии, 21-й полицейский полк «СС», части 8-й легкой пехотной дивизии, 8-я и 13-я танковые дивизии, 107-я саперно-строительная бригада РГК, 4-й саперный батальон, 10-й учебный запасный батальон «СС», маршевые роты 511-й зенитной бригады и др. В дальнейшем мы будем показывать лишь те подразделения и части противника, которые появились вновь.

Нет нужды последовательно и подробно освещать ход боевых действий за каждый день. Это было непрерывное, сплошное сражение, не прекращавшееся ни на минуту ни днем, ни ночью. Мы прорывались на Брно и Прагу.

Остановлюсь на наиболее существенных событиях этого периода. К середине дня 17 апреля войска группы продвинулись в северо-западном направлении на несколько десятков километров, достигнув: 4-м гвардейским корпусом — Тешани, 6-м гвардейским корпусом — Грушовани (1 км западнее Жидлоховице), 7-м гвардейским механизированным корпусом — Медлов.

Разведка установила выдвижение пехоты и танков противника с северо-запада и скопление их в районе Баркани, Шитборжице. По показаниям пленных солдат, противник имел задачу ударом на Густопече отрезать наши части, прорвавшиеся на северо-запад. Эти данные подтвердил захваченный в плен при бое за Тешани офицер связи 62-й пехотной дивизии. Он показал, что 62-я дивизия, командный пункт которой находится в Гозаржин, готовит контратаку совместно с 8-й танковой дивизией и 98-м мехполком из Розаржин в направлении Густопече, имея целью отрезать и уничтожить прорвавшуюся группировку, конницу и танки в районе Тешани, Густопече, Шитборжице. Пленный показал также, что в ночь на 18 из Брно должны прибыть их резервы, численность которых ему не известна.

В 16 часов противник начал контратаку, нанося удар по 10-й гвардейской кавдивизии, овладевшей к тому времени Тешани. Под давлением превосходящих сил врага дивизия прекратила наступление, отражая огнем натиск немецких фашистов.

В воздухе наши славные летчики почти все время вели воздушные бои с противником. Фашистские стервятники упорно стремились нанести удары по нашей коннице, танкам, артиллерии. Особенно частым атакам с воздуха подверглась бата-

рея реактивной артиллерии 11-го гвардейского минометного полка 6-го корпуса.

Зенитчики стойко отражали атаки воздушных пиратов. Труднее всех, пожалуй, пришлось ефрейтору Полохову и рядовому Кузьмину из зенитно-пулеметного взвода ДШК, прикрывавших батарею реактивных установок на огневой позиции. Самолеты противника, обнаружив позиции наших «катюш», несколько раз пытались расправиться с ними, но каждый раз их отгонял плотный огонь зенитных пулеметов. Тогда они перенесли удар на пулеметы.

Один из «мессершмиттов» несколько раз пикировал на пулемет ефрейтора Е. А. Полохова и рядового Кузьмина. Коршун падая вниз, пытаясь нанести молниеносный смертельный удар. Однако нервы немецкого летчика, видимо, не выдерживали меткого огня зенитного пулемета и стремительного приближения земли. Он отворачивал, на мгновение подставляя под огонь злобные кресты, взмывал ввысь и снова с воем и свистом устремлялся в атаку.

Последняя атака воздушного пирата была особенно яростной. В перекрестии пулеметного прицела Полохова пикирующий самолет быстро увеличивался, выливая на пулеметчиков струю горячего свинца. Ответные трассы впились в тело истребителя, но он неумолимо приближался. За этой смертельной схваткой, длившейся всего несколько секунд, с замедлением сердца следили тысячи бойцов.

Упорный попался враг, но советские воины оказались еще более упорными. Меткий огонь гвардейцев прошивал стервятника, но он продолжал приближаться с устрашающей быстротой. Кузьмина, как током, ударила догадка: «Самолет неуправляем, он не отвернет!» От этой мысли мгновенно выступил холодный пот. Но вот самолет запылал. Отвалились, завертелись в воздухе крылья.

Оставляя длинный шлейф черного дыма, изуродованный самолет продолжал лететь на пулемет по инерции. Черная тень на мгновение закрыла все небо... Удар!..

Смятый пулемет вогнало в землю. Из-под обломков горящего «мессершмитта» вынесли убитого ефрейтора Полохова и тяжело раненного рядового Кузьмина. Так беззаветно храбро дрались с врагами советские воины.

По пути в санчасть Кузьмин пришел в сознание. Тяжело переживая потерю друга, он долго молчал. А потом тихо произнес:

— А все-таки стервятник взорвался...

Между тем 6-й гвардейский корпус, сбивая арьергардные части и подвижные отряды противника, быстро развивал наступление в междуречье Свратка, Йиглава. 18 апреля его 13-я гвардейская кавдивизия овладела городом Иванчице, освободив попутно десять других населенных пунктов. К исходу дня корпус обошел Брно с запада и вел бой на рубеже Росице, Ославани.

Создавалась благоприятная обстановка, в которой командир 6-го гвардейского кавкорпуса был сориентирован на удар по юго-западной части Брно, а командир 7-го гвардейского мехкорпуса по южной части города. Командир 4-го гвардейского кавкорпуса должен был развивать наступление на Брно и нанести удар с юго-востока; с выходом на реку Литава одной дивизией действовать в направлении на Вишков, обеспечивая правый фланг конно-механизированной группы.

Должен сказать, что тут нам повезло. Мне сообщили, что на участке 8-й гвардейской кавдивизии генерал-майора Д. Н. Павлова 18 апреля был убит гитлеровский офицер, у него обнаружили план обороны Брно с особой детализацией обороны южной части города, которая нас больше всего интересовала. В тот же день копии захваченного документа были переданы штабам 4-го и 6-го гвардейского корпусов, а подлинник направлен в разведотдел штаба фронта. В дальнейшем этот документ нами был использован и помог сохранить много жизней советских воинов.

Противник яростно сопротивлялся. 19 апреля перед конницей появились вновь подошедшая 16-я пехотная дивизия и батальоны 500-го штрафного полка с 24 танками и самоходками. В этот день части 4-го гвардейского корпуса отбивали яростные контратаки из районов Шитборжице и Новый Двур. В двух километрах северо-западнее Новый Двур противник сосредоточил части эсэсовской дивизии с 30 бронеединицами. Цель его оставалась прежней — отрезать и уничтожить прорвавшиеся на северо-запад части конно-механизированной группы.

В течение 19 апреля 7-й гвардейский мехкорпус, используя успех 6-го гвардейского корпуса и действуя восточнее его, совместно с 8-й Дальневосточной кавдивизией овладел Стршелице, отбив несколько контратак со стороны Остоповице и Босоноги.

Особое удовлетворение за два последних дня вызвали у

нас отличные действия 13-й гвардейской кавдивизии, которой в этих боях блестяще командовал генерал-майор Г. А. Белюсов. Смелые, решительные и инициативные действия дивизии, сумевшей найти слабое место в обороне противника и стремительно прорваться в его тыл, я поставил в пример другим дивизиям конно-механизированной группы.

Противник, чувствуя реальную угрозу падения Брно, подбрасывал в район боевых действий все новые резервы. 20 числа он ввел боевые группы «Иоганс» и «Гордоль» с 50 танками и 35 бронетранспортерами. 21 апреля появилась эсэсовская боевая группа «Фрундеберг», а 22 были отмечены части 16-й танковой дивизии, переброшенной из Моравска-Острава. В этот же день появились боевая группа «Отто», 10-й гренадерский полк «СС» и 134-й запасный батальон, затем 302-й запасный батальон, боевая группа «Шлотау» и т. д. Гитлеровское командование бросало против нас все, что попадало под руку. Мы дрались с самой разношерстной арийской братней.

Вечером 20 апреля в полосу действий 4-го гвардейского Кубанского корпуса подошли части 53-й армии. В соответствии с предписанием Маршала Малиновского я приказал командиру 4-го гвардейского кавкорпуса в ночь на 21 сдать участок 18-му стрелковому корпусу и выйти в район Райград, Челоуце, Сировице и быть в готовности к штурму Брно с юга, юго-запада и запада.

22 апреля командующий фронтом передал в мое подчинение 6-ю Орловскую стрелковую дивизию и одновременно потребовал возможно скорее освободить Брно. В этот день мною был отдан боевой приказ на штурм Брно. Основное содержание его сводилось к следующему:

1. Командиру 6-й стрелковой дивизии сменить 4-й гвардейский кавкорпус и с рубежа Райград (1 километр южнее Желешице) нанести удар вдоль шоссе Челоуце — Брно и во взаимодействии с 7-м гвардейским мехкорпусом овладеть юго-восточной окраиной Брно.

2. Командиру 7-го гвардейского мехкорпуса продолжать развивать наступление на север, с выходом на рубеж Остоповице, Сержелице, нанести удар в направлении Босоноги, Н. Лисковец и овладеть южной и юго-западной частью Брно.

3. Командиру 4-го гвардейского кавкорпуса сдать участок в районе Райград 6-й стрелковой дивизии и по овладении Оржеховички-Тиковице нанести удар из-за левого фланга 7-го

гвардейского мехкорпуса в направлении Прштице, Радостице, Каменный Млын, западная окраина Брно.

4. Командиру 6-го гвардейского кавкорпуса с выходом частей на рубеж Стржелице — ст. Стржелице двумя дивизиями нанести удар из-за левого фланга 4-го гвардейского кавкорпуса в направлении Попувки, Комин и овладеть северо-западной частью Брно, отрезая пути отхода противника на северо-запад и на север.

В 8 часов утра 23 апреля соединения 1-й гвардейской конно-механизированной группы после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в решительное наступление. Ломая яростное сопротивление врага и дробя его силы на части, войска группы упорно пробивались к Брно.

Противник оборонял каждую высоту, каждый населенный пункт, каждый дом. Всеми силами стремясь задержать развитие нашего наступления, он вводил новые части и подразделения, с ходу бросая их в контратаки.

В ходе ожесточенных боев 25 апреля соединения заняли ряд пригородных населенных пунктов и вплотную подошли к Брно с юга и юго-запада. К исходу дня мы овладели Богунице, форсировали реку Свратка в районе Н. Лисковец, захватили Босоноги, вышли к Когоутовице, очистили от врага юго-восточную часть Жебетин и вели подготовку переправ через реку Свратка на западной окраине города.

Левифланговые дивизии группы наступали по более труднопроходимой местности, к тому же совершая сложный маневр для выхода к западной и северо-западной части города Брно. Соединения, наступавшие на южную часть города, вели боевые действия более успешно, вдоль дорог, 6-я стрелковая дивизия, используя успех соседей, совершила смелый бросок, удачно форсировала реку Свратка, ворвалась на южную окраину Брно и, поддержанная массированным огнем артиллерии и авиации, завязала уличный бой с противником.

Ночью дивизия захватила железобетонный мост на южной окраине Брно, который был немедленно использован для ввода в сражение танковых частей и средств усиления группы. Штаб 1-й гвардейской конно-механизированной группы переместился в Мораваны.

Начались жестокие уличные бои. 7-й гвардейский мехкорпус, развивая наступление в стыке между кавалерийскими корпусами, вел бой в юго-западной и западной части Брно.

Части 4-го гвардейского кавкорпуса, очистив от врага бе-

рег реки Свратка, в 2 часа ночи форсировали ее и, ведя уличные бои, продвигались вдоль западной окраины города. 10-я гвардейская кавдивизия, переправившись через реку вброд, также ворвалась в город. Вслед за ней переправилась 30-я Краснознаменная кавдивизия, она развивала наступление вдоль восточного берега, в направлении на Жабовржешки, очищая от очагов сопротивления пригородную часть Брно с запада.

6-й гвардейский кавкорпус, наступая на северо-западную и северную часть Брно-Комин, обеспечивал левый фланг группы действиями в направлении Книницы, Роздроевице. Я заставил ускорить овладение этими пунктами, чтобы не допустить подхода резервов противника с направления Веверска-Битышка. Этот маневр также перерезал пути отхода немцев из Брно на Прагу.

В жестоких уличных боях особенно отличились наши танкисты. Их грозные боевые машины уничтожали огневые точки противника, врываются в его тылы, сея панику. В эти часы мы вновь были свидетелями героизма наших воинов. В огне непрерывного сражения, лицом к лицу со смертью, они находили время помочь местному населению.

Вот какую картину я наблюдал на одной из улиц в западной части Брно, где сражался 7-й мехкорпус. Наш тяжелый танк, раздавив немецкий дзот, двинулся было к другому, но вдруг запылал, подожженный фауст-патроном. Из него начали выпрыгивать танкисты. Прижимаясь к мостовой, они стали стрелять по врагу из автоматов. И вдруг один из них пополз вперед, прямо под пули. Товарищи прикрывали его огнем. Обратно он вернулся с маленьким чешским мальчиком. Оставшись на улице один, он громко плакал у стены дома. Говорят, потом после боя родители нашлись и горячо благодарили наших танкистов.

В результате ночных уличных боев, продолжавшихся 26 апреля, в 13 часов Брно был полностью занят войсками конно-механизированной группы, подошедшими соединениями 50-го стрелкового корпуса.

До конца дня еще в разных районах города раздавалась стрельба. Это конница и танки очищали улицы, ликвидируя небольшие группы автоматчиков и одиночные огневые точки врага. Главные же наши силы преследовали гитлеровцев к северо-западу от города.

Так ровно месяц спустя — после первых выстрелов наших

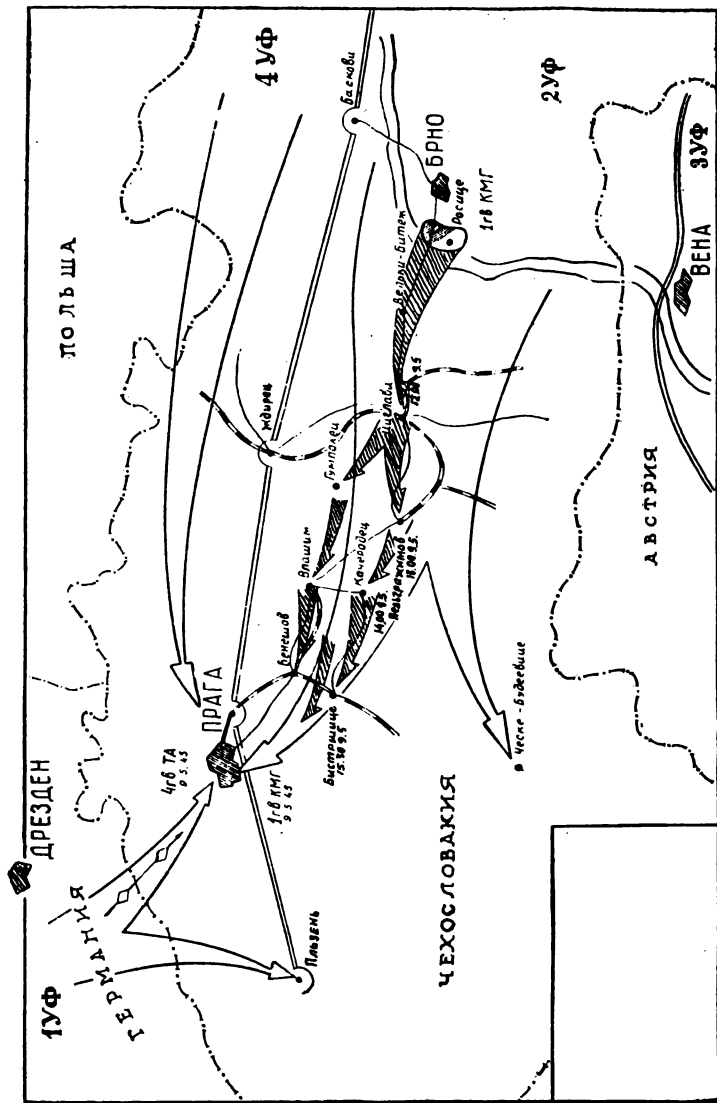
дивизий на реке Грон в Чехословакии стихли и последние выстрелы на улицах гор. Брно. Улицы города заполнили ликующие толпы людей. Они вышли из подвалов и бомбоубежищ приветствовать своих освободителей — советских воинов. Нас встречали восторженно, с хлебом-солью, цветами... Усталые, запыленные, покрытые пороховой гарью; солдаты переходили из одних объятий в другие. То здесь, то там вспыхивали стихийные митинги. Это была настоящая манифестация дружбы и братства двух народов. И она навсегда осталась в моей памяти как одно из самых ярких, впечатляющих событий.

Как же развивались события после освобождения Брно? В ночь на 27 апреля войска конно-механизированной группы, ломая упорное сопротивление противника, продолжали наступать в северном и северо-западном направлениях от Брно. А в 15 часов от командующего фронтом была получена директива, требующая к 29 апреля с ходу овладеть рубежом Тишнов, Збишов, Иванчице и закрепиться на нем. Нашей группе был передан 50-й стрелковый корпус, теперь в составе группы действовало четыре корпуса.

Мы самостоятельно взломали фронт и пошли на Прагу.

Чехословацкой столице требовалась срочная помощь. 5 мая радио принесло нам известие о том, что в Праге началось вооруженное восстание против гитлеровских оккупантов. Отряды революционной гвардии и боевые группы трудящихся Праги, возглавляемые Чешским Национальным Советом, в первые же часы боев овладели частью города. Во главе восставших встали коммунисты. По инициативе коммунистов Чешский Национальный Совет обратился по радио с призывом о помощи к союзным войскам и прежде всего к Советской Армии.

Когда мы с волнением слушали по радио голос восставшей Праги, мне вспомнились слова крестьянина села Моравце Юрия Король. Села, в котором, как и повсюду в Чехословакии, нас встречали с открытой душой, по-братски. Очень хорошо тогда выразил мысли и чувства своего народа этот простой крестьянин: «Мы вас ждали и вы пришли. Спасибо вам, русские солдаты», — сказал он со слезами на глазах и крепко пожал руку рядового 15-го кавалерийского полка Стратонова. И казалось, в этом, глубоко символичном рукопожатии слились все братские чувства наших народов. Весь дальнейший боевой путь по территории этой страны нас со-

ОСВОБОЖДЕНИЕ г. ПРАГИ.

9. 5. 45 г.

проводжали слова благодарности, крепкие рукопожатия и объятия.

В ночь на 7 мая соединения конно-механизированной группы сдали захваченные рубежи подошедшим стрелковым соединениям и сосредоточились к северо-западу от Брно, в районе Богунице, Гаяны, Силувки, Когоутовице. Части срочно приводили в порядок вооружение, боевую технику, снаряжение: готовились к новому наступлению, к новым боям. А вечером в тот же день, после получения личных указаний Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, мною был отдан войскам боевой приказ: перед рассветом 9 мая взломать фронт немцев и перейти в решительное наступление в общем направлении: Вельки-Битеш, Вельки-Мезиричи, Чилгава, Влашим, Бенешев и к исходу 10 мая овладеть Прагой. Начало атаки по сигналу «333-Москва». Противостоящие части и соединения немцев должны быть разгромлены во что бы то ни стало.

Я доложил, что задача будет нами успешно выполнена.

Нас ждала восставшая Прага. К этому времени, как известно, советские войска овладели Берлином, освободили все южное побережье Балтийского моря, вышли на Эльбу и в Саксонскую провинцию Германии. Войска 4-го и 2-го Украинских фронтов освободили восточную часть Чехословакии, а 3-й Украинский фронт овладел Веной и продолжал наступление в Западной Австрии. Огромной дугой советские войска охватывали немецкую группу армий «Центр» и часть сил группы армий «Австрия», действовавших на территории Чехословакии. В центре этой дуги на удалении сто пятьдесят-двасти километров от линии фронта находилась восставшая Прага.

После разгрома Советской Армией берлинской группировки немцев и падения Берлина гитлеровские войска в южной Германии и Австрии сдались англичанам и американцам.

Совсем иная картина была на фронте советских войск. Группа армий «Центр» и главные силы группы армий «Австрия», действовавшие в Чехословакии, насчитывали около миллиона человек. Немецкое командование делало все для сдержания наступления советских войск, создания условий для оккупации Чехословакии англичанами и американцами, чтобы сдать в плен им. «Капитуляция только на Западном фронте» — такова была политическая цель немецкого командования в этот период военных действий.

Сложившаяся военно-политическая обстановка диктовала

необходимость быстрее разгрома группировки войск противника в Чехословакии и оказания своевременной помощи вооруженному восстанию пражских трудящихся.

Пражская операция явилась завершающим этапом разгрома вооруженных сил фашистской Германии.

Для удара по Праге по сходящимся направлениям изготовились мощные группировки советских войск. С севера главная группировка 1-го Украинского фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева нацелила стрелу удара на Прагу из района северо-западнее Дрездена. Навстречу ей с противоположного конца дуги из района Брно устремлялась стрела ударной группировки 2-го Украинского фронта. В состав ее входили четыре общевойсковые, одна танковая армия и одна конно-механизированная группа. Эта группа войск должна была стремительными ударами вдоль долины реки Йиглава по кратчайшему направлению выйти к Праге с юго-востока и отрезать пути отхода противника на запад. Усилиями 1-го и 2-го Украинских фронтов предусматривалось окружить вражеские войска в Чехословакии и совместно с 4-м Украинским фронтом рассеять их и уничтожить по частям.

Интересно отметить, что в тот момент, когда советские войска заканчивали подготовку к наступлению на Прагу, американская военная миссия в Москве передала Советскому Верховному Главнокомандованию сообщение генерала Эйзенхауэра о том, что американское командование решило начать наступление в Чехословакии и выйти к рекам Эльба и Влтава, то есть значительно дальше установленного ранее рубежа. Советское командование вынуждено было указать генералу Эйзенхауэру на недопустимость таких изменений в планировании межсоюзнических операций и сообщило, что оно уже создало соответствующую группировку войск и приступило к выполнению намеченной операции. Вместе с тем советское командование напомнило американскому командованию, что оно, идя навстречу пожеланиям генерала Эйзенхауэра, остановило продвижение своих войск к Нижней Эльбе на линии Висмар, Шверин, Демитц, поэтому оно надеется, что генерал Эйзенхауэр в свою очередь учтет пожелания советского командования и не допустит дальнейшего продвижения американских войск в Чехословакии.

Военная и политическая обстановка требовала ускорить начало операции. 6 мая, на один день раньше намеченного срока, войска ударной группировки 1-го Украинского фронта

перешли в наступление. Путь к Праге пересекали труднопроходимые для танков и сильно укрепленные гитлеровцами Рудные горы и крупная вражеская группировка «Митль». Сильные дожди размывали грунтовые дороги, что затрудняло темпы движения войск, в особенности боевой техники. Но советские воины знали, что в Праге их ждут восставшие трудящиеся и, преодолевая трудности, с величайшим упорством днем и ночью пробивались вперед.

Ударная группировка 2-го Украинского фронта к 6 мая также успела закончить подготовку и двинулась навстречу 1-му Украинскому фронту перед рассветом 7 мая, сокрушая войска фельдмаршала Шернера.

Перед рассветом 9 мая я дал сигнал к последнему наступлению. Части 7-го гвардейского механизированного корпуса на предельной скорости атаковали заслоны немцев и прорвались в район Вельки-Битеш. Развивая стремительное наступление вдоль шоссе Брно — Прага, части корпуса сметали со своего пути слабо управляемые разрозненные группировки ошеломленного противника. 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса действовали параллельно, заодно обеспечивая и фланги мехкорпуса. Все остальные соединения нашей группы наступали во втором эшелоне. Вечером того же дня наш 7-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта Каткова, совершив почти стокилометровый стремительный скачок на северо-запад, вошел в столицу Чехословакии город Прагу с юга и соединился здесь с 4-й танковой армией 1-го Украинского фронта генерала Д. Д. Лелюшенко. Занятием Праги кольцо окружения вражеских войск в Чехословакии было сомкнуто. В течение двух следующих дней крупная группировка войск генерал-фельдмаршала Шернера под ударами войск 1-го, 4-го, 2-го Украинских фронтов капитулировала.

Исторический день победы Советского Союза над гитлеровской Германией — день 9 мая 1945 года — явился днем освобождения Советской Армией столицы Чехословацкой республики. В этот день на улицах Праги царили великая радость и ликование. Народ был преисполнен чувства глубокой благодарности советским людям за свое освобождение.

Всю ночь и день 10 мая соединения конно-механизированной группы продолжали уничтожать сопротивлявшиеся группы противника в пригородах Праги, к западу и юго-западу от города. Это были наши последние выстрелы в Великой Оте-

чественной войне.

К исходу 10 мая войска группы сосредоточились южнее и юго-западнее Праги. Здесь, у древних стен, помнивших Гуса и Фучика, закончился боевой путь казаков и танкистов 1-й гвардейской. Впереди — путь на Родину!

Войска 1-й гвардейской конно-механизированной группы на протяжении всего периода боевых действий в Чехословакии, начиная с марта, наступали впереди главных сил фронта, составляя острое клина 2-го Украинского фронта, который последовательно пронизал толщу обороны противника через всю Чехословакию до Праги и юго-западнее, до встречи с союзными войсками.

Казаки и танкисты, артиллеристы и летчики, разведчики и саперы показали себя верными сынами многонационального советского народа, бесстрашными и умелыми воинами. И я всегда буду гордиться тем, что мне выпала честь командовать такими воинами, вместе с ними переносить тяготы войны, вместе с ними увидеть день великой нашей Победы.

Уже в мирное время мне была оказана высокая честь.

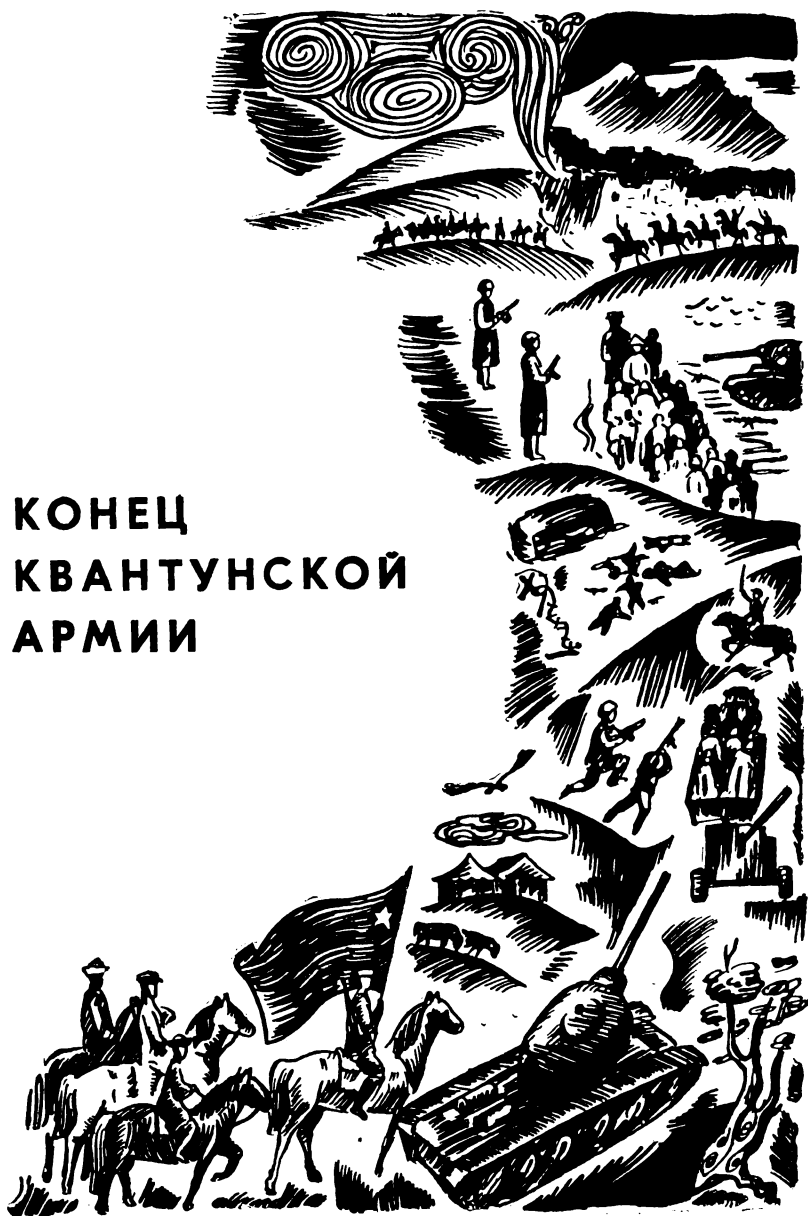
Трудящиеся Братиславы и Брно удостоили меня звания почетного гражданина своих городов. Я удостоился ее вместе с другими генералами и офицерами Советской Армии, участвовавшими в освобождении этих городов от гитлеровских оккупантов.

Много лет минуло с той поры, много воды утекло. Но неизбежны великие события тех огненных лет, вечны дружба и братство наших народов, закаленные в совместной борьбе против фашистской чумы.

После войны мне пришлось бывать во главе военной делегации в Праге, Брно и других городах, в местах бывших сражений. Нашу делегацию принимали всюду — на заводах, фабриках, в кооперативах, в учебных заведениях как самых дорогих, близких друзей. Мы были окружены большим вниманием и любовью трудящихся. И я твердо знаю: благодарная память братских чешского и словацкого народов навсегда сохранит для потомков немеркнущий подвиг советского солдата-освободителя.

Уже четверть века над нами — мирное небо и это потому, что на страже его советский воин, свято берегущий боевую славу отцов, безгранично преданный Родине, народу, партии, ослепленный великим ленинским знаменем, вооруженный могучим, всесокрушающим оружием.

**КОНЕЦ
КВАНТУНСКОЙ
АРМИИ**

Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Совета Министров Монгольской Народной Республики Ю. Цеденбал.

МОГУЧАЯ СИЛА БОЕВОГО БРАТСТВА

С каждым прожитым годом все полнее и ярче проявляется величие всемирно-исторической победы сил прогресса над германским фашизмом и японским милитаризмом. Как известно, с началом развязанной фашистскими агрессорами второй мировой войны, приобретшей невиданный ранее в истории гигантский размах и ожесточенный характер, грозной тучей нависла смертельная опасность над судьбами народов всей нашей земли. Единственной силой, способной преградить путь разбойничьим ордам кровавого гитлеризма и сокрушить их, выступила в то суровое время первая страна социализма — великий Советский Союз. Именно на советско-германском фронте, где разворачивались основные битвы и сражения минувшей войны и где нанесено было решающее поражение фашистской Германии, был совершен коренной поворот в ходе войны и предпринят ее исход. Из памяти благодарного человечества никогда не изгладятся бессмертные подвиги советского народа и его доблестных вооруженных сил, своей титанической борьбой и беспримерным героизмом отстоявших завоевания мирового социализма и спасших народы мира от угрозы фашистского порабощения.

После победоносного разгрома фашистской Германии и ее сателлитов в результате многолетней упорной борьбы, основную тяжесть которой на себе вынес Советский Союз, перед объединенными нациями встала задача в кратчайший срок ликвидировать очаг войны в Азии — японский милитаризм.

Милитаристская Япония была одним из ударных отрядов международной империалистической реакции, опасным врагом сил мира, демократии и социализма. Она входила в военнополитический блок фашистских государств и являлась

главной союзницей гитлеровской Германии. Готовясь к захватнической войне с Советским Союзом и МНР, японские агрессоры в конце 1931 года оккупировали Северо-Восточный Китай и превратили его в сильно укрепленный плацдарм, откуда против наших стран постоянно провоцировались пограничные конфликты, порой перераставшие в военные столкновения значительного масштаба. Ярким свидетельством этого являются крупные провокации японцев на восточной границе Монголии в 1935—1936 гг., вооруженный конфликт на советской территории в районе озера Хасан в 1938 году, развязывание агрессивной войны у реки Халхин-Гол в 1939 году, которые закончились жестоким поражением японских милитаристов. Следует отметить, что на протяжении всей второй мировой войны правящие круги Японии непрерывно вели подготовку к нападению (включая бактериологическое) на СССР и МНР, хотя они вынуждены были, удрученные славными победами Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны, откладывать свое вооруженное выступление в ожидании наступления благоприятной для себя обстановки.

Идя навстречу пожеланиям союзников, которые не были готовы собственными силами добиться быстрейшего и решительного разгрома японского агрессора, Советский Союз, как известно, в начале 1945 года окончательно дал свое согласие принять участие в войне против Японии после завершения военных действий на Западе.

Вступление в войну против японских империалистов Советского Союза, являвшегося могучим оплотом всех прогрессивных, антиимпериалистических сил; в решающей мере ускорило разгром и капитуляцию милитаристской Японии, оказало неоценимую помощь освободительной борьбе народов Азии.

Монгольская Народная Республика, имевшая общую границу с поработленным империалистами Китаем на протяжении около 5000 километров, находилась долгое время в исключительно суровой обстановке борьбы с японскими милитаристами и была кровно заинтересована в скорейшей победе над этим смертельным врагом свободы и независимости монгольского народа. Руководимая справедливой целью борьбы с силами войны и реакции, МНР одновременно с Советским Союзом в августе 1945 года объявила войну империалистической Японии. В соответствии с достигнутой между советским и монгольскими правительствами предварительной договоренностью Монгольская народно-революционная армия входила в

состав Забайкальского фронта и приняла участие вместе с советскими войсками в разгроме Квантунской армии Японии. Совместная борьба Вооруженных Сил Советского Союза и МНР против японской военщины вошла золотой страницей в историю дружбы и братства советского и монгольского народов.

Об этой славной борьбе воинов наших армий против общего врага, об их доблести, мужестве и героизме ярко и убедительно повествует в своей книге бывший командующий советско-монгольской конно-механизированной группой войск, дважды Герой Советского Союза генерал армии И. А. Плиев. Как непосредственный участник этих исторических событий, автор с большим знанием дела, правдиво воссоздает картину боевых действий частей и соединений конно-механизированной группы в тяжелых условиях пустыни Гоби и отрогов Хинганского хребта.

Для разгрома главной ударной силы милитаристской Японии — Квантунской армии — Советский Союз сосредоточил на Дальнем Востоке хорошо оснащенные вооружением и боевой техникой войска, имеющие большой боевой опыт и возглавляемые высококвалифицированным командно-политическим составом. Военными действиями руководили такие выдающиеся советские полководцы, выращенные и воспитанные ленинской Коммунистической партией, как Маршалы А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, генералы М. А. Пуркаев, М. В. Захаров, И. А. Плиев, Н. И. Крылов и другие, которые были участниками прошлых войн и многих исторических сражений. Большой опыт и полководческое искусство советских маршалов и генералов, отлично овладевших теорией и практикой военного дела, сыграли, наряду с героизмом советских солдат и офицеров, важнейшую роль в молниеносном разгроме дальневосточного агрессора.

Стремительное наступление войск трех советских фронтов, решительно преодолевших ожесточенное сопротивление японцев, сорвало расчеты японских агрессоров затянуть войну еще на два-три года и в решающей мере предопределило окончательное поражение Японии. Победа Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, имеющая всемирно-историческое значение, привела к освобождению Северо-Восточного Китая и Кореи от ига японского империализма, избавлению сотен тысяч людей от неминуемой гибели в случае затяжки войны, изгнанию японских захватчиков с огромного масштаба

территорий оккупированных государств, бурному росту национально-освободительного движения народов Азии, созданию исключительно благоприятных условий для победы революций в ряде стран Востока, прежде всего в Китае и Корее.

Участие в освободительной миссии советской и монгольской армий явилось высокой честью для монгольских воинов, воспитанных МНРП в духе принципов пролетарского интернационализма, ленинских идей дружбы народов. Монгольская народно-революционная партия и правительство МНР поставили перед личным составом Монгольской армии огромного значения задачу — на опыте Советской Армии настойчиво учиться умело бить врага, упорно овладевать современными принципами ведения боевых действий. Именно этой важнейшей задачей руководствовались мы на протяжении всего периода подготовки и проведения наступательной операции наших войск.

Для монгольских офицеров и генералов, подавляющее большинство которых не имело боевого опыта современной войны, участие в этой важнейшей стратегической наступательной операции совместно с офицерами и выдающимися военачальниками Советской Армии явилось настоящей учебой и жизненной школой.

В подготовке и проведении наступательной операции нам, руководящим работникам Монгольской армии, довелось работать вместе с командующим конно-механизированной группой советско-монгольских войск генерал-полковником товарищем Исса Александровичем Плиевым, прошедшим за долгие годы службы в рядах Советской Армии трудный и славный боевой путь, хорошо знакомым с местными условиями Монголии, так как до войны он работал советником в МНРА, помогая укреплению обороноспособности страны, подготовке военных кадров. В его лице мы встретили высококвалифицированного, исключительно требовательного и строгого военачальника, замечательного организатора боевых действий крупной войсковой группировки, партийного и глубоко принципиального руководителя, человека большого сердца, нежной и благородной души.

Некоторыми характерными чертами воинского стиля и творческой деятельности нашего командующего являлись обучение войск путем практического показа, принятие обоснованных, наиболее целесообразных для данного момента решений на основе быстрой и всесторонней оценки боевой обстановки.

новки, твердое и неукоснительное проведение принятых решений в жизнь, обеспечение непрерывности в управлении войсками в любой сложной боевой обстановке, непоколебимая приверженность тактике решительных действий, рассчитанных на внезапность и стремительность ударов для противника, стремление всегда предупредить противника в маневре и действиях, постоянная забота об обеспечении флангов своих войск.

Мы были свидетелями того, как командующий удивительно хорошо сочетал умение повелевать с проявлением большого такта в обращении с подчиненными, в частности, с монгольскими командирами. С искренней благодарностью я всегда вспоминаю, что для меня, бывшего в то время заместителем Главкома и начальником Политуправления МНРА, была исключительно поучительной и полезной дружная совместная работа с многоопытным командующим группой наших войск, человеком широкой творческой военной мысли генералом И. А. Плиевым и другими советскими военными деятелями.

В ходе подготовки и проведения наступательной операции, потребовавших колоссального напряжения сил личного состава наших войск, между советскими и монгольскими воинами, от солдат до генералов, царил волнующая атмосфера искренней дружбы, подлинного братства и взаимопомощи, что способствовало успешному выполнению поставленных командованием боевых задач. В этом ярко проявились сила и жизненность принципов социалистического интернационализма, на которых всегда основывались и основываются дружба и сотрудничество советского и монгольского народов, боевое сотрудничество их вооруженных сил.

Ни идеологам империализма, ни всякого рода отступникам от марксистско-ленинского учения, ни вдохновителям и глашатаям антикоммунизма и антисоветизма не удастся извратить, отрицать или принизить всемирно-историческое значение победы Советского Союза над фашизмом и милитаризмом, значение совместной борьбы советского и монгольского народов и их вооруженных сил против общих врагов. Мужество и героизм наших воинов будут жить в памяти народной.

Выдающийся советский военачальник генерал армии И. А. Плиев пользуется особым уважением и заслуженным авторитетом у трудящихся МНР и воинов Монгольской армии. Отмечая выдающиеся заслуги И. А. Плиева перед монгольским народом в укреплении и защите его революционных

завоеваний от посягательства империалистических захватчиков, в упрочении дружбы и братства советского и монгольского народов и их вооруженных сил, и в связи с полувековым юбилеем Монгольской Народной революции, Президиум Великого Народного Хурала МНР в июле 1971 года присвоил ему звание Героя Монгольской Народной Республики.

Воспоминания генерала, опубликованные в печати на монгольском языке, вызвали большой интерес и получили высокую оценку у наших читателей. Нет сомнений в том, что настоящее значительно дополненное издание интересного и содержательного труда нашего боевого друга, который будет издан и в МНР, сыграет важную роль в воспитании подрастающего поколения в духе вечной дружбы наших народов, славных боевых традиций и подлинного братства вооруженных сил Советского Союза и МНР, в духе беззаветной преданности делу социализма и коммунизма. Этот ценный труд, являющийся вкладом в развитие нерушимой советско-монгольской дружбы, послужит делу обучения и воспитания воинов Монгольской народной армии, которая повседневно укрепляет узы традиционного боевого содружества с доблестными Советскими Вооруженными Силами — надежным щитом в охране и защите завоеваний мировой социалистической системы, всеобщего мира и безопасности народов.

(Ю. Цеденбал)

г. Улан Батор, 1972 г.

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ СРАЖЕНИЕМ

Наш самолет быстро набрал высоту и пошел на юго-восток над долиной реки Ингоды. Под крыльями его — грандиозная панорама горных хребтов, покрытых необозримой дремучей тайгой. В редких местах она отступала от берегов Ингоды, и тогда были хорошо видны приютившиеся в этих местах таежные деревни с рублеными домами и добротными заборами. По штурманской карте слежу за маршрутом: Атамановка, Кручина, Александровское... У деревни Ильзутуево самолет повернул строго на юг.

— Справа от нас тянется Даурский хребет, — услышал я голос штурмана. — Идем над рекой Турой.

Когда первые впечатления сгладились, мной овладели мысли о грандиозных событиях, которые в ближайшее время должны развернуться на огромных пространствах Маньчжурии. Пока что я знал о них лишь в общих чертах.

Под именем генерал-лейтенанта Плетнева я летел в Баин-Тумэн, где должен был встретиться с командующим Забайкальским фронтом Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским, именовавшимся генерал-полковником Морозовым. С целью маскировки были изменены фамилии всех генералов штаба войск 2-го Украинского фронта перед направлением их из-под Праги на Дальний Восток для организации и проведения Маньчжурской стратегической операции с территории МНР.

Мне предстояло уточнить целый ряд служебных вопросов и боевую задачу, а затем вылететь с маршалом в Улан-Батор, где он должен был представить меня правительству Монгольской Народной Республики и маршалу Х. Чойбалсану как

командующего конно-механизированной группой советско-монгольских войск.

Еще в начале мая 1945 года Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, в то время командовавший войсками 2-го Украинского фронта, в разговоре со мной поделился мыслями о неизбежности войны с Японией и намекнул, что мне предстоит в ней участвовать. А месяц спустя большая группа генералов 2-го Украинского фронта, возглавляемая многоопытным боевым военачальником, человеком высокой штабной культуры — генералом армии М. В. Захаровым (ныне Маршал Советского Союза) — уже выехала в Москву и была принята в Генеральном штабе.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, назначенный Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, кратко ознакомил нас с общей обстановкой на новом театре военных действий, а некоторых исполнителей, в том числе и меня — с планом предстоящей операции.

Александр Михайлович сообщил, что против Квантунской армии советское командование развернуло три фронта, и показал на большой карте Маньчжурии группировку войск.

Вдоль границы от Японского моря до станции Губерово жирной красной линией были обозначены рубежи 1-го Дальневосточного фронта под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова. Стрелы, нацеленные на Харбин и Гирин, указывали направление главного удара его войск. Севернее и северо-западнее располагались армии 2-го Дальневосточного фронта генерала армии М. А. Пуркаева. Действуя на второстепенном направлении, они сосредоточивали основные усилия вдоль северного берега Сунгари на Харбин. А вдоль противоположной западной границы Маньчжурии, протянувшейся за хребтом Большого Хингана, на территории МНР были нанесены исходные районы войск Забайкальского фронта. Главные силы его сосредоточивались на Тамцаг-Булакском выступе, близко подходящем к хребту Большого Хингана. Отсюда им предстояло нанести удар в двух основных направлениях: на Чанчунь и на Мукден — навстречу главной группировке 1-го Дальневосточного фронта.

Юго-западнее главных сил Забайкальского фронта я нашел на карте районы сосредоточения и своей конно-механизированной группы советско-монгольских войск. Стрела, определявшая направление главного удара, прочерчивала пустыню Гоби и вонзалась в обведенное коричневым овалом большое

пространство, включающее города Суйюань, Шанду, Калган, Долоннор, Жэхэ. Надпись в овале гласила: «До шести кавалерийских дивизий и трех пехотных бригад войск Внутренней Монголии князя Дэ-вана и императора Маньчжурии Пу-И». Далее, в оперативной глубине, синим цветом были отмечены японские соединения...

Мои размышления снова прервал штурман самолета — совсем еще юный офицер:

— Извините, товарищ генерал, вон в той долине видите озеро? Отсюда и начинается речка Тура. Она течет на север. А вон там дальше болотистая пойма, это уже речка Иля. Она течет на юг и впадает в реку Онон-Гол, которая течет с юга из Монголии на север. Просто удивительно, почему так получается.

Я взглянул в окно. Под нами тянулась узкая долина. Подступающие к ней отроги хребтов, поросшие девственным хвойным лесом, казались крутобокими берегами фиордов тайги. Живописные горы, светло-зеленая долина и голубое озеро напоминали собой пейзажи швейцарских Альп, но еще более прекрасные своей нетронутой первозданной красотой. Постепенно тайга отодвинулась от долины реки, и мы, миновав реку Онон-Гол, пересекли государственную границу с Монгольской Народной Республикой, проходящую здесь по хребту Эрмана. За хребтом распростерлась безлесая всхолмленная степь. В заболоченной пойме виднелась речка Дучин-Гол. Прошло не более 15 минут, и она исчезла из поля зрения среди пологих горных массивов; то тут, то там виднелись лишь низинные болота. Самолет летел низко, и мое внимание привлекло крупное стадо диких коз. Напуганные шумом самолета, они устремились на запад, оставляя за собой длинный шлейф пыли. А через некоторое время от рева моторов широким наметом метнулись дикие лошади-степняки. Встречались стада сайги, небольшие стаи волков и даже одичавшие верблюды — поистине своеобразный заповедник!

По мере приближения к Баин-Тумэну все чаще угадывались стоянки воинских частей, расположившихся на дневной привал. Артиллерия, танки, самоходки, транспортные средства были тщательно замаскированы. Те же колонны, которые, несмотря на жару, продолжали марш, поднимали такую пыль, что трудно было определить, кто там движется.

В полдень вдали показался Баин-Тумэн — форпост Монголии на восточных границах. Приземистый и просторный, как

сама степь, город оброс многочисленными складами, штабелями боеприпасов и тарного хозяйства горюче-смазочных веществ, обширными палатками, забитыми продовольственными товарами и вещевым имуществом, огромными стогами пресованного сена и горами мешков с фуражом. Особенно бросилось в глаза огромное количество совершенно новых танков и артиллерийских систем разных образцов.

С аэродрома я направился в штаб 17-й армии, чтобы узнать, где находится командующий войсками фронта. Мне повезло. Родион Яковлевич только что вернулся из поездки по армиям в районах их сосредоточения и, проводив Главкомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского в Хабаровск, вновь уточнял задачи на предстоящую операцию. Его оперативная группа временно размещалась в двухэтажном здании штаба армии. Маршал был в отличном, приподнятом настроении.

Едва мы успели поздороваться, он пригласил меня к карте.

— Мы уже достигли решающего превосходства над противником, — сказал Родион Яковлевич. — Смотрите сюда. В Тамцаг-Булакском выступе, вдоль его южной границы, в первом эшелоне находятся две армии — 39-я и 6-я гвардейская танковая. Во втором эшелоне — 53-я армия, она стоит за танковой, обе имеют отменный опыт ведения глубоких операций в горной местности. Вспомните Альпы и Карпаты.

Задача танковой армии генерала Кравченко — прорваться через Большой Хинган не позднее пятого дня с начала наступления на глубину в 350 километров и силами главной группировки овладеть районом Лубэй — Таонань — Ванемяо. В дальнейшем главными силами выйти на рубеж городов Мукден — Чанчунь.

В свою очередь 39-я армия генерала Людникова наносит свой главный удар из района Халун-Аршана в общем направлении на Солунь. Как видите, Халун-Аршанский укрепрайон здесь обходится с юга. Пока что командарму поставлена задача на пятнадцатый день операции овладеть районом Солунь. Частью сил армия наносит вспомогательный удар на Хайлар, чтобы совместно с 36-й армией не допустить отхода Хайларской группировки японцев к Большому Хингану.

Можно было ждать, что командующий скажет теперь о 17-й армии, но он, очевидно, решил отойти от общепринятого порядка изложения оперативной обстановки: его указка вновь

вернулась к главной группировке, где за боевыми порядками танкистов было обозначено место сосредоточения второго эшелона войск фронта.

— Второй эшелон — 53-я армия генерала Манагарова, как видите, должна продвигаться за танковой армией в готовности к развитию успеха с рубежа Лубэй, Туцюань. Помните, какие задачи выполняла эта армия во время сражений на полях Венгрии и Чехословакии? Так вот, она и здесь будет работать в своем амплуа — развивать успех в оперативной глупине.

Что касается 36-й армии генерал-лейтенанта Лучинского, она начинает свое наступление главными силами из района Старо-Цурухайтуй на Хайларский укрепрайон. Вспомогательный удар наносит из района станции Отпор на Хайлар. Это крупный и сильный укрепленный район японцев, расположенный на левом фланге фронта. Его необходимо ликвидировать в ближайшие дни операции.

— Теперь посмотрим на правое крыло фронта, — продолжал маршал. — Ваш сосед слева — 17-я армия генерала Данилова. На первый взгляд, она не входит в ударную группировку фронта. Ее исходный район Югодзыр-Хид отстоит от главных сил ударной группировки на расстоянии почти в двести километров. Но задача ее — нанести главный удар на Дабаньшан и тем самым оградить правый фланг и коммуникации наших сил от возможных ударов с юга и юго-запада. Таким образом, она наступает на фланге главного, а не на вспомогательном направлении.

Вы, Исса Александрович, исполните в Маньчжурии в своем излюбленном стиле рейдовую операцию через пустыню Гоби и горы Большого Хингана. Ваша конно-механизированная группа обеспечит стремительное наступление на Калган-Пекинском операционном направлении, с тем, чтобы в дальнейшем развить успех к берегам Ляодунского залива. Здесь и сосредоточите свои главные силы. Вспомогательным направлением вашей группы следует считать Долоннор-Жажэйское. Задача — обеспечить войска фронта от ударов Суйюаньской и Пекинской группировок противника. Помните, как в Березнеговато-Снигиревской и Одесской операциях ваша конно-механизированная группа прорвала мощную вражескую оборону и провела рейдовую операцию по глубоким тылам 6-й немецкой армии генерал-полковника Холлида? А рейды на полях Венгрии и другие!.. При таком боевом опыте, не говоря

уже о моральном боевом духе войск, мы можем с уверенностью сделать вывод о том, что достигли решающего превосходства над противником.

...Рано утром следующего дня самолет командующего войсками Забайкальского фронта взял курс на Улан-Батор — столицу Монгольской Народной Республики. Малиновский удобно устроился в кресле у столика и, взглянув в окно, взволнованно сказал:

— Летим над долиной реки Кэрулен.

— По-монгольски эта река называется Хэрлэн-Гол,— уточнил я.

— Удивительна история этой страны. Меня всегда восхищала ее жизнеспособность...— задумчиво произнес Малиновский и неожиданно спросил: — Сколько времени Монголия находилась под властью Маньчжурской монархической династии?

— Около двухсот,— ответил я.— В 1911 году Маньчжурская династия в Китае была свергнута. Воспользовавшись этим, богдо-гэгэн¹ Джесдзундамба Восьмой принял титул «Многими возведенный!» и занял престол...

Малиновский улыбнулся. В его взгляде я прочел невысказанный вопрос и ответил:

— Я ведь служил в Монголии в 1936—1938 годах, товарищ маршал, и с интересом изучал историю этой страны.

Чем ближе подлетали мы к Улан-Батору, тем больше обуревали меня воспоминания о тех далеких днях, когда я впервые приехал в Монголию.

Весной 1936 года поезд довез меня, тогда еще молодого командира, до конечной станции на территории СССР—Верхнеудинска. Затем на автобусе я добрался до Кяхты. Здесь к нам присоединилось еще несколько автомашин, и наша небольшая автоколонна пересекла границу у пограничного монгольского городка Алтан-Булак, расположенного буквально в полукилометре от Кяхты. В кармане у меня лежало предписание на должность старшего инструктора Объединенного военного училища Монгольской народно-революционной армии.

Время было тревожное. На пограничных заставах Монголии все чаще происходили кровавые столкновения с японцами. В дни, когда мы приехали, шли переговоры с японо-маньчжурским командованием о мирном урегулировании погранич-

¹ Высший духовный сан буддийской церкви.

ных конфликтов. Переговоры протекали на фоне все новых агрессивных актов и в конце концов были сорваны. В то же время в республике разоблачили крупную контрреволюционную организацию, во главе которой стояли высшие ламы¹. Ее паутина опутала десятки монастырей, расположенных вблизи восточной и юго-восточной границ. Расследование показало, что целью организации было восстановление в стране феодальных порядков под протекторатом Японии.

Большое впечатление произвел на нас судебный процесс над руководителями Югодзарского монастыря, превратившими свою священную обитель в гнездо вооруженной банды. Чрево монастыря было набито оружием японского происхождения. Едкий туман контрреволюционных заговоров распространялся по стране. Этому во многом способствовала авантюристическая деятельность Гендуна, «сползшего с линии партии в болото оппортунизма». Пленум ЦК МНРП решительно осудил Гендуна.

Чуть ли не каждый день мы узнавали о новых диверсиях. Враги подожгли склад взрывчатки и затопили шахты на угольных копях Налайха, довольно часто выводили из строя машины на промкомбинате — крупнейшем промышленном предприятии Улан-Батора. Предпринимались попытки уничтожить склады с государственными запасами товаров... По всему было видно, что готовится вооруженная агрессия. Не скрывали этого и сами японские милитаристы.

«Япония не желает допускать существования такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии»; — откровенно писал генерал Араки.

По просьбе правительства Монгольской Народной Республики в 1936 году в страну были введены советские воинские части, чтобы обеспечить безопасность от возможной японской агрессии.

Из Монголии я уехал весной 1938 года, а почти через год радио донесло до Белоруссии, где я тогда служил, известие о вторжении японских войск на территорию МНР в районе реки Халхин-Гол. Красная Армия немедленно пришла на помощь своим монгольским друзьям. Ход боевых действий и их результаты хорошо известны.

¹ Л а м а — буддийский монах в Тибете и Монголии.

Там, где была пролита кровь воинов братской советской армии, сейчас высится величественный монумент — символ вечной дружбы наших народов. А на центральной площади столицы Монголии на гранитной скале установлен памятник — устремившийся вперед Сухэ-Батор в красноармейском шлеме, с высоко поднятой рукой. С этого места 11 июня 1921 года он провозгласил о победе народной революции. На постаменте высечены слова Сухэ: «Если народ соединит свои силы и будет действовать сообща, он сумеет преодолеть все преграды на пути к вершинам счастья».

Осенью 1921 года Сухэ-Батор с партийно-политической делегацией приезжал в Москву. Здесь было заключено соглашение об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией, и Сухэ-Батор встретился с Владимиром Ильичем Лениным...

В этой связи мне хочется привести здесь небольшую выдержку из записи этой беседы, которая была оглашена на IX съезде Монгольской народно-революционной партии. Она и сегодня разоблачает фальсификаторов истории, обвиняющих СССР в экспорте коммунизма.

«Не следует ли превратиться МНРП в коммунистическую?» — спросили у Владимира Ильича члены делегации.

Ленин ответил:

— Много еще надо будет поработать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из пастушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет «превращению» народно-революционной партии в коммунистическую. Простая перемена вывески вредна и опасна.¹

Разъяснив сущность коммунистической партии как партии пролетариата, Ленин широко развил перед монгольскими товарищами идею возможности и необходимости некапиталистического пути развития Монголии.

Простые монгольские труженики хорошо понимали, что судьбы советского и монгольского народов неразрывны. В народе Монголии из уст в уста передают легенду о том, как батор Ленин подарил Сухэ золотой меч, карающий врагов, а народу — светлую дорогу в социализм. И не пытайтесь выра-

¹ Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. М., Госполитиздат, 1962. т. II, стр. 280.

зитель сомнения! Вас поведут в музей Сухэ-Батора и покажут шашку в золотой оправе. Эту шашку от имени Советского правительства вручил Сухэ-Батору М. В. Фрунзе.

И не случайно мы постоянно ощущали во время Великой Отечественной войны внимание и заботу братской Монголии. В самую трудную суровую зиму 1941 года под Москвой в нашу 3-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию прибыли подарки из далекой Монголии: меховые полушубки, валенки, рукавицы. Танковая колонна «Революционная Монголия», созданная на средства, добровольно собранные трудящимися МНР, стала основой 44-й гвардейской танковой бригады, прошедшей боевой путь до Берлина. А летом 1944 года в составе наших военно-воздушных сил появилась истребительная авиаэскадрилья «Монгольский арат».

А монгольский конь! В 1944 году наша промышленность выпускала уже столько боевой техники, что конно-механизированная группа выглядела скорее танко-механизированной. И все же коней требовалось много. Монгольские друзья безотказно обеспечивали нас, и неприхотливая монгольская лошадка рядом с советским танком дошла до Берлина!

«Уж если на Западный фронт нам поставляли из Монголии десятки тысяч лошадей, то здесь это тем более не будет проблемой», — подумал я.

Мысли снова возвращались к предстоящим сражениям.

...В течение всей войны против фашистской Германии откровенная наглость и вероломство правящих кругов империалистической Японии достигли таких пределов, когда дипломатический корпус должен был вот-вот уступить арену действий армейским корпусам.

В памяти всплывали сообщения газет о преступных деяниях японской военщины на наших дальневосточных границах. Ряд советских судов находился в японских портах «под арестом». Дело дошло до того, что три наших корабля «Ангарстрой», «Кола» и «Ильмень» были атакованы японскими подводными лодками и потоплены. Японская военщина настойчиво и откровенно готовилась к нападению на СССР. На территории оккупированной Маньчжурии стояла в боевой готовности более чем миллионная Квантунская армия.

Говорят, что сигналом для ее вторжения в Советское Приморье и Забайкалье по плану «Кан-току-эн» («Особые маневры Квантунской армии») должен был послужить захват войсками Паулюса Сталинграда.

Агрессивная позиция соседа вынуждала нас держать на Востоке значительное количество войск. А если бы мы могли направить крупную сильную дальневосточную группировку на Западный фронт, фашистская Германия, вне сомнения, была бы разгромлена значительно раньше.

Воинственного пыла японского милитаризма не охладило даже поражение вооруженных сил фашизма в Европе. Интересы ликвидации второго очага войны и быстреешего восстановления мира диктовали жизненную необходимость быстрого и решительного разгрома японских агрессоров на Востоке.

Для всех нас было ясно, что договор о нейтралитете, заключенный с Японией 13 апреля 1941 года, давно потерял свое значение. Поэтому заявление Советского правительства в апреле 1945 года о его денонсации было вполне логичным и отвечало историческим условиям. После этого руководящим кругам Японии, казалось бы, следовало одуматься. Но этого не случилось: они продолжали затягивать войну даже после того, как союзники объявили Потсдамскую декларацию. Более того, премьер-министр Судзуки с явной поспешностью заявил: «Мы игнорируем ее!» — и предупредил, что Япония будет продолжать «движение вперед для успешного завершения войны». Различные политические организации — «Политическая ассоциация помощи трону», «Молодежная ассоциация помощи трону», «Партия неперенной победы» и многие другие развернули бурную деятельность, чтобы помочь кабинету Койсо, а затем сменившему его кабинету адмирала Кантаро Судзуки мобилизовать внутренние силы страны на продолжение борьбы до «неперенной победы».

Военный министр Японии Корэтика Анами получил возможность включить в план обороны страны такую силу, как Гражданский добровольческий корпус, члены которого должны были, по словам адмирала Судзуки, выполнять «свою работу с таким же рвением, с каким части особого назначения («камикадзе») выполняют свои операции на фронте». Вся страна превращалась в военный лагерь. Стало очевидно, что назрела необходимость еще раз и теперь уже основательно проучить обнаглевших самураев.

...Вдали уже виднелись очертания Улан-Батора. Пройдет каких-нибудь пятнадцать минут — мы встретимся с маршалом Чойбалсаном и руководящими деятелями государства и армии. Мне было известно, что вопрос о моем назначении на пост командующего конно-механизированной группой совет-

ско-монгольских войск был решен во время недавнего пребывания Главкома МНРА маршала Х. Чойбалсана в Москве в первых числах июля 1945 года, и я с радостным волнением готовился к предстоящей беседе.

Словно угадав мои мысли, Р. Я. Малиновский заметил:

— В истории Советской Армии это первый опыт слияния регулярных войск двух стран под единым командованием. Управлять такой группировкой будет сложно. Но ваша задача во многом облегчится тем, что политическое руководство в конно-механизированной группе будет осуществлять лично генерал-лейтенант Юмжагийн Цеденбал. Вашим заместителем по монгольским войскам назначен генерал-лейтенант Жамьягийн Лхагвасурэн. От вас, как командующего войсками, многое будет зависеть в укреплении боевой дружбы между советскими и монгольскими воинами, а это, в свою очередь, придаст конно-механизированной группе большую внутреннюю силу.

Жизнь подтвердила слова командующего войсками фронта. Наша добрая дружба и согласованная работа с товарищем Цеденбалом и другими руководящими работниками монгольской армии действительно облегчили и ускорили решение многих сложных вопросов.

Вот и столица Монгольской Народной Республики. Перед нами в живописной долине на берегу реки Толы широко раскинулся Улан-Батор — Красный Богатырь. Некогда «войлочный город», теперь столица государства, обрел черты современного города. Хорошо видна площадь Сухэ-Батора, на восточной стороне которой находится белоснежное здание правительства МНР. В глаза бросились бывшая резиденция богдогэгэна, а также стоящий на возвышенности храм Гайдан.

К югу от города красуется величественная гора Богдо-Ула. С древних времен она считалась священной. Рядом с ней на левом берегу реки Толы стоит конусообразный холм Зайсан-Толгой. Это любимые места монголов.

Наш самолет встречали маршал Х. Чойбалсан, генерал Ю. Цеденбал и другие военные и государственные деятели. Тогда же я познакомился с генерал-майором Доржпаламом, полковниками Доржем, Нянтайсурэном и другими даргами.¹

С аэродрома мы отправились в отведенный для нас дом

¹ Д а р г а (монг.) — командир.

русского типа. Во дворе его стояла юрта. Генерал-лейтенант Рубин — советник маршала Чойбалсана — сообщил нам, что в этой юрте иногда проводились совещания монгольских руководящих работников.

С монгольской стороны, кроме главы правительства, в нашей беседе приняли участие товарищ Цеденбал, министры и другие государственные и военные деятели. Беседа проходила в духе искренней и братской дружбы. Мы быстро уточнили все вопросы, связанные с созданием единого боевого организма конно-механизированной группы советско-монгольских войск и использованием территории республики для сосредоточения армий Забайкальского фронта в исходных районах.

Во время беседы я с большим интересом посматривал на монгольских товарищей, будущих моих соратников в войне против японских агрессоров. Их молодые и энергичные лица располагали к себе. В дальнейшем мне доставило большую радость работать вместе с генералами Лхагвасурэном, Равданом и другими товарищами и открыть для себя их прекрасные дарования организаторов и военачальников.

С Генеральным секретарем Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии генерал-лейтенантом Ю. Цеденбалом прежде мне встречаться не приходилось, но я много слышал о нем. Ведь добрая слава имеет крепкие крылья!

Цеденбал уже тогда был выдающимся государственным деятелем. В 23 года он стал министром, а еще через год — Генеральным секретарем Монгольской народно-революционной партии. Генерал-лейтенант Цеденбал возглавил политическую работу в дивизиях конно-механизированной группы. Нам вместе надлежало готовить войска к большой наступательной операции, а общие интересы определяли и наш первый разговор.

Мне понравилось, что Цеденбал глубоко знал нужды войск и, что особенно важно, видел как сильные, так и слабые стороны, вытекающие из географических, экономических и социальных особенностей страны. Говорил он живо, образно, не боялся острых оценок.

Как-то, уже позже, один из даргов выразил сомнение, стоит ли держать дивизии в напряжении, если вблизи границ нет опасной группировки противника? Я насторожился: ведь дело касалось нашей боеспособности и боеготовности. Но Цеденбал опередил меня. Он подошел к командиру и что-то резко произнес, а потом сам перевел:

— Я сказал ему: «Если змея ядовита — все равно, тонкая она или толстая. Если враг коварен — все равно, близок он или далек».

«Пожалуй, лучше не ответишь», — подумалось мне.

Уже там, во время совещания, я твердо понял, что мы с заместителем и помощниками будем работать дружно, плодотворно. И первое впечатление не обмануло меня. В период пребывания в Монголии я постоянно чувствовал, что нахожусь среди близких и дорогих мне людей. Я убедился, что монголы умеют дружить и хорошо знают цену дружбы. Недаром они говорят: «У кого друзей много, тот широк, как степь; у кого друзей мало, тот узок, как ладонь».

Хотя и говорят, что время в степи тянется медленно, для нас оно летело быстро и бурно. 19 июля был отдан боевой приказ войскам конно-механизированной группы на сосредоточение к границе с Маньчжурией. Началась борьба за время и пространство.

Несколько суток заняло планирование операции. Разрабатывая задачи соединениям первого эшелона, мы исходили из того, что узлы связи и подразделения пограничных войск врага должны быть уничтожены внезапным коротким ночным ударом, а пустыня Гоби и отроги Хингана — преодолены в несколько раз быстрее, чем враг мог того ожидать. Ошеломляющие темпы нашего наступления опрокинут и сведут на нет замыслы вражеского командования, имевшего на нашем направлении численное превосходство, вызовут чувство растерянности, путаницу, а затем панику и обреченность. Сознание и волю всех бойцов и командиров следовало подчинить достижению этой цели.

Когда решение созрело, мы с товарищем Цеденбалом провели совещание руководящих работников штаба группы вместе с командирами советских и монгольских соединений. Среди старших офицеров монгольской армии мне встретились давнишние знакомые — полковники Цэдэндаши и Одсурэн. В 1936—1938 годах оба они учились в монгольском Объединенном военном училище. У меня с ними установились теплые отношения. Приятно было, что товарищи Мятаво Цэдэндаши и Мядагийн Одсурэн не забыли своего багши.¹ В дальнейшем

¹ Багши (монг.) — учитель.

они показали себя способными военачальниками, подготовленными к управлению соединениями в сложных условиях боевых действий. Недавно я получил от них письма, которые доставили мне искреннюю радость.

На совещании мы познакомили командиров с замыслом предстоящей наступательной операции. Особо подчеркнули, что подготовку к наступлению необходимо вести по возможности более скрытно и в самые кратчайшие сроки.

Это была сложная и трудоемкая работа. Необходимо было решать «тысячу проблем пустыни Шамо» и столько же проблем Хингана. Существовали трудности организационного характера, вытекающие из разного уровня боеспособности войск. Были в конно-механизированной группе прославленные боевые соединения и части, прибывшие из Европы, и такие, которые все годы войны стояли в боевой готовности на дальневосточных границах. Они буквально рвались в бой. Важно было передать монгольским соединениям боевой опыт второй мировой войны.

Мне не терпелось побывать в войсках, проверить их боеготовность. Вначале решил посетить монгольские дивизии. Хотелось убедиться — смогут ли они выдержать предусмотренные планом столь высокие темпы наступления и напряжение стремительной, высокоманевренной операции.

Накануне отъезда случай помог мне встретиться со старым сослуживцем полковником Ф. З. Захаровым. Узнав, что он состоит советником начальника штаба 6-й монгольской кавдивизии, я попросил его рассказать о соединении.

Приятно было услышать, что оно имело хорошие боевые традиции. Цирики¹ дивизии во время боев на Халхин-Голе проявили прекрасные боевые качества и высокий героизм. Свидетельством этому был орден Красного Знамени на знамени соединения.

6-я монгольская уже передислоцировалась в Онгон-Сомон. Расстояние около 450 километров конники преодолели организованно, с высокой маршевой скоростью.

— Все это хорошо, — удовлетворенно заметил я. — Но скажите, Федор Захарович, как обстоит дело со связью? Сколько, например, дивизия имеет радиостанций?

— Мало.

¹ Цирик (монг.) — солдат.

— Но ведь это значит, что при стремительном широкоманевренном наступлении могут возникнуть перебои в связи, а значит, и слабости в управлении.

После этой встречи я распорядился передать часть радиосредств из советских соединений в монгольские.

Смотр боевой готовности монгольских соединений мы начали с 7-й мотомехбригады полковника Дугэрийна Нянтайсурэна, старейшей воинской части, ведущей свою историю с 1922 года, когда был создан первый бронедивизион. Позже его преобразовали в бронеполк, который успешно участвовал в боях на Халхин-Голе, а в 1941 — в бригаду. Полковник Нянтайсурэн имел все основания гордиться своими даргами и цириками.

В бригаде насчитывалось до ста бронемашин с пушечным и пулеметным вооружением. Ей был придан также отдельный артиллерийский полк. Чтобы еще усилить ее огневую мощь, мы решили придать бригаде пулеметное и минометное подразделения.

Приятное впечатление произвела на нас четкая, слаженная работа штаба, возглавляемого майором Гончог Суруном. Хороший аппарат политработников был и у заместителя комбрига по политчасти полковника Содномжамца.

В бригаде мы встретили помощника начальника политуправления монгольской армии по ревсомолу полковника Цедендамба. Он доложил, что группа офицеров политического управления уже несколько дней работает в бригаде. Проведены сборы политработников и семинар секретарей партийных ячеек, партгруппы боевых подразделений укреплены членами партии и ревсомольцами за счет тыловых подразделений, подготовили агитаторов. Основной упор они делают на индивидуальную работу с каждым воином, серьезное внимание уделяют разведывательным подразделениям.

Смотр частей 5-й гвардейской дивизии генерал-майор Доржипалама в районе населенного пункта Дариганга, 8-й кавдивизии полковника Мятагийн Одсурэна в районе местности Баян-Гола и других частей и соединений убедил меня, что политическое воспитание личного состава монгольских войск проводится в целом правильно и успешно. Несколько слабее решались вопросы боевой подготовки, особенно отставали от современных задач отдельные стороны материального обеспечения.

Своеобразные трудности возникли в связи с переходом

монгольских войск на снабжение Забайкальского фронта. В Монголии на душу населения приходится более двух десятков голов скота. Основу пищевого рациона населения составляют мясо, мука, молочные продукты. Поэтому рацион цыриков значительно отличался от пайка советских солдат. В суточную норму монгольского бойца входило, например, более килограмма мяса, но крайне мало овощей и хлеба. Теперь им предстояло привыкать к новой пище.

Возникли и другие заботы. Однажды ко мне зашел расстроенный начальник продовольствия группы полковник Родин.

— Что случилось? — спрашиваю его.

— Цырики не могут есть русские блюда: говорят, невкусно. Сегодня я побывал в нескольких монгольских частях, попробовал обеды, и, должен сказать, претензии справедливы. Не могут монгольские повара готовить борщи, супы, гуляши, кашу...

— Значит, надо учить их!

Решили посоветоваться с поваром нашего штаба — хорошим кулинаром Сергеем Лазаревым.

— Обучать поваров в полевых условиях — дело безнадежное, — заявил Лазарев. — К тому же, по опыту знаю, что повару прежде всего нужна практика. Даже хороший ученик вначале готовит пищу неважно, а плохо приготовленное блюдо только оттолкнет монгольских солдат от русской кухни.

— Что же вы предлагаете?

Боец развел руками:

— Не знаю... Может, послать в монгольские части наших солдатских поваров?

— Как послать? — удивился Родин. — А кто же будет кормить советских солдат?

— Не торопитесь, — остановил я полковника, — по-моему, Лазарев дело предлагает. Простейшие блюда смогут готовить многие наши воины. Мы легко найдем замену поварам, направленным в монгольские части.

И напомнил такой случай фронтовой жизни. Однажды под Одессой я задержался у разведчиков, они угостили меня обедом. Когда я похвалил повара за вкусную пищу, солдат, принесший термос, расцвел.

— Это что, я сам готовил, — заявил он. — Вы бы попробовали обед, когда дежурит наш повар.

Я не понял:

— А где же ваш повар? Почему не дежурит?

Командир роты объяснил: их повар попросился как-то в разведывательный поиск и после этого надумал совсем податься в разведчики. Чтобы его отсутствие не сказалось на питании бойцов, стали действовать по принципу взаимозаменяемости: повар — разведчик, каждый разведчик — повар. На кухне дежурили по очереди и научились неплохо готовить.

— Ну что же, — согласился Родин, — не боги горшки обжигают. Попробуем и мы применить принцип «полной взаимозаменяемости».

В монгольские дивизии отправились наши лучшие кулины. Большинство даргов и цириков быстро привыкли к русской кухне.

А мясную проблему мы разрешили с помощью маршала Чойбалсана. Направили ему письмо, сообщили о наших трудностях, попросили помочь. По его указанию нам вскоре пригнали несколько гуртов скота.

Были и некоторые другие трудности. В 6-й монгольской кавдивизии мне повстречался молодежавший цирик, туго перетянутый монгольским поясом. Боец выглядел очень аккуратным: новые яловые сапоги его блестели, но гимнастерка и брюки до белизны выгорели под палящими лучами гобийского солнца. Поравнявшись со мной, цирик замер в стойке «смирно». Заметив, как я внимательно разглядываю обмундирование, машинально одернул гимнастерку и, засунув пальцы за ремень, развел назад складки и застенчиво улыбнулся.

Подошел командир дивизии полковник Цэдэндаши.

— Как у вас обстоит дело с обмундированием? — поинтересовался я.

— Есть, конечно, затруднения, да не это сейчас главное, — уклончиво ответил комдив.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что часть обмундирования требует замены, но необходимых запасов дивизия не имеет.

В тот же день Военный Совет фронта получил мое письмо и распорядился выдать конно-механизированной группе все, что требовалось.

Среди прочих забот особое беспокойство вызывало состояние конского состава. Еще во время моего первого пребывания в Монголии я обратил внимание, что кавалерийские части имели обычно по два комплекта лошадей: один комплект находился под седлом в постоянной боевой готовности, второй

содержался в табунах, на подножном корму. И так круглый год — летом и зимой.

В военное время второй комплект лошадей двигался сзади на удалении одного перехода от войск. После нескольких суток напряженных боевых действий уставший конский состав заменяли одновременно по всему полку или дивизии. Это придавало монгольской коннице высокую тактическую подвижность. И лошади обладали отличными маршевыми качествами. Невысокий монгольский конь имеет крепкое сложение, короткие сильные ноги с небольшими прочными копытами. Он способен совершать суточные стокилометровые переходы. Вероятно, все это, вместе взятое, — возможность частой смены лошадей, их высокие маршевые качества, неприхотливость — и обусловило упрощенный уход за конским составом в монгольской армии. Лошади содержались в табунах. Расчистка копыт делалась редко и, что особенно беспокоило, лошадей не ковали. А ведь операция предусматривала такие высокие темпы наступления, что при всей выносливости некованные монгольские лошади могли «сесть» на передние ноги. Решили организовать ковку.

Приходилось приучать монгольских лошадей и к коновязи, и к новому фуражу — сене и овсу. Ведь нам предстояло действовать в пустыне, в горах, где нет никакого подножного корма.

В монгольские войска поступало новое улучшенное вооружение. Надо было быстро, основательно организовать его изучение. Командирам дивизий было указано обратить самое серьезное внимание на подготовку одиночных бойцов и мелких подразделений. Чтобы улучшить качество боевой учебы, мы подготовили и провели целый ряд показательных занятий.

Генерал Ю. Цеденбал поручил работникам политуправления вместе со штабными офицерами проконтролировать ход огневой подготовки, проверить, как владеют оружием офицеры частей.

— Не давать передышки тем, кто плохо стреляет, — настаивал он. — И обратите внимание, чтобы во время учебы не было упрощенчества, послаблений и отступления от уставных требований.

Сам Цеденбал очень требовательно относился к себе и был непримирим, когда нарушал порядок кто-либо из подчиненных.

Вообще мы скоро убедились, что политическое руковод-

ство в монгольских войсках находится в надежных руках. Генерал Ю. Цеденбал зря времени не терял. Он направил в дивизии и бригады группы политработников во главе с начальниками отделов политуправления монгольской армии. Это было очень кстати, поскольку в монгольские части все время подходили маршевые подразделения.

Во время посещения монгольских частей я лишний раз убедился, что цырики крепки физически и духовно, необыкновенно выносливы, легко переносят жару, жажду и другие трудности. Каждый боец был прекрасным спортсменом-конником, обладал многими самобытными качествами: разумной смелостью, врожденной ловкостью, зорким глазом, умением ориентироваться в бескрайней однообразной степи и пустыне. Такими их воспитывала сама жизнь. Однажды, отъехав довольно далеко от населенного пункта, мы увидели ватагу конников, скакавших навстречу. У всех была «прилаженная» степная посадка. Каково же было удивление наших офицеров, когда всадники оказались детьми от восьми до двенадцати лет!

Для меня это не было удивительным. За время прежней службы в Монголии мне не раз доводилось присутствовать на конных состязаниях, которые проводятся обычно во время «надома» — ежегодного национального праздника в честь Народной революции. Начинается праздник 11 июля и продолжается несколько дней. Программа его включает традиционные виды спорта: борьбу, стрельбу из лука, скачки и так далее. Дистанция скачек зависит от возраста скакунов. Для годовалого жеребенка, например, она определяется в 10 километров. Для двух-трехгодовалых и так далее дистанция увеличивается. Взрослые скакуны соревнуются на расстоянии в 35 километров. Наездниками выступают дети — мальчики и девочки.

В безбрежной степи, устланной зеленым травяным ковром, в 30—40 километрах от Улан-Батора, выстраивается и стартует более тысячи всадников.

Первые километры наездники идут плотной массой. Но постепенно растягиваются: более сильные лошади вырываются вперед. Над степью стоит глухой гул сотен и тысяч копыт и многоголосый клич: «Гинго!», «Гинго!».

Родственники участников состязания скачут параллельно за кордоном конной милиции и подбадривают юных наездников криками, посвистом, гиканьем. Милицейские патрули стро-

го следят, чтобы родные не подменили кому-либо из соревнующихся свежую лошадь. Вскоре многие «болельщики» отстоят, а милиция передает эстафету охраны порядка очередному этапу.

Очень неприятно проиграть в такой скачке! Поэтому за несколько километров до финиша отставшие, как правило, предпринимают попытку ускакать в степь. За ними устремляются блюстители порядка. Настигнув беглецов, они вынуждают неудачников стать лицом к лицу перед тысячами зрителей.

— Посмотрите на этих лошадей и всадников, — шутливо выкрикивает глашатай. — Они тащились медленнее ожиревшего тарбагана!..

Зато победитель в блестящем бронзовом шлеме чемпиона трижды проезжает круг почета. Глашатай в это время восклицает:

— Смотрите на этого батора! Он мчался впереди ветра. Его конь, словно Улан-Кулан,¹ летел на крыльях доблести! Слава всаднику и его родителям!

Чемпион и другие призеры получают пиалы кумыса и богатые дары, а их кони многократно повышаются в цене. Многие добиваются чести купить или выменять их.

Поистине трогательна любовь монгольского народа к горячему степному коню. Она видна во всем. Даже «добро пожаловать» звучит как «шестьвайте на коне».

Однажды кто-то из монгольских товарищей сказал мне: «Наша страна — это огромное ристалище. Борются у нас начинают с первого дня рождения. А раз мальчик борется, значит, он уже боец». И действительно, стоит образоваться ватаге малышей, и сразу возникает круг, а в нем уже пританцовывают с раскинутыми ручонками борцы, изображая полет мифической птицы из народных сказаний «Хан Гарьди». Потом борцы с детской непосредственностью и резкостью мутузят друг друга до слез и победы.

У взрослых борьба обставляется более солидно. Борцы одеты в шудаги (плавки), зодогы (накидки со спиной и рукавами, грудь открыта) и гутулы (сапоги с загнутыми носками). Тут и ритуалы иные. Победенный каждого тура прохо-

¹ У л а н - К у л а н (монг.) — сказочный конь, упоминаемый в народных преданиях.

дит под рукой победителя и выбывает из соревнований. А победителям присваивают почетные звания: «Сокол», «Слон» и «Лев». Если «Лев» — чемпион снова завоевал первое место, он удостоивается звания «Исполин».

Одним из популярных видов спорта является стрельба из лука. Стреляют из лука в Монголии стар и млад, мужчины и женщины. И если вам скажут, что пятнадцатилетний всадник на полном скаку убил из лука юркнувшего к норе тарбагана, не выражайте сомнений: мальчуган уже десять лет стреляет с коня.

И поныне в Монголии, как только ребенок становится на ноги, всеми его помыслами овладевает мечта вырасти хорошим наездником, борцом, стрелком из лука — словом, хорошим спортсменом, а значит, хорошим воином. Неудивительно, что в армию приходят смелые, ловкие, выносливые, сильные и стройные юноши. Юмжагийн Цеденбал говорил мне, что хороший наездник за летний день, сменяя коня, может проскатать до 300 километров!

Однажды монгольские друзья угостили меня мясным блюдом из тарбаганины. Прекрасное мясо: на вкус нежнее молодой свинины. Высоко ценится жир этого зверька. Но главное его достоинство — мех. Он выделяется под выдру, енота и высоко котируется на мировом рынке.

На тарбаганов охотятся осенью, когда они наберут вес, а мех обретет характерный блеск, а также и ранней весной, после зимней спячки. При этом используют обычно его медлительность и любопытство. Отсюда и два основных способа охоты.

Место охоты определяют заранее и занимают затемно. На рассвете тарбаган выходит из норы и внимательно осматривает неровности окружающей местности. Охотник в белом балахоне подкрадывается тем временем со стороны открытой местности. Белый цвет вызывает у зверька крайнее любопытство. Он усаживается на задние лапки и, внимательно наблюдая за необычной диковинкой, свистом выражает свое восхищение. Метров примерно с двадцати пяти охотник стреляет, стремясь попасть в ухо, чтобы не испортить шкурку.

Иногда охотятся с собакой, при помощи капкана и петель.

Обращало на себя внимание и еще одно немаловажное обстоятельство. В монгольских войсках высок авторитет младших офицеров и сержантов. Их приказ и личный пример, которым они часто и умело пользуются, способны увлечь цири-

ков на любой подвиг. Легко понять поэтому, какой высокий боевой дух царил в армии.

В конце июля и начале августа мы провели строевые смотры всех советских соединений и частей. Войска производили хорошее впечатление. Многие из них были кадровыми соединениями полного состава, несколько лет занимались боевой подготовкой в условиях местного театра военных действий.

На смотре одного из лучших соединений — 27-й отдельной мотострелковой бригады полковника И. С. Дорожинского — присутствовали младшие и средние командиры монгольских частей, включенных в Калганскую группу. Здесь они почерпнули много полезного.

Бригада прибыла в конно-механизированную группу в конце июля из 17-й армии, дислоцировавшейся в Монголии. Комбриг — кадровый офицер с большим опытом штабной работы, произвел на меня впечатление вдумчивого, волевого командира. Представляя своего заместителя по политчасти подполковника Ф. А. Трембачева, начальника штаба майора М. И. Федоркова и командующего артиллерией майора И. К. Сентерева, он охарактеризовал их, как хорошо подготовленных, инициативных офицеров.

В день строевого смотра начальник политотдела 27-й бригады полковник Ф. А. Трембачев провел инструктаж пропагандистов и агитаторов. На нем присутствовали и пропагандисты 7-й монгольской мотобронетанковой бригады полковника Дугэрийна Нянтайсуреэна и 3-го артиллерийского полка майора Ендонбалына Турху.

Поздно вечером ко мне зашел начальник политотдела конно-механизированной группы полковник М. А. Сергеев.

— Только что из двадцать седьмой бригады, — доложил он, снимая запыленную фуражку. — Побывал на семинаре пропагандистов. Очень интересно прошло занятие...

Михаил Александрович рассказал, что после доклада Трембачева об истоках дружбы советского и монгольского народов слово взял один из агитаторов — старшина мотострелковой роты. Его отец воевал в этих краях против барона Унгерна и Резухина, был тяжело ранен и оказался на территории, занятой белыми. Монгольские араты¹ нашли его в сте-

¹ А р а т (монг.) — крестьянин.

пи и спрятали, а потом решили помочь ему добраться до революционных войск. В пути их перехватил белогвардейский разъезд, завязалась перестрелка. Двое монголов погибли, но русского друга спасли.

Среди монгольских пропагандистов нашлись такие, отцы которых были красными партизанами. Завязалась оживленная беседа о том, как стремя о стремя сражались русские и монгольские воины против белогвардейских банд Унгерна и Резухина. В августе 1921 года Резухина убили его же солдаты, а несколько дней спустя Унгерн был захвачен в плен. Барона Унгерна фон Штернберга 13 сентября судил чрезвычайный ревтрибунал в Новосибирске и приговорил к высшей мере наказания.

Немало оказалось в бригадах Дорожинского и Нянтайсурэна и участников боев на Халхин-Голе и у озера Хасан. Они рассказывали о коварных тактических приемах, применявшихся противником, рекомендовали ознакомить с ними всех бойцов.

— Все эти выступления записаны инструктором политотдела. Я распорядился размножить их для агитаторов на русском и монгольском языках,— доложил начальник политотдела.

— Очень важно,— поддержал я его,— чтобы советские солдаты и монгольские цирики знали имена тех, кто прославил оружие наших братских армий. Эта работа должна быть поставлена широко и активно.

Потом мы посетили 43-ю танковую бригаду, которой командовал полковник В. И. Иванушкин¹. Это было хорошо слаженное боевое хозяйство. Сам комбриг — кадровый танковый командир, чувствовалось, дело знает основательно. Под стать ему были и его заместители — замполит подполковник С. И. Сидоров, начальник штаба майор А. Ф. Ковалев и другие руководящие офицеры.

Бригада только что получила на вооружение прославленные «тридцатьчетверки» взамен устаревших «БТ-7». Понятно, что настроение танкистов было самым боевым.

Из офицеров особенно запомнился командир третьего батальона Е. В. Елагин, стройный, светловолосый юноша с ямоч-

¹ Ныне генерал-майор, В. И. Иванушкин продолжает службу в Советской Армии.

кой на подбородке. В памяти его образ сохранился, может быть, и потому, что во время наступления этот батальон двигался в передовом отряде и мне с оперативной группой частенько приходилось у него бывать.

Встретиться с Елагиным довелось и после войны в 1958 году. Было это осенью на крупных осенних учениях. В качестве гостя присутствовал Михаил Александрович Шолохов.

Большое впечатление на писателя произвела стремительная атака танковых и механизированных частей, поддержанных штурмовой авиацией. А когда группа танков, изменив направление, понеслась к Дону, Михаил Александрович настояжился:

— Смотрите, что задумали? Атакуют тихий Дон! Да ведь он же их поглотит.

Машины действительно выскочили на берег и, сбавив скорость, ушли под воду. Шолохов замер. Не отрываясь, смотрел он на широкую гладь реки. В его взгляде угадывались внутреннее напряжение и тревога. Но вот у противоположного берега показались башни танков.

— Как у Пушкина,— с облегчением произнес Михаил Александрович,— помните: «И очутятся на бреге, в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря...»

Танкистами, которые так изумили Шолохова, командовал мой фронтовой сослуживец полковник Елагин.

Проверка соединений конно-механизированной группы завершалась учебно-показательным смотром 59-й советской кавалерийской дивизии. Она только что закончила многокилометровый марш к границе и вечером 25 июля расположилась прямо в степи, на западных скатах высот, у небольшой реки Баин-Гола, в нескольких километрах юго-восточнее села Дариганга.

До лета 1945 года дивизия дислоцировалась в Забайкалье. Части ее достигли высокой боевой выучки. Об этом свидетельствовало хотя бы то, как образцово зарылись они в землю и замаскировались. Землянки, укрытия для боевой техники, щели замаскировали так умело, что ни с земли, ни с воздуха их нельзя было обнаружить.

Присутствовавших на смотре генералов и офицеров монгольской армии приятно поразило прекрасное состояние конского состава, большая насыщенность дивизии автоматиче-

ским оружием, артиллерией, танками, инженерными средствами и техникой связи, замечательная экипировка. Главной ударной и огневой силой дивизии являлись танки и артиллерия. Большую плотность огня могло дать и автоматическое оружие.

...Командир дивизии генерал Леонид Евгеньевич Коркуц, коренастый, подобранный, с шевелюрой, чуть тронутой седinou, явно доволен произведенным на нас впечатлением. Коротко отдает дежурному последние распоряжения.

Звучит Гимн Советского Союза. Торжественный вынос знамени, рапорты и объезд частей. И вот мимо импровизированной трибуны, на которой расположились командование группы и наши монгольские друзья, торжественным маршем на сокращенном галопе во взводных колоннах двинулись эскадроны кавалерии. Наши монгольские братья заметно оживились. Кавалерийские полки проходили на гнедых монгольских лошадях, блистая завидной слаженностью и сколоченностью строя, радуя глаз отличным конским туалетом, подгонкой снаряжения. Монгольские офицеры и генералы отметили, что их кони-степняки находятся в самом образцовом порядке.

Всеобщее восхищение вызвали прошедшие на галопе четверки знаменитых пулеметных тачанок. Затем двинулись артиллерийские части с орудиями новых систем, грозные реактивные минометы «катюши». Завершился смотр внушительным шествием прославленных на войне танков «Т-34».

Взволнованный всем виденным, генерал Чарьвин Доржипалам поднял вверх кулак:

— По ту сторону Гоби нет дивизий, равных этой.

Конно-механизированной группе предстояло наступать по безводной, соленой, выжженной солнцем пустыне Гоби. Китайцы зовут ее «Шамó», что означает «пустыня смерти». Мы ее называли «противником номер два». И не без основания. Мертвая пустыня явилась молчаливым союзником обреченного на вымирание феодально-буржуазного строя Маньчжурии. Она будто задалась целью основательно измотать наши силы, нанести нам возможно большие потери и этим облегчить положение неприятеля.

Борьба с пустыней началась с первой половины июля, когда войска конно-механизированной группы начали выдвижение из постоянных районов дислокации к государственной

границе. Главные силы группы сосредоточивались в основном в двух районах: на местности Саин-Шанда, расположенной у древнего гобийского тракта Кяхта — Пекин, на волнисто-увалистой возвышенности Дариганга и в районе Байшинту-Сумэ. Равнина, иссушенная июльским зноем, встретила нас палящими лучами и безводьем.

Наши инженеры подсчитали, что войскам группы ежедневно требуется несколько сот кубометров воды. Все существовавшие в этом районе государственные источники¹ не могли обеспечить даже голодного пайка. Надо было рыть колодцы, но не хватало средств водоснабжения и спросить было не с кого. Штаб тыла группы не занимался инженерным имуществом, а у начальника инженерной службы не было органов снабжения. Пришлось поручить доставку необходимого оборудования сразу обоим. Общими усилиями они успешно справились с этой задачей.

Попробовали использовать для доставки воды надувные саперные лодки. Саперы объяснили, что залить их водой можно, если немного переоборудовать клапаны. Приказал командирам частей и соединений широко использовать эту возможность. Правда, «дегустаторы» строили выразительные гримасы — вода сильно отдавала резиной. Но потом, во время наступления в пустыне, они с не менее выразительным вождением поглядывали на эти своеобразные баллоны.

Нам было ясно, что имеющиеся в пустыне водные источники не смогут удовлетворить всех потребностей колоссального количества войск и техники. К тому же противник, без сомнения, постарается вывести из строя многие источники. А на рытье колодцев при запланированных сроках и темпах наступления у нас не хватит времени. Может, попытаться создать в частях возимые запасы воды? Начальник автотранспортной службы произвел соответствующие расчеты, и получилось, что с удалением войск от баз снабжения транспортный парк не в состоянии будет обеспечить одновременный подвоз боеприпасов, бензина, воды и продовольствия.

Где же выход? Много думали мы над решением столь важного вопроса, а пришло оно неожиданно.

С группой офицеров мы направлялись как-то в 7-ю монгольскую дивизию, в Обот. Трудно было ехать по пыльной до-

¹ В МНР колодцы являются государственной собственностью.

роге, свернули на целину. Из-под колес летели лежалые галька, щебень. Справа, невдалеке, тянулась полоса барханов. Жизнь, казалось, покинула эту местность. И тем удивительнее было видеть то парящего в небе беркута, то метнувшегося к норе суслика, манула или хорька. Время от времени на пути попадались островки растительности: саксаул, эфедра... В степи увидели табун лошадей. Его охраняло несколько обнаженных до пояса цириков: гимнастерки повязаны рукавами вокруг талии, как фартуки, винтовки прикреплены к седлам.

Внезапно от табуна отделилось несколько коней и понеслось в степь, полоская в воздухе длинные густые гривы и хвосты. За ними тут же устремился всадник. В правой руке он держал ургу — длинный шест с веревочной петлей на конце. Цирик быстро настиг беглецов и, выкинув шест вперед, набросил петлю на шею одного из них. Сполз с седла на круп коня, уперся в стремяна и осадил заарканенного скакуна. Тот остановился, за ним и другие. Вскоре отбившийся косяк влился в табун.

Этот ничем не примечательный эпизод вызвал у меня неожиданную ассоциацию. А что, если наподобие урги выбрасывать далеко вперед наступающих войск подвижные отряды для захвата источников воды в районах, занятых противником? Мысль была не нова. Во время недавней войны на Западе мы часто использовали в наступлении подобные отряды для овладения переправами через водные преграды, важными опорными пунктами, горными перевалами и узлами дорог.

В каждом соединении были созданы отряды по захвату водоисточников и удержанию их до подхода передовых частей. Мы получили таким способом несколько исправных колодцев, это помогло в какой-то мере смягчить проблему водоснабжения. Правда, только смягчить, но не более. Недостаток воды оставался для нас страшным бичом в течение всей операции.

Но если бы этим наши трудности и ограничились! И я не решаюсь сказать, каких забот было больше: тех, которые навязывала пустыня Шамо, или тех, которые вытекали из трудностей организации новой группировки временного характера. У штатных армейских формирований не было, например, проблемы продовольственного снабжения. Армия имеет свои продовольственные склады. А у нас такая проблема существовала. Продотдел фронта отказался подавать продовольствие прямо в части. Нам пришлось срочно организовать свой нештатный продсклад в Байшинту-Сумэ за счет работников

штаба тыла конно-механизированной группы. Приданный группе продсклад № 56 прибыл только 15 августа.

Приходилось на ходу создавать и ремонтные базы.

В армиях были штатные хлебопекарни. А мы о них только мечтали. С опозданием штаб тыла фронта выделил 13 печей разных конструкций, но забыл обеспечить их транспортом, а главное — обслуживающим персоналом. Так и остались они в Монголии.

Впрочем, эти трудности, а их было много, очень много, оказались для нас не в диковину. Мне приходилось командовать временно создаваемыми группами войск фронтового подчинения. В ходе решения самых различных проблем я одновременно изучал организаторские способности командного состава, их боевую хватку, размах мысли, «пробу» характеров.

Детальное знакомство с топографической картой и беседы с местными жителями показывали, что перед нашими войсками раскинулся дикий, неосвоенный и довольно своеобразный театр военных действий. Можно часами ехать по пустыне Гоби и не увидеть не только человека, но даже просто ориентира, чтобы определить свое местонахождение. Это могло серьезно сказаться на управлении войсками, особенно с помощью подвижных средств связи.

В полосе нашего наступления местность делилась на три резко отличающихся друг от друга района.

На правом крыле на глубину до 300 километров вдоль Калганского тракта раскинулось до Чжанбэя степное плоскогорье. К востоку от тракта оно слегка всхолмлено, а кое-где его пересекают скалистые высоты и обширные участки труднопроходимых, раскаленных на солнце сыпучих песков. Но в целом местность здесь вполне доступна для движения войск.

К югу и юго-востоку от горько-соленых озер Арчаган-Нура и Далай-Нура протянулась труднопреодолимая пустыня Гоби.

А дальше войскам предстояло преодолеть еще большие трудности. На линии городов Чжанбэй-Долоннор полосу наступления пересекали горный хребет Иншань, предгорья Большого Хингана, а затем сам хребет и отроги Большого Хингана. Движение в горах, вне дорог, абсолютно исключалось. А имевшиеся здесь тропы не годились для прохождения техники, особенно танков. Местами они настолько узки, что с трудом могли разойтись встречные путники. Пересекаемые

бурными горными реками, эти тропы в период сезонных ливневых дождей становились совершенно непреодолимыми. В довершение, Калганское направление прикрывали долговременные железобетонные укрепления, воздвигнутые японцами накануне войны вдоль Великой китайской стены.

Своеобразные условия местности выдвигали перед войсками ряд специфических трудностей. При наступлении по пустыне, например, крайне усложнялись маскировка и противовоздушная оборона. Требовались особые меры сохранения оружия, боевой техники, двигателей от воздействия песчаной пыли. Так на каждом шагу приходилось находить решение многих, порой неожиданно возникавших вопросов.

Во время подготовки к операции накопилось также много важных вопросов хозяйственного и партийно-политического характера, которые необходимо было решить в штабе фронта. С этой целью Юмжагийн Цеденбал выехал в Матат-Сомон, куда накануне передислоцировался штаб Забайкальского фронта. Вернувшись, он рассказал много интересного.

Путь его пролегал через город Чойбалсан. Проезжая мимо городского вокзала, Цеденбал увидел внушительную картину фронтовой базы. Вся привокзальная площадь и окружающая местность были, казалось, до предела забиты боевой техникой, танками, орудиями, боеприпасами, инженерным имуществом. Под разгрузкой стояли многочисленные эшелоны с военным имуществом, подходили новые составы. На расположенный недалеко полевой аэродром один за другим садились с военным грузом транспортные самолеты.

— Все это произвело на меня и моих спутников глубокое впечатление, вызвало чувство гордости за нашего героического друга — великий советский народ, — сказал мне позже товарищ Цеденбал.

В городе Чойбалсане Цеденбал заехал в штаб тыла. Заместитель командующего войсками фронта генерал-полковник В. И. Вострухов встретил его как старого друга. Внимательно выслушал рассказ о состоянии и нуждах войск конно-механизированной группы, просьбу о выделении дополнительного количества боеприпасов, горюче-смазочных материалов и тут же распорядился немедленно отгрузить по нашей заявке на армейские базы в Дариганге все необходимое.

В штаб фронта генерал Цеденбал прибыл 7 августа. Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский и генерал армии М. В. Захаров находились в это время в Тамцаг-Булакском

выступе. В Матат-Сомоне его встретил начальник политического управления фронта генерал-лейтенант К. А. Зыков. Оказалось, что с Цеденбалом они старые знакомые, впервые встретились на Западном фронте еще весной 1943 года. Тогда делегация монгольского народа, которую возглавлял Генеральный секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии Юмжагийн Цеденбал, побывала в войсках 61-й, а затем 20-й армий. 61-й армией командовал генерал-лейтенант П. А. Белов. Начальником политотдела был полковник Зыков, который не раз встречался с монгольской делегацией и сопровождал ее при посещении ряда частей и соединений армии.

— Рано утром следующего дня, — сказал Цеденбал, заканчивая свой рассказ, — из Тамцаг-Булакского выступа приехал член Военного совета фронта генерал-лейтенант Тевченков. Мы побеседовали и посоветовались с ним. Он передал вам от себя и от маршала Малиновского и генерала армии Захарова привет и пожелания боевых успехов.

Во время этой поездки товарищ Цеденбал решил многие очень важные для конно-механизированной группы вопросы партийно-политического, материально-технического и боевого обеспечения предстоящей операции.

Мы договорились с товарищем Цеденбалом, что проведем во всех частях и соединениях группы митинги, посвященные началу боевых действий.

Прежде чем приступить к планированию операции, всегда следует всесторонне изучить противника.

Квантунская армия Японии, войска императора Маньчжоу-Го Пу-И и армия князя Дэ-вана имели различную организацию, техническую оснащенность, уровень боевой готовности и боеспособности, тактику боевых действий. Это были не союзники, а скорее сообщники по грабежу китайского и монгольского народов.

Для осуществления планов завоевания «мирового пространства» японским империалистам удалось создать к тому времени хорошо обученную многочисленную армию. К началу второй мировой войны под ружьем в стране находилось 4500 тысяч человек, до 5500 тысяч составляли резервисты.

Взятый в плен на границе перед началом операции один японский офицер сообщил нам интересные сведения о системе комплектования японской армии. Она была в основном территориальной. Территория страны разбивалась на четыре округа (Северный, с центром в г. Асахигаве на о. Хоккайдо;

Восточный — штаб в Токио; Центральный — штаб в г. Осаке и Западный — штаб в г. Фукуоке); каждый округ имел дивизионные районы (всего в стране их было 14), а последние, в свою очередь, делились на полковые участки. Район полкового участка совпадал обычно с территорией префектуры.

Экстерриториально комплектовались только гвардейская дивизия, стратегическая конница, артиллерийские, танковые, авиационные и другие специальные части, не входящие в состав дивизий.

Квантунская армия являлась главной ударной силой Японии, нацеленной на север. Еще во время своей первой службы в Монголии мне приходилось изучать историю рождения и первых шагов этого кровожадного чудовища. Известно, что после того, как царизм, потерпев поражение в русско-японской войне 1904—1905 годов, вынужден был отказаться от своих арендных прав на Квантунский полуостров, им завладела Япония. В дальнейшем, по истечении срока аренды, Япония отказывалась вернуть Квантун Китаю и, объявив эту область генерал-губернаторством, сосредоточила здесь значительное количество войск. В 1931 году 100-тысячная японская армия двинулась из Квантуна на север, захватывая важнейшие пункты Маньчжурии. 9 марта 1932 года Маньчжурия волею японского империализма была провозглашена государством Маньчжоу-Го. С расширением агрессии численность Квантунской армии быстро росла и к 1941 году превысила миллион человек.

Организационно Квантунская армия представляла собой стратегическую группировку, включающую три фронта: 1-й (Восточно-Маньчжурский), 3-й (Западно-Маньчжурский) и 17-й (Корейский), также 4-ю отдельную армию, 2-ю и 5-ю воздушные армии¹ и Сунгарийскую военно-речную флотилию. Всего в Квантунской армии, как определяют современные официальные источники, насчитывалась 31 пехотная дивизия, 9 пехотных бригад, бригада спецназначения («смертников»), 2 танковые бригады и 2 авиационные армии и целый ряд специальных частей.

Командовал этой армией генерал Отодзо Ямада, начальником штаба был генерал Хикосабуро Хата.

¹ 17-й фронт и 5-я авиационная армия, расположенные в Корее, вошли в состав Квантунской армии с началом боевых действий.

В Северном Китае, в районе Бэйпина (Пекина), располагались еще две японские армии — резерв главного командования, которые при необходимости могли быть переброшены в Маньчжурию.

Много лет готовили японские империалисты эту мощную ударную группировку, предназначенную для агрессии против СССР. Но к 1945 году, с приближением разгрома гитлеровской Германии, японская военщина вынуждена была временно перейти от агрессивного к оборонительному варианту ее использования. По показаниям заместителя начальника штаба Квантунской армии, оперативный план обороны Маньчжурии, разработанный Главной ставкой весной 1945 года, предусматривал упорное сопротивление войскам Советской Армии в пограничных районах, а затем на линии хребтов Бэйаньчжень, Большой Хинган и на рубеже городов Кайлу, Жэхэ. В связи с этим главная группировка войск сосредоточилась в районах Чанчуня, Сыпингая, Мукдена, Жэхэ.

Вдоль границ Внутренней Монголии, Маньчжурии и Северной Кореи располагалось около трети войск (380—400 тысяч человек), которым отводилась роль амортизатора. В случае войны они должны были принять на себя удар советских армий и измотать их на подступах к центральному району Маньчжурии и Кореи, обеспечить главным силам возможность нанести контрудары по уже определившимся основным наступающим группировкам.

Многие данные свидетельствовали о том, что Квантунская армия является крепким орешком. Ее войска были хорошо обучены и подготовлены для ведения боев в любое время года, днем и ночью.

Японские солдаты прошли основательную идеологическую обработку в духе ненависти ко всему русскому, советскому. С детства им прививали мысль об исключительности японской нации. В Стране Восходящего Солнца махровым цветком расцвел культ «божественного» микадо.

Вся система боевой подготовки была рассчитана на всестороннее приучение солдат и офицеров к тяготам походно-боевой жизни. В частях, например, регулярно практиковались ночные марш-броски по тревоге. Благодаря систематической тренировке японский пехотинец был способен совершать 30—40-километровые переходы при скромном режиме питания.

Повышению физической силы и выносливости способствовал и спорт. Характерно, что в армии особенно культивирова-

ли борьбу джиу-джитсу, дзю-до, самбо, штыковой бой, метание гранат, а для офицеров — фехтование на мечях. Все остальные виды спорта считались недостойными внимания истинного самурая. Из опыта второй мировой войны нам было известно, что японские войска дрались стойко и, как правило, в плен не сдавались. Много были наслышаны и о диком фанатизме камикадзе — «смертников». Эти самураи прошли специальную подготовку по подрыву важнейших военных объектов, были готовы к самопожертвованию. Организационно это были мелкие подразделения при штабах соединений, но существовали и целые части «смертников». В Квантунской армии, например, ими усиливались укрепрайоны. Широкою известность имела 1-я отдельная мотобригада «смертников». Камикадзе внушили, что смерть за императора — высшая награда, и они пользовались в армии большими привилегиями.

Что касается войск марионеточного государства Маньчжоу-Го, то хочется поделить интересными данными, которые стали известны из документов, попавших в наши руки в ходе операции.

Создавая Маньчжоу-Го, Япония подготовила «договор», в котором было всего две статьи. Первая сохраняла за ней все ранее приобретенные права и привилегии, право содержания и свободу действий японских войск. Вторая признавала во главе марионеточного государства отпрыска Дайцинской (Маньчжурской) династии, свергнутой Китайской революцией 1911 года, Пу-И. В 1934 году Пу-И был объявлен императором Маньчжоу-Го. Во главе правительства стал старый японский агент генерал Чжан Цзин-гуй. Вкупе с ним предавал свой народ и военный министр Маньчжурии полный генерал Син Килан. В действительности же вся власть в Маньчжоу-Го была сосредоточена в руках командующего Квантунской армией, который одновременно считался генерал-губернатором и полномочным послом своего императора при «правительстве» Маньчжоу-Го. Свою власть в Маньчжурии он осуществлял через заместителей министров «правительства», вице-губернаторов большинства провинций и губернаторов всех пограничных с СССР провинций. Эти посты занимали японцы. Управляющим делами кабинета министров был японец Такэбэ, а председателем Верховного суда — японец Ино и т. д.

Большую роль в укреплении японского влияния в стране играли различные антинародные общества. Главным из них было «Общество доверия». Японцы называли его «Киовакай»,

китайцы — «Сехэхуэй». Председателем этой организации был премьер генерал Чжан Цзин-гуй, а его заместителем — японец, генерал Хасимото. По всей Маньчжурии, как и в собственно Китае, оккупанты с бешеной энергией пропагандировали демагогический лозунг «Азия для азиатов».

В этих условиях японскому командованию ничего не стоило распространить военную повинность и на территорию Маньчжурии.

В полосе наступления конно-механизированной группы советско-монгольских войск наиболее слабым звеном противостоящего противника была конница князя Дэ-вана, сохранившая на себе яркую печать феодализма.

Что представлял собой правитель Внутренней Монголии Дэ-ван? Чтобы иметь представление о нем, я поручил подготовить необходимые материалы. С фотографии на меня смотрел человек со спокойным, вдумчивым взглядом. На вид ему можно дать лет тридцать пять, хотя на самом деле он был значительно старше. Чувствовалось, что это самоуверенный, волевой человек. Однако его никак нельзя было представить как военачальника.

Перелистываю страницы материалов. Настоящее имя Дэ-вана — Дэмчигдонров («Дэ» — это начальные буквы фамилии, «ван» — графское звание, отсюда — Дэ-ван). Отец его был главой Барун-Сунитванского хошуна (уезда). Маленький князь в семилетнем возрасте унаследовал хошун. В двадцать четыре года Дэ-ван становится главой хошуна и заместителем председателя Шилингольского сейма. С тех пор он делает «завидные» успехи в политической и государственной деятельности.

Известно, что в 1931 году, после того, как в Японии пришло к власти правительство во главе с Инукаи, а пост военного министра занял фашиствующий генерал Араки, японская интервенция в Маньчжурии резко расширилась. К лету 1932 года почти вся ее территория оказалась в руках японских войск. Князь Дэ-ван быстро сориентировался и выработал для себя новый политический курс. Учитывая, что гоминдановский Китай проводил политику раздробления и китаизацию монгольских племен, а Чан Кай-ши был способен сплотить народ на борьбу против интервентов и японская оккупация Маньчжурии стала фактом, Дэ-ван начал искать пути сотрудничества с командованием Квантунской армии. В 1933 году в городе Батахалге был собран съезд представителей сеймов и

хошунов Внутренней Монголии. Здесь была предпринята попытка отделить Внутреннюю Монголию от Китая. Князь Дэ-ван на этом съезде развил бурную деятельность. Он встречался с руководителями монгольских племен, деятелями сеймов, офицерами второго отдела Квантунской армии. Видимо, ему удалось многое. Уже в октябре того же года, в том же городе было созвано совещание наиболее авторитетных старейшин Внутренней Монголии, на котором вновь обсуждался вопрос о создании автономного государства. На это совещание прибыла делегация центрального правительства гоминдановского Китая, но Дэмчигдонров отверг стремление гоминдана образовать автономию Внутренней Монголии в составе Китая. Он вновь встретился с офицерами Квантунской армии, информировал их о ходе совещания и просил помощи на случай борьбы против Китая.

«Если дело дойдет до вооруженной борьбы с Китаем,— говорил Дэмчигдонров,— мы вынуждены будем просить поддержки Японии, в частности, будем просить оружия». В дальнейшем князь неоднократно встречался с представителями Квантунской армии и, как видно, нашел у них полное понимание. В 1934 году Дэ-ван назначается на пост секретаря правительства Внутренней Монголии, в следующем году он уже заместитель главы этого правительства.

Зимой 1935 года князь выехал в город Чанчунь, где после обстоятельного разговора с заместителем начальника штаба Квантунской армии генерал-майором Едагаки и начальником второго отдела штаба неким Каваби договорился отделить Внутреннюю Монголию от Китая, не объединяя ее с Маньчжоу-Го. Японцы обещали ему передать 5 тысяч винтовок, 90 пулеметов и 500 тысяч иен на военные расходы. Нет ничего удивительного в том, что несколько месяцев спустя по инициативе командования японских оккупационных войск в городе Запсыре был созван съезд для решения вопроса об объединении Внутренней Монголии. Дэ-вану поручено руководство несколькими министерствами вновь созданного правительства, одновременно он назначается командующим войсками второго аймака Внутренней Монголии.

Но не борьба против гоминдановского Китая была главным содержанием деятельности князя Дэ-вана и не только это привлекало внимание японского правительства. Однажды князь заявил, что страшно боится, «как бы народная революция с коммунистической идеей не проникла из Внешней Мон-

голии во Внутреннюю Монголию». Он требовал оружия, сильной военной организации, самостоятельности управления страной. В 1938 году Дэ-ван добился своего. На III съезде Монголии он избирается главой правительства. Император Хирохито высоко оценил деятельность князя Дэ-вана, дважды принимал его в своей токийской резиденции.

Усилиями командования Квантунской армии князю удалось сформировать десять кавалерийских дивизий, артиллерийские полки и четырнадцать охранных батальонов. В специфических условиях гобийского театра военных действий эта группировка представляла реальную силу.

Неприятельские войска занимали несколько подготовленных оборонительных полос. Вначале тянулись цепи пограничных застав и японских разведывательных пунктов. Далее, на удалении 120—140 километров, Калганский и Долоннорский тракты перекрывались полицейскими отрядами и 1-й дэвановской кавалерийской дивизией, выдвинувшейся севернее озера Далай-Нур в район пункта Бандидагэгэн — Сумэ. На подступах к Калгану обширный район Дабэйгунсы — Шанду — Чансыр занимали 5, 3 и 7-я кавалерийские дивизии князя Дэ-вана, 2-я дивизия располагалась в Чжанбэе, 6-я дивизия и охранные батальоны — в районе Баотоу, где находились крупные склады, а 9-я дивизия — в Учуане.

За войсками князя Дэ-вана на Калганском направлении ключевую позицию — укрепленный район в двадцати километрах севернее Калгана — занимали японские соединения. На направлении Долоннор — Жэхэ в треугольнике Дагэчжень — Вайгоумыньцзы — Фынин оборонялись основные силы императора Маньжоу-Го. Позади их опять стояли японские войска.

По сведениям, которыми мы располагали, общая численность войск противостоящего нам противника значительно превышала численность войск конно-механизированной группы.

Приходилось считаться и с тем, что поблизости, в районе между городом Пекином и Чжилийским заливом, дислоцировались японские войска Северного фронта в Китае. Часть этих сил противник мог в любой момент двинуть на Калган или Жэхэ.

В целом задача противостоящей нам группировки противника состояла в том, чтобы прикрыть фланги и тылы Квантунской армии с запада, юго-запада и юга, не допустить про-

рыва советских войск в жизненно важные административные и экономические центры Внутренней Монголии и Северо-Восточного Китая и удержать за собой дорожную сеть, связавшую Внутреннюю Монголию и Северный Китай с Маньчжурией. Немалое значение имела, конечно, и экономическая цель — удержать богатые сырьевые и продовольственные районы Внутренней Монголии и обширной, густо населенной провинции Жэхэ.¹

В полосе наступления конно-механизированной группы отчетливо вырисовывались два операционных направления вдоль коммуникационных дорог, одно — на Калган — Пекин, другое — на Долоннор — Жэхэ — Пекин. Важность этих операционных направлений определялась уже тем, что в городе Гуйсуй располагались генеральный штаб князя Дэ-вана и японская разведывательная миссия, в Калгане — штаб Монголо-Суйюаньской группы, а в Жэхэ — штаб юго-западной группы японских войск и 5-й военный округ Маньчжоу-Го. Овладение этими пунктами открывало путь к Пекину, где размещался штаб Северного фронта японцев.

К 18 июля командующий войсками Забайкальского фронта поставил задачи всем армиям. А на следующий день получили его оперативную директиву и мы. План фронтовой операции предусматривал нанесение мощного стремительного удара главными силами фронта с Тамцак-Булакского выступа в направлении Чанчуня, Мукдена и далее к побережью Корейского залива. При этом предполагалось разгромить крупную группировку врага, овладеть важнейшими административно-политическими и экономическими центрами страны, морскими портами и отрезать Квантунскую армию от японских войск в Китае. Эта задача возлагалась на 39-ю армию генерал-полковника И. И. Людникова, 53-ю армию генерал-полковника И. М. Манагарова и 6-ю гвардейскую танковую армию генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко. Эти армии обладали большим боевым опытом.

Нашей конно-механизированной группе предстояло прикрыть главные силы фронта от фланговых ударов с юга и юго-востока. Поэтому нам предписывалось свои основные усилия сосредоточить на Калган-Пекинском операционном направ-

♦
¹ Провинция Жэхэ была захвачена Японией в марте 1933 года и включена в состав Маньчжоу-Го.

влении. План наступательной операции конно-механизированной группы мы должны были представить в штаб фронта к 26 июля.

Хочется подчеркнуть, что командование фронтом, учитывая специфические особенности и трудности театра военных действий, необходимость преодолевать труднопроходимую пустынную и горную местность, предоставило конно-механизированной группе полную свободу действий, возможность проявлять инициативу широко и смело.

Склонившись над картой, еще и еще раз вдумываясь в обстановку. Особенно беспокоят меня японские войска Северного фронта, расположенные южнее Великой китайской стены в Китае. Дислоцируются они вокруг крупных железнодорожных узлов, вблизи автомагистралей и при благоприятных условиях имеют возможность в короткие сроки сосредоточиться на выгодном рубеже для флангового удара по конно-механизированной группе. Серьезную угрозу нашему правому флангу могут создать Суйюаньская армейская группа и конная армия князя Дэ-вана. К тому же здесь, на Калган-Пекинском направлении, расположен мощный укрепрайон. В этих условиях любой встречный бой, а тем более фланговый удар противника мог резко снизить темпы нашего наступления. Возникла мысль: почему бы наступление главных сил конно-механизированной группы не перенести левее, на направление Долоннор-Жэхэ, а на Калган-Пекинском направлении наступать частью сил — высокоподвижной, сильной группировкой?

Обдумывая этот вариант, я все больше убеждался в его правильности. Главное, он дает нам возможность сковывать противника подвижной группировкой, а основными силами развивать наступление. В случае серьезных осложнений мы можем наращивать силу ударов в зависимости от конкретно сложившейся обстановки. С захватом Жэхэ и Калгана наступление на Бэйпин (Пекин) можно развивать по сходящим направлениям с северо-востока и северо-запада. Этот план в большей мере обеспечивал условия для стремительного наступления.

Нельзя допустить, чтобы конница Дэ-вана, а тем более японские части раньше нас подтянулись к Панцзяну и к озерам Арчаган-Нур и Далай-Нур.

Части пограничного барьера следует разбить столь внезапно и быстро, чтобы они не успели преждевременно известить князя Дэ-вана о главном направлении нашего наступления и согласовать с ним свои действия. Надо было учитывать, что в Нуруй-Сумэ, неподалеку от озера Арчаган-Нур, находились японская разведывательная миссия, полевой аэродром и полицейские отряды. Нетрудно было предвидеть нежелательные последствия, которые могут возникнуть, если бы каким-то частям противника удалось ускользнуть от нас и раньше достичь озера. Подобная ситуация могла произойти и на второстепенном направлении, где в районе города Панцзяня также находились японская разведывательная миссия и аэродромы. Вот почему войска нацеливались нами на предельно стремительные и безудержно дерзкие боевые действия.

— Пригласите начальника штаба,— приказал я дежурному.

Минут через пять генерал-майор В. И. Никифоров был у меня в кабинете. Высокий, сутуловатый, он со свойственной ему медлительностью подошел к столу.

С начальником штаба мы встретились недавно и не успели еще как следует познакомиться. В боях на Западе В. И. Никифорову участвовать не довелось. Он в то время служил на Дальнем Востоке, считал себя знатоком местного театра военных действий. Однако в планировании операции он проявлял нерешительность. Стремительные темпы предстоящего наступления вызывали у него сомнение в успехе.

— Пустыня Гоби — не Европа! — утверждал он.

Мне хотелось рассеять сомнения Никифорова, вселить в него веру в быструю и полную победу наших войск в Маньчжурии. Но он упорно оставался при своем мнении.

Никифоров доложил, что штаб приступил к оформлению решения на предстоящую операцию и в общих чертах подрабатываются план и боевые распоряжения.

— Из чего вы исходили, разрабатывая проект решения командующего?

— В основу его, как обычно, положено предварительное боевое распоряжение штаба фронта,— недоуменно ответил Никифоров.

— Вы явно поторопились. Главные усилия войск группы целесообразно перенести с Калганского на Долоннорское направление, а это коренным образом меняет проект решения, который готовится нашим штабом.

— Но ведь это противоречит боевому распоряжению фронта. Мы не можем...

— Правильно, противоречит. Поэтому надо подготовить обоснованное предложение и сегодня же доложить командующему войсками фронта. Вот смотрите...

По оперативной карте я разъяснил генералу Никифорову мотивы, побудившие меня выдвинуть новые предложения, меняющие решение командующего фронтом, раскрыл преимущества переноса главных усилий на другое направление, обосновал предварительные расчеты, обеспечивающие значительное повышение темпов наступления.

— Если командующий войсками фронта утвердит ваши предложения, у нас возникнут дополнительные трудности в управлении соединениями конно-механизированной группы. Да и только ли в управлении...— пытался возражать генерал.

— Поймите,— убеждал я его,— ваши представления о характере наступательных операций устарели. Правы вы только в одном: до предела увеличив темпы наступления, мы создадим для себя дополнительные трудности. Но это и есть наиболее верный путь к победе. В случае робких и нерешительных действий противник вынудит нас к затяжным боям, которые потребуют длительного времени и больших жертв. Необходимо умело использовать рассредоточенное построение вражеских войск. Вот посмотрите,— показал я на карте.— На нашем направлении нет сплошного фронта, войска противника рассредоточены на большом пространстве по фронту и в глубину. Если нам удастся развить высокие темпы, они не успеют своевременно и организованно вступать в бои. Первое время противник будет находиться в некотором неведении. А как только наши части выйдут к Чансыру и Долоннору, драгоценное время будет противником уже упущено. Мы должны всюду упреждать его, бить по частям. Для этого необходима ошеломляющая оперативная внезапность за счет непривычных для противника высоких темпов наступления. Борьба за время и пространство должна обеспечить победу малой кровью.

Полагая, что и среди офицеров могут найтись приверженцы «нормальных» темпов продвижения и вообще сторонники «спокойной войны», решил собрать ведущих работников штаба. На совещании изложил идею своего решения и нарисовал общую картину, которая сложится после того, как три советских фронта проведут мощную авиационную и артиллерийскую подготовку. Рассказал о предстоящих действиях бомбар-

дировочной авиации фронтов и Ставки Верховного Главнокомандования по крупным узлам дорог, узлам связи и важнейшим пунктам и объектам противника. Вслед за ними войска трех фронтов одновременно атакуют все группировки противника, а десантные части в первые же дни захватывают города Харбин, Чанчунь, Мукден, Порт-Артур и другие жизненно важные центры страны.

В этих условиях наш внезапный и стремительный ночной бросок вперед через границу без артподготовки будет не только необходим, но и очень полезен в интересах всей операции. Для достижения большой ударной силы на главном Долоннор-Жэхэйском направлении войска будут построены в два эшелона и получают сильный резерв.

В первый эшелон назначались советские танковые и механизированные соединения, обладающие наибольшей маневренностью, огневой и ударной мощью. На усиление они получали истребительно-противотанковую, зенитную артиллерию и инженерные подразделения. Во втором эшелоне предстояло действовать главным силам — советским и монгольским кавалерийским дивизиям. Резерв составили две кавалерийские дивизии монгольской армии, истребительно-противотанковая артиллерия, полк гвардейских минометов и другие части.

Войска первого эшелона должны были уничтожить передовые части противника в полосе государственной границы и обеспечить главным силам — второму эшелону — возможность наступать в самом высоком темпе. В случае появления перед передовыми частями крупной группировки противника следовало сковать его и этим обеспечить маневр наших главных сил во фланг или тыл врага. Резерв — две кавдивизии — был достаточно мощным, чтобы решающим образом либо развить успех, либо отразить возможные контрудары противника в ходе наступательной операции. Наиболее лучшей формой построения предбоевого и боевого порядка была избрана форма, напоминающая собой ромб. Впереди ударная группировка: уступом вправо и влево — усиленные кавдивизии второго эшелона, сзади — довольно крупный резерв.

На Калганском вспомогательном направлении мы создали также достаточно мощную группировку из советских и монгольских мотомеханизированных соединений. Ее задача состояла в прикрытии правого фланга главных сил группы и развитии наступления параллельно с главной группировкой на Калганском направлении.

По отдельным вопросам и репликам мне стало ясно, что руководящий состав штаба группы отчетливо представляет необходимость ошеломляюще внезапных ночных действий.

В перерыве совещания офицеры и генералы оживленно обсуждали план операции. По доносившимся до меня фразам было ясно, что все они увлечены предполагаемым размахом и темпами ее развития. Но план, как бы хорош он ни был, — лишь теоретическое предначертание боевых действий, обоснование объективных возможностей победы и путей ее достижения. Чтобы эти возможности стали действительностью, надо обеспечить твердое и уверенное управление войсками. Дело в том, что командный состав и руководящие работники штаба конно-механизированной группы, хотя и имели хороший опыт в этом отношении, однако в большинстве своем приобретали его в процессе боевой учебы в мирных условиях Дальневосточного военного округа (исключение составляли несколько бригад, прибывших с Западного фронта). К тому же организация управления отрабатывалась применительно к общевойсковой армии. Между тем действия такой подвижной группировки, как конно-механизированная группа, имеют свои особенности: она наступает, как правило, в отрыве от главных сил фронта, на отдельном операционном направлении, или совершает глубокий рейд по оперативным тылам противника; ей свойственны широкие, стремительные маневры, достижение внезапности ударов по флангам и тылу основных группировок врага, захват жизненно важных объектов в его глубоком тылу, разгром подходящих фронтовых резервов и баз снабжения и так далее. Значительные трудности заключались и в том, что конно-механизированная группа — это, как правило, временная оперативная группировка, создаваемая часто для решения одной или двух последовательных наступательных операций. Состав ее меняется в зависимости от конкретно сложившейся фронтовой обстановки — от двух корпусов (кавалерийский и механизированный или танковый) с соединениями усиления до нескольких (пяти-шести) корпусов. Все это предопределяло своеобразие управления такой подвижной группировкой.

Следовало иметь в виду, что в рейдовой операции, особенно при условии, когда оперативная зона насыщена войсками противника, для достижения успеха надо находить самые экономичные комбинации маневров, осуществлять их с предельной стремительностью и дерзостью, гибко и последова-

тельно взаимодействуя между всеми элементами боевых порядков группы. В этих условиях летучая фраза «управлять — значит предвидеть» приобретает особое значение.

Думается, нет необходимости останавливать внимание читателя на всех подробностях организации управления в рейдовых операциях, но об одном, на мой взгляд, важнейшем положении стоит сказать. Высокооперативное управление войсками и сочетание его с творческой инициативой подчиненных командиров, штабов и политорганов командующий может осуществлять, лишь своевременно получая достаточно полные и достоверные сведения о боевой обстановке. В напряженных, широко маневренных боевых действиях это возможно в условиях, когда все ее нюансы воспринимаются командующим непосредственно «в чистом виде». Из опыта войны на Западе у меня сложилось твердое убеждение, что такие условия можно иметь, находясь непосредственно в боевых порядках наступающих соединений. Здесь яснее всего прослушиваются «пульс и дыхание» операции. Перемещение центра тяжести управления вперед открывает боевым командирам и штабам широкие возможности для личного общения с подчиненными командирами и воинами, личного влияния на ход и исход боя, примером разумной инициативы, храбрости и отваги. Это повышает моральный дух войск, их стойкость и волю к победе.

В общем, это был проверенный боевой действительностью надежный механизм управления, который обеспечивал наиболее полное использование оперативно-тактических качеств войск.

Чтобы скрыть выход частей и соединений группы к государственной границе от разведывательных органов противника, мы провели ряд мероприятий по оперативной маскировке. Все виды передвижений и работ осуществлялись только ночью. В исходных районах заранее готовились укрытия для огневых средств, техники, живой силы. Их возводили на обратных от государственной границы скатах высот и обязательно маскировали под местность, широко применяя масксети и местные подручные материалы. Днем степь словно вымирала.

Правда, вблизи границы появились табуны лошадей. Но это не могло вызвать особого беспокойства японцев. Перекочка аратских хозяйств была здесь обычным явлением. К тому же зимой 1945 года в стране произошло стихийное бедствие — «белый дзуд». Так в здешних местах называют мощный снегопад, сопровождаемый сильными морозами. Пастби-

ща покрываются толщей снега и скоту угрожает падеж. Это и вызвало массовую перекочевку табунов из восточных аймаков, в том числе и из районов Сухэ-Баторского и Восточно-Гобийского, где сосредоточивались наши войска. И не было ничего подозрительного в том, что теперь они возвращались.

Если же учесть, что на территории Монголии происходило в то время огромное движение главных сил фронта в направлении Тамцаг-Булакского выступа, нас, двигавшихся далеко юго-западнее, и вовсе не было слышно за этим грозным роко-том и гулом.

Сосредоточение войск к границе завершилось в первых числах августа. Седьмого числа конно-механизированная группа получила боевой приказ на переход государственной границы с Маньчжурией.

В 21.15 всем был дан сигнал боевой тревоги. Все части и соединения двинулись в свои исходные районы. На рассвете, когда сосредоточение было завершено, на высоту «1500» у Эрдэнэ Маньт на тщательно замаскированный командно-наблюдательный пункт прибыли командиры дивизий, бригад, отдельных полков, их заместители, руководящие генералы и офицеры. Перед нами лежали просторы Маньчжурии. В торжественной тишине по-особому величественно звучат слова боевого приказа войскам конно-механизированной группы на вторжение в Маньчжурию — страну, оккупированную вооруженными силами Японии.

В этот день в подразделениях прошли последние перед боем партийные и комсомольские собрания. На них побывали политработники группы и дивизий, офицеры и генералы штабов. Повестка дня всюду одна — задача коммунистов и комсомольцев в бою.

Мне рассказывали потом об одном из таких собраний в батальонной организации в 43-й отдельной танковой бригаде. Вначале выступил секретарь парторганизации Кузнецов, за ним другие коммунисты. После всех поднялся беспартийный механик водитель Чельшев. Он долго подбирал нужные слова, а потом вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги: заявление с просьбой о приеме в Коммунистическую партию. «Ночью иду в разведку,— начал читать он.— Боевую задачу хочу выполнить коммунистом. Чувство и сознание, что я коммунист, крепче свяжут меня с моей Родиной, умножат мои силы и помогут мне лучше выполнить боевой приказ». В конце операции мне довелось встретиться с Чельшевым.

Когда я вручал танкисту боевой орден, он выглядел таким же застенчивым и молчаливым. Но как красноречивы были его боевые дела!

В те дни много заявлений о приеме в партию было подано и в соединениях Монгольской народно-революционной армии. Товарищ Ю. Цеденбал показывал мне заявление цирика 3-го эскадрона 1-го полка 6-й кавалерийской дивизии Бата. «Завещаю вас,— писал боец,— что я сумею высоко нести почетное звание члена Монгольской народно-революционной партии и обязуюсь не пощадить своей жизни для достижения победы в этой справедливой войне. Все свои силы до последнего вздоха полностью отдам делу МНРП».

В ночь на 9 августа, перед самым наступлением, в частях состоялись митинги. Выступления были краткими, но энергичными. Мне особенно понравилась речь командира взвода отдельного истребительно-противотанкового дивизиона лейтенанта Л. К. Чеснокова. Он сказал:

— Клянусь как коммунист и как офицер Советской Армии: мои воины не посрамят славы советских артиллеристов. Прошу командование послать мой взвод на самый опасный участок.

Много было таких лаконичных, горячих выступлений. Воины были охвачены единым порывом — как можно лучше выполнить боевую задачу.

Выражая волю и желание народных масс, Малый хурал и правительство Монгольской Народной Республики объявили Японии войну. В принятой хуралом декларации страстно прозвучало требование «раз и навсегда покончить с притеснениями и унижениями, которые терпит монгольский народ от иностранных захватчиков, от японских поработителей, чтобы монгольский народ наравне со всеми свободолюбивыми народами мира мог строить свою жизнь на принципах свободы» (газета «Унэн», 11 августа 1945 года).

В обращении ЦК Монгольской народно-революционной партии и правительства республики говорилось, что этот исторический шаг не является случайным. Война будет «справедливой, за свободное и независимое существование». Обращение призывало всех воинов стойко и мужественно сражаться за правое дело в боевом содружестве с Советской Армией.

В этот последний перед вторжением вечер ко мне зашел Юмжагийн Цеденбал. Мы горячо поздравили друг друга с на-

чалом освобождения китайского народа от японской оккупации.

— Вот, Исса Александрович, мы подготовили обращение Правительства Монгольской Народной Республики к аратам, живущим по ту сторону границы, и к цирикам, которых принудили служить в японской армии.

Читаю о предательской деятельности японской марионетки Вана Демчигонрова, или, как его здесь зовут князя Дэ-вана, и его сообщников; о ярком расцвете национальной культуры и экономики Монгольской Народной Республики; о великой дружбе с Советским Союзом. «Из истории ясно,— говорится в обращении,— что только в результате близкой дружбы с Советским Союзом мы достигли свободной, счастливой жизни. Могучая Красная Армия неоднократно спасала нашу страну от угрозы порабощения. Красная Армия в 1921 году, или 716 году по чингизханскому летоисчислению, освободила нас от звериного господства грабителей барона Унгерна и белогвардейцев, которые были посланы к нам японцами.

Красная Армия в 734 году по чингизханскому летоисчислению отрубила лапу японских реакционных людоедов, которые вторглись на нашу территорию в районе Халхин-Гола. В то время наши доблестные цирики, поддерживаемые могучей Красной Армией, окончательно разгромив японских оккупантов, спасли нашу страну от порабощения. Наша дружба с народами великой Советской России спаяна совместно пролитой кровью. Народы Советской России оказывают помощь в деле увеличения нашего богатства, поднятия культуры и процветания государства».

Далее звучал призыв к борьбе: «Монголы! Вперед в освободительной и справедливой войне против японских оккупантов!».

ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

Солнце опустилось за горизонт. Из дариганских падей и солончаков потянуло прохладой. Дышать стало легче.

Замолкла изнуренная зноем степь. За приграничными ува-

листами высотами притаились войска конно-механизированной группы, готовые по первому сигналу ринуться через государственную границу и начать вторжение на территорию Маньчжурии.

Наша оперативная группа выдвинулась на передовой командно-наблюдательный пункт. В полночь через границу ушли сильные разведывательные и передовые отряды. Они должны были уничтожить проводную связь на японских пограничных заставах, а затем внезапным налетом разгромить их. В разведывательные подразделения включены лучшие из лучших советских и монгольских воинов, отлично знающие местность. Задолго до этого дня они тренировались в нашем тылу на местности, специально оборудованной наподобие погранзастав противника.

Ждем от них сообщений. Время тянется нестерпимо медленно.

Рядом со мной — начальник разведки подполковник М. Д. Чернозубенко. Обычно хладнокровный и уравновешенный человек, он сейчас заметно волнуется, нетерпеливо переступает с ноги на ногу, напряженно всматривается в ночную даль, то и дело поглядывает на часы.

— Волнуетесь, Михаил Дмитриевич?

— Немного есть, товарищ командующий. — Подполковник снова поднес к глазам наручные часы. — По времени должен быть сигнал о выполнении первой задачи.

И в тот же миг далеко впереди на черном фоне неба возникает яркий букет света, мгновенно, как будто зажженные от него, вспыхнули сотни подобных световых сигналов вдоль государственной границы.

Тишину ночи тут же разорвал резкий гул моторов — двинулись танки, самоходные орудия, бронемшины, автомобили, затрещали мотоциклы, тьму прорезали тысячи лучей света.

Казалось, вспыхнула пламенем вся степь, и огненная река, вырвавшаяся из берегов, с грохотом и ревом устремилась в глубь Маньчжурии.

Первый эшелон главных сил конно-механизированной группы перешел государственную границу в 3 часа, второй — в 4 часа ночи. Разведгруппы и усиленные передовые части 25-й механизированной и 43-й танковой отдельных бригад к этому времени были уже далеко впереди.

Вскоре появились первые партии пленных.

— Ничего не понимаю, — сокрушенно говорил на допросе

молодой японский офицер, крайне подавленный случившимся,— все произошло так внезапно. Поздно вечером от границы донесся шум моторов. На заставе объявили боевую тревогу. Но было поздно. Спастись не удалось никому: кто тут же poleg под пулеметно-автоматным огнем, кто попал в плен... Пытались связаться с передовыми постами и другими заставами, но связь оказалась испорченной.

Другой пленный офицер сообщил, что его взвод проводил ночные занятия в поле. Услышав шум на границе солдаты бросились на заставу. Но там уже гремели выстрелы, взрывы гранат. Затем появились танки.

— Я так и не успел подать команду на отход,— рассказывала офицер.— Весь небосвод на западе вдруг осветился. Громopodobный рокот и огонь стали надвигаться на нас. Солдаты оцепенели. Многие бросились на колени, стали молиться. Все смирились со своей судьбой и решили, что богиня Аматерасу Оомиками отвернулась от нас.

Первый удар был осуществлен точно по плану. Уничтоженными оказались все пограничные заставы и японские разведывательные пункты.

С первыми лучами солнца через главную линию пограничных холмов в предбоевых порядках перевалили на рысях дивизии монгольской конницы, составлявшие резерв конно-механизированной группы. Из низины вырывались бронемашинны, батареи.

Невдалеке от нашего командно-наблюдательного пункта из густой завесы пыли, поднятой десятками тысяч коней, вынырнул мотоцикл. Мотоциклист — офицер связи — доложил:

— Шестая кавалерийская дивизия Монгольской Народной Республики в установленное приказом время перешла государственную границу!

На лице офицера выделялись лишь белки глаз да зубы. Своим внешним видом он напомнил мне танкиста, которого я видел под Москвой, когда тот выскочил из горящего танка.

— Тяжело?

— Душно очень, товарищ генерал-полковник, пылью дышим.

— Покажите вашу флягу.

Взяв ее в руки, я понял, что от нормы, рассчитанной на день, осталось всего несколько глотков.

— Невозможно дышать,— повторил офицер в оправда-

ние.— Раскаленный песок лезет в нос и рот. Приходится полоскать горло.

Этот эпизод показал, что мы, видимо, недооценивали трудностей, с которыми предстояло столкнуться. Ведь когда по степи движется не одно подразделение, а многочисленные массы, клубы пыли почти не оседают. Мне была хорошо знакома невыносимая тяжесть, возникающая от палящего зноя, когда легкие с горячим воздухом всасывают раскаленную пыль.

Подошел Чернозубенко и доложил о возвращении разведгруппы лейтенанта Тулатова, которую бросили в район Сукул для захвата водоисточника.

— Почему возвратились? Они же должны были удерживать колодец!

— Тулатов доложил, товарищ командующий, что вода непригодна. Один из цириков выпил и отравился. Врач определил — стрихнином.

— Где Тулатов?

— Ждет разрешения доложить.

— Зовите его сюда!

К нам подошел смуглый, среднего роста, худощавый офицер. Он смотрит виновато, говорит короткими фразами с кавказским акцентом:

— По вашему приказанию...

— В чем дело, лейтенант? Почему не сработала урга? — спрашиваю его.

Тулатов удивленно смотрит вначале на меня, потом на Чернозубенко. Подполковник объясняет, что урга в нашем понимании означает бросок специального отряда вперед и захват сторожевого поста, а главное — колодца.

— Понятно, товарищ подполковник, — оживляется Тулатов. — Сразу ворваться на пост не удалось. Японцы встретили огнем. Бой продолжался недолго, но колодец успели отравить. Это, мне кажется, дело рук ламы. Мы его поймали, привели, а здесь почему-то отпустили, — Тулатов пожал плечами, выражая сомнение в правильности такого поступка.

— Объясните своим подчиненным, — сказал я офицеру, — что мы не можем держать под арестом служителей буддийских монастырей без серьезных оснований. Ведь ваше утверждение: «Это, кажется, дело рук ламы», — еще не доказательство преступления. В этом мы разберемся. Не забывайте, что мы вступили в страну, опутанную сетью монастырей и хра-

мов, задурманенную многочисленными религиями: анимизмом, шаманизмом, конфуцианством, буддизмом, даосизмом. Мы должны с уважением относиться к религиозным взглядам жителей Маньчжурии.

После того как лейтенант ушел, Чернозубенко показал мне листок пергамента, испещренный рукописными строчками:

— Тулатов нашел возле колодца.

— Прочитать можете?

— Да. Написано по-монгольски.

Письмо, составленное в высокопарном стиле, содержало угрозу, рассчитанную на запугивание монгольских воинов: «Через Гоби вам не пройти. Боги превратят колодцы пустыни в огненную смерть. Это говорю вам я, хубилган, потомок Дудэ — стремянного Джучи, сына Тимучина. Я — Тимур-Дудэ».

— Чепуха какая-то... Насколько мне помнится из истории монгольских завоеваний XIII века, Тимучин, или иначе Чингиз-хан, действительно имел старшего сына Джучи... Наивно рассчитано на то, чтобы раздуть чувство суеверия и страха в наших монгольских частях.

— Видимо, это только начало, товарищ командующий. Японцы — коварный враг.

— А что означает «хубилган»? — поинтересовался я.

— Это характерный для ламаизма культ так называемых перевоплощенцев. Их почитают за богов.

— Ну что же, нас пугают мистическими угрозами, а мы должны предупредить противника о реальной угрозе. Отпустите несколько пленных и снабдите их нашими письмами. Подчеркните, что каждый, кого мы схватим вблизи источников воды, если у него найдут яд, будет признан диверсантом и наказан по законам военного времени. Что же касается Тимура-Дудэ, попытайтесь установить, кто скрывается под его личиной. Хорошо бы захватить этого типа.

Успех наступления на Калганском направлении во многом зависел от того, насколько быстро смогут наши войска справиться с погранотрядом противника и разведывательным пунктом японцев в глубине — в монастыре Цаган-Обо-Сумэ. Уничтожение погранотряда возлагалось на усиленный батальон майора Самохвалова из 27-й отдельной мотострелковой бригады. На разведпункт нацелилась и 7-я отдельная мотомехбригада МНРА полковника Нянтайсурэна.

События здесь развивались благоприятно. В полночь граница перешли разведотряды, а через три часа в наступление двинулся батальон майора Самохвалова. Он быстро захватил дефиле, запиравшее выход на плато недалеко от деревни Эрдени-Сомон. Вражеские пограничники не успели занять оборону, как были атакованы и быстро разгромлены. Лишь немногим удалось бежать.

Одновременно выступила 7-я монгольская мотомехбригада. Полковник Нянтайсурэн находился в передовом отряде лейтенанта Бадарчи.

В пространстве между группировками Долоннорского и Калганского направлений конно-механизированной группы действовал наш сильный разведывательный отряд. Некоторым вражеским пограничным подразделениям удалось бежать на Тогон-Туру, Дзалан-Сумэ. Но с рассветом их настигли и уничтожили истребители авиационного полка подполковника Островского.

В восемь часов поступили первые сообщения авиаразведки. Было установлено, что конница Дэ-вана производит крупные передвижения, мало сообразуясь с оперативной обстановкой.

Оперативная обстановка требовала от князя собрать армию в кулак для удара по одному из флангов нашей конно-механизированной группы. Он же вместо этого распылял силы. Больше того, некоторые соединения совершали необъяснимые встречные маневры.

Подполковник Чернозубенко, докладывавший о данных разведки, не смог разобраться в обстановке и сделать определенных выводов о противнике.

— В этих действиях, — доложил он, — трудно усмотреть разумную систему передвижений с целью сосредоточения или занятия рубежа обороны.

Да, разумного в их действиях действительно мало, — думалось мне. — Во всяком случае, на первом этапе операции успешно решено несколько важнейших оперативно-тактических задач. А в лагере противника ясно видны признаки растерянности и промахи в управлении войсками.

Развязав летом и осенью 1939 года военные операции на монгольской границе, известные в истории как бои у Халхин-Гола, японское командование стремилось захватить МНР, а

при неудаче хотя бы срезать Тамцаг-Булакский выступ. И не случайно. Этот выступ не только сковывал японские войска; он являлся выгодным естественным плацдармом, нацеленным против центральных районов Маньчжурии.

Потерпев неудачу, японская военщина решила обезопасить себя с этой стороны. Тогда и были созданы мощные укрепленные районы. Восточнее Тамцаг-Булакского выступа — Халун-Аршанский; севернее, в районе города Хайлар — Хайларский, северо-западнее — Чжалайнор-Маньчжурский.

Главным силам Забайкальского фронта и предстояло прорвать глубоко эшелонированную оборону 30-й и 4-й японских армий, а также войск императора Пу-И, опиравшихся на эти укрепрайоны.

9 августа главная ударная группировка фронта в составе трех армий обрушилась с Тамцаг-Булакского выступа на Чанчунь, где дислоцировался штаб Квантунской армии. Наступление оказалось стремительным и неожиданным для врага. Соединения 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А. Г. Кравченко уже в первый день достигли предгорий Большого Хингана.

До нас доходили слухи об ожесточенных боях за Халун-Аршанский укрепленный район. Часть сил левофланговой 39-й армии генерал-полковника И. И. Людникова атаковала его с фронта, другая группировка совершила глубокий обходный маневр и вышла к отрогам Большого Хингана. Но полки 107-й японской пехотной дивизии оказывали отчаянное сопротивление, они дрались в духе камикадзе — презрения к смерти.

На правом фланге ударной группировки фронта наступала 17-я армия генерал-лейтенанта А. И. Данилова. Войска ее устремились двумя группировками на города Цзинпэн и Линьси. На крайнем левом фланге фронта 36-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. А. Лучинского прорвала Чжалайнор-Маньчжурский Ур, а затем с двух направлений — севера и запада — нанесла удар по Хайларскому укрепрайону и овладела им.

На всех операционных направлениях армии Забайкальского фронта развили высокие темпы наступления. Под их ударами рушилась тщательно подготовленная долговременная оборона японцев. 30-я, 44-я полевые и 4-я отдельная японские армии теряли связь, управление войсками и взаимодействие, в их войсках нарастала паника.

Успешно развертывалось и наступление 1-го и 2-го совет-

ских Дальневосточных фронтов. В штабе Квантунской армии главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада отдал приказ войскам отступать в глубь Маньчжурии, рассчитывая отвести войска на линию железных дорог Тумынь — Чанчунь, Чанчунь — Дайрен и попытаться на этом рубеже не допустить прорыва советских армий на Ляодунский и Корейский полуострова. Для более надежного и непосредственного управления войска императора Маньчжоу-Го были подчинены японскому командованию. Генерал Ямада готовился дать генеральное сражение в глубине Маньчжурии.

Успехи советских войск вызвали замешательство не только у военного командования, но и у правительства Японии. Высший военный совет страны немедленно собрался, чтобы решить вопрос о капитуляции. Премьер-министр адмирал Кантаро Судзуки сказал: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».¹

Вечером того же 9 августа в работе Высшего военного совета принял участие император Хирохито. Ночь пролетела в ожесточенных спорах, и только к утру правительство наконец решило принять условия Потсдамской декларации. Правда, оно еще пыталось выторговать сохранение императору суверенных прав.

Вторжение Вооруженных Сил Советского Союза в Маньчжоу-Го, или, как ее называли китайцы, Дунбэй, предопределило, таким образом, быстрый и решительный разгром империалистической Японии, окончательную победу союзников в войне на Дальнем Востоке. Каким же варварством в этом свете выглядит атомная бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки — центров судостроительной, машиностроительной и текстильной промышленности. Удары эти явно нанесены не по военному, а по классовому, политическому противнику — пролетариату важного экономического района Японии.

Складывалось впечатление, что США решили ценой тысяч жертв произвести экспериментальные взрывы атомных бомб

¹ Инсу Кнеси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Саси. История современной Японии. Сокращен. перевод с японск. М., Изд-во иностр. лит., стр 265.

с целью определения их действий в условиях густонаселенных городов. И уж, конечно, убедительно подчеркнуть свою военную мощь, чтобы иметь повод заявить, что одержанная ими победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром, и сделать союзников сговорчивыми.

Но вернемся к событиям, последовавшим непосредственно после заседания Высшего военного совета. Принятие императором указа о капитуляции было объявлено по радио и в печати. В тот же день все японские вооруженные силы в Китае и Юго-восточной Азии получили приказ о прекращении боевых действий. Но, несмотря на эти официальные сообщения, войска Квантунской армии продолжали «императорский путь справедливости», выполняя «вечный долг перед монархом». Ныне известно, что командующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямадо получил через принца Такеда директиву правительства продолжать боевые действия. Это было запоздалое признание точки зрения прежнего премьер-министра принца Фумимаро Коноэ, который считал, что лучше капитулировать перед США и Англией, чем продолжением бесперспективной войны способствовать созданию благоприятных условий для коммунистической революции. «Сдержать советские войска в Маньчжурии, капитулировать перед США» — таково было стремление японского империализма.

Снова едкий «гобийский» пот разъедает тело, снова грудь заливают «расплавленный» воздух, а в желудке и в горле пересохло настолько, что, кажется, плесни туда кружку воды — назад ударит паром, как из парной. Но никакие тягости и испытания не могут ослабить наступательный порыв.

При вторжении войск конно-механизированной группы в Маньчжурию была достигнута полная оперативная внезапность.

Слева части 7-й монгольской кавалерийской дивизии полковника Генденгийна Доржа в предбоевых порядках, расчлененных по фронту и в глубину, поднимались по отлогому гребню, протянувшемуся на несколько километров между двумя приграничными озерами (вода в них горько-соленая). Правда, вдоль ряби мелких высот, пересекающих границу, оставили свои следы танковые и механизированные соединения. Они уже скрылись за дальним гребнем, и лишь лениво

оседающая пыль говорит, что это произошло совсем недавно. Я смотрю в сторону горы Хиб-Обо, откуда начала свое движение 59-я советская кавалерийская дивизия. Там первозданная тишина, будто никого и не было. Генерал Коркуц бросок через государственную границу сделал в хорошем темпе. Правифланговую 5-ю кавалерийскую дивизию мне не видно, но ее комдив генерал Доржипалам доложил, что полки прошли перевал приграничного хребта у горы Ала-Обо. Наступление успешно развивается в направлении монастыря Алан-Сумэ.

Убедившись, что главные силы советско-монгольских войск начали наступление организованно и в отличном темпе, наша небольшая оперативная группа офицеров двинулась в предбоевых порядках первого боевого эшелона в последний путь второй мировой войны.

Со мной были офицеры оперативного отдела, начальник разведки полковник Чернозубенко, начсвязи полковник Зак, радисты и мои давние фронтовые спутники майоры Семенидо, Васильев, капитаны Чуланский, Тюлин и другие. Нас сопровождало подразделение охраны. Мы быстро обогнали полки кавалерийской дивизии генерала Коркуца и настигли передовые части.

Контрасты всюду и во всем. Десятки тысяч войск, советская боевая техника, бескрайние просторы пустыни Шамо — мертвой пустыни... Вот гроза пустыни — скорпион — самоотверженно бросается на гусеницу танка,двигающегося ему навстречу. Хвост воинственно взметнулся над головой в готовности вонзить жало со смертоносным ядом в броню. Но проходит мгновение, и скорпион исчезает под гусеницами танка. А мне представилось: конная орда феодального князя Дэ-вана также будет раздавлена конно-механизированной группой советско-монгольских войск.

Дорога, по которой двигался танк, на топографической карте значилась улучшенной полевой дорогой. Но даже богатое воображение не увидит ее в еле заметной тропе, пробитой копытами верблюдов. Этот караванный путь — немой свидетель многовековой истории русско-китайских торговых отношений. Он мог бы рассказать, как в далекие времена XVII века к границам Маньчжурии подошли русские землепроходцы и купцы. Они образовали торговые миссии и пустили первые караваны верблюдов с товарами. Шли из Верхнеудинска через Кяхту, Маймачень (Алтан-Булак), через Ургу и дальше на Чэндэ. Затем направлялись к портам Ляодунского залива

и в Центральный Китай. Веками протапывали караваны верблюдов эти пути, но пустыня засыпала их следы. Люди были упрямы. Они ставили вехи, рыли колодцы, шли все чаще и чаще, караванные пути вновь воскрешались, и пустыня как бы привыкла к ним...

В первый же день мы не на шутку разуверились в точности карт. Они составлены в 1942 году по японским картам издания 1935 года, потому путаницы в них было с избытком. А когда в дальнейшем оказалось, что город Долоннор стоит именно там, где обозначен, в штабе шутили: «Значит, и Жэхэ может оказаться на своем месте».

В этих условиях резко повысились «акции» авиаразведки. Она ориентировала войска на местности и вела наблюдение за правильностью движения разведывательных отрядов и всех органов боевого обеспечения, веером развернувшихся по пустыне. Удаление их достигало пятидесяти и более километров.

Сведения, полученные от разведотряда, поисковых групп и авиаразведки, позволили сделать вывод, что паника в частях противника усиливается. По всему было видно, что они уже не имеют надежной связи и управления. Этим и объясняется, что отдельные подразделения и части, появлявшиеся в полосе наступления конно-механизированной группы, не успевали организованно вступить в бой, оказывались разгромленными передовыми и боковыми отрядами и панически бежали в юго-восточном направлении.

Около полудня подъехали к скоплению автомашин. Представившийся нам молодой лейтенант Лобачев доложил, что его саперная команда расчищает колодец.

Я подошел к работающим. Обязанный веревкой солдат, опустившись в колодец, наполнял ведра разжиженным грунтом. Ведра быстро поднимали на поверхность, а содержимое выливали на землю. Вокруг растекались потоки жидкой грязи.

— Зачем выбрасываете воду? — спрашиваю Лобачева.

— Какую воду? — удивился тот. — Эта грязь никуда не годится.

— Так вы пропустите ее через песочный фильтр и получите воду. Для заливки радиаторов она пригодна наверняка. А при хорошем фильтре подойдет даже для питья.

Лейтенант тут же приказал продырявить дно в двух ведрах. В эти своеобразные «сита» насыпали песок, а на него вывалили вынутую из колодца жижу. Жидкость, процеженную через первое ведро с песком, пропустили через второе

«сито». Из него потекла относительно чистая вода. В крайнем случае ее можно было и пить.

Этот способ, усовершенствованный в дальнейшем, широко использовали в частях.

Однако уже в первый день наступления мы не смогли удовлетворить потребность в воде даже по крайне бедным нормам. Для оборудования новых колодцев не хватало строительных материалов. Правда, кое-что мы везли с собой, но этих запасов хватило лишь для ремонта имеющихся водосточников. В результате войска оказались на голодной норме.

Многое теперь зависело от того, успеют ли высланные вперед отряды захватить родники и колодцы юго-западнее Нарто-Сумэ.

Движимые этой заботой, мы отправились дальше. По пути решили проверить, как развернулись зенитно-артиллерийские части, которые должны прикрыть с воздуха первый эшелон группы на очередном рубеже.

Мы знали о том, что в полосе нашего наступления и в прилегающих к ней районах противник располагает густой сетью аэродромов и взлетных площадок. Солнечные дни создавали условия для действий вражеской авиации.

Проверка еще раз убедила нас в том, что мы тоже имели прекрасное подготовленные советские зенитно-артиллерийские полки, истребительные авиационные части и авиационную дивизию МНР. Кроме того, в случае необходимости в интересах группы могла быть использована истребительная авиация 12-й воздушной армии Маршала авиации С. А. Худякова (у нас находился его представитель с радиостанцией).

Машины тяжело идут по только что проложенной колее. Чтобы ослабить гнетущую тяжесть палящего зноя, увеличим скорость. Но упругий горячий воздух еще больше сушит губы, обжигает потное лицо и тело. Семенидо не выдерживает, тянется к фляге, но, взглянув на меня, только поправляет ее и облизывает потрескавшиеся губы. Все это невольно вызывает спазм в горле и тошноту. Невыносимо хочется пить.

— Вода-а! — раздается неожиданный, как выстрел, крик.

Мы выехали на холм и к великой радости увидели перед собой обширное озеро. До этого я много слышал о миражах в пустыне и боялся поверить своим глазам. Но на этот раз воду видели все, видели и что есть духу кричали: «Вода-а!

Вода-а!». И я поверил сотням людей, видевшим перед собой воду. А она голубела и плескалась прямо перед нами, от нее несло свежестью и прохладой. Нет, эта чудесная водная гладь не мираж! К озеру быстро направились несколько автомашин. Мы с нетерпением ждали их. Вот когда сможем наконец вдоволь напиться, восстановить возимые запасы, залить машины. Многие авансом опустошали свои фляги. Но что это? Автомобили достигли берега и... раздвоились. Верхняя часть поплыла по волнам, хотя колеса продолжали двигаться по песку. Потом вдруг нижняя часть машин вынырнула из воды, «прилипла» к кузовам, и они, как в сказке, помчались по «водной глади». Пустыня Гоби преподнесла нам один из своих сюрпризов.

С тяжелой душой двинулись мы дальше. И снова пески, бескрайние сыпучие пески. А ведь где-то здесь должны быть позиции артиллерийского зенитного полка. Жестом останавливаю машину и выхожу, чтобы сориентироваться.

Пока рассматриваю карту, неожиданно появляется подполковник Шматов.

— Товарищ командующий,— докладывает Денис Иванович,— полк занял очередной рубеж и готов выполнить возложенные на него задачи.

Только теперь, внимательно всмотревшись в песчаные холмы, расположенные невдалеке от нас, замечаю едва уловимые приметы огневых позиций зенитного полка. У первой батареи нас встречают заместитель командира майор Н. Н. Булавин и начальник штаба капитан А. В. Исаев. В сопровождении их бегло осматриваю огневые позиции. Маскировка безупречна. Полк в полной боевой готовности, но чувствуется, что развернулся он недавно. Почему так поздно? Ведь наступление началось в два часа ночи?

— Полк занял этот рубеж в двенадцать часов,— отвечает Денис Иванович.— Часто приходилось на руках проталкивать машины и боевую технику через труднопроходимые участки. Да и на более благополучных продвигались с огромным трудом. Приходилось двигаться на второй и третьей скорости, моторы «съели» по две-три заправки горючего, а воду просто не успевали доливать в радиаторы — она мгновенно выпаривалась.

Все это, конечно, не было для меня новостью. Но в данном случае стало яснее, так сказать, материальное выражение гобийских трудностей. Истратить столько горючего, воды и при таком напряжении людских сил продвинуться за день

только на шестьдесят километров — это не тот темп, который мог удовлетворить нас и обеспечить оперативные козыри в борьбе за время и пространство. Пока не было верной гарантии, что мы упрем в захвате города Суиюаньскую группировку или 3-ю танковую дивизию противника, которая, по нашим сведениям, могла выдвинуться из Калгана. Да и оперативные резервы, дислоцирующиеся в районе города Жэхэ, могли быть двинуты на Долоннор...

К вечеру начали прибывать из соединений офицеры оперативной группы. Их лаконичные доклады дополнили картину развивающихся событий. Главные силы наступают организованно. Механизированная группа из советских соединений, действующая в первом эшелоне главных сил, продвинулась на семьдесят километров. За нею — кавдивизия генерала Коркуца. Наступающие уступом вправо от нее монгольские кавалерийские дивизии полковника Цэдэндаши и генерала Доржипалама овладели рубежом Цаган-Ула и Алан-Сумэ. Левофланговые соединения полковника Одсурэна и полковника Доржи, поддерживаемые 3-м танковым полком майора Давагдоржа, продвинулись километров на шестьдесят и заняли район восточнее Шеншинга-Обо и колодца Тайпу-Усу. Возле этого колодца временно развернулся штаб конно-механизированной группы.

Части Калганского направления наступали вдоль границы по тяжелой пересеченной местности и поздно вечером достигли района озер. 7-я монгольская бронетанковая бригада с 19 часов втянулась в бой за опорный пункт в Цаган-Обо-Сумэ.

Мы стояли у груды камней и делились впечатлениями о первом дне операции.

— Вы знаете, Исса Александрович, мне кажется, что японцы уже не способны драться в истинном ямато дамашин — японском духе, — оживленно говорил Цеденбал. — Я беседовал со многими пленными и убедился в том, что все они менее всего верят в то, что их самопожертвование повлечет за собой перевоплощение после смерти или погружение в блаженное небытие — нирвану. Быстро у них размагничивается боевой дух.

Не все, однако, радовало Цеденбала. Он побывал в нескольких подразделениях и убедился в том, что там еще медленно преодолеваются настроения, укоренившиеся в период мирного обучения войск. Вода поступала в части с большим опозданием и в ничтожно малом количестве. Появились за-

труднения с горюче-смазочными материалами, питанием. Ю. Цеденбал навел там порядок и серьезно предупредил ответственных за боевое обеспечение. Посоветовавшись, мы тут же вызвали нескольких офицеров штаба и политуправления группы, проинструктировали их и направили во все дивизии для проверки работы тылов и организации помощи на местах.

Офицеры разъехались, но Цеденбал был все еще озабочен. Я поинтересовался, что еще его беспокоит.

— Взаимоотношения с местными жителями, — ответил он. — Мы знаем, что значительная часть населения Маньчжурии, в том числе и многие состоятельные люди, не поддерживают агрессивную политику японской военщины и своего реакционного правительства. Однако не все жители правильно понимают цели и задачи наших войск. Некоторые попались на удочку вражеской пропаганды. Иные просто выжидают. Особенно важно сейчас, чтобы советские и монгольские войны вели себя как подлинные освободители, ни в коем случае не ущемляя интересов населения, не унижая его человеческого достоинства, не оскорбляя религиозных чувств.

Товарищ Цеденбал считал необходимым усилить воспитательную работу с бойцами и разъяснительную среди населения. Мы тут же сформировали основные пункты, регулирующие отношения военнослужащих с местными жителями.

Я заметил, что оперативность и конкретность решения любых вопросов и проблем — характерная черта в работе генерала Ю. Цеденбала.

Первый день наступления в полосе главных сил был характерен серией тактических боев в зоне погранзастав и некоторых опорных пунктов. Благодаря внезапности ударов передовых и разведывательных отрядов, подавляющему превосходству в скорости маневра и в силе огневых ударов — эти бои протекали скоротечно и не снижали общего темпа наступления наших войск.

Наступление на второстепенном направлении конно-механизированной группы имело свои особенности. Участок Калганского тракта от колодца Гашун-худук (20 километров юго-западнее Эрдэни-Сомон) и до монастыря Сумэ, то есть на протяжении 85 километров, шел вплотную вдоль границы. Поэтому первое время движение 27-й отдельной мотострелковой бригады полковника И. С. Дорожинского и 7-й мотобронетанковой бригады полковника Нянтайсурэна велось по территории МНР, а по ту сторону границы действовали разведыватель-

ные и усиленные боковые отряды. Они разгромили погранза-
ставы в Бани-Обо-Сумэ, Тэрэхоцу-дока, Цаган-Обо-Сумэ,
Алан-худук.

Не все здесь шло так, как было спланировано. Усиленный
боковой отряд под командованием майора Титаренко должен
был наступать по самостоятельному маршруту, правее Кал-
ганского тракта, и, обогнув озеро Сибхулин-Нур, перейти гра-
ницу у восточной окраины урочища Бархан Тала. За солон-
чаками, расположенными южнее Эрдэни-Сомона, лежала цепь
непроходимых скалистых высот, преодолеть которые отряд не
смог. Поэтому комбриг решил продвигать его до города Эр-
ляня, а отсюда вывести на свое направление.

Не более как в десяти километрах от границы был распо-
ложен монастырь Цаган-Обо-Сумэ. Здесь под крылышком
гостеприимных лам приютились пограничный отряд маньчжу-
ров, японская миссия агентурной разведки и банда диверсан-
тов. Многие годы «святые отцы» благословляли отпетых го-
ловорезов на преступления против Монгольской Народной
Республики.

Полковник Нянтайсурэн был весьма рад, что войнам его
бригады доверена почетная задача — уничтожить этот опор-
ный пункт противника.

Подразделение 7-й мотобронетанковой бригады, которым коман-
довал офицер Бадарча, подошло к монастырской впадине позд-
но вечером. Командир бригады Нянтайсурэн и его советник
гвардии полковник Е. И. Болдырев остановились на холме,
чтобы наблюдать, как Бадарча поведет разведку боем.

Бронемашины медленно приближались к монастырю, об-
стреливая с коротких остановок засеченные огневые точки.
Святая обитель неожиданно заискрилась столь плотными
вспышками выстрелов, что стало ясно — там укрепился силь-
ный гарнизон. Выяснив путем разведки боем систему огня и
инженерных заграждений противника, полковник Нянтайсу-
рэн дал сигнал закрепиться, пока главные силы бригады под-
готавливаются к атаке монастыря.

Подобная тактика передового отряда вызвала у меня серь-
езную озабоченность. Непростительная медлительность сидеть
несколько часов у какой-то богадельни, когда впереди перед
нами десятки тысяч войск противника!

— Если мы у каждого монастыря будем топтаться только
по часу, противник сумеет подтянуть силы из глубины. Возни-
кает опасность затяжных боев, неизбежны большие потери.

Бригаде было приказано с ходу, стремительно атаковать монастырь и, смело маневрируя на фланги и в тыл, разгромить засевшего там противника.

К исходу ночи Нянтайсурэн подтянул к монастырю два батальона и артиллерийскую батарею. Ночная атака монгольских подразделений была проведена дерзко, неотразимо. Цаган-Обо-Сумэ был взят.

Начальник политотдела бригады полковник Содномжамц с помощью своих работников собрал служителей монастыря и местных жителей. Он рассказал им об освободительной миссии советских и монгольских войск в Маньчжурии. Особенно заинтересовало слушателей сообщение о сущности народной власти и социалистических преобразованиях в Монгольской Народной Республике.

Беседа продолжалась не более тридцати минут, пока части получали новую боевую задачу и подкреплялись. Но и этот короткий правдивый разговор согрел души людей.

— Японцы никогда не говорили с нами о жизни,— заявил один из слушателей.— Захватчики лишь требовали дань на-ран-хуну.¹

Провожая войска, бедняки восклицали:

— Саин байну-у, улан цирики Сухэ!²

Второй день наступления.

По-прежнему идет борьба с вражескими частями и пустыней — «противником номер два».

Солнце свирепствует. Даже полевые мыши, тарбаганы, суслики и другие обитатели Гоби не выходят из своих глубоких нор. Впервые в жизни мы смотрели на солнце не глазами друга: оно обрушило на нас столь тяжкие испытания.

К середине дня меня начало серьезно беспокоить состояние личного состава. Обгоняя предбоевые порядки 59-й советской кавдивизии, я увидел, как один из солдат вяло наклонился к шее коня, обхватил ее, но не удержался и свалился наземь. Двое бросились на помощь, с трудом приподняли упавшего.

— Вы ранены? — спросил я.

— Нет,— чуть слышно произнес он припухшими, потрескавшимися губами.— Не могу понять, что со мной.

¹ На р а н - х у н — солнечный человек. Японцы требовали, чтобы так называли их в оккупированной Маньчжурии.

² Привет вам, красные солдаты Сухэ-Батора!

— В бою советский солдат падает только мертвым. Возьмите себя в руки, встаньте!

Усилием воли конник заставил себя подняться. Теперь нельзя было отказать ему в товарищеском участии.

— Вы нашли в себе силы побороть крайнюю усталость. Это ваша первая победа. Не роняйте же чести и достоинства советского воина.

— Слушаюсь, товарищ командующий...

Мы увеличили скорость и обогнали передовые танки и механизированные соединения. Двигаться по пути было мучительно трудно: галька, камень, неровности почвы и трещины грунта создавали невыносимую тряску.

Каждая встряска — словно удар по нервам. Выпить бы хоть глоток воды... Но вместо живительной влаги в горло течет густой, как плазма, поток раскаленного воздуха. Временами кажется, что задыхаешься.

Часам к двенадцати достигли Спаренных озер. На карте они обозначались как два небольших водоема, сообщавшихся протокой. Но это только на карте. В действительности нашему взору представились два высохших озера.

Команды водоснабжения, выделенные от гидророт, начали рыть колодцы. Я вышел из машины. Невыносимо захотелось пить. Взгляд невольно задержался на фляге адъютанта. Стоит сделать жест — и он протянет ее мне... Глотаю жесткий шершавый комок и отворачиваюсь. Невольно перед мысленным взором возникли привольные места родного Иристана: холодное дыхание его ледников и перевалов, бодрящая свежесть живописных ущелий; первозданная красота обильных субальпийских лугов, сотканная из изумрудной зелени трав — фиолетовых примул, розовых анемонов, голубых незабудок, маков, герани... А что может быть благодатнее воздуха древнего Иристана и кристально чистой воды его горных родников?.. От этих воспоминаний почудилось мне, будто владыка водного царства древних нартов Донбеттыр дал мне глоток живительной воды Геналдона, но она во рту мгновенно испарилась и превратилась в горячий песок... Я очнулся.

Саперы вырыли три колодца, но воды не нашли. А мы так надеялись на эти озера!

Впереди по маршруту на карте значился маленький населенный пункт Улан-Усу. Если судить по слову «усу» — там есть вода. Туда и двинулся разведотряд старшего лейтенанта Лобанова.

До поселка оставалось добрых десять километров. Кто знает, сколько из них разведчикам придется проталкивать свои машины по гобийским пескам, выдерживать мучительную тряску?

Религиозные люди связывали ярость пустыни с проклятием небес. Помню, встретившийся нам бадарчин-странник, идущий на богомолье, сказал:

— Никто еще не нарушал безнаказанно покоя Гоби в такое время года. Всевышний превращает пустыню в раскаленную сковородку и заживо жарит грешников...

Путь разведчиков Лобанова к Улан-Усу действительно оказался очень трудным. Каково же было их огорчение, когда они увидели, что все глинобитные мазанки пусты, а в колодце лежит труп верблюда. Жители остались без воды и покинули свои лачуги.

Еще один источник находился километрах в двадцати южнее, около Парей-Хоб.

— День клонится к вечеру, и если японцы отошли в этом направлении, то на ночь остановятся у колодца, — рассудил Лобанов. — Надо захватить их врасплох.

Двинулись дальше, отсчитывая расстояние по спидометру. Машины по ступицу зарывались в песок, и люди, обливаясь потом, вытаскивали их на руках. Когда до места осталось четыре-пять километров, разведчики сошли с машин. Лобанов посмотрел на часы. Для памяти записал на карте: «18.30».

С теневой стороны вдоль бортов выстроились солдаты. Старший лейтенант расстегнул ворот гимнастерки, надел пилотку и вышел к строю.

— Дальше пойдем пешком. Ехать опасно: шум моторов выдаст нас. Нужно не только дойти до колодца, но и сохранить силы для боя. Кто способен на это — два шага вперед!

Сзади никого не осталось. Так уж у нас повелось. На трудное дело вызываются добровольцы. Лобанову требовалось несколько человек, но отобрать их оказалось не так-то просто: добровольцами оказались все!

Вскоре небольшой отряд, захватив автоматы и гранаты, ушел к колодцу.

Томительно тянулось время. Не зря, видно, говорят: ждать да догонять хуже всего. Прошло минут тридцать.

Начало темнеть. Кто-то тихо сказал:

— Может, подтащим машины поближе?..

Все будто ждали команды. Поднялись, подошли к автомо-

биям и начали толкать их вслед за ушедшими товарищами. Падали, поднимались, бросали под колеса плащ-палатки, шинели и вновь толкали, изнемогая от усталости.

Услышав выстрелы, разведчики уселись в машины и, включив фары, двинулись к колодцу. Они успели вовремя.

Оказалось, что противник, заметив на фоне заката наших солдат, открыл огонь. Бойцы развернулись в цепь, залегли, а затем стали приближаться короткими перебежками. Напряжение огневого боя быстро росло.

Лобанов нервничал оттого, что момент внезапности был утрачен. И вдруг над степной равниной вспыхнул яркий свет. Лучи света, обшаривая складки местности, быстро приближались.

Японские солдаты и дэвановцы прекратили стрельбу и обреченно подняли вверх руки. Разведотряд захватил населенный пункт и поторопился сообщить: «Вода имеется». Только на следующий день мне доложили, что японскому офицеру удалось и этот колодец отравить стрихнином.

«Если сегодня все дивизии и бригады достигнут своих рубежей в плановые сроки,— думалось мне,— значит, войска обрели свою боевую форму, значит, можно рассчитывать, что на рубеже озер Арчаган-Нур и Далай-Нур мы появимся раньше, чем баргутские кавалерийские и японская танковая дивизии».

В полдень командиры отдельных танковой и механизированной бригад полковники Иванушкин и Попов доложили о выполнении задачи дня. Почти одновременно на левом фланге овладела своим рубежом и дивизия полковника Доржи. На правом фланге конно-механизированной группы умелыми действиями блеснула дивизия генерала Доржипалама. К исходу дня главные силы группы углубились в территорию Маньчжурии на расстояние свыше ста километров.

Учитывая успешное развитие наступления, командующий войсками фронта приказал создать подвижные механизированные группы и еще более увеличить темпы. К исходу 14 августа нам предлагалось овладеть городом Чжан-бэй, а 15 августа — сильным Калганским укрепленным районом. На главном направлении конно-механизированной группы участь города Долоннора должна была решиться 15 августа. В по-

следующем предстояло развивать наступление в горах Большого Хингана на город Жэхэ.¹

Во многом мы предвосхитили этот приказ. Впереди обеих наших группировок с самого начала наступали сильные высокоподвижные танковые и механизированные группы. Они действовали на 15—20 километров впереди главных сил, а временами уходили и дальше. По оперативным масштабам обычного театра военных действий — это незначительное расстояние, но в условиях пустыни, где цена каждого шага в десятки раз весомее, оно отвечало интересам боевой задачи.

Новые повышенные темпы вызывались необходимостью сложившейся обстановки. Все еще существовала угроза флангового удара дэвановских кавдивизий из района Бандидаг-эгэн-Сумэ. Могли подойти и главные силы японо-маньчжурских войск, сосредоточенные в пространстве между Долоннором и Жэхэ. Сохранялась еще и вероятность столкновения с сильной группировкой противника, которая могла выдвинуться из района Шанду, Чансыр.

Достигнутые успехи открывали перед нами исключительно выгодные перспективы стремительного глубокого наступления через пустыню и внезапного выхода в долину реки Луаньхэ.

Приказы командования Забайкальского фронта нацеливали конно-механизированную группу на наиболее полное использование этой перспективы.

Подготовка боевых распоряжений соединениям облегчалась тем, что их задачи остались прежними, изменились только сроки. Чтобы не томиться в ожидании боевых донесений из соединений первого эшелона и передовых частей, передовому командному пункту лучше было находиться в первом эшелоне, а с рубежа озера Арчаган-Нур — в одном из соединений мехгруппы.

Перед выступлением на Долоннор у нас появился новенький «додж» с радиостанцией. Сопровождавший его представитель отдела связи фронта доложил, что машина прислана генерал-полковником Леоновым для того, чтобы обеспечить мне связь со штабом фронта. Невольно вспомнился последний разговор с А. И. Леоновым перед операцией. Тогда он пожелал мне успеха, а на прощание сказал:

— О связи с фронтом не беспокойся, я тебя всюду найду.

В душе поблагодарил Алексея Ивановича за своевремен-

★
¹ Архив МО СССР, ф. 210, оп. 352 674, д. 1, № 27.

ную помощь. Нам предстояло совершить решительный бросок к отрогам Хингана, и эта радиостанция прибыла весьма кстати.

Перед рассветом, как всегда, прохладно. Выручает фронтовая спутница — бурка. Одна пола — постель, другая — одеяло. Но спать уже некогда. Через час должно возобновиться наступление. Густая гобийская тьма постепенно растворяется, бледнеет. И вот уже слышатся команды, раздается шум моторов. Ритм боевой жизни усилился.

Оперативная группа двинулась в голове главных сил Долоннорского направления. Инженерная разведка доложила приятную весть: местность впереди более проходима. Нам предстояло наступать по голой степи, лишь кое-где пересеченной увалами да небольшими высотами и солончаковыми лощинами. Но эти, казалось бы, малозначительные дороги, ускользнувшие от внимания инженеров, и преподнесли нам неприятные сюрпризы. Твердый грунт, усыпанный галькой, оказался не таким уж удобным для движения. Первой почувствовала это неполностью подкованная монгольская конница. Еще хуже пришлось мотоциклетным подразделениям. Попадая под колеса, галька бросала машины из стороны в сторону, выбивая руль из рук. После часа такой езды руки немели от напряжения. Не легче было и тем, кто сидел в кузовах автомобилей: тряска изматывала до колик в животе.

А с востока уже медленно и грозно накатывалось гобийское солнце. Степь покрылась темными штрихами теней от приземистого кустарника — горчака и лебеды. Потом, как бы испугавшись беспощадных лучей знойного властелина пустыни, тени стали сжиматься и прятаться под растения. Из-под колес то и дело выскакивали полевые мыши, суслики и с писком исчезали в норах. Вдали мелькали пугливые тарбаганы. Здесь, на безлюдье, их было особенно много.

Перед мысленным взором вставала карта с оперативной обстановкой, уже в который раз думы возвращались к различным вариантам встречного боя на рубеже озер Арчаган-Нур и Далай-Нур. «Только бы упредить князя Дэ-вана в захвате этого рубежа!» Особенно беспокоило отсутствие новых сведений о танковой дивизии японцев, которая находилась в районе Калган. Быть может, она выдвигается по горной дороге от Калгана через Гуюань к Долоннору?..

Увлечшись своими мыслями, я перестал замечать и тряску, и жару.

Неожиданно послышался тревожный крик наблюдателя:

— Слева — конница противника!

Машины двигались близко друг от друга, уступом, чтобы не глотать пыль, поднятую впередиидущими. Поэтому сигнал слышали все. Остановились. Вдали, от горизонта на нас надвигалась серая масса, окутанная облаком пыли. Ничего определенного о боевом порядке конницы сказать было невозможно.

— Батареи к бою! — скомандовал командир артиллерийской бригады полковник Диденко.

Показалось странным, почему так далеко развернулась кавалерия для атаки и сразу перешла вкарьер. Ба! Да это... Свою догадку я не высказал вслух. Хотелось понаблюдать за поведением спутников.

Машины развернулись на одной линии, образовав цепь. Солдаты укрылись за ними, приготовившись к бою.

— Дикие козы! — закричал мой шофер, первым разглядевший надвигавшуюся на нас лавину.

Многотысячное стадо, не дойдя до нас, описало широкую дугу и понеслось на запад.

Необычайный эпизод вызвал веселое оживление среди солдат и офицеров.

Вскоре мы достигли монастыря Богдо-Сумэ, захваченного передовыми частями рано утром. Нам рассказали, что и здесь противник был так ошеломлен внезапностью удара, что не оказал серьезного сопротивления. Передовые отряды танковой и механизированной бригад, не задерживаясь, двинулись к озеру Арчаган-Нур.

У ворот монастыря нас встретила ламаистская знать. Мне некогда было заниматься торжественными церемониями, и я только спросил у возглавлявшего встречу:

— Сколько монастырь может поставить нам коней в кредит?

Лама назвал внушительную цифру. Один из табунов он даже предложил в дар советско-монгольским войскам.

Любезность «святых отцов» была вызвана, надо думать, не симпатиями к «красным безбожникам», а скорее всего страхом. Но мясо подаренного ими скота от этого не стало хуже, а лошади были хорошим пополнением для кавалерийских дивизий.

Монгольский журналист Ч. Ойдов поведал читателям газеты «Улан-Од» о патриотическом поступке арата по имени

Нибон, подарившем полковнику Доржи сорок пять верблюдов. Арат сказал, что хочет внести свою лепту в разгром ненавистных самураев.

По этому поводу конники шутили:

— Аратские богачи непременно хотят, чтобы их лошади и верблюды приняли участие в разгроме японского империализма.

С искренним радушием встретили нас бедные араты. Они верили, что, освободившись от японской оккупации, обретут лучшую долю. Многие из них уходили в горы и вливались в отряды красных партизан.

От рубежа, на котором был получен приказ командующего войсками фронта, до Долоннора — около трехсот километров. Наши войска должны были преодолеть это расстояние за трое суток и, как уже известно, 15 августа овладеть городом.

В боевом распоряжении штаба фронта коротко давалась общая оперативная обстановка в полосе наступления главных сил. Успехи забайкальцев радовали и воодушевляли. Уже далеко в тылу 39-й армии остался блокированный Халун-Аршанский укрепрайон, и ее передовые части дерутся на подступах к городу Солунь. Уже преодолела Большой Хинган и вышла на просторы Центральной Маньчжурской равнины 6-я танковая армия. Успех сопутствовал и нашему непосредственному соседу — 17-й армии. Но все это левее, северо-восточнее полосы наступления конно-механизированной группы. А вот правее обстановка оставалась угрожающей.

Суйюаньская армейская группа все еще сохраняла возможность нанести удар по нашему правому крылу. Не исчезла перспектива и встречных боев на рубеже озер Арчаган-Нур и Далай-Нур, если, конечно, противник успеет выдвинуть к нему силы, расположенные на линии Долоннор — Жэхэ. Эти свежие боеспособные войска не были скованы и могли свободно реагировать на наши действия.

Вскоре после того как мы покинули Богдо-Сумэ и отправились к озеру Арчаган-Нур, намереваясь догнать передовые части, в небе появился краснозвездный самолет-разведчик. Он летал низко и что-то высматривал.

— Не иначе нас ищет, товарищ командующий, — догадался Семенидо.

Тем временем самолет пронесся чуть правее, качнул крыльями, что должно было означать «вижу», и, сделав еще круг,

удачно приземлился недалеко от нас. Мы подъехали. Летчик доложил:

— Со стороны Бандидагэгэн-Сумэ на рысях движется конница противника.

Предположительно это могли быть передовые части 1-й кавалерийской дивизии армии князя Дэ-вана.

Мне не было свойственно недооценивать противника и его стремление к активным боевым действиям. Но, право же, безрассудно было бросать кавалерийскую дивизию без танковой и артиллерийской поддержки и воздушного прикрытия наперез нашей конно-механизированной группе. Роковая ошибка князя и его японского советника полковника Саваи Тецуба!

Не вызывало сомнения, что боковой отряд, состоявший из кавалерийского дивизиона, усиленного танковыми и артиллерийскими подразделениями, своими силами разобьет дэвановские части. Его нужно было только предупредить, чтобы на ход боя не повлиял фактор внезапности. Взглянув на карту, я убедился, что встреча отряда с княжеской конницей возможна не раньше, чем через два-три часа. Времени оставалось более чем достаточно.

Вызвал офицера связи:

— Передайте командиру бокового отряда, что впереди слева появилась вражеская конница. Продолжать движение в готовности к встречному бою.

Что же все-таки задумало вражеское командование? Быть может, оно решило вывести главные силы дэвановских войск из-под удара и двинуть их к Большому Хингану? Там они вместе с Суйюаньской группой и юго-западной группировкой Северного фронта в Китае могли бы встретить наши войска на более выгодной для обороны горной местности.

Отсюда вытекала задача — упредить противника в захвате важнейших пунктов Большого Хингана в полосе наступления конно-механизированной группы. Многое теперь зависело от того, насколько полно и правильно будут использованы передовые танковые и мотомеханизированные соединения.

Утро 12 августа было обычным. Из-за Хингана неторопливо выкатывалось солнце, похожее на огненный шар. С его появлением обитатели пустыни стараются держаться ближе к своим норам и пристанищам, сухостойные кустарники и травы сжимаются и прячут под себя тени. Все вокруг затихает. Наша маленькая автоколонна, обогнав дивизию генерала Коркуца, приближалась к ставке князя Абагачжасага, располо-

женной на покато́й сопке. Донесения, полученные из передовой мехгруппы, радовали меня: рубеж озера Арчаган-Нур взят! Подразделения противника, не оказав серьезного сопротивления, отошли к озеру Далай-Нур.

Неожиданно подул резкий, каленый ветер.

— Песчаная буря! — крикнул кто-то.

Действительно, по лицу и рукам начали хлестать колючие, как крапива, песчинки. Еще мгновение — и все вокруг заволокло вздыбленной песчаной завесой. Ни вздохнуть полной грудью, ни глотнуть воды.

Песчаная буря — тяжелое бедствие пустыни. Мы еще раз ощутили на себе дику́ю силу первозданной природы.

Шофер натянул на капот машины чехол, мы все укрылись под плащ-накидками. В ушах неистово гудело, на тело давила упругая тяжесть ветра и песка.

Буря, продолжавшаяся несколько часов, стихла столь же неожиданно, как и началась.

С трудом скинув бурку, я расправил омертвевшие мышцы, потянулся и... замер от изумления. Пустыня преобразилась. Редкая и приземистая растительность исчезла. Вокруг лежало бескрайнее море барханов — и ни одной живой души. Это было так неожиданно, что какое-то мгновение я не мог понять, куда девались люди, почему я оказался один среди песчаной пустыни. Но вот рядом что-то зашевелилось, и из-под осыпавшегося песка показалась плащ-палатка. Скинув ее, передо мной предстал сержант Король. Вид у него был не очень бодрый. В следующий момент пески заколыхались, и, словно по мановению какой-то таинственной силы, барханы на глазах мгновенно преобразились в воинов. И будто ничего не было. Снова гнетущая неподвижность раскаленного воздуха.

Все тропы, колонные пути через трудные участки, колодцы, которые мы начали рыть, — все оказалось засыпано песком. Но войска возобновили наступление и с еще большим упорством пробивались вперед.

А каково сейчас положение бокового отряда Корзуна? Своевременно ли он оправился от нападения нашего «противника номер 2», нанебшего удар песчаной бурей? Успел ли приготовиться к встречному бою с дэвановцами?

Связываюсь по радио с командиром истребительного авиаполка Островским:

— Немедленно поднимайте на воздух две эскадрильи. Атакуйте кавалерийские части противника,двигающиеся от

Бандидагэгэн-Сумэ. Свяжитесь с нашим боковым отрядом. Установите взаимодействие с ним.

Прошло немногим более тридцати минут, и над нашими головами появились самолеты. Они приветливо покачивали крыльями и, развернувшись влево, вскоре растаяли в знойной дымке.

Как мне потом рассказывал К. Д. Корзун, в его отряде своевременно обнаружили приближение песчаной бури и приняли меры для укрытия оружия и боевой техники. И как только буря миновала, подразделения изготовились к бою.

С высоты сопки, за которой развернулся отряд, был виден широкий «шлейф» пыли и колыхавшиеся под ним плотные ряды всадников.

Корзун спокойно наблюдал за приближавшейся дэвановской конницей. Он получил приказ атаковать противника и успел продумать план боя. Начнет артиллерия. Она нанесет огневой налет по середине колонны. Тем временем танки с конницей совершат обход и атакуют врага с фланга и тыла. Уверенный в успехе боя, командир отряда представлял себе, как «тридцатьчетверки» ворвутся во вражеские колонны и начнут в упор расстреливать и давить гусеницами растерявшегося противника, а кавалерия будет добивать тех, кто не сообразит сразу сдаться в плен и окажет сопротивление.

Наши истребители налетели внезапно и яростно обрушились на части 1-й кавалерийской дивизии армии князя Дэвана. Рев моторов наводил ужас на людей и лошадей. Плотная конная масса металась из стороны в сторону, еще больше сбиваясь и уплотняя строй. Обезумевшие кони шарахались друг на друга, сбрасывая седоков и мчались по степи, унося тех, кто чудом удержался в седле. Поле оказалось усеянным трупами дэвановцев.

Самолеты разметали основную массу дэвановцев. Лишь небольшой части конницы удалось отделаться. Она пыталась спастись бегством в сторону Долоннора.

Корзун приказал батареям нанести по беглецам удар. Одновременно наперерез им устремились наши танки и кавалерия. Одно из подразделений дэвановцев неожиданно спешилось и залегло. Но тут же один из солдат вскочил и начал энергично махать над головой куском белой материи...

Пленные — в большинстве жители племени чахар — смотрели на наших воинов и офицеров со сложным чувством внутреннего напряжения, любопытства и страха. Допрос в одной

из групп вел, насколько мне помнится, начальник политотдела 8-й кавалерийской дивизии подполковник Гомбодорж. Опытный, вдумчивый политработник, он быстро развеял у пленных чувство страха и напряжения. В их раскосых глазах затеплилась надежда, и, как обычно бывает, возникло желание выразить свои беды, чаяния, стремления.

— Японцы превратили нашу страну в шархад¹, а народ стал похож на раба с дэнгой² на шее,— горестно говорил пленный дарга.— Мы долго молились барханам и хубилганам, но это не помогло. Мы знали, что наши братья по ту сторону границы свергли богдо-гэгэна, разогнали асман-банди³ и сами зажили как бейлы и бейсы⁴, с достатком и достоинством.

Какой далекой и беспросветной стариной повеяло от этих уже полузабытых слов! Товарищу Гомбодоржу пришлось долго и терпеливо рассказывать пленным о светлой жизни современной Монгольской Народной Республики, об успехах ее экономики, сельского хозяйства, культуры... Многие солдаты попросили разрешения вернуться в дивизию, чтобы рассказать об этом своим землякам и убедить их сдаться в плен.

— Но вас ведь могут арестовать и расстрелять. Это опасно,— предупредил Гомбодорж.— Подумайте.

Цирики заулыбались:

— Люди нашего племени друг друга не выдают. Японские инструкторы не знают, что делается в подразделениях. Они пьют хурдзу и развратничают.

О предложении пленных начальник политотдела доложил товарищу Ю. Цеденбалу, и это дело сразу было поставлено на широкую и хорошо организованную основу.

Наше дальнейшее продвижение к Арчаган-Нуру было предельно изнурительным. Можно понять, с какой радостью мы увидели глянцевую гладь озера. С востока в озеро впадает речка Хибгин-Гол. Увидев ее, многие, словно по команде, схватили свои фляги и, захлебываясь, мгновенно опорожнили их. У речки нас встретил офицер.

— Вода отравлена, товарищ командующий,— доложил

¹ Шархад (монг.) — место казни.

² Дэнга (монг.) — доска-воротник с отверстием для шеи.

³ Асман-банди (монг.) — презрительная кличка лам.

⁴ Бейлы и бейсы (монг.) — хошунные князья 3-й и 4-й степени княжеского достоинства.

он.— За озером лежит бескрайнее пространство сыпучих песков. Танковая и артиллерийская бригады стоят отсюда километрах в тридцати.

Слово «стоят» насторожило меня.

— Покажите на карте, где они?

— Бригады полковника Диденко и полковника Попова сразу за монастырем Бор-Хошуну-Хурал, а бригада полковника Иванушкина на несколько километров дальше, вот на этом рубеже.

Я посмотрел на карту. От монастыря на юг значилась левая дорога через Фынто-Сумэ и другие населенные пункты к Долоннору.

— Значит, этой дороги не существует?

— Дороги нет.

Через некоторое время, когда мы прибыли в район, где находились части передовой мотомехгруппы, все стало ясно: на юг нам не пробиться. «Противник номер два» — пустыня Гоби вновь, в который уже раз, поставила перед нами сложнейшую проблему.

Возле монастыря к нам подошел командир 14-го артиллерийского полка подполковник П. Н. Ратинский из истребительно противотанковой бригады. Он настолько загорел и обветрил, что сам уже походил на жителя гобийской пустыни.

Доложив обстановку, подполковник сделал вывод: «В этом направлении к Долоннору не пройти».

Подъехал полковник В. Ф. Попов. Вот уж на ком, казалось, не отражались адские условия пустыни. Он не только сохранил бодрость духа, но даже не изменился внешне. Не расплавился «металл» в голосе. Судя по его докладу, 25-я отдельная механизированная бригада находилась в хорошей боевой форме, и вынужденная остановка угнетала личный состав.

— Почему, в таком случае, зря время теряете?

— Представитель штаба бронетанковых и механизированных войск фронта приказал двигаться за танковой бригадой, но она, кажется, застряла в песках у высоты «1236». Вот уже несколько часов ждем...

— С моря погоды? Передайте приказ командиру танковой бригады немедленно вытягивать полки на караванную тропу, идущую к озеру Далай-Нур. Командирам бригад выдвинуться вперед на рубеж передовых частей и прибыть ко мне в Бор-Хошуну-Хурал.

Тут же майору Васильеву была поставлена задача выехать с группой разведчиков в направлении озера Далай-Нур и разведать возможные обходные пути на Долоннор. Одновременно такую задачу получил командир авиазвена самолетов «У-2».

В ожидании командиров мы решили ознакомиться с монастырем. Нас встретил местный хутухта — высший духовный сан этого храма. Я ожидал увидеть женоподобного ламу с выщипанной бородкой и щелками оплывших жиром глаз. Но настоятель монастыря оказался довольно сухощавым юрким старичком. Со впалых щек и острого подбородка свисал десяток тончайших волосинок, которые колыхались при малейшем движении воздуха. На нем был традиционный желтый дэли с красным орхимжо — широкой полосой материи, переброшенной через левое плечо.

Главные ворота, через которые мы вошли, обращены к югу — таково требование буддийской религии. Во дворе стоят кумирни с остроконечными крышами. Внутри их мы увидели расположенные в два ряда деревянные полированные колонны, напротив входа — алтарь и на возвышении — позолоченная статуя Будды. В помещении много картин с изображением разных буддийских святых.

— А богомазы ничего, с пониманием, — оценил капитан Семенидо.

— Что ж тут удивительного, у каждого народа есть свои живописцы, как у нас были Андрей Рублев и Дионисий Глушицкий.

Запомнилась картина «Сансарыйн хурдэ». Один из восьми гневных божеств держит картину, на которой изображены три круга. Не помню, что было изображено во внешнем и средних кругах, а во внутреннем нарисованы свинья, змея и курица. Они символизируют собой три основных порока: невежество, гнев и сладострастие. Все они, видимо, были присущи настоятелю монастыря. Действительно, стоило кому-либо из нас обратиться к ламе, он мгновенно соединял кисти рук и начинал издавать звук, удивительно похожий на хрюканье свиньи. Это упойтельное хрюканье выражало, по-видимому, чувство подобо-бострастного внимания и удовлетворения. Но вот кто-то, кажется, заместитель комбрига подполковник А. И Буров, указывая на молитвенное колесо — хурдэ, спросил:

— А почему бы в хурдэ не вставить молитву, прославляю-

щую победу Советской Армии над войсками японского милитаризма?

Услышав от переводчика вопрос, лама мгновенно перестал хрюкать и многозначительно произнес: «За-а-а, за-а-а», выражая тем самым крайнее неудовольствие.

Таковы были настроения верхушки ламаистской церкви. Бедные ламы были настроены иначе. Заместитель начальника политического управления Монгольской народно-революционной армии генерал Равдан рассказал мне очень характерный случай. Одна из монгольских частей освободила от японских оккупантов монастырь Янду-Сумэ и двинулась дальше. Вскоре ее догнали ламы этого монастыря и передали в подарок командиру полка табун лошадей. Лама в звании марамба сказал:

— Японцы забирали у нас все, не спрашивая разрешения, и издевались. Вы не обидели нас ни словом, ни делом. Мы считаем для себя высокой честью добровольно помогать благородным и душевным людям — советским и монгольским войнам.

Пока мы знакомились с достопримечательностями монастыря, подъехали командиры отдельных бригад, действовавших в этом районе. Их доклады подтвердили самые мрачные опасения. Мало было надежды и на то, что высланная в восточном направлении разведгруппа майора Васильева найдет межозерье путь на Долоннор. Что же делать? И хотя в народе говорят: «Не бойся двигаться медленно, бойся остановиться», нас не устраивало ни то, ни другое. Поэтому возникло решение повернуть на восток, развивать стремительное наступление в сторону города Цзинпэна и по ходу этого наступления вести широкую разведку в южном направлении, чтобы при первой же возможности вновь повернуть на Долоннор.

Отдав боевые распоряжения соединениям конно-механизированной группы, мы выехали в восточном направлении в сторону озера Далай-Нур.

Во всем этом, разумеется, была солидная доля риска. Но меня это мало беспокоило. В худшем случае, если нам не удастся найти обходного пути на Долоннор, думалось мне, конно-механизированная группа выйдет к городу Цзинпэну и, захватив его, создаст серьезную угрозу группировке противника, действующей против нашей 17-й армии. Словом, это был полезный, оперативный маневр.

Главные силы армии, судя по информации ее штаба, только начали преодолевать пустынно-степное Чахарское плато. До предгорий Большого Хингана, где на стыке двух дорог расположился Цзинпэн, оставалось около ста километров. Мы полагали, что генерал-лейтенант А. И. Данилов будет доволен, если конно-механизированная группа и его 17-я армия в тесном взаимодействии разгромят противника в районе этого города. Кроме того, повернув от Цзинпэна резко на юг, можно было по плато Вэйчан выйти к Долоннору. И наконец, маневр на восток давал возможность перерезать дорогу Долоннор — Линьси, одну из магистралей, по которой противник мог бросить свои войска для удара по правому крылу главных сил Забайкальского фронта. Во всяком случае, действия группы в восточном направлении продолжали бы оказывать полезное влияние на ход фронтовой операции, а это для нас было главным.

Недалеко от маленького селения Кымунчол мы увидели приближающийся виллис.

— Это майор Васильев,— раньше всех сориентировался Семенидо.

Офицер связи Д. В. Васильев действительно уже возвращался.

— Что хорошего привез?

Непроизвольным движением Дмитрий Васильевич поправил свои туго закрученные усы. Маленькие, всегда подвижные глаза, несмотря на крайнюю усталость, излучали энергию и волю.

— Ничего хорошего, товарищ командующий. Южнее озера Дэлай-Нур местность непроходима. Сплошь, куда ни глянь, крупные сыпучие барханы.— Васильев развернул планшет с картой.— Есть, правда, глухая караванная тропа, идущая на юг. Мы поехали по ней до монастыря Монгур-Сумэ. Но пастухи предупредили: «Солнце трижды пройдет свой путь, прежде чем русские достигнут долины Луаньхэ».

Разглядываем карту. Река Луаньхэ берет начало вблизи города Долоннора и несет свои воды в Ляодунский залив. Летчики видели там небольшой населенный пункт, но дороги к нему не обнаружили. Зато от предгорий, на подходе к Долоннору, есть улучшенная дорога.

— Значит, пастухи утверждают, что понадобится трое суток?

— Это в лучшем случае, товарищ командующий.

— Они судят на основе своих возможностей. Этим путем мы двинем передовой подвижной отряд и уже через сутки внезапно появимся в устье Луаньхэ.

По радио командирам частей мехгруппы было передано: в целях выигрыша времени и пространства наступление развивать вдоль тропы на Далай-Нур до рубежа регулирования в Тас-Обо. Быть готовым к решительным ночным действиям на Долоннор.

Путь на Далай-Нур не обошелся без приключений. Наши юркие легковые машины далеко опередили штабной автобус и два «доджа» с автоматчиками. С моей стороны это было неосторожно: направление новое, недостаточно разведанное. Могли быть неожиданности. Так и случилось. Выехав на один из каменистых холмов, мы чуть не врезались в толпу хунхузов. Один из бандитов вскинул автомат, но Семенидо, воспользовавшись его нерешительностью, успел спрыгнуть с машины и вырвать у него оружие. Другие хунхузы схватились за маузеры. Положение оказалось серьезным: нас было пятеро против двадцати.

Хунхузы в длинных халатах были похожи на идолов, высеченных из темного камня. Черные и страшные лица. Только бегающие, испуганные глаза да вздрагивающие в руках увесистые пистолеты подтверждали, что перед нами живые люди.

Прошло несколько напряженных секунд. Бандиты, привыкшие подстергать жертву из-за угла, были явно растеряны. Встав с сиденья, я через своих переводчиков по-китайски и по-монгольски приказал им сдать оружие.

Семенидо решительно подошел к главарю хунхузов в богатом халате, с деревянной кобурой, украшенной перламутром, и вырвал у него маузер. Бандиты зашумели, но стрелять не решились. К счастью, позади нас ободряюще заурчали моторы отставших «доджей». Вовремя подоспевшие автоматчики разоружили хунхузов.

Мы двинулись дальше к Тас-Обо. Где-то слева, со стороны летней ставки князя Абагавани, доносилась яростная разногласица огневого боя. А там, где мы только что были, произошел скоротечный бой наших танков с японским отрядом. Начальник политического отдела конно-механизированной группы полковник Сергеев сообщил мне по радио, что одного японца удалось схватить. Он травил хинином воду речки Хи-

бин-Гол и не успел скрыться. Отравленными оказались и другие источники, а ведь наши войска уже второй день наступали без запаса воды.

Зато другое известие обрадовало. С Калганского направления прибыл самолет с офицером связи. В донесении сообщалось, что на этом направлении успешно наступают главные силы вслед за передовой подвижной мотомехгруппой. После скоротечного боя с ходу взят Панцзян. С боями пройдено в хорошем темпе около двухсот километров. Правда, на пути к горному плато главным силам еще предстояло преодолеть Июнсидакскую пустыню с труднопроходимым песчаным барьером, но главное достигнуто — путь туда открыт.

Прошло три дня операции. Срок, казалось, достаточный, чтобы князь Дэ-ван на что-то решился и привел в действие свою многочисленную конницу. Как-никак такой подвижный род войск имел свои преимущества в пустынной местности.

Однако этого не случилось. Наше наступление осуществлялось так стремительно, а удары были столь внезапны и сокрушительны, что неопровержимо убеждали врага в его обреченности и вели к быстрому разложению его войск.

Тас-Обо. Этот маленький, типично гобийский поселочек в несколько глиняных мазанок запомнился очень хорошо.

Вечером 13 августа мы встретили здесь части передовой мотомеханизированной группы. В этот день они в хорошем боевом стиле продвинулись вперед на расстояние в сто километров. Многочисленные мелкие тактические бои в труднейших условиях Шамо — «мертвой пустыни» — до крайности изнурили солдат. Командиры бригад и частей доложили о высоком боевом порыве личного состава и готовности к любым испытаниям.

— Отлично, — удовлетворенно заметил я, — если люди и боевая техника готовы к продолжению боевых действий, предпримем ночной бросок к городу Долоннору. Необходимо развить такой темп, чтобы на рассвете ударом с ходу овладеть этим важнейшим пунктом в предгорьях Хингана. Захват его создаст условия для стремительного наступления кавалерийских соединений.

В глазах командиров, однако, трудно было уловить готовность к немедленному возобновлению наступления.

— Доложите, что вас беспокоит?

С места поднялся командир танковой бригады полковник Иванушкин.

— Товарищ командующий,— чеканя слова, произнес он,— в танковых частях бензин на исходе.

Доклады полковников Попова, Диденко и других командиров подтвердили, что в войсках наступил бензиновый кризис.

Соединения и части взяли с собой шесть заправок горючесмазочных материалов. В обычных условиях их могло бы хватить на добрых полторы тысячи километров. Но пустыня была коварна и беспощадна. Моторы, перегреваясь на солнцепеке и надрываясь в песках, теряли мощность и «съедали» по три-четыре нормы. Немало бензина, несмотря на герметическую упаковку, испарилось из раскаленной тары.

Подвоз горючего по супучим пескам и бездорожью пустыни тоже являлся сложной проблемой. Приданный конно-механизированной группе автомобильный парк едва успевал доставлять бензин с фронтовых баз на склады. Подвоз же этих запасов от складов в войска осуществлялся автотранспортом частей и соединений. Но он был комплектован по обычным штатам, не рассчитанным на действия в пустынной местности.

Собственно, по первоначальному оперативному плану фронта в иных штатах и не было необходимости. Ведь в предгорья Большого Хингана по оптимальным расчетам наши войска должны были выйти через десять-пятнадцать суток. Но мы продвигались значительно быстрее и сожгли бензин раньше, чем было предусмотрено. Фронтовые склады отстали. Коммуникации быстро растягивались, поэтому машины автопарка и весь транспорт, какой мы смогли взять из частей и направить за бензином, находились еще в пути, на подходе. Вслед за ними должен был прибыть 710-й наливной автобат. Часть его бензовозов шла в соединении калганского направления.

Все это будет. Но когда? А бензин нужен сейчас, немедленно. Через три-четыре часа механизированная группа Долонорского направления должна возобновить наступление.

В этих условиях очень важно было знать положение передовых соединений и главных сил нашего непосредственного соседа слева — 17-й армии. К счастью, связь со штабом конно-механизированной группы работала вполне устойчиво.

— Получено боевое распоряжение, в котором указывается, что 17-я армия правым крылом достигла Модон — Хундун,

а частями левого фланга подходит к Сиучжурмуцину.— Голос начальника штаба был слышен нормально.

— Значит, генерал Данилов преодолел Чахарское плато и вышел к предгорьям Большого Хингана?

— Да, но ведь на его направлении это расстояние равно не более двумстам пятидесяти километрам, а у нас...

— Во всяком случае одна из основных задач первого этапа наступления — прикрыть с юга действия главных сил фронта на Центральной Маньчжурской равнине — нами выполнена.

— Но ведь Долоннор еще не взят?

— К утру будет взят. Передайте в штаб фронта следующее донесение: «Передовые части конно-механизированной группы продолжают стремительное наступление на Долоннор. Прошу к середине дня 14 августа подать по воздуху на аэродром, расположенный на северной окраине Долоннора, горюче-смазочные материалы. Плиев».

Командир механизированной бригады полковник Попов недоуменно пожал плечами:

— До Долоннора, товарищ командующий, на оставшемся горючем не дотянем.

— Дотянем и штурмом возьмем город. Передайте мой приказ: слить горюче-смазочные материалы со всех машин и полностью заправить столько, насколько хватит горючего и масла. Готовность к возобновлению наступления — в двадцать четыре часа.

Пока в частях сливали горючее и заправляли боевые машины, полковник Чернозубенко доложил мне сведения о противнике.

— Подтвердились следующие данные,— он раскрыл сложенную гармошкой карту и ткнул карандашом в устье реки Луаньхэ,— в Долонноре обороняются пехотная бригада японцев и охранные части маньчжур. В районе Жэхэ, Фынина, Губэйкоу располагаются 108-я пехотная дивизия и четыре пехотные бригады армии Маньчжоу-Го. На Калганском направлении установлено место новой дислокации штаба князя Дэвана — город Шанду. Его 1-я и 7-я кавалерийские дивизии отходят к Калганскому укрепрайону. Наличие там танковой дивизии уточняется. Вероятнее всего, она переброшена против частей 8-й народно-освободительной армии Китая.

Подошел командир танковой бригады. Я жестом остано-

вил доклад Чернозубенко и повернулся к полковнику Иванушкину. Комбриг удовлетворенно доложил:

— Товарищ командующий, полностью заправлено тридцать три танка и двенадцать автомашин. Сводный отряд готов к возобновлению наступления.

— Маловато танков для боя за крупный город,— усомнился офицер-оператор.

— Во взаимодействии с такими союзниками, как ночь, внезапность и паника, дерзкая атака обеспечит нам стопроцентный успех. Главное — сразу же захватить аэродром.

— Аэродром, товарищ командующий расположен в двух-трех километрах северо-западнее Долоннора и охраняется подразделением аэродромной службы,— доложил начальник разведки.

Кавалерийским дивизиям были уточнены задачи для своевременного выхода в район Долоннора. Коннице за три дня предстояло покрыть расстояние около трехсот километров. Вполне понятно, что продвижение в пустынной местности такой скоростью требовало огромного напряжения физических и духовных сил.

В наиболее благоприятных условиях находилась 59-я кавдивизия генерала Коркуца, двигавшаяся впереди других соединений. В первые двое суток ей необходимо было преодолевать по 80 километров, чтобы 15 августа, уже на более удобной местности, увеличить темп до 100 километров и выйти в указанный район к исходу дня.

Монгольской коннице, наступавшей за 59-й кавдивизией уступом вправо и влево назад, предстояло пройти примерно такое же расстояние. Особенно трудным был первый участок пути. Но с выходом на рубеж Баин-Нур местность для наступления становилась более доступной. Это позволяло увеличить темп продвижения и выйти к Долоннору почти одновременно с дивизией Коркуца. Наши действия отвечали интересам развития операции войск фронта в целом.

В связи с возросшими трудностями условий местности, недостатком горюче-смазочных материалов и необходимостью увеличить темпы наступления решено было кавалерии на Долоннор наступать налегке, без громоздких тылов. Основным грузом должен быть возимый комплект боеприпасов и продовольствия. Горюче-смазочные материалы дивизий в течение ночи подавались в подвижную мотомеханизированную группу в район Тас-Обо.

Сделав необходимые распоряжения, решили посмотреть, как идет заправка танков. Возможность продолжать стремительное наступление воодушевляла танкистов. Они знали: завтра утром надо во что бы то ни стало взять Долоннор. Сто раз правильно то, что солдат всегда должен иметь пусть предельно трудную, но понятную боевую задачу.

С древних времен Долоннор известен как крупный и оживленный торговый город. Через него проходили, в частности, торговые пути, связывающие Китай с Россией. В 1861 году монгольские феодалы продали Долоннор маньчжурам, хозяйничанье которых привело к упаду торговли. Еще более разрушительным оказалось японское господство. Город, бывший некогда важным культурным и экономическим центром, застыл в своем развитии.

С военной точки зрения Долоннор — крупный узел дорог — и сейчас имел важное значение. Он являлся как бы воротами Большого Хингана.

Прошел еще один день боевой операции. Давно уже солнце зашло за горизонт. Стало прохладно. Командиры доложили о готовности продолжать наступление. В полночь полковник Иванушкин подал команду:

— По машинам!

Колонна танков с десантом автоматчиков и средствами усиления двинулась вперед, на Долоннор. Моторы работали четко и, казалось, так громко, что их слышно в предгорьях Большого Хингана.

Первые тридцать километров до озера Сахай-Нур наступление развивалось успешно. Местность была относительно проходимой, словно пустыня временно выпустила нас из своих цепких когтей. Но так только казалось. За озером снова начались сыпучие пески. Танки стали сбавлять скорость, а колесные машины то и дело буксовали. Двигатели надрывно ревели, перегревались.

На одном из трудных участков ко мне подошел Иванушкин:

— Товарищ командующий, поступило донесение из разведотряда. Взят монастырь Раттай-Сумэ. Пожалуйста, прочтите.

Он протянул мне листок, вырванный из блокнота. На нем карандашом торопливым почерком было написано: «Раттай-

Сумэ овладели с ходу. Колодец отравлен. Обнаружена коробочка из-под яда и прикрепленная на колышке записка. Пленных под охраной и найденные предметы оставили в монастыре до вашего подхода. Продолжаю движение в заданном направлении. Тропа проезжая. Лейтенант Тулатов».

Радовало главное — несмотря на трудности, в этом направлении можно было пройти.

Приехав в монастырь, мы прочитали послание, найденное Тулатовым у колодца. Оно слово в слово повторяло записку, обнаруженную нашими разведчиками у колодца в древней княжеской ставке Цзун-Хучит. И подпись в конце стояла та же: «Тимур-Дудэ, потомок стремянного Джучи, сына-Чингизхана».

Через некоторое время нам сообщили, что разведчики подобрали в различных пунктах еще около десятка записок Тимура-Дудэ.

Да, широк размах у вездесущего главаря диверсионных групп. Содержание листовок нас беспокоило мало — так примитивны были они в политическом отношении. А вот диверсии, связанные с отравлением источников воды, вызывали тяжелые последствия.

Из различных сведений нам было известно, что где-то в районе боевых действий конно-механизированной группы находится помощник князя Дэ-вана — офицер японской армии. Некоторые пленные утверждали, что он затаился в одном из монастырей, другие говорили, что он во главе небольшого отряда мечется по пустыне и травит водные источники.

— Возможно, этот тип и действует под личиной Тимура-Дудэ,— предположил комбриг.

— Как бы то ни было, его надо схватить. Передайте полковнику Чернозубенко, чтобы выделил для этой цели по одному разведывательному подразделению от каждого соединения.

С рассветом над колонной пролетела группа советских штурмовиков. Находившийся у нас представитель авиации передал им по радио мое распоряжение уточнить маршрут до Долоннора. Через некоторое время нам сообщили: впереди, от Тас-Обо до Долоннора, через барханы тянется караванный путь. На многих участках его перехватывают тяжелые сыпучие пески. Перед городом по ним проложена сборная железобетонная колея для колесного транспорта.

Подгоняемый надвигающимся рассветом, наш отряд увеличивает скорость. Не останавливаясь, проносимся мимо не-

скольких ветхих юрт. Слышится надрывный лай собак. Выскакивают растерянные люди, дети испуганно жмутся к родителям. Солдаты приветливо машут им и громко кричат:

— Тунчжи! Тунчжи!¹

Адъютант указывает на небольшую речушку:

— Это Шанду-Гол. До города осталось около десяти километров.

Сразу за Шанду-Голом, справа и слева, потянулись горные хребты. Впереди они, казалось, смыкались, упираясь в высоту, лежавшую на нашем пути. На склоне ее виднелся командирский танк полковника Чернозубенко. Он находился там со своими разведчиками.

Последние километры пустыни Гоби. Перед высотой у города предбоевые порядки танков начали перестраиваться для атаки. Автоматчики соскакивают с автомашин и устраиваются на броне. Поднявшись по отлогому скату, танки устремляются на город.

И вот впереди, справа от дороги, сквозь серую дымку, затянувшую долину Луаньхэ, уже показались дома, вышка с поднятым на переднем плане аэростатом — это аэродром. На взлетной площадке несколько самолетов. За аэродромом два храма в окружении кирпичных зданий — казарм. Дальше едва просматриваются контуры города. Он обнесен глинобитно-каменной стеной. По углам возвышаются наблюдательные вышки.

Говорят, такие меры безопасности имеют очень древнюю историю, берущую свое начало чуть ли не в III веке до нашей эры, и связаны еще со строительством Великой китайской стены...

Стремительно развертывается танковая атака. Мы с полковником Иванушкиным броском выдвигаемся несколько вперед и занимаем удобный командно-наблюдательный пункт.

Танки перевалили через гребень высоты и атаковали аэродром. На полном ходу, ведя огонь, пронеслись по его полю и не останавливаясь, устремились к казармам. С задних машин прыгнули автоматчики, захватили диспетчерский пункт и другие аэродромные объекты.

Из района казарм и еще откуда-то издалека противник открыл сильный ружейно-пулеметный огонь. От разрывов сна-

¹Тунчжи (китайск.) — друг.

рядов кое-где над полем стали взмывать черные фонтаны земли.

— Атакуйте стремительнее. Выигрывайте фланги.

— Есть, товарищ командующий,— ответил мне комбриг и отдал распоряжение по радио.

Половина танков круто развернулась и устремилась к зеленым лугам, раскинувшимся северо-восточнее города, другая повернула в обход справа. В шлемофоне слышатся голоса танкистов.

— Вот черт, аж оглох.— И на голову самураев обрушилась брань «главного калибра».

— Что случилось?

— В башню танка угодил снаряд. Искры брызнули, вроде бы кувалдой вдарили.

— Танк поврежден?

— Нет, как горохом об стену. То ж уральская броня.

— Внимательнее следить за целеуказаниями автоматчиков.

В воздух одна за другой взвилось несколько ракет. Описав дуги в направлении вражеских огневых точек, они показали танкистам цели. Одна ракета упала недалеко от японского орудия. Башня ближнего танка немедленно повернулась в том направлении, из пушки вырвался сноп огня. Орудие, стоявшее у ветвистого дерева, подпрыгнуло и, перевернувшись в воздухе, упало вверх колесами. Другой танк продырявил снарядом стену у окна, из которого непрерывно бил пулемет.

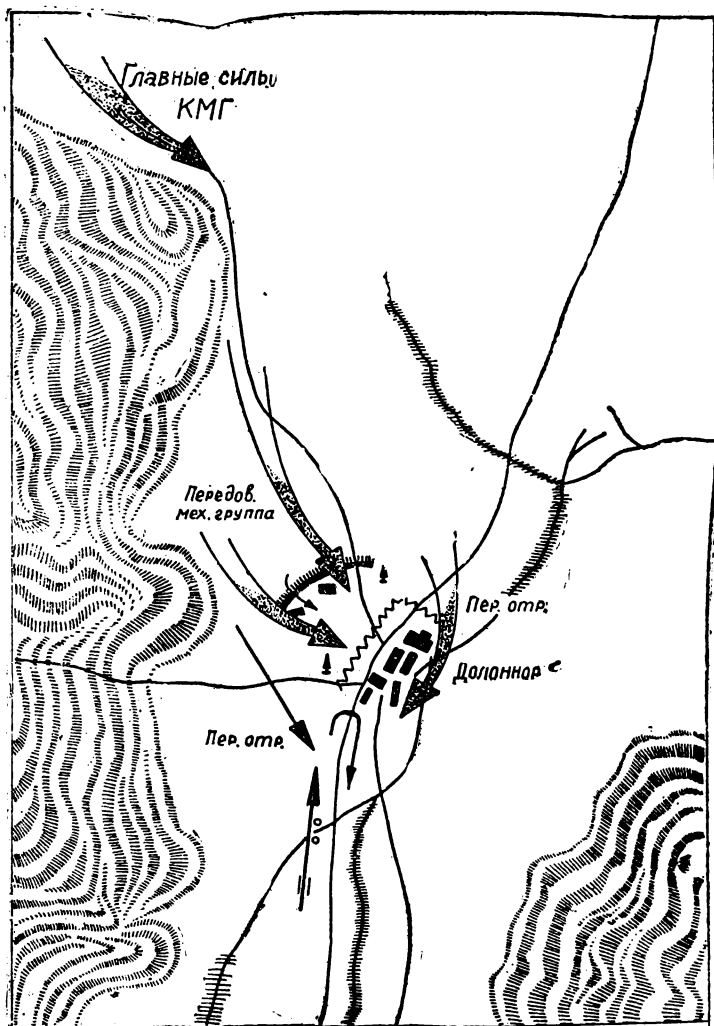
Накал боя все возрастал. Японская батарея, стоявшая на высоте за казармами, буквально захлебывалась огнем, пулеметы работали, как говорят, на расплав стволов. Но наши танки, обойдя казармы, уже ворвались на высоту. Передний танк налетел на орудие, смял его и ринулся на другое. Артиллеристы кинулись врассыпную.

— Молодец, Марушкин! — закричал комбриг в шлемофон.

Танки неожиданно остановились перед казармами и стали уничтожать выставленные из окон пулеметы. Огонь в этом районе постепенно стихал. В казармы ворвались наши автоматчики.

Где-то за холмом еще слышались яростная скороговорка ближнего боя и гул ворвавшегося в город подразделения танков, а из казарм уже выходили с поднятыми руками японские и маньчжурские солдаты. В их глазах сквозили растерянность и страх.

Сбором пленных занялись автоматчики, а танки устреми-

ДЕЙСТВИЯ КОННО-МЕХАНИЗИРОВАННОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ ДОЛОННОРА.

лись на помощь подразделениям, ворвавшимся в город. Им была поставлена задача захватить радицентр, телефонную станцию, банк и другие важные объекты, а частью сил отрезать японцам путь отхода на Жэхэ. В сторону Калгана и Жэхэ выслать разведку.

Вслед за танками и автоматчиками мы двинулись к городским воротам.

У ворот появились жители с белым флагом. Долоннор был взят. В радицентр прибыли наши офицеры и переводчики. Они обратились к населению с призывом соблюдать спокойствие и порядок.

По пути в город мы подъехали к небольшому монастырю. Здание, увенчанное голубым куполом, отличалось изяществом форм и расцветок. Нам объяснили, что этот монастырь был построен маньчжурским ханом в знак увековечения «усилий» и «заслуг» монгольских феодалов. Возле него наши офицеры допрашивали пленных.

— Есть ли в городе войска? — спросил переводчик.

— С утра гарнизон вывели по боевой тревоге в район казарм, чтобы занять оборону.

— Только сегодня?

— Да, нам сообщили, что красные подходят с севера, а ваша танковая дивизия и конница, наступающая со стороны Арчаган-Нура, не смогли пробиться через пески.

— Ожидается ли подход войск из Жэхэ?

— Таких сведений мы не получали, — офицер поправил большие очки в круглой оправе и неожиданно высказал поразительную мысль: — Мы с самого начала и, на мой взгляд, сознательно вели войну на собственное поражение...

— Кто это «вы»?

— ...Армия, народ, правительство — все понимали, что ни промышленная мощь, ни людские ресурсы, ни транспортные возможности, никакие другие показатели не в силах обеспечить выполнение задач начатой нами войны. Понимали это все, но почему-то до сотрясения мозгов били поклоны в сторону дворца его императорского величества, горднили о победе, о мнимых сферах совместного процветания Восточной Азии и бросали орлиные взгляды на территории за Кокурюкаем.¹ Война планировалась не на обоснованных расчетах, а вопреки им.

¹ Кокурюкай — японское название реки Амур.

Все это японец прои~~нес~~ с тяжелой горестью, не адресуясь ни к кому, как человек, который впервые получил возможность выразить наболевшее вслух.

Пленных сосредоточили перед казармами. Подпоручик-японец перевел команду нашего офицера, и слева от него мгновенно возник зеленовато-серый строй солдатских мундиров. На сей раз не звучали параграфы «императорского военного указа», читаемые в строю солдатами японской армии,— строились пленные.

За массивными, обитыми железными полосами воротами Долоннора лежала ровная, но очень захламленная улица. Плотнo прижавшиеся друг к другу дома создавали видимость сплошной стены. У дверей окраинных лачуг толпились их истощенные и оборванные обитатели. Они улыбались, приветливо, но вяло махали руками.

— Догадываются, что пришли хорошие люди,— сказал один из автоматчиков.

— Не догадываются, а знают,— возразил ему другой и шутиливо добавил: — Чему только тебя на политзанятиях учили?..

Возле одной из фанз сидел на корточках человек, едва прикрытый ниже пояса ветхой накидкой. Угловатый, ребристый, плечи торчат над впалой грудью, руки, как сухие хворостинки. Он умирал медленной голодной смертью, а возле него возился наш солдат, стараясь напоить бедняка из своей фляги. Умиравший упорно отворачивал лицо.

— Не спиртное ли он ему предлагает? — встревожился кто-то из моих спутников.

Опасения оказались напрасными. Смекалистый парень успел раздобыть молоко. Вокруг собрались любопытные. Общими усилиями удалось выяснить: бедняга отказывается от молока, потому что нечем заплатить за него.

Большого труда стоило убедить умирающего, что советский воин предложил пищу бесплатно. Я до сих пор помню этого советского парня в солдатской форме, Владимира Вахрушева, проявившего такую трогательную заботу.

Этот случай навел на мысль: а что, если создать здесь, в Долонноре, общедоступную больницу для жителей, используя для этого не только местные медицинские силы, но и помощь военных госпиталей?

Позже, когда в Долонноре были развернуты два наших

полевых госпиталя, они провели громадную работу среди населения.

Генерал-лейтенант Ю. Цеденбал дал указания начальнику медицинской службы монгольской армии полковнику Л. Шаравдоржу разработать дополнительные меры по усилению врачебной помощи местным жителям. Сделать это оказалось не так уж просто. Люди привыкли лечиться у знахарей. Врач для них был недоступен. Но когда были подвезены палатки, медикаменты, оборудование и началось широкое обследование населения и лечение, и главное — за это не брали денег, народ пошел в медпункты широким потоком. За короткое время было обслужено несколько тысяч местных жителей.

Вместе с монгольскими медицинскими работниками — военфельдшерами Зундзем, Жанлавом, Чимэддоржем — напряженно трудились советские специалисты: подполковник Антоненко, майоры Мажаев, Сахаренко, капитаны Мальцев, Бондарчук, Лобовкин и др.

Не забыли мы и о продовольственном снабжении. В связи с этим напомнили местным богатым древнюю китайскую поговорку: «Кто помогает бедным, тот сам становится богаче».

Семенидо рассказывал мне, что особенно долго пришлось уговаривать шупленького, но колючего, как еж, тайджи,¹ который никак не хотел понять, почему должен помогать людям, умирающим от голода.

— Богатство — это честь. Зачем отдавать свою честь другому? — рассуждал тайджи. — Небо дарует каждому свою жизнь, земля готовит каждому свою смерть...

— Так вы бы разъяснили ему, что жизнь и смерть зависят «иногда» не от бога. Надо, чтобы эти люди правильно поняли проводимые нами мероприятия.

— Он все понял правильно, товарищ командующий...

Посоветовавшись с товарищем Цеденбалом, мы решили, кроме того, раздать голодающим жителям города продовольствие захваченных трофейных складов. Проведено это было в высшей мере организованно и вылилось в общенародный праздник. Трогательно было наблюдать, как бедняки, взяв мешок хлеба, со слезами на глазах пытались целовать руки нашим солдатам. Полковник Л. Шаравдоржа рассказал мне такой случай. Ветеран монгольской революции капитан ин-

¹ Тайджи (монг.) — дворянин.

тендантской службы Жамьян, узнав, что старый и больной китаец Ли Ши-жа не может сам прийти за продовольствием, послал ему с цирником все, что было положено. На следующий день Ли Ши-жа встал со своей лежанки и пришел к Жамьяну.

— Я ни разу в своей жизни не ел досыта,— сказал он.— Вчера и сегодня я сыт. Спасибо вам за доброту и благодушие. Буду молить бога, чтобы он даровал вам скорейшей победы над наран-хунами.

Эти слова по-разному, но столь же искренне и душевно можно было слышать всюду. Китайский народ славил наши успехи, желал нам скорейшей победы, потому что понимал — это означало свободу и счастье.

В эти дни работа среди местного населения, которая велась под руководством товарища Цеденбала, достигла, казалось, наивысшего напряжения. Проводились беседы, были организованы концерты, демонстрация документальных и художественных фильмов. На ярких и убедительных примерах жителям Внутренней Монголии показывали, что только народная власть и социалистические преобразования могут обеспечить свободный труд и счастье простым людям.

В обеденное время к дому, где расположилась наша оперативная группа, явилась делегация жителей с официальным визитом благодарности за освобождение города от японцев. Возглавлявший ее мужчина назвался уполномоченным народной бедноты. Он, как и остальные члены делегации, был богато одет и выглядел цветущим здоровяком.

Глава делегации, помнится, витиевато говорил об улыбке города, о надеждах на счастье, о верности своему народу и, наконец, дойдя, по его мнению, до главного, вдохновенно закончил:

— В знак признательности за освобождение от японских оккупантов примите наш скромный подарок — табун лошадей.

«Что же,— подумалось мне,— это совсем неплохо, можно будет освежить конский состав передовых частей».

Пока мы осматривали город и занимались «дипломатией», 25-я мотострелковая и 43-я танковая отдельные бригады успели дозаправиться (благо в Долонноре нашлись скромные запасы горюче-смазочных материалов).

До прихода главных сил конницы и мотопехоты часть танков пришлось оставить для патрулирования у лагеря пленных и в богатых кварталах города, а также в качестве подвижных

огневых точек у почты, телеграфа, банка, городского управления и на перекрестке дорог, ведущих на Калган и Жэхэ.

В четырнадцать часов в город вошли главные силы мотомехгруппы. Мы вывели их на высоты юго-восточнее Долоннора, обращенные в сторону Жэхэ. Полки артиллерийской бригады полковника Диденко развернулись в районе казарм, севернее города.

Командующему Забайкальским фронтом было направлено донесение, что его приказ об овладении Долоннором выполнен раньше указанного им срока.

ВДОЛЬ ДРЕВНЕГО ТРАКТА

Старый Калганский тракт — кратчайший путь от границы Монгольской Народной Республики к морскому побережью. Здесь войска Калганского направления наступали по степному плоскогорью, пересеченному небольшими высотами. Чем ближе к Чансыру, расположенному в 150 километрах от границы, тем их было больше. Восточнее начинались горы Иншаня.

В районе городов Чжанбэя и Калгана вдоль Великой китайской стены раскинулся вполне современный, мощный укрепленный район из железобетонных сооружений. Прикрывали его основные силы князя Дэ-вана.

На Долоннорском направлении такого прикрытия не оказалось: японское командование считало, что через пустыню Гоби трудно пройти даже хорошо подготовленному каравану. С этим соглашался и военный министр Маньчжурии генерал Син Жи-лян. «Много лет там не ступала нога человека,— говорил он,— так много, что караванный путь исчез под толщей песков. И какой полководец осмелится на гибель себе повести через страшные сыпучие пески армию?..» Пустыня Гоби, по его мнению, прикрывала Долоннорское направление так же надежно, как и князь Дэ-ван — Калганское. Боевые действия показали, насколько опрометчиво было это мнение!

Сохранившиеся у меня записи, некоторые документы и воспоминания участников позволяют в самых общих чертах восстановить ход событий на Калганском направлении.

Уже упоминалось, что передовая механизированная группа в первые сутки операции достигла Цаган-Обо-Сумэ, где находились японский оперативный пункт и гарнизон войск князя Дэ-вана. В ночь на 10 августа, после короткого боя, японцы на машинах отошли к югу, а дэвановцы подались в горы. В трудную минуту им оказалось не по пути.

Следующим на пути опорным пунктом противника был небольшой населенный пункт Эрлянь, лежащий на Калганском тракте. Там размещались японский разведпункт и пограничники.

Дорога тут спускалась к озеру Эрэн-Нур, вся окружающая этот пункт местность была хорошо видна нашим разведчикам. Поэтому, когда 3-й мотострелковый полк подошел к Эрляню, его командир подполковник Финогенов имел достаточно сведений, чтобы решиться на атаку с ходу. Предбоевые порядки батальонов, не останавливаясь, развернулись и, обрушив на позицию противника шквал автоматного и артиллерийско-минометного огня, стремительно атаковали. Японцы и дэвановцы не выдержали мощного и дерзкого натиска наших воинов.

Во второй половине дня 11 августа мотомехгруппа повела наступление на город Чжанбэй. На этом направлении, недалеко от Калганского тракта, находился дворец Барун-Сунитван. Здесь размещалась ставка князя Дэ-вана. После овладения населенным пунктом Холтыйн-Сумэ специально созданный отборный отряд должен был свернуть с тракта на юг и внезапным стремительным ударом захватить дворец.

Вечером командир 27-й отдельной мотострелковой бригады донес: «Холтыйн-Сумэ взят. Это небольшой населенный пункт. В нем монастырь, массив кирпичных, саманных домов и множество юрт. По показаниям жителей, здесь размещались военная школа, насчитывающая несколько сот человек, и подразделение из охраны князя Дэ-вана. В соответствии с вашим приказом мотомеханизированная группа частью сил наступает в направлении Барун-Сунитвана».

Командиру бригады было приказано осуществить захват этого важного пункта таким образом, чтобы японцы не успели разграбить и вывезти художественные и исторические ценности, принадлежащие китайскому и монгольскому народам. Организовать их охрану, а в дальнейшем в общепринятом порядке сдать местным органам народной власти.

Примерно через сутки наши передовые части захватили

Панцзян и почти одновременно — Барун-Сунитван. Живописный дворец Дэ-вана окружали кирпичные здания, предназначенные для многочисленной свиты и слуг. Поблизости находились казармы, в которых размещался кавалерийский полк личной охраны князя.

К моменту подхода наших частей в резиденции не оказалось достаточно войск, способных к серьезному сопротивлению. Разведотряд под командованием майора Слаутского стремительно ворвался в населенный пункт. Князя здесь не оказалось. По одним сведениям, он с семьей в сопровождении охранного кавалерийского полка удалился в сторону Калгана, по другим — вылетел в Калган на японском самолете, успев сменить гражданское платье на форму генерала японской армии. Бежали и японские подразделения, около 100 сотрудников оперативного пункта, школа юнкеров и другие. Это произошло столь поспешно, что в населенном пункте осталось почти все вооружение, боеприпасы и различные склады военного имущества. Пленные показали, что японцы отошли на Калган.

Помощник начальника политуправления МНРА по ревгосмольской работе товарищ Цэдэндамба рассказал мне два любопытных случая, связанных с Барун-Сунитваном. В первый же день после его захвата он побывал во дворце князя Дэ-вана. В сопровождении ламы-казначей осмотрел дворец, ознакомился с его достопримечательностями. При осмотре одного из столов казначей вынул черную коробку и открыл ее. К своему удивлению, Цэдэндамба увидел множество орденов, в большинстве японских.

— За какие подвиги Дэ-ван награжден?

— За верное служение его величеству императору Хирохито, — без тени смущения ответил лама.

— Но ведь служить оккупационным властям — значит, быть предателем своего народа!

Лама вскинул глаза и словно с амвона произнес:

— Божественный император Хирохито — наместник боги-ни Аматаэрасу Оомиками на земле. Служить ему — значит, служить своему народу.

— Народ уже разобрался, кто кому служит. Мы выполним свою освободительную миссию и уйдем из вашей страны, предоставив народу возможность самому решить свою судьбу. Вот тогда вы увидите, как глубоко заблуждались.

Ордена князя Дэ-вана позже были переданы генерал-лейтенанту Цеденбалу.

В ставке Барун-Сунитван сдалось в плен несколько сот юнкеров. Все они утверждали, что являются членами революционного кружка, возглавляемого одним из юнкеров. Полковник Цэдэндамба побеседовал с этим юношей и убедился, что в школе юнкеров действительно существует хорошо законспирированная революционная организация. Во время беседы он обратил внимание на то, что у одного юноши перевязана рука. Бинт потемнел от высохшей крови.

— Что с вами? — спросил Цэдэндамба, заподозрив, что юнкер ранен в одном из недавних боев.

— Японский офицер обнаружил у меня революционные листовки. Во время допроса меня пытали, но, ничего не добившись, отрубили палец, заспиртовали и поставили в школе для устрашения. Японцы решили отрубить мне один палец за другим, пока я не сознаюсь. Но мои товарищи, посоветовавшись с учителем Сайнбилэгом, убили японских офицеров и перешли на вашу сторону.

Вскоре шофер полковника Цэдэндамба привез из юнкерской школы бутылку, в которой был заспиртован обескровленный палец мужественного сына Внутренней Монголии.

Оставленным в бывшей ставке князя мотоциклетным подразделением было поручено наряду с обороной охранять исторические ценности и предметы искусства, собранные во дворце.

За Панцзяном и Барун-Сунитваном начинались горы. Первым крупным населенным пунктом в горах был Чансыр — девять кварталов, центральная улица с кирпичными зданиями, несколько тысяч жителей. Расположенный в цепи скалистых отрогов, обнесенный высокой стеной, Чансыр мог оказать серьезное сопротивление передовому отряду, во всяком случае на время задержать его наступление. По нашим сведениям, здесь дислоцировалась 7-я дэвановская кавалерийская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Дамрин-Суруна.

Дорога до Чансыра тянулась по предгорью. На пути лежало пять последовательно расположенных выгодных для обороны перевалов. Открытые подходы к ним просматривались примерно на десять километров. Поэтому элемент внезапно днем исключается. Организуй противник оборону на пере-

валах, он мог бы основательно измотать наши войска еще на подходах к Чансыру.

Встреча с японцами произошла возле второго перевала, когда пехота противника, выброшенная сюда автотранспортом, пыталась занять выгодный рубеж, чтобы выиграть время для планомерного отвода главных сил кавалерии Дэ-вана.

Отряд офицера Д. Г. Пылева в составе бронероты, артбатареи, мотоциклетной роты и подразделения автоматчиков упредил противника. На японцев устремились мотоциклисты. Остальные подразделения пошли в обход.

Вражеские машины начали было разворачиваться, чтобы пехота быстрее приняла боевые порядки, но было поздно. Мотоциклисты обстреливали их из двадцати ручных пулеметов. Затем фланги противника атаковали бронерота и автоматчики. Выброси японцы белый флаг, они могли бы еще увидеть родные берега Ниппона...

Весь день 13 августа передовая мотомеханизированная группа успешно развивала наступление. В скоротечных боях на перевалах Тухум-ордо-даба, Сэрэбейн-даба и в горном дефиле были разгромлены боевые заслоны японцев.

В полдень, захватив перевал Долон-худыгын-даба, разведчики увидели в дефиле крепостные стены. Это был Чансыр. Как уже было сказано, хорошо вооруженный, стойкий гарнизон мог бы на этом рубеже обороняться продолжительное время. Но части кавалерийской дивизии генерала Дамрин-Суруна не выдержали стремительного и дерзкого штурма нашей передовой мотомеханизированной группы. Усиленный 30-й мотоциклетный полк подполковника Попова с ходу ворвался в город и в скоротечных боях разгромил не успевших отойти дэвановцев. Основным силам вражеской конницы удалось все же ускользнуть. «Мы видели, — донес подполковник Попов, — как до полка конницы на рысях уходило в горы Иншаня».

На Калганском направлении наши войска достигли района дислокации основной группировки князя Дэ-вана: Дабэй-гунсы, Шанду. Противник не оказывал достаточно серьезного сопротивления и после коротких схваток продолжал отходить в глубь страны.

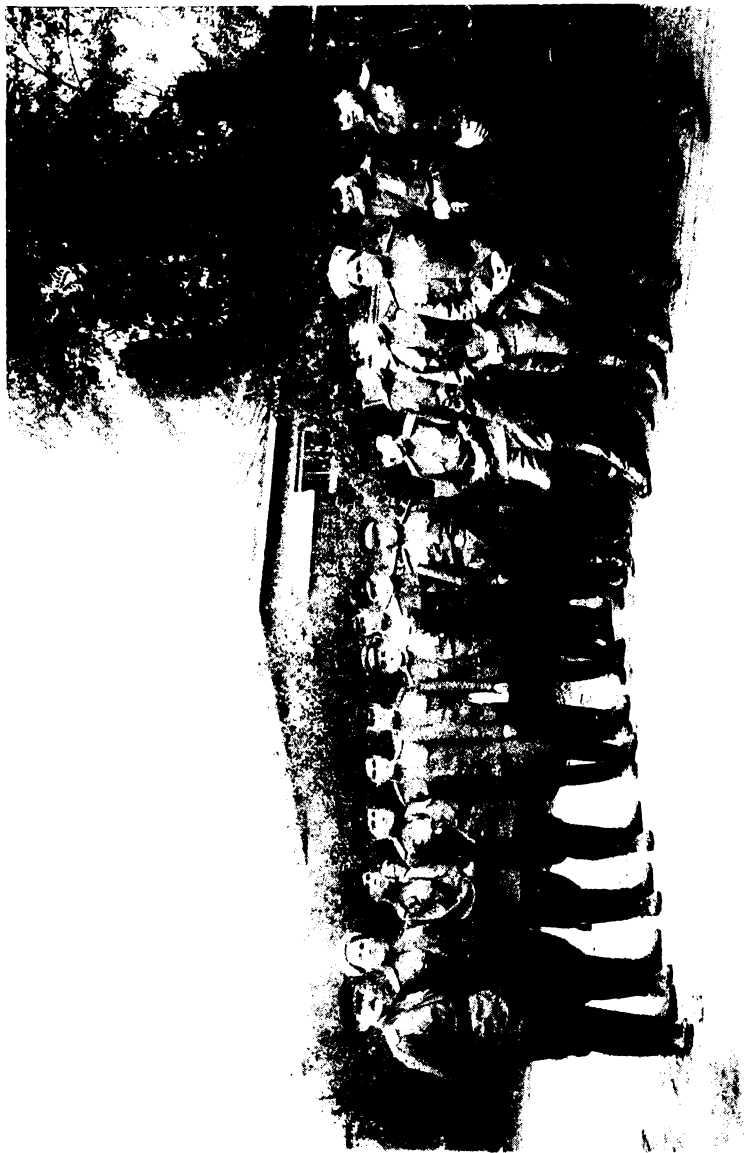
Такие осторожные и, я бы сказал, робкие действия основной группировки князя Дэ-вана, прикрывающей столицу Внутренней Монголии город Калган, объяснялись тем, что стремительно наступающие главные силы конно-механизированной группы висели над флангом и тылом войск Внутренней Мон-

Маршал Х. Чойбалсан, Главнокомандующий Советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский, командующий конно-механизированной группой советско-монгольских войск генерал-полковник И. А. Плиев, командующий Забайкальским фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский и другие советские военачальники на совещании. Август, 1945 год.

На Чанчуньском аэродроме. Справа И. А. Плиев, Р. Я. Малиновский, Маршал авиации Худяков и другие.

Командующий конно-механизированной группой советско-монгольских войск И. А. Плиев с офицерами штаба.

Герой Монгольской Народной Республики Лувансанцэрэгийн Аюуш.

Герой МНР Сандивын Равдан.

Командир 35-й отдельной истребительно-противотанковой бригады полковник Б. М. Диденко.

Герой МНР Цэрэндолгорын
Отгон.

Герой МНР Дашийн Данзанванчиг.

Советник штаба 6-й монголь-
ской кавалерийской дивизии
полковник Ф. З. Захаров.

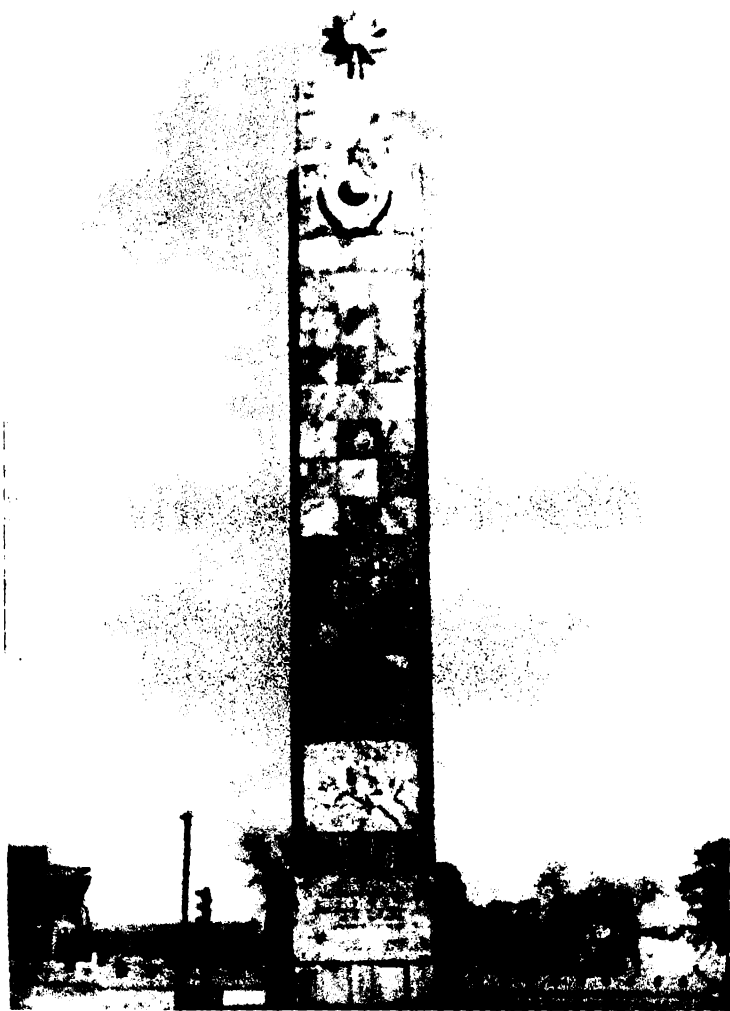
Маршал МНР Х. Чойбалсан, командующий конно-механизированной группой советско-монгольских войск И. А. Плиев и сопровождающие их лица у Великой китайской стены.
1945 год.

▲ Военные трофеи разгромленных японских частей.

Герой МНР Сангийн Дампил.

Памятник советским воинам, павшим в боях за город Жэхэ.

голии как дамоклов меч. Перспектива борьбы в таких условиях с могучим и прославленным противником князя не устраивала. Психологически ни его командование, ни войска к такой сложной и бурно развивающейся борьбе не были способны.

В великом смятении князь Дэ-ван собрал совещание руководящих деятелей государства и армии. Молодые работники правительственного аппарата Хасбаган, Ли Сан-зан и другие потребовали поднять монголов, служащих в армии, на восстание против японцев, но князь не решился выступить против своих покровителей.

После овладения Чансыром можно было рассчитывать, что судьба Джанбэя будет решена к утру 14 августа. Но авиаразведка донесла, что 7-я дэвановская кавдивизия, не дойдя до Калганского укрепрайона, заняла оборону близ Кинбао.

Соединениям Калганского направления была поставлена задача: дерзкой ночной атакой передовых частей разгромить дэвановскую кавалерию в районе Кинбао.

Ошеломленные внезапной атакой, дэвановцы оказались смятыми и, неся большие потери, в беспорядке начали отходить по тракту в сторону Калгана. Но под ударами преследовавшей их мотомехгруппы они свернули на бездорожье и поспешили к Шанду. Туда же устремились и деморализованные, плохо управляемые части 3-й кавдивизии; на марше ее застигла и основательно потрепала наша штурмовая авиация.

Это донесение хотя и сообщало об успехах, заставило призадуматься. Ведь в ходе наступления наша мотомехгруппа оторвалась от главных сил Калганского направления более чем на 50 километров. До Чжанбэя оставалось 120 километров, до Шанду, куда свернули дэвановские дивизии, напрямую около 60.

Куда же направить главные усилия?

Напрашивалось решение прежде всего разгромить вражеские войска в районе Шанду и этим развязать себе руки для действия против Калганского укрепрайона. Следовало, однако, иметь в виду, что морально и психологически дивизии Внутренней Монголии были уже разгромлены. С самого начала они не могли приспособиться к нашему стремительно развивающемуся наступлению. Боевые приказы и распоряжения, получаемые командирами дивизий, в каждый данный момент

не соответствовали резко изменившейся обстановке. Более того, они становились устаревшими до того, как поступали в войска. Это рождало неуверенность, растерянность среди командного состава дивизий, панику среди солдат. В настоящее время положение войск князя еще более ухудшилось. Вряд ли в такой обстановке он будет думать об организации контрудара. Скорее всего, продолжение стремительного наступления на Калган поставит его в безвыходное положение. Ведь с юга со стороны Соянцзяна, Лунцзяна, Чичэня надвигаются части 8-й китайской народной армии.

Эти рассуждения привели меня к выводу, что не следует терять время на разгром неприятеля в Шанду, надо решительно наступать на Калганский укрепрайон.

Мое боевое распоряжение ставило перед частями Калганского направления задачу: к утру 15 августа взять Чжанбэй и произвести разведку боем Калганского укрепрайона. Продолжая решительно развивать наступление на Калган, одновременно предъявить Шандунской группировке ультиматум о сдаче в плен. Для наступления на Шанду из полков второго эшелона выделялся один усиленный мотострелковый батальон, которому предстояло смело развивать наступление с запада по маршруту Панцзян — Губчилин-Сумэ — Циньдай — Шанду и своими активными действиями в горах создать впечатление, что в тыл противника вышли крупные силы советско-монгольских войск.

Предъявление ультиматума по моему расчету должно было сразу выяснить отношения с дэвановцами. Если они ответят «нет», может быть, придется отвлечь часть сил для удара на Шанду.

Чжанбэй — мощный опорный пункт, крупный узел дорог, центр провинции Чахар. Неподалеку от него расположено несколько военных городков и аэродромов. Близость Калганского укрепрайона дополняла оперативную важность этого пункта. Все это не исключало, а наоборот, определяло необходимость стремительного удара с ходу, тем более, что разведка не обнаружила перед Чжанбэем в достаточной мере подготовленной обороны.

Недалеко от деревни Мяотань дэвановская кавалерия неожиданно атаковала подразделение офицера Юдина. Вражеских конников было во много раз больше. Они, видимо, ожидали, что их первый же воинственный клич внесет в ряды нашего подразделения панику и обратит в бегство. Но советские

воины быстро развернулись в боевой порядок и застыли в ожидании приближающейся орды. Это смутило атакующих. Хотя они и продолжали по инерции надвигаться, воинственный пыл вражеской конницы стал заметно ослабевать.

Юдин подпустил конную лавину поближе и скомандовал:

— По атакующей коннице длинными очередями — огонь!

Слишком поздно поняли дэвановцы свою оплошность. Кинжальный огонь автоматов и пулеметов начал губительно опустошать их ряды...

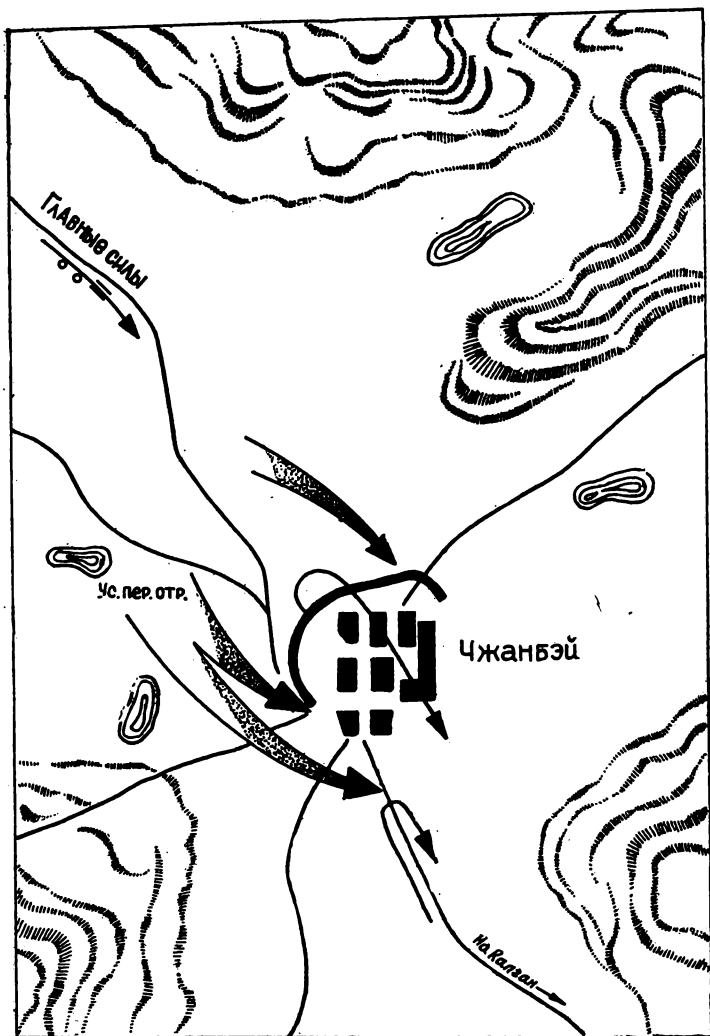
Рано утром 15 августа в районе Чаганхуре над нашими войсками на бреющем полете появились четыре японских «хелена». Сделав несколько заходов, они сбросили бомбы и обстреляли наши подразделения из пулеметов.

— Налет этот носил скорее разведывательный характер, чем бомбо-штурмовой, — доложил мне комбриг. — В десять часов передовая мотомехгруппа подошла к городу Чжанбэй.

От имени командования советско-монгольских войск каждой кавалерийской дивизии Внутренней Монголии предъявлен ультиматум. В семи пунктах излагались достаточно почетные условия капитуляции 7-й кавдивизии, отошедшей к Чжанбэю, было предложено сложить оружие и сдаться в плен вместе со всеми японскими и маньчжурскими советниками.

Не получив ответа на ультиматум, мотомехгруппа на следующий день решительно атаковала противника и ворвалась в город. Завязались напряженные уличные бои. Численно превосходящие войска и полицейские отряды противника оказали довольно упорное сопротивление. Только после того, как бронеподразделения Сорокина и рота автоматчиков Чирко захватили штаб вражеской дивизии и полицейское управление, боевые действия дэвановцев утратили организованность, и сопротивление было сломлено. К вечеру город удалось полностью захватить. Развивая наступление, наши передовые части вышли к Калганскому укрепленному району и закрепились там.

Ночью мне доложили, что перед Великой китайской стеной замечено сосредоточение крупных сил японцев. Они занимают оборонительные сооружения укрепрайона и полевого заполнения. В городе Калгане на товарной железнодорожной станции наблюдается скопление эшелонов, в которые спешно грузится самое разнообразное оборудование, мебель, имущество. Доклад заканчивался сообщением о том, что генерал Дамрин-Сурун согласился принять условия ультиматума.

УТРОМ 15 АВГУСТА ПЕРЕДОВАЯ МОТОМЕХГРУППА ПОДОШЛА
К ГОРОДУ ЧЖАНБЭЙ

— Очень приятно слышать хорошие вести,— ответил я.— Объясните генерала разоружить в городе Шанду и в прилегающих к нему районах все японские и маньчжурские подразделения и комендатуры, не входящие в состав его дивизии.

Забегая вперед, скажу, что Дамрин-Сурун выполнил это условие и этим сохранил жизнь многим своим даргам и цирикам.

Примерно в это же время к нам обратилось командование 3-й кавалерийской дивизии дэвановцев. Оно заявило, что сложит оружие при условии, если всем рядовым и офицерам будет дарована жизнь.

Сдавшиеся в плен части и соединения были физически измотаны и деморализованы. В многочисленных скоротечных боях и стычках они несли большие людские и моральные потери. В полках началось разложение: процветали пьянство, курение наркотиков, азартные игры на деньги, лошадей и оружие; целыми группами дэвановские солдаты занимались грабежом мирного населения и монастырей.

Мне рассказывали потом об одном любопытном эпизоде. После капитуляции 3-й дивизии неизвестно куда запропастился ее отдельный пулеметный эскадрон, носивший грозное название «Самум». Наши офицеры обнаружили его в лощине около небольшого монастыря. Невольно они стали очевидцами весьма странного зрелища: под дикие крики и вой раздетые до пояса солдаты жестоко избивали друг друга плетью. Оказалось, что несколько пьяных цириков одного из взводов проиграли в кости цирикам из другого взвода дорогой дэли командира эскадрона. Когда выигравшие начали стаскивать халат с хозяина, преданные солдаты встали на его защиту. Драка мгновенно охватила весь «Самум». Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы советские офицеры не пресекли побоище.

Массовой сдаче в плен дэвановских солдат в немалой мере способствовала большая работа, которую проводило среди войск противника политуправление конно-механизированной группы, которым руководил товарищ Ю. Цеденбал. Над занятой врагом территорией наша авиация разбрасывала десятки тысяч листовок, рассказывающих об освободительной миссии советских и монгольских войск. Авторами некоторых листовок были сами военнопленные. Они сообщали своим солдатам о гуманном обращении с ними, призывали однополчан последовать их примеру и этим спасти свою жизнь.

Убедившись, что вопреки японской пропаганде жизнь пленных, захваченных советскими и монгольскими частями, находится в полной безопасности, солдаты и офицеры войск Внутренней Монголии начали охотнее сдаваться на милость победителя.

В середине дня 16 августа в штаб 27-й отдельной мотострелковой бригады прибыл командир 9-й баргутской кавалерийской дивизии дивизионный генерал Буянтогтох со своим адъютантом. Он представил проект приказа подчиненным ему частям о капитуляции и сообщил, что многие солдаты 7-й и 8-й кавалерийских дивизий бросают оружие и расходятся по домам. Командиры этих дивизий генералы Буянулзий и Да-миранжав тоже склонны во избежание излишнего кровопролития сложить оружие. Они лишь ждут, как отнесется советское командование к принятию капитуляции 9-й баргутской дивизии.

В делах архива Советской Армии сохранился интересный документ — письмо генерала Буянтогтоха. После капитуляции он обращался к командованию Монгольской народно-революционной армии с оригинальной просьбой «выделить партийного работника для проведения митинга и бесед с моими солдатами».

Жители Чжанбэя с ликованием встретили советских и монгольских воинов. Они торжественно отпраздновали день освобождения от тирании японских захватчиков. Специально выбранная населением делегация преподнесла освободителям знамя. Делегацию сопровождали толпы жителей с красными флагами, с красными повязками на руках и букетами цветов. Всюду слышался барабанный бой, звуки горна, возгласы ликования и благодарности своим освободителям.

Чувства этих людей легко понять: ведь они избавились от страшного ада японской оккупации — притеснений, надругательств, грабежа и эксплуатации. Вот что писал в монгольской газете «Улан-Од» ее корреспондент Мятав, побывавший в те дни в освобожденном Чжанбэе: «Я всюду видел, что у жителей Маньчжурии в большинстве своем одежда была бедной. На головах самотканые шляпы с огромными полями, на голые тела накинута ветхая чапаны.

Они почти голыми руками с рассвета до заката вспахивали землю (часть горожан также занята в сельском хозяйстве) и получали за это крохотное количество зерна». «Нам трудно выразить словами ту огромную радость, которую мы пережи-

ваем сейчас, избавленные от кошмара гнета японских поработителей», — говорили они и просили принять их добровольцами в советские и монгольские части или дать оружие для борьбы с японцами.

...Японское командование отводило существенную роль своим укрепленным районам в Маньчжурии. Начальник штаба Квантунской армии генерал Хикосабуро Хата утверждал, что об эту систему укрепленных районов, как о прибрежные скалы, разобьются самые мощные волны наступающего врага.

Что представлял собой Калганский укрепрайон, возведенный в течение пяти лет рабским трудом китайцев и монголов?

...На первый взгляд, здесь простиралась свежеспаханная равнина. За ней едва просматривались поросшие гобийским ковылем пологие курганы, груды камней, темные юрты, полоска выжженной солнцем лебеды-шарильджи, еле виднеющаяся сквозь марево зноя лента древней Великой китайской стены. Но первое впечатление было обманчиво. На самом деле там, где виднелись курганы, стояли толстостенные железобетонные, долговременные огневые точки — доты, а под видом юрт — долговременные дерево-земляные огневые точки — дзоты. Все эти оборудованные по последнему слову техники мощные сооружения имели подземные ходы, жилье, склады с запасами, необходимыми для длительной жизни и боя. Из темных глазниц амбразур на равнину смотрели жерла орудий и стволы пулеметов. Пирамиды из камней оказывались препятствиями для танков и бронемашин. За камнями находятся противотанковый ров, управляемые минные поля. В промежутках между дотами и дзотами протянулись траншеи полного профиля и ходы сообщения. На рыжей полоске лебеды располагались провололочные заграждения, обрамляющие траншеи и противоположные минные поля.

Огромной дугой укрепрайон господствовал над окружающей местностью, упираясь своими флангами в Великую китайскую стену, или Ваньличанчэн, что значит «стена длиной десять тысяч ли».

Великая китайская стена, возведенная из больших гранитных глыб, являлась еще более грандиозным оборонительным сооружением. Общая протяженность ее первой линии — почти четыре тысячи километров. По всей длине стены через определенные промежутки сооружены сторожевые башни с бойницами, а там, где она пересекает важнейшие горные переходы и дорожные коммуникации, воздвигнуты целые крепости. Высо-

та стены — около десяти метров, а местами и больше, ширина кое-где такова, что по ней свободно может проехать автомобиль. Время оказалось бессильным разрушить это уникальное творение многих миллионов людей древности.

В полосе наступления конно-механизированной группы Великая китайская стена проходила по линии Тяньчжень — Калган — Дунпэнзцы — Ханцзы — Гоукоу — Губэйкоу — Каоманьцзы — Сафынкоу и далее на восток до Ляодунского залива.

Молчаливую равнину, что раскинулась на подступах к оборонительным узлам укрепрайона, японцы называли равниной смерти. Зловещее название могло иметь двойной смысл. То ли они имели в виду, что равнина окажется роковой для наступающих советских войск, то ли называли ее так потому, что здесь уже приняли смерть его строители. Широко известно, что, стремясь сохранить тайну оборонительных сооружений, японское командование истребляло тех, кто их возводил. Десятки тысяч китайцев и жителей Внутренней Монголии были уничтожены и погребены во рвах, вырытых самими обреченными. Такова страшная правда «равнины смерти».

Не предполагали японские захватчики, что придет возмездие, и эти доты, дзоты превратятся в склепы для них же самих и в прах обратится легенда о чудодейственной силе самурайского меча и несокрушимой мощи Наран улса!

Мы знали — гарнизон укрепрайона полон решимости сдерживать натиск советско-монгольских войск до тех пор, пока главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямадо не поведет на помощь свежие силы из центрального Китая. Дух самурайского фанатизма не был еще поколеблен. Командование старательно скрывало от солдат и младших офицеров истинное положение дел на фронтах и в стране. Рядовые защитники калганских укреплений не ведали о том, что накануне взятия Чжанбэя пал кабинет Судзуки, что в тот же день покончили с собой военный министр Анами, бывший премьер принц Фумимаро Коноэ, член высшего военного совета генерал Иосио Синодзука, министры Кондзуми и Хасида, генерал Тейици Хасимото и многие другие деятели империи.

Квантунская армия по-прежнему з.....но сопротивлялась. Поэтому надо было тщательно готовиться к решающим боям.

Воспользовавшись несколькими часами затишья, пока пополнялось горючее и боеприпасы, командиры провели частный разбор прошедших боев. Первый опыт подсказал офице-

рам, как лучше отрегулировать «механизм боя», улучшить взаимодействие между всеми элементами боевых порядков. Обращалось внимание на то, что подразделениям противника часто удается ускользнуть от полного разгрома и спастись бегством.

Чтобы этого впредь не случилось, следовало с завязкой боя делать глубокие обходные маневры на фланги, тылы, отрезать пути отхода. А там, где это не удастся, смело вести параллельное опережающее преследование, стремясь разгромить противника по ходу наступления. На разборах подчеркивалось коварство врага и указывалось на необходимость повысить бдительность.

Во время недавнего наступления в 3-м мотострелковом полку 27-й бригады произошел такой случай. Успешной атакой была захвачена позиция японцев. Они начали отступать. Во вражеской траншее лежал убитый пулеметчик. Ефрейтор Чистяков перепрыгнул через него и устремился к дороге. Тревожное предчувствие опасности заставило его оглянуться. Ему показалось, что «мертвец» зашевелился. В следующее мгновение японец вскочил на камни, развернул пулемет... Но короткая очередь автомата пресекла коварство самурая.

Мой приказ о наступлении на укрепленный войска Калганского направления получили к вечеру. В подразделениях немедленно были созваны партийные и комсомольские, а где позволяла обстановка, и общие собрания.

Организатор этой очень сложной в условиях боевой обстановки работы начальник политотдела бригады полковник Ф. А. Трембачев докладывал, что воинам достаточно полно раскрыли тяжелый и опасный характер предстоящего штурма. Собрания прошли бурно. Воины говорили горячо и остро, словно бросали боевой клич. В этот день в партийные организации поступило небывало большое количество заявлений с просьбой принять в ленинскую партию. В одном из них говорилось: «Мечтаю получить самую высшую награду моей Родины — партийный билет».

В ночь на 18 августа поисковые партии произвели разведку и установили, что обходных путей на Калган нет. Слабых мест в обороне противника не обнаружено. Вдоль всего Калганского тракта вплоть до города Шеньвэтайкоу тянулась цепь дотов и дзотов, усиленных инженерными сооружениями. Местность вне тракта труднопроходима для транспорта. Про-

тивник подбрасывает из Калгана на автомашинах пехоту, артиллерийские и минометные подразделения.

Тем временем части подвижной мотомехгруппы произвели заправку боевых машин и начали выдвижение непосредственно к «равнине смерти».

Поздно вечером, когда сумерки, наступившие в ущельях и теснинах гор, разлились по равнине, батальон капитана Сузанского после мощного огневого налета артиллерии стремительно атаковал центральную часть левого опорного пункта укрепрайона.

Подразделения ворвались в первую траншею и прикрыли огнем штурмовую группу, блокировавшую дот. Противотанковые орудия выдвинулись к его амбразурам и прямой наводкой расстреливали их. Захватив дот, батальон устремился вперед. Внезапность принесла успех. Были захвачены фортификационные сооружения первой позиции. Разведка боем показала, что такие маневренные действия штурмовых групп — лучший путь к планомерному взламыванию системы укрепрайона.

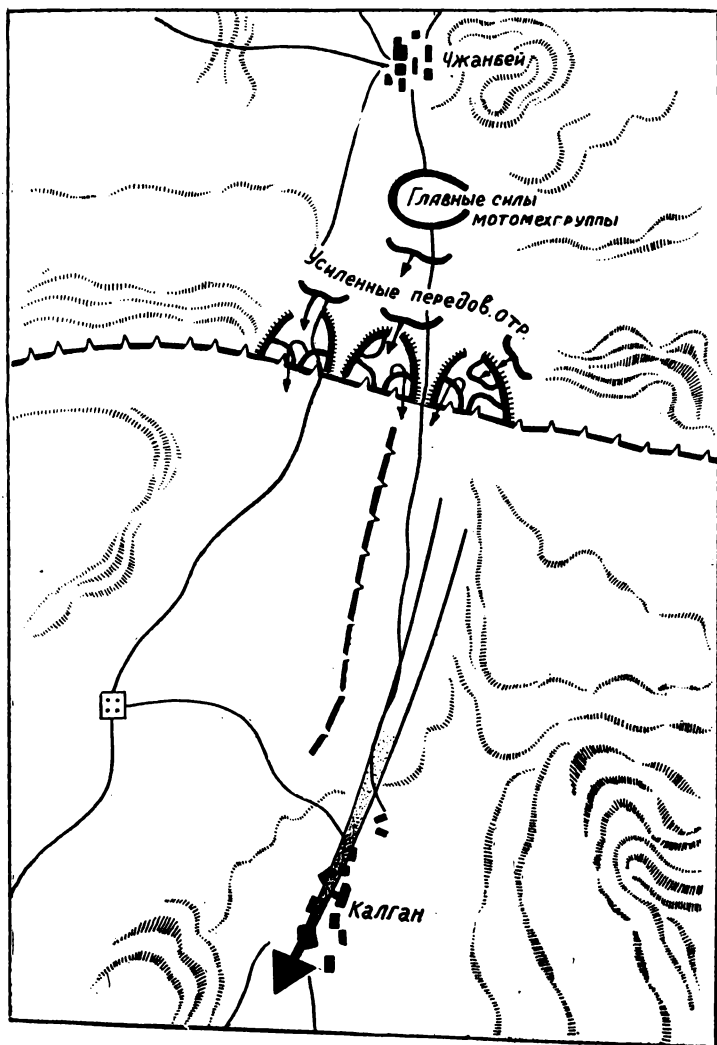
Разведку боем правого опорного пункта вел 3-й мотострелковый полк силами батальона майора Титаренко. Левее, вдоль Калганского тракта, начал штурмовые действия монгольский разведывательный батальон под командованием майора Зайсан-бумба.

Рассвет наступал медленно. Когда стали видны зловещие контуры дотов и дзотов, подул сильный ветер, небо затянуло грозowymi тучами, и на равнину обрушился ливневый дождь. Как-то сразу потемнело.

В ходе боя удалось вскрыть характер обороны противника. По существу, Калганский укрепрайон представлял собой систему трех взаимосвязанных узлов сопротивления, огневая мощь которых была направлена на северо-запад. Центральный узел сопротивления, прикрывавший Калганский тракт, занимал участок в шесть километров по фронту и три километра в глубину. С флангов он прикрывался огнем соседних опорных пунктов.

Разделив укрепрайон на участки наблюдения, разведчики нанесли на карту его огневую систему. Были выявлены все артиллерийские и пулеметные дзоты и доты и в основном все оборонительные заграждения и препятствия.

В полдень, в самый разгар боя, монгольские разведчики, укрывшись со стереотрубой за пирамидой из камней, заметили

ПРЕОДОЛЕВАЯ «ДОЛИНУ СМЕРТИ», НАШИ ЧАСТИ
ПОДОШЛИ К УКРЕПРАЙОНУ КАЛГАН.

человека, ползущего в нашу сторону. Время от времени из дзота раздавались короткие очереди, и тогда человек прижимался к земле. Улучив момент, когда пулемет замолчал, человек вскочил и опрометью пробежал несколько десятков метров, отделявших его от каменной пирамиды.

Тут он и попал прямо в руки монгольских воинов.

— Моя ваша есть... — лепетал японский солдат на ломаном русском языке. — Японии офицер сепная пса, парапойца...

Цирики повели промокшего до нитки перебежчика к командире роты. Затем японца доставили к начальнику разведки 27-й бригады В. И. Салаурову.

Фудзикава (так звали перебежчика) подтвердил показания пленных, что укрепрайон занимает 1-й отдельный пехотный полк японцев и другие части. В последнее время Фудзикава служил денщиком у начальника опорного пункта — известного в полку самодура и пьяницы. Офицер издевался над своим денщиком и часто без всякой причины избивал, называя его не иначе, как старой собакой.

Перебежчику предложили мяса и хлеба. От мяса он решительно отказался, но, когда увидел связку сушеной рыбы и котелок рисовой каши, сразу просиял.

Итак, если верить перебежчику, ключ к центральному узлу сопротивления был в наших руках. Штурмовые группы имели возможность ворваться в траншею и захватить два-три дота. Теперь, словно пройдя главный шлюз, поток штурмующих воинов мог проникнуть во все каналы укрепрайона.

Несмотря на проливной дождь, весь следующий день и ночь штурмовые группы, проникая в укрепрайон, продолжали блокировать, захватывать и уничтожать доты, укрепления полевого заполнения, громили подразделения японцев.

В условиях, когда общая оперативно-тактическая обстановка предвещала неизбежное поражение противника в самые короткие сроки, такие действия были правильными. Верным было и то, что полки и бригады не бросались на штурм очертя голову. Из донесений было видно, что штурмовые группы ведут бои смело, сноровисто, тактически грамотно. Проникают в глубь опорных пунктов через «мертвые зоны», стыки и фланги. Блестяще действуют орудия прямой наводки. Бойцы показывают превосходную полевую выучку, находят самые разнообразные неожиданные и неотразимые тактические приемы и способы блокирования и уничтожения дотов и дзотов.

В общем, гарнизон укрепрайона явно не ожидал таких

дерзких и тактически разнообразных действий. Поэтому, несмотря на отсутствие артиллерии большой мощности, мы продолжали развивать успех.

Вот некоторые тактические эпизоды боевых действий за Калганский укрепрайон.

Центральный узел сопротивления встретил наступление частей монгольской бронеприкрытия сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем. Через два часа на левом открытом фланге монгольских частей противник попытался небольшими группами из числа полевого заполнения окружить подразделение офицера Даминжавы. Командир батальона майор Сосор направил на выручку Даминжаву подразделение старшего лейтенанта Жигжида. Совершив обходный маневр, цирки под прикрытием огня стремительно и дерзко атаковали японцев во фланг. Много вражеских солдат погинуло в равнине смерти.

Наибольший успех обозначился на правом фланге. Выдвинутый вперед опорный пункт был полностью захвачен. Рота Цисляева под прикрытием огня батарей истребительно-противотанкового дивизиона броском преодолела балку, тянувшуюся из глубины обороны, и ворвалась на высоту, расположенную на фланге главного, центрального узла сопротивления. В то же время батальон Сузанского захватил важнейшую часть левого узла сопротивления и создал центральному узлу укрепрайона угрозу удара с тыла.

Японцы предприняли серию отчаянных контратак силами подразделений полевого заполнения. Все чаще возникали скоротечные и крайне ожесточенные ближние бои, доходившие до рукопашных схваток.

Чтобы сломить сопротивление самураев, комбат приказал подразделению старшего сержанта Ковалева просочиться в расположение японцев и, пройдя по ложине рубеж, где они накапливались для очередной контратаки, в момент их броска вперед открыть кинжальный огонь по флангу и тылу. Под завесой дождя подразделение двинулось в тяжелый и опасный путь, но сразу же наткнулось на хорошо замаскированную дерево-земляную огневую точку. Пришлось обращаться к помощи противотанкового орудия. Сержант Болматов выдвинул его по скату высоты к гребню. Амбразура дзота не просматривалась. Выкатил ближе. До дзота оставалось метров пятьдесят, но видна была лишь вершина «холма». Еще вперед. Теперь малейшая неосторожность — и дзот может первым от-

крыть огонь. Наводчик прильнул к панораме прицела. Все в готовности. Почти лежа, сантиметр за сантиметром расчет двигает орудие вперед. Наконец Болматов поднял руку: «Огоны!» И, не обращая внимания на прыжок орудия, впился взглядом в амбразуру.

— Отлично! Прошу, товарищ комсорг, путь открыт.

Комсорг батальона — сержант Петров — восхищенно взглянул на Болматова:

— Здорово ты заамбразурил самураям! Ну, а теперь откатывайся назад. Мы пойдем налегке.

Среди гула боя японцы не обратили внимания на одиночный выстрел орудия. Они были уверены, что там, где стоит дзот, пройти невозможно.

Когда же майор Накагава решил начать контратаку, самураи, не жалея глоток, закричали самый призывный, воинственный клич: «Тэнно — хэйка — банзай! Банзай! Банза-ай!» Неожиданно с фланга на них обрушился губительный огонь наших пулеметов. Контратака захлебнулась. Подразделение Ковалева закрепилось на захваченном рубеже, а комсорг Петров поспешил в другие подразделения, чтобы поведать воинам о новых героях. У разрушенного моста он заметил группу японцев, осторожно продвигающуюся в обход рубежа, где закрепились наши воины. «Один, два, три... двенадцать». Они должны пройти мимо, почти рядом. Петров притаился в балке...

Никто не видел этого неравного боя. Лишь после разгрома укрепрайона обнаружили мертвое тело комсорга. Возле него лежало двенадцать трупов вражеских солдат. Следы этой схватки говорили, что восьмерых Петров сразил огнем автомата, а четверых — в рукопашной схватке.

Донесение об этом подвиге прислал заместитель командира батальона по политической части старший лейтенант Гребенников. А через несколько часов мне доложили, что этот смелый офицер и прекрасный политработник тоже тяжело ранен...

Успешно действовал и батальон майора Титаренко. Его штурмовые группы захватили дзоты и доты, прилегающие к дороге, и овладели высотой, на которой был оборудован правогофланговый опорный пункт.

Японцы рассчитывали, что крутые скалистые горы вполне обеспечивают безопасность их правого фланга, поэтому прикрыли его лишь несколькими дзотами и пулеметами в железобетонных колпаках. Скаты высот, обращенные к дороге, были заняты подразделениями полевого заполнения и прикры-

вались огнем десятка дзотов левофлангового опорного пункта, расположенного на соседней высоте. Особенно свирепствовал фланкирующий дот, стоящий у ее подножия. Уничтожить этот дот — значило надежно закрепиться на захваченном рубеже и создать благоприятные условия для развития успеха. Майор Титаренко приказал штурмовой группе, которой командовал комсорг 3-го батальона младший лейтенант Шакиров, уничтожить дот.

Нагрузившись боеприпасами, гранатами, минами и взрывчаткой, штурмовая группа начала выдвигаться по восточному скату высоты в сторону Великой китайской стены. Проливной дождь резко ухудшил видимость, глубоко замесил рыхлую землю. Шли тяжело, проваливаясь в тягучую грязь.

Слышались гул огневого боя, далекое, раскатистое «банзай!» бросившихся в контратаку японцев. Дойдя до кучи камней, Шакиров резко повернул вправо и стал подниматься вверх к гребню высоты. Огневой бой оказался сзади, контратака — слева. «Что-то этот «банзай» затянулся», — подумал Шакиров и приказал:

— Усилить наблюдение влево.

И как бы в ответ послышался сдержанный крик:

— Слева пехота противника!

— К бою! — подхватил комсорг.

Группа японцев неожиданно вышла из дождевой завесы, и солдаты, не дожидаясь команды, открыли из автоматов огонь длинными очередями. Внезапным огневым ударом с короткого расстояния они нанесли большой урон самураям, прижали их к земле.

— В атаку за мной! Ура-а! — воскликнул Шакиров, увлекая солдат вперед.

Это был верный тактический ход. Японцы, лежа на залитой водой низине, не могли стрелять. Уцелевшие сдались.

Разгоряченные боем, бойцы шли вперед. Вскоре штурмовая группа оказалась сбоку дота, в мертвом пространстве.

Видя, что напротив время от времени простреливал свой сектор огня соседний дот, Шакиров приказал пулеметчику дать очередь по его амбразуре.

Как только послышалась длинная пулеметная дробь, штурмовая группа бросилась вперед, стремясь проскочить к намеченной цели. Большого напряжения сил потребовал этот затяжной бросок по глубокой вязкой грязи с драгоценной ношей боеприпасов! Противник успел подтянуть к доту свежее

подразделение пехоты. Но японцы, видимо, приняли бойцов Шакирова за своих, из полевого заполнения, а быть может, занятые окапыванием, понадеялись на прикрытие соседнего дота и притупили внимание. Подбежав из последних сил к доту, наши столкнулись лицом к лицу с противником, застигнутым врасплох.

— Огоны! — во весь голос крикнул Шакиров. Он кричал, поливая из автомата по растерявшимся самураям. В эти минуты его занимала одна мысль: «Дот!» Дверь в дот оказалась открытой. Туда, очевидно, только что вошел командир резервного подразделения. Сорвав с пояса гранату «Ф-1», Шакиров на бегу бросил ее в дверь. Раздался взрыв. Шакиров кинулся в дот, с трудом пролез в узкую дверь. И вдруг — прямо перед лицом выстрел. Сильный удар в скулу. Шакиров яростно ударил стволом автомата в лицо стреляющего и выскочил назад. Истекая кровью, он бросил в дот одну за другой несколько гранат и вновь вскочил туда. Перед ним лежал мертвый гарнизон дота. Быстро перезарядив автомат, младший лейтенант поспешил туда, где вели бой его солдаты...

В тот же час агитатор коммунист Низовцев выпустил листок-«молнию»: «Комсорг 3-го батальона младший лейтенант Шакиров первым ворвался в японский дот! Вперед, товарищи! Бейте японских самураев!» Этот листок славы пошел по цепи боевых порядков батальона.

Такие листки-«молнии», боевые листки, вдохновляли советских воинов.

К исходу 20 августа и на левом фланге советско-монгольских войск были созданы благоприятные условия для решительного штурма укрепрайона.

Успехи на флангах поставили центральный узел сопротивления перед угрозой окружения. Его штурмовали во взаимодействии с советскими воинами наши боевые друзья под командованием полковника Нянтайсурэна.

Многие монгольские товарищи — участники этого штурма — прислали мне свои воспоминания. Это помогло составить более полную картину боя на участке 7-й монгольской бронеполковой бригады, восстановить подробности замечательных подвигов и массового героизма ее воинов.

Поздно вечером 19 августа начальник штаба бригады майор Шарху доложил полковнику Д. Нянтайсурэну приказ на штурм укрепрайона.

Комбриг наносил на свою рабочую карту новые сведения

о боевой обстановке и системе огня противника. Здесь были отражены действия взвода старшины Дудэ и взвода бронемашин лейтенанта Батлучун и разведгруппы под командованием Аюуш, которые первыми начали на этом участке разведку, условными тактическими знаками показаны действия 1-го мотострелкового батальона под командованием майора Сосора и приданных ему броневиков Гончика и артиллеристов капитана Чойдока, в числе первых ворвавшихся в укрепайон.

В своих донесениях майор Сосор докладывал командиру бригады о воинском искусстве офицеров Дамжинжава, Даржи и Дудэ, которые умело управляли в бою своими подразделениями, о том, как заместитель командира роты бронемашин по политчасти офицер Болд уничтожил танк и пулеметную огневую точку противника. Командир героического батальона по-военному скуп и точно докладывал о самоотверженной боевой работе связистов Дарджа, Тувдэна, Уланху, помощника наводчика Осора, фельдшера Ламчогдона. Каждый из них своими подвигами помог дальнейшему развитию штурмовых операций...

Нянтайсурэн сформулировал свое уже сложившееся решение на штурм укрепайона, распорядился подготовить боевые распоряжения и вышел из наскоро построенного блиндажа. Мог ли он знать, какая волнующая неожиданность его ждет!

Все еще шел дождь. Над горами метались черные клочковатые тучи. По узкой разжиженной дороге, переваливаясь от канавы к канаве, медленно двигалась автомашина с ранеными. Невдалеке от штабной палатки она забуксовала. Из кабины выскочила женщина в военной форме и вместе с санитарями бросилась толкать машину. Что-то знакомое почудилось в ее движениях, наклоне головы. Комбриг подошел ближе. «Не может быть! Жена осталась дома, в Саин-Шанде. Да и как ей оказаться здесь, если она не призвана в армию...» Полковник повернулся и направился было к своей машине.

— Осторожнее, Найдан,— послышался голос женщины,— не забывайте, что везете раненых.

Сомнений не оставалось — это была Дашцэрма. От неожиданности комбриг замер на месте. Потом подошел и как можно спокойнее спросил:

— Как ты оказалась здесь?

Дашцэрма резко повернулась и растерянно посмотрела в глаза мужа:

— Я ведь в ту же ночь ушла в госпиталь. Спасибо майору

Даш и инструктору майору Петрухину — согласились взять меня медсестрой.

— Значит, решила. Хорошо. Но почему ты не в госпитале?

— Но это ведь слишком далеко от фронта, от тебя. Мне удалось перевестись в мотострелковый батальон твоей бригады.

Полковник заставил себя улыбнуться:

— Ты у меня молодец. Береги себя.

Дашцэрма недовольно повела плечом:

— Все будто сговорились беречь меня. Военфельдшер батальона лейтенант Самдан непрерывно посылает меня сопровождать раненых в тыл, как будто я не могу выносить их с поля боя. Прошу тебя...

— Ну, мне пора. Я найду тебя.

Нянтайсурэн быстро сел в подошедшую машину и поехал в передовую часть. Она поняла — муж ушел от ответа на ее просьбу...

О предстоящем всеобщем штурме укрепрайона воины бригады узнали из «боевых листов».

«Товарищи бойцы! Гордимся вашими успехами и подвигами. В предстоящем штурме вражеских позиций умело используйте особенности местности. Действуйте ловко, решительно, разумно», — говорилось в одном из листов, выпущенных секретарем ревсомольской ячейки.

На последних перед боем партийных и ревсомольских собраниях воины узнали о подвигах своих товарищей.

Помощник начальника политического отдела бригады по ревсомольской работе майор Дашжамц — сам человек большой энергии и храбрости — рассказывал:

«Командир бронемашин Чойдог наступал под градом пуль и снарядов. По брони дробно били обрывки пулеметных очередей. Изредка оглушало рикошетным ударом снаряда. Броневи́к был уже в нескольких десятках метров от огневой точки, когда прямым попаданием снаряда ранило механика-водителя и пулеметчика. Чойдог снял пулемет и, выждав момент, выскочил из машины. Начался нелегкий огневой поединок Чойдога и японского пулеметчика, укрытого в дзоте. Высокое мастерство, хладнокровие и храбрость принесли монгольскому воину победу».

Широко известен стал в войсках конно-механизированной группы подвиг ревсомольца связиста Жанчива. В разгар боя

прервалась проводная связь между частями. Жанчив пополз искать место обрыва. Вражеский огонь был невероятно яростным. Смерть витала рядом. Осколком мины сорвало с Жанчива пилотку, пуля вонзилась в руку, взрывной волной его бросило на дно ямы, заполненной грязной водой... Но Жанчив упорно полз вперед по линии связи, пока не достиг цели.

Недавно я получил письмо боевого друга Жанчива, бывшего связного рядового Л. Ганжинжава. Он был единственным, кто застал последнее мгновение жизни героя.

«Когда я подполз к связисту Жанчиву,— пишет товарищ Ганжинжава,— он лежал еле живой, а во рту держал оба конца провода. Я положил его и еще одного тяжелораненого цирика на шинель и потащил к командному пункту».

Бой за центральный узел укрепрайона становился все более ожесточенным. Яростно сопротивлялись японские части. В этих боях на фоне массового героизма монгольских цириков рождались подвиги, достойные легенд. Прежде чем рассказать о решающем ударе, сокрушившем укрепленный район, воздвигнутый у Великой китайской стены, мне хочется поведать о трех батырах, которых араты сравнивают с покорителями легендарного девяностоголового огнедышащего чудовища — мангаса Индрэмэ.

Пулеметчик Сангийн Дампил попросил лейтенанта Догсома, чтобы его взяли в разведку.

— Доброе дело. Возьмем,— охотно согласился лейтенант.

Многие цирики добивались чести идти на разведку укрепрайона, но отбирали самых сильных душой и телом батыров...

..Невеселым было детство Дампила. Много лет пришлось провести мальчику в юрте скотовода Санги, куда его отдали «на воспитание» бедняка родители. Когда он возвратился, умерла мать, ласковая, добрая Дулмаа. Отец женился вторично. Мачеха невзлюбила Дампила. Юношу определили в монастырь ламы Онхуза, старшего брата покойной матери. И хотя новый банди прилежно изучал тибетский язык, церковные книги, священные свитки, его так же, как и других юных послушников, нещадно пороли. «Как днем не видно звезд, так не было дня, чтобы по их спине не прошелся посох ламы»,— принято было говорить об их «воспитании».

Однажды Дампил раздобыл малокалиберную винтовку и пошел с товарищами охотиться на тарбаганов. В наказание

святые отцы подвесили раздетого догола юношу за руки на воротах монастыря и устроили «показательное» истязание плетью. После того как промерзшего на холодном ветру, потерявшего сознание Дампила сняли и отнесли в юрту, он заболел воспалением легких. Едва оправившись, юноша бежал. По пути, переходя в ледоход реку, он попал в ледяную воду и, когда добрался домой, снова слег, но выжил и на этот раз.

Когда умер отец, шестнадцатилетний парень поселился у дяди Сандага, стал ухаживать за скотом. От отца он унаследовал охотничьи повадки, ловкость и трудолюбие.

— Саин-эр — добрый молодец. Славным джигитом будет Дампил, — говорили соседи.

Дампил стал опытным табунщиком, смелым наездником и охотником. Рос закаленным, стройным, ловким, сильным.

Когда юноше исполнилось восемнадцать, вернулся из армии его брат Улзий. В армии его научили грамоте, дали специальность. В душе Дампила вспыхнуло желание стать таким же. Осенью 1940 года он пришел в военкомат. Ему отказали по молодости, но он добился своего. Был зачислен в кавалерию. А когда создавались моторизованные войска, среди отличных конников-пулеметчиков, посланных в 7-ю бронеприбавду, оказался и Дампил — дисциплинированный, выносливый, всесторонне подготовленный цирик — отличник, член Народно-революционной партии...

И вот настал день боевого крещения. Разведгруппа ведет бой. Дампил прикрывал пулеметным огнем наступавших товарищей. Тяжело уничтожить расчет вражеского пулемета, стоящий в окопе. Еще труднее это сделать в глубине обороны противника, а особенно в расположении укрепрайона. На это способен лишь герой. Дампил уничтожил не один, а четыре пулеметных расчета. Потом, когда под сильным обстрелом противотанкового орудия пулеметчик и его помощник Жамба меняли огневую позицию, Дампил заметил невдалеке японского офицера.

Оставив у пулемета Жамбу, цирик подкрался к японцу. Завязалась борьба. На дне окопа пулеметчик одолел самурая и доставил командиру ценного «языка».

Слава о ратных делах пулеметчика Дампила росла от боя к бою. Имя героя с гордостью произносили все цирики бригады и воины соседних частей Советской Армии.

Дашийн Данзанванчиг из Дэлгэрхэт-Сомона, Восточно-Гобийского аймака, тоже был сыном охотника. Еще в детстве слышал он легенды доброго соседа старика Дэлгера о бесстрашных батырах и их быстрых, как ветер, конях. В 1939 году он пришел по призыву в ряды Монгольской народно-революционной армии. Упорно учился. Увидел, что всемогущие люди существуют не только в преданиях. Они могут летать на волшебной птице Хан Гарьди, именуемой самолетом, создавать чудо-города; они укрощают буйные реки и заставляют их рождать тысячи солнц. Эти сильные и добрые люди пришли в Монголию из Великой Страны Советов. Они хотят, чтобы в юртах аратов навсегда поселилось счастье...

И когда командир минометного расчета Данзанванчиг пошел в поход на Восток, он видел советских людей рядом. Из их рук он получил оружие...

В боях по прорыву Калганского укрепрайона минометное подразделение поддерживало огнем батальон майора Сосора и прикрывало фланг соседей — подразделение Советской Армии. На рассвете 20 августа цирики вышли к сопке Чжан-Зя-Коу. Как только передовая рота попыталась подняться на высоту, заговорили огневые точки противника.

Минометчики получили приказ уничтожить наблюдательный пункт и дзот врага в 300 метрах вперед.

Для Данзанванчига настала минута показать свое искусство не на учебном поле, а в бою. Вторая мина, посланная им, угодила точно в цель.

Цирики пошли в атаку, но противник усилил огонь. Были засечены три дзота.

Понадобился один точный огневой налет — и дзоты умолкли.

— Отлично! — похвалил комбат.

— Служу Родине! — сдержанно ответил командир расчета.

Лил дождь. Окоп, в котором стоял миномет, затопило водой. Нужно было менять огневую позицию. Двинулись вперед. На пути минометчиков накрыла артиллерия. Снаряды рвались совсем рядом. Несмотря на тяжелые ранения, Данзанванчиг решительно отказался покинуть поле боя и продолжал вести огонь.

Наступление продолжалось. Стиснув от боли зубы, Данзанванчиг полз вперед. Его снова ранило. Из последних сил он поднялся и сделал несколько шагов. Когда товарищи бросились к нему на помощь, он сказал:

— Оставьте меня здесь, а сами идите вперед. Отомстите за меня!..

Цирики знали, что спорить с ним бесполезно. Его положили на здоровый бок, оставили запас воды.

Лежа недалеко от траншеи, Данзанванчиг услышал вдруг шорох и тяжелое, прерывистое дыхание. С трудом подняв голову, он увидел вражеского солдата. Одной рукой тот держал винтовку, другая беспомощно висела вдоль туловища. Скрестились непримиримые взгляды. Грянул выстрел. Пуля обожгла плечо Данзанванчига. С трудом вытащив из мокрой кобуры пистолет, он разрядил обойму в сторону стрелявшего...

Герой калганского боя очнулся в полевом госпитале. Советские врачи сделали все возможное, чтобы спасти жизнь тому, кто не щадил ее ради нашей общей победы. И спасли...

Прекрасной школой стала армия и для друга Дампила и Данзанванчига — молодого цирика Лувсанцэрэнгийн Аюуша из Тугрик-Сомона, Убурхангайского аймака. За три года он не только научился свободно читать, писать, но и отлично изучил боевую технику, вырос духовно и физически. Большую роль сыграли братская поддержка сослуживцев, крепкое войсковое товарищество.

В армии Аюуш понял по-настоящему всю глубину народной пословицы: «В юрте опора — центральный столб, в жизни — друг».

А в боях у перевала Чулгалтхалга он впервые почувствовал себя опорой батальона.

...Вроде бы и не по уставу использовать в разведке станковый пулемет. Но комбат Сосор решил, что наблюдательный пулеметчик Аюуш с помощником Санжа благодаря такой своеобразной разведке боем скорее помогут раскрыть систему огня противника, чем другие.

Пробираясь от укрытия к укрытию, Аюуш присматривался в бинокль к темным «юртам» дзотов. Время от времени посылая очереди, вызывал их ответный огонь. Так удалось засечь семь пулеметных дзотов и один орудейный дот. Когда начался решительный штурм, артиллеристы ударили по ним прямой наводкой.

Во время штурма пулемет Аюуша двигался в боевых порядках роты и, ведя огонь по пулеметным точкам противника, расчищал путь.

Врагу удалось нащупать досаждающий ему пулемет.

— Я ранен,— прошептал Санжа.— Перевяжи меня.

Аюуш осмотрел товарища. Пуля прошла через левое плечо. Достал индивидуальный пакет, но в этот момент заметил трех японских солдат, подползавших под прикрытием бурьяна и кустарника. Значит, стреляли они. Аюуш припал к пулемету, быстро поймал в прицел приплюснутые пилотки и длинной очередью сразил их. Потом перевязал товарища...

У высоты, справа от дороги, хорошо замаскированный вражеский пулемет не давал бойцам поднять головы.

— Подавить! — приказал командир.

Аюуш со своим помощником пополз в обход. На пути им встретилось несколько японцев. Увлеченные боем, они не заметили подкрадывающихся по глубокой меже цириков. Внезапный кинжальный огонь Аюуша застиг их врасплох. В завязавшейся перестрелке Аюуш и Санжа были ранены, но продолжали настойчиво продвигаться к вражескому дзоту. Превозмогая боль, Аюуш послал в амбразуру несколько очередей. Ну вот, казалось бы, и выполнено задание.

Но в это время пулеметчиков нащупал японский снайпер. Еще две пули ранили Аюуша. Санжа хотел разорвать гимнастерку и перевязать пулеметчика, но не хватило сил. Почувствовав ослабление огня, японцы ринулись в контратаку. Аюуш приподнялся, чтобы лучше разобраться в происходящем. Пуля пробила ему грудь.

Последняя пулеметная лента. Последний запас сил. Цепь японцев уже в 40—50 метрах. Приподнявшись на локтях, тяжело раненый Аюуш дал последние очереди по врагу.

Цирики, посланные к раненым, не смогли к ним пробраться, но увидели, что Санжа лежит без движения, Аюуш же прополз несколько метров, бросил гранату и заставил умолкнуть два вражеских пулемета...

На безжизненном теле героя военфельдшер насчитал одиннадцать пулевых ран. Одиннадцать раз мог уйти с поля боя пулеметчик Лувсанцэрэнгийн Аюуш, и столько же раз его сердце подсказывало: «Держись! Не покидай друзей! Только ты можешь заткнуть огневую пасть врага и открыть путь своим братьям. Держись до последнего!».

День штурма Калганского укрепленного района оказался как бы на стыке двух этапов операции на Забайкальско-

Маньчжурском стратегическом направлении. 18 августа Квантунская армия была отрезана от ее крупнейших резервов в Северном Китае. Войска Забайкальского фронта выполнили свою ближайшую задачу.

Стремительный рейд советско-монгольских войск по суровой пустыне Гоби и наступление через труднодоступные горы Большого Хингана привели в изумление стратегов Запада. Ведь они пророчили, что борьба Советской Армии с Японией будет носить затяжной характер. Американский военный обозреватель Хэнсон Болдуин заявлял, например, что «такие трудности и расстояние быстро преодолеть невозможно». То же самое утверждал и английский обозреватель генерал-лейтенант Мартин: «Менее чем за шесть месяцев на серьезный успех Советской Армии рассчитывать не приходится». А бывший тогда премьер-министром Англии Уинстон Черчилль вообще считал, что для разгрома Квантунской армии советским войскам понадобится не менее года.

Несмотря на поучительные уроки войны с гитлеровской Германией, эти «прорицатели» так и не поняли природы Советской Армии, источников ее силы и могущества...

Но вернемся к конкретным событиям.

Пленный офицер в своих показаниях утверждал, что упорство, с которым удерживается укрепрайон, определяется необходимостью выиграть время для подхода резервов и вывоза из Калгана различных материальных ценностей, принадлежащих Японии, а также для эвакуации семей военнослужащих и аккредитованных здесь специалистов.

— Сколько времени приказано гарнизону удерживать укрепрайон?

— Еще четверо суток, до двадцать четвертого августа.

Мы, конечно, не стали ждать, когда будут закончены грабеж и эвакуация в Калгане. Получив от Калганской группировки боевое донесение о готовности войск к решающим действиям, отдаю приказ: «С рассветом начать общий штурм укрепрайона».

В ночь перед штурмом японцы предприняли еще одну попытку оттянуть развязку. В сумерках перед позициями 3-го мотострелкового полка неожиданно появился самурай. Он что-то громко крикнул и исчез. Это показалось подозрительным. К месту, где он был, послали отделение солдат. Они нашли там воткнутую в землю палку, обмотанную листом пергамента. Не прошло и получаса, как вымпел доставили Салау-

рову, а затем в штаб бригады. На пергаменте было по-русски написано:

«Взявшие этот листок немедленно передайте вашему командованию.

По приказу нашего верховного командования японские армии прекратят военные действия. Если ваши войска насильно будут наступать на нас, то мы, против нашего истинного желания, окажем сопротивление для самозащиты.

Японские армии пошлют своего парламентаря — представителя с белым флагом — около 12 километров на юг от Чжанбэя, то есть перед нашим укрепленным районом.

Просим выслать с вашей стороны парламентаря (военного ответственного представителя) и вести переговоры с нами».

Комбриг немедленно доложил о письме мне.

— Парламентар не появился? — поинтересовался я.

— Пока нет.

— А вы заметили, что в записке не указано время высылки японского парламентаря?

— Да, час не указан.

— По-моему, командование укрепрайона пытается выиграть время путем полной лукавства «восточной дипломатии». Вызовите японского парламентаря на нейтральную зону и вручите ультиматум. Потребуйте немедленной и безоговорочной капитуляции. До начала штурма время еще есть.

Для вызова парламентаря было решено использовать перебежчика Фудзикаву. Тот охотно согласился доставить записку в японскую траншею. На всякий случай его одели в форму цирика Монгольской народно-революционной армии.

Фудзикава честно выполнил поручение. Вскоре после его возвращения в нейтральную зону вышел невысокий сутулый юноша, младший офицер. Получив ультиматум, он, не читая его, тут же вручил нашему парламентарю заранее подготовленный ответ.

Это было послание некоего майора Накагавы. Вот что написал переводчик под диктовку предприимчивого офицера.

«Господину начальнику.

Покорнейшая просьба начальнику еще раз.

Наш господин майор просит подождать еще два дня минимум. После двух дней мы будем слушать Вас, что Вы сейчас сказали. Японская армия никогда и нигде не будет сопротивляться против Вас, если Вы не наступите.

Господин майор еще просит, чтобы Ваши солдаты не всту-

пали в наш укрепрайон, потому что наши солдаты будут стрелять по ошибке для самозащиты.

Японский воинский дух очень высок. Японцы всегда честны, мы не будем сказать ложности.

В конце еще раз покорнейше прошу подождать два дня. Слова майора 1-го фронта.

Подпись господина майора — Накагава».

Эта «покорнейшая просьба начальнику еще раз» получила свой ответ. На рассвете 21 августа «долину смерти» потряс гул мощной артиллерийской канонады.

Весь день шли напряженные бои. К вечеру центральный узел обороны укрепрайона был в основном захвачен.

В результате этой операции советские и монгольские войска открыли себе путь на Калган и Пекин, то есть в глубь Центрального Китая, простиравшегося южнее Великой китайской стены.

Правда, в некоторых опорных пунктах западного узла еще сидели подразделения японцев, но это уже не имело существенного значения. Участь их была предпрешена.

Передовые части мотомехгруппы устремились по Калганскому тракту. Примерно через сутки войска с боем овладели Калганом — столицей Внутренней Монголии. Уцелевшие, но явно деморализованные части противника продолжали отходить на Пекин.

В подземных складах укрепрайона японцы оставили значительные запасы тола и других взрывчатых веществ.

Это единственно полезное дело, которое они сделали для нас, подумалось мне. Последовал мой приказ: «Калганский укрепленный район взорвать».

Так закончилась операция «Калганская стрела».

ЗАВЕРШАЮЩИЕ УДАРЫ

В своей книге «Финал» Маршалы Советского Союза товарищи Малиновский Родион Яковлевич и Захаров Матвей Васильевич пишут: «Блестящую страницу в действиях Забайкальского фронта в этот период вписали

советские и монгольские конники, возглавляемые генерал-полковником И. А. Плиевым.

Еще когда генерал Плиев приехал в Улан-Батор (в середине июля), он был восторженно встречен своими монгольскими друзьями: ведь Исса Александрович в свое время был их добрым наставником. Многие из его учеников командовали частями и соединениями.

Все это самым положительным образом сказалось на организации совместных действий советских и монгольских воинов.

Действия конно-механизированной группы заслуживают пристального внимания как один из примеров широкого оперативного маневра и тесного взаимодействия кавалерийских и механизированных соединений в особых условиях Дальневосточного театра. Эти действия интересны еще и потому, что показали высокие боевые качества монгольской армии.

Ее наступление на правом крыле Забайкальского фронта имело большое оперативное значение: она отрезала пути сообщения японцев между Маньчжурией и Северными провинциями Китая, где располагалась крупная группировка противника, намечаемая к переброске в Маньчжурию.

Противник никак не ожидал, что со стороны пустыни Чахар может последовать столь серьезный и стремительный удар, поставивший командование Квантунской армии в столь затруднительное положение.

Но советские и монгольские кавалеристы сумели нанести такой удар, преодолев безводные пески и солончаки. Этот маневр по пустынным степям спутал планы японского командования, не дав ему возможности организовать здесь надежную оборону.

И снова хочется сказать о монгольских воинах. Это — рожденные кавалеристы; бескрайние степи, без заметных ориентиров, селений, с редкими колодцами, с палящим солнцем — родная стихия монголов. С ранних лет им привита любовь к коню, передаваемая из поколения в поколение; человека, пришедшего в армию, не надо учить управлять конем, совершать длительные марши, это — готовые, причем отважные воины. Промчаться за неделю 600—700 км для монгольского цирика — обычное явление. К тому же и кони у монголов прекрасные: хоть и невелики ростом, но выносливость поразительная. Все это очень помогло успешному осуществлению рейда конно-механизированной группы на столь большое расстояние — от 700 до 900 км в исключительно короткие сроки...»

В отрогах Большого Хингана затаились главные силы японо-маньчжур, действовавшие в полосе наступления конно-механизированной группы. Где конкретно находится противник, какова его численность, какие он предпринимает маневры — ответы на эти вопросы должны были дать все виды нашей разведки, а главным образом — авиаразведка.

По моей просьбе генерал армии М. В. Захаров помог нам самолетами, обладающими достаточным радиусом действий. В интересах конно-механизированной группы работал 6-й бомбардировочный авиакорпус генерал-майора И. П. Скока. В случае необходимости он должен был поддерживать нас и бомбо-штурмовыми действиями. Это была серьезная помощь. Авиакорпус прибыл с Западного фронта и имел солидный боевой опыт.

К сожалению, нам недолго пришлось взаимодействовать с генералом Скоком. После выхода войск группы к Калгану и Жэхэ корпус получил другую задачу.

На Долоннорском направлении авиаразведка не обнаружила новых перегруппировок противника. Высокие темпы наступления главных сил конно-механизированной группы не дали врагу времени для подтягивания свежих войск. Он был явно сбит с толку. Прав был знаменитый корсиканец, утверждая, что «сила армии, подобно механике, измеряется массой, умноженной на скорость».

Из фронтовых разведсводок было известно, что японское командование предпринимает меры, чтобы удержать Ляодунский и Корейский полуострова. Поспешно перегруппировывая войска, оно нацеливало их главным образом против 17-й общевойсковой и 6-й танковой армий, рвавшихся к Ляодунскому заливу. В течение 12—14 августа японцы предприняли множество контратак в районах Линьси, Солунь, Ванемяо, Бухеду. Однако войска Забайкальского фронта нанесли по контратакующему противнику сильные удары и продолжали стремительно двигаться на юго-восток, в глубь Маньчжурии.

До нас отовсюду доходили слухи, что части и соединения Квантунской армии получили приказ при неблагоприятной обстановке уходить в горы и вести активные диверсионные действия. Стало известно также, что 26-й пехотной бригаде приказано выйти в район города Вэйчана и разрушить железную дорогу Вэйчан-Долоннор. В полосе нашего наступления изменений в группировке противника не произошло.

Для конно-механизированной группы дальнейшими объек-

тами наступления, как уже известно, являлись города Калган и Жэхэ. После этого ударом по сходящимся направлениям нам предстояло овладеть Пекином, где располагался штаб Северного фронта японской армии в Китае, а затем выйти к морю на побережье Чилийского залива, в районе города Тяньцзиня. В ночь на 16 августа к Долоннору вышла 59-я кавалерийская дивизия генерала Коркуца. Мы встретили ее, когда передовые части перевалили через холмы и взорам солдат открылась панорама города.

Надо было видеть кавалеристов, чтобы понять, чего им стоило победить пустыню. Лица людей почернели от загара, пыли и пота, гимнастерки выгорели и обрели цвет песка. Последние дни части делали короткие паузы в наступлении лишь в случаях крайней необходимости.

К сожалению, мы не могли дать передышки войскам и в Долонноре. Центр тяжести борьбы на новом этапе за темпы наступления все больше перекладывался на кавалерию. Это диктовалось условиями горной местности.

Перед выступлением на Жэхэ мы запросили прогноз погоды. Местные метеорологи сообщили, что в ближайшие дни ожидаются сезонные дожди. Это не доставило радости: ливневые дожди — бедствие гор.

Разведчики привели ко мне знатока гор. Старик немного говорил по-русски: когда-то он жил недалеко от Благовещенска.

— Это было давно,— сказал он мне.—Шибыко давно. Двадцатые годы. Моя получил мал-мал рубиль, переехал Долоннор. Япошка рубиль карабчи, корова карабчи, все карабчи. Япошка пушанго. Русский шибыко шанго!

Так выяснились политические симпатии моего собеседника. Я спросил, знает ли он дорогу на Чэндэ (так китайцы называли Жэхэ). Он утвердительно кивал головой, приговаривая:

— Шибыко шанго, шибыко шанго. Только сейчас человеку туда нельзя — вода лей много, беда много. Смерть.

— А сколько перевалов знаете вы на основной дороге?

Из дальнейшей беседы выяснилось, что дорогу на Чэндэ тридцать четыре раза пересекают реки Шандухэ и Луаньхэ. А ливень каждый раз сносит мосты и вызывает обвалы. Старик назвал семь населенных пунктов, за которыми расположены перевалы. Он упорно твердил, что ни местные жители, ни японцы не рискуют подниматься в горы в период сезонных

ливней. Узнали мы также, что в Жэхэ можно пройти и другими, обходными тропами.

Опросили еще несколько человек, знающих дорогу на Жэхэ. Все они говорили одно и то же. В основных чертах мнение старожилов совпадало с данными топографической карты и сведениями, которыми мы располагали.

Случай помог нам еще раз уточнить данные о местности и противнике.

Когда 6-я кавалерийская дивизия на подходе к Долоннору достигла рубежа у речки Льен-Дун, в расположении передового командного пункта неожиданно появился в сопровождении двух солдат маньчжурский офицер с белым флажком. Он оказался представителем одного из полков 1-й отдельной кавалерийской бригады, дислоцировавшейся в городе Линьси.

— Мы арестовали всех японских военных советников и привезли с собой топографическую карту с нанесенной оперативной обстановкой, — сказал он. — Мы готовы сдаться в плен.

Карта ничего нового нам не дала, но подтвердила достоверность имевшихся у нас сведений.

Несколько раньше заместитель начальника политуправления МНРА генерал-майор С. Равдан, направляясь по песчаным барханам от монастыря Сэнси к горе Богдо-ула, встретился с группой всадников в гражданской одежде. Они были вооружены. Пожилой монгол поднял руку и, отделившись от своих спутников, подъехал к генералу Равдану.

— Арестуйте меня, я конченный человек, — с отчаянием произнес он.

— Кто вы? — спросил Равдан.

— В МНР я работал заместителем директора магазина в районе Нарана, — торопливо говорил он, беспокойно оглядываясь на стоящих поодаль всадников. — Украд десять тысяч тугриков, бежал в Маньчжурию. Здесь меня завербовали в шпионы и направили в разведывательную миссию, находящуюся в монастыре Бандида-гэгэн. Моя жена была права: «Когда человек предает Родину — это значит, он предал самого себя». Я понял это слишком поздно. Арестуйте меня.

Этот японский шпион в своих показаниях дал ценные для нас сведения.

Интересы фронтовой операции требовали решительного продолжения наступления. Мы не могли задерживаться в Долонноре и ждать улучшения погоды. Нельзя было терять ни часа с таким трудом завоеванного времени.

Как жителю Северного Кавказа, имеющему к тому же опыт ведения боевых действий в Больших и Малых Карпатах, мне вполне представлялась вся сложность предстоящего наступления в горах. Правда, Большой Хинган нельзя равнять с хребтами Кавказа, но ведь законы гор везде одинаковы. К тому же я исходил из того, что жители Маньчжурии в соответствии с канонами своей религии не только обожествляют могучие силы природы, но и всячески возвеличивают их власть над человеком. Ведь ламы настойчиво твердили им, что человек — раб природы и церкви.

Да, наступление в горах таит много неожиданностей, случайностей. Но на войне всего предусмотреть и невозможно. «Предприятие на войне,— утверждал тот же корсиканец в те далекие времена,— уже достаточно хорошо рассчитано, если две трети шансов подчинены расчету, а одна треть отдана на долю случая».

По моим расчетам, наступление в горах в период ливневых дождей, кроме исключительно серьезных трудностей, давало большие выгоды в интересах всей наступательной операции.

Во-первых, наступление в условиях ненастья позволит нам сохранить элемент внезапности. Я был уверен, что японское командование подойдет к оценке наших действий со своих позиций, а значит, исключит возможность активных наступательных действий советско-монгольских войск в период ливневых дождей в горах.

В дальнейшем так и оказалось. Противник считал, что мы выйдем к Жэхэ не раньше чем через неделю после окончания ливневых дождей. По его расчетам, именно такой срок требовался для ремонта размытых и разрушенных обвалами дорог, а также для восстановления многочисленных мостов.

Во-вторых, мы получали возможность атаковать противника в период, когда у него будет нарушено взаимодействие. Потоки воды, хлынувшие с гор, неизбежно разрушат проводную связь. Использовать подвижные виды связи ему тоже вряд ли удастся. Не вызывая подозрений у противной стороны, природа как бы брала на себя часть наших забот.

На горном театре военных действий имеется обычно крайне ограниченное количество дорог, которые по своей пропускной способности и оперативно-тактической емкости обеспечивали бы боевые действия крупных оперативных объединений и соединений. На данном направлении мы могли использовать таких лишь две.

Наибольшей емкостью обладала правая, общим направлением на юго-восток, через города Вайгоумыньца, Годзятунь, а затем по долине правого притока реки (названия этой неспокойной извилистой реки, текущей то в узких теснинах Пу-кэлина, то в нешироких поймах, я не помню). У города Инфана дорога вслед за притоком поворачивала на восток и через несколько километров тянулась уже по долине реки Луаньхэ. К городу Жэхэ она подходила строго с запада. На участке между городами Годзятунем и Ужанбайванем часть сил этого направления можно было пустить по долине реки Луаньхэ. Однако дорога здесь была слабо освоена, часто переходила в горные тропы.

Левое дорожное направление пролегалo вдоль горных троп на юго-восток к долине реки Иматухэ и по ней подходило к Жэхэ с севера. Таким образом, при успешном развитии наступления в горах мы имели возможность нанести удар по Жэхэ с двух сходящихся направлений.

В общих чертах в моем сознании сложилась относительно полная картина дальнейшего развития операции в горах Большого Хингана. Она была конкретизирована в решении, а затем на служебном совещании обрела форму боевого приказа. Нет надобности раскрывать перед читателями замысел этой операции, так как его цели были достигнуты почти в полном соответствии с планом операции.

Наступление должно было возобновиться с утра 16 августа. В передовую подвижную бронетанковую группу назначались 25-я отдельная ая мотобригада, 43-я отдельная танковая и 35-я гвардейская истребительно-противотанковая бригады с саперами и другими частями усиления. Я поехал в артбригаду, чтобы проверить готовность к наступлению.

По пути мы явились свидетелями интересного, о многом говорившего случая. Моим спутником был командир артбригады полковник Диденко. Около огневых позиций одного из дивизионов мы заметили возбужденную группу солдат.

— За всю войну не видел такого беспорядка на артиллерийских позициях,— возмущился Диденко.

Не успели мы подъехать, раздалась команда:

— Становись!

Строй образовался быстро, с рапортом подошел командир полка офицер Петренко.

— О чем столь бурная беседа? — спросил я.

— Солдаты хотят наступать с вами, в составе одного из дивизионов.

— Объясните им, что у нас не хватает бензина. Машины и без того перегружены.

— Объяснял, товарищ генерал-полковник, не помогает. Солдаты говорят, что согласны на «марафонский вариант»...

— Это еще что за новость?

— Такой способ передвижения придумали. К каждому кузову прикрепят по две веревки. Те, кто попадут в машины, возьмут оружие товарищей, которые будут бежать, держась за веревки. Через каждый час солдаты будут меняться местами. Ведь машины пойдут в горах не быстрее десяти километров в час, а может, и медленнее.

В использовании «марафонского варианта» не было никакой необходимости. Но сама просьба солдат искренне растрогала меня: надо напомнить, что она исходила от людей, только что закончивших наступление через пустыню Гоби!

Поблагодарив бойцов за инициативу, я сказал, что их благодарный боевой порыв заслуживает самой высокой похвалы. Однако на Жэхэ наступают несколько полнокровных дивизий и пятьдесят-семьдесят хотя и храбрейших воинов в этой ситуации ничего не изменят. И все же мне показалось, глаза бойцов говорили: «Без нас Жэхэ не возьмут».

Двинувшись дальше, я заметил полковнику Диденко:

— А вы говорите, беспорядок... Это высшая форма боевой целеустремленности!

Польщенный, комбриг довольно улыбнулся. Было видно: он рад за своих солдат.

Нам предстояло наступать в горах Большого Хингана в то время, когда центральная группировка Забайкальского фронта уже вырвалась на оперативные просторы Маньчжурской равнины и устремилась к жизненно важным центрам страны. Навстречу ей, взламывая долговременную оборону японцев, успешно наступали войска 1-го Дальневосточного фронта. С севера надвигалась 2-я Краснознаменная армия 2-го Дальневосточного фронта.

Огромный сверхмощный пресс уже раздавил основные укрепленные районы Квантунской армии. Понимая, что сдерживать советские войска на просторах Маньчжурии невозможно, и, стремясь сохранить силы, чтобы удержать Ляодун-

ский и Корейский полуострова, японское командование решило любой ценой выиграть время для проведения стратегической перегруппировки.

Вражеские войска продолжали активно сопротивляться. На ряде участков они осуществляли сильные контрудары и проводили перегруппировку, стремясь занять выгодные оперативные рубежи на линии Цзинь-Чжоу — Чанчунь — Гирин — Тумынь.

Советское командование разгадало нехитрый прием кабинета Судзуки. 16 августа Генеральный штаб Красной Армии опубликовал разъяснение о капитуляции Японии. В нем говорилось: «Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться». Исходя из этого, Советское Верховное Главнокомандование потребовало от войск продолжать решительно наращивать темпы наступления.

Выполняя требования Верховного Главнокомандующего, командующий Забайкальским фронтом в свою очередь приказал конно-механизированной группе решительно увеличить темпы наступления и в самый короткий срок овладеть важными в оперативно-стратегическом отношении городами и рубежами, которые японцы могли использовать как опорные пункты и узлы сопротивления для перегруппировки своих войск.

Таковыми важными стратегическими пунктами для нас были города Жэхэ и Калган. Через них проходили важнейшие коммуникационные пути, главная железнодорожная магистраль и шоссейные дороги, соединяющие Квантунскую армию с Северным фронтом японской армии в Центральном Китае, то есть с ближайшей крупной группировкой, способной оказать влияние на ход боевых действий правого крыла Забайкальского фронта.

Боевое распоряжение командующего Забайкальским фронтом предписывало конно-механизированной группе к исходу дня 20 августа занять Калган и Сюаньхуа, а главным силам конницы овладеть районами Фынина, Чанпина, Ниюня, Анцзятуня, Жэхэ. Иначе говоря, нам предстояло за несколько суток преодолеть с боями около 300 километров в труднопроходимых Хинганах.

Совещание командного состава конно-механизированной группы было коротким. Мы поздравили личный состав войск

с выдающейся и славной победой на знойных полях Внутренней Монголии, с захватом городов Долоннора и Чжанбэя, которые являлись для нас «воротами» в собственно Китай.

Юмжагийн Цеденбал динамично и образно описал политическую атмосферу на театре военных действий, особенно во Внутренней Монголии и сообщил важную новость: 14 августа в Москве подписан договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем. «Наш народ,— сказал товарищ Цеденбал,— с удовлетворением узнал о признании самостоятельности Монгольского государства со стороны нашего соседа — Китайской республики». Он особо подчеркнул, что это достигнуто благодаря героической борьбе и труду монгольского народа, благодаря его историческим успехам в строительстве новой жизни под руководством МНРП, при братской помощи великой советской страны. Он говорил о крови и героизме своих соотечественников, об их самоотверженном стремлении помочь китайскому народу разгромить войска оккупантов и завоевать свободу и независимость.

Мне не доставило особого удовольствия сделать разбор недостатков, допущенных в ходе операции в пустыне Гоби. Но вскрыть их, установить причины и определить пути устранения — значило уменьшить количество крови, укоротить путь к окончательной победе.

На совещании были поставлены боевые задачи соединениям войск конно-механизированной группы на дальнейшее наступление.

На рассвете 16 августа передовые части двинулись вперед. По правому дорожному направлению между хребтами Иншань и Пукэлин выступила 59-я советская кавалерийская дивизия. За ней во втором эшелоне — 5-я и 7-я монгольские кавалерийские дивизии. По левому дорожному направлению — в первом эшелоне — 8-я монгольская кавдивизия, во втором — 6-я кавдивизия.

Перед выездом в передовые части я встретился с генералом Никифоровым, чтобы уточнить порядок управления войсками, их взаимодействие и боевое обеспечение. Начальник штаба доложил «о первых потерях от начавшегося дождя» и вновь предложил отложить начало наступления до окончания ливней.

— Мы должны подчиняться неблагоприятной обстановке в горах,— убеждал он.— Я имею сведения, что в районе Шуй-

цюаня произошли обвалы. Там уже действуют отряды обеспечения движения.

— Мы должны подчиняться не обстановке, а приказу командующего войсками фронта. Ведь природные условия в одинаковой мере воздействуют на обе борющиеся стороны, и операцию выиграет тот, кто лучше воспользуется конкретно сложившейся обстановкой,— отвечал я.

— В данном случае в связи с бедствиями в горах вольно или невольно наступит оперативная пауза,— упорствовал он.— Лучше, если войска будут в это время находиться в благоприятных условиях и отдохнут.

— Ваше стремление сохранить силы войск и избежать потерь от бедствий в горах в общем верно, но делать это надо не за счет снижения темпов наступления, а за счет усиления боевого и инженерного обеспечения. На борьбу с завалами, обвалами, для восстановления мостов, кроме своих сил и средств, мы будем поднимать все население сел и городов. Словом, вперед!

Во время нашей беседы в палатку вошел генерал Цеденбал. Он сообщил, что маршал Чойбалсан вызывает его в столицу с докладом о положении дел в монгольских войсках и ходе наступления.

Мы тепло, по-братски, попрощались, и он выехал на аэродром.

Этот отъезд, как я узнал позже, был вызван тем, что маршал Чойбалсан решил оставить товарища Цеденбала «на хозяйстве», а самому выехать в войска. Важным обстоятельством было и то, что в ходе переговоров между Народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым и министром иностранных дел гоминдановского Китая Ван Шицзе о независимости Монгольской Народной республики последний заявил, что китайское правительство признает независимость МНР, если монгольский народ подтвердит это стремление всенародным голосованием. Нужно было готовить плебисцит.

Мы двигались долинами рек Шандухе, затем Луаньхэ, между хребтами Иншань и Пукэлин. Вода обрушивалась на нас и с неба и со склонов гор. Набухшие реки словно взбесились и могучим потоком сметали все на своем пути.

Большой опасности подвергались парковое, ремонтное и

некоторые другие подразделения 14-го истребительного противотанкового полка, находившиеся в русле высохшей реки. Когда упали первые капли, никто не придавал им значения. Но вскоре возникли бурные потоки, несшие с собой глыбы породы, тяжелые камни. Начались обвалы. Полк был поднят по тревоге. С трудом удалось вывести машины и пушки на более высокие и безопасные места. И все же течение подхватило и унесло легковую машину «амфибия» и другие, стоявшие в низине. Были потери и в других частях.

Трудности боевой жизни не отвлекали, однако, нас от главного — стремительного наступления на город Вайгоумынцза — важный узел дорог и сильный опорный пункт, занимаемый 5-й маньчжурской пехотной бригадой. Взять его надо было до наступления темноты — от этого зависел своевременный выход передовых частей в долину реки Шандухэ.

Туго натянутый брезент вибрирует еще сдерживает бешеный натиск хинганского ливня. Вода пробивает брезент, в кузове стоит свой «микроклимат» — мелкий моросящий дождь. Щетки, словно маятник, ритмично расчищают стекла кабины, и каждый раз на глянцевои глади возникают все новые и новые кадры местности. Мы идем по дороге, забытой людьми и богдыханом. Выбоины, промоины, булыжник — все это создает такую тряску, что не мудрено, как говорится, богу душу отдать. Шофер с трудом удерживает руль. В те моменты, когда дорога идет над обрывом, его напряжение невольно передается всем сидящим в машине. Время от времени мы останавливаемся и ждем, когда передовой отряд уничтожит вражеские заслоны. Боевые донесения пока что радуют: «С ходу взято село Шуйцюань...», «Жители села Падися разоружили местный гарнизон и полицейский участок...» А вот, наконец, и донесение о бое в Вайгоумынцзе.

Этот город лежит на берегу реки Луаньхэ. Со всех сторон к нему подступают горы. Чтобы успешно его удерживать, необходимо вывести рубеж обороны на перевал и господствующие над долиной высоты. Но этого-то противник и не успел сделать. Головной 252-й кавалерийский полк подполковника И. Ф. Осадчука, пройдя теснину, частью сил двинулся вправо, в обход города с востока. Этими силами командовал храбрый и опытный офицер — заместитель командира полка майор Г. М. Литвиненко. Основной же состав полка стремительно атаковал вдоль дороги. Внезапность была такова, что бригада маньчжур, хотя и успела с ходу развернуться для

боя, была смята и разгромлена. Лишь немногим удалось бежать на Ланцзагоу и на Годзятунь.

Уже темнело, когда мы подъехали к Вайгоумыньцзе. Мост здесь оказался сорванным. На берегу скопились машины с противотанковыми орудиями и кавалерийские подразделения и части. Саперы мужественно боролись со стихией, стягивая сваи, закрепляя их скобами.

По стремительному гладководью я понял, что хотя вода и прибыла, речка неглубокая и дно ее ровное. Но твердое ли оно? Я уже думал пустить для пробы машины, когда на берегу появилась многотысячная толпа китайцев с длинными толстыми веревками. Пять человек, держась за руки, потащили концы веревок на противоположный берег. Началась буксировка автомашин.

Дружно действовали советские солдаты и китайские крестьяне. А когда вся техника была переброшена на противоположный берег, китайцы, которые переплыли с веревочными канатами через реку, сели рядом с нашими солдатами на танк и вернулись.

— Дружба русско-китайских народов на колеснице победы! — остроумно заметил кто-то.

Здесь у Вайгоумыньцзе было получено донесение о том, что где-то в песках в районе Долоннора разведчики встретили помощника князя Дэ-вана. «Не он ли действовал под личиной Тимура-Дудэ?» — подумалось мне.

Беседовал с чиновником начальник политического отдела 6-й кавалерийской дивизии полковник С. Шарав. Двое цириков подвели к нему толстяка в китайской национальной одежде. При каждом движении его оплывшие жиром щеки колыхались, словно студень. Короткая верхняя губа обнажила рот, наполненный золотыми коронками. На безымянном пальце левой руки поблескивало большое и очень дорогое кольцо. Толстяк был напуган до невменяемости и все время твердил: «Помилуй бог, помилуй бог...»

— Ваша фамилия? — спросил начальник политотдела.

— Хорчинжав моя фамилия, Хорчинжав, — пролепетал толстяк.

— Где работали и какой пост занимали?

— Я служил помощником у князя Дэ-вана.

Полковник поинтересовался, почему столь высокая особа оказалась не у дел в то время, когда его единомышленники переживают роковые дни.

Господин Хорчинжав смиренно указал на свое тучное тело и вкрадчивым голосом произнес:

— Вот уже несколько месяцев я серьезно болен. Когда началось наступление советских войск... О, этот невиданной силы самум захлестнул все, что мы считали незыблемым: даже нашу веру, в священную силу императора...— При этих словах толстяк благоговейно сложил ладони и предпринял отчаянную попытку согнуть спину, но смог лишь несколько оттопырить непомерной толщины зад...— Когда все это началось, я лечился воздухом в ставке гостеприимного князя Абагачасака, недалеко от озера Арчаган-Нур.

Однако, судя по сведениям, которые Хорчинжав дал о составе группировки японо-маньчжурских войск и предполагаемых ее действиях, стало очевидным, что не так уж долго был он в отрыве от служебных дел.

Сведения Хорчинжава представляли в большей мере политическую, чем оперативную ценность. Он был действительно болен, и мы не стали больше его задерживать.

Наступила ночь. Среди непроглядной темноты слышался тяжкий стон и дикий рев разбушевавшейся стихии. Время от времени вспышки молний пронзали грозовые тучи и над горами прокатывались страшной силы громовые раскаты. На землю будто обрушилась неведомая, чудовищная сила. И мне стало понятнее чувство страха религиозных жителей Большого Хингана перед необузданной стихией природы.

В эту ночь даже «кадровые» диверсионные подразделения и группы, действовавшие в полосе нашего наступления, трусливо укрылись в населенных пунктах, чтобы переждать ужасы, обрушившиеся на горы. Японские и маньчжурские полки и бригады не решались покидать свои гарнизоны.

Лишь передовые части и соединения конно-механизированной группы в мужественной борьбе с разбушевавшейся непогодой рвались вперед. Сильный передовой отряд 59-й кавалерийской дивизии с невероятными трудностями захватил перевал за деревней Даинцзы, дважды форсировал разбушевавшуюся реку и к пяти часам с ходу овладел в узком дефиле небольшим селом. Здесь отряд, которым командовал заместитель 30-го кавполка майор Р. Г. Кудakov, разгромил сильный маньчжурский гарнизон.

Мы проехали по единственной улице, протянувшейся вдоль берега Шандухэ, и двинулись строго на юг. Виллис надрывно урчал, тяжело продвигаясь через промоины, ямы

и бурные потоки воды. Вскоре мы догнали отряд майора Кудаква. Жестом я пригласил его в свою автомашину, так как шум ливня никак нельзя было перекрыть. А в машине, хоть и барабанили о брезент потоки воды, все же можно было услышать сидящего рядом.

— Ну что там у вас произошло на переправе? — громко спросил я.

— Ничего особенного, товарищ командующий, — улыбнулся Кудаква. — Встретились с одной из террористических банд, которые рыскают в наших тылах.

Кудаква рассказал, как бойцы спасли от разрушения каменный мост. Отряд двинулся впереди главных сил дивизии. Поднявшись на гребень, солдаты заметили десятка два суетившихся у моста людей, в необычном наряде из халатов и надетых на голову мешков. Один из них, отойдя на несколько шагов, воткнул в землю металлический штырь, на котором что-то белело, еще двое забивали под мостом колья в расщелины между плитами, а третий держал в руках небольшой прямоугольный тук зеленого цвета. «Тол», — подумал командир отряда. Позади минеров он заметил человек двадцать диверсантов, сидевших на корточках. Было видно, что под халатами укрыто от дождя оружие.

Майор подозвал командира автоматчиков старшего сержанта Бурова:

— Незаметно обойди мост по ложине и спрячься с той стороны. По сигналу — серия зеленых ракет — делаем перекрестный огневой налет. Вторая ракета — атака. Понял?

К тому времени, когда автоматчики Бурова обошли диверсантов, Кудаква распределил цели между оставшимися с ним бойцами.

Взвилась ракета. Внезапный огневой налет словно ветром смел бандитов с моста и берега. Они укрылись за громадными валунами и открыли беспорядочный огонь. Двоих, упавших с моста, понесли воды Шандухэ. На берегу осталось несколько убитых и раненых.

По сигналу второй ракеты началась атака. Автоматчики Бурова дружно навалились на диверсантов сзади. Бандиты поспешно бросили оружие и подняли руки. Выстрелы слышались только из-под моста.

Автоматчики блокировали мост и хотели было «угостить» фанатика противотанковой гранатой. Но пленные, которых отвели в укрытие, сказали, что под мостом скрывается их

главарь, решили взять его живьем. Впрочем, поняв бесцельность сопротивления, он и сам вылез с поднятыми руками.

— Вот и все,— закончил рассказ Кудakov.— Да, чуть не забыл. На штыре болтался лист бумаги с какими-то каракулями.

— Где он? — нетерпеливо спросил Чернозубенко.

— У меня.— Майор достал из полевой сумки вчетверо сложенный листок, протянул полковнику: — Пожалуйста.

Чернозубенко склонился над запиской, с трудом разбирая размытые дождем строки.

— Что, Михаил Дмитриевич, не разберешь?

— Понять можно, товарищ командующий. Странно, но стиль тот же, что и в записке, которую нашли у колодца в Цзун-Хучит. И подпись та же. Вот послушайте:

«Вы не пройдет! Боги низвергнут вас в ущелья и пропасти Большого Хингана. Гневные потоки рек поглотят тех, кто попытается преодолеть их. Пусть погибнут русские, но монгольские воины должны вернуться назад, чтобы жить. Их славные предки видели светлоликого, всепобеждающего Тимучина. Пусть это великое имя хранит их от бед и несчастий. Это говорю вам я, потомок Дудэ, который был стремянным Джучи, сына Тимучина, я — Тимур-Дудэ».

— Значит, либо толстяк Хорчинжав не причастен к отравлению воды в колодцах пустыни, либо этой запиской кто-то стремится отвлечь от него наше внимание.

— Видимо, здесь действует кто-то другой,— предположил полковник.

— Товарищ командующий! — воскликнул вдруг Кудakov.— А ведь штырь с запиской ставил сам атаман хунхузов. Я это отлично видел. Может, он и есть злосчастный Тимур?

— Это мысль,— согласился Чернозубенко.— Если разрешите, товарищ командующий, я догоню пленных и допрошу атамана...

Подполковник Чернозубенко вернулся через несколько часов.

— Вот я и сдержал свое слово,— докладывал возбужденный Михаил Дмитриевич.— Человек, которого мы разыскивали, нашелся. Только оказался он вовсе не тем, за кого себя выдавал. Это, конечно, не потомок Джучи и даже не монгол, а русский белоэмигрант. Сын ротмистра Темирханова, служившего в личной охране царя. После разгрома Колчака укрылся в Маньчжурии. Здесь его и завербовала японская разведка.

Всю ночь передовые части с боями продвигались на югосток в междуречье Луаньхэ и Шандухэ. Дорога медленно и, казалось, с трудом протискивалась меж крутых, а местами обрывистых гор. В крошечной темноте, среди дикого гула разбушевавшейся стихии, все казалось таинственным и опасным. Впрочем, если бы только казалось! Каждое мгновение мог произойти обвал, оползень, можно было ждать нападения банды фанатиков. Разве можно предсказать коварные сюрпризы гор!

Дорога поднимается все выше и выше. Проезжаем через погруженную в тьму деревню Циншилей. Возле одной из фанз стоит наш солдат с тремя конями.

— В чем дело, почему остановились?

— Да вот врач с медсестрой тут. Банда несколько семей вырезала. Кое-кто остался живой. Действовали, сволочи, в красноармейской форме. Несколько человек поймали.

— Где они?

— Передали местным жителям. Говорят, судить их будут. Нескольких опознали. Оказалось, хунхузы и местные белоэмигранты.

Дорога все круче, труднее. Бурные потоки воды неистово мчатся вниз, стремясь сбросить всадников и машины в пропасть. Каждый шаг дается огромным напряжением воли. У села Даинцзы неожиданно натываемся на трупы вражеских солдат. Свет фонариков выхватывает из тьмы один, другой, третий... Их много, справа от дороги.

Здесь был кровопролитный бой. У поворота дороги на перевале — раненый маньчжур. Он только что выполз из укрытия. Искаженное болью и кровью лицо.

— Он уже не жилец,— взволнованно доложил мне капитан Семенидо.— Говорит, что этот бой был самый справедливый в его жизни. Солдаты хотели арестовать японских инструкторов и сдать их в плен. Но те успели открыть огонь из пулеметов.

К дороге перенесли еще несколько раненых.

— Направьте в село посыльного, пусть жители организуют перевозку раненых в здание монастыря и направьте туда нашего врача. А здесь оставьте кого-либо для оказания первой помощи,— приказал я и тут только увидел, что мое указание запоздало. Истекающих кровью солдат уже перевязывали.

Было еще темно, когда мы спустились с перевала, обогну-

ли гору с отметкой «1750» и вошли в село Гуаньди, лежащее на берегу реки Шандухэ.

На вершинах окружающих гор еще ночью закрепились подразделения авангардного 252-го кавалерийского полка под командованием подполковника И. Ф. Осадчука. Теперь их сменили новые передовые части, выдвинутые от главных сил дивизий. Подполковник Осадчук получил задачу продолжать наступление, выйти к городу Фынину и на рассвете 18 августа внезапным ударом овладеть им. Полк должен был перекрыть выходы из города на юг, захватить радиоцентр, телефонный узел и радиостанцию.

С утра после кратковременной паузы войска в труднейшей обстановке возобновили наступление. Десятки километров, пройденные через горные перевалы, семь переправ через Шандухэ легли тяжелым грузом на плечи солдат. Размытая ливневыми дождями, разбитая танками и машинами дорога узкой лентой вилась по крутым скатам гор.

У деревни Годзятунь долина Шандухэ вдруг стала просторнее: взбудораженная река, вырвавшись из теснины, понесла свои воды в Луаньхэ. Здесь, недалеко от слияния рек, мы остановились, чтобы подтянуть и привести в порядок части. Походные кухни готовились уже к выдаче пищи. Однако конникам было не до еды. Спешившись, они валились прямо на камни и засыпали, закрепив повод на кисти рук, чтобы через час-два снова возобновить наступление.

Успешно осуществляла операцию дивизия полковника Мядагийна Одсурэна. К середине первого дня наступления в горах она овладела перевалом на горе Мойань-шань и вышла на реку Шандухэ. В передовом отряде дивизии действовал 23-й кавалерийский полк майора Чойна Дугаржава. Это был волевой, тактически грамотный офицер. Он выбросил вперед для захвата перевала Улахалин подразделение отборных воинов под командованием лейтенанта Хампана. Вместе с Хампаном направился офицер разведотдела штаба дивизии капитан Бадам, который в свое время учился в Советском Союзе. Благоприятное выполнение задачи обеспечивало успешное наступление соединений в течение всей ночи. На пути к перевалу надо было форсировать реку у села Дунцыгоу.

К вечеру небо полностью обложило грозowymi тучами, подул порывистый ветер. Снова хлынул обвальнй ливень. В селе Дунцыгоу, куда передовой отряд подошел в глубокой темноте, их встретили крестьяне и передали около сотни плен-

ных японцев. Оказывается, подразделение лейтенанта Хампана и капитана Бадама обошло село и обрушилось на японцев с гор. Гарнизон Дунцзыгоу после короткого боя сдался в плен. Жители села организовали отряд самообороны и взяли японцев под охрану.

Мост через Шандухэ не выдержал первого же напора разбушевавшейся реки и был разрушен. Но когда полк подошел к переправе, там работали буквально тысячи крестьян. Они самоотверженно укрепляли сваи, вязали веревками настил, растаскивали валуны. До поздней ночи жители села Дунцзыгоу помогали воинам полка на первой переправе через Шандухэ. К утру перевал Улахалин был взят, а к середине дня через него прошли главные силы дивизии — 22-й кавполк майора Янжава и 34-й кавполк майора Сурунхорло. Надо отметить, что штаб конно-механизированной группы имел с дивизией Одсурэна вполне устойчивую связь. Заслуга в этом, как доложил мне комдив, принадлежала во многом майору Сугару и его подразделению связи.

На моем письменном столе лежит копия оперативной сводки, подписанной начальником оперативного управления Забайкальского фронта генерал-лейтенантом Павловским в 8.00 часов 18 августа 1945 года.¹ В кратких и лаконичных строках этого документа и теперь ощущается горячее дыхание небывалой по размаху и глубине, по внутреннему напряжению и боевым результатам фронтовой наступательной операции. В течение 17 августа войска Забайкальского фронта продолжали стремительное наступление на Маньчжурской равнине, сокрушая вражеские группировки, захватывая города, составляющие основу военно-промышленной базы японских оккупационных войск.

Более всего в тот день меня интересовало положение моих соседей слева — 17-й армии и 6-й гвардейской танковой армии.

Оперативная стрела армии генерал-лейтенанта А. И. Данилова пронзила уже район городов Чифына и Уданычэна. Сложнее, но не менее успешно развивалось наступление войск генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко. Непролазная грязь, сильные разливы рек вынуждали соеди-

¹ Архив МО, ф. Забайкальский фронт, оп. 20 837, д. 6, л. 36—37

нения армии искать обходы и даже выходить на новые направления. Особенно много хлопот было из-за небывалого разлива реки Луаньхэ (воды ее поднялись на высоту свыше двух-трех метров). Но, несмотря на эти трудности, танкисты овладели городами Кайму, Чанлином, Кайтуном. Таким образом, основная железнодорожная магистраль, связывающая Маньчжурию с собственно Китаем, была перерезана.

Что предпримет японское командование?

С точки зрения положения конно-механизированной группы надо было рассмотреть несколько основных вариантов. Если, думалось мне, войска 3-го японского фронта способны еще предпринять попытку прорваться в Китай через Жэхэ и его командующий генерал Усируку Дзюн решится на такой шаг, нам следует вести наступление в предвидении возможных фланговых ударов со стороны противника. Чтобы выполнить свою боевую задачу, надо в этих условиях заблаговременно создать сильные боковые отряды и тем самым образовать надежный боевой заслон с севера и северо-востока.

Возможно, что японская группировка Северного фронта (6—8 пехотных дивизий), дислоцирующаяся в районе города Бэйпина (Пекин), попытается наступлением на север предотвратить полное окружение Квантунской армии. В этом случае нам не избежать встречных боев где-то в пространстве между Пекином и Жэхэ.

Может случиться, что эти два удара будут осуществлены согласованно по цели, времени и месту. Надо быть готовым ко всему.

Разумеется, этих ударов противника могло и не быть. Но кто мог сказать мне об этом со всей определенностью?.. Командующий переживает операцию часто и тогда, когда в войсках наступает оперативная пауза. И это требует не меньше внутренних сил, чем когда войска ведут боевые действия. «Черновая» работа над сюжетом будущей операции ложится, пожалуй, на плечи командующего не менее тяжелым грузом, чем ее последующее осуществление.

Как бы то ни было, сложившаяся обстановка требовала прежде всего овладеть важнейшим в оперативном отношении пунктом — столицей провинции городом Жэхэ — и окончательно перерезать таким образом коммуникации, соединяющие 3-й фронт Квантунской армии с Бэйпинской группировкой Северного фронта японской армии в Китае.

В тот день нам предстояли еще два трудных испытания:

форсирование Луаньхэ в месте ее слияния с Шандухэ и продолжение перевала Дабэйлян, который, как считают местные жители, стоит на половине пути от Долоннора к Жэхэ.

Хотя Годзятунь удалось взять внезапно и сохранить мост, перебраться через Луаньхэ оказалось не так-то просто. Разлив рек затруднил подходы к мосту. И снова нам на помощь пришли китайские крестьяне. Их собралось несколько тысяч человек из окрестных деревень, и каждый предлагал свои услуги.

Я подошел к крестьянину, руководившему работой. Хорошо запомнилось его нестарое дубленое солнцем и ветром лицо, покрытое глубокими морщинами, сутулые, но могучие плечи, загорелые жилистые руки. Если бы не характерный разрез глаз, этого человека можно было принять за жителя Северного Кавказа.

— Большое вам спасибо за помощь, товарищ! — Я крепко пожал его руку.

Китаец, слегка кланяясь, произнес несколько быстрых фраз. Свою речь он сопровождал энергичными жестами, прикасаясь то к моей, то к своей груди.

— Он говорит, вы помогаете нам снять с императора Пу-И драконовый халат и одеть в него народ, — объяснил переводчик. — Кровь, которую вы проливаете за свободу нашего народа, священна.

У города Годзятуня дорога отделилась от своей шумливой спутницы — реки Луаньхэ — и потянулась строго на юг к городу Фынину, в районе которого дислоцировались 6-я и 8-я маньчжурские пехотные бригады.

Уже наступили ранние сумерки, когда передовые части начали подниматься на перевал Дабэйлян. Машины то и дело останавливались в ожидании ликвидации очередной «пробки», образовавшейся из-за труднопроходимой дороги. Промокшие до костей и уставшие до изнурения, солдаты и офицеры подразделений обеспечения движения трудились на пределе человеческих возможностей. Но существует ли предел духовных и волевых возможностей у советского воина?

Мы обогнули отвесную скалу и стали подниматься круто вверх. Неожиданно мотор впереди идущей машины заглох. Поток воды ее юзом тянуло вниз — все быстрее и быстрее. Еще мгновение — и мы неизбежно окажемся между навальной — скалой и молотом — скользящим вниз автомобилем.

Солдаты облепили машину и, упираясь в каждую неровность дороги, тщетно пытались остановить ее. Шофер что-то крикнул им, и они отскочили в сторону. Машина, едва не задев нас, скользнула влево с дороги и, сбивая с пути каменные валуны, понеслась под откос. В последний момент шофер успел выскочить через правую дверь.

Было еще не очень поздно, а дорога уже исчезла в непроглядной тьме. Сильный порывистый ветер обрушил на нас упругие потоки ливня. Ехать стало крайне опасно. Адъютант вышел из машины и, хлюпая по воде, стал лучом фонарика обшаривать дорогу. Мы двинулись за ним.

На перевале противника уже не было.

Офицер связи одного из полков доложил об обстановке и спросил:

— Продолжать наступление или до рассвета переждать на перевале? Очень уж опасен спуск.

Мне было понятно, что это не лично его вопрос.

— Вы знаете, что такое бой в горах?

— Нет. То есть теоретически знаю, но воевать в горах не приходилось.

— Так вот, если бы на этом перевале нас встретила хорошо подготовленная часть противника, сотни наших солдат погибли бы на его склонах. Командование гарнизона города Фынин, видимо, думает, что на этом перевале нас задержат, а поэтому после ливня будет иметь время для организации обороны на последующих рубежах. Значит, мы должны в течение ночи захватить эти рубежи, а на рассвете внезапно штурмом взять Фынин. Бой будет на рассвете.

Офицер бойко ответил: «Есть на рассвете бой!» — и уехал.

Пленные, захваченные в монастыре деревни Шаньшеньмяо, расположенной сразу за перевалом, сказали, что их подразделение должно было стойко оборонять перевал. Но как только начался ливень, им приказали временно оставить на перевале наблюдателей и дежурные огневые средства и до прекращения ненастья находиться в Шаньшеньмяо.

Этот случай лишний раз подтверждал, что ливневая погода остается нашим верным союзником.

Рассвет застал нас уже далеко от перевала. С ходу взяты населенные пункты Дабэйгоумынь, Тоудаоинцзы, Эраоинцзы и многие другие. До города Фынина осталось десять километров. После Ляньцзяинцзы дорога пролегла по широкой долине реки (название которой мне не запомнилось), и мы могли

резко увеличить темп наступления. Все развивалось так, как было предусмотрено.

Заблаговременно подготовленный отряд под командованием офицера В. Е. Иванова уже начал обходной маневр, стремясь скрытно выйти на дорогу южнее города и, заняв оборону при входе в ущелье, не допустить отхода противника на Жэхэ. Дорогу на восток оседлало подразделение передового полка.

Фынин — небольшой город, лежащий в окружении высоких крутых гор.

Несколько рек соединяются здесь в общий поток, несущий свои воды в могучую Луаньхэ. На правом берегу — кварталы города, на левом — аэродром, точнее, взлетная площадка.

...На рубеже села Доситанджи — последнего перед Фынином — передовой 252-й полк подполковника И. Ф. Осадчука развернулся в боевой порядок. В предчувствии боя личный состав приободрился, ускорил темп движения. Моя попытка наблюдать развитие атаки обречена: настолько плотный и беспросветный ливень. Впрочем, меня радовало то, что сама природа позаботилась о маскировке наших действий, помогла в достижении полной, ошеломляющей внезапности.

Первым в северную часть города ворвался второй эскадрон старшего лейтенанта А. Ф. Петрика. Почти одновременно восточную и западную окраины захватили другие подразделения полка. Японские советники и инструкторы предприняли отчаянные попытки группировать выскакивающих из домов солдат и организовать сопротивление. Но вспыхнувший было яростный уличный бой стал постепенно угасать.

Вихреобразная атака частей генерала Коркуца сбила пламя воинственного запала маньчжурской бригады. По улицам города в поисках спасения мечутся охваченные паникой сотни вражеских солдат. Некоторые сгоряча предпринимают попытку прорваться через ущелье на Аньцзятунь, но, видя свою обреченность, сдаются в плен. К восьми часам город был полностью освобожден. На перекрестке дорог выстроилась длинная колонна пленных. Их было свыше трехсот человек. Такими силами, если бы они создали прочную оборону на перевале или у входа в ущелье южнее города и проявили стойкость, можно держаться «сто лет».

Были взяты трофеи — несколько военных складов воору-

жения, боеприпасов, продовольствия, снаряжения и имущества.

Успех сопутствовал и другим дивизиям конно-механизированной группы. Полковник Дорж вел свою 7-ю кавалерийскую дивизию во втором эшелоне. Однако после овладения городом Годзятунем мне представилось возможным выделить ей самостоятельное дорожное направление по долине реки Луаньхэ. К утру 18 августа дивизия освободила целый ряд населенных пунктов и овладела районом Дзяцгоумыньцзы, Наньтайцзы, Гуаньчжацзы. Докладывая о выполнении поставленной дивизии задачи, полковник Дорж все время подчеркивал, что дорога в долине Луаньхэ совершенно разбита, размыта и движение по ней требует огромного напряжения.

— Дальнейшее наступление,— доложил он в это утро,— придется осуществлять почти по бездорожью. И хотя комдив не просил уменьшить темп наступления и изменить сроки выполнения очередных задач, я улавливал эту просьбу по интонации его голоса.

«Если полковник Дорж подчеркивает больше трудности, чем успехи,— подумалось мне,— то ему действительно трудно». Я хорошо знал состояние этой дивизии. Она отлично зарекомендовала себя в пустыне Гоби. Во главе ее полков стояли опытные и боевые офицеры Ульдзосхутаг, Чойжилсурэн, Лувсанжамба и другие. Мне казалось, что, несмотря на существующие трудности, дивизия справится с наступлением на самостоятельном направлении, потому не стал вносить коррективы в поставленную ранее задачу.

В это утро в 7-ю кавдивизию прибыл мой заместитель по монгольским войскам генерал-лейтенант Жамьянгийн Лхагвасурэн. Он на месте изучил конкретно сложившуюся обстановку и доложил, что наступление дивизии в долине Луаньхэ в условиях ливней сопряжено с целым рядом трудноразрешимых проблем, связанных с работами по восстановлению дороги и мостов, расчистке завалов, прокладке колонных путей и так далее. А главное — в теснине восточнее деревни Цзютунь произошел большой обвал. Обходных путей нет. Для расчистки дороги, вернее, горной тропы, потребуется несколько суток, так как фронт работы слишком узок. Товарищ Лхагвасурэн сделал вывод о необходимости вывести дивизию на новое дорожное направление.

— Каким образом вы мыслите это сделать, чтобы максимально сэкономить время?

— Думаю, что нам удастся провести дивизию напрямую по линии Гуаньчжацзы — Ланьцзяинцзы по скатам горы с отметкой «983».

Мне стала понятна безвыходность положения дивизии, если ее командование выбрало столь трудный и весьма рискованный маршрут. Это решение было утверждено.

На второстепенном, но отдельном, самостоятельном и не менее важном дорожном направлении 8-я кавалерийская дивизия в труднейших условиях продвинулась на семьдесят километров и на рассвете 18 августа овладела районом Дунь-алачао, Сяньча. Полковнику Мятагину Одсурэну была поставлена задача повернуть резко на восток, пройти через перевал в междуречье Иматухэ и ее правого притока и, продолжая стремительное наступление по долине реки Иматухэ, не позднее полуночи овладеть городом Луньхуа. Мне отчетливо представлялось, что непрерывное, почти трехсуточное наступление в невыносимо тяжелых условиях горного бездорожья, ненастья и ночной мглы легло свинцовым грузом на цириков и даргов героической дивизии, что дальнейшие боевые действия в ливневую ночь грозят вконец надорвать их физические силы. Знал об этом, но верил, что воины Монголии найдут в себе необходимый запас моральных и физических сил пробиться к Луньхуа и штурмом взять его.

Принудительная мобилизация на постройку и ремонт дорог — одна из самых тяжелых повинностей маньчжурских крестьян. Особенно тяжким бременем легла она на плечи крестьян при господстве «Наран улса», и они саботировали эти принудительные работы. Но надо было видеть, сколь массово, быстро и организованно велись работы по ремонту дорог на путях нашего наступления. Мы на этот счет никаких приказов и распоряжений не отдавали. И сначала мне казалось, что происходит это стихийно. Но было это не так. В деревнях Маньчжурии издавна существовали крестьянские отряды самообороны против произвола помещиков и хунхузов. Со времени японской оккупации они превращались в партизанские отряды, действовавшие тут же в округе. В этом случае их называли отрядами «красных пик». В большинстве своем они рассеивались по населенным пунктам, а в нужный момент сосредоточивались в горах и действовали. Вот эти отряды и стали основными организаторами работ по ремонту дорог в горах. Так произошло и в районе Дуйцзяинцзы.

Эта довольно большая деревня плотно прижалась к кру-

тобой горю, как бы сторонясь, чтобы пропустить мимо себя бурные воды реки. Проезжая по ее единственной улице, я увидел сквозь густую пелену дождя справа от дороги возвышающееся над крышами здание монастыря. Оно стояло почти рядом с деревней. Встретивший нас на окраине командир передового отряда доложил, что переправа задерживается из-за большого разлива реки.

— Сколько времени еще потребуется?

— Около двух-трех часов.— Он взглянул на часы и подтвердил: — Не больше. На переправу пришлось бросить и пленных, которые были взяты в монастыре.

К нам подошел крестьянин. Его голову покрывала конусообразная соломенная шляпа, на голых плечах едва держался гаоляновый коврик.

— Здравствуйте,— мягко произнес он и, поклонившись, пригласил жестом в фанзу.— Баоцзы кусай, пампуска кусай.

Мне не хотелось обидеть старого человека отказом, и я направился за ним. Войдя в калитку глухого забора, наткнулся еще на одну стену. Длина ее была чуть шире ворот. Пришлось обогнуть ее, чтобы пройти ко входу в дом. Я уже знал эту хитрость религиозных маньчжур. Они-то хорошо знали, что злой дух «летает» только прямо — туда и обратно. Поэтому, влетев в дверь, он непременно наткнется на преграду и вернется назад. Они верили, что этот простой способ «надежно» ограждает дом от многих бед.

Поскольку в отличие от злого духа мы выполняли миссию доброй воли, то легко обошли забор и вошли в фанзу. Не успели переступить порог, нас обдало паром. Хозяин указал на висящую над котлом сетку (она была сделана не то из пластин бамбука, не то из лучин дерева) и сказал: «Басцзы, пампуска». Я с трудом разглядел сквозь густой пар на сетке крупные шарики теста.

Мы вошли в жилое помещение. Китаец усадил нас на тянущуюся вдоль стены нару. Она служила, видимо, и лежанкой, и столом, и печью. Пол в фанзе был земляной, а в потолке зияло «небесное окно» — отверстие в потолке для вентиляции комнаты.

Баоцзы — это приготовленные на пару пирожки с начинкой — были вполне съедобными. Что касается совершенно пресных и пышных пампушек, к ним надо было привыкать.

Старик оказался интересным собеседником. Он рассказал, что в их деревнях есть помещик и несколько богатых крестьян.

Все остальные жители арендуют клочки земли в долине или рыболовные угодья, многие работают батраками. Арендная плата за пользование землей очень высокая, значительно больше половины урожая и других поставок натурой. Особенно свирепствуют японские сельскохозяйственные компании.

Поблагодарив за беседу и угощение, мы стали прощаться. Хозяин с готовностью схватил протянутую ему руку и, осторожно прижимая ее, совершенно правильно произносил: «Ленин, Ленин». Потом обвел руками квадрат. Мы поняли: он просит портрет Ленина. К счастью, у одного из офицеров оказалась сторублевая ассигнация с изображением Владимира Ильича. Старик прослезился. Он рассказал, что его брат в 1919—1920 годах воевал в России за революцию Ленина и погиб где-то на Северном Кавказе.

Начался самый изнурительный, самый опасный и героический этап наступления. От Фынина до перевала Наньболоколян немногим более тридцати километров. Но на этом этапе тринадцать (роковое число!) переправ. Дорога и река извиваются, словно два змееобразных чудовища в смертельной схватке. Потоки воды на дороге столь быстры и упруги, что сбивают человека с ног. Там погибли несколько цириков. По небу мечутся молнии, взрывы грома столь мощны и хлестки, что кажется, вот-вот разорвут тебя в клочья. Каждый метр движения вперед требовал огромного внутреннего напряжения и полной отдачи физических сил.

Неожиданно мы остановились. Выяснилось, что впереди сорвался с обрыва солдат. Чудом он зацепился за куст и повис над пропастью. Ветер трепал куст с такой силой, что мог вырвать с корнем. Одного из солдат обвязали веревкой и начали спускать вниз. Но его ударило о выступ скалы, и он потерял сознание. Когда вытащили, тело его было в синяках и ссадинах, лицо залито кровью. Веревку взял другой солдат и закрепил ее так, чтобы руки и ноги были свободны. Он тоже был ранен, но своего товарища спас.

Возле каждой переправы, как правило, находился населенный пункт: Дуйцзяинцзы, Шаохуинцзы и другие. Прежде чем начать переправу, надо было разгромить гарнизон и захватить село. Бой — переправа. Снова бой — переправа. Каждый раз казалось, что силы уже на исходе, победа достигнута на последнем вздохе. Но приказ поднимал бойцов и офицеров, и они продолжали наступление.

«Если перевал Наньболоколян удастся взять с ходу,—

думал я,— то у нас появятся реальные возможности овладеть городом Жэхэ, используя фактор внезапности». Надо было во что бы то ни стало увеличить темп наступления. Чтобы конкретнее влиять на передовые отряды, стал, где это возможно, обгонять подразделения, пробиваясь вперед.

За селом Ляндися начался крутой подъем на перевал Наньболоколян. Горы здесь покрыты лесом. Это смягчало порывы ветра, ослабляло потоки ливня. Не успели мы втянуться в лес, как впереди идущая машина заглохла и заскользила назад. Она увлекла за собой солдат, помогавших ей бурлацким способом преодолеть трудный участок. Свернуть нам было некуда. В этих условиях совершенно непонятной оказалась команда командира подразделения, обеспечивавшего движение на этом участке.

— Бросай веревку! — крикнул он.

Тяжелогруженный автомобиль заскользил еще быстрее. Сержант схватил освободившийся конец и бросился вперед за машиной. Он бежал крупными прыжками, падал, кувыркался и снова бежал, рискуя сломать себе шею. Догнав автомобиль, он схватился за дерево, обмотал вокруг его ствола веревку и уперся ногами.

«Если дерево не выдержит, тут ему и конец». Все замерли. Какое-то мгновение показалось вечностью. Удар! Веревка лопнула, машину развернуло боком. Она перевернулась и, зацепившись за другой ствол, остановилась.

Мы подошли к смельчаку. Оказалось, что это сержант Поливанов. Кто-то из офицеров дружески хлопнул его по плечу.

— Молодец! Сработал в силу ордена «Славы» всех трех степеней сразу.

Лицо Поливанова исказилось от боли.

— Расстегните гимнастерку. Впрочем, не надо.

Я увидел, что спина бойца была темной от крови и грязи.

— Сейчас же отправляйтесь в госпиталь.

— Товарищ командующий, — взмолился сержант, — я ведь здоров. Прошу не отправлять меня в госпиталь.

— Раны чистые, свежие, и при своевременном лечении вы быстро вернетесь в строй, — сказал я. — Если запустите — они загноятся.

— Разрешите лечь в госпиталь после боя за Жэхэ?

В своей непосредственности и горячности он был прекрасен, этот храбрый воин.

Товарищи с трудом уговорили Поливанова сесть в санитарную летучку...

На перевале Наньболоколян крупных сил противника не оказалось. Видимо, сказывалась потеря управления, отсутствие ясного представления об обстановке и начавшаяся паника. Что же, теперь все зависело от нас самих. Возникли благоприятные условия для атаки города с разных направлений. Но удары должны быть предельно дерзкими, сильными и согласованными. Иначе более чем десяти тысячный гарнизон Жэхэ успеет занять выгодные рубежи по хребту Гуанженьмин, в трех километрах от города, привести в боевую готовность крепость севернее его. И тогда бои могут принять затяжной, тяжелый характер. Этого допустить нельзя.

Еще раз уточняя задачи и согласовывая по времени и пространству дальнейшие действия конных, танковых, мотомеханизированных частей, и поддерживающих их артиллерии и авиации.

Атаку назначил на рассвете 19 августа одновременно первыми эшелонами обоих направлений. Чтобы сохранить внезапность, мы отказались от артиллерийской подготовки. Артиллерии предстояло наступать в боевых порядках и уничтожать обнаруженные очаги сопротивления противника. Часть сил должна была заранее обойти город с юга, юго-востока и отрезать пути отхода на Пекин и к Ляодунскому заливу.

Мы уже знали, что под ударами войск Забайкальского фронта 44-я японская армия генерал-лейтенанта Хонго и 30-я армия генерал-лейтенанта Яда распались на изолированные группировки, потеряли управление и связь. В их соединениях царили хаос и паника. На всем протяжении фронта к 18 августа советские войска вышли к железнодорожной магистрали Бэйпин—Чанчунь, а ударная сила главной группировки фронта — 6-я гвардейская танковая армия — вырвалась на подступы к Мукдену и Чанчуню. Левое крыло фронта находилось на подступах к городу Цицикару. В этот день капитулировал, наконец, гарнизон Хайларского укрепрайона. Колонну в 2200 пленных возглавили 80 офицеров¹.

Позже мне стало известно, что в тот же день командующий 1-м Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза К. А. Мерецков высадил в районе Харбина воздушный десант.

¹ Архив МО СССР, ф. Заб. фр., д. 44, оп. 20 837, л. 36—39.

Это была дерзкая операция. Здесь был захвачен в плен начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата с группой генералов и офицеров. Десантники заняли в городе здания японской миссии, жандармерии, полицейского управления, а затем захватили все важнейшие объекты. Одновременно в город ворвался сильный подвижный отряд 1-й Краснознаменной армии.

Успешно развивалось и наступление 2-го Дальневосточного фронта. 2-я Краснознаменная армия генерал-лейтенанта танковых войск М. Ф. Терехина овладела районом Кэлочжэня, Луечжэня, а 15-я армия генерал-лейтенанта танковых войск С. К. Мамонова во взаимодействии с Краснознаменной Амурской флотилией контр-адмирала Н. В. Антонова захватила на реке Сунгари важные в оперативном отношении города Цзямусы и Саньсин.

Все это говорило о том, что к 18 августа вооруженные силы японских интервентов в Маньчжурии были в значительной мере физически и морально уже разгромлены.

Командование Квантунской армии основательно запуталось в стремительно развивающейся обстановке. Оно выпустило из поля зрения многие элементы оперативного построения своих фронтов. До многих, даже крупных гарнизонов приказы доходили с большим опозданием или не доходили вовсе. Можно было надеяться, что и гарнизон Жэхэ не в курсе конкретной боевой обстановки.

Меня беспокоило главное: смогут ли 59-я советская и 8-я монгольская дивизии за ночь пройти несколько десятков километров труднейшего горного пути и на рассвете внезапно появиться перед Жэхэ?

Генерал Коркуц выслал вперед сильный передовой отряд с задачей захватить перевал Яншулин перед городом Луаньчином. После этого генералу Коркуцу предстояло частью сил обойти город с юга, овладеть железнодорожным мостом и выйти по левому берегу Луаньхэ к переправе у городской пристани. С падением Луаньчина можно было считать, что путь на Жэхэ открыт.

На ближних подступах к Жэхэ Коркуц имел в виду совершить маневр. На рубеже деревни Саньчахоу, лежащей примерно в восьми километрах западнее города, 252-й полк подполковника Осадчука должен был свернуть вправо и подойти к объекту атаки с юга, отрезав этим путь отхода противнику на Пекин, 30-му полку подполковника А. А. Ларина надо было

провести такой же обход для удара с северо-запада. 129-му полку подполковника Денисова и другим частям следовало двигаться по основной магистрали и с ходу ворваться в город с запада.

Сначала все развивалось, как было предусмотрено боевым распоряжением. Передовой отряд захватил пункты переправ и мост. Оставшееся у моста подразделение задержало для проверки поезд, шедший из Жэхэ в Пекин. В нем оказались губернатор города и некоторые чиновники, пытавшиеся бежать в Центральный Китай. Это еще раз подтвердило наши предположения о том, что противник, хотя и знает о наступлении советско-монгольских войск на Жэхэ, но далеко не все и лишь в общих чертах. О том же свидетельствовали и показания пленных, взятых у моста. Из допроса мы узнали, что вокруг города, и особенно на высотах севернее Жэхэ, ведутся оборонительные работы. Готовятся к эвакуации военные склады и семьи офицеров.

Из полученных данных можно было сделать вывод, что основной причиной всех мероприятий, проводимых противником, является отход 44-й японской армии под ударами главных сил Забайкальского фронта. В сложившейся обстановке упорная оборона группировки могла оказать известное влияние на ход боевых действий правого крыла Забайкальского фронта. Наша задача — не дать ей времени на развертывание, стремительным ударом уничтожить ее.

За деревней Яншуди перед нами возникла заштрихованная ливнем огромная гора. Луаньхэ повернула влево, в обход ее с северной стороны. Дорога сначала последовала за своей шумливой спутницей, но, наткнувшись на отвесные скалы, метнулась вправо и заюлила вверх к перевалу Яншулин.

С этим перевалом и городом Луаньпинном, лежащим за ним, был связан успех боя за Жэхэ. Если даже генерал Никamura занял оборону на перевале Гуанженьлин, думалось мне, то войска конно-механизированной группы могут совершить обходные маневры для удара с севера, через Баймяоцзы, и с юга, через Нью-чоуцзыгоу. Для этого, конечно, необходимо подтянуть дивизии и бригады первого эшелона, организовать внезапный и мощный штурм города, введя в бой все танковые и механизированные части и соединения, все артиллерийские и минометные стволы, а если потребуется, привлечь и авиацию 12-й воздушной армии Маршала авиации С. А. Худякова (благо, в интересах конно-механизированной группы она мог-

ла выполнить любую задачу). Все это, конечно, требовало времени, того драгоценного времени, которое с таким трудом отвоевано у врага и стихии. Кто-то из великих гроссмейстеров сказал: «Шахматная борьба — это трагедия одного темпа».

В вооруженной борьбе с японскими войсками в горах Большого Хингана мы уже имели выигрыш в темпах. Трагедия генерала Никамуры была в том, что он с каждым тактическим ходом операции терял темп. Пожалуй, он видел опасности, но ничего не мог сделать — столь стремительно и внезапно развивались боевые действия советско-монгольских войск.

Было бы преступно терять столь решающие преимущества во времени и пространстве.

Теперь можно было с твердой уверенностью сказать, что славная победа на главном Жэхэ-Пекинском направлении в оперативном смысле predetermined. Но перед нами все еще стояли серьезные и очень сложные тактические задачи. Емкость труднопроходимых горных дорог не позволяла быстро и массированно развернуть дивизии конно-механизированной группы. А японо-маньчжурские войска сосредоточены в районе Луаньпина, Жэхэ и несколько севернее. В самом Жэхэ стоит крупный японский гарнизон. К тому же густая сеть рек — притоков Луаньхэ, охватывающая значительное пространство вокруг города, узкие ущелья и другие горные дефиле, на дне которых лежат дороги, подходящие к Жэхэ, целая система перевалов — все это создавало противнику прекрасные условия для обеспечения широко разветвленной, гибкой и устойчивой обороны.

В этих условиях было бы лучше с ходу ворваться в Жэхэ силами передовых отрядов от дивизий первого эшелона — 252-м советским и 23-м монгольским усиленными полками.

Затем нанести удар и главными силами группы.

На перевале Яншулин мы остановились. Кое-где сквозь огромные клочья черных туч уже просматривалось серое небо. Кто-то патетически произнес:

— Да здравствует свет, да скроется тьма!

— Чем лучше погода, тем хуже для нас, — ответил ему какой-то реалист.

Действительно, наступление хорошей погоды не предвещало нам ничего хорошего. Части Жэхэйского и других гарнизонов могли своевременно развернуться, занять оборонительные позиции, и тогда кровопролитного боя не избежать.

Минут через пять позади раздался натужный рев моторов.

Вскоре подъехали радиостанции, телеграфный кресс, артиллерийские орудия и замыкающие виллысы с офицерами связи.

Дождь стихал. На рассвете главные силы 59-й дивизии находились на ближних подступах к перевалу и городу Жэхэ.

На подходе к городу была и 8-я монгольская дивизия. Одсурэн докладывал: за последние сутки непрерывного и очень напряженного наступления по долине реки Иматухэ передовые части разгромили гарнизоны в Цэньцзятун, Налаинцзы и в полночь атаквали город Луныхуа.

В донесении о взятии этого города говорилось, что противник, застигнутый врасплох внезапными действиями наших передовых частей, сильного сопротивления не оказал, бросил боевую технику и продолжал успешно отходить в южном направлении. Захвачены склады боеприпасов, горюче-смазочных веществ и автомобильный парк.

Полковник Одсурэн отмечал смелое и решительное руководство боем командира 23-го полка офицера Ч. Дугаржаво, дерзкие и предприимчивые действия взвода разведчиков под командованием офицера Бадама и самоотверженную работу взвода связистов товарища Сугара.

Мое внимание привлекло также любопытное донесение политотдела 8-й кавалерийской дивизии, присланное мне товарищем Цеденбалом. В период наступательных боев в горах Большого Хингана, говорится в этом политдонесении, в частях дивизии работал 241 агитатор. Отлично проявили себя члены партии бойцы Шаравданзан, Энхэ, Тувансурэн, Амга и другие. Например, агитатор 2-го эскадрона боец Шаравданзан по своей инициативе проводил беседы в соответствии с конкретно сложившейся обстановкой на темы: «Обязанность воина при подъемах на перевалах и спусках с них», «Как преодолевать водные преграды в горах в ливневую дождливую погоду», «Как беречь своего боевого коня», «Как сберегать и применять оружие в горах» и так далее. Такие конкретные беседы вызывали большой интерес и приносили значительную пользу¹.

Конечно же, товарищ Цеденбал был прав, уделяя при организации партийно-политической работы главное внимание ее массовости, конкретности и непрерывности ведения в боевой обстановке.

¹ Архив ВС МНР, ф. 1, ед. хр. 451, л. 96.

В городе Луньхуа части 8-й кавалерийской дивизии привели себя в порядок и в три часа ночи возобновили наступление. К моменту, когда мне докладывали обстановку, сложившуюся на вспомогательном направлении, дивизия, преодолев тяжелый переход Синлунцинъ, овладела крупным селом Шибалитай. До Жэхэ оставалось около пятидесяти километров труднейшего горного пути.

Стало ясно, что передовые отряды 8-й и 59-й кавалерийских дивизий подойдут к Жэхэ несколько одновременно. К этому времени наиболее успешно действовал 252-й усиленный полк. У нас, конечно, и в данной обстановке имелись важнейшие тактические преимущества. Равномерность ударов по Жэхэ с разных направлений с быстрым направлением усилий из глубины — все это давало свои выгоды. Тем более, что подходящие дивизии и бригады мы могли вводить в бой, сообразуясь с конкретно сложившейся боевой обстановкой.

Дивизии второго эшелона конно-механизированной группы в это необычайно напряженное грозное утро делали невероятные усилия, чтобы сократить время выхода на подступы к Жэхэ. Но в данный момент стремительный бросок даже одного-двух передовых усиленных полков мог дать хорошие тактические результаты.

Это во многом зависело от того, сколь успешно будет взят город Луаньпин. В боевом распоряжении внимание генерала Коркуца обращалось на то, чтобы ни один офицер и солдат 2-й маньчжурской бригады не ушел из Луаньпина на Жэхэ. Чтобы перехватить пути отхода противника, Евгений Леонидович направил в обход города с юга передовой полк и поставил ему задачу частью сил захватить узкоколейный железнодорожный мост у деревни Инцзяинцзы и мост на восточной окраине города. Главными силами полк должен был ворваться в город с тыла.

Увлекаемый предстоящими событиями, я то и дело потираливал шофера сержанта Короля. Дорога значительно улучшилась, и наша маленькая колонна передового командного пункта быстро приближалась к Луаньпину. Справа и слева тянулись крутые безлесные скаты гор, с которых все еще мчались бурные потоки воды.

У небольшой деревни с монастырем, прижавшимся к обрыву, горы раздвинулись, и впереди показался Луаньпин. Встретившая нас офицерская разведка сообщила, что в городе идет

разоружение маньчжурского гарнизона. Некоторые его подразделения отошли по горной тропе на юг.

Из краткого доклада о ходе боя мне стало понятно, что внезапность должна и на этот раз обеспечить нам решающие тактические и психологические преимущества, при которых можно захватить Жэхэ даже частью своих сил. Отказываться от такой возможности грешно, хотя в этом, конечно, была солидная толика риска. Ведь в городе, напомним, располагается гарнизон, насчитывающий свыше десяти тысяч свежих японских войск.

Луаньпин, через который мы проехали не задерживаясь, производил впечатление большой деревни. Река Луаньхэ уходит здесь к югу в обход горного массива, а дорога продолжает свой путь через перевал Гуанженьлин — последний перед Жэхэ. Где-то на его восточном склоне и развернем передовой командно-наблюдательный пункт, подумалось мне, и я снова поторопил шофера. Неожиданно сквозь разрыв туч на склон горы упал и скользнул на дорогу пологий сноп солнечных лучей. Я приоткрыл дверцу автомобиля и выглянул. По небу метались серые клочковатые тучи. Далеко впереди над перевалом светился горизонт. Дождь заканчивался.

— Нажимай, Сергей, надо догнать передовой отряд. — Шофер выжимал из виллиса скорость, при этом не забывал следить, чтобы машины с автоматчиками, радиостанцией и офицерами связи не отставали от нас.

Миновали деревню Санчакоу, затем дорогу, идущую на юг, и начали подниматься на перевал Гуанженьлин. Где же передовой отряд? Жестом останавливаю машину.

— Передай Васильеву и Шведову — пусть проедут вперед, догонят передовой отряд и уточнят обстановку.

Капитан Семенидо побежал выполнять приказание.

Через некоторое время после отъезда офицеров мы тронулись на перевал. Он был куда более полог и освоен, чем те, которые мы преодолели раньше. Здесь даже проходила узкоколейка.

Поднявшись на вершину, мы увидели подразделение хорошо вооруженных солдат в форме войск Маньчжоу-Го. В их окружении стояли в кузове виллиса Васильев и Шведов. Маньчжурские солдаты возбуждены и энергично жестикулируют. Но это не тот случай, когда какая-то из сторон находится в плену. Наши машины со скрипом тормозов останавливаются возле «собеседников». Майор Васильев докладывает:

— Эти солдаты ушли из Жэхэ, чтобы влиться в подходящие с юга части Ди ба лу цзюнь¹ или какой-нибудь отряд «красных пик». Они только что поднялись на перевал, но нашего передового отряда не видели.

— Из них кто-нибудь понимает по-русски?

— Да, вот этот,— Васильев указал на пожилого солдата.

Солдат понял и объяснил, что он в начале двадцатых годов работал на пароходе «Амгунь», принадлежавшем предпринимателям общества Амурского пароходства. Кстати, в Маньчжурии многие сами когда-то жили в России или имели там родственников. Сопровождая свои пояснения энергичной жестикуляцией, китайцы объяснили нам, что «русский солдат на долоте нету, японский солдат на долоте нету. Не велишь? Ходи сама смотри». По их словам, в городе ходят слухи о подходе советских войск, но никто не подозревает, что они находятся столь близко к Жэхэ.

Все эти сведения требовали тщательной проверки. Но у нас не было для этого времени. Если передовой отряд ворвался в город, следовало принимать меры для быстрого наращивания усилий; если же... И вот тут меня осенила догадка: возможно, передовой отряд двинулся в обход города с юга, получив новое боевое распоряжение командира дивизии? Чтобы уточнить обстановку, надо немедленно выдвинуться непосредственно к городу. Можно было, конечно, послать для этой цели кого-либо из офицеров. Но ждать его возвращения и терять время — излишняя роскошь, которую нельзя себе позволить.

Машины ехали быстро, но мне казалось, что время тянется невыразимо медленно. Слева остался монастырь, справа за нами виднелась узкоколейка. Склоны горы постепенно раздвигались, открывая перед нами панораму Жэхэ. Я внимательно всматривался в очертания освещенного утренними лучами незнакомого китайского города. На переднем плане — снова стоящий у дороги монастырь (просто удивительно, сколько их здесь!), от него тянется загнутая вправо улица, к ней примыкает железнодорожная станция. Левее дороги от жилого массива километра на два возвышается крепостная стена. Потом

¹ Ди ба лу цзюнь (китайск.) — восьмое направление, что означает 8-я армия.

она поворачивает на восток. Внешне все спокойно. Значит, передовые отряды в город не вошли. Видимо, они действительно совершают обходные маневры с юга и с других направлений, чтобы перехватить шоссейную и железную дороги и отрезать этим пути отхода Жэхэйской группировки на Пекин и на восток к морю.

Обстановка в связи с этим могла в любой момент резко обостриться. Поднятый по боевой тревоге гарнизон Жэхэ и бригады, дислоцирующиеся в близлежащих населенных пунктах, могли в случае неудачно сложившегося для них боя предпринять попытку уйти на соединение с Северным фронтом японских войск в Китае, то есть на Пекин, либо двинуться на Ляодунский полуостров.

Надо было что-то немедленно предпринять. Но что? Главные силы 59-й кавалерийской дивизии могли подойти к Жэхэ лишь через час-два. Вот если бы можно было упредить полковника Никамуру и не дать ему поднять по тревоге дивизию. Но как это сделать? Послать в город парламентариев? Нет! Ведь продолжает же фанатично драться гарнизон Хайларского укрепрайона в полосе наступления 36-й армии. А Калганский укрепрайон?.. Я невольно взглянул на часы: вот уже два часа длится штурм укреплений перед Великой китайской стеной. Кто может дать гарантию, что приведенный в боевую готовность гарнизон Жэхэ не проявит такого же безрассудства и не вступит в яростную борьбу с нами?

А что, если самому заявиться в штаб японского гарнизона и продиктовать условия капитуляции? Ведь именно во время наших переговоров Никамуре доложат о том, что дороги на Пекин и к морю перерезаны, что с запада к городу подошли крупные силы советских войск. Об этом мы могли позаботиться и сами. Ведь у нас под руками в плену целое подразделение вражеских солдат. Мне казалось, что это, пожалуй, наиболее верный путь принудить Никамуру к капитуляции.

Офицерам связи были отданы необходимые распоряжения, и мы двинулись в город. Теперь многое зависело от того, насколько быстро, без задержек проскочим к штабу.

Несколько наших автомашин плотной колонной на большой скорости пронеслись мимо монастыря. Слева замелькали редкие улицы с огородами, на которых уже виднелись согнутые черные спины землеробов. Под колеса остервенело бросались собаки. Прохожие удивленно таращили глаза. Кто-то, испугавшись, спешил скрыться во дворе, кто-то, разобравшись,

в чем дело, приветливо махал руками. При въезде на одну из центральных улиц я увидел впереди японский патруль.

— Возле них остановись.

— Может, не надо? — буркнул мне в ответ сержант Король, но, не получив ответа, повторил приказ: — Есть остановиться.

Почти не сбавляя скорости, шофер выключил сцепление и нажал на тормозную педаль. Машина с диким визгом остановилась. Другие автомобили остановились так, что перекрыли улицу. Сообразив, в чем дело, японцы опешили. Капитан Семенидо с переводчиком подбежал к ним и потащил в машину, объясняя на ходу, что от них требуется указать наикратчайшую дорогу в штаб дивизии.

Не успели мы тронуться, из двора выскочили два наших солдата.

— Стойте! — крикнул один из них и, подбежав, доложил: — Товарищ командующий, в городе японские части. Они в крепости на северной окраине. Наши дивизионные разведчики проникли в центральную часть города. Штаб японцев расположен на площади у крепостной стены и частью в крепости.

— Передайте командиру разведгруппы: немедленно прибыть к этому штабу. Я буду там. Действовать в зависимости от конкретно сложившейся обстановки.

Разведчики крикнули «есть» и стремглав бросились назад.

И снова перед глазами мелькают, словно быстро сменяющиеся кадры фильма, отдельные моменты жизни чужого города. Мое зрение невольно фиксирует вереницу женщин с плетеными корзинами на голове, наполненными бельем. Какой-то толстяк в длинном черном халате поднимает ребристую цинковую штору, прикрывающую дверь магазина. На одной из улиц нам повстречался молодой стройный офицер. Он шел нетвердой походкой прогулявшего ночь кутилы и бойким голосом пел бравурную песню. Завидев наши машины, он довольно четко приветствовал нас и тут же, придерживаясь за перила, стал спускаться в подвальное кабаре.

— Пошёл добавить, — констатировал майор Шведов.

Штаб гарнизона находился в здании китайской архитектуры, увенчанном черепичной крышей с загнутыми вверх углами. У входа стояли часовые.

Мы остановились. Автоматчики намеревались выскочить из машины. Но я жестом остановил их, тихо приказал:

— Всем оставаться на местах!

Конечно, можно было ворваться в штаб, пленить офицеров и продиктовать условия капитуляции гарнизона. Но при этом непременно возникнет стрельба, которая может встревожить войска, находившиеся в городе и, главным образом, в крепости. Мне казалось, что лучше провести психологическую атаку против командования японского гарнизона.

— Майор Шведов и капитан Семенидо, вызовите старшего японского начальника.

Шведов и Семенидо направились было к зданию. Но оттуда показалась группа офицеров во главе с коротконогим крепышом, холеное лицо которого украшало пенсне.

Выйдя из машины, я принял позу человека, ожидавшего доклада, и строго посмотрел на коротконого. Тот блеснул стеклышками пенсне вправо, влево и, встретив мой взгляд, направился ко мне. По глазам было видно, что японец растерян и плохо владеет собой.

«Нужно заставить его заговорить первым. Пока будет докладывать, лучше почувствует, кто хозяин положения». Но японец остановился передо мной, не проронив ни слова.

«Молчишь? — зло подумал я. — Если ты, самурайская твоя душа, немедленно не заговоришь, то твое молчание будет уже молчанием мертвеца!»

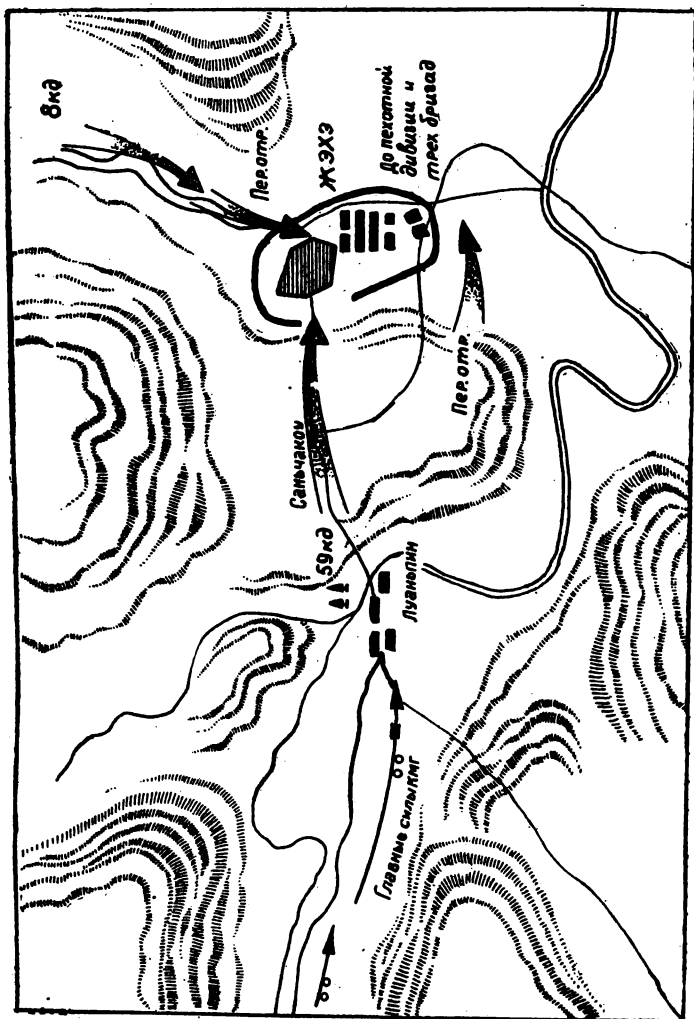
К моему великому удовлетворению, японец правильно понял мое состояние и мысли. Он быстро, сбивчиво залопотал.

— Я полковник, командир дивизии. Что вам угодно? — словно передал наш переводчик.

— Перед вами представитель советского командования. Предлагаю принять условия безоговорочной капитуляции. Сопротивление бесполезно. Город окружен войсками Забайкальского фронта.

— Но... — полковник не успел договорить фразу, как подошел еще один офицер. Он оказался представителем генерального штаба. По мере того, как переводчик объяснял ему смысл моих требований, глаза генштабиста округлялись. Он попросил две недели для доклада командующему 44-й армии генералу Хонго и последующего согласования вопроса с главнокомандующим и императором.

— А известно ли вам, что пятнадцатого августа пал кабинет Судзуки? — спросил я. — Военный министр Анами, член высшего военного совета генерал Иосио Синодзука и другие покончили жизнь самоубийством. Вам не с кем согласовывать вопрос о капитуляции.

ПЕРВЫМИ В ЖЭХЭ ВСТУПИЛИ ЧАСТИ
59-й СОВЕТСКОЙ И 8-й МОНГОЛЬСКОЙ
КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ.

— Но император...— глухо пробормотал генштабист.

На лицах японских офицеров отражалась напряженная внутренняя борьба. Кто знает, на что могут решиться с отчаяния эти двое? В их взглядах нет еще той обреченности, которая неминуемо предшествует сдаче врага на милость победителя. Они скорее просто ошеломлены нашими внезапными, дерзкими и стремительными действиями.

— Если вы не согласитесь на немедленную капитуляцию,— предупредил я,— через два часа вступит в силу мой приказ, и советско-монгольские войска начнут штурм города. Тогда уже никто не сможет поручиться за вашу жизнь, жизнь ваших подчиненных, за судьбу их семей, живущих в Жэхэ.

По лицу генштабиста скользнула ироническая улыбка. Он решительно шагнул вперед, как бы отстраняя этим командира дивизии от решения судьбы гарнизона, и хотел что-то сказать. Слова его, будь они сказаны, не предвещали бы, конечно, для нас ничего приятного. Но открыв рот, генштабист поперхнулся и в следующее мгновение столь же энергично попятился назад. За моей спиной послышался шум автомобилей. Поняв, в чем дело, я произнес тоном, выносящим приговор:

— У нас в народе говорят, господин полковник: «Если враг не сдается, его уничтожают!» Вы должны принять решение о капитуляции немедленно или это сделает за вас уже другой, более разумный офицер.

В этот момент к нам подъехала артиллерийская батарея капитана Рагулина и невесть откуда появившаяся машина гвардейских минометов «катюша». Сообразительный комбат бойко доложил, что все пути отхода из Жэхэ перерезаны отборными передовыми отрядами, главные силы сосредоточились для штурма города в исходных районах на обратных скатах высот. Он жестом указал на прилегающие к городу горы.

Как потом выяснилось, дороги на Пекин к этому моменту действительно были перерезаны нашими передовыми частями. Во всяком случае, при этом сообщении полковник Никамура растерянно взглянул на генштабиста и, убедившись, что тот уже утратил качества представителя вышестоящего штаба, заявил:

— Хоросо, обстоятельства вынуждают меня покориться. Но я могу срозить оружие при непременною соблюдении двух моментов. Во-первых, усровия капитуляции должны быть почетными, а офицерам сохранены мечи и привирегии. Во-вторых,

переговоры с вашей стороны может вести только военачальник, равный мне по званию и по дорзости или выше меня. Вы понимаете, что, если я сдам город офицеру, стоящему по порожению ниже меня, то вечный позор рязет на меня, моих родственников и потомков.

— Что касается первого требования, то соблюдения его гарантировать не могу. Единственное, что обещаю,— сохранить всем жизнь. Относительно второго условия можете не беспокоиться — перед вами генерал-полковник Советской Армии Плиев.

Надо было видеть, как генштабист вдруг весь подтянулся, вроде бы внутренне «спружинил».

— Мы вас знаем, вас превосходительство,— прошеле-стел он и, сложив ладони у груди, зашипел. По этике японской аристократии такое шипение означало, как мне пояснили, подобострастие и готовность к услугам.

— Тем лучше,—я с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться.— Через два часа вы подготовите войска гарнизона к сдаче в плен, а ваши парламентарии придут к монастырю.

— Хорошо, вас превосходительство,— и полковник снова зашипел.

Мы сели в машину и выехали из Жэхэ на свой командный пункт тем же путем, каким прибыли.

Беспокоясь за передовые отряды, я направил офицера связи с автоматчиками на южную окраину Жэхэ и в другие пункты. Выяснилось, что передовой отряд 59-й кавалерийской дивизии перед выходом к городу свернул вправо. Он готов ворваться в Жэхэ с юга и ждет только сигнала.

О своем маневре командир передового отряда доложил в боевом донесении командиру дивизии. Но оперативная группа к тому времени уже проскочила со мной вперед. В этом, пожалуй, был виноват я сам. Что поделаешь, на войне всякое бывает.

Теперь мы уже не должны были маскировать свои действия. Наоборот, следовало широко демонстрировать наступление крупных сил советско-монгольских войск на непосредственных подступах к Жэхэ с запада, севера и юга. К этому времени главные силы 59-й советской кавалерийской дивизии подошли и развернули боевые порядки на восточных склонах высот, прилегающих непосредственно к городу. Передовой отряд 8-й монгольской кавалерийской дивизии также развернулся на подступах к Жэхэ с севера.

Южнее Жэхэ полк подполковника.Осадчука, захватив мост через реку Луаньхэ, задержал колонну автомашин, в которых ехали китайские власти провинции Жэхэ во главе с губернатором, а также семьи японских офицеров. После того, как мы сообщили об этом командованию гарнизона и предоставили возможность убедиться в достоверности сведений, Никамура поспешил прислать парламентариев. Переговоры закончились довольно скоро. Части гарнизона приступили к выполнению условий капитуляции.

В город вступили части 59-й советской кавалерийской дивизии. И каково было мое удивление и радость, когда я узнал, что с севера в город вошел усиленный передовой отряд 8-й монгольской кавалерийской дивизии во главе с командиром 23-го полка майором Ч. Дугаржавом! Дугаржав и несколько десятков его воинов совершили поистине чудо, преодолев за одну ночь расстояние от Луаньхуа до Жэхэ, и смело ворвались в город, хотя разведчики, возглавляемые секретарем ревкомольской ячейки Э. Лувсанбалданом и старшиной Намжима, доложили ему, что у подножия горы перед городом подразделения японских солдат ведут оборонительные работы. Я еще раз убедился в том, что наши монгольские братья — надежные боевые соратники!

Разговор с японским полковником показал, что хотя командование 44-й японской армии и знало о нашем наступлении через пустыню Гоби, но не было своевременно осведомлено о конкретной обстановке. Во всяком случае, штаб армии плохо управлял своими войсками и информировал их. Не поступало необходимых сведений ни из штаба 3-го фронта, ни из штаба Квантунской армии. Видно, кое-кто из больших японских чинов всерьез продолжал считать это направление почти непроходимым в период сезонных ливневых дождей.

Узнав о падении Долоннора, в Жэхэ посчитали, что советско-монгольские войска осуществили наступление с севера со стороны Цзинпэна. Выход наших войск непосредственно к Жэхэ ожидался не так скоро.

К вечеру мы заняли радицентр, телеграф, телефонную станцию, вокзал, банки, тюрьму и другие важные объекты. Нам достались многочисленные склады и, что особенно важно, запасы горюче-смазочных материалов.

Крепость, в которой располагались японские части, опоясывала четырехметровая стена с бойницами. Там были оборудованы взлетные площадки, казармы, склады вооружения,

боеприпасов, продовольствия и другие. Словом, она была хорошо подготовлена к обороне.

Когда штаб группы разместился в японском военном городке, поблизости от крепости, мне показали найденную в штабе японскую географическую карту. Территория нашей Родины вплоть до Уральского хребта была окрашена в тот же голубой цвет, что и японские острова. Надпись гласила: «Великая западная колония Японской империи»!..

Ночь в городе прошла беспокойно. С наступлением темноты несколько еще не разоруженных подразделений обстреляли наши позиции с восточной части города и в некоторых других местах. То там, то здесь происходили запоздалые «вспышки воинской доблести» небольших групп и подразделений, просочившихся из крепости; дело доходило даже до применения артиллерии прямой наводки. К утру все сопротивлявшиеся подразделения были пленены или уничтожены. Кое-кто из неудачливых вояк попытался вернуться в крепость, но никто из них не решился уйти в горы. Горький опыт войны в Китае подсказывал, что это опасно. Партизаны не только уничтожали мелкие подразделения, но и нападали на крупные части.

Наконец, генерал Коркуц доложил, что весь гарнизон разоружен. В плен сдалось 8136 солдат и офицеров. В качестве трофеев нашим войскам досталось 9126 винтовок, 81 легкий пулемет, 42 тяжелых пулемета, 15 минометов, подразделение танков, 300 автомашин, несколько миллионов патронов, 42 склада и много другого военного имущества¹.

По этим цифрам можно судить, какие крупные запасы создавали японцы в крепости и в городе. Они рассчитывали выдержать длительную осаду в отрыве от внешнего мира. А на худой конец за мощными стенами можно было укрыться и от гнева поработанного ими китайского народа. Но крепость волей военной судьбы пала без боя.

Овладение городом Жэхэ имело большое оперативно-стратегическое значение. Оно открывало путь к Пекину и на побережье. А с выходом советско-монгольских войск к Ляодунскому заливу оказывались отрезанными все японские соединения, действовавшие в Северном Китае.

Этот день был насыщен важными событиями, оказавшими

¹ Архив МО СССР, ф. 210, оп. 35 267, д. 1, л. 30—31.

решающее влияние на дальнейший ход боевых действий в Маньчжурии. К тому времени в центре Забайкальского фронта 6-я гвардейская тайковая армия овладела городами Чжанту, Синьминем, Ляошанем и вышла на подступы к Чанчуню. Возникшая угроза вынудила часть штаба Квантунской армии передислоцироваться из Чанчуна в Мукден.

Ровно в 13.00 над Мукденом появились десантные самолеты в сопровождении истребителей. В них находилось 225 автоматчиков. В одном из самолетов находился особоуполномоченный генерал-майор А. Д. Притула — начальник политотдела штаба Забайкальского фронта.

Накануне по аэродрому нашей авиацией был нанесен мощный бомбоштурмовой удар, а над городом сброшены сотни тысяч листовок.

Истребители пронеслись на бреющем полете над аэродромом и взмыли вверх. Тем временем транспортные самолеты пошли на посадку. В 13 часов 15 минут приземлился первый. Вслед за ним садятся остальные самолеты. Автоматчики решительно атакуют аэродромные объекты и занимают их. В этот момент из ангар вырываются пять японских истребителей и взмывают в воздух. Они делают над аэродромом круг и почти вертикально устремляются к земле. Почти в центре аэродромного поля один за другим врезаются в землю. Так своеобразно и бесславно японские летчики покончили жизнь самоубийством.

Для полноты событий, которые произошли в Мукдене, мне хочется рассказать и о том, что теперь уже известно, но недостаточно широко. В одном из помещений аэродрома был обнаружен император Маньчжурии Пу-И. Он сразу же попросил, чтобы его не передавали в руки японского командования. Как оказалось, с началом войны командующий Квантунской армией получил высочайшее повеление отправить императора в Японию. После неудачной попытки провезти его через порты Северной Кореи он был доставлен в Мукден и здесь ожидал самолета на Токио. В плен попала вся свита императора и начальник гарнизона города Мукдена генерал-лейтенант Конго.

С аэродрома генерал Притула в сопровождении офицеров и автоматчиков поехал через ликующий город в штаб 3-го японского фронта. Здесь командующий генерал Усироку Дзюн принял условия капитуляции. В Мукдене войсками Забайкальского фронта были освобождены военнопленные американцы и англичане, находившиеся в японском лагере. Среди

них оказалось много офицеров и генералов, занимавших крупные военные посты в ходе второй мировой войны.

Сорока пятью минутами позже на Чанчунском аэродроме приземлился десантный отряд численностью 200 человек. Вслед за тем над городом появился самолет, эскортируемый четырьмя истребителями. В нем находился представитель военного совета Забайкальского фронта полковник Артеменко. Вскоре после его приземления на аэродром прибыл заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацумура.

Полковник Артеменко передал представителям вражеского командования требования о выводе войск из городов и подготовке к сдаче их в плен.

Узловым событием 19 августа была встреча Главкома советских войск на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского с начальником штаба Квантунской армии генерал-лейтенантом Хата, японским консулом в Харбине Миякава и начальником 1-го отдела штаба Квантунской армии подполковником Сидзима. С нашей стороны присутствовали Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, главный маршал авиации А. А. Новиков, член Военного совета генерал-полковник Т. Ф. Штыков и другие.

Переговоры, продолжавшиеся несколько часов, состоялись в лесном домике неподалеку от советско-маньчжурской границы. Японцы приняли безоговорочную капитуляцию. Были уточнены места разоружения и сдачи в плен каждой армии и каждой дивизии, установлен порядок передачи складов с вооружением и стратегическим сырьем.

Однако переговоры еще не означали конца войны. Боевые действия на полях Маньчжурии продолжались. Если главным силам Забайкальского фронта предстояло выйти на побережье Ляодунского залива, освободить одноименный полуостров и города Порт-Артур, Дальний (Дайрэн), то перед конно-механизированной группой стояла не менее сложная задача — развить наступление в общем направлении на Пекин. Это наступление открывало перед нами перспективу установить взаимодействие с частями 8-й народно-освободительной армии Китая и разгромить Бэйпинскую группировку Северного фронта японской армии. Меня, однако, смущало следующее обстоятельство. Между Советским Союзом и Китаем еще 14 августа был заключен договор, устанавливающий традиционные дружественные отношения «путем союза и добрососедского

послевоенного сотрудничества». Но чанкайшистские правители, извращая некоторые статьи договора, утверждали, будто СССР взял на себя обязательства помогать правительству Чан Кай-Ши в его борьбе против народно-освободительного движения в Китае. Это, разумеется, несусветная чушь. Более того, сам Чан Кай-Ши, как стало позже известно, вел двойную игру. Через своего представителя он передал японскому генералу Иману дополнительные условия капитуляции, в соответствии с которыми японские войска должны были до передачи оружия гоминдановским частям вести боевые действия против народно-революционной армии.

Продолжая наступление на Пекин, мы попадали в атмосферу сложной военно-политической борьбы. Ведь за занятие любых пунктов не гоминдановцами, как говорилось во втором пункте условий капитуляции, предъявленных Чан Кай-Ши японцам, ответственность несли японские войска, которые обязаны освободить эти пункты и передать их нашим войскам¹ (то есть чанкайшистам. — *И. П.*). Это значило, что действия конно-механизированной группы правительство Чан Кай-Ши могло оценить, как вторжение в страну, с которой заключен договор в духе дружественных отношений.

Что делать? Собственно, такого вопроса передо мной тогда не стояло. Решение продолжать наступление было продиктовано главным образом следующими мотивами: к югу от Жэхэ продолжали существовать и вести боевые действия японские дивизии. Они оказывали серьезные сопротивления армии Чжу Дэ. Используя это обстоятельство, Чан Кай-Ши даже предпринял попытку организовать контрнаступление против 8-й китайской Красной армии. Однако в результате ряда сильных ударов гоминдановцы вновь потерпели поражение. Помнится, к нам прибыл командующий 12-й гоминдановской армией генерал Фудзо-И и обратился с просьбой, чтобы мы воздействовали на Чжу Дэ, который, как он выразился, «потеснил мои корпуса на 20—30 километров и наносит удары по тылам».

— Мне поручено заявить, — ответил Фудзо-И наш представитель, — что советские войска ведут боевые действия только

¹ В. Л. И с р а э л я н. Дипломатическая история Великой Отечественной войны. Изд-во ИМО, 1959, стр. 351.

против оккупационных армий империалистической Японии. Во внутренние дела Китая мы не вмешиваемся.

Можно было бы спросить у генерала Фудзо-И, почему он не выдвигает предложений по совместному разоружению японских гарнизонов. Но нам было совершенно ясно, что между гоминданом и японцами существует прямой военно-политический сговор. Словом, военная и политическая атмосфера в районе боевых действий конно-механизированной группы была весьма сложной и крайне напряженной. В этих условиях главным для нас было продолжать наступательную операцию с целью полного разгрома японских оккупантов. Мы не могли прекращать боевые действия до тех пор, пока они на деле не сложат оружия.

Для дальнейшего наступления на Пекин мы могли использовать дорожное направление: Жэхэ, Аньцзятунь, Губэйкоу, Миюнь, Пекин. Поэтому 5-я монгольская кавалерийская дивизия с утра 20 августа из-под Луанчина начала выдвигаться к Аньцзятуню. Недалеко от этого города в стороне от дороги действовала 6-я кавалерийская дивизия. Обе эти дивизии во взаимодействии с советскими танковыми, артиллерийскими, инженерно-саперными и другими частями начали выдвижение в исходные районы для дальнейшего наступления. Они должны были составить первый эшелон конно-механизированной группы. Наступление на Пекин назначалось на утро 21 августа.

Еще в ходе наступления на Жэхэ мы деятельно готовились к дальнейшему этапу операции на Жэхэ-Пекинском и Калган-Пекинском направлениях. Вечером, накануне возобновления наступления, когда все было уже готово, я с группой офицеров выехал в деревню Инфан, стоящую на повороте дороги к югу. Километрах в двенадцати от нее находился город Аньцзятунь. Здесь мы намеревались разместить штаб конно-механизированной группы на первом этапе операции до выхода к Великой китайской стене и овладения городом Губэйкоу.

Наши вездесущие разведчики установили, что в Аньцзятуне располагается не очень большой, но по-боевому настроенный гарнизон численностью в несколько сот активных бойцов, а в Губэйкоу — пехотная бригада японцев. Полковник Никамура этих сведений не подтвердил и предположил, что там осели подразделения и части, отходившие под ударами конно-механизированной группы с Долоннор-Жэхэйского направления.

Никамура дал довольно подробную информацию о дислокации японских войск по линии Датун — Пекин — Тяньцзинь. В Датуне располагались японские соединения: 118-я пехотная дивизия, две пехотные бригады и 4-й охранный отряд; в Пекине остались 3-я танковая и одна пехотная дивизии, 44-й отдельный танковый полк, юго-западнее Пекина — еще одна пехотная дивизия; в Тяньцзине — 105-я учебная артиллерийская бригада; еще западнее — на станции Тангу — 8-я отдельная стрелковая бригада и другие специальные части.

Причиной того, что войск в этих районах дислокаций значительно поубавилось, было наступление 8-й народно-освободительной армии под командованием Чжу Дэ. Это наступление началось еще 11 августа и к моменту взятия нами Жэхэ и разгрома Калганского укрепрайона передовые части подходили к рубежу Датун — Пекин.

Говоря об этом, Никамура не без сожаления произнес:

— Наше поражение — это захоронение принципов «хакко итпу»¹. У народов Азии должен быть покровитель, удел которого нести бремя их защиты от покорения белой расой. Теперь Азия будет растерзана тремя гигантами: Россией, Америкой и Англией.

Что-то вспомнив, он оживился и обвел рукой карту Китая:

— О, если бы моя родина успела, а вернее, сумела завершить операцию «Чан-Кви»² и подвести все «углы» Азии под одну крышу...

— Вы были слишком далеки от выполнения этой непосильной задачи, чтобы говорить об этом с таким сожалением.

Полковник горячо возразил:

— 8-я армия Китая находилась на грани разгрома. Ее крупные силы под командованием генерала Чжао Выньцзиня были в окружении и отсчитывали последние удары своего пульса. Только наступление советской России спасло 8-ю армию от поражения.

— Следовательно, свою «крышу» японскому милитаризму приходилось возводить силой оружия, под прикрытием религиозно-мистических принципов. Ваша колониальная политика

¹ Хакко итпу (японск.) — «восемь углов под одной крышей».

² «Чан-Кви» (японск.) — так назывался план разгрома китайской армии.

уже стояла Азии огромных людских жертв и материальных потерь.

— А зачем пришли в Китай войска вашей страны?

— Чтобы выполнить освободительную миссию и, предоставив народам право самим решать свою судьбу, уйти из Китая, — ответил я японцу.

Никамура пожал плечами:

— Такого в истории войн еще не бывало.

— Вам этого не понять, но у вас будет время убедиться.

Сведения Никамуры не отражали, конечно, изменений, которые произошли в последние дни.

На пути в деревню Инфан мы обогнали главные силы 5-й кавалерийской дивизии и настigli передовой отряд. От Инфана начинается дорога на Пекин. Здесь мы остановились, чтобы уточнить обстановку.

Наступление развивалось успешно. Прибывший ко мне генерал Доржипалам доложил, что передовой отряд его дивизии — 28-й усиленный кавалерийский полк под командованием подполковника Эрэнцэна — уже достиг крепости города.

— Стремительно выдвигайте к городу главные силы дивизии. Если японцы не примут ультиматум, тогда артиллерийско-минометным огнем дивизии и приданных средств сокрушить противника и решительной атакой взять город.

— Город будет взят сегодня ночью, — заверил меня комдив.

— Торопитесь, у нас есть серьезный соперник. Передовой отряд 6-й кавдивизии — 15-й кавалерийский полк майора Дарамжава на ближнем подходе к городу. Полковник Цэдэндаши обещал первым ворваться в Аньцзятунь.

— Разрешите действовать? — коротко произнес Доржипалам. В глазах этого опытного и храброго генерала светилась твердая решимость.

Вместе с нашим офицером связи генерал Доржипалам выехал вперед, чтобы лично организовать штурм города.

Внезапный удар передовых отрядов уже предрешил судьбу гарнизона крепости. Около сотни пленных было захвачено на подступах к городу. А когда наступил рассвет и из крепости увидели, что вся долина заполнена наступающими войсками, поняли, очевидно, обреченность гарнизона, и над крепостной стеной был поднят белый флаг.

Генерал Доржипалам и полковник Цэдэндаши в сопровождении автоматчиков направились в крепость. Им представился молодой японский офицер штаба бригады. Оказалось,

что основные силы и средства бригады занимают оборону вдоль Великой китайской стены перед городом Губэйкоу.

Захватив город Аньцзятунь, дивизии первого эшелона, сбивая и уничтожая на своем пути вражеские заслоны, продолжали стремительное наступление к границе Внутренней Монголии с Китаем, проходящей по Великой китайской стене.

Там, где река Чаохэ разрывает стену, китайцы в давние времена построили укрепленный город Губэйкоу. Позднее по долине реки пролегли шоссейная и железная дороги на Пекин.

На рассвете 21 августа наш передовой командный пункт прибыл и развернулся в Аньцзятунь. Здесь ко мне явился представитель от гоминдановского генерала Шуаяо-си и вручил записку. Генерал сообщал ничего не значащие сведения о нескольких десятках китайских солдат, находящихся бог знает где, о четырехстах ящиках снарядов и двух орудиях, принадлежащих японцам. Затем с неподражаемой наивностью спрашивает: «Интересуюсь, куда вы поедете?» Иначе говоря—куда мы будем развивать наступление.

Обеспокоенность командования гоминдановских войск росла по мере нашего приближения к Великой китайской стене.

Чтобы не дать возможности противнику сосредоточить на главном Жэхэ-Пекинском направлении необходимые для обороны силы, войскам, завершившим к этому времени разгром Калганского укрепрайона, было приказано развивать стремительное наступление на город Калган и овладеть им. В случае прибытия представителей из частей 8-й народно-освободительной армии установить с ними взаимодействие.

Усиленный передовой отряд 7-й мотомеханизированной бригады возобновил наступление. Командир отряда офицер Зайсан-бумба, неотступно преследуя отходящего противника, на рассвете 22 августа вместе с советскими частями с ходу ворвался в Калган. Гарнизон охватила паника. Японские части отходили по дорогам на Хуайань и Сюаньхуа. Зайсан-бумба прежде всего освободил из тюрьмы политических заключенных и открыл двери японского военного концентрационного лагеря.

Вслед за передовым отрядом в город прибыл представитель командования Монгольской народно-революционной армии генерал-майор Эрэндо. В гостиницу, где он остановился, явились монголы и пригласили «господина монгольского генерала в резиденцию Дэ-вана».

Резиденция представляла собой хорошее кирпичное зда-

ние, построенное в стиле монастыря и обнесенное забором из обожженного кирпича.

В большом зале было собрано человек пятьсот-шестьсот монголов. При входе генерала все по местному обычаю стали на колени, устлали перед собой полы халатов и поклонились. Генерал Эрэндо жестом разрешил им встать. Из высокопоставленных лиц здесь находились министр финансов, управляющий делами и начальник отдела внешних сношений правительства Дэ-вана, а также его личный порученец.

Министр финансов поведал некоторые подробности бегства князя.

По его словам, к Дэ-вану явился японский консул и объявил, что в связи с наступлением армий объединенных наций положение Японии тяжелое, и она не сможет больше ничем помочь Внутренней Монголии.

— Хотите, — сказал он, — отступайте с нами.

Советник правительства Дэ-вана японский генерал-лейтенант предложил князю собрать членов правительства. Выступление советника было кратким.

— В сложившейся ситуации, — сказал он, — у вас возможны два решения: ехать со мной в глубь страны или оставаться на месте...

21 августа князь Дэ-ван со своими сторонниками и с семьей — женой, пятью сыновьями и дочерью — выехал поездом из Калгана в Пекин.

После сообщения министра финансов о бегстве Дэ-вана собравшиеся в зале приняли резолюцию, в которой излагалась просьба о присоединении Внутренней Монголии к Монгольской Народной республике. Эта резолюция была вручена генералу Эрэндо для передачи правительству МНР.

Несколько дней спустя в освобожденный советско-монгольскими войсками Калган вступили части 8-й народно-освободительной армии. Войска Чжу Дэ не могли в это время принять участие в операциях против японских войск, так как чанкайшисты неожиданно резко активизировали свои действия. Они атаковали войска народной армии всюду, где только возможно.

Складывалось впечатление, что японцы и гоминдановцы действовали согласованно: первые стремились остановить войска конно-механизированной группы, а вторые — передовые части Чжу Дэ.

Перед самой Великой стеной, на перекрестке дорог, стоит

деревня Бакэши. Сюда где-то в середине дня переместился наш командный пункт.

Полки обеих дивизий первого эшелона уже захватили все позиции под стенами Ваньлинчанчэна. Мне то и дело докладывали письма, запросы, донесения и требования гоминдановских генералов, в которых в разной форме выражалась одна мысль: «...У нас интересы общие. Поэтому мы хотим облегчить вашу задачу. Вы стойте там, где сейчас находитесь, а мы доложим, когда все сделаем». Мне хотелось спросить: что сделаете и кому доложите? Но ответ на этот вопрос был и без того ясен.

Нам было известно, что по приказу Чан Кай-ши генерал-лейтенант Хан Ди-гун предпринял попытку выдвинуться в провинцию Жэхэ и даже захватил деревню Дагачжан. В дальнейшем он понял безнадежность своей затеи и отошел.

Генерал Доржипалам доложил мне, что его передовой отряд прорвался через линию вражеских заслонов и в данный момент ведет бой на ближайших подступах к городу и крепости Губэйкоу.

Почти одновременно к городу прорвался и передовой отряд 6-й кавалерийской дивизии. Майор Б. Дарамжав и подполковник Эрэнцэн быстро установили между собой тактическое взаимодействие и перехватили все подступы к крепости.

К середине дня части полевого заполнения были разгромлены и пленены.

В 13.00 часов над крепостной стеной появился белый флаг.

Генерал Доржипалам с моим офицером связи направились на виллисе к крепости, а мы поднялись на Ваньличанчэн. Губэйкоу лежал на краю широкой долины реки Чаохэ, у подножия крутобокой горы. В бинокль были хорошо видны расположенные справа перед крепостью железнодорожный вокзал и монастырь, а левее — аэродромные строения. У самой крепости автомобиль Доржипалама догнал другой виллис. Это спешил разделить с ним опасность и славу полковник Цэдэндаши.

Ворота крепости с внешней стороны были завалены землей. Автоматчики стали разбрасывать землю, а командиры дивизий стояли и ждали. Это была весьма напряженная и далеко не безопасная сцена.

— Полосонет из пулемета какой-нибудь смертник... Хотя бы танки подтянули,— забеспокоился полковник Чернозубенко.

Я знал, что танки стоят где-то под стенами крепости и наверняка держат на прицеле каждую бойницу перед воротами. Но теперь, пожалуй, нужна была не маскировка, а демонстрация силы. И войска начали обтекать крепость с запада по дороге.

Наконец, ворота крепости были открыты, и машины въехали в город. В штабе гарнизона наших представителей встретил уполномоченный японского соединения. Он ознакомился с содержанием ультиматума и растерянно пожал плечами.

— Я имею приказ своего командования сложить оружие и сдаться в плен только правительственным войскам Китая или США. Поскольку это ваши союзники, разрешите мне выполнить этот приказ.

Сказав это, японец, видимо, понял неуместность аргумента и для оправдания своих действий с грустным юмором произнес:

— Впрочем, если гарнизон «разбился» вдребезги, подобно яшме, то не значит ли это, что бессмертный в тысячелетиях, божественный император утратил хоть мгновение своего величия и хоть йоту могущества? — он одернул свой светло-зеленый мундир и отстегнул самурайский меч: — Гарнизон крепости складывает оружие.

Сдача в плен гарнизона Губэйкоу затянулась до позднего вечера. Пленных оказалось около трех тысяч человек. В наши руки попали многочисленные военные трофеи.

Прибывший в Губэйкоу генерал-лейтенант Жамьянгийн Лхагвасурэн назначил временно комендантом города командира 13-го кавалерийского полка героя Монгольской Народной Республики подполковника Л. Дандара.

Наступление на Пекин продолжалось. Нарастал поток писем с просьбами, требованиями, заклинаниями остановить конно-механизированную группу. Генерал Фудзо-И слал своих представителей и в Калган и в Губэйкоу. Побывал у нас и его порученец Чой Ви-фин. Он долго пытался узнать то, что ему не положено было знать.

— Как идут переговоры в Чуньине?¹ — не моргнув глазом, спросил он. Мы и сами не знали об этих переговорах.

Появились даже два американских летчика. Они сказали, что прибыли из Шамба через Хуху Хото и поинтересовались,

¹ Архив МО СССР, ф. 27 омсбр, д. 4, т. 154 038, л. 48.

каково направление и какие силы у наступающих советско-монгольских войск.

— Полномочий для переговоров с вами не имеем,— сказал он,— но нам по радио разрешено вступить с вами в переговоры с тем, чтобы быстрее и безопаснее проехать в Бэйпин.

— Там находятся японские войска,— предупредил я.

— Мы летчики. Специально спускались на территорию противника. В Укани мы были 19 августа, 24 августа прибыли в Баотоу. Мы ехали на лошадях, поездом... наконец, достигли Пиндицюаня, затем добрались до Датунa. Там мы достали машины... и вот мы здесь.

— Как вы узнали расположение советских войск?

— В Пиндицюане генерал Фудзо-И любезно сообщил нам, где можно вас встретить.

Было понятно, что это не те представители союзного командования, через которых обычно осуществляется согласование вопросов оперативного или тактического взаимодействия с целью наилучшего выполнения боевых задач.

Не обращая внимания на переполох в стане врага и тревогу в лагере наших союзников, мы стремительно приближались к Пекину. На рассвете 22 августа передовые отряды вышли к рубежу Яньлочжуан, Шисячжань.

На этом рубеже японцы имели сильные оборонительные сооружения. Чувствовалось, что они получили от своего командования приказ задержать здесь конно-механизированную группу. Пленные в своих показаниях отмечали, что американская авиация перебрасывает в район Пекина крупные силы Чан Кай-ши.

Действия Чан Кай-ши по мере нашего приближения к Пекину становились все более враждебными и коварными. Он подсылал к нам своих представителей, которые в ультимативной форме требовали остановить дивизии и вернуть их за Великую китайскую стену, грозили, что продолжение наступления на Пекин вызовет осложнения в советско-китайских отношениях. Гоминдановские представители игнорировали при этом тот факт, что мы помогаем китайскому народу избавиться от японской оккупации и наши действия в полной мере соответствуют советско-китайскому договору, на основании которого обе стороны обязались «вести войну против Японии до окончательной победы».

Не добившись от нас выполнения более чем странного требования — прекратить боевые действия против войск импе-

риалистической Японии, с которой моя Родина вела войну.— Чан Кай-ши пошел на прямое нарушение советско-китайского договора.

В наших руках оказался офицер, только что прибывший из Пекина. На допросе он утверждал, что японские части, расположенные южнее Великой китайской стены, получили приказ вести упорную оборону против наступающих на Пекин советско-монгольских войск и что японское командование будет нести ответственность... перед правительством Чан Кай-ши за оставление занимаемых рубежей и населенных пунктов.

Эти предательские шаги гоминдановцев мало меня беспокоили. Они лишь подсказали мне решение сосредоточить все силы конно-механизированной группы для последнего броска на Пекин.

К большому сожалению, в это время мне была вручена краткая и лаконичная телеграмма, предписывающая остановить войска и закрепиться на достигнутых рубежах.

Затем поступил приказ командующего войсками Забайкальского фронта, запрещающий дальнейшее наступление на Пекин. Мы должны были отвести наши соединения обратно к Северу, к Великой китайской стене. Приказ был выполнен.

Признаться, приказ этот не очень-то обрадовал нас, с большим нежеланием отводили мы назад войска. До Пекина остался один «прыжок», а конно-механизированная группа к этому времени обрела ту боевую энергию и динамичность, которые позволяли решать самые смелые задачи.

Вечером того же дня ко мне прибыл представитель командующего Шаньси-Чахар-Хэбэским военным округом 18-й армейской группы 8-й народно-освободительной армии генерал-полковника Не Жун-чжэня и вручил письмо. Командующий писал: «В разгроме Японии и в деле освобождения китайского народа Вы уже оказывали нам большую помощь, в этом мы всегда признательны Вам. Но предстоит тяжелая борьба. Реакционная группировка гоминдана, под непосредственным руководством американских империалистов, наступает на нас. Гражданская война в Китае неизбежна. Поэтому мы надеемся на вас и просим Вашу дальнейшую помощь.

В ближайшее время просим Вас передать нам все трофеи, захваченные Вашими войсками у японцев,— винтовки, пулеметы, минометы, артиллерию, боеприпасы, машины, радиостанции и прочее военное имущество.

По приказанию главнокомандующего 8-й армией генерала

Чжу Дэ я должен укреплять районы Жэхэ и Чахара. Будем дружественно спланиваться с народами Внутренней Монголии...»¹

Я внимательно прочел это письмо, будто перешагнул через годы в историю моей родины: гражданская война, голод, тиф, нехватка оружия.

Заметив, что я медлю с ответом, представитель обеспокоенно сказал:

— Вы — Красная Армия и мы — Красная Армия. У нас один враг. Дайте нам оружие и боеприпасы.

Мне, конечно, было понятно, что раз Чан Кай-ши и его войска ведут бои против 8-й народно-освободительной армии, то выдать оружие ее частям — значит, помочь китайскому народу.

— Мы можем выдать оружие, — сказал я представителю, акцентируя на слове «выдать». — Но вы не хуже нас знаете, где находятся склады с вооружением и боеприпасами. Мы разрешаем вам взять это оружие.

— Там стоит ваша охрана.

— Вы хотите, чтобы она помогла вам грузить?

— Мне все понятно. Благодарю вас, — обрадованно произнес представитель.

Город Жэхэ, куда мы вернулись на следующий день, выглядел по-праздничному ярко и шумливо. Всюду флаги, транспаранты; много цветов и улыбок. Люди в красных повязках на левом рукаве носят пампушки, баоцзы, подогретое вино, угощают советских и монгольских воинов. Неожиданно где-то раздается страшный гул и треск. Уж не банда ли отчаялась наступать? Опасение оказалось напрасным. Это на радостях грохнул бравурную музыку китайский оркестр.

В штабе мне сообщили приятные новости. Войска Забайкальского фронта взяли город Порт-Артур. Воздушный десант забайкальцев возглавил заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант В. Д. Иванов. Он был назначен представителем Военного совета для переговоров о капитуляции и разоружении порт-артурского гарнизона. Десантный отряд численностью в двести автоматчиков под командованием майора И. К. Белододе на десяти транспортных самолетах в три часа дня поднялся с мукденского аэродрома в воздух

¹ Текст письма находится в архиве МНР.

и взял курс на юг. К ним подстроились истребители, образовав мощное прикрытие.

Часа через два десантники увидели узкую полосу земли, уходящую в море. Слева, приютившись у самой береговой кромки, лежал перетянутый ровными линиями улиц город Дальний. Самолеты прошли дальше, и через несколько минут показался Порт-Артур.

Генерал В. Д. Иванов рассказывал мне, как были взволнованы наши воины при виде легендарного города, расположенного на приморских сопках. Ведь они знали, что на этой земле вдали от Родины вершили свои подвиги чудо-богатыри порт-артурского гарнизона, на этом рейде героически сражались экипажи «Ретвизана», «Паллады», «Варяга»... Эти земли и воды окроплены кровью российского солдата и матроса.

Истребители огнем на бреющем полете разогнали японских солдат, пытавшихся организовать оборону аэродрома. И сразу вслед за ними пошли на посадку транспортные самолеты. Десантники быстро овладели аэродромными объектами и прилегающими к нему высотами.

Японцы были застигнуты врасплох.

Начальник порт-артурского гарнизона вице-адмирал Кабаяси был доставлен к генералу В. Д. Иванову и сдал свой самурайский меч. Этому примеру последовали сопровождающие его офицеры командования и штаба. Представитель Военного совета благосклонно оставил адмиралу Кабаяси и его окружению символы воинской чести.

23 августа под трехкратный салют из стрелкового оружия над легендарными редутами и фортами, над Электрическим утесом и горой Тигровой, над кладбищами и могилами прославленных предков, над легендарным Порт-Артуром взвился флаг Советского Союза.

Мы узнали, что в расположенном рядом, на восточном берегу полуострова, городе Дальнем (Дайрэн) арестована группа белоэмигрантов, совершивших во время гражданской войны тяжелые преступления против советского народа: атаман Семенов, начальник белоэмигрантского бюро генерал Нечаев, бывший комендант Читы генерал Токмаков, генерал Шулькевич, бывший командующий 5-й армией Колчака генерал Ханшин и другие.

Но некоторые гарнизоны отказались выполнять приказ о капитуляции и продолжали бессмысленное сопротивление. Для их разоружения были выделены подвижные кавалерий-

ские и моторизованные подразделения и части, усиленные артиллерией и саперами.

Второму эскадрону 252-го кавполка пришлось вести бои с фанатиками, засевшими в населенном пункте Людецане. Эскадрон подступил к Людецану, и командир эскадрона старший лейтенант Петрик предложил японцам капитулировать. Те отказались. Тогда приданная эскадрону батарея «обработала» крепостную стену и позиции противника, а кавалеристы, умело применяя автоматный-пулеметный огонь, атаковали его. В результате боя японцы потеряли убитыми 42 человека. Было пленено 200 солдат и сержантов и 26 офицеров. По количеству захваченного оружия и складов с продовольствием и обмундированием можно было судить, что в Людецане дислоцировались более крупные силы. В действительности это так и было, но в результате возникших принципиальных разногласий большинство солдат ушло из крепости, чтобы сложить оружие в районах, определенных условиями капитуляции. Остались только те, кто верил, будто смерть в бою за императора непременно ведет в райский благоухающий сад богини Амата-расу.

С подобными случаями поведения отдельных гарнизонов пришлось встретиться на территории всей провинции Жэхэ. Советско-монгольские войска успешно блокировали их, уничтожили связь, дезорганизовали управление, парализовали способность противника к сопротивлению. Пламя войны постепенно угасало.

30 августа мы получили письмо от командира одного из соединений ди ба лу цзинь — «восьмого направления», то есть 8-й народной армии генерала Цай. Он сообщал, что западнее города Сюяна стоит дэвановская армия. Представитель этой армии помощник командующего Гэта-интов просит срочно связать его с командованием советско-монгольских войск. Указывалось, что село, где стоит штаб армии, называется Желан-хуа. Почему-то указывалось, что «...армия, — как мне объяснили, — дэвановская, но командный состав из Внешней Монголии, то есть свои!».

Этой армии, конечно, была предоставлена возможность сложить оружие, а солдатам организованно разъехаться по домам.

¹ Архив МО СССР, ф. 27 омсбр, оп. 164 038, д. 2, л. 14.

В памяти встают картины теплых встреч наших воинов с жителями освобожденных деревень и городов. Вражеской пропаганде, несмотря на все ухищрения, не удалось обмануть большинство китайского народа.

Политработники использовали наступившее на фронте затишье для того, чтобы усилить работу среди населения. Местных жителей знакомили с политикой Советского и Монгольского государств, с целями и задачами их армий. На импровизированных сценах, устроенных из двух-трех поставленных рядом автомашин, прямо на улице проводились концерты самодеятельности, демонстрировались кинофильмы. Солдаты и местные жители составляли общую аудиторию, единый зрительный зал. Так было всюду, где появились советские и монгольские войска.

В Долонноре митинги дружбы переросли в организационно-новые формы связи. Были образованы общества советско-китайской дружбы. Именно здесь, пожалуй, Ю. Цеденбал вместе со своими товарищами заложил первые основы монголо-китайских культурных связей.

23 августа Верховный Главнокомандующий отдал приказ, извещавший Советскую Армию и народ о победном завершении наступательных операций на Дальнем Востоке. В тот день Москва салютовала войскам Дальневосточных фронтов, в невиданно короткие сроки разгромивших хваленую Квантунскую армию.

Позднее приказом Верховного Главнокомандующего всем советским соединениям и частям конно-механизированной группы было присвоено наименование Хинганских. Президиум Малого хурала Монгольской Народной Республики в свою очередь наградил соединения монгольских войск. Мне довелось быть свидетелем торжественного и радостного события — вручения кавалерийской дивизии полковника Доржа переходящего Красного знамени. От имени правительства эту награду вручал заместитель главнокомандующего вооруженными силами МНР генерал-лейтенант Лхагвасурэн.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция наших фронтов, в которой принимала участие и конно-механизированная группа советско-монгольских войск, закончилась полным разгромом Квантунской армии — ударной силы

японского империализма, означавшим окончательный исход второй мировой войны.

В памяти невольно всплыло сравнение с военными событиями, развернувшимися на полях Маньчжурии в 1904—1905 годах.

Чамульпо. Героическая гибель крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Сражение у Вафайгоу... Так растерять свои войска, как это сделал генерал Штакельберг, может только кабинетный военачальник.

Ляоянская операция — поражение Маньчжурской армии. В этом заслуга не японского маршала маркиза Ойяма, а скорей вина генерал-адъютанта Куропаткина.

Операция на реке Шахэ. Куропаткин, имея превосходство в силах и средствах, довольствовался «почетной» ничьей;

Порт-Артур... Мукденская операция... Наконец Цусима!..

Героизм русских солдат был обесславлен бездарностью царских генералов. Вот выдержки из отчета генерала Куропаткина. В них горькие признания: «К причинам нерешительного исхода боев надо отнести: 1. Недостаточно искусное распоряжение... 2. Отсутствие твердого руководства... 3. Неудачные действия и малую энергию командира...»¹ и так далее.

Два года продолжались «резиновые» боевые действия, закончившиеся Портсмутским миром. Два года тогда, и всего десятки дней сейчас.

...Если бы японский летчик-смертник, атаковавший 11 апреля линкор «Миссури», знал, что, несмотря на его самопожертвование, на борту этого корабля 2 сентября 1945 года будет подписан акт о безоговорочной капитуляции, он предпочел бы жить. Ему нашлась бы работа у новых хозяев. Ведь в стане бывших врагов — японского и американского империализма — в сущности, ничего не изменилось: подрались, помирились. Это было понятно и в тот день, когда Макартур на борту линкора «Миссури» произнес речь перед подписанием пакта. Он сказал: «Проблемы, связанные с различными идеалами и идеологиями, были разрешены на полях сражений всего мира, а потому не подлежат дискуссиям или дебатам»². Но

¹ Л. Г. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории, М., Воениздат, 1947, стр. 594.

² Газ. «Красная Звезда» от 4 сентября 1945 года.

разве у империалистов США и Японии разные идеалы и идеологии? Разве в войне друг с другом они решали социальные проблемы? К тому же вопросы идеологии не могут решаться путем физического уничтожения их носителей.

Дело было проще. Драка между ними шла все из-за тех же источников сырья, рынков сбыта, сфер влияния... «Дымовая завеса» Макартура была довольно прозрачной. Не противоположность, а общность их идеалов и идеологий решила будущность японского империализма. Сигемицу, надо полагать, не обманывался на тот счет, что пока янки охраняют Ниппон от «проникновения коммунистической опасности», пакт не является надгробной плитой. Сигемицу, очевидно, понимал, что наступило лишь временное затмение «солнца» японского империализма. Сигемицу помнил, кто помог встать на ноги немецкому фашизму, он слышал в словах Макартура их истинный смысл...

Рано утром 3 сентября во всех частях и соединениях конно-механизированной группы состоялись митинги. А в полдень на улицы большого многолюдного города Жэхэ вышло все население. Стихийная демонстрация превратилась в народное торжество. Всюду музыка, песни, пляски, знамена, плакаты, цветы и радостные улыбки.

Вечером Москва снова салютовала доблестным войскам Советской Армии и кораблям Военно-Морского Флота, освободившим от захватчиков весь Северо-Восточный Китай, провинции Чахар, Жэхэ, Квантунскую область, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. День 3 сентября был объявлен Днем Победы над империалистической Японией.

В середине сентября войска конно-механизированной группы посетил маршал Чойбалсан. Его сопровождали посол СССР в МНР И. А. Иванов и советский военный советник генерал-лейтенант И. Г. Рубин. Чойбалсан ознакомился с достопримечательностями города Жэхэ и провинции. Мы поднялись на Великую китайскую стену. Оттуда открылось незабываемое зрелище. Грандиозное каменное сооружение, словно сказочный дракон, обвивало отроги гор, то поднимаясь на хребты, то падая в долины.

Когда мы вернулись с осмотра, позвонил Маршал Малиновский:

— Исса Александрович, немедленно вылетайте ко мне.

Я доложил, что в Жэхэ находится высокий монгольский гость.

— Очень хорошо. Мы ждем его у нас в Чанчуне. Прилетайте вместе.

Так мне представилась возможность посетить Чанчунь вместе с маршалом Чойбалсаном. На аэродроме нас встретили Маршал Малиновский и руководящий состав штаба фронта. Отсюда мы поехали в резиденцию командующего Забайкальским фронтом, которая разместилась в особняке бывшего главнокомандующего Квантунской армией генерала Отодзо Ямада.

Во время беседы Родион Яковлевич заявил, что Военный совет фронта высоко оценил действия конно-механизированной группы. Героизм советских и монгольских воинов по достоинству отмечен правительственными наградами. За умелое руководство войсками Президиум Верховного Совета СССР наградил генерал-лейтенанта Ю. Цеденбала орденом Кутузова 1-й степени, генерал-лейтенанта Лхагвасурэна орденом Суворова 2-й степени. Многие монгольские генералы, офицеры и солдаты также были удостоены боевых наград Советского Союза.

Хорлогийн Чойбалсан сообщил, что Президиум Малого хурала МНР наградил большую группу маршалов, генералов и офицеров Советской Армии монгольским орденом Боевого Красного Знамени.

Все эти дни маршал Монгольской Народной Республики вместе с сопровождавшими его товарищами побывал во всех соединениях конно-механизированной группы. И всюду перед торжественным строем полков, бригад и дивизий он говорил о верности воинов великим идеям коммунизма, об их героизме, доблести, о завоеванной в боях бессмертной славе. Маршал Чойбалсан вручал монгольским соединениям и частям боевые награды и боевые знамена, он поздравил советские дивизии и бригады с присвоением им почетного наименования Хинганских.

В войсках калганского направления в первых числах сентября находился генерал-лейтенант Юмжагийн Цеденбал.

В полках мотомеханизированной бригады полковника Нянтайсурэна царило праздничное настроение. Под боевыми знаменами в четком строю замерли герои штурма Калганского укрепрайона. Генеральный секретарь ЦК МНРП, начальник политуправления Монгольской народно-революционной армии генерал-лейтенант Цеденбал принял рапорт комбрига и по-

здравил воинов с великой победой над вооруженными силами империалистической Японии.

— Служим монгольскому народу! — дружно, в один голос, ответили монгольские воины.

— Служим Советскому Союзу! — ответили Цеденбалу советские воины 27-й отдельной Хинганской механизированной бригады.

В тот же день товарищ Цеденбал на совещании руководящих офицеров бригад и полков дал указание соорудить памятники советским и монгольским воинам, погибшим за честь и свободу китайского народа.

Несколько дней спустя состоялись митинги по случаю захоронения останков героев и открытия памятников советским и монгольским воинам. Свои проникновенные речи Цеденбал заканчивал словами: «Вечная память героям, отдавшим жизнь за счастье народов, за светлое будущее человечества!»

Недавно я получил письмо товарища Ю. Цеденбала, в котором он с глубоким сожалением пишет:

«Теперь становится больно на сердце, когда узнаешь о том, что ныне над этими памятниками по-звериному глумятся хунвэйбиновские молодчики в Китае, которые насквозь заражены националистическими, антисоциалистическими идеями Мао Цзэ-дуна. Ведь китайская сторона, начиная с 1962 года, фактически запретила нашему посольству в Пекине возлагать венки к могилам монгольских и советских воинов, погибших на территории Китая в борьбе за свободу китайского народа. Но мы уверены, что компартия Китая и великий китайский народ сумеют выйти из жестокого кризиса, навязанного им реакционной кликой Мао Цзэ-дуна, объективно выступающей союзником империалистов».

Поездка генерала Цеденбала под Калган не обошлась без приключений. На обратном пути из города Чжанбэя секретарь ЦК МНРП побывал в городе Чансыре (Зансыр) и в бывшей ставке князя Дэ-вана Барун-Сунитване. Там в это время заседало правительство Внутренней Монголии. Узнав, что в ставке находится столь высокий государственный деятель Монгольской Народной Республики, оно прервало заседание. Генерал-лейтенант Цеденбал видел, как члены правительства и генералы армии Дэ-вана в японской форме вышли из здания.

— Члены правительства просят вас принять их для беседы и ответить на некоторые вопросы, — доложил руководитель

группы политработников Монгольской народно-революционной армии.

— Передайте им, что полезнее будет, если мы встретимся после того, как они четко определят свою позицию в отношении судеб Внутренней Монголии. А вы помогите им разобраться во всем,— посоветовал генерал Цеденбал.

Он сел в трехместный одномоторный самолет. Опытный советский летчик майор Бавко поднял его в воздух и взял курс на Сайншанду. Уже над территорией Восточно-Гобийского аймака в моторе что-то треснуло. Самолет начал терять скорость и быстро снижаться. Летчик с большим трудом сумел совершить посадку в пустынной всхолмленной степи.

Осмотр мотора дал далеко не утешительные результаты. Вышел из строя один цилиндр мотора.

— Сможем ли мы лететь дальше?— спросил Ю. Цеденбал.

— Я обязательно доставлю вас сегодня же в Улан-Батор,— заявил майор Бавко,— но для этого необходимо выгрузить все лишнее и лететь только вдвоем.

— Очень хорошо,— с готовностью подхватил это предложение адъютант генерала майор Дашдава.— Кроме автоматов, боеприпасов и меня выгружать у нас нечего. В отличие от Робинзона я буду вооружен, как говорится, до зубов.

Втроем они взялись за хвост самолета и под «раз-два, взяли!» втащили на холм. И взлет с разбегу под гору, и сам полет в неисправном самолете на высоте телеграфных столбов были сопряжены с серьезной опасностью. К счастью, все обошлось благополучно.

Самолет сразу же был отбуксирован в ангар и ремонтники быстро устранили неисправность в моторе. Майор Бавко тут же дозаправил его и вылетел в пустыню за оставшимся там майором Дашдава. Вернулись они лишь утром.

«До сих пор я с благодарностью вспоминаю,— пишет товарищ Цеденбал,— смелого, находчивого и опытного летчика этого самолета — майора Бавко, который работал в то время инструктором-техником пилотирования в нашей авиационной дивизии».

Вернувшись в столицу Монгольской Народной Республики, генеральный секретарь вплотную занялся подготовкой к пленуму Малого хурала. Малый хурал назначил днем всенародного голосования 20 октября 1945 года.

Из газет мы знали, что в стране создавались аймачные, со-

монные и баговые комиссии. Составлялись списки для открытого голосования всех граждан, имеющих по конституции избирательные права. В армии и пограничных войсках порядок голосования устанавливался приказами командования в соответствии с инструкцией по проведению всенародного голосования по вопросу о независимости МНР.

По стране прокатилась волна собраний и митингов. Араты городских хоронов, стойбищ бескрайних степей и горных долин выражали безграничную преданность своей свободной Родине.

Великая победа и великий плебисцит, ликование народа и скорая встреча с родными — все это создало в войсках конно-механизированной группы огромный морально-политический подъем.

К середине сентября мы уже закончили планирование марша частей и соединений для возвращения из Китая на территорию Монгольской Народной Республики. Основная масса советских и монгольских войск выступала в обратный путь 15 сентября и уже к концу месяца должна была прибыть в свои районы сосредоточения.

В один из сентябрьских дней улицы Жэхэ заполнили колонны горожан: они пришли провожать советских и монгольских воинов, возвращающихся на Родину.

После митинга мы поехали на перевал Гуанженьмин, являвшийся исходным пунктом нашего маршрута. На окраине города я обратил внимание на старого изможденного человека. Он стоял у дороги и махал нам рукой. Мне невольно захотелось пожать эту руку.

Остановились. Старик опустился на колени и стал низко кланяться.

— Не надо гнуть спину, отец. Ты хозяин земли и помни об этом.

— Их баярлалаа, их баярлалаа!¹ — восклицал он сквозь слезы радости.

Такие сцены не забываются. Я по сей день хорошо помню этого старого крестьянина...

На перевале мы стояли у дороги. К нам подъезжали командиры проходящих частей:

— Такой-то хинганский кавалерийский полк, выполнив

¹ Их баярлалаа (монг.) — премного благодарю.

боевую задачу по освобождению дружественной страны от японских захватчиков, возвращается на Родину — в Союз Советских Социалистических Республик, — докладывали они. И тут же представлялись: — Подполковник Ларин... Подполковник Денисов... Подполковник Осадчук...

15 сентября двинулась в обратный путь поднятая по тревоге 7-я кавалерийская дивизия. И снова теплые проводы благодарных жителей Жэхэ, снова мы слышим рапорты о выполнении боевой задачи по освобождению дружественной страны и готовности выполнить любой приказ своей Родины. Теперь докладывают командиры монгольских полков: подполковник Чойндонгава, майор Орших, майор Дарамжав и другие.

Полк за полком, дивизия за дивизией выступают в обратный путь — на Родину.

18 октября 1945 года в Улан-Батор прибыла делегация китайского правительства во главе с заместителем министра внутренних дел Ли Фа-чжаном. Его удивило, с каким огромным воодушевлением народы Монгольской Народной Республики проголосовали 20 октября за государственную независимость своей Родины.

В беседе с редактором газеты «Унэн» товарищем Дамдин-Суруном Ли Фа-чжан вынужден был признать, что «народ Внешней Монголии единодушно, общими силами сумел сохранить целостность своей территории»¹.

А тем временем в обширных районах, которые покидали войска конно-механизированной группы, шла напряженная борьба. Чан Кай-ши предпринял попытку захватить город Губэйкоу, чтобы затем использовать его как опорный пункт для вторжения в освобожденные районы Хэбэй, Жэхэ и Чахар. Эта операция потерпела неудачу. В тяжелых боях Народная армия Китая нанесла гоминдановцам одно поражение за другим, твердо удерживая оперативную инициативу.

Пламя многочисленных кровопролитных боев, происходящих в непосредственной близости от районов нашего расположения, задевало и нас. Некоторые части гоминдановцев время от времени совершали бандитские нападения на советские и монгольские гарнизоны или подразделения, выполняющие задания командования.

Помнится такой случай. Группа наших офицеров во главе

¹ Газ. «Унэн», № 245 (1076), 27 ноября 1945 года.

с майором Васильевым выехала на двух виллисах в Чансыр. В наступившей темноте они сбились с пути.

В районе Данцигоу их обстреляло какое-то подразделение, а затем из засады напал китайский отряд. Приняв его за подразделение народной армии, наши офицеры спокойно отнеслись к случившемуся. Они остановились и, оглядывая складки холмов, на которых закрепились китайские подразделения, ждали, когда к ним подойдет кто-либо из командования. По сигналу трубы китайцы со всех сторон двинулись к дороге, а затем бросились на офицеров и разоружили их.

По тому, как неизвестные выполняли команды, сколь четко они действовали, было ясно, что это подразделение регулярных войск.

Майор Васильев пытался вступить в переговоры, но на него не обращали внимания. Возле крутого ската ближайшей горы арестованных остановили и построили в одну шеренгу, а капитана Сенченко куда-то увели. Один из гоминдановцев (теперь уже в этом не было сомнений) отошел на несколько десятков шагов, тщательно установил на землю автомат, лег и приложил приклад к плечу. Но и теперь не верилось, что все это всерьез. Пулеметчик взял точку прицеливания где-то в стороне от стоящих офицеров и, дав длинную очередь, стал подводить огонь к их шеренге. «Может быть, у строя прекратит огонь или обедет поверх голов?» — подумалось капитану Чуланскому. Но бандит провел пулеметную очередь по шеренге. Очередью из пулемета была перечеркнута жизнь молодого офицера, уполномоченного контрразведки 25-й мехбригады лейтенанта Владимирова. Опытный боевой офицер майор Васильев участвовал в тяжелых рейдовых операциях и боях на полях Украины и Белоруссии, Польши и Румынии, Венгрии и Чехословакии. Там он остался жив. Его убили гоминдановцы. Он умер не сразу. Тяжело раненный в живот, он смотрел на своих убийц и в глазах его было недоумение. Капитан Чуланский был ранен в руку.

После этой дикой расправы остальных офицеров окружили и куда-то повели.

Майор Мингалев жестом предложил ехать на автомобилях. Бандиты посоветовались и решили воспользоваться этой возможностью. Они посадили конвойных с автоматами на капот машины и двинулись в путь.

Капитан Чуланский, виллис которого ехал первым, на одном из поворотов рванулся вперед и точным ударом сбросил

с капота бандита. Другой с перепугу соскочил сам. Увидев это, майор Мингалев мгновенно схватил лежащий на сидении молоток и ударом по голове свалил бандита с капота. Машины рванулись вперед и скрылись между холмами. Единственный выстрел, прозвучавший вдогонку, оказался роковым для майора Мингалева.

В деревне Гунхуэй, расположенной километрах в тридцати восточнее Данцингоу, погибшие офицеры и майор Васильев были временно оставлены, а раненый капитан Чуланский, чудом вернувшись в Жэхэ, доложил о случившемся.

В районе, где произошло все это, действовали в то время части 6-й дивизии, входящей в состав 12-го военного округа Китая, которым командовал уже известный нам генерал Фудзо-И.

После того, как капитан Чуланский доложил о случившемся, по тревоге было поднято три механизированных отряда. Форсированным маршем они вышли в районы действий гоминдановских банд. Всей операцией командовал начальник разведки конно-механизированной группы полковник Чернозубенко.

В деревню Гунхуэй отряд Чернозубенко прибыл в 23 часа 2 декабря. К моменту его прибытия в Данцингоу туда подошел также небольшой отряд из 8-й армии Чжу Дэ. Совместными усилиями, при активной поддержке местных жителей отряды особого назначения наголову разгромили в районе деревни Гуинпань крупную банду численностью в несколько сот человек. Такая же участь постигла еще несколько банд. Отряд 8-й народной армии разгромил также одно из подразделений гоминдановцев севернее Чжанбэя. Очень ценные показания дали пленные Ли Чжан-гуй — коновод генерала Фудзо-И, Го Ши-цзе — командир бандитского отряда, Ли Цзи-кай — рядовой, Ван Бо-шань — брат командира полка. Они показали, что все действия гоминдановских банд в тылу Советской Армии осуществляются по оперативному плану ставки генерала Фудзо-И. Общее руководство этими действиями возложено на полковника Цао-Кай. Все подчиненные ему подразделения организовано входят в состав 6-й дивизии.

Многие пленные видели, как избитого до полусмерти советского офицера увезли в ставку генерала Фудзо-И. Это, несомненно, был капитан Сенченко.

Пленных гоминдановцев мы отпустили и потребовали передать нам капитана Сенченко.

В течение ноября и декабря все войска конно-механизированной группы сосредоточились на территории Монгольской Народной Республики, 21 декабря я тоже вернулся в Улан-Батор.

В те дни нашей победы над милитаристской Японией я был безмерно рад получить от такого выдающегося военачальника — Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, Маршала Советского Союза Василевского Александра Михайловича телеграмму следующего содержания: «Герою Советского Союза генерал-полковнику Плиеву И. А. Искренне радуюсь, горячо поздравляю Вас с высокой правительственной наградой — второй медалью Золотая Звезда. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам, Исса Александрович, доброго здоровья, сил и новых успехов в работе по укреплению могущества нашей Родины. — Василевский, Иванов».

Правительство Монгольской Народной Республики устроило обед в честь командования конно-механизированной группы. Собрались боевые друзья, чтобы поднять тосты за мужество и героизм своих народов, за великую победу, за долгожданный мир.

После торжественного обеда Цеденбал, Лхагвасурэн, Равдан, Рубин, Иванов, Мельников и я сфотографировались на память о боях в пустыне Гоби и горах Большого Хингана, о совместной борьбе против японских агрессоров на просторах Маньчжурии.

На следующий день я вылетел в Москву. Я увозил с собой тепло братской дружбы, которая прошла столь суровые испытания. Глядя в иллюминатор на уплывающие бескрайние просторы, мне вспомнилась мудрая поговорка монгольских друзей: «У кого много друзей, тот широк, как степь».

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

Все произошло неожиданно. Позвонили из Москвы, из Министерства обороны.

— В Монголию на празднование сорок третьей годовщины народной армии приглашена советская военная делегация.

Вам предлагается возглавить ее. Что вы на это скажете?

Возможность снова увидеть боевых друзей несказанно обрадовала меня.

И вот я в Москве, у министра обороны. Он поручает передать от него приветствие и самые добрые пожелания монгольскому народу, руководителям партии и правительства Монгольской Народной Республики и Монгольской народно-революционной армии. Дав необходимые официальные указания, он вдруг говорит:

— А теперь от меня личная просьба, Исса Александрович. Выберите, пожалуйста, время, посмотрите, как там поживает дерево, которое я посадил там в тысяча девятьсот шестьдесят первом году.

Вспомнилась поездка тремя годами раньше на празднование 40-й годовщины Монгольской народно-революционной армии. Делегацию возглавлял тогда Родион Яковлевич Малиновский. В Монголии его избрали почетным гражданином Улан-Батора, и в честь этого события он посадил молодое деревцо на одной из центральных улиц города.

— Пусть это дерево,— сказал он при этом,—станет гигантским деревом с мощными корнями, с роскошной кроной на могучем стволе. Пусть дерево дружбы будет высоким, не гнущимся под бурей, таким, как вечная дружба между советским и монгольским народами.

Мне также была предоставлена тогда честь посадить рядом дерево дружбы...

Быстроходный лайнер, на борту которого, кроме меня, находились член делегации генерал-полковник Потапов и переводчик капитан Занданов, доставил нас из Москвы в Иркутск. Здесь к нам присоединился еще один член делегации, командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-полковник Д. Ф. Алексеев.

— Только в дальнем пути можно по-настоящему осознать скорости современных самолетов,— заметил генерал Потапов, спускаясь по трапу.

— И еще в сравнении с прошлым,— добавил генерал Алексеев, пожимая его руку.

— Вот-вот,— поддержал я Дмитрия Федоровича,— особенно, скажем, в сравнении со скоростями, существовавшими в конце прошлого столетия. Мы с вами добираемся до Монголии одним прыжком, без посадки. А вот когда русский царь Николай Второй пригласил Ли Хун-чжана на свою корона-

цию, тот выехал в Москву торжественно: с большой пышной свитой и с гробом.

— Интересно,— улыбнулся Потапов.— А зачем же гроб?

— На случай смерти в долгом пути. Отчетливо представляю себе караван того времени. Впереди вышагивает верблюд, на нем покачивается монгол-проводник. За верблюдом длинной вереницей тянутся тысячи деревянных повозок — тырок, запряженных быками. В те времена оси у тырок делали деревянными и не всегда смазывали. Поэтому от них на много верст разносились страшный скрип и вой. Эти звуки помогали обитателям степи предусмотрительно держаться подальше от караванов.

Постепенно возник разговор о том, что больше всего волновало нас: о предстоящей встрече с монгольскими друзьями.

Я рассказал товарищам, что в первый раз после войны мне довелось встретиться с Юмжагийном Цеденбалом на XIX съезде КПСС. В перерыве между заседаниями мы столкнулись у входа в зал. По-братски обнялись, я был безмерно рад увидеть старого фронтового друга. Приятно было видеть, что руководитель партии и правительства МНР по-прежнему прост и скромен, как в те трудные фронтовые дни.

Потом мы встречались еще несколько раз: и на съездах КПСС и во время посещений Ю. Цеденбалом Советского Союза.

Первый, кого мы увидели, выходя из самолета в Улан-Баторе, был министр по делам народной армии, главнокомандующий генерал-полковник Ж. Лхагвасурэн. Мы заключаем друг друга в крепкие объятия. Потом здороваемся с заместителем министра генерал-лейтенантом Цогом и другими генералами и офицерами. Приятно было встретить на аэродроме советского посла в МНР Л. Н. Соловьева и работников посольства.

Рассаживаемся в машины, они плавно выезжают с территории аэропорта, а потом, набрав скорость, мчатся по широкому асфальтированному шоссе. словно приветствуя нас, игриво скачут по белоснежной степи солнечные блики.

Внимательно всматриваюсь в знакомые очертания показавшегося впереди Улан-Батора. Город быстро приближается, приземистый, широкий, как сама степь. На окраине видны строгие линии белоснежных юрт. Они, некогда составлявшие основной жилищный фонд, теперь вытеснены сюда, и, словно национальный орнамент, обрамляют город.

На площади Сухэ-Батора колонна автомобилей свернула на юг, выехала из города, по мосту проскочила на ту сторону реки Тола-Гол. Впереди раскинулась холмистая местность. Правее дороги на одном из резко выделяющихся холмов возвышается памятник благодарности Советской Армии. Три года назад наша военная делегация возложила к памятнику венок. На опоясывавшей его алой ленте было написано: «Героическим советским воинам, отдавшим жизнь за свободу и независимость монгольского народа. От Армии и Военно-Морского Флота СССР».

Вскоре автомобили свернули с главной магистрали, и мы вдруг увидели совсем рядом стадо диких оленей. Красивые животные стояли на опушке леса и, гордо подняв головы с ветвистыми рогами, доверчиво смотрели в нашу сторону. Их величественные позы и спокойствие говорили о том, что в этих местах они хорошо знакомы с человеком, и он не делает им зла. На фоне живописной местности олени казались деталью художественного полотна, созданного великим живописцем — природой.

Залюбовавшись стройными животными, мы и не заметили, как въехали в долину между двумя высокими холмами и остановились у четырехэтажного здания загородной правительственной гостиницы.

В тот же день, 16 марта, мы побывали в усыпальнице Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана. Она расположена на Центральной площади столицы, перед Домом правительства, и внешне напоминает Мавзолей В. И. Ленина. В зале усыпальницы, сделанном, как и вся она, из красного мрамора, на высоких постаментах стоят два белоснежных гроба, украшенных национальным орнаментом.

Глядя на гроб Сухэ-Батора, я думал о том, как коварно подкралась смерть к этому великому сыну монгольского народа. Однажды, вернувшись с объезда частей гарнизона, которые были приведены в боевую готовность в связи с назревавшим контрреволюционным мятежом, Сухэ-Батор почувствовал головную боль и сильный озноб.

Утром на следующий день, несмотря на слабость, Сухэ-Батор попытался встать, но силы оставили его. Он лег в кровать и потерял сознание. 22 февраля 1923 года Сухэ-Батор скончался.

Рядом в гробу покоится друг и соратник Сухэ-Батора маршал Чойбалсан. Он тоже был большим другом Советского

Союза. Мне вспомнился солдатский митинг в сентябре 1945 года, когда маршал посетил 59-ю советскую кавалерийскую дивизию в районе города Жэхэ после окончания боевых действий. Выступая тогда, он говорил, что монгольский народ ценит великую дружбу советского народа и дорожит ею, что память о советских воинах, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Монголии, будет вечно жить в сердцах монгольского народа.

Эти слова маршала Чойбалсана с волнением вспоминались мне на следующий день, когда мы безмолвно стояли на вершине сопки перед памятником благодарности Советской Армии. Наша делегация и Главнокомандующий Монгольской Народной Армией генерал-полковник Лхагвасурэн возложили тогда венки к подножью памятника.

Нанесли мы визит первому секретарю ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председателю Совета Министров Монгольской Народной Республики товарищу Ю. Цеденбалу. Обычно официальные приемы проходят в рамках общепринятого дипломатического этикета. На этот раз все было иначе. Начать с того, что встретились мы шумно, радостно, с крепкими объятиями и поцелуями по праву старых фронтовых товарищей. Также душевно обнялись с товарищем Ж. Самбу — Председателем Президиума Великого Народного хурала, товарищем Маломжамцем, С. Лувсаном — первым заместителем Председателя Совета Министров и другими. Кроме нашей делегации, на встрече присутствовали Ж. Лхагвасурэн и Л. Н. Соловьев. Сразу же возникла оживленная, увлекательная беседа о давних славных боевых делах и теперешних трудовых успехах.

В один из дней товарищ Цеденбал пригласил нас поужинать за домашним столом. Мне уже приходилось бывать в его гостеприимной семье. Три года назад я впервые узнал самого маленького ее члена. Тогда он протянул мне свою руку и сказал:

— Меня звать Зориг, а вас как?

А погом маленький Зориг сказал: «Давайте дружить». С этого началась наша дружба. Мне интересно было узнать, не забыл ли меня малыш? Каковы его успехи в учебе? В ту весну 1961 года он уже твердо усвоил основы алфавита и мог читать отдельные слова по букварю.

Не успели мы раздеться и поздороваться с хозяином, как

в передней появился мальчуган. Он безошибочно узнал меня и смело протянул ручонку:

— Здравствуйте.

В тот вечер мы сфотографировались в кругу семьи Юмжагийн Цеденбала. Мальчик сидел у меня на коленях. Он наверняка считал такую позу недостойной джигита и пошел на жертву только во имя нашей дружбы. И я высоко оценил этот его шаг.

Первый бокал товарищ Цеденбал поднял за нашу Коммунистическую партию, за великий советский народ.

Я предложил тост за вечную и нерушимую дружбу наших братских народов, которые под руководством своих партий ведут героическую борьбу за великие идеалы коммунизма.

В беседе за ужином мы узнали, что Монголию постигло стихийное бедствие — белый дзуд. Так называется суровая снежная зима, которая влечет за собой массовый падеж скота.

Помощь животноводам оказывала вся страна.

Можно написать целую повесть о героях Сухэбаторской аймачной автоколонны, которая пробивалась через глубокие снежные заносы и морозы и сильные бураны, чтобы доставить уголь из Бурбатской шахты в Эрдэнэ-Цаган и сотни тонн сена в Дариганга-Сомон. Этот район мне хорошо знаком. Отсюда войска конно-механизированной группы Забайкальского фронта начали наступление через пустыню Гоби. Может, поэтому героические рейсы шоферов Ишгулго, Майжигсайхана, Магсара, Жигмида, Ядама и многих других напомнили мне подвиги нашей шоферской гвардии, пробиравшейся через пустыню Гоби и горы Хингана осенью 1945 года.

И так же, как в дни войны, на помощь монгольскому народу в его борьбе со стихийным бедствием пришли друзья из Советского Союза. В конце февраля — начале марта в Монгольскую Народную Республику были отгружены десятки тонн медикаментов для борьбы с ящуром, в самом срочном порядке были отправлены в Монголию ветеринарный и вертолетный отряды, колонны грузовых машин, значительное количество автоцистерн, автомобилей, специалисты для наладки и пуска агрегатов по производству концентрированных кормов.

Вечером 17 марта наша военная делегация направилась на торжественное собрание в Дом народной армии.

В зале знакомые лица боевых товарищей — Нянтайсүрэнэ, Доржа, Одсүрэнэ, Цэдэндаши, Цедендамба и многих-многих других. Юмжагийн Цеденбал был в форме генерал-лейтенан-

та. Торжественное собрание открыл генерал-полковник Ж. Лхагвасурэн речью, посвященной славной годовщине. Звучит государственный гимн Монгольской Народной Республики. После этого Лхагвасурэн любезно предоставил мне слово.

Великая честь передать братский боевой привет от советского народа и его Вооруженных Сил! Я говорил, что советские люди хорошо знают славный боевой путь Монгольской народно-революционной армии и высоко ценят ее заслуги в защите завоеваний своего Отечества. Говорил о тех временах, когда сибирские партизанские отряды Кравченко и Щетинкина впервые установили связь с вооруженными силами монгольского народа и как с тех пор росла и крепла наша дружба. Она не раз подвергалась в боях проверке на прочность. Боевые испытания показали, что в этом братстве все звенья нерушимы.

В заключение прочитал приветствие министра обороны СССР и передал в дар от Вооруженных Сил СССР скульптуру «Воин-освободитель».

После торжественной части мне было приятно встретиться и сфотографироваться со своими боевыми друзьями. По-разному сложился их жизненный путь после войны.

Заместитель начальника политического управления МНА генерал-майор Равдан занимал пост начальника политуправления, а затем перешел на дипломатическую работу. Был послом в КНДР и Чехословакии, руководил отделом Министерства иностранных дел, а теперь является председателем «Общества труда и обороны». Начальник отдела пропаганды политуправления Монгольской армии полковник Л. Тойв давно стал дипломатом, а в последнее время, после окончания высшей дипломатической школы в Москве, возглавлял монгольское представительство при ООН в Нью-Йорке. Снял полковничью форму и товарищ Цедендамба. После войны он окончил Высшую партийную школу и является заместителем председателя сельхозобъединения.

Мне было приятно узнать, что все командиры дивизий нашли удачное применение своим силам на фронте мирного труда. Уйдя в запас, товарищ Цэдэндаши руководил автобазой, а сейчас он председатель сельхозобъединения. Полковник Дорж после войны учился у нас в Академии имени М. В. Фрунзе, а затем возглавил отдел боевой подготовки Генштаба МНА. Теперь и он тоже руководит сельхозобъединением.

В Доме офицеров произошла встреча и с товарищем Одсу-

рэнном. Он руководит участком строительно-коммунального отдела Улан-Баторской железной дороги. Одсурэн рассказал, что Нянтайсурэн командует сейчас одной из строительных частей. Есть среди моих друзей и пенсионеры. Это генерал-майор Доржиналам и Зайсанов. Но они по-прежнему бодры -- есть еще порох в пороховницах!

Подожли ко мне и Герои Монгольской Народной Республики; бывшие солдаты Данзанванчиг и Дампил. Их трудно было узнать. Передо мной стояли хорошо подготовленные офицеры, люди, идущие по нелегкому, но благородному пути. Данзанванчиг заведовал библиотекой в Доме офицеров, Дампил — капитан медицинской службы. Не сразу нашел он свое призвание. Одно время учился в СССР в зенитном училище, но затем окончил медицинский факультет и теперь работает врачом в военном госпитале.

Находясь в Монгольской Народной Республике, мы воочию убедились в размахе социалистического строительства.

Через всю страну с севера на юг, совсем недалеко от Дархана, пролегла сегодня трансмонгольская железнодорожная магистраль. Ее путь проложен там не случайно. Не так давно в междуречье Хара-Гола—Шарайн-Гола с помощью советских геологов были разведаны значительные запасы каменного угля, железной руды, сырья для строительной индустрии и другие полезные ископаемые. Это определило судьбу Дархана.

Мне довелось еще в тридцатых годах неоднократно ездить на автотранспорте по дороге Кяхта — Улан-Батор. Помнится, весной 1936 года, когда я впервые ехал в Монгольскую Народную Республику, поезд довез меня до конечной станции Верхнеудинск, затем на автомашине доехали до Кяхты. Здесь была сформирована небольшая автоколонна, и мы пересекли границу у монгольского пограничного городка Алтан-Булак, расположенного буквально в полукилометре от Кяхты. Отсюда дорога идет на юг до Улан-Батора. Я лишь смутно припоминаю небольшую дорожную станцию за перевалом Манухатаба.

Мне показалось глубоко символичным, что именно здесь, на просторах древней Селенгийской степи, собрал свои боевые отряды под знамя революции легендарный Сухэ-Батор; что Дархан в переводе означает «кузнец»; что первая группа советских специалистов заложила первый фундамент Дархан-строю именно 17 октября 1961 года — в день, когда в Москве открылся XXII съезд Коммунистической партии Советского

Союза. А сейчас в этом районе вступили в строй завод железобетонных изделий, кислородный завод, авторемонтная мастерская, которую вернее было бы назвать также заводом, и другие предприятия. Готовится к пуску несколько предприятий строительных материалов. И никто уже не называет Дархан станцией. Монгольские войны-строители возвели здесь три благоустроенных поселка городского типа, в контурах которых просматриваются будущие крупные промышленные города.

Можно бы многое рассказать о советских специалистах Якове Калитенко, Георгии Дерябине, Алексее Брикуне, об их монгольских друзьях — вулканизаторе Жанчиве, электрослесаре Бямба, шофере депутате Великого Народного хурала Готове и многих других. В дни пребывания в Монголии с нами находился журналист полковник Яков Ершов. Он побывал в Дархане и, вероятно, еще расскажет о людях этой стройки социализма.

Символом вечной и нерушимой дружбы с нашей страной монгольский народ считает также шахту «Налайха-капитальная» мощностью до 800 тысяч тонн угля в год, Улан-Баторскую ТЭЦ, Дзунбаинские нефтяные промыслы, а также одно из крупнейших предприятий страны — промышленный комбинат в Улан-Баторе. В состав его входят обувная, шорная, валяльно-войлочная, камвольная фабрики; суконный, хромовый, овчинный и кожевенный заводы и другие производства. На этих предприятиях очень высока культура труда. Хром, шевро и другие виды кожевенной продукции отличного качества находят сбыт во многих странах мира.

Большое впечатление произвел на нас мукомольный комбинат высотой с 25-этажное здание. Это мощное промышленное предприятие, весь производственный процесс на котором механизирован и автоматизирован.

В один из дней мы побывали в музыкальном училище Улан-Батора. Высокого уровня достигло здесь исполнительское мастерство учащихся. В этом мы убедились, прослушав интересную и разнообразную программу концерта, организованного для делегации.

С сожалением покидали мы новых друзей. Но после этой встречи, где бы мы ни находились, все напоминало нам о них — будущих строителях социалистической Монголии.

Громадное впечатление произвело на нас государственное книгохранилище — сокровищница национальной науки, искус-

ства и литературы. Оказывается, еще в XV веке в Монголии изучали не только философию, мистико-магические учения, но и медицину, астрономию, астрологию! Показали нам и свод буддийских знаний. Он представляет собой два многотомных сочинения: «Ганжур», состоящий из 108 томов, и «Данжур» — из 225 томов.

Высокого развития достигло еще в древности народное творчество Монголии. Яркими образцами его являются ойратская «Джангариада и Халха» — былины о героях батырах Хугшин Лу Мэргэн хане, Эрийн сайн Эринцин Мэргэне и других. Но наиболее распространенным видом монгольского фольклора являются улигеры-сказки.

Наиболее широко в книгохранилище представлена современная литература МНР, развивающаяся под влиянием русской классической и советской литературы. На монгольский язык переведены почти все наиболее видные произведения наших писателей.

Особенно порадовали советскую делегацию успехи армии МНР. Благодаря повседневной заботе партии и правительства вооруженные силы страны оснащены современным оружием и боевой техникой и являются надежным защитником революционных завоеваний монгольского народа.

В казарме 1-й роты нам показали идеально заправленную кровать. На ней никто не спит — это кровать Героя Монгольской Народной Республики Аюуша. Молодые солдаты роты хорошо знают о его подвигах. Славная жизнь и героическая смерть отважного воина является для них примером беззаветного служения делу социализма.

В полку немало отличников боевой и политической подготовки. Было приятно вручить им памятные значки «Отличник Советской Армии».

Несколько лет спустя мне довелось вновь побывать в Монгольской Народной Республике. На этот раз мне было поручено возглавить советскую военную делегацию, чтобы принять участие во всенародных торжествах, которыми монгольский народ готовился отметить 50-летие Советских Вооруженных Сил.

Когда самолет поднялся в воздух и взял курс на восток, я раскрыл «Красную звезду» и прочел об отъезде советских военных делегаций в социалистические страны. Мне подумалось: трудящиеся всех стран считают этот юбилей Советской Армии своим народным праздником.

Советская военная делегация везла с собой альбомы фотографий, отображающих братскую дружбу советской и монгольской армий, их славный боевой путь, а также боевые знамена частей и соединений, олицетворяющие боевую дружбу и славу наших народов. Это почетное Революционное Красное Знамя ВЦИК, которое было вручено 5-й армии за активное участие в разгроме белогвардейских банд барона Унгерна на полях Монголии в 1921—1922 годах. Другое Почетное Революционное Красное Знамя ВЦИК принадлежало 243-му стрелковому полку 27-й Омской стрелковой дивизии, входившей в состав 5-й армии Восточного фронта. На плечи этого полка и легла основная тяжесть борьбы против белогвардейских банд Унгерна. Именно на базе этого полка была сформирована в августе 1941 года 112-я танковая бригада. За боевые успехи в битве на Курской дуге в 1943 году бригада была переименована в 44-ю гвардейскую танковую бригаду, о которой говорилось в начале книги. Копия гвардейского Красного Знамени этой бригады также находилась в числе реликвий, которые мы должны были вручить нашим боевым друзьям. С января 1943 года Монгольская Народная Республика шефствовала над этой прославленной бригадой. И с той тяжелой грозовой поры она именовалась «Революционная Монголия». На ее знамени, словно вехи боевой славы, горели многие ордена нашей героической Родины и ордена Красного Знамени МНР и Сухэ-Батора. Позже бригада была переформирована в танковый полк и вместо наименования «Революционная Монголия» ему было присвоено имя Сухэ-Батора.

Было уже около полудня 21 февраля, когда наш самолет приземлился в аэропорту Красного Богатыря — Улан-Батора. Нас встретили руководящие работники Центрального Комитета партии во главе со вторым секретарем ЦК т. Моломжамцем и руководящие работники монгольской армии во главе с первым заместителем министра по делам народных войск начальником главного штаба генерал-лейтенантом Б. Цогом.

Мое внимание в аэропорту невольно привлекло большое количество современных пассажирских самолетов, в основном советских марок: «ИЛ-14», «АН-24» и других.

— Как быстро и бурно развивается у вас гражданский воздушный флот! — заметил я, едва мы успели поздороваться.

Генерал Цог понимающе улыбнулся:

— А вы знаете, на внутренних воздушных линиях наша авиация перевозит почти четверть всех пассажиров страны.

— А не поколеблен ли в связи с этим у монголов авторитет коня?

— Что вы! — горячо возразил мне генерал. — Конь для арата, что крылья для птицы. Кстати, именно арат Наван из Сайхан-Сомона, Богдоханского (ныне Бунганского) аймака явился инициатором сбора средств для создания у нас гражданской авиации. В сентябре 1924 года он подарил государству 500 лошадей и сказал: «Купите на них самолеты». И мы купили их в Советском Союзе.

В первый день пребывания в Улан-Баторе, на приеме у командования Монгольской народно-революционной армии мы тепло беседовали с генералом Б. Цогом, начальником Политического управления МНРА генерал-майором Ж. Ценд-Аюшем и другими руководящими работниками вооруженных сил МНР. На следующий день нанесли визит Первому Секретарю ЦК МНРП, Председателю Совета Министров МНР товарищу Юмжагину Цеденбалу — моему старому фронтовому другу.

Из Дома правительства наша делегация направилась на выставку «Советская Армия — надежный оплот мира и безопасности народов».

Прекрасно выполненные фотографии раскрывали перед посетителями весь боевой путь Советской Армии — от первого выстрела «Авроры» до последнего времени. Даже на нас, людей, хорошо знающих состояние наших Вооруженных Сил, фотовыставка произвела глубокое впечатление.

Как бы продолжением встречи с историей Советской Армии, точнее, естественным завершением этой встречи, было возложение венков к памятнику советским воинам.

Торжественное собрание, посвященное пятидесятилетию Советской Армии и Военно-Морского Флота, началось рано, в 16 часов. Театр оперы и балета, в помещении которого оно проходило, находится на центральной площади слева от Дома правительства. Колонный вход, вестибюль и зал празднично украшены. Отовсюду слышатся приветственное «Санбайну-у!» и более дружеское «Хурай!»

В содержательном докладе генерал-лейтенант Цог от имени всего монгольского народа и воинов монгольской армии выразил глубокую благодарность нашей великой социалистической Родине «за неоценимую помощь в оснащении армии и в подготовке национальных высококвалифицированных военных кадров».

Предоставили возможность выступить с ответным словом и мне. На этом торжественном собрании приятно было вручить представителям Монгольской народно-революционной армии бюст В. И. Ленина и знамена прославленных частей Советской Армии, которые в разное время стремя к стремени вместе с частями МНА ходили в бой против врагов советского и монгольского народов.

Как и в первую послевоенную поездку, неизгладимое впечатление оставило пребывание у гостеприимных друзей. Радостно было отметить, что за эти годы Монголия сделала новый большой шаг вперед в своем хозяйственном и культурном развитии. Вот, например, авторемонтный завод в Улан-Баторе. Это одно из новых предприятий республики, отвечающее самым современным требованиям техники. Подавляющее большинство рабочих — это молодежь. Рядом с ними работают советские специалисты.

— Вот здесь производится металлизация деталей, — объясняет главный инженер товарищ Чойжилсурэн, — а вон там — электроимпульсная наплавка, затем хромирование. Мы применяем самую современную технологию ремонта.

— Вы совершенно свободно говорите по-русски, — замечает кто-то из наших товарищей.

Главный инженер улыбается:

— Я закончил Московский автодорожный институт.

Знакомясь с авторемонтным заводом, мы наглядно увидели, что республика пересаживается с коня на моторный транспорт. Уже теперь в стране более 80 процентов всех перевозок грузов осуществляется автомобильным транспортом.

Огромную роль в экономическом развитии страны выполняют кадры, которые воспитаны в армии. Монгольские цырики и дарги серьезно и усердно изучают боевую технику, и мне невольно вспомнились слова Цеденбала: «Наша армия — подлинная кузница кадров для промышленности и сельского хозяйства». Механизация сельского хозяйства ведется широко и основательно, и основным поставщиком ее кадров действительно является армия.

— Что вы думаете делать после демобилизации? — спросил я у одного из моих собеседников.

— Мне бы хотелось, чтобы из моих демобилизованных товарищей образовали бригаду механизаторов. О, мы быстро завоюем звание бригады социалистического труда, — горячо и убежденно ответил он. — Мы работали бы не хуже бригады

Жамьян-сурэна Баяновотской МЖС, Баянхонгорского аймака.

— А я предлагаю поехать в наш Убурхангайский аймак,— включился в беседу другой солдат.— Любое объединение радо будет нашему приезду. Придем мы, например, в «Шинэ-Ялалт» и скажем директору: «Давай нам отдельное стойбище и чтобы овцематок не меньше тысячи...»

— А ко дню цаган сара¹ каждому по невесте,— подхватил какой-то шутник.

Легко воспламенить мечту солдата! Она горит ярко-белым цветом, который считается в Монголии цветом радости и счастья. Может быть, поэтому в первый день цаган сара монголы, приветствуя друг друга, протягивают в руках хадак² белого цвета, цвета молока. Солдаты Монголии любят белый цвет, любят свою Родину, свою партию, свой народ. Сегодня они в боевых порядках воинских частей, а завтра будут в трудовых бригадах заводов и госхозов. И народ знает, что если человек был в армии — это отличный работник. Не случайно многие бывшие воины — Герои Труда МНР. Их хорошо знают в армии. Это председатель сельхозобъединения Лодойху, директор госхоза Дарамбазар, рабочий Шарав, тракторист-комбайнер Батдорж и многие другие.

На специальном самолете мы вылетели в город Чойбалсан, по тому же маршруту, что и в сорок пятом, когда возвращались с командующим фронтом из Улан-Батора в Баин-Тумэн. Теперь этот город называется Чойбалсан — центр Восточного аймака, граничащего с Читинской областью СССР. Как изменился он с тех пор, когда я в последний раз был здесь! Много новых современных зданий, асфальтированные и озелененные центральные улицы. Мы проехали через город к памятнику советским летчикам, который был поставлен в годовщину 25-летия халхин-гольских боев, и возложили к его подножию венки. Затем короткий, но душевный прием у руководителей аймака и города; в здании, в котором во время Великой Отечественной войны располагался штаб 17-й армии, а в июле 1945 года — оперативная группа Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского.

¹ Цаган сар (монг.) — белый месяц, первый день которого считается началом лунного года по лунному календарю. День скотоводства.

² Хадак (монг.) — платок.

На встрече с представителями трудящихся, а также советских и монгольских воинов ко мне подошел интеллигентного вида стройный человек преклонного возраста. Приветливо улыбаясь, он представился:

— Бывший командир 14-го кавалерийского полка полковник в запасе Жамбал.

Мы вспоминали боевых друзей, вспоминали, как крепла в боях слава советских и монгольских дивизий.

Всеобщим почетом и любовью окружены в республике ветераны войны. Приятно было видеть, сколь бережно хранят здесь все, что связано с именами национальных героев — Д. Дэмбэрэла, Ч. Шагдарсурэна, Ж. Гонгора, Л. Дандара, Ц. Олзоя, С. Дампила, Д. Данзанванчига и других.

Запомнилось посещение музея искусств. Широко и многогранно развивается в Монголии прикладное искусство, которое в условиях кочевья являлось основным и служило для украшения одежды, посуды, упряжи и так далее. Тут и вышивка, и аппликация по войлоку и ткани, и резьба по дереву и кости, чеканка и гравировка по металлу.

Резкую грань мы увидели между живописью дореволюционного прошлого и современной Монголии. Раньше живопись развивалась главным образом в монастырях. Это накладывало на нее религиозно-культовую направленность. Ныне искусство служит народу. С первых же дней народной революции оно развивается по пути революционного реализма. Широко известен плакат «Непобедимое ленинское учение», созданный еще в 1921 году художником Марзан-Шаравом. Художник Чойдок создал прекрасное полотно «Встреча Сухэ-Батора с Лениным». Сильное впечатление производит картина Н. Чуйтэмэ «Д. Сухэ-Батор». Запомнилась мне и картина художника У. Ядамсурэна «Через Гоби», отражающая один из эпизодов наступления конно-механизированной группы через пустыню Гоби.

Многие художники обращаются к темам борьбы против сил агрессии, темам борьбы за мир. Из этой серии картин особенно сильное впечатление осталось от полотна художника Б. Тумурбатора «Вьетнам победит» и его же картины «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»...

Снова побывали мы в Дархане. Поезд прибыл сюда утром. После встречи с руководителями города и аймака, короткого приема у местных властей и руководителей советского строительного треста мы посетили промышленную базу, электро-

станцию, школу-десятилетку и детские ясли. Видели самые современные кварталы многоэтажных зданий. Нам сказали, что к 1970 году в городе будет построено 540 тысяч квадратных метров жилой площади. Будут воздвигнуты культурные и социально-бытовые учреждения, магазины, кинотеатры, школы... В центре города разрастается красивый парк, разбиты скверы, зеленые аллеи.

В строительстве Дарханского промышленного комплекса принимают участие специалисты Советского Союза, Чехословакии, Польши, Болгарии. Наши специалисты построили самые мощные в МНР теплоэлектроцентрали, проложили высоковольтную линию электропередачи Дархан — Шарын-Гол, Дархан — Улан-Батор.

В суровых условиях морозной зимы и знойного лета был произведен огромный объем работ: вынута и передвинута 900 тысяч кубометров земли, применено 26 тысяч тонн сборного железобетона и более 4400 кубических метров железных конструкций. В феврале 1967 года в древней Селенгийской степи вспыхнул электрический свет. Дарханская ТЭЦ дала ток. Ее мощность 48 тысяч киловатт.

Мы узнали, что советские специалисты построили в Дархане элеватор емкостью 32 тысячи тонн зерна. А недалеко от города, на маленькой речушке Шарын-Гол («Желтая река»), неторопливо текущей среди густого кустарника и высоких трав, они разработали угольный карьер. Десятки бурильных машин, экскаваторы с мощными ковшами на 4—6 кубических метров земли, сотни транспортеров и других механизмов — вся эта техника днем и ночью ведет добычу угля открытым способом.

До 1970 года советские специалисты должны выполнить в Дархане обширную программу работ: завершить строительство кондитерской фабрики, молокозавода, хлебозавода, трикотажной фабрики, торгового центра, больничного комплекса и 80 тысяч квадратных метров жилой площади с культурно-бытовыми объектами.

У меня сложилось впечатление, что Дархан — это огромный учебный комбинат. Здесь все учат и учатся. Учатся грамоте и профессии, учатся новым социалистическим производственным отношениям и дружбе. Потому что, как говорит мудрая монгольская пословица: «Самая мудрая из наук — дружба».

Где мы ни были, всюду ждали нас радостные перемены,

свидетельствующие о неиссякаемых творческих силах наших монгольских друзей.

Все, что мы видели в Монгольской Народной Республике в эти дни,— это триумф необыкновенного эксперимента всемирной истории, поставленного великим Лениным. Эксперимента, открывающего единственно верный путь перехода отставших в своем развитии стран от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Юмжагийн Цеденбал говорил нам, что в наше время, когда в бурлящем потоке национально-освободительных революций формируются судьбы целых народов Африки и Азии и освободившиеся народы ищут пути к национальному возрождению, социальному прогрессу, опыт и пример Монголии служат убедительным ответом на вопрос, как избежать капиталистической стадии развития. Товарищ Цеденбал говорил о том, что «столь бурного социального развития Монгольская республика достигла лишь благодаря тому, что мы последовательно и целеустремленно идем по ленинскому пути, что мы всегда были верны идейному братству народов и партий СССР и МНР».¹

Мы были глубоко благодарны монгольским товарищам за столь теплый прием советской военной делегации.

В Улан-Батор наша делегация выехала сразу после обеда. Вечером 28 февраля состоялся прощальный ужин у министра по делам народных войск МНР генерал-полковника Ж. Лхагвасурэна, который к тому времени уже вернулся из Москвы. Утром 29 февраля советская военная делегация тепло, по-братски, простилась с товарищем Ю. Цеденбалом и другими руководителями Монголии и вылетела на Родину.

Накануне отъезда из Монголии члены делегации пришли к тому месту, где в 1961 году были посажены два дерева дружбы. Они выросли, набрались сил, окрепли. Стройные, с красивой кроной и сильными корнями, они способны выдержать любые испытания. Им стоять века.

¹ Материалы XV съезда МНРП, Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1966, стр. 13, 14.

Содержание

РАЗГРОМ «АРМИИ МСТИТЕЛЕЙ»

Вместо предисловия	5
--------------------	---

Часть I

В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ	7
НА НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	26
ПРОРЫВ	40
ГЕНЕРАЛ ФОН ЭДЕЛЬХАЙМ ТРЕБУЕТ ОТВЕТА	52
ПОВОРОТ НА ЮГ	80
ХОЛЛИДТ: ВСЕ ПОДЧИНИТЬ ПРОРЫВУ ЗА ЮЖНЫЙ БУГ	94

Часть II

ОПЕРАТИВНАЯ ПАУЗА	122
ВПЕРЕД НА ОДЕССУ	132
РАЗДЕЛЬНАЯ	153
ВОДОКАЧКА НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ВЗОРВАНА	177
ОТЧАЯНИЕ ОБРЕЧЕННЫХ	198

В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РУМЫНИИ, ВЕНГРИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ

НАПРАВЛЕНИЕ МЕНЯЕТСЯ	227
ДЕБРЕЦЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	240
СРАЖЕНИЕ ЗА БУДАПЕШТ	264
ОТ ГРОНА К МАЛЫМ КАРПАТАМ	295
НА БРНО И ПРАГУ	316

КОНЕЦ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ

Могучая сила боевого братства	339
ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ СРАЖЕНИЕМ	345
ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ	390
ВДОЛЬ ДРЕВНЕГО ТРАКТА	436
ЗАВЕРШАЮЩИЕ УДАРЫ	466
ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ	535